

DISCOURSE-P Дискурс Ди-Ни

Научно-практический альманах

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

Ди-Ни

Выпуски 9-10

Дискурс
виртуального мира

Институт
философии и права
Уральского отделения
Российской Академии наук

Институт
истории и археологии
Уральского отделения
Российской Академии наук

Российское
Философское
Общество

Дискурс
травелога

Выпуск подготовлен
при поддержке
гранта РГНФ №09-03-83303 а/у

Екатеринбург
2010

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

УЧРЕДИТЕЛИ:

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.М. ГОРЬКОГО

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ,
Г. ЕКАТЕРИНБУРГ

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ДИСКУРС-
ИССЛЕДОВАНИЙ (МАДИ)

Адрес редакции:

г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16
Институт философии и права УрО РАН

Телефон:

+7 9126329699

E-mail: dipi@nm.ru, rusakova_mail@mail.ru
www.madipi.ru

При перепечатке
ссылки на альманах
«Дискурс-Пи»
обязательны.

Редакция

не несет ответственности
за особенности
дискурса авторов

ISSN 1817-9568

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О.Ф. Русакова – д.полит.н., профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.А. Александров – д.ф.н.
Л.М. Андрияшина – д.ф.н., профессор
М.Ю. Бродский – к.филол.н., доцент
Е.Г. Дьякова – д.полит.н.
Ю.Г. Ершов – д.ф.н., профессор
С.Г. Зырянов – д.полит.н., профессор
К.В. Киселев – к.ф.н., доцент
З.И. Комарова – д.филол.н., профессор
Н.А. Комлева – д.полит.н., профессор
Ю.В. Конецкий – засл. раб. культуры РФ
О.В. Коркунова – д.ф.н., профессор
Г.Е. Корнилов – д.и.н., профессор
В.О. Лобовиков – д.ф.н., профессор
С.В. Мошкин – д.полит.н.
Д.В. Нежданов – к.полит.н.
С.А. Нефедов – д.и.н.,
К.С. Романова – к.ф.н., доцент
О.Г. Скворцов – д.филол.н., доцент
А.В. Сперанский – д.и.н., профессор
Д.Л. Стровский – д.полит.н.
Е.М. Сурина
И.Б. Фан – д.полит.н., доцент
Л.Г. Фишман – д.полит.н.
А.Э. Якубовский – к.ф.н.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Т.Е. Алайба – к.и.н., доцент
В.В. Алексеев – д.и.н., академик
Е.Т. Артемов – д.и.н., профессор
В.Г. Богомяков – д.ф.н., профессор
Б.В. Емельянов – д.ф.н., профессор
М.В. Ильин – д.полит.н., профессор
К.Н. Любутин – д.ф.н., профессор
М.А. Малышев – к.ф.н., доцент
О.Ю. Малинова – д.ф.н., профессор
В.Ф. Олешко – д.филол.н., профессор
А.В. Перцев – д.ф.н., профессор
В.И. Разумов – д.ф.н., профессор
В.Н. Руденко – д.ю.н.
В.М. Русаков – д.ф.н., профессор
А.Е. Спасский – к.полит.н.
Е.А. Степанова – д.ф.н., доцент
Л.Н. Тимофеева – д.полит.н., профессор
В.Е. Хвощев – к.и.н., доцент
М.А. Фадеичева – д.полит.н., доцент
А.Н. Чумаков – д.ф.н., профессор
А.Д. Королев – к.ф.н., гл. уч. секретарь РФО

СЕКРЕТАРИАТ:

Е.Г. Грибовод – ответственный секретарь
Н.А. Михалев – к.и.н., ученый секретарь
Р.А. Зайнетдинова – секретарь-координатор

© Составление О.Ф. Русакова, 2010

© Дискурс-Пи. Научно-практический
альманах, выпуски 9-10. 2010.

Альманаху «Дискурс-Пи» - 10 лет! 14

Выпуск 9

Предисловие главного редактора

О.Ф. Русакова

Дискурс виртуального мира 16

Дискурс виртуального мира

Л.М. Андрияшина

Постфеноменология виртуальности 17

М.А. Малышев (Мехико, Мексика)

Сослагательное наклонение как виртуальный дискурс 20

Д.Н. Мельников (Астана, Казахстан)

Судьба времени в виртуальном мире: К проблеме виртуализации исторического времени 26

Б.В. Емельянов, Е.А. Ефимова

История русской философии: виртуальные возможности Интернета 31

О.Ф. Русакова

Виртуальная власть масс-медиа 33

М.Ф. Казанцев

Документ и акт в реальном и виртуальном мире (понятийно-дискурсивный срез) 38

В.М. Русаков

Проблема виртуализации реальности 42

О.Е. Кускова

Сказка как виртуальное выражение русской ментальности 45

А.Б. Скуратов

Локальные интернет-сообщества как новый социальный феномен 48

В.Г. Богомяков (Тюмень)

Дискурс будущего 53

Галерея

Н.И. Димитрова (София, Болгария)

Национальный европеизм Семена Франка 55

И.В. Гладкова

Г.И. Челпанов и Г.Г. Шпет: дискурс взаимоотношений 61

Антропология

С.М. Зубарев

Смертельное чувство 63

В.Б. Носкова

Философия чайной церемонии 68

Б.В. Емельянов

Виртуальные сны-утопии у Радищева – Чернышевского – Достоевского 73

Персона

«Наши личные возможности во многом определяются качеством профессиональной среды». Интервью с О.Ю. Малиновой (И.Б. Фан) 76

Философские беседы

К.Н. Любугин, В.М. Русаков

Беседы при ясном уме и твердой памяти – 100-летие книги В.И. Ленина «Материализм и Эмпириокритицизм» (1909-2009) 82

Парадигмы и процессы

О.Ф. Русакова, А.С. Преображенская

Дискурс компьютерной игры The Sims 85

Игра в бисер

В.О. Лобовиков

От формальной логики эпистемических модальностей к их формальной аксиологии (истина, знание, вера и привычка как ценностные функции от двух переменных в алгебре формальной аксиологии: «законы контрапозиции» бинарных операций «истина», «знание», «вера» и «привычка» в этой алгебре) 90

Тропы метода

Е.В. Ишменев

Проблема соотношения системной и повседневной коммуникации: дискурсивный анализ 96

А.Е. Тетерин (Самара)

Критический дискурс-анализ Н. Фэркло как метод исследования
многоуровневой политической реальности..... 97

Katarína Motyková, Nina Zingerova (Братислава, Словакия)

Где остался Иван? Концептуальная метафора в инструментарии
критического дискурс-анализа 99

Геополитика

Р.С. Мухаметов

Культурная дипломатия России 105

Трибуна

С.В. Мошкин

Четыре «И», или размышления о благих намерениях
президента 108

С.Н. Некрасов

Какое общество строит Россия в XXI веке? Материалы к
размышлению 110

Четвертая власть

Ю.В. Чемякин

«Другая пресса» в системе российских СМИ..... 114

Политические технологии

А.Д. Трахтенберг

«Компьютеры на Россию как ушат воды вылили»:
информационно-коммуникационные технологии глазами
пожилых людей 117

Е.Г. Дьякова

Переход к электронному правительству в России: насколько
готовы к нему граждане?..... 121

Конференц-зал

V Российский философский конгресс (Новосибирск, август,
2009) 126

Четвертая международная научно-практическая конференция

«Дискурсология: методология, теория, практика», посвященная
80-летию Юргена Хабермаса (discursologia: metodología, teoría,
práctica) 2 октября–18 декабря 2009 г. Екатеринбург–Челябинск–
Тюмень–Толука (Мексика)..... 127

Пленарное заседание 127

Е.Н. Коваленко

Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса и реализация
гендерного равноправия в современном обществе: подходы
феминистских теоретиков 127

Е.В. Ишменев

Взаимообусловленность системной и повседневной
коммуникации в творчестве Ю.Хабермаса 129

Конференция «Культура гламура: ценности, дискурс, практики»
(Екатеринбург, Гуманитарный университет, 11 декабря
2009 г.)..... 131

Г.А. Брандт

Гламур как дискурс: очевидные наблюдения 131

О.В. Коркунова

Миф в составе культуры гламура 133

Н.М. Субботина

Гламур: «очаровательная ностальгия» или «утраченные
иллюзии»? 136

Е.И. Субботина

Гламур в современном дизайне 138

Т.С. Габова

Гламурные питомцы как часть имиджа гламурного человека.. 139

Е.А. Широкова

Идеология гламура: зона воздействия – Интернет 140

А.В. Дроздова, В.П. Беляев

Идеология современного гламура 141

С.А. Рамзина

Гламур как идеология клиенториентированного сервиса..... 143

Л.В. Пятилетова, Е.Г. Сахновская

Обыкновенный гламур 144

Е.В. Белоусова Гламур как «заколдовывание» жизни..... 146	Л.Г. Скоробогатова, Е.А. Куликова Некоторые проблемы молодежного туризма..... 164
Д.А. Устименко Антигламур: от молодежного эпатажа до высокой моды 147	К.В. Верхорубова Мотивационные особенности молодежного туризма..... 165
Е.В. Андреева Тенденции, сопровождающие развитие общества потребления в XXI в..... 149	Н. Киселева, С. Шилова Молодежный туризм: особенности перемещения и размещения 167
Д.В. Смолкина Дихотомия «гламур/антигламур» в медиа-практике..... 152	Ю.С. Пьянкова К проблеме адаптации молодого специалиста на предприятиях гостеприимства..... 168
К.С. Романова Дискурс антигламура..... 154	В.А. Гусева С рабочего стола выпускника: формирование PR-дискурса в системе продвижения гостиничного продукта..... 170
М.Ю. Биктуганова Значение субкультур в моде 156	Л.Г. Скоробогатова, Т.А. Зглобичская, К.С. Игнатьев Агротуризм: результаты апробации инновационного проекта. 172
Сессия «Дискурс туризма и сервиса» (Екатеринбург, декабрь 2009 г. Уральский государственный университет путей сообщения, Институт международных связей)..... 157	Я.О. Токарева Молодежный отдых в сочетании с трудом как альтернатива традиционным пакетным турам 173
Е.Г. Сахновская Дискурс альтернативы и дискурсивные практики массового туризма: возможен ли консенсус? 157	Е.С. Назаров Формирование профессиональной компетентности будущего менеджера туризма 174
В. Дергачев, Р.А. Зайнетдинова Рекреологический дискурс-анализ туристических ресурсов региона 159	Л.Ф. Беликова, Е.В. Калинина Состояние рекламно-информационного обеспечения выездного туризма в городе Екатеринбурге..... 176
А. Котова, Т.М. Харлампович Дискурс-анализ ресурсного подхода к туризму и гостеприимству в региональном измерении..... 160	Л.С. Киселева Влияние игорного бизнеса на региональное сообщество Алтая 177
В. Новисова, Е.С. Куликова Региональный ресурсный потенциал туризма и гостеприимства г. Екатеринбурга и Свердловской области 161	Конференция «Дискурс травелога: Россия и Вьетнам в межкультурной коммуникации» (Екатеринбург, декабрь 2009 г.) 179
И.Е. Семененко, А.А. Тебнева Положительный образ молодежного туризма..... 162	

Ле Куи Куинь

Приветствие Генерального консула СРВ в г. Екатеринбурге 179

В.Л. Берсенов

Голливудский авианосец в джунглях Вьетнама 181

С.Н. Некрасов

Россия и Вьетнам – стратегический союз во имя
неоиндустриального будущего планеты 183

К.С. Романова

Философские предпосылки дискурса травелога 187

Клуб дядюшки Лю

С.Н. Некрасов

Здравствуй, дедушка Мороз! 189

Эссе

В.М. Русаков

Ночь как культурно-исторический феномен 191

Б.В. Емельянов

И невозможное возможно (О творчестве А.И. Коненко) 194

Поэтик

Ю. Конецкий

Туассон 199

К. Савельев

Грустная песня. Последние (письма Апостола Павла) 197

А. Гагарин

Стихи 198

Выпуск 10

Предисловие главного редактора

О.Ф. Русакова

Дискурс травелога 204

Дискурс травелога

К.С. Романова

Невербальные формы освоения чужой культуры в травелоге.. 206

В.М. Русаков

Архетипические категории (концепты) в дискурсе травелога . 209

Н.А. Быкова, Е.А. Куликова

Путешествие как бегство от себя 211

Галерея

Р.А. Зайнетдинова

Предпосылки формирования структурно-семиотической
концепции Ю. Лотмана 213

Осука Фумикадзу (Япония)

Философия языка и этики в «философии имени» А.Ф. Лосева 218

Антропология

А.С. Гагарин

Феноменологическая топика Средневековья 221

Муслим Рупатов (Астана, Казахстан)

Закат гуманизма 226

С.М. Зубарев

Долговые объятия 233

Исторический дискурс

С.А. Нефедов

Начало российской модернизации: конфликт идеологий 239

А.Н. Трифонов

Социальная политика в Великой войне 242

Юбилеи

75 лет Заслуженному деятелю науки РФ, профессору

К.Н. Любутина (25.02.2010) 245

75 лет Заслуженному деятелю науки РФ, профессору

Б.В. Емельянову (08.06.2010) 245

75 лет профессору В.Т. Звиревичу (15.08.2010) 246

М.А. Малышев (Мехико, Мексика)

Время, ирония, судьба 246

Философские беседы

«Антропология в жизни». Беседы с К.Н. Любутиным (И.Б. Фан).....	251

Парадигмы и процессы

Д.Н. Мельников (Астана, Казахстан) Трансформация сакрального в медиакультуре постмодерна: некоторые аспекты.....	254

М.А. Фадеева Нация как иллюзия	257

Л.М. Андрияшина Виртуалистика креативности в менеджмент- и бизнес- дискурсе	261

Игра в бисер

В.О. Лобовиков О неэффективности рыночного самоуправления в экономике: доказательство (в двузначной алгебре формальной аксиологии) теоремы о формально-аксиологической эквивалентности государственного управления экономикой и ее рыночного самоуправления.....	265

Тропы метода

О.Ф. Русакова Дискурс и типология политической философии	267

А.Г. Шабуров Справедливость/несправедливость как ключевой концепт политико-философского дискурса.....	274

Ф.П. Фурман (Лангепас) Концепт – дискурс – дискурсивно-идеологический комплекс: инструментарий исследования народничества	277

В.С. Никонов Направления дискурс-исследований в Германии.....	283

А.Е. Спасский Методология дискурсологии (Тезисы).....	286

Четвертая власть

Greg Simons (Упсала, Швеция) Информационная война как связь с общественностью и развлечение.....	289

К.О. Квятковский (Челябинск)

Политическая блогосфера: основные направления зарубежных научных исследований.....	292

Ю.В. Чемякин

«Другие» СМИ	295

Политические технологии

Е.Г. Дьякова

Переход к электронному правительству в России: технологии, правовое обеспечение и человеческий фактор	298

Е.И. Поддубнова (Челябинск)

Почему Россия до сих пор не электронная?	302

И.А. Шкурихин (Томск)

Коммуникативные стратегии оппозиционных партий в Государственной Думе Томской области.....	305

Р.С. Мухаметов

Место и роль «партии власти» в политическом дискурсе	308

Конференц-зал

О.Ф. Русакова

V Международная научно-практическая конференция «Дискурсология: методология, теория, практика», 2010 г.	310

Конференция «Дискурс травелога: Индийская нота в межкультурной коммуникации» (январь-февраль 2010. Индия, Гоа)	310

Б.В. Емельянов

Индия для Елены Блаватской: зов судьбы	310

М.А. Фадеева.

Колониальный вопрос в Индии	312

С.Г. Зырянов (Челябинск)

Становление демократии в Индии – уроки для России	317

К.С. Романова

Дискурс парадоксов индийской культуры	325

В.М. Зырянова (Челябинск)

Особенности современного индийского кино (заметки дилетанта).....	329

И.В. Гладкова

Социокультурные основания музыкальной эстетики древней Индии 331

Ю.К. Саранчин

Проблема гендера в межкультурной коммуникации: Гендерный дискурс в индийском измерении 334

Ю.А. Толкачёв

Пилигрим – путник – странник – паломник: плеяда архетипических символов, формирующих жизненные установки современников 338

Новости МАДИ

Информация о работе МАДИ 343

Энциклопедия «Дискурсология»

Статьи, поступившие в редакцию энциклопедии «Дискурсология» в 2010 году 344

Статьи 344

М.В. Гаврилова (Санкт-Петербург)

Инаугурация 344

Б.В. Емельянов

Гороскоп. Инь и Ян. Оберег 345

Е.А. Кожемякин (Белгород)

Политический дискурс 346

Е.А. Кожемякин, Е.А. Кротков (Белгород)

Философский дискурс 347

Е.А. Кротков (Белгород)

Идентифицирование 349

Е.А. Кожемякин, Е.В. Переверзев (Белгород)

Современный дискурс-анализ (электронный научный журнал) 350

Л.В. Селезнева (Москва)

Дискурс-анализ 351

С. Засыпкин

Инвектива 352

С.А. Кузнецов

Дискурс парадипломатии 353

И.Л. Гапонцев

Миросистемный политический дискурс: версия Иммануила Валлерстайна 355

Г.В. Лебедева

Память 358

Е.В. Белоглазова (Санкт-Петербург)

Интердискурсивность 359

Клуб дядюшки Лю

К.Н. Любутин

Шутить — дело нешутное! 360

В.М. Русаков

Тоталитарные философские сказки 361

М.Ф. Казанцев

Признание. Роман в стихах 362

Эссе

М.А. Малышев

Афоризм – «приключение» дискурса мысли 363

К.В. Киселев

Первое плавание «Аферы-14», или История небольшого похода по Каме 365

Поэтик

Ю. Конецкий

Х. 1. Баллада-подражание мэтру Франсуа Вийону о том, кого следует искать в Париже 378

Л. Ладейщикова

Сироты России. Проводы. Сезон. Затаив дыхание 379

К. Савельев

Мои года 380

Новые книги

Новые книги по философии, политологии, социологии и праву (Е.М. Сурина) 381

The tenth anniversary of “Discourse P” almanac! 14

Almanac №9

Editor's Preface

Rusakova O.F.

Discourse of virtual world 16

Discourse of Virtual World

Andryukhina L.M.

Postphenomenology of virtuality 17

Malyshev M.A. (Mexico City, Mexico)

Subjunctive mood as a virtual discourse 20

Melnikov D.N. (Astana, Kazakhstan)

Fate of time in a virtual world: on the problem of historical time virtualization 26

Yemelyanov B.V., Yefimova E.A.

A history of Russian philosophy: the virtual potential of the Internet 31

Rusakova O.F.

The virtual power of mass media 33

Kazantsev M.F.

Document and act in a real and in a virtual world (conceptual discursive analysis) 38

Rusakov V.M.

The problem of reality virtualization 42

Kuskova O.E.

Tale as a virtual expression of Russian mentality 45

Skuratov A.B.

Local Internet-communities as a new social phenomenon 48

Bogomyakov V.G. (Tyumen)

Discourse of the future 53

Gallery

Dimitrova N.I. (Sofia, Bulgaria)

National europeism of Semyon Frank 55

Gladkova I.V.

G.I. Chelpanov and G.G. Shpet: discourse of relationship 61

Anthropology

Zubarev S.M.

Fatal feeling 63

Noskova V.B.

Philosophy of the tea ceremony 68

Yemelyanov B.V.

Virtual utopia dreams in the writings of Radishchev – Chernyshevsky – Dostoyevsky 73

Person

“Our individual opportunities depend to a large extent on the quality of professional environment”. Interview with the president of RPSA Malinova O.Y. (Fan I.B.) 76

Philosophical Discussions

Lyubutin K.N., Rusakov V.M.

A conversation in sound mind and memory – the centenary of V.I. Lenin's book «Materialism and Empirio-criticism» (1909–2009) 82

Paradigms and Processes

Rusakova O.F., Preobrazhenskaya A.S.

Discourse of The Sims computer game 85

«Beads Game»

Lobovikov V.O.

From the formal logic of epistemological modalities to their formal axiology (truth, knowledge, faith and habit as value functions of two variables in formal axiology algebra: “laws of contraposition” of binary operations “truth”, “knowledge”, “faith” and “habit” in this algebra) 90

Tropes of Method

Ishmenev E.V.

The problem of correlation between systemic and daily communication: discursive analysis 96

Teterin A.E. (Samara)

N. Fairclough's critical discourse-analysis as a research method of multilevel political reality 97

Katarína Motyková, Nina Zingerova (Bratislava, Slovakia)

Where has Ivan stayed? Conceptual metaphor among the tools of critical discourse-analysis 99

Geopolitics

Muhametov R.S.

Cultural diplomacy of Russia 105

Tribune

Moshkin S.V.

Four "I" or reflections on the good intentions of the president..... 108

Nekrasov S.N.

What kind of society does Russia build in the XXI century?

Materials for reflection..... 110

The Fourth Power

Chemyakin Y.V.

"Other press" within the system of Russian mass media..... 114

Political Technologies

Trakhtenberg A.D.

"It seems as if computers have poured cold water over Russia":

information communication technologies in the eyes of elderly

people 117

Dyakova E.G.

Transition to electronic government in Russia: to what extent are the

citizens ready for it? 121

Conference Chamber

V Russian philosophical congress (Novosibirsk, August, 2009). Ural
philosophers at the congress 126

The fourth International Conference "Discourseology: methodology,
theory, practice" dedicated to the eightieth anniversary of Jürgen
Habermas (discursologia: metodología, teoría, práctica) October 2 –
December 18, 2009, Yekaterinburg – Chelyabinsk – Tyumen –
Toluca (Mexico)..... 127

Plenary meeting 127

Kovalenko E.N.

Jürgen Habermas's theory of communicative action and realization

of gender equality in modern society: approaches of feminist

theorists 127

Ishmenjov E.V.

The interdependence of systemic and daily communication in Jürgen

Habermas's works 129

The conference "Culture of glamour: values, discourse, practices"

(Yekaterinburg, December 11, 2009)..... 131

Brandt G.A.

Glamour as discourse: evident findings 131

Korkunova O.V.

Myth as a part of glamour culture..... 133

Subbotina N.M.

Glamour: "charming nostalgia" or "lost illusions"? 136

Subbotina E.I.

Glamour in contemporary design..... 138

Gabova T.S.

Glamorous pets as a part of glamorous person image 139

Shirokova E.A.

Ideology of glamour: the Internet as an area of influence 140

Drozdova A.V., Belyaev V.P.

Ideology of contemporary glamour 141

Ramzina S.A.

Glamour as an ideology of client-oriented service 143

Pyatiletova L.V., Sakhnovskaya E.G.

Ordinary glamour 144

Belousova E.V.

Glamour as "bewitching" of life..... 146

Ustimenko D.A.

Antiglamour: from young people's shocking behaviour to high

fashion..... 147

Andreeva E.V.

Tendencies in the development of consumer society in the XXIth

century..... 149

Smolkina D.V.

Glamour / antiglamour dichotomy in media-practice 152

Romanova K.S.

Discourse of antiglamour 154

Biktyuganova M.Y.

Role of subcultures in fashion..... 156

Session "Discourse of tourism and service" (Yekaterinburg,

December 2009, the Ural State University of Railway Transport, the

Institute of International Relations) 157

Sakhnovskaya E.G.

Discourse of alternative and discursive practices of mass tourism: is

consensus possible? 157

Dergachyov V., Zaynetdinova R.A.

Recreological discourse-analysis of tourist resources of the

region 159

Kotova A., Kharlampovich T.M.

Discourse-analysis of resource approach to tourism and hospitality in

regional perspective 160

Novisova V., Kulikova E.S.

Regional resource potential of tourism and hospitality of

Yekaterinburg and Sverdlovsk region..... 161

Semenenko I.E., Tebneva A.A.

Positive image of youth tourism 162

Skorobogatova L.G., Kulikova E.A. Some problems of youth tourism.....	164	Le Kui Kuin Greeting from the Consulate General of the Socialist Republic of Vietnam in Yekaterinburg	179
Verkhorubova K.V. Motivational peculiarities of youth tourism.....	165	Bersenyov V.L. Hollywood flat top in the Vietnam jungle.....	181
Kiselyova N., Shilova S. Youth tourism: peculiarities of movement and accommodation.....	167	Nekrasov S.N. Russia and Vietnam – strategic alliance in the name of planet’s neo-industrial future	183
Pyankova Y.S. On the problem of young specialists’ adaptation at the hospitality enterprises	168	Romanova K.S. Philosophical prerequisites of the discourse of travelog.....	187
Guseva V.A. From the desktop of a graduating student: PR-discourse formation within the system of the hotel product promotion	170	Uncle Lu’s Club	
Skorobogatova L.G., Zglobitskaya T.A., Ignatyev K.S. Agrotourism: the results of innovative project approbation	172	Nekrasov S.N. Good morning, Father Frost!	189
Tokareva Y.O. Youth rest in combination with work as an alternative to the traditional package tours	173	Essay	
Nazarov E.S. Development of the future tourist manager professional competency	174	Rusakov V.M. Night as a culture-historical phenomenon	191
Belikova L.F., Kalinina E.V. The condition of advertising informational support of outbound tourism in Yekaterinburg.....	176	Yemelyanov B.V. And the impossible is possible (On the creative work of A.I. Konenko)	194
Kiselyova L.S. The impact of gambling business on the Altai regional community	177	Poetic	
 The conference “Discourse of Travelog: Russia and Vietnam in the Cross-Cultural Communication” (Yekaterinburg, December 2009).....	179	Konetsky Y. Tuasson	199
		Savelyev K. Plaintive song. The last (Letters of Paul the Apostle).....	197
		Gagarin A. Poems.....	198

Almanac №10

Editor’s Preface

Rusakova O.F. Discourse of Travelog	204

Discourse of Travelog

Romanova K.S. Nonverbal forms of the foreign culture absorption in travelog	206
Rusakov V.M. Archetypic categories (concepts) in discourse of travelog	209
Bykova N.A., Kulikova E.A. Travel as escape from yourself	211

Gallery

Zaynetdinova R.A. The prerequisites of formation of Yuri Lotman’s structural-semiotical conception	213
Osuka Fumikadzu (Japan) Philosophy of language and ethics in Alexei Losev’s “philosophy of the name”	218
Anthropology	
Gagarin A.S. Phenomenological topics of the Middle Ages	221

Rupatov M. (Astana, Kazakhstan)

Decline of humanism 226

Zubarev S.M.

Debtor embrace 233

Historical Discourse

Nefyodov S.A.

The beginning of Russian modernization: the conflict of ideologies 239

Trifonov A.N.

Social Policy during the Great Patriotic war 242

Jubilee

Honoured Science Worker of Russian Federation, Professor
Lyubutin K.N. – 75 years old (25.02.2010) 245

Honoured Science Worker of Russian Federation, Professor
Yemelyanov B.V. – 75 years old (08.06.2010) 245

Professor Zvirevich V.T. – 75 years old (15.08.2010) 246

Malyshev M.A. (Mexico City, Mexico)

Time, irony, fate 246

Philosophical Discussions

“Anthropology in life”. A conversation with Lyubutin K.N.
(Fan I.B.) 251

Paradigms and Processes

Melnikov D.N. (Astana, Kazakhstan)

Transformation of the sacred in media culture of postmodern: some aspects 254

Fadeicheva M.A.

Nation as illusion 257

Andryuhina L.M.

Virtualistics and creativity in management- and business
discourse 261

«Beads Game»

Lobovikov V.O.

On inefficiency of market autonomy in economy: a proof (in
ambiguous algebra of formal axiology) of theorem of formal
axiological equivalence of public management in economy and its
market autonomy 265

Tropes of Method

Rusakova O.F.

Discourse and typology of political philosophy 267

Shaburov A.G.

Justice and injustice as the key concept of political philosophical
discourse 274

Furman F.P. (Langeepas)

Concept – discourse – discursive ideological complex: tools of
analysis of narodnichestvo 277

Nikonov V.S.

Tendencies in discourse-analysis in Germany 283

Spassky A.E.

Methodology of discourseology (theses) 286

The Fourth Power

Greg Simons (Uppsala, Sweden)

War News as PR and Entertainment 289

Kvyatkovsky K.O. (Chelyabinsk)

Political blogosphere: the main directions in foreign scientific
researches 292

Chemyakin Y.V.

The “other” mass media 295

Political Technologies

Dyakova E.G.

Transition towards electronic government in Russia: technologies,
legal support and human factor 298

Poddubnova E.I. (Chelyabinsk)

Why is Russia still not electronic? 302

Shkurihin I.A. (Tomsk)

Communicative strategies of opposition parties in the State Duma of
Tomsk Oblast 305

Muhametov R.S.

Party of power's place and role in political discourse 308

Conference Chamber

Rusakova O.F.

The Vth International Conference “Discourseology: methodology,
theory, practice”, 2010 310

Conference “Discourse of tavelog: an Indian note in cross-cultural
communication (January-February 2010, India, Goa) 310

Yemelyanov B.V.

India for Helena Blavatskaya: the call of fate 310

Fadeicheva M.A.

Colonial question in India 312

Zyryanov S.G. (Chelyabinsk) The formation of democracy in India – lessons for Russia 317	Zasyupkin S. Invective.....352
Romanova K.S. Discourse of Indian culture paradoxes.....325	Kuznetsov S.A. Discourse of paradiplomacy 353
Zyryanova V.M. (Chelyabinsk) Peculiarities of modern Indian cinema (dilettante's notes).....329	Gapontsev I.L. World system political discourse. Immanuel Wallerstein version ...355
Gladkova I.V. Sociocultural basis of the music aesthetics in ancient India 331	Lebedeva G.V. Memory.....358
Saranchin Y.K. The problem of gender in cross-cultural communication: gender discourse in Indian perspective.....334	Beloglazova E.V. (St.-Petersburg) Interdiscursivity 359
Tolkachyov Y.A. Pilgrim – wayfarer – wanderer – palmer: a constellation of archetypal symbols that form life principles of contemporaries 338	Uncle Lu's Club
News of IADR Information on the work of IADR 343	Lyubutin K.N. To joke is not a joke! 360
Encyclopedia "Discoursology" The articles received by the Encyclopedia "Discoursology" editorial board in 2010 344	Rusakov V.M. Totalitarian philosophical tales 361
Articles.....344	Kazantsev M.F. Confession. Novel in verse 362
Gavrilova M.V. (St.-Petersburg) Inauguration 344	Essay
Yemelyanov B.V. Horoscope. Yin and Yang. Averter 345	Malyshev M.A. Aphorism – “adventure” of the discourse of thought 363
Kozhemyakin E.A. (Belgorod) Political discourse 346	Kiselev K.V. “Afera-14” maiden trip or the story of a short journey across the Kama 365
Kozhemyakin E.A., Krotkov E.A. (Belgorod) Philosophical discourse.....347	Poetic
Krotkov E.A. (Belgorod) Identification 349	Konetsky. Y. X. 1. Ballad-imitation of maestro Francois Villon about one who should be searched in Paris 378
Kozhemyakin E.A., Pereverzev E.V. (Belgorod) Contemporary Discourse Analysis (electronic scientific journal) ..350	Ladeyshikova L. Orphans of Russia. Farewell ceremony. Season. With bated breath.....379
Selezneva L.V. (Moscow) Discourse-analysis 351	Savelyev K. My way 380
	New Books
	New Books on Philosophy, Politics, Sociology and Law (E.M. Surina) 381

АЛЬМАНАХУ «ДИСКУРС-ПИ» - 10 ЛЕТ!

**Русакова
Ольга Фредовна**

доктор политических наук, профессор, заведующая
отделом философии Института философии и права
УрО РАН, президент МАДИ

Уважаемые коллеги!

Редколлегия альманаха «Дискурс-Пи» сердечно поздравляет всех его авторов, помощников и читателей с 10-летним юбилеем совместного творчества, открывшего горизонты новым интеллектуальным коммуникациям.

Оглядываясь на проделанный альманахом путь, поражаешься настойчивости, смелости и бескорыстному энтузиазму всех, кто продвигал в жизнь идеи и проблемы дискурсологии – необычной и весьма перспективной (как выяснилось в ходе работы) отрасли гуманитарного знания.

Если на первых порах еще было много скептиков относительно смысла и пользы дискурс-исследований, то сегодня мало кто сомневается в том, что теория дискурса и методология дискурс-анализа способны предложить любознательному уму новые и неожиданные ракурсы осмысления действительности.

Благодаря развитию дискурсологии, которое происходит вокруг альманаха «Дискурс-Пи», возникают творческие коллективы, непрерывно генерирующие новаторские проекты и интеллектуальные практики. К их числу, к примеру, относятся

ежегодные научно-практические конференции под общим названием «Дискурсология: методология, теория, практика», выездные научные конференции, обозначаемые несколько загадочным понятием «дискурс травелога», издание серий книг, авторы которых являются одновременно авторами альманаха «Дискурс-Пи».

Самым крупным проектом, работа над которым началась в 2009 году, выступает фундаментальный проект международной энциклопедии «Дискурсология». Предполагается, что данный проект создаст глобальную сеть научных коммуникаций в области разнообразных направлений и тематических блоков дискурс-исследований.

10 лет – это тот самый рубеж, достигая который хочется не только подводить итоги, но и задуматься о том, что будет впереди? В каком направлении развиваться дальше?

Представляется, что альманаху «Дискурс-Пи» становится тесновато в своем обычном формате ежегодника. Время и жизнь требует большей оперативности и строгости в организации научно-издательской работы. Стратегически для альманаха и его авторов будет правильным переход с 2011 года на новую периодичность – 4 выпуска в год. Переход к новому формату – один из необходимых шагов, который не только позволит альманаху претендовать на включение в список изданий, рекомендованных ВАК, но и может существенно упрочить его положение в мире индексов и рейтингов.

Вместе с тем, мы постараемся сделать все, чтобы альманах «Дискурс-Пи» не утратил свое неповторимое лицо, чтобы он был столь же тематически оригинален и многообразен, каким был на протяжении всех 10 лет.

«Плыви, Ди-Пи!»! - С этих слов мы открывали 10 лет назад проект нашего издания. Этими же словами, давайте встретим новую эру в истории альманаха.

С праздником, Вас, друзья!

Главный редактор,
Ольга Русакова

DISCOURSE-P
Дискурс *Ди-Ни*
Научно-практический альманах

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

Ди-Ни
Выпуск 9

**Дискурс
виртуального мира**

DISCOURSE-P
ДИСКУРС *Ди-Ни*

О.Ф. Русакова**ДИСКУРС ВИРТУАЛЬНОГО МИРА**

**Русакова
Ольга Фредовна**

доктор политических наук, профессор,
заведующая отделом
философии Института
философии и права
УрО РАН, президент
МАДИ

Дорогие читатели!

Девятый выпуск альманаха «Дискурс-Пи» посвящен исследованиям дискурса виртуальной реальности, той нереальной реальности, в которой мы постоянно пребываем и которую не всегда отличаем от объективного мира людей, вещей, социальных практик и отношений.

Виртуальная реальность весьма многолика и разнообразна, и потому ее дискурс неоднороден, множественен и поливариантен. Точнее было бы говорить не о дискурсе виртуального мира, а о многочисленных дискурсах виртуальных миров.

В настоящем выпуске альманаха читатель может познакомиться с различными дискурсами, которые характерны для определенных форм виртуального бытия.

К основным дискурсивным формам виртуального бытия, на наш взгляд, можно отнести:

- * дискурс сновидений,
- * дискурс медитации и транса,
- * дискурс культурно-символических миров (мифы, сказки, художественные образы, утопии),
- * иллюзионистский дискурс (галлюцинаций, миражи, мечты, грезы),
- * дискурс несостоявшегося, прошедшего или возможного времени (темпоральный виртуальный дискурс),
- * дискурс симулякров (электронные деньги, рекламные образы, маркетинговые имиджи и бренды),

* дискурс компьютерного моделирования и компьютерных игр,

* дискурс экранных СМИ (кино, телевидение) и Интернет.

Большинство из перечисленных дискурсивных форм виртуальности получили то или иное освещение в нашем альманахе. В статьях М.А. Малышева, Д.Н. Мельникова и В.Г. Богомякова акцентируется внимание на дискурсивных особенностях темпоральной виртуальности, представленных дискурсами сослагательного наклонения, дискурсами прошлого и будущего.

Предметом дискурсивного анализа Л.Н. Андрюхиной и В.М. Русакова выступают общие методологические и философские вопросы трансформаций реального в виртуальное и наоборот. В статье М.Ф. Казанцева поднимается проблема виртуального бытия правовых документов и актов.

Многие авторы обратились к исследованию дискурса Интернет и электронных СМИ как виртуального пространства. В статьях Б.В. Емельянова, Е.А. Елфимовой, А.Б. Скуратова, О.Ф. Русаковой, А.С. Преображенской, Ю.В. Чемякина, Г. Саймонса (Швеция), А.Д. Трахтенберг, Е.Г. Дьяковой, Е.В. Ишменева раскрываются актуальные проблемы Интернет-коммуникаций, медиакультуры, взаимодействия общества и государства посредством электронных технологий и СМИ.

Как всегда, альманах фиксирует памятные даты и яркие интеллектуальные события года. В 2009-м году исполнилось 100 лет с момента выхода в свет известной книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Обсуждению данной работы посвящена беседа профессора В.М. Русакова с профессором К.Н. Любутиным.

В рубрике «Конференц-зал» дается информация об участии уральских философов в работе V Российского философского конгресса, состоявшегося в августе 2009 г. в Новосибирске. В этой же рубрике представлено несколько серий докладов, которые были подготовлены для IV

Международной конференции «Дискурсология: методология, теория, практика», посвященной 80-летию Юргена Хабермаса, заседания которой проходили во Вьетнаме и в России.

В традиционных для альманаха рубриках «Галерея», «Антропология», «Парадигмы и процессы», «Игра в бисер», «Тропы метода» представлены оригинальные взгляды авторов на историю философской мысли, логическое моделирование формальной аксиологии, проводится дискурс-анализ текстов и концептов.

Особый интерес для читателей может вызвать статья наших коллег из Словакии доктора философии Катарины Мотыковой и магистра Нины Цингеровой, посвященная анализу концептуальной метафоры «Иван» в дискурсе СМИ.

Мы надеемся, что материалы настоящего выпуска альманаха станут стимулом для дальнейших дискурс-исследований новых реалий обновляющегося мира.

Желаю всем успешных и плодотворных погружений в разнообразные виртуальные миры.

Л.М. Андрюхина

ПОСТФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВИРТУАЛЬНОСТИ

Андрюхина
Людмила
Михайловна

доктор философских наук, профессор Уральского Гуманитарного Института, ученый секретарь УрО РАО, академик МАДИ

Последние во многом меняют сознание человека, которое становится обрывочным, клиповым, т.к. погружается в среду с большой сменой перспектив и смыслов. В конституировании последних ведущую роль начинает играть техника.

Во многом характеристики клиповости были характерны и при доминировании телевидения как средства массовой коммуникации. Однако телевидение делало человека пассивным получателем информации, а в Интернете, сетевых играх человек приобретает возможность менять среду.

Слово «виртуальный» уже стало обыденным. Поначалу (если исключить из внимания средневековую традицию и начать рассмотрение с XX века) оно обозначало трехмерную симуляцию, в которую погружается человек посредством компьютерных технологий, что очень наглядно демонстрировали художественные фильмы. Однако виртуальной средой стали называть и сеть Интернет, в которой население развитых стран проводит все больше времени, а часто даже большую часть суток.

«Жизнь» на плоскости монитора компьютера накладывает свой отпечаток и на философские исследования. Электронные средства коммуникации изменяют взаимоотношения между людьми. Современное общество принято называть постиндустриальным или же информационным. Такой подход маркирует смену доминирующего способа производства (технологий) и коммуникации.

Для описания новой информационной реальности можно прибегнуть к феноменологическому описанию. Его суть в том, чтобы рассматривать предмет как интенциональный коррелят Я вне онтологической проблематики. Тогда нужно использовать понятие симулякра. Последний не имеет соотносительности с реальностью (денотатом), в отличие от знака. [См., напр.: 1]. Однако если исследователя интересует взаимосвязь и генезис виртуальности и повседневности, то необходим постфеноменологический подход.

Постфеноменология

Феноменология в своем развитии прошла ряд трансформаций. Классический период (Э.Гуссерль и М.Хайдеггер) сменился нефеноменологией (Ж.-П.Сартр и М.Мерло-Понти), источник смыслообразования сместился с Я в сторону взаимодействия

с Миром. Сартра и Мерло-Понти не устраивало решение проблемы Другого классиками движения. Французские феноменологии решали проблему Другого на основе фактичности бытия-в-мире. Конечно, Ж.-П.Сартр и М.Мерло-Понти во многом полемизируют друг с другом. Но в главном они сходятся.

Если первый разделяет бытие на два региона – бытие-в-себе и бытие-для-себя, то второй пишет о теле как присутствию в мире, посредством которого мир и познается. «Собственное тело, - пишет М.Мерло-Понти, - занимает в мире то же место, что и сердце в организме: оно постоянно поддерживает жизнь в видимом нами спектакле, оно его одушевляет и питает изнутри, составляет вместе с миром единую систему» [2; 261]. Сартр же разделяет бытие на два региона: бытие-для-себя (сознание) и бытию-в-себе, которое без сознания «пустое», в котором нет никаких различий. Если сознание – это бытие-для-себя, вносящее ничто и различие в мир, в бытие-в-себе, то опыт бытия-для-другого – это столкновение с активностью по ничтожению и различению, источником которого Я как бытие-в-себе не являюсь. «Другой присутствует для меня повсюду как то, посредством кого я становлюсь объектом» [3; 302]. А Мерло-Понти пишет: «Мой взгляд падает на живое действующее тело, и тотчас объекты, которые его окружают, дополняются новым пластом значений: они не являются больше тем, что я мог бы сам сделать из них, они являются тем, что поведение другого сделает из них» [2; 448].

Переход к постфеноменологии связан с фундаментальными сдвигами в философии, с реакцией на постмодернизм. Джеймс Менш критикует постмодернизм за не последовательность. С одной стороны, представители этого направления выступают противниками фундаментализма, т.е. выведение знания из какого-либо основания. Однако, с другой стороны, используют в качестве основания отсутствие. Это хорошо заметно на примере философии Деррида, когда он из исследования языка исключает сознание как зеркало или эталон, с которым язык должен соотноситься. «Постмодернистская попытка использования отсутствия как основания выглядит как кульминация модерна» [6; 9].

Однако телесность выступает как присутствие. Но телесность – это не основание. В фундаментализме основание выпадает из рассмотрения. Оно само выступает как непосредственное, в чем дана сущность вещей. «Исторически говоря «фундаментализм» отсылает к модернистской попытке добраться до корней вещей, до их оснований или истоков» [6; 4].

Менш считает, что нужно отказаться от отношения основания и основанного (ground-grounded relation) [6; 6]. Чтобы избежать такого отношения, самость должна рассматриваться, как «место», где окружающая действительность может стать присутствием (себя явить) [6; 11]. Без самости среда не может себя явить. Цвет, например, может существовать только в глазу. Чувственные данные и их получатель определяют друг друга. Поэтому можно говорить не об основании, не о самостоятельном бытии феноменов, а о модусе их данности [7], о структурах, образуемых инстинктами [6; 35-52].

Дон Айди исходит из децентрации чувственного восприятия. На примере объемных геометрических фигур он показывает, что под разными углами они воспринимаются по-разному, что нельзя дать одну интерпретацию их формы [5]. Восприятие многомерно. Такой подход он называет феноменологической деконструкцией. Кроме того, Айди вводит понятие технологической интенциональности, чтобы показать, как технологии участвуют в конститутивном процессе, во взаимодействии с миром.

В технологической интенциональности он выделяет три элемента. Во-первых, это воплощенное (embodiment) отношение или инструментальная интенциональность, которая редуцирует использование инструмента до нейтрального посредника в выполнении какой-либо работы [4].

Другим элементом технологической интенциональности является герменевтическое отношение. Это отношение направляет свой взор на связь человека с инструментом. С одной стороны, например, автомобиль позволяет передвигаться быстрее, но, с другой, он негативно влияет на экологию

[4]. Поэтому если оценивать роль технологии в обществе, то нельзя сказать, что она положительна или негативна. Можно лишь сказать, что она нейтральна. Третьим типом отношений является отношение с «другим» (alterity), т.е. отношение к технологии как к тому, чем ты не являешься.

Виртуальность

Однако если быть до конца последовательным, то нужно исследовать, как сознание становится многомерным, какие структуры участвуют в формировании феноменов. Технологическая интенциональность является частным случаем опосредующего действия и взаимодействия. Рождаясь, человек действует в рамках природной схемы «стимул-реакция». Возможны существенные задержки между стимулом и реакцией. Но человек вырывается из этой схемы через опосредующие элементы. Они расщепляют природную интенциональность – направленность биологического организма на природный объект. Появляется социально обусловленная направленность, которая появляется во взаимодействии людей. Благодаря воображению возникает возможность представить один объект вместо другого. Слово «дерево» отсылает к интенциональному объекту в природе.

В истории западной цивилизации воображение постепенно вытеснялось из взаимодействия людей и освоения природы. Разум – это социальная интенциональность, рассматриваемая вне своего генезиса. На начальном этапе люди жили «среди» мифических существ. Это результат работы воображения, без которого никакой бы второй интенциональности не было. Далее происходит отрыв социальной интенциональности от своего генезиса через столкновение с закодированными смыслами. Сначала это происходит через письменность. Требуется меньше воображения, а больше усвоения. Воображение перемещается на страницы книг. Кроме того, формируется монотеизм, переходящий в деизм и атеизм. Далее воображаемые существа переселяются на радио и телевидение. В этом же ключе можно рассматривать театр и кино.

Воображение как экзистенциал, т.е. укорененность в бытии обозначает целый титул взаи-

модействий. Воображаемая смерть, измена, ревность, радость и др. Интенциональная структура человека раскрывает три региона его присутствия: природу, социум и имагиум (от англ. и фр. image). Это параллельные пространства, в которых человек может пребывать одновременно, они сходятся на нем.

Виртуальная реальность – это один из видов имагиума, в котором человек перестает быть пассивным наблюдателем. Активность осуществляется в пространстве электронных посредников, которые позволяют сделать его «вещи» независимыми от социума и природы. Собственно, виртуальная реальность появилась как результат работы разума по освобождению от природы и социума. Разум приручал буйство природы, разрушал традицию, а затем восстал против социальных институтов модерна, созданных им самим, что выразилось в постмодернизме.

Разрушительный заряд разума связан с его локализацией в индивиде. Традиция и социальные связи всегда принудительны для индивида, которого западное общество сделало самодостаточным носителем логоса. А виртуальная реальность предоставляет пространство для такой свободы. Можно менять ники, пол и пр. в максимально короткие промежутки времени. Переписка в чате может осуществляться под вымышленным именем или настоящим, но их онтологический статус абсолютно одинаков. Хотя здесь уместно говорить не об онтологии, а об онто-пато-логии, основными понятиями которой выступают «событие» и «событие».

Можно выделить сущностные черты виртуальной реальности, добытые при помощи постфеноменологического разыскания. Во-первых, это событийность природе и социуму как традиционной коммуникации «лицом-к-лицу», не исключая электронных посредников. Виртуальная реальность не является посредником, через который общаются, она является пространством взаимодействия. Театр, в котором зрители становятся активными участниками постановок, нельзя отнести к виртуальной реальности, т.к. «вещи», используемые там являются событиями природы и социума. Это игра. Во-вторых, нельзя считать природу, социум

и имагиум регионами с жесткой границей. Это параллельные пространства, пересекающиеся в человеке. Например, социум не делает человека свободным от природы, люди продолжают болеть, испытывать сексуальное влечение и пр. Покинув общество и уединившись в лесу, не избавиться от социальной интенциональности, способности без непосредственного контакта рассматривать предметы природы. Присутствие в Интернете под разными никами позволяет быть разным в виртуальной реальности, но быть одним как часть природы и социума (не исключая многомерности последнего).

Литература:

1. Емелин В.А. Информационные технологии в контексте постмодернистской философии: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Москва. 1999

2. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб, 1999

3. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М., 2000

4. Ihde D. A Phenomenology of Technics // Philosophy of technology: the technological condition: an anthology. Ed. by Robert C. Scharff, Val Dusek. Wiley-Blackwell, 2003. – P. 507-529

5. Ihde D. Experimental phenomenology: an introduction. G.P. Putnam's Sons, 1977

6. Mensch James R. Postfoundational phenomenology: Husserlian Reflections on Presence and Embodiment. University Park: Pennsylvania State UP, 2001

7. Mensch James R. Post-modern Phenomenology, in Phdnomnologie und Postmoderne, ed. Ivan Blecha, Olomouc: Acta Univerzitis Palackianae v Olomucensis, Philosophica, Vol. 6, 2005. – P. 221-235

М.А. Малышев (Мехико, Мексика)

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ КАК ВИРТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

Малышев
Михаил Алексеевич

кандидат философских наук, профессор Автономного университета штата Мехико, академик МАДИ (Толука, Мексика)

E-mail:
manolasepulveda@
yahoo.com.mx

В последние годы термины *виртуальность* и производное от данного существительного прилагательное *виртуальный* (*ая*), (*ое*) буквально заполнили языки народов земного шара. Эта экспансия вызвана многими обстоятельствами: изобретением Интернета, вторжением в нашу жизнь мобильного телефона, неуклонным ростом технических и визуально-аудитивных возможностей средств массовых

информаций, а также повышением эвристических и практических функций прогнозирования многообразных вызовов, порожденных негативными последствиями антропогенной деятельности человека на природу, и несущих разнообразные угрозы жизни не только для нынешних, но и будущих поколений. Опасности, проистекающие из непредвиденных последствий непреднамеренного вмешательства человека в природу или накопления неконтролируемых побочных эффектов его деятельности, неожиданно суммируются и производят иллюзию потери опыта прошлого. Это создает впечатление незавершенности нашего существования и делает более очевидным, чем раньше, идею о том, что всякая «станция» прибытия в настоящее – это всего лишь транзитный пункт на пути следования в неизвестное, неведомое и виртуальное. Конденсация инноваций приводит к вторжению будущего в настоящее: прогнозы и проекты, нацеленные на грядущие преобразования, властно

накладываются на решение, реализуемые уже сегодня. Но одновременно при этом снижается вероятность того, что будущие проекты осуществляются в соответствии с критериями прошлого. Нарастание ритма перемен ведет к тому, что наше восприятие длительности событий сжимается во времени, и нам кажется, будто кто-то, вопреки нашей воли, обрекает нас на жизнь в постоянной спешке.

Сегодня мы говорим о *виртуальных мирах, виртуальных катаклизмах, виртуальных возможностях, виртуальном пространстве, виртуальном времени, виртуальной истории и, виртуальных событиях*, тогда как в недалеком прошлом значение термина «виртуальность» сводилось в основном к понятию «потенции». Так, например, в философском словаре Николя Аббаньяно, вышедшем в 1960 году Турине, говорится, что виртуальное – это то же самое, что и потенциальное, а далее читатель отсылается к термину «потенция», значение которого восходит к «Метафизике» Аристотеля. Комментируя это значение, Аббаньяно утверждает, что понятие потенции содержит в себе *фундаментальную двузначность*, поскольку она может быть интерпретировано: А) как возможность; В) как преформированность, а стало быть, как преддетерминированность или предсуществование действительного¹. Хотя далее сам же философ вынужден признать, что в реальном языковом употреблении весьма трудно отграничить первое значение от второго.

Если говорить об этимологии слова виртуальный, (на английском и испанском – *virtual*, на французском – *virtuel*, на итальянском – *virtuale*), то оно происходит от латинского термина *virtus* – сила, способность, как, впрочем, и однокоренное ему слово: *virtu, vertu, virtue, virtud*, которое с итальянского, французского, английского и испанского переводиться на русский как добродетель. Можно сказать, что виртуальность – это то, благодаря чему (*virtus*) возникают предпосылки для возможности осуществления какого-либо действия или события, которое в настоящее время еще не произошло, но вероятность реализации которого остается открытым. Следовательно,

виртуальность – это то, что предшествует действительности и создает возможность ее актуализации, или в терминах Аристотеля, обеспечивает переход потенции в акт.

Однако сегодня термин «виртуальность» употребляется не только как синоним потенции, но и обозначает способность человека создавать воображаемые искусственные миры, которые являются не столько отражением свойств реального мира, сколько, если так можно выразиться, его «чистым творением». Говоря метафорично, человек пытается взять на себя функции Бога: создать воображаемый мир, по крайней мере на уровне литературных или электронных фантазий в виртуальном пространстве и времени. При этом нельзя исключать возможности того, что человеку когда-нибудь удастся заменить естественный процесс эволюции и естественного отбора генной инженерией и сконструировать себя на иных основах, чем это сделала мать-природа. Разумеется, эта идея – отдаленная виртуальная возможность, но она заставляет нас уже сегодня задуматься о том, что является подлинно человеческим в нынешнем человеке – ветхом Адаме? Какого рода человека мы хотели бы получить искусственным путем? И откуда мы могли бы взять модель существа, которого нам стоило бы произвести методами генной инженерии?

Реальность настоящего – необходима по отношению к реальности канувшего в небытие прошлого, но она случайна по отношению к виртуальной реальности не родившегося еще будущего. Следовательно, виртуальность – это синоним фантазии или дерзкой научной гипотезы, устремленной в неизведанное будущее, тогда как прошлое, увы, нельзя воскресить, ибо оно навеки осталось в прошлом, и на прошлое нельзя повлиять, ибо то, что случилось уже не может произойти по другому. Можно сказать, что прошлое уже не существует, в сущности, это – небытие. Но пока человек жив, его настоящее немисливо без памяти о прошлом. И поэтому виртуальный дискурс – имманентно присущий механизм нашему языку, связан не только с будущим, но и с прошлым. Этот механизм способен манипулировать не только

событиями будущего, но и возможными действиями в прошлом, действиями в принципе необратимыми, но осознаваемые в качестве виртуальных, как если бы мы, мысленно перенеслись назад, в ту временную точку, которая предшествовала уже совершенному действию, могли бы принять другое решение и поступить иначе. «Я бы мог» – это *иллюзия*, помогающая нам, тем не менее, «пробивать» *виртуальную брешь* в неизбежности фатума, «возвращать» или мысленно переиначивать однажды сделанное. Если бы человек был всегда доволен самим собой, то он никогда бы не употреблял глаголов в сослагательном наклонении, ни о чем бы не жалел, ни в чем бы не раскаивался и ни о чем бы не мечтал – словом, он прозябал бы в блаженстве ангельского идиотизма. Однако будучи существом незавершенным, вместо того, чтобы находиться в согласии с самим собой, человек озабочен тем, чтобы сделаться другим, превзойти себя в будущем. Несмотря на всю очевидность необратимости случившегося, человек хотел бы также «изменить» и свое прошлое, «переиначить» свою судьбу, обратить время вспять, чтобы из упущенных возможностей мысленно извлечь «максимальную выгоду». Следовательно, сослагательное наклонение не столько смягчает бремя утрат, вызванных необратимостью времени, но и учит нас использовать уроки нереализованных возможностей в будущих ситуациях. События прошлого произошли, *случились окончательно*, но опыт, лежащий в их основе, а главное – их оценки, несомненно, могут претерпеть существенные изменения по мере их удаления во времени. Если бы это было не так, то изучение прошлого не имело бы для нас существенного практического значения. Можно сказать, что «я бы мог» – это не только сожаление или упрек, но и назидание: бессильный что-либо сделать со своим прошлым, я, тем не менее, могу его объяснять и извлекать из него полезные для себя уроки.

Девиз сослагательного наклонения – «если бы мы могли» – это признания необратимости времени, невозможности вернуть или переиначить однажды случившееся и, одновременно, – попытка посмотреть на прошлое глазами настоящего, оценить неизведанные

или неиспользованные возможности, которые существовали в нем, по крайней мере в потенции, но которые мы, свидетели минувшего, не умудренные достаточным жизненным опытом, не сумели или не смогли тогда распознать и только теперь, с высоты настоящего способны составить о них более адекватное суждение. Иногда человек затрачивает огромные усилия, чтобы стать тем, кем он является. Но потом он спрашивает себя: а стоило ли? И не перестает терзаться тем, что это сомнение не посетило его еще до того, как исчезла возможность выбора иной жизненной стези. Сколько времени и сил могли бы мы сберечь, если бы не были обманутыми в своих ожиданиях! Следовательно, сослагательное наклонение может инициировать процесс переосмысления того, что ранее считалось твердо установленным мнением, и которое теперь, по происшествию времени, нас уже не удовлетворяет.

Переосмысление прошлых поступков связана с неотложностью практического выбора, к которому нас побуждало настоящее в прошлом, и эта спешка, продиктованная императивом – действуй!-, лишила нас возможности надежно обосновать стратегию выбора, а главное – предвидеть вероятности негативных последствий, которые из него вытекали. В некоторых случаях, наше неведение (или невежество) полностью парализует благие намерение нашего действия, как это, например, случается тогда, когда по оплошности вместо целебной микстуры мы выпиваем жидкость, вызывающую интоксикацию организма. В других случаях мы начинаем действовать, опираясь на сомнительно-зыбкие достоверности, как это происходит, например, при выборе профессии, заключении брака или определения стратегии вложения капитала. Мы часто упускаем из виду важные жизненные ориентиры, не располагаем достаточными сведениями, обеспечивающими достижение желаемых результатов, легко обещаем, а потом раскаиваемся за легковесное слово, размениваем жизнь на мелкую суету, и, как это ни парадоксально, единственное, что мы можем предсказать – это то, что будущее непредсказуемо. Одним словом, часть своей жизни мы тратим на ожидание того, что, возможно, никогда не произойдет, а другую часть

мы расходуем не преодоление последствий собственной непредусмотрительности. И тем не менее ироничная поговорка насчет того, что человек всегда крепок задним умом, вовсе не означает, что сослагательное наклонение совершенно бесполезно или бессмысленно.

«Время настоящего – это *настоящее* время» суть аксиома, конституирующее реальность нашего бытия. Все люди, обитавшие когда-то в прошлом, будь-то сотню или тысячу лет тому назад, жили в *своем настоящем* и были озабочены *своим будущим*, которое, как и сейчас для нас, так и тогда для них, казалось открытым и исполненным неизведанных возможностей. И хотя в каждое мгновение нашего бытия мы находимся в настоящем, наша забота и наша память делают его не вполне пригодным для обитания. С другой стороны, всякое завтра неминуемо превращается в сегодня, возможное становится реальным, и эта непрерывная метаморфоза нередко приносит нам разочарования, ибо настоящее расколдовывает иллюзии прошлой надежды на будущее. И тем не менее никакая опора на прошлый опыт не освобождает настоящее от риска заблуждения, ибо настоящее находится во власти чар будущего, внушающего нам мысль о том, что виртуальность обладает гораздо большими потенциями, нежели реальность настоящего, опирающаяся на «капитал» прошлого. И хотя мы прекрасно понимаем, что прошлого не вернуть, тем не менее упущенные возможности заставляют нас сокрушаться: «А ведь мы бы могли..., да еще как!». Будущее открывает перед нами широкий веер возможностей, но реально мы можем выбрать только одну из них, ибо настоящее автоматически отсекает все остальные варианты выбора. Это осознание каждого поступка как действия, чреватого утратой виртуальных альтернатив, было присуще Кьеркегору, определившему свою жизнь как промежуточный пункт между *нечто* и *ничто*, как вечное *может быть*.

Проходят годы, и наученные горьким жизненным опытом, мы начинаем понимать неудачность или ошибочность своего выбора, но, увы, оказывается, что мы спохватились слишком поздно, и у нас просто-напросто не хватает времени, чтобы исправить промахи,

вызванные предыдущим решением. Воистину, кого в прошлом не сумел убедить разум, того, возможно, сумеет образумить время, правда, к сожалению, иногда слишком поздно, чтобы можно было бы снова взяться за ум – переделать сделанное и выбрать себе иной путь. Однако удел сослагательного наклонения – это не только горечь сожаления; иногда оно может выполнять и терапевтические функции. Например, когда с нами приключается неприятный казус, то мы, мысленно проигрывая возможные альтернативы, невольно примиряемся с судьбой, понимая, что случившееся – это далеко не самый худший исход, ибо остальные варианты могли бы закончиться для нас гораздо плачевнее.

Существование человека – это непрерывная цепь переживаний, в которых мыслительное содержание тесно сцеплено с его аффективно-чувственным отношением к внешней действительности и к собственному внутреннему миру. Наши чувства переживают реальность, но не с точки зрения фактической, а с точки зрения *магической*, как она воспринимается в свете нашей вины и стыда, мести и печали, тоски и зависти, надежды и отчаяния. Рожденные неотложностью случившегося, многие наши чувства возникают и быстро исчезают в бурном водовороте непрерывно сменяющихся жизненных ситуаций. Тем не менее некоторые эмоции мы можем «горячо» переживать на протяжении многих лет, как, например, это случается с чувством вины, мести, стыда, тоски, любви, восхищения или надежды.

В основе дискурса переживания чувства вины лежит осознание необратимости времени и иррациональное стремление мысленно переделать или отменить случившееся. Сознание виновного, словно заезженная пластинка, как бы заикливается на том моменте в прошлом, который привел его к роковому событию. Можно сказать, что в переживании вины присутствует какое-то монотонное пережевывание одного и того же аффективного состояния: невозможности вытеснить из сознания воспоминание о позорном поступке и упорно возобновляемое желание отделаться от него. Если ностальгия – это сожаление о прошлом, которое сопровождается положительными

эмоциями, окрашенными светлой грустью, то вина, напротив, выражает сожаление о «проклятом» прошлом, которое помимо нашей воли с невротической навязчивостью вклинивается в настоящее и заслоняет, подобно высокой стене, весь горизонт будущего. «Проклятое прошлое» (с момента рокового проступка до печального настоящего, в котором он переживает) изолирует субъект вины не только от будущего, но и от того «безоблачного минувшего, которое предшествовало мучительному событию – предмету его терзаний. Мы хотели – о, как бы мы хотели! – изгнать, вычеркнуть из своей памяти все следы, все намеки на исполненный нестерпимой горечи момент прошлого, и перенестись в состояние невинности, который предшествовал позорному событию! Нам кажется, что если бы прошлое было обратимым, то мы могли бы спастись от терзающих нас угрызений совести, но, одновременно, мы понимаем, что никто, ни даже сам Бог, несмотря на всё свое могущество, не смог бы сделать бывшее небывшим. Так и наша воля: она может сотворить нечто, но только, увы, она не может вернуть назад, отменить, стереть однажды происшедшее. Это, кстати сказать, объясняет и то, почему в сознании субъекта, переживающего угрызение совести, его прошлые проступки выступают в значении отчужденных и враждебных ему сил, которые он пытается безуспешно отменить или переиначить в сослагательном наклонении.

Подобно переживанию вины месть – это также *магическое чувство*, выражаемое в сослагательном наклонении. В романе Достоевского «*Братья Карамазовы*» Иван размышляет о том, что никакая колдовская сила не смогла бы вернуть матери восьмилетнего сына, растерзанного охотничьими собаками, науськанными на него помещиком только за то, что мальчик, играя, случайно швырнул камешек и повредил лапу любимого пса своего хозяина. Иван спрашивает Алешу: как искупить муки растерзанного ребенка? Вечным страданием палача в аду? Но какой от этого прок, если преступление уже совершено, ребенок растерзан, и никакое богатство мира не может вернуть его к жизни. Уничтожив убийцу, могли бы мы преодолеть последствия его жестокости? Никакая

месть не способна вернуть жизнь ребенка, и тем не менее только «справедливость», закона талиона, пусть грубая и нецивилизованная, может, как иногда нам кажется, в какой-то мере воздать, отплатить мучителю за жестокие муки невинной жертвы.

С точки зрения испанского психолога Карлоса Гурмендеса, «первое условие зарождения мести состоит в том, что нанесенная обидчиком рана превращается в гнойную язву нестерпимой обиды, которая, проникая в самые потаенные недра человека, пускает там свои глубокие корни»². Переживание чувства мести носит по-преимуществу реактивный характер; «обрекает» обиженного человека страдать от неспособности «заставить» будущее исцелить душевные «раны», причиненные ему обидами прошлого. Эта «импотенция» памяти предать забвению или простить обиду прошлого перерождает боль от обиды в злобу – злое чувство, питающее собой переживание мести. Самое опасное в человеке, снedaемого жаждой мести, – это даже не злоба, а неукротимая страсть оживить, не дать угаснуть своей боли от оскорбления, заставить обидчика возместить «долг» за причиненную ему обиду. Но между нестерпимым желанием и возможностью претворения в жизнь этого импульса простирается временной интервал, заполненный планами и действиями, направленными на подготовку к осуществлению мести. Отомстив, наконец, обидчику, мститель чувствует себя умиротворенным; он считает, что его недруг «заплатил» за причиненный ему ущерб. Ему кажется, что следы нестерпимого унижения, хранимые в его памяти, постепенно развеются, и время залечит его душевную боль. Одержимый чувством мести, может, конечно, понимать, что незаслуженная обида не станет заслуженнее, если воздать обидчику по заслугам. Но память о причиненном зле будет сопровождаться воспоминанием о заслуженном воздаянии, и это, несомненно, смягчит недовольство обиженного. Справедливость такого утверждения может засвидетельствовать любой участник банальной уличной потасовки, который искренно заверяет своих товарищей по драке, что, несмотря на разбитую челюсть, ему становится немного веселее,

когда он вспоминает о разбитом носе у субъекта, выбившего у него зуб.

Почему месть, будучи иррациональным чувством, так глубоко укоренена в недрах психической жизни человека? На этот вопрос Эрих Фромм отвечает так: «В некотором смысле месть – это магический акт: уничтожив человека, совершившего злодеяние, мститель магически преодолевает последствия его деструктивного действия. Последнее подтверждается высказыванием: «наказание – это оплата преступником своего долга»; можно сказать, что месть – это магическое возмездие; но если это так, то почему желание воздаяния является таким глубоким? Может быть, это происходит оттого, что человек наделен элементарным чувством справедливости, и не исключено, что это глубинное чувство проистекает из его стремления к «экзистенциальному равенству»... Пусть человек не всегда может защититься от причиненного ему ущерба, но в своей жажде возмездия он пытается перевернуть страницу, магически смыть нанесенную ему обиду... Но существует и другая причина: когда рушится надежда на Бога или на земные власти человек пытается взять справедливость в собственные руки. Его страсть к возмездию как бы замещает самого Бога и ангела мести»³.

Это иррациональное желание человека, искушаемого мезтью, снять с себя нестерпимое заклятие обиды путем воздаяния и предстать в собственных глазах в качестве поборника справедливости, пожалуй, с наибольшей отчетливостью проявляется в его грезах и снах, когда обиженный совершенно безотчетно наносит своему обидчику десятки а то и сотни смертоносных «виртуальных ран». Бросить вызов врагу и даже безжалостно убить его... в собственном воображении с позиции сознания обиженного – это значит, пережить иллюзию справедливости, обогатить свою фантазию, а главное, избежать риска, связанного с ответной мезтью. Можно предположить, что без опоры на этот полубессознательный виртуальный дискурс, закодированный в глубинах нашей психики, дело гуманизма, апеллирующего исключительно только к разуму, долгу и чести, было бы менее эффективным. С точки зрения

Чорана, отменить воображаемую мезть – это значит превратиться в заложника идеи прощения, ибо помилованный недруг порождает в нашей душе смятение, особенно тогда, когда мы решили победить его своим презрением. Мы можем искренне простить его лишь тогда, когда до нас дойдет весть о его позоре, а к окончательному примирению с ним нас может привести только созерцание его могилы. С точки зрения Чорана, мезть – это отрава, и тем не менее, «она – ближе нашей природе, нашим переживаниям и к нашему закону; в ней содержится больше здоровья, нежели чем в великодушии. Могушество Фурий превышало весть богов и даже могушества самого Юпитера. Мезть предшествует божеству. Именно в этом утверждении заключено высшее прозрение античной мифологии»⁴.

Поистине пути проявлению агрессивных импульсов человека неисповедимы! Как хорошо, что виртуальный дискурс в сослагательном наклонении помогает сублимировать его бестияльность, не нанося при этом значительного ущерба ни существованию его ближних, ни репутации его собственной чести и достоинства. Весть человек обычно раскаивается за высказанное и не переживает за невысказанное именно потому, что для раскаивания за невысказанное требуется признание единственного свидетеля – собственной совести. Но нереализованные мотивы, подавленные его сознанием, – это сугубо личное дело человека. Терпимость к наклонностям, не вышедшим за рамки нашего внутреннего мира, освобождает нас от патологических подозрений в собственный адрес и от мазохистских самобичеваний. Перефразируя высказывания Теренция, можно сказать: «я человек, и ничто дьявольское моим бессознательным переживаниям и моему воображению не чуждо и не опасно», если, конечно, они не выйдут за рамки виртуального дискурса в сослагательном наклонении.

1. Abbagnano Nicola. Diccionario filosofico. La Habana, 1971, p. 939.

2. Gurmíndez Carlos. Tratado de las pasiones. Мéxico, 1986, p. 142.

3. Fromm Erich. Anatomía de la destructividad humana. Мéxico, 1997, p. 251.

4. Cioran E. M. Historia y utopía. Barcelona, 1988, p. 90.

Д.Н. Мельников (Астана, Казахстан)

СУДЬБА ВРЕМЕНИ В ВИРТУАЛЬНОМ МИРЕ: К ПРОБЛЕМЕ ВИРТУАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Мельников Дмитрий
Николаевич

главный редактор
журнала «Наука и об-
разование Казахстана»,
соискатель Института
философии и полито-
логии Министерства
образования и науки
Республики Казахстан
(г. Астана)

По мере развития информационных технологий и уплотнения социальных связей дискурс виртуальности становится глобальным явлением. Сейчас в большей или меньшей степени он охватывает практически все сферы социального бытия человека, в том числе и такой фундаментальный уровень коллективного и индивидуального опыта, как время. Поэтому в современных исследованиях все чаще появляется понятие виртуализации, относящееся ко всем сферам жизни общества, включая и не связанные непосредственно с виртуальной реальностью в узком, техническом смысле слова: «Виртуализация... – это любое замещение реальности ее симуляцией/образом – не обязательно с помощью компьютерной техники, но обязательно с применением логики виртуальной реальности» [1, 19].

В социокультурном контексте данную тенденцию следует рассматривать как важнейший компонент глубинного сдвига, непревзойденным исследователем которого стал Жан Бодрийяр, – как элемент перехода от отношений репрезентации к симуляции реальности.

Виртуальную темпоральность и в узком, и в широком смысле слова (во втором – если речь

идет о времени, не обусловленном напрямую эффектами компьютерных технологий) можно рассматривать в качестве одной из форм симулятивного времени. При этом необходимо отметить, что симулятивное историческое время проявлялось в жизни общества всегда – и до появления технических средств, породивших виртуальное время в узком смысле слова. А виртуализация как широкомасштабный социальный процесс началась только во второй половине XX века.

Признаки симулятивного исторического времени можно усмотреть в некоторой фантомности, иллюзорности, присущей периодам истории, характеризующимся как безвременье. К своеобразной симуляции исторической темпоральности стремятся практически все тоталитарные режимы, которые обычно реформируют календарь, создают новое летоисчисление, утверждают некую новую эру и так далее. В нашем недавнем прошлом пример подобного «симулякра» – идеологическая мифология пятилеток, попытки сделать их вехами жизни общества и индивида. Симуляция в таких случаях почти всегда является следствием волюнтаристского переворачивания традиционного порядка истории и календаря.

Жан Бодрийяр символическое выражение имитационной, иллюзорной природы исторического времени рубежа второго–третьего тысячелетий увидел в часах на Бобуре в Париже (Центр Жоржа Помпиду), которые в обратном порядке отсчитывали время, оставшееся до завершения второго тысячелетия. Для французского философа этот факт стал отправной точкой размышлений о виртуализирующемся, релятивном, а значит и симулятивном времени нашей эпохи. По большому счету в своей статье «В тени тысячелетия, или Приостановка года 2000» [2] Бодрийяр

фиксирует некую магистральную тенденцию. Косвенно он ставит вопрос о том, что станет с обществом в мире симулятивного времени.

Уже в начале статьи, во многом предваряя свои дальнейшие размышления, философ задается вопросом: «Кто знает? Может быть, реальное время современной жизни больше не может иметь дело с хронологическим временем» [2].

Бодрийяр констатирует, что появились временные феномены, переворачивающие традиционную логику истории, исторической темпоральности. Если обычно история мыслилась как прогресс, освоение новаций, то «тень тысячелетия создает пустую воронку, засасывающую целое столетие» [2]. Другими словами, философ отмечает, что с историческим временем что-то случилось – оно словно бы начинает проваливаться в такие «воронки». Обратный отсчет времени, происходящий на глазах у огромного числа людей, для французского мыслителя означает, что исчезла сама идея истории, наступил конец содержательного исторического времени как человеческого целе-, смыслополагания.

Бодрийяр делает явный акцент на заикленности исторического времени рубежа тысячелетий. По его мнению, «мы проживаем время и историю в своего рода после-коматозном (past-comatose) состоянии. Это вызывает нескончаемый кризис. Больше нет будущего, которое перед нами, но лишь невозможность достичь его и заглянуть по ту сторону конца» [2].

В общем-то философ предлагает свою концепцию «конца истории». Она состоит в том, что в эпоху постмодерна историческое время исчезает, растворяется в виртуальности, симулятивности: «Вместо движения к новым перспективам, история запоздало взрывается, и эти взрывы – не более, чем восстановление событий, о которых мы думали, что они произошли давным-давно.

По ту сторону Стены Времени (нашего асимптотического конца) мы находим только сломанные линии, которые прерываются во всех направлениях. Вот что такое глобализация. С

глобализацией, все [человеческие/социальные] функции расширяются в пустоту. Они распространяются в планетарном масштабе, который становится все более умозрительным виртуальным пространством» [2].

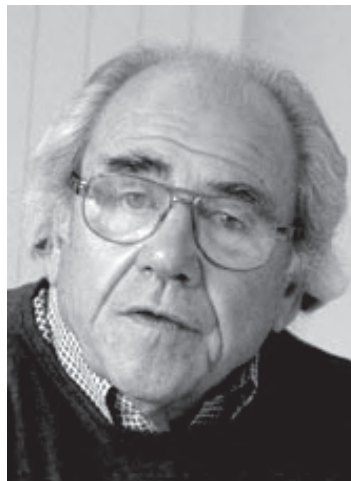
Бесконечное переживание того, что уже было, характерное, по мнению Бодрийяра, для современности, напрямую связано с виртуализацией социальных взаимодействий и в целом всего человеческого бытия. «История, например, заканчивается информацией и созданием мгновенного события. Возросшая скорость современности, технического развития и всех, прежде бывших линейными, структур создает турбулентный сдвиг и круговое возвращение вещей, которое объясняет, что сегодня ничто не является необратимым. Ретроспективный изгиб исторического пространства, которое в некотором смысле походит на физическое и космологическое пространство, является, возможно, большим открытием конца тысячелетия» [2].

При этом в эпоху конца исторического времени возникает острая потребность обосновывать его реальность. Отсюда и подчеркнутый интерес современного общества к глубокой древности, истории земли, жизни, человеческого вида. То есть в ситуации переизбытка

виртуального реальное становится дефицитом, чем-то особо ценным. Однако здесь мы должны заметить, что сохранение реального в глубоко виртуализированной социальной среде чрезвычайно затруднено: реальное все равно растворится в виртуальных коммуникациях и способах репрезентации. Возможной при таком положении дел становится лишь игра в реальное.

И важно подчеркнуть, что виртуализация, переход к симуляции истории происходят незаметно для самого социума, который, будучи поглощенным конъюнктурными целями своего «узкого» настоящего, не замечает эпохальных, структурных изменений.

Продолжая логику размышлений Бодрийяра, можно говорить о том, что, виртуализируясь, историческое время действительно превраща-

ется в «бесконечную переработку», то есть в бесконечное комбинирование «автономной», не апеллирующей к реальности информации (симулякров). Причем Бодрийяр неоднократно в связи с этим пишет именно о бесконечности, то есть, как можно предположить, скорее всего, о дурной бесконечности непрекращающегося повторения одного и того же.

На наш взгляд, этот феномен еще можно было бы назвать «бесконечной» (поскольку это состояние засасывает, становится навязчивым) вневременностью (или, говоря более традиционным языком, безвременьем, в котором механизмы конструктивного исторического бытия не работают). Ведь все, что не имеет «конца» (то, что всегда только начинается и никогда не доходит до завершения), не может достичь своего действительного, актуального состояния, полноты себя – падает в пропасть дурной бесконечности, трагически теряет свое настоящее. Намек на такую идею можно найти в следующих словах Бодрийяра: «Из-за вмешательства числовых, кибернетических и виртуальных технологий мы уже по ту сторону реальности, а вещи уже по ту сторону их разрушения. Они больше не могут закончиться, и они падают в пропасть бесконечного (бесконечной истории, бесконечной политики, бесконечного экономического кризиса)» [2].

Непосредственную причину утраты исторической реальности Бодрийяр видит именно в виртуализации общественной жизни, в медиакратии – в том «апогее информации», который мы переживаем.

Произошел внутренний сдвиг, «слом» исторического времени, напрямую связанный с расширением сферы симулятивных, виртуальных практик. Этот сдвиг привел к тому, что «сегодня мы находимся в середине дефектной истории, истории, которая разрушается» [2].

«Бесконечная работа рециркуляции», «повторяющиеся ситуации», наличие в социально-исторической реальности только «призрачных событий», – все это означает, что мир оказался в ситуации «... деградирующего и исчерпанного повторения первых событий современности». Ареной симуляции стали СМИ как единственное пространство социального и исторического.

Они и решают проблему «забастовки событий», возникшую из-за того, что не виртуальная история кончилась. Масс-медиа теперь должны создавать псевдособытия для искусственного, симулятивного продолжения истории. Однако «... событие, произведенное средствами информации, больше не имеет никакого исторического значения». Такие события «затеряны в вакууме информации» [2]. Причем, на наш взгляд, данная метафора не случайна – это и вакуум, пустота поступательного времени, безвременье.

В итоге мы видим, что Бодрийяр фиксирует тенденцию потери событиями «субстанциального» наполнения. Между тем, событие (как момент, период) помимо прочего еще и является способом нашего переживания времени. А это, в свою очередь, означает, что если призрачными становятся события, то же самое случится и с неотделимой от них темпоральностью. Иначе говоря, с временем сейчас что-то происходит на глубинном – структурном, априорном – уровне. Этот вопрос, конечно, требует специального рассмотрения.

В привычном для нас мире реального, структурированного времени каждый момент или период всегда выполняет еще и своеобразную «семиотическую» функцию – отправляет к определенной системе (а значит, и языку) времени: мы осознаем, что любое событие, каждое наше действие «вложено» в другие события, действия, является частью какого-то процесса, некоторой последовательности событий. Однако в ситуации радикальной политонтологичности, которую предполагает виртуальность, примат естественного, интерсубъективного, хронологического времени может быть нарушен. То есть, к примеру, тот или иной момент не обязательно соотносить с днем, когда он имел место, а день – соотносить с «его» неделей. Изъяв их из реального контекста, этот момент или день можно поместить в произвольно выбранную цепочку виртуальных событий. И подчеркнем при этом, что с перемещением человека из реальной материальной среды в виртуальную хронологическая связь будет только ослабевать.

Другими словами, наряду с появлением самореферентного знака – симулякра, о котором было много написано, гипотетически возможно

и появление «самореферентного» момента. Эта тенденция отчетливо прослеживается в современной искусстве, где (например, в гипертекстовых художественных произведениях) вместо единого времени действия, сюжета может быть множество времен, причем в текст их могут приносить сами реципиенты.

Вместе с тем мы должны понимать, что в человеческом опыте полностью самодостаточное, никак не связанное с большими периодами мгновение невозможно, ведь это уже вообще не время. Кроме того, наполненное индивидуальным, уникальным содержанием время отдельного человека (то есть цельное, определенным образом структурированное, а не «раздробленное» время) имеет важнейший смысл как его путь, его личная история. Да и сознание, в том числе на уровне самосознания, самоидентичности «я», требует связности, преемственности моментов прошлого и настоящего.

Конечно, культура всегда высоко ценила мгновение, дискретный уровень темпорального опыта (например, в мистических переживаниях). Однако они мыслились не как результат раздробления, распада времени, а скорее как переход на качественно иной уровень темпоральности из связного реального времени. Так, момент духовного озарения рассматривался как итог определенной последовательности поступков, духовного пути.

Именно виртуализация времени, сопряженная с его бессодержательностью, когда оно уже совершенно не опосредовано реальными – пространственными, материальными, «объектными» – явлениями, делает возможным раздробление, «точечность» темпоральности. Самореферентный момент – это деградация времени, угасание его на грани небытия. Такой момент, не отсылающий к становлению, росту, процессу, к «до» и «после», не будет укоренным в том осмысленном темпоральном опыте, который создается культурой с помощью определенных «надвременных» механизмов (идея вечности, ритуал, праздник и так далее). То есть это будет некое абсурдное, бессмысленное время. Или, как его еще характеризует Сергей Хоружий, «суб-время», «недо-время», «в котором отсутствуют либо некоторые из первичных элементов

сознания времени, либо некоторые из моментов связывания этих элементов в непрерывную длительность – либо, наконец, и то и другое» [3, 48]. Поэтому, кстати, вполне закономерно, что такая деградированная темпоральность с нарушенной структурой и векторными характеристиками будет царством неразрывно связанных между собой заикленности и абсурда. Что, конечно, будет означать разрушение оснований историчности бытия.

И, подводя итоги, обратимся к структурному, трансцендентальному отличию виртуальной темпоральности от реального времени.

Вслед за Николаем Карпицким отметим, что можно выделить два основных уровня времени: «Априорная темпоральность есть взаимосвязь самих моментов времени, эмпирическая темпоральность – причинная взаимообусловленность событий во времени» [4]. Другими словами, в глубине своей наше временение определенным образом структурировано, и эта структура имеет фундаментальный онто-антропологический смысл.

Так, экзистенциально-историческую природу нашего опыта времени достаточно удобно описывать как соотнесенность, которая имеет бытийный смысл, является трансцендентальной структурой времени, тогда как причинно-следственное измерение темпоральности относится к более феноменальному уровню: «соотнесенность определяет саму структуру течения времени от одного момента к другому, каузальность – упорядоченность эмпирического содержания в этом течении времени». Поэтому «соотнесенность определяет априорную темпоральность, каузальность – эмпирическую темпоральность» [4].

Если вспомнить устойчивый терминологический контекст понятия виртуальной реальности, то необходимо учитывать, что последняя всегда порождается константной реальностью – «подлинной», исходной.

В таком случае атомизация, расщепление времени (вполне вероятные и даже закономерные в условиях его виртуализации) – ни много ни мало разрушение самой его внутренней соотнесенности, трансцендентальной структуры. И действительно, философский

анализ виртуальной темпоральности приводит исследователей к выводу о том, что она переворачивает характеристики реального течения событий: «Виртуальное время не позволяет нам воспринимать «сущность», переживаемую только сквозь реальное время. Виртуальное время характеризуется неуниверсальностью (специфичностью), дискретностью - сочетанием линейного и циклического, обратимостью, беспредельностью, неравномерностью хода» [5].

Говоря иначе, будучи релятивной и внутренне не соотносительной, виртуальная темпоральность очень далеко отходит от базовых – трансцендентальных, бытийных – структур человеческого времени, прежде всего от его экзистенциальности и историчности. Так, к примеру, извлекать глубинные, трансформирующие наше понимание действительности смыслы мы можем только из определенной структуры необратимых событий, в частности, осознавая, что что-то безвозвратно изменилось или ушло навсегда. А в игровой виртуальной темпоральности все это теряет смысл – попадать в одну и ту же ситуацию можно сколько угодно раз, произвольно меняя ее смысл. С редукцией соотносительности исчезает цельное, связанное время как судьба, путь, экзистенция. Вместо этого остаются хаотические вспышки, разрозненные моменты, серии, циклы. В предельном своем виде этот опыт может быть назван темпоральностью чистого шизопотока.

Одним из важнейших негативных последствий неосознанной и неконтролируемой виртуализации социальной действительности может стать переход от традиционных моделей историчности, предполагающих осмысленную взаимосвязь трех модусов времени – прошлого, настоящего и будущего, к полному отсутствию таких векторных ориентиров, что неминуемо приведет к заикленности.

Во всеобъемлющем игровом («коллажном») настоящем виртуального времени – безосновном и внеисторическом – общество рискует провалиться в дурную бесконечность полностью релятивизированной и деиерархизиро-

ванной темпоральности. Как общественные структуры у Бодрийяра с «концом социального» превращаются в «черные дыры» – безликие массы [6], так и время, создаваемое и поддерживаемое культурно-историческими структурами, раствориться, сменившись совершенно аморфными темпоральными отношениями, «вечным» безвременьем.

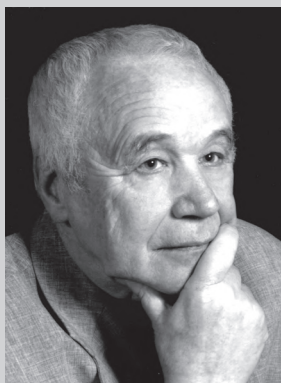
И в завершение еще раз подчеркнем, что виртуальная темпоральность может показаться спасением от реального времени с его энтропией, конечностью и неминуемым ветшанием всего существующего в нем. Однако некритическое увлечение этим «спасением» чревато глубинной антропологической, социально-исторической дисфункцией: присутствующее во многих тенденциях современной культуры скрытое желание отменить необратимость человеческого времени, стремление не замечать его «судьбический», судьбоносный характер свидетельствуют о бегстве от исторической, духовной ответственности. Это тот древний и, судя по всему, практически не изживаемый «ужас истории», о котором Мирча Элиаде писал применительно к архаическому мышлению... И, к сожалению, нельзя не признать, что расширение поля симулятивных, виртуальных практик, в том числе нежелание задумываться о судьбоносном смысле исторического времени – очевидная черта нашей эпохи.

Литература:

1. Иванов Д.В. Виртуализация общества. – СПб.: «Петербургское востоковедение», 2000. – 96 с.
2. Бодрийяр Ж. В тени тысячелетия, или Приостановка года 2000 // http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bodr/2000.php
3. Время конца времен. Время и вечность в философской культуре. – М.: Московско-Петербургский философский клуб, 2009. – 176 с.
4. Карпицкий Н. Виртуальность и темпоральность // http://www.portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.
5. Галкин К.Ю. Темпорологическая концепция виртуальной аддикции // <http://add.net.ru/articles/20010321201338.html>
6. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург, 2000. – 100 с.
7. Элиаде М. Миф о вечном возвращении // Элиаде М. Избранные сочинения. – М.: Ладомир, 2000. – 414 с.

Б.В. Емельянов, Е.А. Ефимова

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ: ВИРТУАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРНЕТА

Емельянов
Борис Владимирович

историк русской философии, профессор,
академик МАДИ

Ефимова
Е. А.

ведущий библиотекарь
Научной библиотеки
УрГУ

Виртуальный мир – это создаваемый средствами компьютерных технологий мир, который передается человеку через его привычные для восприятия материального мира ощущения: зрение, слух, обоняние и другие. Но для многих виртуальные миры четко ассоциируются с Интернетом. Именно Интернет стал своеобразной виртуальной копилкой информации по различным областям знаний, в том числе и по истории русской философии. В Интернете находится разнообразная по качеству и полноте информация о текстах русских философов и литературе об их творчестве. Наша попытка создания такой *вебlioграфии* – первый опыт, не претендующий на полноту, к тому же ограниченный Рунетом, то есть русскоязычной частью интернета.

В первую очередь были просмотрены полнотекстовые Интернет-библиотеки, затем сайты библиотек университетов и философских факультетов (таких как Философские факультеты МГУ, СПбГУ, УрГУ), так как кто лучше, чем специалисты

в области философских наук и специалисты по поиску и оценке информации могут подобрать необходимые ресурсы по теме. Затем был проведен самостоятельный поиск в Интернет посредством поисковых систем Яндекс и Google, так как, несмотря на кажущуюся их одинаковость, полученные результаты отличаются друг от друга. Это в первую очередь зависит от методов индексации сайтов этими системами. Основными критериями отбора ресурсов были в первую очередь соответствие теме, а так же их структура, стиль и дизайн. Не менее важным критерием отбора, на наш взгляд, является объективность и достоверность информации, но специальной критической оценки ресурсов мы на этом этапе не делали.

Говоря о бесплатных полнотекстовых Интернет-библиотеках, в первую очередь упомянем библиотеку Максима Мошкова. Там в разделе «Философия» (<http://www.lib.ru/FILOSOF/>), собраны труды таких русских философов как Николай Бердяев,

Алексей Лосев, Владимир Соловьев и многих других. Что важно, в данной библиотеке можно найти не только произведения самих авторов, но и критику их работ и литературу о самих философах. Также библиографам, импонирует тот факт, что каждый текст снабжен информацией о печатном издании, с которого была сделана цифровая копия или ссылкой на интернет-источник, если материал был скопирован в библиотеку с другого ресурса.

Заслуживает упоминания и электронная библиотека русской религиозно-философской и художественной мысли «Вехи» (<http://www.vehi.net>). В ней можно найти полные тексты сочинений русских религиозных мыслителей, философов и писателей, воспоминаний о них, а также заметок, обзоров и исследований их творчества, биографической и библиографической информации, других материалов. А так же книги по истории русской философии, среди которых труды В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского и других авторов.

Полные тексты сочинений русских философов можно найти и на сайте «Золотая философия» (<http://philosophy.allru.net/>). Это библиотека трудов по философии, собранных с различных Интернет-сайтов, тексты подвергнуты минимальной HTML обработке. Содержание библиотеки можно посмотреть в разделе «Книжная полка». К сожалению, автор проекта не предусмотрел никаких средств для поиска нужной литературы, единственно возможным вариантом является просмотр работ, расположенных в алфавите авторов.

Говоря о сетевых ресурсах по философии, нельзя не упомянуть Философский портал (<http://www.philosophy.ru/>), то есть сайт, предоставляющий пользователям большое количество сервисов и ресурсов. На этом портале можно найти ссылки на различные публикации, новости из мира философии и образования, а так же тексты философских трудов и сборников статей по различным направлениям в философии.

Поиск в библиотеке портала возможен как по автору, так и по названию произведения.

Примерно по такому же принципу создан каталог интеллектуальных ресурсов Феномен.ру, где в разделе «Философия» (<http://phenomen.ru/catalog/?c=44>) можно найти ссылки не только на библиотеки и отдельные произведения, но и на персональные страницы и интернет-клубы и Интернет-сообщества.

Большую подборку материалов по различным философским течениям можно найти в разделе «Философия» на Портале «Гуманитарное образование» (<http://www.humanities.edu.ru/db/sect/5>).

Проводя поиск в сети Интернет, необходимо учитывать не только то, насколько найденная информация по смыслу отвечает вашему запросу, но и насколько она достоверна, а так же насколько качествен сам ресурс. Есть несколько сайтов, которые грешат малонаучной обработкой информации в области философии в общем и истории русской философии в частности. Среди таких сайтов могут быть названы «Основы философии» (<http://philosophy-school.ru/>) и «Философия» (<http://philosophy.4hs.ru>). Хотя информация, представленная на этих сайтах, на первый взгляд солидна, однако на них:

- во-первых, слишком много рекламы, не соответствующей тематике сайта;
- во-вторых, не указаны источники информации, хотя видно, что материал скопирован из какой-то книги;
- в-третьих, не указана информация об авторах или создателях данных проектов.

Мы представили лишь первый, так сказать, взгляд на возможности Интернет в изучении истории русской философии. А поскольку его возможности безграничны, дальнейшая работа по ее анализу может быть упорядочена, например, путем создания виртуальной библиографии всей истории русской философии, ее школ и отдельных философов.

ВИРТУАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ МАСС-МЕДИА

Русакова
Ольга Фредовна

доктор политических наук, профессор,
заведующая отделом
философии Института
философии и права
УрО РАН, президент
МАДИ
E-mail:
rusakova_mail@mail.ru;
dipi@nm.ru

С развитием информационной среды существенно увеличивается властный потенциал медиаресурсов и медиадискурсов. В итоге мир политики, оказывается все более медиатизированным, а медиадискурс превращается в самостоятельным властный ресурс.

Масс-медиа обладают силой виртуализации политической реальности и превращения данной реальности в символический идеологический конструкт.

Сконструированная средствами массовой информации виртуальная картина политической реальности выступает в качестве *политической медиа-реальности*, которая включена в символическое поле политики и оказывает существенное воздействие на политическое сознание граждан.

Транслируемая СМИ политическая медиа-реальность нередко оказывается для граждан более интересной и наглядной, чем эмпирическая политическая реальность в виде внешних институтов власти и живых политических практик.

Объективный процесс медиатизации политики представляет собой диффузию политического поля и медийного коммуникативного пространства, в результате чего происходит перетекание политических символов и смыслов из области объективных политических практик

в область виртуально-медийную [СМИ и политика 2007:91].

Для большинства граждан основным источником получения информации и знаний о политике выступают каналы масс-медиа. Масс-медиа формируют представления о событийной структуре политической реальности, ранжируют политические факты по определенным шкалам их социальной значимости, предоставляют обществу идеологические услуги в виде интерпретаций, комментариев и аналитического осмысления политических реалий.

Дискурс масс-медиа выполняет следующие идеологические операции:

- оценочная фильтрация и отбор фактов политической жизни с позиции определенной модели информационно-политических предпочтений;

- иерархическое структурирование отобранной информации по шкалам актуальности, социальной значимости и психологического эффекта;

- дизайн политической медиа-реальности: расставление смысловых акцентов, подключение визуальных и звуковых эффектов в целях создания убедительной виртуальной картинки;

- медийное культивирование политических мифов;

- осуществление экспертного аналитического комментирования и организация общественного обсуждения политических событий в информационном пространстве;

- продвижение созданного медиапродукта в информационном поле конкурентной борьбы различных идеологических дискурсов.

Основной же идеологической функцией медиадискурса является формирование общественного мнения, включая выработку доминант в системе ценностных ориентаций и политических предпочтений публики.

Существует несколько теорий, акцентирующих внимание на идеологической роли СМИ и

социально-политическом влиянии медиадискурса. Перечислим некоторые из них: теория социального научения, теория культивирования, теория унификации, теория использования и удовлетворения, теория установления повестки дня.

Впервые теория «установление повестки дня» (*agenda setting*) была сформулирована в начале 70-х гг. XX в. американскими исследователями Максвеллом Маккоумзом и Дэвидом Шоу, по мнению которых масс-медиа постоянно подсказывают гражданам, какие проблемы считать актуальными, на текущий момент, а какие – не стоящими особого внимания. Повестка дня складывается как в зависимости от сложившейся в обществе политической конъюнктуры, так и стихийно в результате конкуренции между средствами массовой информации: «все зорко следят за тем, как бы не упустить какую-либо важную тему, и «подравниваются» под конкурентов. В результате самые разные средства массовой информации начинают «в один голос» обсуждать одни и те же проблемы» [Дьякова Е. Г. Трахтенберг А. Д. 2005:14-15]. Чем выше уровень доверия СМИ, тем успешнее осуществляется технология установления повестки дня.

Ряд концепций рассматривают современные масс-медиа как проявление ментального насилия, направленного на унификацию общественного сознания. В качестве альтернативы предлагается модель медиавируса, который, используя методы деконструкции и разоблачений смыслов, разрушает процесс тотальной стандартизации [Рашкофф Д. 2005].

Главными медийными конструктами, из которых складывается виртуальная политическая реальность, выступают события, новости и медиаобразы (имиджи) политических субъектов и институтов.

Для понимания того, что собой представляют воспринимаемые через СМИ политические события и новости, необходимо, на наш взгляд, применить *семиотико-конструктивистский* подход к осмыслению политической реальности.

С позиции семиотико-конструктивистского подхода события и новости, воспринимаемые аудиториями масс-медиа в качестве элементов реальной политической жизни, оказываются

событиями и новостями именно потому, что соответствуют определенным семиотическим матрицам коллективных ожиданий и представлений о том, что имеет наибольшее значение для жизни общества, что представляет собой общественную ценность в определенной системе координат. Иначе говоря, отбирая факты реальной жизни, СМИ делают их событиями и новостями не произвольно, а в силу существующих в обществе ценностных предпочтений и коллективных представлений о значимых смыслах.

Вместе с тем, применяя определенные технологии воздействия, СМИ способны значительно «подогреть» интерес общественности к тем или иным событиям, сделав их на какое-то время центральными и наиболее значимыми в обсуждаемой повестке дня.

Масс-медиа работают в символическом пространстве политики, выполняя функцию своеобразного ткача, плетущего паутину значений и смыслов отбираемых для демонстрации общественности политических фактов-событий.

Не каждое событие, представленное в медийном политическом пространстве, является новостью. Новостной статус событию придают следующие основные компоненты:

- «сегодняшность» (совершаемость в настоящем времени),
- новизна (не встречаемость ранее),
- наличие элемента *неожиданности*,
- *актуальность* (значимость для большой группы граждан),
- способность вызывать *реактивный эмоциональный отклик*.

Что касается способности новостного сюжета вызывать эмоциональный отклик, то она в значительной степени является результатом сценарного конструирования смысловой ткани события. В числе таких сценарных конструктов – драматургическая модель события. Придать событию черты человеческой драмы – одна из задач новостной политической журналистики. Для этого необходимо так интерпретировать и представить сюжет, чтобы в нем чувствовалось противостояние различных социальных сил и столкновение интересов.

Иначе говоря, *новость* – это событие, отобранное по признакам свежести, новизны,

неожиданности, актуальности и сконструированное по правилам драматургии с целью получения определенного эмоционального отклика.

СМИ в силу своих технологических и психологических возможностей широкого влияния на массовую аудиторию обладает способностью превращения событий региональной локации в события глобального масштаба. Ярким примером такого рода превращения является медийная кампания, развернувшаяся вокруг события, которое произошло в США 11 сентября 2001 года. Данное событие с самого начала своего медиа-освещения получило статус мегановости, поскольку многие телекомпании стран мира, прервав вещание, вновь и вновь транслировали и комментировали телекартину террористической атаки и крушения зданий Всемирно-торгового центра. Впоследствии, во многом благодаря СМИ, в общественном сознании прочно закрепилась мысль о том, что дата 11.09.01 стала поворотным пунктом в мировом летоисчислении.

СМИ в эпоху маркетинга выступают мощным средством продвижения идей, фигур и институтов на политический рынок. Частота появления того или иного деятеля в эфире производит эффект узнаваемости, что придает его личности конкурентоспособный характер, создает предпосылки для публичной политической карьеры.

Процесс медиатизации политики сопровождается активным внедрением в политические коммуникации символических фигур и мифологических образов, сконструированных посредством аудиовизуальных СМИ (кинематограф, телевидение, реклама, Интернет). Широкое распространение невербальных способов воздействия на общественное сознание ведет к формированию особого типа ментальности, который можно обозначить понятием «медиаментальность».

Медиаментальность – это такое сознание, которое оперирует преимущественно медиаобразами и склонно воспринимать виртуальные образы реальности, сконструированные СМИ, в качестве адекватного отражения объективной реальности. Другими словами, медиаментальность является разновидностью синкретическо-

го взгляда на мир, для которого не существует принципиального отличия между медиа-образом и объективной реальностью.

Медиаобразы способны активно управлять общественным сознанием, поскольку их визуально-эмоциональный характер создает эффект подлинной реальности. Массовое сознание нередко доверяет медиаобразам больше, чем письменным текстам и устным речам. Кроме того, восприятие медиаобразов не требует от аудитории особого напряжения ума, характерного для человека читающего литературные тексты и изучающего политические программы. Это в значительной степени облегчает процесс ментального поглощения медиаобразов и обратной коммуникации в ходе их трансляции. Медиаобразы задают и формируют определенное видение политических реалий. Их информационно-коммуникативными агентами выступают идеологические медиадискурсы.

Современное медиатизированное поле политики – место конкуренции и напряженной борьбы *агональных медиадискурсов*, ведущих сражение за доминирование определенных медиаобразов в политическом пространстве. Собственно именно в этом и заключается дискурсивная суть информационных войн, постоянно идущих между конкурирующими между собой государствами на мировой политической арене.

В информационной войне побеждает тот, кто способен посредством медиадискурса сформировать привлекательный политический медиаобраз собственной страны и создать негативный медиаобраз политических противников и конкурентов. Немаловажное значение для успешного продвижения конструируемых медиаобразов в информационном политическом пространстве имеет предварительная и тщательная разработка стратегии информационной кампании. К стратегическим моментам организации и проведения такой кампании, к примеру, относятся: игра на информационное опережение, синхронное подключение к информационной кампании разнообразных медиа-каналов, скоординированность оценочных суждений, производимых лидерами общественного мнения.

В ходе проектирования информационной кампании используются также технологии

информационного манипулирования в качестве властных ресурсов. К технологиям информационного манипулирования относятся различного рода приемы информационного и символического давления – массированное тиражирование одной и той же версии события, прием «спирали молчания», блокирование нежелательной информации и оценочных суждений, не соответствующих заданному образу, прием неадекватной визуализации события (на текст накладывается «картинка», взятая из иной событийной области), включение в интерпретационное поле текущего события неадекватных аналогий из прошлого, эксплуатация стереотипов негативного восприятия мишени информационной атаки. Наглядной иллюстрацией того, как относительно успешно манипулятивные технологии могут использоваться в качестве властных ресурсов во время информационной борьбы, может служить медийное освещение рядом западных СМИ вооруженного конфликта между Россией и Грузией в августе 2008 г.

С самого начала конфликта Грузия заняла активную позицию в масс-медийном пространстве, проявив искусство информационной инициативы. Президент Грузии М. Саакашвили предпринял прямые медиа-обращения к мировому сообществу, его информационные службы организовали регулярное проведение телемостов. Российская сторона оказалась менее активной в плане оперативности и мобилизации информационных ресурсов. Вещающий на другие страны телеканал «Russia Today» оказался чуть ли не единственным источником трансляции российской версии происходящего конфликта. Кроме того, по своему влиянию на общественное сознание зарубежных граждан и по охвату зоны вещания он значительно уступал CNN, BBC и SkyNews.

Кроме того, медиа-освещение конфликта российской стороной было недостаточно скоординировано. Российский миротворческий контингент не имел постоянно действующего пресс-центра. Не был оперативно развернут пресс-центр и при Генеральном штабе ВС. Информационные послания России носили запаздывающий и защитно-опровергающий характер. Представляемые журналистам документальные источники, призванные подтвер-

дить российскую версию конфликта, носили фрагментарный характер, не складываясь в одну целостную убедительную картину.

Не были предприняты также активные шаги по оперативному разоблачению информационных подлогов, которыми грешили некоторые медийные зарубежные каналы. В частности телеканал CNN передавал сообщение о бомбежке российскими вооруженными силами грузинского города Гори. При этом в качестве видеосопровождения данного сюжета использовались документальные кадры, снятые репортерами канала «Russia Today» во время обстрела Цхинвали грузинскими войсками.

Политическим просчетом российской стороны в деле организации информационного освещения пятдневной войны можно также считать задержки с аккредитацией иностранных журналистов для получения ими информации непосредственно с места событий.

В медийных образах стран-участниц конфликта, передаваемых западными СМИ, были заложены стереотипы восприятия политических акторов по схеме «свой-чужой». С самого начала информационного освещения конфликта образ Грузии конструировался западными СМИ как страны, ориентированной исключительно на базовые ценности либеральной демократии. Олицетворением данной ориентации как «своей», близкой западному зрителю, в медийном пространстве становится президент Грузии, который берет на себя функцию главного ньюсмейкера, ежедневно появляясь в эфире CNN с обращениями к руководству НАТО и мировой общественности.

Апелляция к европейским ценностям была стратегическим риторическим приемом, который должен был выстроить в общественном сознании, с одной стороны, общий позитивный имидж Грузии, а с другой стороны, создать отрицательный образ России как агрессивной недемократической державы.

Кроме того, для усиления образа Грузии как жертвы агрессии представители грузинского руководства в своих интервью западным каналам прибегли к приему исторической аналогии, сравнивая происходящую войну на Кавказе со вторжением советских войск в Чехословакию в 1968 г. При этом в качестве иллюстрации

западные телеканалы транслировали документальные кадры давних чехословацких событий, что должно было создать впечатление о том, что Россия и в настоящее время продолжает проводить агрессивную советскую внешнюю политику.

Посредством созданного западными каналами медийного образа противостояния России и Грузии в международном информационно-политическом пространстве был актуализирован стереотип биполярного мира эпохи «холодной войны». Россия как ранее СССР, позиционировалась в качестве антипода ценностям западной демократии. Происходила символическая отстройка России от цивилизаций Запада. Реанимировался миф о великодержавных амбициях России, готовой с помощью военной силы покуситься на суверенитет бывших союзных республик и стран бывшего социалистического лагеря.

Большое значение в формировании имиджей политических субъектов в мировом медиа-пространстве имеет сегодня Интернет. Именно Интернет был способен представить в информационном пространстве разные взгляды на российско-грузинский конфликт. Зная это, главные грузинские провайдеры 9 августа закрыли для своих граждан доступ к российским сайтам, ограничив тем самым присутствие в информационном пространстве российской версии событий. Возобновление доступа произошло только 21 октября 2008 г.

С другой стороны, грузинские правительственные веб-сайты подверглись атаке российских хакеров. 8 августа хакерской атаке подвергся официальный сайт МИД Грузии. При этом его главная страница была заменена коллажем фотографий Гитлера и президента Грузии. Пострадал от хакерской атаки и официальный сайт грузинского президента.

В ходе информационного противостояния западных и российских СМИ блоги и форумы русскоязычного Интернета стали не только дискуссионной площадкой, но и своеобразным медиацентром, где силами множества отдельных пользователей в англоязычном виртуальном пространстве представлялась альтернативная западным СМИ точка зрения на причины и начало конфликта на Кавказе. Пользователи

Рунета не только проводили информационную операцию по разъяснению российской позиции посетителям западных форумов, но и осуществляли исследования прогрузинских материалов на предмет их подлинности и правдивости. После того, как в традиционных СМИ тема войны на Кавказе была снята с основной повестки дня, информационно-политическая деятельность в Интернет-пространстве по поводу освещения и оценки конфликта, отнюдь, не ослабела. Более того, она все больше приобретала черты глубокой политической аналитики и журналистики. Так, например, по инициативе группы блоггеров-добровольцев был сделан перевод на английский язык документального фильма «Раны Цхинвала», ссылки на который размещались в англоязычном секторе Интернета в качестве комментариев к статьям и видеороликам о грузинской войне. Позже специально для распространения в сети Интернет был выпущен фильм «Война 08.08.08. Искусство предательства». Ответом на него с грузинской стороны стал фильм «Хроники грузинского августа».

В целом, российский медиадискурс, представляющий российскую версию политических событий, так и не нашел широкого отклика в западном информационном пространстве, не оказал существенного влияния на общественное мнение граждан Запада. В западном информационном пространстве как вначале конфликта, так и после его военно-политического завершения доминирующим оставался медиадискурс прогрузински настроенных информационных каналов. Российский же медиадискурс только тогда смог ворваться в глобальное информационное пространство западных СМИ, когда стал широко распространяться в Интернет-пространстве и получил свою поддержку на сайтах иностранных журналистов.

Литература:

1. СМИ и политика: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. Л.Л. Реснянской. М., 2007. С. 91.
2. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Установление повестки дня: теория и технология. Издание 2-е, переработанное и дополненное. Екатеринбург, 2005. С. 14-15.
3. Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на наше сознание. М., 2003. технология. Издание 2-е, переработанное и дополненное. Екатеринбург, 2005.

М.Ф. Казанцев

ДОКУМЕНТ И АКТ В РЕАЛЬНОМ И ВИРТУАЛЬНОМ МИРЕ (ПОНЯТИЙНО-ДИСКУРСИВНЫЙ СРЕЗ)

Казанцев
Михаил Федорович

Доктор юридических
наук, зав. отделом
права
Института философии
и права УрО РАН

Документы и акты сопровождают людей постоянно. Жизнь каждого человека с документом – свидетельства о рождении – начинается и документом – свидетельством о смерти – заканчивается. А между рождением и смертью – тысячи, если не десятки тысяч разного рода документов и актов: справки, больничные листы, законы, паспорта, договоры, письма, книги, открытки и т.д. и т.п. Виды и формы документов и актов настолько многочисленны и разнообразны, что люди часто и не подозревают, что имеют дело именно с ними. Так, марки, виниловые пластинки, детские рисунки, тетради с выполненными школьными заданиями или студенческими конспектами обычно не воспринимаются как документы. Покупая же на базаре семечки или в магазине колбасу, человек, скорее всего, не осознает, что совершает акты, да притом правовые (юридические).

Зародившись в виде глиняных табличек, папирусов, берестяных грамот, документы затем обрели бумажную форму, которая обеспечивала массовость документов. Именно документы на бумажном носителе заполнили мир и, можно сказать, изменили его, став одним из проводников прогресса.

Документы и акты – незаменимое средство (можно сказать дискурсивное средство)

коммуникации. Без них жизнь остановится. Документы и акты не просто социально значимы, они имеют, без преувеличения, цивилизационную ценность.

Казалось, бумажный носитель документа будет царствовать в мире вечно. Однако появление электронно-вычислительных машин (компьютеров) вызвало к жизни электронную (виртуальную) форму документа, которая в последние годы особенно благодаря Интернету, электронной почте и мобильным телефонам получила настолько широкое распространение, что стала соперничать с бумажным документом. В отдельных сферах электронный документ даже начал вытеснять бумагу. Современный человек уже не представляет свою жизнь без документа, отображенного на экране монитора компьютера (дисплея). Для иных людей, особенно молодых, работать с электронным документом уже привычнее и комфортнее, чем с бумажным. Экспансия электронного документа началась и впредь будет только усиливаться. Бумажный документ в ближайшие сто лет, конечно, не исчезнет, но, без сомнения, уступит пальму первенства электронному документу.

Документы (будь то бумажные или электронные) и акты пронизывают все сферы жизни (личную, общественную, производственную). Однако для некоторых сфер они имеют особое значение. В их числе, например, архивное дело и юриспруденция. Так, в юридической сфере документ (в виде юридического, правового документа) и акт (в виде юридического, правового акта) являются узловыми феноменами. В правоведении юридический (правовой) акт (и прежде всего в документной форме) выступает одним из основных объектов изучения (правда, все равно не в должной мере и без приемлемых научных результатов).

С учетом цивилизационной ценности документа и акта в бумажном и электронном (виртуальном) проявлениях заслуживают исследования

с общенаучных позиций. Попыткой познания документа и акта с таких позиций и является настоящая статья, причем с двумя существенными оговорками: во-первых, попытка эта будет ограничиваться в основном понятийным аспектом с некоторым дискурсивным оттенком и, во-вторых, базироваться прежде всего на юридическом материале, коль скоро именно юридическая сфера тесно соприкасается с документами и актами.

Начать же следует с общего понятия акта и документа с некоторой их видовой характеристикой.

Акт (волевой акт) – это воля субъекта (субъектов), которая выражена вовне в объективированной форме и имеет определенную цель. Возможно, пожалуй, также понятие и внутреннего волевого акта, совершаемого человеком мысленно без объективирования вовне.

Акты (волевые акты) могут быть подразделены по различным основаниям. Так, акты подразделяются на правовые (юридические) акты и неправовые (неюридические) акты.

Правовой акт – это акт, который выражает волю субъекта (субъектов) права, совершен с целью правового регулирования общественных отношений и обеспечен возможностью государственного принуждения.

Акт вообще и правовой акт в частности может быть выражен в документе или совершен устно. При этом одни виды актов могут совершаться только в документальной форме (например, законы), а другие – как в документальной, так и в устной (некоторые виды сделок, указания и распоряжения должностных лиц). Сведение актов (правовых актов) только к письменным документам¹ представляется необоснованным и нелогичным. Главным в правовом акте является воля субъекта, а не форма ее внешнего выражения. Показательно, что в русском языке слово «акт» (от латинского *actus* – действие) означает как документ, так и действие². Содержание правового акта образуют нормативные или ненормативные (по другой не вполне точной терминологии – индивидуальные) положения, которые представляют собой соответственно нормативные или ненормативные волевые модели регулируемых правовым актом отношений (поведения).

В правоведении (в умах юристов) акт как выражение воли и его документальная форма сливаются настолько, что практически не различаются, не отделяются друг от друга, воспринимаются как единое целое. Так, С.С. Алексеев определяет нормативный юридический акт как «официальный акт документ правотворчества компетентного органа, содержащий юридические нормы (предписания)»³. Еще показательнее в этом отношении существующее в цивилистике устойчивое понимание договора как документа (наряду с пониманием договора как соглашения, сделки, юридического факта и правоотношения). Поэтому соотношение акта и документа полезно рассмотреть на примере договора.

Понимание договора как документа отражает форму (средство) внешнего выражения договора, притом не каждого, а только письменного договора.

Договор как документ и договор как правовой акт (сделка) суть связанные, но различные явления. Договор как правовой акт – явление идеальное, договор как правовой документ – явление материальное. Договор как документ выступает как материальное, вещественное выражение (оболочка) договора как правового акта.

Договор как правовой акт может быть выражен в одном или нескольких экземплярах документов, либо вообще не выражен в документе. В последнем случае формой (средством) внешнего выражения (объективизации) договора как правового акта выступает устная речь, поведение стороны (в том числе действия, бездействие, молчание). Существование договора как правового акта жестко не связано с существованием документа, выражающего этот договор. Если, предположим, договор заключен в письменной форме с составлением договорного документа в двух экземплярах и оба они будут утрачены (утеряны, уничтожены), то договор как правовой акт, как правовая реальность не обязательно исчезает.

В ряде случаев документальной форме договора придается особое значение, например, когда документ, выражающий договор, одновременно является и ценной бумагой. Здесь важны и договор как идеальное явление, выражающее волю сторон, и материальная (вещественная) оболочка, фиксирующая эту волю. Документ,

выражающий договор, обретает в данном случае качество вещи (объекта права). И реализация прав, основанных на договоре, выраженном в форме ценной бумаги, жестко связана с наличием этой вещественной оболочки договора – документа. Пример такого рода договоров – договор складского хранения, выраженный в форме складского свидетельства. Оно является одновременно и документом, выражающим договор складского хранения, и вещью (объектом права), имеющей специальный правовой режим обращения.

Поскольку понимание договора как документа отражает форму внешнего выражения, фиксации согласованной воли сторон договора, да к тому же не каждого договора, оно не может отражать юридическую природу договора.

Вместе с тем использование термина «договор» для обозначения договора как документа вполне уместно, так как из контекста всегда видно значение используемого термина. Так, в выражениях «направить проект договора», «подписать договор» ясно, что речь идет о направлении, подписании документа, содержащего текст договора. К тому же письменные договоры воспринимаются прежде всего через документ – материальный объект, выражающий договор как идеальное явление – правовой акт. Поскольку договор как идеальное явление нельзя «пощупать руками», в обыденном сознании он сливается со своей вещественной оболочкой – документом и именуется с ней одинаково.

Сказанное о соотношении договора как правового акта договора как документа справедливо для правовых актов и правовых документов на более высоком уровне абстракции. И все же важно рассмотреть документальную форму важнейшего вида правового акта и акта вообще – нормативного правового акта.

Основная форма внешнего выражения нормативного правового акта – документальная форма или, иными словами, форма документа. Кроме основной документальной формы нормативного правового акта в принципе возможны и другие формы: устная форма нормативного правового акта или даже предметная форма нормативного правового акта (примерами здесь могут служить хотя бы устное указание полномочного

должностного лица нормативного характера и утвержденный образец – эталон какого-либо товара).

В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 1994 года № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов»⁴ документ – это «материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения». Приведенное определение дает возможность составить самое общее представление о нормативном правовом акте как документе.

Нормативный правовой акт может быть выражен в форме не любого документа, а только письменного документа, который в ГОСТ Р 51141–98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» определяется как текстовый документ, информация которого зафиксирована любым типом письма. Текстовый документ в свою очередь названным стандартом определяется как документ, содержащий речевую информацию, зафиксированную любым типом письма или любой системой звукозаписи. Чтобы лучше уяснить существо письменных документов, полезно назвать здесь и другие виды документов, а именно: изобразительные документы (т.е. документы, содержащие информацию, выраженную посредством изображения какого-либо предмета), фоновые документы (т.е. документы, содержащие звуковую информацию, зафиксированную любой системой звукозаписи) и аудиовизуальные документы (т.е. документы, содержащие изобразительную и звуковую информацию). Как письменный документ нормативный правовой акт в некоторых случаях может содержать отдельные нормативные положения, выраженные в форме изображений, в том числе графических.

Отталкиваясь от изложенного, можно сформулировать некоторые предварительные выводы о соотношении акта и документа.

Акт (как выражение воли) и документ – тесно связанные, но различные объекты (явления).

Акт – объект идеальный. Документ – объект материальный.

Акт может иметь как документальную, так и не документальную (в частности устную) форму внешнего выражения.

Объемы понятий «акт» и «документ» не совпадают друг с другом (то есть не являются равнозначными, не соотносятся как род и вид или вид и род, не являются перекрещивающимися).

А теперь – о документе в виртуальном мире, точнее об электронном документе.

Проблематика электронного документа возникла вместе с появлением электронно-вычислительных машин (ЭВМ), которые сейчас чаще называются компьютерами. С распространением компьютеров проблема электронных документов неизбежно перешла и в юридическую плоскость. Появилась обширная литература по данной тематике⁵. Мало того, вопросы, связанные с электронными документами, подверглись правовому регулированию, в том числе и на уровне законов.

В науке пока не выработано устойчивое понятие электронного документа. Поэтому интерес может представлять нижеследующий краткий обзор определений электронного документа (последний может также именоваться как документ на машинном носителе, машинный документ, цифровой документ, виртуальный документ).

Вначале приведу два доктринальных определения, содержащихся в юридической литературе.

По мнению А.П. Вершинина «электронным документом является информация, зафиксированная на электронных носителях и содержащая реквизиты, позволяющие ее идентифицировать»⁶.

Н.Н. Федосеева под электронным документом предлагает понимать «любую информацию, записанную на перфокарту, перфоленту, магнитный, оптический, магнитооптический накопитель, карту флэш-памяти и иной подобный носитель, которую можно аутентифицировать и/или идентифицировать»⁷.

Имеются и официальные дефиниции электронного документа.

Одно из них содержится в подзаконном, точнее ведомственном нормативном правовом акте, согласно которому «электронный доку-

мент – информация, представленная в форме набора состояний элементов электронной вычислительной техники, иных электронных средств обработки, хранения и передачи информации, могущая быть преобразованной в форму, пригодную для однозначного восприятия человеком, и имеющая атрибуты для идентификации документа»⁸.

Есть официальное определение и на самом высоком – законодательном уровне. Оно содержится в статье 3 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронно-цифровой подписи» и гласит: «электронный документ – документ, в котором информация представлена в электронно-цифровой форме»⁹.

Несмотря на различия в приведенных определениях (как по объему, так и по содержанию) они позволяют составить хотя бы предварительное представление об электронном документе. Наиболее точным представляется последнее из приведенных – законодательное определение. Вместе с тем, оно весьма лаконично, что затрудняет уяснение сути электронного документа.

Поэтому возможно и желательно определение, основанное на законодательном, но более содержательное, развернутое. В качестве первой предварительной попытки такого определения может быть предложена следующая формулировка.

Электронный документ – это документ, в котором информация выражена в электронно-цифровой форме, зафиксирована на электронном носителе (магнитной ленте, оптическом диске и др.) и с помощью электронной вычислительной техники (компьютера и др.) может быть преобразована в пригодную для восприятия человеком форму (текста, звука, изображения и др.).

Здесь следует пояснить. Электронный документ и результат его преобразования в пригодную для восприятия человеком форму – не одно и то же. Выраженная в электронном документе информация не воспринимается (не распознается) органами чувств человека – зрением, слухом, осязанием, как воспринимается ими электронный документ, например, текст или изображение на бумажном носителе. То, что человек видит на экране дисплея (мониторе компьютера), – это уже не электронный документ, а его трансформация в иную форму, в частности

в форму распечатки на принтере компьютера и видеogramмы электронного документа (то есть изображения чего-либо на экране монитора компьютера).

Электронный документ представляет собой форму (вид) именно документа. Через документ электронный документ является формой (одной из форм) внешнего выражения акта, в том числе правового акта. Поэтому сказанное ранее о соотношении акта и документа справедливо и для соотношения акта и электронного документа.

1. Как это делается, например, Ю.А. Тихомировым и И.В. Котелевской (Тихомиров Ю.А., Котелевская И.В. Правовые акты: Учебно-практическое и справочное пособие. – М., 1999. – С. 17).
2. Словарь современного русского литературного языка. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Т. 1. – М.: Рус. яз., 1991. – С. 122–123.
3. Алексеев С.С. Общая теория права: Курс: В 2 т. – М.: Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – С. 201.
4. Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 1. – Ст. 1.

5. См., например: Карев Я.А. Электронные документы и сообщения в коммерческом обороте: правовое регулирование. – М.: Статут, 2006. – 320 с.; Электронный документ и документооборот: правовые аспекты. Сб. науч. тр. – М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2003. – 208 с.; Фабричный А. «Традиционные» и «электронные» документы // Хоз-во и право. – 2008. – № 10. – С. 102–109; Косовец А.А. Правовой режим электронного документа // Вестник Московского ун-та. – 1997. – № 5. – С. 48–59; Лапшинов Э.В. Классификация и виды электронных юридических документов // Ленинградский юрид. журнал. – 2008. – № 3 (13). – С. 211–218; Соловяненко Н. Заключение договоров с использованием электронных документов в системах электронной торговли // Хоз-во и право. – 2005. – № 3. – С. 50–58; Халиков Р.О. Правовой режим электронного документа: вопросы использования электронной цифровой подписи: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань. – 2006. – 28 с.
6. Вершинин А.П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде. – М.: ООО «Городец-издат», 2000. – С. 40.
7. Федосеева Н.Н. Понятие и сущность электронного документа // Юрист. – 2008. – № 5. – С. 61.
8. Постановление правления Пенсионного фонда Российской Федерации от 26 января 2001 г. № 15 «О введении в системе Пенсионного фонда Российской Федерации криптографической защиты информации и электронной цифровой подписи».
9. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 2. – Ст. 127.

В.М. Русаков

ПРОБЛЕМА ВИРТУАЛИЗАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ

**Русаков
Василий Матвеевич**

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Института международных связей, вице-президент МАДИ, г. Екатеринбург

Из истории философии известно, что вопрос о том, что есть реальность (что есть на самом деле?), а что – весьма похожая (практически неотличимая от нее иллюзия) волновал еще древних греков. Они вводили различие знания «по мнению» и знания «по сути». Платон для объяснения разницы вводил образ пещеры, на стенах которой ее узники рассматривают неверные тени настоящего.

Надо сказать, что уже тогда стало ясно, что «реальность» и «действительность» – не одно и то же и потому критерии установления того, что реально и действительно – неодинаковы. Мало чувственной достоверности для удостоверения того, что мы имеем дело с действительностью. Отсюда известное древним грекам различие трех родов сущего.

Новое время поставило проблему теоретико-методологических и практических процедур, с помощью которых можно было бы решить проблему постижения действительности такой, «как она есть на самом деле». Известно, какие варианты решения этой проблемы были предложены в дилеммах эмпиризма и рационализма, рационализма и иррационализма.

Широкое развитие различных знаково-символических средств, реализованных в сложно-организованных технических системах в XX в., которые мощно вторглись в мир чувственного (аудиовизуальные технические системы и средства) и рационального освоения мира человеком – еще

раз радикально переформулировали, в сущности, старую проблему «гносеологической пещеры» Платона, заострив ее до предела: не есть ли и сама пещера, и все ее тени – продукт собственной манипулятивной деятельности человека, в недрах которой обесмысливается вопрос о различии действительного и иллюзорного.

Большой вклад в разработку средств диагностирования, распознавания и анализа духовно-практических (мыслительных) форм виртуализации действительности – т.е. создания «заколдованного и на голову поставленного мира», – внес в XIX в. классический марксизм и, прежде всего, К. Маркс своей работой «Теории прибавочной стоимости», составившей четвертый том его бессмертного «Капитала».

Именно человек ставит и пытается решить проблему различения иллюзий и действительности, но острота проблемы состоит в том, что сам познающий субъект является участником познаваемых процессов и потому характер и способ его включенности в изучаемые связи и отношения предопределяет итог постижения: либо субъект понимает, что есть «на самом деле», а что всего лишь суть иллюзии. Там, где сущностная связь реализуется «окольно», в конечном счете (а, значит, как правило), за пределами круга непосредственного взаимодействия каждого отдельного индивида, там возникают совершенно ложные, иллюзорные и фантастические представления людей об этих явлениях (но которыми они, тем не менее, пользуются для ориентирования в этих процессах).

Частным случаем такого противоречивого взаимоотношения непосредственного и опосредованного является «овеществление» («реификация»): «В формуле «капитал-прибыль» или, еще лучше, «капитал-процент, земля-земельная рента, труд – заработная плата», в этом экономическом триединстве, изображающем связь составных частей стоимости и богатства с его источниками, оказывается завершенной мистификацией капиталистического способа производства, овеществление общественных отношений, непосредственное сращивание вещественных отношений производства с их исторически-общественной определенностью получился заколдованный, извращенный и на голову поставленный мир...» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т.25.ч.2.с.398.).

То есть, например, то, что есть общественное отношение – собственность – отождествляется с вещью, являющейся предметом этого отношения (возникает закономерный вопрос: в какой части вещи сосредоточена «собственность», каковы ее физические, химические и другие вещественные свойства?). Овеществление лежит в основе всевозможных мистификаций. Капитал представляется вещью, обладающей мистическим свойством самовозрастания стоимости: «Поэтому в капитале, приносящем проценты, этот автоматический фетиш, самовозрастающая стоимость, деньги, выступает перед нами в чистом, окончательно сложившемся виде, и в этой форме он уже не имеет на себе никаких следов своего происхождения» (Там же. Ч.1. С.431). А в результате фетишистская форма капитала получает свое завершение: «В формуле Д-Д* мы имеем иррациональную форму капитала, высшую степень искажения и овеществления производственных отношений..., перед нами мистификация капитала в самой яркой форме» (Там же. С.432).

Но марксизм впервые обратил внимание на то, что мистификация имеет под собой объективное основание: мы обычно понимаем под ней умышленное введение в заблуждение, сокрытие того, как «оно есть на самом деле». Напротив, К. Маркс подчеркивает, что познающие субъекты внутри этих процессов бесхитростно и доверчиво («некритически») воспринимают то, что «есть»: «Движение, характерное для капитала вообще, – возвращение капитала к его исходной точке, – для капитала, приносящего проценты, приобретает чисто внешний вид, обособленный от того действительного движения, формой которого он служит» (Там же. С.383).

Именно с этими действительно состоявшимися, свершившимися превращениями, замещениями и вытеснениями имеют дело участники этих процессов: «агентам производства, носителям различных функций процесса производства дело представляется ... в извращенной форме» (Там же. С.389). Они ничего не делают, кроме как отображают «реальное положение дел». Например, так называемая «вульгарная политэкономия», собственно, ничего особенного и не делает «как только доктринерски истолковывает. Систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захвачен-

ных отношениями этого производства ((Там же. С.383) как, добавим мы сегодня, это делает зарубежная и российская буржуазно-либеральная экономическая наука, «объясняющая» причины нынешнего экономического кризиса и способы выхода из него, способы приватизации (=разграбления) национального богатства СССР и России)).

К. Маркс обращает внимание на то, что периодически возникающие попытки «рационально» объяснить (мы бы сказали – как в свое время российский премьер Е. Гайдар) поражающие своей дикостью и абсурдом капиталистические отношения столь же систематически терпят поражения: «Может показаться, что, по крайней мере, в формуле «труд-заработная плата» выражено рациональное отношение. Но этого здесь нет так же, как в формуле «земля-земельная рента», поскольку труд образует стоимость и представлен в стоимости товаров, он не имеет никакого отношения к распределению этой стоимости между различными категориями. Поскольку же он имеет специфически общественный характер наемного труда, он не образует стоимости. ...заработная плата или цена труда есть лишь иррациональное выражение стоимости или цены рабочей силы и определенные общественные условия, при которых продается эта рабочая сила, не имеют никакого отношения к труду, как к всеобщему фактору производства» (Там же. С.390). Российское общество на своем печальном опыте убедилось в этом весьма наглядно: накануне «приватизации» государственной собственности она вдруг, в одночасье перестала что-либо стоить и ее практически даром (гигантские заводы и отрасли продавались по цене «хижины дяди Тома» (или Сэма?)) отдавали назначенным олигархам. И, действительно, через мгновение под эти «ничего не стоящие» нефтегазовые, металлургические предприятия зарубежные банки давали миллиардные кредиты.

В системе таких общественных отношений (К. Маркс их квалифицирует как стихийные частнособственнические) действительность стремительно извращается. Мистифицируется, приобретает иллюзорные (но чувственно достоверные!) формы, т.е. виртуализируется. Субъекты, стремящиеся познавать и ориентироваться в этом заколдованном и на голову

поставленном мире, попадают в настоящее «фантоматическое» устройство, описанное С. Лемом в его «Сумме технологии»: вещи наделяются сверхъестественными свойствами межлических общественных отношений, а общественные и человеческие, межличностные отношения сводятся к вещественным свойствам. Это составляет суть фетишизма.

Важно также иметь в виду, что развитие современных технических воплощений различных знаково-символических форм представления и выражения действительности имеют в таком обществе тенденцию к такой же фетишизации: те же компьютерные системы (программы и работающие в соответствии с ними машины) наделяются фантастическими свойствами в циркулярах и распоряжениях чиновничества: российские чиновники от образования (можно подумать – насмотревшиеся голливудских боевиков и ужасиков в стиле «киберпанка») чистосердечно полагают, что в компьютерах «все есть», что с их помощью можно учить и воспитывать детей, лечить людей, управлять экономикой и образованием, бороться с коррупцией и т.п. Их изумительно трепетное отношение к наличию «интерактивных электронных досок» в школах во время «встреч с народом» может соперничать только с их новообретенной религиозностью!

В основе фетишизма классический марксизм усматривал в остановке обыденного сознания на фиксации непосредственной чувственно достоверной реальности, стихийно (или, как сегодня – манипулятивно) навязываемой индивиду системой господствующих общественных отношений. Он обращает внимание на то, что общественные отношения являются устоявшимися схематизмами деятельности людей (способами, приемами практической, ценностно-ориентировочной, познавательной). Некритическое их усвоение и «встраивание» в них, без «докапывания» до ответов – почему они именно таковы, каковы они есть составляет основу неконтролируемости, стихийности, спонтанности в массовом сознании, выступающей одним из аспектов иррациональности общественного бытия и сознания. Добавим только, что анализ империализма как монополистического капитализма, проведенный В.И. Лениным, существенно дополняет картину: спонтанность, неконтролируемость в значитель-

ной мере начинает искусственно создаваться и преднамеренно навязываться рядовому индивиду с исчезновением свободной конкуренции. Например, современное российское государство, выстроившее беспрецедентную систему государственно-монополистического капитала, сущностно, инстинктивно заинтересовано в том, чтобы население страны было в максимальной степени захвачено формами иллюзорного, фетишистского и иррационально-превращенного сознания (на это нацеливается вся система социальных институтов – образование, просвещение, СМИ, воспитание, наука, религиозные организации и т.п.).

В марксизме была предпринята грандиозная попытка выработки способов и путей преодоления такой извращенной и иррационально-превращенной виртуализации общества. К. Маркс в «Капитале» писал: «строй, создаваемый комму-

низмом, является как раз таким действительным базисом, который исключает все то, что существует независимо от индивидов, поскольку существующий строй есть ведь не что иное, как продукт существовавшего до сих пор объединения между самими индивидами» (Там же. Т.3. С.71). Другими словами, необходим сознательный и планомерный контроль объединенных индивидов над способом их совместной жизнедеятельности. Позднее Ф. Энгельс пояснит эту мысль Маркса: «То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно творить свою историю сами» (Там же. Т.20. С.295).

О.Е. Кускова

СКАЗКА КАК ВИРТУАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Кускова
О.Е.

Понятие «виртуальность» в современной философии служит для обозначения особого онтологического уровня, порожденного реальностью. Возникновение этого уровня зависит от реальности, но далее, виртуальность существует автономно и равноправно с создателем. В этой связи, сказка, как один из основных жанров устного народного творчества, вполне может претендовать на понимание ее как некой виртуальной реальности. Любое литературное произведение может считаться вир-

туальностью: созданное автором в определенную эпоху и при определенных обстоятельствах, оно начинает существовать автономно, неся в себе некоторый первоначальный заряд, но трансформируясь в зависимости от интерпретации. Сказка, не являясь литературным произведением, тем не менее, создана также в определенных обстоятельствах, с определенной целью. Но, в отличие от авторского произведения, сказка несет в себе не одно мнение, не позицию одного человека, а духовность целого народа. Поэтому сказка виртуальна вдвойне: с одной стороны, как результат творчества, с другой стороны, как выражение особого «виртуального понятия» – ментальности народа.

Понятие «ментальность» введено в научный оборот историками французской школы «Анналов» для обозначения наличия у представителей того или иного общества, понимаемого как национально-этническая и социокультурная общность, некоего умственного инструментария, дающего возможность людям по-своему воспринимать и осознавать окружающих и самих себя. В русской философской традиции ментальность понималась

как душа народа: Г.Г. Шпет называет душу народа коллективной психологической реакцией на воздействующие природные и социальные явления.

В русской сказке ярко представлена проблема поиска смысла жизни – ситуация на распутье. На развилке трех дорог стоит камень с надписями, предвещающими судьбу героя: есть дорога, ведущая к богатству, к власти, к женитьбе, но обязательно есть предсказание неблагоприятных исходов: «Смерть найдешь», «Коня потеряешь». И путник всегда выбирает именно последний путь.

Главный герой очень многих русских сказок – Иван-Дурак – мудрец, чей образ жизни, мыслей и действий непонятен окружающим, живущим по общественным нормам. Таким образом, «дураком» герой является для его окружения, для людей, которые во главу угла ставят обывательский здравый смысл и воспринимают мир только с такой позиции. Иван-Дурак живет не так, как остальные персонажи сказки, за это он гоним, но в финале – обязательно получает награду.

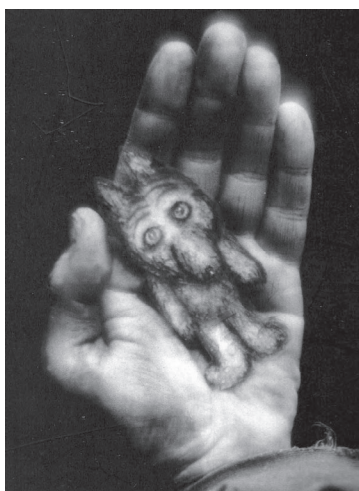
Вообще, когда герой сказки совершает, казалось бы, бессмысленные поступки, даже вредные для него самого (покупка «худой», «паршивой» лошади; покупка животных вместо еды и одежды и т.п.), то, в конечном итоге, он получает гораздо больше, чем рассчитывал. Герой рискует, идет против общественного мнения – и побеждает. В этом проявляется стремление русского человека действовать рискованно, не «разменивая себя» на каждодневную суетную деловитость, и порой рассчитывая лишь на «авось».

Склонность русских людей к созерцанию, поиску идейных основ бытия и размышлению на философские темы так же продемонстрирована в сказке. В качестве примера можно взять сказки о Емеле-дурачке, лежащем на печи, не желающем работать, и размышляющем о смысле жизни. Не стоит трактовать такое поведение героя, как обыкновенную лень. Эта ситуация демонстрирует, во-первых, то, что духовная деятельность для русского человека имеет большее значение, нежели физическая рутинная работа, во-вторых, – то, что русские люди, в какой бы ситуации они ни

были, надеются на чудо, на чью-либо помощь и поддержку (об этом также свидетельствует часто повторяемая фраза: «Ложись-ка спать; утро вечера мудренее»). Как отмечает Б.П. Вышеславцев, русский человек устал от горя, которого с лихвой выпало на его долю: войны, болезни, голод, суровый климат, постоянная забота о «хлебе насущном», тяжелый труд. Поэтому для него так важно везение; возможность передышки, отдыха – это вечная мечта о несбыточном счастье.

Счастье для русского человека (и героя сказки соответственно) не связано с обладанием властью и богатством. Награда герою – это благодать, а не горы золота. Бедность же – воплощение беды. В сказке «Никита Кожемяка» герой расправляется со змеем, но не берет за работу ни гроша, так же, как в «Скором гонце» младший из трех братьев Семен за выполненную работу хочет лишь послужить царю. А сказка о «Золотой рыбке» ярко демонстрирует, что стремление к материальным, земным благам не доводит до добра. Такая мысль подтверждается и сказками, в которых младшая дочь желает в подарок не конкретную материальную вещь, а «перышко «Финиста-ясна сокола», аленький цветочек пр.

Она выбирает наиболее трудный, нетривиальный путь к счастью, рискует. И, каким бы ни было стремление героя сказки избежать беды, на пути к своему счастью он преодолевает множество препятствий, трудом добивается награды. «Если вздумаешь искать меня, то ищи за тридевять земель, в тридесятом царстве. Прежде три пары башмаков железных истопчешь, три посоха чугунных изломаешь, три просвиры каменных изложешь, чем найдешь меня добра молодца!». Поэтому, не совсем верно замечание Вышеславцева, что в сказке воплощается стремление русского человека «ничего не делать и лениться», и при этом мечтать о таком царстве, где есть все, что душа пожелает. О царстве, конечно, русский человек мечтает, но даже в сказке до такого царства герой может добраться лишь тогда, когда приложит немало усилий. В целом же, феномен «тридесятого царства» весьма интересен, как проявление русской ментальности. Множество сказок изображают страх

«разбитой мечты» – постоянное искание лучшего места, стремление уйти «за тридевять земель». Тридесятое царство находится за лесом, за морем, за огненной рекой или пропастью; и герой должен приложить значительные усилия, чтобы добраться туда. Но зато в этом царстве «луга зеленые, травы шелковистые, цветы лазоревые», «премножество разных деревьев со всякими плодами». Так же здесь живет гордая царевна, которую надо покорить, змей, которого надо убить и освободить красавицу, им похищенную; здесь есть молодильные яблоки, живая вода и другие волшебные вещи, которых не найти в обычном мире. В тридесятом царстве живет богато, хорошо и счастливо, потому и символом его является золото – золотое царство.

Важный момент – это стремление русского человека к вольности. В сказке «Царевна-змея» казак попадает в «оловянный замок», где исполняются все его желания, но нет никого рядом. И герой всеми силами пытается выбраться на свободу. А в сказке «Заколдованная королева» солдат попадает в замок с полным достатком, но уже через три дня его одолевает тоска, и он мечтает о родных краях. Таким образом, русский человек, хотя и грезит о неведомых и прекрасных землях, только на «родной стороне» может почувствовать себя свободным и счастливым.

Часто в сказках поднимается вопрос об уважительном, почтительном отношении к старшим, важности верности преданиям и отеческим заветам. Это проявляется, например, в том, что младший сын – Иван-Дурак – единственный из братьев выполняет завет отца, данный всем сыновьям и в итоге получает награду. Или во время пути, герой помогает старушке, которая за доброе дело дает ему верный совет или волшебный предмет.

Вообще, главные «положительные» качества персонажа русской народной сказки – это терпение и мудрость. В сказке «Царевна-Лягушка» младшему сыну досталась в невесты лягушка, но он не стал перечить воле отца, «поплакал-поплакал, да нечего делать – взял в жены лягушку». За смирение ему достается награда – красавица-жена, да еще и с необыкновенными способностями. Но своим нетерпением Иван-царевич нарушает ход событий, и ему приходится пройти испытания, чтобы вернуть счастье. Мудрость в сказке олицетворяет Василиса Премудрая (или Елена Премудрая); она

так же являет собой воплощение гармонии мира, его красоты. Некоторые исследователи сравнивают этот образ с христианской Софией – «Мировой душой», «Премудростью Божьей».

Но сказка появилась на Руси задолго до христианства, поэтому в ней отчетливо проявляются языческие корни. Особо в этом плане стоит отметить образ Бабы-яги. Баба-яга живет в темном, дремучем лесу, в избушке на курьих ножках. Лес в сказке играет роль задерживающей преграды, он непроницаем, скрывает тайну. Это дорога в иной мир – вход в царство мертвых. Избушка на курьих ножках представляет собой «пограничный пункт», через который никто просто так пройти не может: путник должен пройти определенные испытания. Первое из них – это войти в дом. Герой произносит определенную фразу, заклинание, чтобы заставить избу повернуться. Причем герой знает, что необходимо сказать (либо ему подсказали до этого, либо он «просто» знает): «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом». Исследователи фольклора полагают, что в этом сюжете очень многих русских сказок воспроизводится языческий обряд посвящения: юноша в символической форме умирает и, рождается снова, уже считаясь мужчиной.

После того, как герой входит в избушку, он слышит: «Фу-фу! Русским духом пахнет!». Баба-яга чует не просто русский дух, но запах живого человека. Такой запах противен мертвецам, также как запах мертвых – живым. Это доказывает, что Баба-яга – мертвец. В.П. Аникин пишет: «Она лежит поперек своей избы «из угла в угол, нос в потолок врос». Изба тесна яге, она в ней как в гробу». То, что Баба-яга – покойник, говорит и ее костеность. Об обрядовом происхождении сказки свидетельствуют и другие моменты: разрубание героя на части с последующим оживлением, похищение детей, обычай отдавать детей на воспитание в чужую семью и др.

Избушка Бабы-яги имеет явный зооморфный признак – птичьи ноги. Это связано с тем, что яга является повелительницей зверей, она близка к мифическим образам владык природы. Все животные у нее в подчинении (гуси-лебеди, серые волки), а в некоторых сказках она умеет обращаться в птицу или зверей. В.Я. Пропп указывает на подчеркнутость женской физиологичности Бабы-яги, признаки пола которой преувеличены.

Баба Яга снабжена всеми признаками материнства, но, вместе с тем, она всегда старуха, у нее нет мужа. Таким образом, выходит, что яга – мать не людей, она – мать и хозяйка лесных животных. Эти характеристики Бабы-яги сформировались на основе матриархальных и тотемических представлений древних славян. Об этом свидетельствует и то, что в трети сказочных текстов Баба-яга зафиксирована в «положительной роли». Она помогает герою, направляет его, дает совет, волшебный предмет; иногда даже приходится ему родственницей (признак единого рода человека и животного). Отношение к Бабе-яге как к той, которая внушает ужас и отвращение, сложилось позднее, на стадии утверждения патриархального строя.

Помимо образа Бабы-яги, о связи с языческими верованиями говорит и отношение героев сказки к природе. Например, во время погони герой прикладывает ухо к земле и узнает необходимую информацию. А персонажи сказки «Гуси-лебеди» или «Крошечка-Хаврошечка» уважительно, по-доброму отнеслись к природе (разным ее ипостасям), и она помогла им. Также в сказке нашел отражение культ предков. Волшебный предмет, доставшийся от родителей, например, кукла, помогает герою советом или делом. Для счастья в сказке важна гармония с окружающим миром: как миром живых, так и миром мертвых.

В заключении следует отметить, что сказка является наиболее устойчивой формой сохранения и передачи ментальности народа. Созданная много веков назад, впитавшая в себя древние представления о мире и человеке, сказка и сегодня сохраняет актуальность и значимость. Каждый ребенок, проходя стадию становления личности, знакомится с фольклором, и тем самым, впитывает ментальность прежних поколений. И можно с уверенностью сказать, что ментальные черты, которые были свойственны русскому человеку несколько веков назад, актуализируются и в наши дни. Сказка в виртуальной форме сохраняет ментальность во времени, благодаря чему не прерывается связь поколений и традиция.

Литература:

1. Новейший философский словарь / А.А. Грицанов, Д.В. Галкин, И.Д. Карпенко. Новейший философский словарь / Сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов; Науч. ред. В.Л. Абушенко, М.А. Можейко, Т.Г. Румянцева. — Минск. 1999.
2. Кармин А.С. Основы культурологии: морфология культуры. - СПб.: Лань, 1997.
3. См.: Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Изд-во МГУ, 1990.
4. Щумихина Л.А. Рождение русской духовности // Русская духовность. В 3-х т. - Екатеринбург: Изд. Возякова, 2002. - Т. 1.
5. Курашов В.И. Философия: Человек и смысл его жизни. - Казань: КГТУ, 2001.
6. Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. №6.
7. Аникин В.П. Русская народная сказка: пособие для учителей. - М.: Просвещение, 1977.
8. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. - М.:

А.Б. Скуратов

ЛОКАЛЬНЫЕ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВА КАК НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Скуратов
Алексей Борисович

кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга УрГУ, г. Екатеринбург

E-mail:
alex-skuratov@ya.ru

В статье дается определение понятию «локальное интернет-сообщество». Характер формирования и функционирования локальных интернет-сообществ крупных российских городов описывается с использованием теории сетевой структуры М. Кастельса и концепции «ризомы», предложенной современными постмодернистами Ж. Делезом и Ф. Гваттари. Положения статьи возможно использовать для осуществления социологического и социально – философского анализа явлений, порожденных глобальной сетью Интернет.

LOCAL INTERNET COMMUNITIES THROUGH A PRISM OF THE THEORY OF M. CASTELLS AND THE CONCEPT «RHIZOME» by J. DELEZ AND F. GVIATTARI

In the article is defined the concept of 'local Internet-community'. The theory of network structure by M. Kastels which expands formation and functioning of large Russian cities Internet communities is conformed to the concept, offered by modern postmodernists J. Delez and F. Gviattari. Points of the article can be used for realization socially-philosophical analysis of the phenomena, generated by a global Internet.

В условиях стремительного развития Интернета и его разностороннего влияния на современный социум внимание социологов все более привлекает бурное развитие локальных интернет-сообществ, формирующихся и функционирующих в пределах крупных российских городов. Необходимо при этом указать на некоторые принципиальные моменты. Во-первых, мы наблюдаем поразительное явление: в сети Интернет протекают встречные процессы. С одной стороны, Интернет становится все более и более глобальной, безмерной сетью, но с другой стороны, в этой «безмерности» начинают все активнее формироваться локальные образования, к коим мы, несомненно, относим локальные интернет-сообщества. Пользователи сети по всему миру все чаще становятся членами сообществ (форумов, интернет-конференций, чатов), локализованных в пределах конкретных территориальных образований. Таким образом, цифровой разрыв (digital divide) во всем мире не сокращается, а расширяется; вопреки представлениям о распространении «вширь» Интернет и интернет-сообществ, мы фиксируем, что они скорее распространяются «вглубь» – поскольку в связи с глобальной урбанизацией обеспечение интернет-контента во все большей степени становится явлением мегаполисов и особенно – деловых центров внутри мегаполисов. Представляется, что в связи с прогрессом технологий доступа (например, ADSL вместо обычного

dial-up) разрыв будет расширяться внутри самих городов, создавая новые городские инфраструктуры, к которым, несомненно, относятся локальные интернет-сообщества.

Во-вторых, территориальная самобытность и рост ее общемировой активности ведет к возвращению на историческую сцену «города-государства», как характерной черты века глобализации. Локальные интернет-сообщества в этой связи имеют потенциал для формирования самобытности, устремленной в будущее. «Именно этот децентрализованный, неуловимый характер сетевых структур социальных изменений, столь затрудняет восприятие и идентификацию новой самобытности, устремленной в будущее, которая складывается сегодня»¹.

Мы стали свидетелями того, как за несколько лет появилась новая социальная реальность, которая бесспорно имеет свои характерные черты, закономерности существования и развития. Социология фиксирует появление крупных интернет-сообществ, которые вплетаются в социальную ткань функционирования крупных городов. Примерами таковых в крупных российских городах являются:

- сообщества автолюбителей, которые подразделяются по маркам автомобилей, обсуждению проблем с ГИБДД и др., и организующие периодические акции и встречи в «реальности». Эти сообщества функционируют на сервере e1.ru (Екатеринбург);
- сообщество призывников или тех, кому предстоит служба в рядах российской армии. Сообщество функционирует на сервере forum.omsk.com (Омск);
- сообщество молодых мам, обсуждающих вопросы, связанные с беременностью и родами, взаимоотношениями с мужьями и др. Функционирует на сервере ekatama.ru (Екатеринбург);
- сообщество пользователей челябинских провайдеров, функционирующее на сервере forum.chelpport.ru (Челябинск);
- и другие.

Используя неоднократно эту дефиницию, что же мы понимаем под локальным интернет-сообщес-

твом? «Локальное интернет-сообщество» – это единица локальной социальной организации сети Интернет, имеющая стратификационную систему, устоявшиеся социальные нормы, роли и статусы участников, включающая в свой состав не менее трех акторов, разделяющих общий интерес и ценности и осуществляющих посредством использования соответствующих аппаратных и программных средств на регулярной основе социальные взаимодействия, а также имеющих доступ к контенту и иным общим ресурсам. В дальнейшем мы будем вести речь о локальных интернет-сообществах крупных российских городов. Конечно, Интернет не имеет географических ограничений, сеть можно пользоваться практически в любом месте земного шара и в пределах земной орбиты. Однако формирование и функционирование локальных интернет-сообществ в нашем случае обладает двумя характерными признаками: 1. Абсолютное большинство участников сообщества проживает в городской черте одного и того же крупного российского города. 2. Предметом, целью коммуникаций участников сообщества становятся объекты или процессы, так или иначе, локализованные в пределах этого города.

Не фокусируя внимания на отдельных аспектах функционирования локальных интернет-сообществ, автору представляется важным указать на соответствия социальной структуры локальных интернет-сообществ концепции сетевой структуры и базовым характеристикам «ризомы», понятию предложенному современными постмодернистами.

В современных условиях локальные интернет-сообщества, не отделяются от традиционных культур, они их абсорбируют. При этом наблюдается широкая социальная и культурная дифференциация, ведущая к формированию специфических локальных интернет-сообществ. Члены данных сообществ могут быть разьединены в физическом пространстве, однако в пространстве виртуальном они могут быть также традиционны, как общины небольших городов.

Культура локальных интернет-сообществ оказалась в значительной мере захваченной электронным гипертекстом, который комбинирует, артикулирует и выражает смыслы в виде аудиовизуальной мозаики, способной к расширению или сжатию, обобщению или спецификации в зависимости от

аудитории. Электронная среда более не сводится к посланию сообщений. Сообщение есть раскодировка среды, поскольку медиасистема настолько гибка, что адаптирована для послания любого сообщения любой аудитории.

Пространство и время в этой связи также трансформировались. Преодоление расстояния с помощью телекоммуникаций позволяет организациям (они тоже участвуют в деятельности локальных интернет-сообществ) и индивидам проводить время совместно без пространственного сближения, что делает возможным их включение в гибкие межтерриториальные структуры, эволюционирующие в функциональные сети взаимодействия. Пространство потоков, в которых представлено большинство стратегически важных видов деятельности, постепенно устанавливает господство над пространством мест, в котором по сей день люди обустривают жизнь, накапливают опыт, приобретают чувство идентичности и вырабатывают политическую ориентацию. Подводя итог, сетевое сообщество – это не столько модель успеха в нынешней городской современности. Скорее, это крайне общая характеристика реальности, возникающих социальных структур.

Существующие в реальности сетевые формы организации локальных интернет-сообществ обеспечивают существенную гибкость фирм и индивидов. Постоянная адаптация к вихреподобной смене конъюнктуры в области капитала, спроса и технологий – вот суть этой игры. Единственным правилом является полное отсутствие правил. Если они еще и существуют, то обходятся посредством использования множества сетей.

В этой связи существенную помощь в объяснении сути происходящих явлений нам дают теория сетевой структуры и концепция «ризомы», предложенная Ж. Делёзом и Ф. Гваттари.

Одной из наиболее популярных сегодня теорий современного общества, является концепция сетевой структуры, предложенная известным социологом М. Кастельсом. В основе этой теории лежит утверждение о сетевой логике базовой структуры общества. Социолог подчеркивает глобализацию современных технологий, экономики и культуры, растущую взаимозависимость всех обществ и всех их элементов друг от друга, но четко не определяет ни одно из используемых им фундаментальных понятий. Лишь отмечается, что «впервые в истории

структурной единицей хозяйственной организации становится не отдельный субъект, индивидуальный или коллективный, а сеть, представленная многими личностями и организациями². В продолжение темы Кастельс дает такое «размытое» определение сетевой структуры: «Сетевая структура представляет собой комплекс взаимосвязанных узлов. <.....> Конкретное содержание каждого узла зависит от характера той конкретной сетевой структуры, о которой идет речь»³. Выводя сетевые принципы организации на первый план, Кастельс утверждает, что в современном мире, «власть структуры оказывается сильнее структуры власти»⁴. Происходит эрозия всех традиционных систем социальной иерархии, на которых был основан прежний социальный порядок. «По своей конфигурации находящееся в стадии становления общество сетевых структур – это, несомненно, либо многослойное общество, либо еще более сложное целое, основанное на причудливом взаимопроникновении этих структур и их самых немыслимых конфигурациях»⁵. Одной из ключевых черт «информационного» общества по Кастельсу является сетевая логика его базовой структуры. К тому же информационное общество развивается на фоне ускоряющихся и противоречивых процессов глобализации, процессов, затрагивающих все точки земного шара, вовлекая в общий социальный, символический и экономический обмен.

Ядро трансформаций, которые переживают городские сообщества, связано с технологиями обработки информации и коммуникацией. М. Кастельс предлагает социологическое описание и понимание основных моментов истории становления подобного рода технологий. Опираясь на работы ряда теоретиков, социолог очерчивает границы информационно-технологической парадигмы и выделяет в числе прочих то, что информационная технология инициирует сетевую логику изменений социальной системы. Зарождается новая культура, «культура реальной виртуальности». Реальная виртуальность – это система, в которой сама реальность (т.е. материальное/символическое существование людей) полностью схвачена и погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, где внешние отображения не просто находятся на экране, но сами становятся опытом. Для того чтобы лучше понять возможности и опасности,

таящиеся в новой культуре, можно вспомнить содержание голливудского фильма «Wag the dog» («Хвост виляет собакой»), в котором наглядно продемонстрированы возможности создания с помощью электронных средств виртуальных образов войны, солдата – героя и манипуляции национальной идеей.

Признаками соответствия локальных интернет-сообществ новой архитектуре сетевого информационного общества являются прежде всего их сетевая, децентрализованная форма организации и самоорганизующиеся системы циркулирования информации внутри. Примером указанного положения выступает функционирование большинства локальных интернет-сообществ крупных российских городов⁶. К конфигурации этих сообществ уже оказывается не окончательно применимым принцип «вертикальной» статусной иерархии, который замещается «горизонтальной» иерархией и принципом коммуникации «всех со всеми».

В качестве второй концепции, дающей новый взгляд и возможности описания проблемы социальной структуры локальных интернет-сообществ, можно назвать введение в общественно-научный оборот термина «ризомы». Это понятие достаточно адекватно может быть применено для описания социальных изменений, происходящих под воздействием новых информационных и компьютерных технологий, а также в качестве ключевой категории для социально – философского анализа явлений, порожденных глобальной сетью Интернет.

Понятие «ризомы» было перенято французскими постмодернистами Ж. Делёзом и Ф. Гваттари из ботаники, где обозначало растение со сложной разветвлённой корневой системой. Провозглашая в качестве фундаментального свойства мира децентрализованность и отсутствие иерархической системы ценностей эти авторы сравнивают с ризомой человеческое бытие. Понятие «ризомы» вводится ими с целью противопоставления замкнутому, жестким векторно-ориентированным, статичным линейным структурам абсолютно нелинейного стебля ризомы, который может развиваться куда угодно и принимать любые конфигурации. При этом Ж. Делёз и Ф. Гваттари выделяют несколько основных принципов, характеризующих ризоматическую систему: принцип связи и гетерогенности, принцип множественности, принцип

неозначающего разрыва и принцип картографии и декалькомании.

Требование связи и гетерогенности в ризоморфных структурах было заложено в идею развития Интернета ещё в момент его создания – Интернет проектировался как децентрализованная и антииерархическая среда. По словам Ж. Делёза и Ф. Гваттари «любое место ризомы может и должно быть присоединено к любому другому её месту»⁷. Так и в сети Интернет связь осуществляется напрямую между компьютерами и сетевыми сегментами, а не через какой-то центральный пункт, который бы контролировал информационные потоки.

Следующий принцип ризомы в интерпретации Ж. Делёза и Ф. Гваттари звучит так: «Принцип неозначающего разрыва: против всех слишком значимых разрезов, которые разъединяют структуры или пересекают одну из них. Ризома может быть сломана, разбита в каком-либо месте, она возобновляется, следуя той или иной своей линии, а также следуя другим линиям»⁸. Этот принцип также как и принцип гетерогенности был заложен разработчиками Интернета ещё в момент его формирования (тем самым он является актуальным и для локальных интернет-сообществ, функционирующих в рамках сети Интернет). Чтобы соответствовать тем военным целям, ради которых и создавался Интернет, он должен был продолжать работать даже несмотря на наличие возможных разрывов в сети в случае войны. Сейчас это свойство Интернета позволило локальным интернет-сообществам стать практически независимыми от воли властей средством коммуникации.

С помощью принципов картографии и декалькомании Ж. Делёз и Ф. Гваттари заявляют, что ризома это карта со множеством входов. При этом структура понимается философами как «калька», которая воспроизводит только саму себя, когда собирается воссоздать нечто иное. «Вся логика дерева – это логика кальки и репродукции»⁹. В противовес этому ризома сопоставляется с «картой». Карта открыта, она способна на связь во всех своих измерениях, демонтирована, обратима, она подвержена постоянным модификациям. Она может быть разорвана, перевернута, адаптирована к любым способам сборки, над ней могут работать индивид, группа или социальная формация. Не правда ли то, что мы здесь описываем, имеет

много общего с функционированием локальных интернет-сообществ в социальной системе крупных российских городов? «Быть ризоморфным значит продуцировать стебли [черенки, отростки] и волоски, которые кажутся корнями, или еще лучше, связываются с ними, проникая в ствол, заставляя их служить новым странным образом»¹⁰. Так и локальное интернет-сообщество с его разветвленной, постоянно меняющейся, динамично развивающейся сетью маршрутов ежесекундно продуцирует новые «отростки», «темы», «форумы». Эти непрерывно происходящие процессы и изменения не позволяют сообществу стать хотя бы на время тождественному самому себе, что делает невозможным его калькирование.

Теория сетевой структуры М. Кастельса и ризоморфной структуры Ж. Делёза и Ф. Гваттари созвучны в отношении локальных интернет-сообществ. Так, основные принципы ризоморфной конструкции можно встретить и в словах М. Кастельса: «Сети представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации в рамках данной сети, то есть используют аналогичные коммуникационные коды (например, ценности или производственные задачи). Социальная структура, имеющая сетевую основу, характеризуется высокой динамичностью и открыта для инноваций, не рискуя при этом потерять свою сбалансированность»¹¹. В качестве организующего средства сети обладают неоспоримыми преимуществами благодаря свойственным им гибкости и адаптируемости – качествам, необходимым для выживания и преуспевания в условиях быстро меняющегося окружения.

Как видно, две альтернативные парадигмы «постиндустриальная» и «постмодернистская» независимо друг от друга выдвинули в качестве ключевого понятия одно и тоже слово «сеть». Этот факт указывает на приобретение понятием «сеть» категориального статуса при описании современного общества. Все это можно с полным правом отнести и к сетевой (или в терминах постмодернизма ризоморфной) логике локальных интернет-сообществ.

Очевидно и то, что социальная структура локальных интернет-сообществ не поддается исследованию в рамках какой-то одной методоло-

гической парадигмы. На наш взгляд, необходимо ориентироваться на указанные исследовательские направления не в качестве набора альтернатив, а как на палитру средств для теоретического воссоздания, анализа и обобщения элементов социальной структуры современного локального интернет-сообщества крупного российского города. Синтез этих двух подходов дает возможность получить более объемное, многомерное представление о его социальной структуре.

1. Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л.Иноземцева. М.: Academia, 1990. С.296-297.
2. Castells M. The Rise of the Network Society. Malden, Mass; Oxford: Blackwell. 1996. P. 198.
3. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. - М.: Academia, 1999. - С. 494.
4. Там же. С. 494.

5. Зубков К.И. О миропорядке информационной эпохи: взаимодействие сетевых и пространственных структур [Электронный ресурс] / К.И. Зубков // Интернет-конференция "Информационная эпоха: мир, Россия, Урал" на портале "auditorium.ru". - Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса), 2000-2002. - Режим доступа: <http://www.auditorium.ru/v/index.php?a=vconf&c=petForm&r=thesisDesc&CounterThesis=1&idthesis=2949&PHPSnSSID=415ae4la7ac4roe8bl9fe23b89ff03fa> . - Загл. с экрана.

6. См. <http://www.e1.ru/talk/forum/index.php?f=49>, <http://www.ekamama.ru>, <http://forum.omsk.com/viewforum.php?f=94&guc=9bb15d530d5ea2ca749ba599acc09820>, <http://forum.chelpport.ru/forumdisplay.php?f=14>.

7. Делёз, Ж. Ризома [Электронный ресурс] / Ж. Делёз, Ф. Гваттари // Томский философский клуб. - Режим доступа: <http://www.filosoft.tsu.ru/rizoma.htm> . - Загл. с экрана.

8. Делёз, Ж. Ризома [Электронный ресурс] / Ж. Делёз, Ф. Гваттари // Томский философский клуб. - Режим доступа: <http://www.filosoft.tsu.ru/rizoma.htm> . - Загл. с экрана.

9. Делёз, Ж. Ризома [Электронный ресурс] / Ж. Делёз, Ф. Гваттари // Томский философский клуб. - Режим доступа: <http://www.filosoft.tsu.ru/rizoma.htm> . — Загл. с экрана.

10. Там же. <http://www.filosoft.tsu.ru/rizoma.htm>.

11. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. -М.: Academia, 1999.

В.Г. Богомяков (Тюмень)

ДИСКУРС БУДУЩЕГО

**Богомяков
Владимир
Геннадьевич**

доктор философских наук, профессор
Тюменского государственного университета,
академик МАДИ

К написанию этой небольшой книжки меня подтолкнули не научные исследования и не философские штудии, а чувство тревоги от того, что в нынешнем обществе исчезает будущее в его социальном, философском, культурологическом и антропологическом измерении. За всем этим просматривается в лучшем случае очень тяжёлый невротический комплекс. Я вспомнил, как восьмилетним мальчиком я мечтал о футуристических городах будущего и машинах на воздушной подушке. А в начале XX века Велимир Хлебников мечтал о ЛебЕдии будущего, где люди-творцы в своих садах станут создавать небокниги.

Беседы с нынешними школьниками и студентами показали, что процентов 80 из них будущее совершенно не интересует ни в социальном, ни в экзистенциальном измерении. Поэтому когда Sex Pistols поют «No Future!», то это можно воспринимать не как одно из проявлений депрессивно-наркоманского сознания, но как некую весьма глубокую интуицию, касающуюся сегодняшнего времени и сегодняшнего человека.

Для характеристики этого явления приходит в голову звучный термин «футурофобия». За ним видятся сложные классификации различных видов футурофобии, таксономически построенных на разных основаниях. Скажем, основании антропологическом: есть учение о разных антропологических типах, которые различаются по своему отношению к будущему и ко времени вообще. Анемофилы стремятся освободить будущее от прошлого, они верят в то, что время бесконечно, что нет предела изменениям мира; это прогрессоры, которые приветствуют любые перемены. Хронисты же, напротив, превыше всего ценят само время, так сказать, материю времени; они уверены в прошлом, а не в будущем, стремятся освободить прошлое от будущего, несущего вместе с ненавидимыми хронистами переменами

неизвестность. Или возьмём основание этнологическое: например, Лев Гумилёв пишет о разном «чувстве времени» у разных народов, склонных к игнорированию, пассивизму, актуализму или же футуризму.

Недостаточно просто признавать будущее в качестве некоего пустого вместилища событий. По моему мнению, необходимо то, что, пользуясь социологическим жаргоном, можно было бы условно назвать «качество будущего». Не может быть качественным будущее, не обладающее *поразительной новизной*. Наши же взгляды отличаются зачастую крайним презентизмом: то есть, мы думаем, что будущее в своих основных чертах подобно настоящему и просто экстраполируем сегодняшние процессы в завтрашний день. Для большинства респондентов всё обозримое будущее связано с существованием Российской Федерации нынешнего образца со строем жизни, аналогичном нынешнему.

При этом дискурс будущего пессимистичен: обозримое будущее, скорее всего, плохо заканчивается либо падением на нашу голову гигантского астероида, либо вторжением китайских орд. Подавляющее большинство респондентов видят будущее России и всего мира в весьма мрачных тонах. Многие считают, что к середине нынешнего века Российская Федерация исчезнет с политической карты мира. Некоторые считают весьма возможным распад Российской Федерации на несколько более мелких государств (в духе известного прогноза Збигнева Бжезинского). Зачастую этот пессимистический прогноз связывается с ухудшением демографических показателей, с вымиранием российского населения. Мировая же политика видится респондентам в качестве сферы сильной напряжённости, постоянных конфликтов и возникновения опасных, неуправляемых хаотических процессов. Пессимистичность в сознании людей является следствием своеобразного фатализма, имеющего некое дохристианское основание; по мнению большинства от нашего выбора и от наших усилий мало что зависит и мы ни в силах изменить предначертанное судьбой.

Дискурс будущего выстраивается не из самой нашей жизни, а на основании неких «авторитетных мнений» (иногда не вполне внятных) – об этой проблеме писал в своё время ещё Мишель Фуко.

Дискурс будущего, как правило, одномерен, одновекторен, линейен. В своё время такая одномерность лежала в основании утопического сознания, готовящего для всех окончательное счастье Золотого Века, построенного по тем или иным прогрессивным концепциям своего времени. Если одномерность и однонаправленность дискурса будущего вредны на уровне страны в целом, то ещё вреднее они оказываются на региональном уровне, обуславливая, например, узко-ресурсный подход, при котором население того или иного региона с точки зрения «государственного интереса» понимается лишь в качестве сообщества добрых гномов, приставленных к нефтяной и газовой трубе, и готовых по команде сверху откручивать или закручивать вентиль.

«Качество будущего» предполагает, что перспективы человека и социума должны рассматриваться нами не с позиций утопизма, отсекающего все альтернативы на пути к единственному идеалу, но с позиций POSSИБИЛИЗМА (термин М.Н. Эпштейна), предполагающего расширение бытия, множественность возможных миров, умножение альтернатив и разрастание смыслов. Именно такой POSSИБИЛИЗМ и обеспечивает, по моему мнению, гуманистичность и гуманность нашего разговора о будущем. Приблизительно об этом же говорили в своей недавней беседе Юрий Сергеевич Пивоваров и Михаил Васильевич Ильин («Полис», 2010, №4). Правда речь шла о POSSИБИЛИСТСКОМ отношении к прошлому, что даёт политологу возможность просчитывать варианты, обозначать потенциалы, возникшие, но по той или иной причине не реализованные. Ибо в обществе никогда ничего не исчезает навсегда и то, что когда-то не реализовалось может реализоваться в будущем.

Нил Стивенсон в своей книге пытается показать некое предельное воплощение POSSИБИЛИСТСКОГО идеала. Его «Алмазный век» основан на системах наносборки всего, о чём можно помыслить – от искусственной пищи до искусственных островов и живых организмов. Информационные технологии и системы наносборки обеспечили единство мировой экономики и положили конец межгосударственной разобщённости. Мир стал един, но при этом социальную структуру стал диктовать индивидуальный выбор каждым человеком наиболее

симпатичного именно ему образа жизни. Каждый может присоединиться к любому сообществу, если сообщество примет его в свои ряды. Практически на одной территории могут соседствовать «филы» марксистов, руссоистов, конфуцианцев, гандистов, приверженцев бесчисленных религий и сект, сообщества открытые и закрытые, тоталитарные и либертарианские. Каждая партия или группа получила возможность на практике построить для себя (но только для себя!) свою Утопию.

В заключение следует сказать, что образ возможного (желательно качественного!) будущего является важнейшим моментом в конструировании нашей идентичности, – которая всегда имеет

множество уровней. Разные уровни идентичности могут обладать различными векторами и, соответственно, ориентироваться на разные футурологические матрицы. Перефразируя известные слова Ф.М. Достоевского о человеческой душе, как поле борьбы добра и зла, можно сказать о человеческой душе, как о поле борьбы разных дискурсов социального и индивидуального будущего. С другой стороны, общество всегда имеет дело с единым дискурсом будущего, который внутренне противоречив, может обладать различной степенью ясности и артикулированности и даёт возможность ставить цели социального развития.

Н.И. Димитрова (София, Болгария)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЕВРОПЕИЗМ СЕМЕНА ФРАНКА

Димитрова
Нина Ивановна

Институт фило-
софских исследо-
ваний БАН, София,
Болгария

В ряду выдающихся имен русской философской мысли Семен Франк занимает очень своеобразное место. Он не обладал громкой известностью Бердяева и Шестова, но будучи вне сомнения ближе к классическому философскому мышлению, оказался, если можно так выразиться, более «конвертируемым» на Западе. Франк был спокойным и уравновешенным, отличался логически точным и удивительно глубоким мышлением, был привержен манере философствования немецкой классики и прекрасно вписывался в одну из тогдашних тенденций европейской философии, нацеленной на «онтологический

поворот». Он был и автором глубоких анализов религиозного, политического и социального утопизма, а его голос был среди немногих отрезвляющих голосов в дореволюционной России, объятый апокалиптическими видениями и грезами. Вместе с тем, именно о Франке можно однозначно утверждать, что он является самым «прямойнейшим» наследником основоположника русской философии Владимира Соловьева с его духом универсализма и синтетизма. Стремление Франка философствовать синтетически проявляется и в тех специфических понятиях, которыми он обозначал свои идеи, охватывавшие проблематику разнообразных интеллектуальных направлений; таковы моно-дуализм, идеал-реализм, интуитивистский трансцендентализм, теокосмизм, транс-рационализм и т.д. Но, как отмечает немецкий исследователь творчества Франка Петер Элен (Peter Ehlen), «Франк в течении всей своей жизни не поддерживал дискуссии вокруг своего творчества. Даже те рецензии, которые появились в России после публикации его теории знания, остались содержательно бедными. Хотя с точки зрения своего формального значения философия Франка была оценена достаточно высоко теми коллегами, которые изъявили жела-

ние высказаться по ее поводу, ее существенные положения не были восприняты, а частично даже не поняты...» (Элен 2004: 203). Дело в том, что у Франка классический философский стиль и предугадывание актуальных тенденций европейской мысли сочетаются с глубокой привязанностью к таким «национальным» темам как, к примеру, идея о Богочеловечности. Из-за этого «классифицировать» феномен Франка очень и очень нелегко. Потому и сегодняшние комментарии его соотечественников, посвященные его творчеству, оказываются глубоко двойственными. Некоторые из них солидаризируются с давнишней оценкой Василия Зенковского и видят в нем одну из наиболее ярких личностей русской философии XX века. Другие – это относится главным образом к авторам, критически оценивающим феномен «русской религиозной философии» – уклоняются от специального рассмотрения его философии и даже как будто стараются пройти мимо нее. Так поступает например Петр Сапронов, который считает, что «русская религиозная философия» по существу является «мифологизированной публицистикой на религиозные и философские темы». Понятно, почему Франк «отсутствует» в такого рода анализах – его творчество нельзя квалифицировать в качестве *парафилософского*. Как раз наоборот, Франк «не был публицистом, не был богословом, хотя, конечно, приходилось ему писать и острые публицистические статьи и в ряде своих книг прямо выходить на богословские темы. Это было человек мысли, подобный многим классикам мировой философии» (Мень 1997).

Говоря о неуспехе русской эмигрантской философии на Западе (который частично компенсировался невиданным восхождением русского эмигрантского богословия), Сергей Хоружий классифицирует русских философов следующим образом: в «классе отличников» – класс А – *Success Stories*: Истории включения в европейский и мировой контекст с крупным творческим вкладом, влиянием и значением, фигурируют Кожев, Бердяев, Шестов; в классе В – *Европейцы средней руки*: «Истории успешной

профессионально-академической интеграции в европейский контекст, но без своего капитала, заметного концептуального вклада и влияния» включены Степун, Вышеславцев, Арсеньев, Яковенко и др. Имя Франка мы находим в «третьем классе», однако надо отметить, что этот класс ценностно нейтрален и, следовательно, его нельзя рассматривать третьем по значению (хотя Хоружий подчеркивает, что «рубрики В и С по смыслу могут перекрываться, и многие имена равно могли бы присутствовать в обеих»), тем более, что он назван просто «Русские философы в изгнании: Опыты продолжения метафизики Серебрянного Века» (Хоружий 2004).

Итак, что же можно сказать об этом «русском философе в изгнании», как он вписывается в оппозицию *национальное – европейское*, насколько смог он и смог ли вырваться за рамки статуса «европейца средней руки»? В данном тексте пойдет речь о тех идеях Франка, которые проблематизируют его принадлежность к феномену «русской религиозной философии», или, по крайней мере, обуславливают то в высшей степени своеобразное место, ко-

торое он в ней занимает. Таковыми являются главным образом его идеи о философии и ее отношении к религии. Здесь мы не будем касаться известного спора начала первого десятилетия XX века, когда новооснованное издательство *Путь* с одной стороны, и международный культурологический журнал *Логос* (редактируемый Гессеном, Степуном и Яковенко) с другой, так и не смогли поделить христианский Логос, в результате чего сформировалась новейшая по тем временам версия спора между славянофилами и западниками. Статьи Франка, направленные против национализма в философии (против неправомерных претензий на *самобытность*, против пренебрежения *европейской* философией в целом и т.д.), безусловно, заслуживают всяческого внимания. Но здесь мы сосредоточимся единственно на взглядах Франка на философию в ее отношении к религии, и с этой точки зрения – на адекватность характеристики *национальный европеизм* (в связи с которой более популярен его друг Струве).

Полемика между *Логосом* и *Путем*, – это, в сущности, полемика о будущем русской философии, о том, какой ей быть – автономной или религиозной; она в решительной степени «катализировала» известный очерк молодого Лосева о *русской философии*, в котором нашли выражение фактически все пристрастия Владимира Эрна (см. Лосев 1990).

Позиция Франка в этом споре недвусмысленно ясна – он выступал не только против «национализма» в философии, но и против перечеркивания всяких различий между философией и религией, что и было одним из главных соображений, мотивировавших его статьи в *Русской мысли*. Это и есть один из наиболее часто используемых Франком аргументов против так понимаемой *самобытности* русской философии. Поэтому для меня остается неясным, на каком основании Борис Яковенко определяет его позицию – причем, именно в этом отношении – как колеблющуюся. Вот как в своих *Очерках русской философии*, опубликованных в Берлине в 1922 г. изображает Яковенко первые годы века, когда в России только формировалась основная линия *вероисповедальной философии*: «Патентованные представители философии (как например Лопатин или Лосский) и публицисты, сохранившие связь с критическим идеализмом (как например Струве, Франк, Кистяковский), занимали какую-то нерешительную, неопределенную, молчаливую позицию по отношению к нео-религиозным исканиям, нередко в том или другом отношении вступая с ними в сотрудничество» (Яковенко 1922: 108).

В разгаре споров – в начале первого десятилетия XX века – Яковенко был среди наиболее решительных противников восстановления *религиозной философии* как таковой, в особенности имея в виду традиционную религиозность русской мысли. Он был убежден, что результат сочетания религии и философии может быть только внутренне противоречивым, к тому же, как уродливым, так и вредным. Рассуждения Яковенко касаются не только «Философии свободы» Бердяева, о котором он конкретно ведет речь, но и вообще неославянофильских призывов к реставрации средневекового типа философствования. По Яковенко от союза между философией и религией потерпевшей оказывается не только философия; многое теряет и религия, в

которую прокрадывается дух человекобожества (см. Яковенко 1994: 235). А между тем, цель философии остается неизменной: «*дать системе законченных и общеобязательных знаний о сущем*» (Яковенко 1994: 237).

Этой точки зрения придерживались и другие русские философы, причастные к созданию *совершенно новой чисто философской коллективной силы*, «выступившей открыто и решительно против основной тенденции нео-религиозного движения обосновать русское философствование всецело на религиозной догме христианства, в частности обновленного христианства...» (Яковенко 1922: 108). Центром этой *совершенно новой философской силы*, к которой примыкал и Франк, и был упомянутый международный культурологический ежегодный журнал *Логос*.

(И опять-таки в *Логосе*, уже в существенно изменившемся идейном и социально-историческом контексте, в Праге конца двадцатых годов, позиция философского западничества была переподтверждена. В одной из передовиц авторы припомнили читателям позицию *старого Логоса*, с целью очертить преемственность в этом наиболее существенном по их мнению пункте концепций старого и восстановленного журнала. «В основе старого *Логоса* лежала идея автономии философского знания. Этою идеей *Логос* резко отмежевывался от всех философских направлений, обосновывающих философское знание на каких бы то ни было внефилософских началах, будь то наука (натурализм, психологизм, историзм), право и политика (исторический материализм, русские «субъективисты») или религия (религиозная философия мистического и онтологического характера)» (*Логос* 1929, № 1: 5). Далее, обрисовав вкратце новые взгляды на философию, доминирующие в то время в Европе, авторы снова возвращаются к вопросу о взаимоотношении философии и религии, как к вопросу, в связи с которым они обязаны высказать свое категорическое мнение. Они находили это тем более необходимым, что тем временем «русская религиозная философия», чьи представители в значительной степени преобладали в среде русской диаспоры в Европе, уже заявила о себе в лице нескольких значительных произведений Бердяева, Булгакова и др. И вот какова новая/старая позиция *Логоса*: «Во избежание всяких

недоразумений да будет ясно сказано, что *Логос* не только не отрицает философствования о религиозном как такового, но напротив, утверждая, что *автономная философия возможна лишь на основе свободного усвоения всей совокупности духовного опыта* и памятуя о том тесном взаимодействии, в котором философия на протяжении веков жила с религией, вменяет ориентацию на религиозном предмете в прямую обязанность всякой завершенной философской системе, всякому целостному органическому философствованию. Но одно дело признание философствования о религиозном предмете и совсем другое – признание за религиозным догматизмом права отрицать на почве философии и в ее формах самодовлеющее значение автономного философствования. Между тем, как раз в этом отрицании таится основной пафос русской религиозной философии... Путь автономной философии не таков. *Автономная философия и в религиозном опыте видит лишь один из своих предметов*, в отношении которого ее работа начинается с сомнения и завершается свободным постижением и признанием» (*Логос* 1929, № 1, с. 14). Эта позиция *Логоса* является и позицией Франка.

Но если вернуться годы назад, годы до того дня, в который и Бердяев, и Франк поднялись на «философский пароход» (а это обстоятельство определенно сблизило их позиции), мы сможем убедиться, насколько Франк был далек от «нерешительной» и «колеблющейся» позиции, приписываемой ему Яковенко. Франк неоднократно подчеркивал, что рассматривает себя как непосредственного наследника универсализма, завещанного Владимиром Соловьевым. Критикуя взгляды Бердяева на философию, понимаемую в качестве *религиозной*, Франк не упускает случая отметить, что в этой критике он следует духу Владимира Соловьева. По Франку отвержение *ratio* является ничем иным как отличительной особенностью *русского интеллигента*, противопоставляющегося классической западной философии: «... истинная философия фактически сливается у него [у Бердяева] с религией, и идею *научной философии* он прямо объявляет *идолом* <...> В этом отношении Бердяев сам до некоторой степени – *русский интеллигент*, основная черта которого есть склонность к сгущенным краскам, к односторонне монистическому схематизму.

<...> Бердяев – совсем не *философ*, если под философией разумеет построение систематического и объективно обоснованного мировоззрения» (Франк 1994а: 225).

Между прочим, идеи Бердяева, с которыми Франк спорил как с одним из главных представителей линии *Пути*, с течением времени тоже перетерпели определенные изменения. Хотя всю свою жизнь Бердяев называл себя религиозным философом, он в то же время непрерывно приводил аргументы в пользу автономности философии; например, в своем синтетичном очерке *Об основах религиозной философии*, к сожалению опубликованном только недавно, он утверждает, что философия *свободно* ищет духовные источники жизни (Бердяев 2007: 170).

Итак, что касается оппозиции *философия – религия* (рассматриваемой в прямой связи со спором о будущем русской философии), доэмигрантские годы Франка прошли категорически под знаком утверждения автономности этой особенной науки, призванной создавать систему целостного знания, на чем он настаивает в своих, опубликованных уже в Берлине (издательством «Обелиск» в 1923 г.) университетских лекциях. Однако в том же году Франк опубликовал и специальное исследование, посвященное вопросам взаимоотношения между философией и религией, между богом философов и Богом религии. Каким образом *Бог есть* предмет философии – такова проблема, над которой рассуждает русский мыслитель, апеллируя к «правильному соотношению между религией и философией», которое, по его мнению, возможно «лишь на почве того «умудренного неведения» (*docta ignorantia*), которое есть самый зрелый плод истинного просвещения». (Франк 1923а: 20).

Древняя, восходящая к Платону метафизика всеединства есть та метафизика, которую Франк защищал всю свою жизнь. В одной из своих статей, посвященной Гегелю по поводу европейского гегелевского ренессанса, он подчеркивает: «Платонизм в его общей сущности в известном смысле совпадает с *философией* вообще; ибо философия возможна только на основе *доверия* к мысли, убеждения, что чистая мысль есть истинный путь познания; а это убеждение в свою очередь, очевидно, должно опираться на какое-то сознание средства или тождества мысли с самим

бытием» (Франк 1932: 42). Несмотря на свою целостную сосредоточенность на совершенствовании концепции всеединства, которая объяснимо делает ставку на общее, на универсальное (и, разумеется, в нее отлично вписывается абсолютный дух гегелевской системы), Франк в то же время является и экзистенциально мыслящим и чувствующим философом, внимательно относящимся к судьбе индивидуального. Отсутствие такого отношения и есть дефицит философии Гегеля, всецело охваченной *общим*. Ей не достает *жизни*, понимания абсолюта и как *жизни*. По этому поводу Франк говорит: «Абсолютный идеализм Гегеля стремится стать идеал-реализмом, включить в себя реальность, но это стремление остается неосуществимым. Ибо реальность есть жизнь; она упирается в иррациональную тайну бытия, в непостижимое...» (Франк 1932: 49).

Но и у Франка, несмотря на его непрекращающиеся попытки сочетать бога философов и Бога религии, о чем свидетельствует и одно из его интереснейших исследований *Das Absolute* (Frank 1934), эта проблема осталась нерешенной – ибо она принципиально нерешима – факт, который неоднократно отмечался многими его комментаторами.

Глубинная несовместимость между общей направленностью мысли, присущей концепции всеединства и попытками анализа отдельного, единичного, т.е. между систематикой эссенциализма и экзистенциалистским мышлением, особенно отчетливо прорисовывается в рассуждениях Франка о зле и о свободе. Это касается в первую очередь «Непостижимого», вероятно самого значительного философского труда Франка, как в смысле онтологии, так и в смысле философии религии.

Акцент на невозможность процедуры «оправдания Бога» перед лицом господствующего в мире зла вообще-то является одной из инвариантных тем в творчестве Франка. Софистичированная мысль Франка как всегда стремится к соединению противоположностей, пытается достичь трансрационального синтеза, утверждая, что в составе бытия осуществляется некое извращение, в результате которого в существующее привносится противоестественное содержание, потенция не-бытия. Но эта нерешенность основной для Франка проблемы, может быть, является

также признаком его внутренних сомнений по отношению к парадигме всеединства, признаком осознания наличествующих в ней «трещин», порожденных ее же *экзистенциальной «неотзывчивостью»*.

В своем великолепном отзыве на книгу Франка, Бердяев обращает внимание на основную причину этого тупика: «... для С. Франка Бог есть Абсолютное. Между тем как Абсолютное есть предел отрешенной мысли, с Абсолютным невозможны никакие отношения. Абсолютное не может выйти из себя. Абсолютное не есть личность...» (Бердяев 1939). Здесь Бердяев в сущности выразил свое твердое убеждение о невозможности наведения мостов между Афинами и Иерусалимом, о невозможности синтеза между богом философов и Богом Авраама, Исаака и Иакова, т.е. невозможности того синтеза, о котором Франк грезил на протяжении всей своей творческой жизни.

С течением времени центральными для Франка начали становиться вопросы о вине, ответственности, перенесении страданий; это относится главным образом к последним книгам Франка, написанным в конце сороковых годов, все еще под влиянием потрясений недавно закончившейся войны. После «Непостижимого» в книгах Франка становится все более заметным его стремление к экзистенциальному философствованию и поэтому в них все ярче прорисовывается несовместимость этого стремления с его основной философской позицией, от которой он, в конце концов, так и не отказался. (Но фактом остается то, что в них все отчетливее ощущается его нарастающее отдаление от первоначального «немецкого» стиля мышления, отдаление от систематики и настойчивый интерес к темам другого рода – о смысле индивидуального страдания, цене жертвы, богозаброшенности и одиночестве человека в мире и т.д.) Как отмечает Николай Арсеньев, «Мирозерцание Франка из умиренно-созерцательного становится все более открытым и восприимчивым для трагического элемента в мире, для восприятия, усмотрения иррационального, отвратительного, казалось бы, безудержного проявления зла и страдания, хаоса и разрушения и видимого разрушения злых сил в истории человечества и мира» (Арсеньев 1977).

В последние годы жизни Франк совершенно недвусмысленно нарушает хрупкий баланс между философией и религией в пользу последней. Он все более захвачен экзистенциально-религиозными проблемами, все более отчуждается от философской систематики, а нерешимость проблемы гармонического сочетания философского умозрения и религиозной веры, Афин и Иерусалима, становится для него все более очевидной. В одном из своих писем Бинсвангеру Франк комментирует этот трудный, а для него в конечном счете невозможный переход – от умозрения к откровению, от философии к религии (уже вне зависимости от какой-либо оппозиции национальное-европейское) следующим образом: «Мое творчество движется теперь в двух преимущественно довольно резко ограниченных направлениях: философско-систематическом, чисто созерцательном, с одной стороны, и экзистенциально-религиозном – с другой, хотя я сам рассматриваю это как некий духовный соблазн – перед моим умом носится образ последнего синтеза, написать вероятно не будет ни времени, ни сил» (цит. по Струве 1977: 131).

Говорят, что в свое последнее мгновение Франк вымолвил: «Живу живым источником. Все выражено не то...» (цит. по: Сумина 2002: 161). Может быть это «не то» выражает и неудовлетворенность поддерживаемой им всю жизнь метафизикой всеединства, оказавшейся беспомощной в граничных бытийных ситуациях? Этого нам знать не дано. Но, думается, уместно было бы сопоставить эти слова со словами Шестова, высказанными по другому поводу и касающимися осудительного, безумного порыва, охватывающего каждого человека при переходе в другое измерение бытия «смыть с души наши знания и выйти на берег нагим, как первый человек...» (Шестов 1964: 21). А упомянутый повод таков: в переломном 1920 г. в московской больнице для «работников науки и литературы» лежали в одной и той же палате двое выдающихся представителей Серебряного века – историк Михаил Гершензон и поэт и философ Вячеслав Иванов. Они обменялись двенадцатью письмами, в которых обсуждали самые разнообразные темы, среди которых и значимость накопленного идейного и культурного опыта. И в этой связи Гершензон высказал мысль, что «не то» ему понадобится в

его смертный час, «не то» ему тогда вспомнится. Написал он Вячеславу Иванову буквально следующее: «Я живу странной, двойственной жизнью. С детства приобщенный к европейской культуре, я глубоко впитал в себя ее дух и не только совершенно освоился с нею, но и люблю искренно многое в ней, – люблю ее чистоплотность и удобство, люблю науку, искусства, поэзию, Пушкина <...> Тут я с вами; у нас общий культ духовного служения на культурном торжище, общие навыки и общий язык. Такова моя дневная жизнь. Но в глубине сознания я живу иначе. Уже много лет настойчиво и неумолчно звучит мне оттуда тайный голос: не то, не то! <...> и этот голос я сознаю голосом моего подлинного я» (Гершензон, Иванов 1920).

Литература:

- Арсеньев, Н. 1977 С. Л. Франк как мистик. // Русские творческие ресурсы Балтии – www.russianresources.lt.
- Бердяев, Н. 1939 Новые книги: С. Л. Франк. Непостижимое. Дом книги и Современные записки. // Путь, № 60 – www.krotov.info.
- Бердяев, Н. 2007 Основы религиозной философии. // Вестник РХД, № 192.
- Лосев, А. 1990 Страсть к диалектике. Москва, «Советский писатель».
- Мень, А. 1997 Мировая духовная культура. Семен Людвигович Франк. – www.krotov.info.
- Сапронов, П. 2000 Русская философия. Опыт типологической характеристики. Санкт Петербург.
- Струве, Н. 1977 К юбилею Семена Франка. // Вестник Русского Христанского Движения, № 12.
- Сумина, В. 2002 Семьон Франк и русский духовен ренесанс. // Разкриващите се дълбини: Семьон Франк. София, «Парадигма».
- Франк, С. 1923 Введение в философию. Берлин, «Обелиск».
- Франк, С. 1994 Знание и вера. // Н. А. Бердяев: Pro et Contra. Кн. 1. Санкт Петербург, РХГИ.
- Франк, С. 1996 Русское мировоззрение. Санкт Петербург, «Наука».
- Франк, С. 1932 Философия Гегеля. // Путь, № 34.
- Франк, С. 1923а Философия и религия. // София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии. Берлин.
- Франк, С. 1994а Философские отклики. // Н. А. Бердяев: Pro et Contra. Кн. 1. Санкт Петербург, РХГИ.
- Хоружий, С. 2004 Шаг вперед, сделанный в рассеянии. – www.intelros.org.
- Шестов, Л. 1964 Умозрение и откровение. Париж.
- Элен, П. 2004 Введение в специфику философского мышления Франка. // Логос, № 1.
- Яковенко, Б. 1922 Очерки русской философии. Русское универсальное издательство. Берлин.
- Яковенко, Б. 1994 Философское донкихотство. // Н. А. Бердяев: Pro et Contra. Кн. 1. Санкт Петербург, РХГИ.
- Frank, S. 1934 Das Absolute. // Idealismus. Jahrbuch für idealistische Philosophie. Zürich.

И.В. Гладкова

Г.И. ЧЕЛПАНОВ И Г.Г. ШПЕТ: ДИСКУРС ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Гладкова
Ирина Витальевна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии УрГУ, член-корреспондент МАДИ

E-mail:
qwelqwe11@yandex.ru

В научной среде понятие «учитель» перерастает границы общепринятого значения. Здесь важно не просто передать знания, воспитать ученика, но сформировать ученого самобытно и оригинально мыслящего; не подавить авторитетом, не уподобить себе, вырастив прямого последователя, а создать «питательную» среду для свободного развития творческой индивидуальности.

Таким *учителем* был Георгий Иванович Челпанов (1863-1936) – талантливый русский философ, психолог, логик, профессор Московского университета. В числе его учеников блестящая плеяда философов и психологов, прославивших русскую науку: Н. Бердяев, П. Блонский, С. Булгаков, В. Зеньковский, А. Лосев, Н. Рыбников, Л. Шестов, А. Щербина, Г. Шпет и другие. Каждому из них Г. Челпанов дал возможность выбрать самостоятельный путь в науке, найти свою тему. Он инициировал подходы к анализу философских проблем, дававшие возможность формирования и развития различных взглядов и убеждений. И в этом большая заслуга Челпанова – он создавал научную среду как необходимое условие развития науки.

Отношения с некоторыми из учеников порой перерастали у Челпанова из академических в глубоко личные, человеческие привязанности. Среди этих людей, безусловно, можно назвать Г.Г. Шпета, в формировании научных взглядов и мировоззрения которого, как всякого большого ученого, сыграли значительную роль многие общественные и научные деятели, его учителя.

Георгий Иванович Челпанов – один из первых учителей Шпета. Его влияние, поддержка и участие определили то особое место, которое он занимал в жизни Густава Густавовича. Судьбы этих людей многократно пересекались на протяжении нескольких десятилетий: и в периоды научных взлетов, и в самые трагические минуты жизни.

Первая встреча молодого профессора философии и студента историко-филологического факультета произошла в 1898 году в Киевском университете имени св. Владимира. С 1897 в этом университете начал свою работу организованный Челпановым «психологический семинарий», участие в котором вызывало огромный интерес среди студентов. В.В. Зеньковский так вспоминал об этом времени: «В киевский период деятельности Челпанов выделился исключительным педагогическим талантом – в публичных лекциях, происходивших во всегда переполненном актовом зале университета, в организации замечательного философского семинара, наконец, в организации психологической лаборатории» (Зеньковский В.В. История русской философии. Т.2., ч.1. Л., 1991. С. 244.).

На заседаниях семинария обсуждались философско-психологические проблемы, а также заслушивались рефераты, доклады и кандидатские сочинения, например, «Учение Канта о вещи в себе» А. Щербины, «Учение Беркли» П. Блонского, «Учение Юма о причинности» Г. Шпета. Впоследствии, в 1907 году, этот доклад Шпета оформился в монографию «Проблема причинности у Юма и Канта». Значение челпановских семинаров в научной биографии Г.Г. Шпета отмечают многие исследователи его творчества. Так, М.К. Поливанов пишет: «В семинаре Челпанова Шпет сформировался как философ. Из этого семинара родились его первые опубликованные сочинения («Ответил ли Кант на сомнения Юма» и «Память в экспериментальной психологии»), написанные еще в студенческие годы» (Поливанов М. К. О судьбе Г.Г. Шпета // Вопросы философии. 1990. №6. С.160).

В семинарах Челпанова зарождается интерес Шпета к истории философии, психологии, логике,

происходит первое знакомство с феноменологией. Это те основные направления, в русле которых сформируются научные интересы мыслителя и будут созданы наиболее значительные его труды.

Вдохновителем первых публикаций Г. Шпета в научных изданиях также становится Г. Челпанов. Под его редакцией с 1904 года в Киеве выходит журнал «Философские исследования, обзоры и проч.», издававшийся как «Труды Психологической семинарии при университете св. Владимира». В журнале помещались крупные рефераты студентов, а также кандидатские сочинения, в том числе упоминаемая работа Шпета «Учение Юма о причинности». В 1903 в журнале «Вопросы философии и психологии» публикуется рецензия Шпета на книгу Челпанова «Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе» (1900). Г. Шпет высоко оценивает значение книги, «рекомендуемой для образования и для широкой публики», отмечает доступность и убедительную доказательность изложения Челпановым взглядов по психофизической проблеме: «Среди немногих прочно установленных фактов современной психологии нужно считать факт психофизического параллелизма... факт параллелизма психических и физических (физиологических) явлений неоспорим; это уже не гипотеза, а эмпирически установленный факт» (Шпет Г.Г. Профессор Г. Челпанов. Мозг и душа // Вопросы философии и психологии. 1903. Кн. 3 (69). С. 876).

В 1907 году Шпет едет в Москву вместе с приглашенным в Московский университет Г. Челпановым. Затем были годы плодотворной совместной работы, в том числе и во вновь созданном Челпановым психологическом семинарии уже при Московском университете, и на Высших Женских курсах. Научная командировка Шпета в Геттинген (1910), посещение лекций Э. Гуссерля и интерес к феноменологии – все это очень приветствовалось и поддерживалось Челпановым.

Из письма Челпанова к Шпету: «Меня очень радует Ваше сближение с Гуссерлем. Если бы то, что ... Вы усвоили, получило выражение в диссертации, то это было бы превосходно. Точка зрения

новая и интересная!» (цит. по: И.М. Чубаров. Шпет в Геттингене // Логос. 1992. № 3. С. 249.).

1910-е гг. были сложным периодом в истории России: в общественной жизни – это предреволюционная ситуация, а в культурной – это период расцвета, связанный с духовным подъемом, интересными художественными поисками в литературе, театральном искусстве, живописи. В научной жизни страны – это период активной работы философских, психологических, педагогических обществ, проведения научных съездов, реорганизаций в системе образования. Идея создания «специального» психологического института была сформулирована Челпановым в докладе «Современная индивидуальная психология и ее практическое значение». Ученый видел будущий институт как научно-образовательное учреждение качественно

нового уровня, обеспечивающее новые организационные формы работы психологов. «Институт нужен для существования самой психологии как науки. Институт нужен для удержания внутреннего единства психологии», – утверждал Челпанов. В этой убежденности его поддерживал Г. Шпет.

В период подготовки проекта и организации Психологического института они отправляются в Германию (1910) для ознакомления с крупнейшими университетскими лабораториями Берлина, Бонна, Вюрцбурга. В первом выпуске журнала «Психологические исследования» (1914), излагая историю создания Психологического института, Челпанов отмечает: «Летом того же (1910) года я поехал вместе с приват-доцентом Московского Университета Г.Г. Шпетом для осмотра самых обширных лабораторий немецких университетов...» (Г. Челпанов. Психологический институт при Московском Университете // Психологические исследования. Т. I. Вып. 1-2. С. 275). Там состоялось подробное знакомство с организацией занятий в берлинской лаборатории проф. К. Штумпфа, была осмотрена боннская лаборатория проф. О. Кюльпе и большая лаборатория Вюрцбургского университета проф. К. Бюлера, состоялось обсуждение проекта психологического института с проф. В. Вундтом. Этот опыт будет использован

Г.Г. Шпетом при учреждении Кабинета этнической и социальной психологии, который он возглавил в 1920 году.

Челпанов высоко ценил широчайшую эрудицию и несомненный педагогический дар Шпета, поэтому всегда стремился обеспечить ему возможность передавать накопленные знания новым поколениям ученых. В письме Г. Челпанова к Шпету от 30 ноября 1912 года читаем: «У меня явилась надежда, что Вы возьметесь читать этот курс (философии и методологии истории); он для Вас подходящ; а если Вам можно будет передать еще курс пропедевтической логики, то откроется возможность навсегда устроиться в Москве».

Самый тяжелый период жизни Челпанова связан с увольнением из созданного им института (1923). Челпанов очень тяжело перенес отставку, находился, по его собственным словам, в состоянии депрессии, глубоко переживал вынужденное бездействие и предательство учеников. В это время Г. Шпет приглашает своего учителя в Государственную академию художественных наук (ГАХН), основателем и фактическим руководителем которой он являлся, тем самым он продляет ученому не только его научную жизнь.

В Академии художественных наук Челпанов был председателем комиссии по изучению восприятия пространства и художественного творчества. Результаты исследований он предоставлял в докладах: «Понятие творчества и роль подсознания в творчестве», «Психологическое объяснение простых форм», «Психофизическое объяснение эстетического удовольствия» и др. До начала 30-х годов Челпанов вел активную научно-исследовательскую, просветительскую и организаторскую деятельность. В этом он видел призвание и смысл своей жизни. Значение духовных приоритетов в построении научных теорий, идея взаимосвязи наук в изучении человека, беззаветная преданность идеалам науки – все это сближало Челпанова и Шпета на протяжении многих лет.

Переписка Г. Челпанова и Г. Шпета свидетельствует о том, что это были близкие люди, обсуждавшие не только научные темы, но и глубоко личные вопросы. Даже трагизм их судеб: предательство ученика и полное забвение – у одного, и политические репрессии и физическое уничтожение – у другого, вписывает имена этих ученых в одну драматическую страницу истории русской науки.

С.М. Зубарев

СМЕРТЕЛЬНОЕ ЧУВСТВО

Зубарев
Сергей
Михайлович

консультант инсти-
тута управления и
предприниматель-
ства УрГУ

E-mail:
zubr@usp.ru

Ключевые слова: обида, страх, ярость, гнев, зависть, ревность, горе, стыд, вина, любовь.

FATAL FEELING

Zubarev S.M. Consultant for the institute of Management and Business at Ural State University. E-mail: zubr@usp.ru

The article deals with destructive aspects of offence functioning outside mother/children symbiosis.

Key words: offence, fear, fury, anger, envy, jealousy, grief, shame, guilt, love

В статье рассматриваются деструктивные аспекты обиды, функционирующей вне материнско-детского симбиоза.

Далеко не каждое чувство может характеризоваться эпитетом: смертельное.

Страх, ужас – да. Это понятно, он предупреждает именно о смертельной опасности. То, что опасность

может быть нафантазирована, в данном случае значения не имеет. Смертельный страх с идеей смерти связан напрямую. Но сам по себе страх убивает в исключительных случаях, да и в них чаще доминирует чужая враждебная воля.

Поэтому в словосочетании «смертельный страх» смертельность относится к внешней опасности.

Ярость – слепая, безрассудная, неудержимая, содержит идею уничтожения, но она безобъектна, ей всё равно на кого обрушиваться. Случайно может на себя самого, но, право, не специально. Ярость часто называют слепой, безрассудной, дикой, но смертельной, если именуют, то, подразумевая угрозу внешнему объекту. То есть, речь идёт, в данном случае, даже не о ярости, а о гневе. Так же, как в известной песне: «Пусть ярость благородная вскипает как волна!».

Разрушительный импульс направляется на конкретный объект именно во гневе. Гнев бывает праведным, вулканическим, но смертельным? Разве что вулкан не найдёт выхода.

Таким же внешним вектором обладает ревность. Причиняя острую боль, она провоцирует субъекта на самые кардинальные способы восстановления гармонии. Можно спорить, является ли ревностью чувство, побуждающее уничтожить сам объект любви, или его следует считать инфантильной злобой-мстостью. Ревность в этой логике – более зрелое «триангулированное» чувство, которое, сохраняя объект любви, уничтожает конкурентов. Вопрос – насколько зрелым можно считать чувство, уничтожающее конкурентов, которые лишь заподозрены, но в реальности таковыми не являются? – в нашем случае не слишком важен. Для своего носителя ревность губительна, как в случаях с перечисленными выше чувствами, в основном, в социальном контексте. Но речь здесь идёт о чувстве, непосредственно и неотвратно несущем гибель самому субъекту, испытывающему его. Заметим, что из всех негативных чувств ревность награждается наиболее пышными эпитетами. Одно «зеленоглазое чудовище» чего стоит. Вероятно, сама любовь бросает отблеск своей приближённой.

Тоска – смертная, но не смертельная. Она эпифеномен, результат того, что виртуальное, отдалённое проявляется вдруг как неизбежность

Жалость тоже не годится, хотя бытует выражение «жалко до смерти». Это кого-то жалко до того, как он умер. А после смерти уже не жалко. Горько, скорбно, но не жалко. Если жалко, то себя. Вот эта жалость к себе служит хорошим гарниром к истинному чувству.

Зависть, – это «наше всё». И чёрное, и белое. Это уже «тепло» в нашем поиске. Испортить жизнь она может серьёзно, особенно в чёрном – черновом варианте, но, при всём том, вектор этого чувства мотивирует на жизнь. Особенно, после того, как редуцированы агрессивные фантазии по поводу уничтожения конкурентов, после «отбеливания», зависть способна стать хорошим жизнеутверждающим мотиватором.

Стыд – жгуч. В упаковке «чести» «гордости», различных сверхчеловеческих кодексов, он способен обернуться аутоагрессией различных степеней, но для этого требуются упаковки: Фантазии роди-

тельского отвержения, предельный перфекционизм. Но прямой связи со смертью тут нет, и стыд, при всей своей жгучести, глаза, как правило, не выедает.

Вина чаще всего связана с образом тяжести, гнетущего груза, камня, лежащего на душе. Она может быть непростительной, требовать искупления, в том числе кровью, но может предполагать, наоборот, длительное существование в деятельном раскаянии: и потерять себя за то, что не подлежит восстановлению и восстановить то, что подлежит. Идея смерти здесь конечно присутствует, но тоже в не прямой связи. Более того, для большинства вин существуют отработанные ритуалы жертвования. То есть, собственная смерть заменяется чужой – бараньей, например, или оговоренной суммой денег.

Отчаянье – хороший кандидат. Оно вполне может дезориентировать субъекта и подтолкнуть к неадекватным, чреватых тяжкими последствиями действиям. Оно способно непосредственно подвинуть субъекта к окончательным расчетам с жизнью, особенно в сочетании с виной, страхом или ревностью. Хотя, может мобилизовать субъекта, отсекая надежду на внешнюю помощь, и давая ключ к сокрытым резервам. Другое дело, что при всей остроте, отчаяние – сравнительно кратковременный аффект. Долго пребывать в отчаянии невозможно,

оно работает в поворотных точках судьбы, но не доминирует в стабильные периоды.

Ещё «горячий» вариант – горе. При достаточной интенсивности оно содержит и суицидные провокации. Может действовать долго, формируя тяжелейшие психосоматические последствия. И словосочетание – «смертельное горе» вполне устойчиво. Внешняя причина для горя, как правило, очевидна. Человек может её скрывать от окружения, но сам он её слишком хорошо знает, и спрятаться от неё может лишь в психозе.

Но обсудим и других претендентов.

Любовь, несомненно, со смертью связана. Умереть от любви – не такой уж парадоксальный сюжет. В её свите приводящих чувств, немало деструктивных. Некоторые из них сами вполне могут выдавать себя за любовь достаточно долго. Момент разоблачения чувства-самозванца бывает очень болезненным. Пожизненное разочарование с неверием в возможность подлинного чувства – не самый тяжелый вариант. По крайней мере, плоские дообъектные зависимости менее рискованны, чем объёмное чувство, подразумевающее взаимодействие с другим, то есть, завязанное на требовании взаимности.

«Чувство двоих» предполагает для каждого партнёра индивидуальное соотношение самоотдачи и самосохранения. Абсолютно самоотверженная безответная любовь, которой довольно, что «след от гвоздя был виден вчера», очевидно эксплуатирует маниакальную защиту. Отрицать реальность иногда легче, чем остаться один на один с фактом отверженности, к которому быстро начнёт подтягиваться всё то, что по отдельности переносимо, а в сборе – не факт. Или можно предположить наличие мощного интроекта, обеспечивающего самодостаточность. С одной стороны он дарит субъекту ощущение безусловной любви, с другой – ставит барьер любым попыткам реализации. Барьер может быть, например, инцестуозного характера. Неожиданный эффект «Эдипа»: субъект окукливается в фантазии: «Я любим, пока ребёнок. Ради этого я пожертвую «взрослыми» отношениями. Не очень-то и хотелось». Суть, всё равно, в снижении риска.

Любовь, поглощающая, не допускающая автономии партнёра объекта, незрелая – именно такая ближе всего к смертельной. Для обеих сторон. Тем не менее, «смертельность любви» в основном, связана с её противостоянием социальному порядку.

К тому же, в рыночном искусстве благополучная любовь – плохой товар. Кровь продаётся лучше, чем морковь. Но уникальность любви как раз в том, что она позволяет сбросить агрессию, точнее, поменять её модальность, и отказаться от множества «обременений» и условностей. По крайней мере, в архетипической фазе любви так и бывает.

Радость, восторг, ликование нет смысла рассматривать в заданном аспекте, хотя, бывали случаи, умирали люди и от радости.

И вот главный претендент на звание смертельного чувства – обида.

Может показаться странным, что такое инфантильное, обыденное чувство может считаться главным убийцей людей. Для начала, вспомним, что словосочетание смертельная обида – самое устойчивое. Причём смертельно обидеться – это не значит замыслить убийство обидчика. Такое возможно, если в отношениях с обидчиком изначально доминируют другие чувства с вызревающей идеей мести. Обида, в этом случае, может сыграть роль «последней капли». Но в «чистых» случаях, где доминирует сама обида, обиженный желает активного искупления проступка со стороны обидчика. Более того, он желает доказательств их с обидчиком близости, и ценности своей для обидчика. Собственно, настоящее искупление в этом и состоит. Агрессию обиженный склонен обращать на себя. Общеизвестны детские фантазии о собственной смерти, которая вырывает раскаяние у обидчиков-родителей. Обиженный, воздействуя на обидчиков, стремится вызвать у них чувство вины. При этом обида обладает серьёзным мазохистическим аутоагрессивным потенциалом. Но для того, чтобы обидчики действительно, в желательном ключе для обиженного, реагировали на проявления его обиды, необходимо важнейшее условие: теснейшая, симбиотическая связь. Вне такой связи механизмы функционирования обиды как парного взаимодействия рассыпаются.

Именно демонстрацией одностороннего отторжения обиженный побуждает объект к раскаянию, признанию своей вины, затем заглаживанию, искуплению её.

Демонстрация обиды должна, по замыслу субъекта, индуцировать вину объекта. Вина, конечно, один из главных регуляторов человеческих взаимоотношений. Сфера действия шире, возможно, только у тревоги. Но возникновение вины при обнаруже-

нии у визави признаков обиды возможно только в случае уже существующей тесной связи. Уточним, изначально это материнско-детский симбиоз, уже в отцовско-детских отношениях обида может давать сбои, а в сиблинге может приводить к прямо противоположному эффекту – отвержению. Потом – любовные, иногда, дружеские, вот, собственно, и все традиционные сферы «применения».

Вспомним общеизвестный парадокс. Чей отказ обидит сильнее – близкого и ранее безотказного человека, или постороннего, на чью помощь трудно рассчитывать? На постороннего острая реакция возможна только, если на него была спроецирована соответствующая фантазия. Слом фантазии. А близкий человек вдруг выпячивает личные обстоятельства, которые никогда прежде в расчёт не брались. Это воспринимается как надрыв симбиоза и провоцирует паническую обиду.

Переживание и выражение обиды пронизано демонстративным отказом от объекта. Отвод взгляда, надувание губ, горькая гримаска с опусканием уголков губ, отворачивание. Отдергивание или стряхивание с себя прикосновений объекта. Плач с характерным задвиганием подбородка и натягиванием нижней губы на зубы. Даже при попытке сохранить гордую посадку головы, плечи приподнимаются, скрадывая шею.

Надувание губ является столь характерным признаком обиды, что породило просторечный синоним – «надуться».

Склонность к обиде является своеобразным инициационным критерием, широко используемым в сиблинге. «Плакса-вакса», «сопли распустил», – обиду часто сопровождает сепарационная тревога, обиженка. Подобные определения дети дают сверстникам, с невысоким статусом в сообществе, или даже не допускаемым в него. Впрочем, «обиженки» умеют извлекать свою выгоду и из такого положения. Получив причитающуюся порцию тумачков и оскорблений, они бегут к мамочке жаловаться и получают утешение, иногда сопровождающееся наказанием обидчиков – братьев и сестёр, иногда – нет, особенно, если обидчики – чужие дети, но в любом случае моральная подкачка происходит.

За пределами семьи манипуляция с обидой теряет эффективность. «Обидный» драйв, как правило,

не достигает цели, а во взрослых, деловых отношениях он считается недопустимым и «бедный мой» превращается в презренную «обиженку».

Что же делать субъекту, привыкшему достигать своих целей путём демонстрации обиды и вызывания вины у значимых фигур? Ему остаётся переносить свои отношения к родительским фигурам на посторонних людей, на тех, от кого он, в той или иной степени зависит: на учителей, начальников, лечащих врачей, сантехников. Переносы могут падать и на организации – от ЖЭКа до государства, и на неформальные сообщества – «свой круг», который не принял очередной манипуляции.

В позитивном варианте обиженка отказывается от инфантильного стереотипа и адаптируется к иным конструктивным взаимоотношениям. Но чем позже начинать, тем труднее это будет сделать.

Субъект, разумеется, может переносить на посторонние объекты любые чувства. Но, выскажем предположение, что обида переносится легче остальных чувств. Не переживается, а переносится.

Именно по ней, по её отчётливой неуместности легко обнаружить действие переносного механизма.

В негативном варианте субъект не в силах отказаться от игры в обидки, но поскольку с «дивидендами» становится всё хуже, приходится искать соответствующее, всё более инфантилизированное окружение и направлять своё сокровенное чувство на надличностные объекты: судьбу, обстоятельства, жизнь в целом. Кто-то обижается на Бога, кто-то на деньги – за то, что они не валяются на «бедненького» с неба. Обидные фантазии могут достигать философских высот. Проживание этого острого сладковатого чувства становится самоценным, создаётся коллекция особенно обидных сюжетов, позволяющая поддерживать себя в нужном тоне. Естественно, о профессиональной реализации, о карьере, тем более, о творчестве приходится забыть.

Впрочем, в социуме возможен действенный протестный акт, базирующийся на механизмах обиды-вины. Это – голодовка. Демонстративный отказ от пищи до выполнения требований. Акт протеста обращён к «родительским фигурам» власть предержащих. Но голодовка может достичь нужного эффекта только в публичной ситуации, и если власть признаёт голодающих своими, близки-

ми. В противном случае возможно насильственное кормление, или, наоборот полное пренебрежение к мукам «чужих». Так, например, М. Тэтчер в 1981 году в тюрьме Лонг Кэш спокойно заморила голодом десять протестующих ирландцев. Примерно с XIX века голодовка, в основном, акт политический, хотя в иные времена она была сакральным действием, апелляцией к божеству на творящуюся несправедливость. У некоторых народов практиковалась голодовка против частных лиц, например кредитора против должника. Это была очень действенная мера, поскольку вина за смерть голодающего «истца» ложилась на «ответчика», что влекло суровую кару.

[Селиванова Т.П. «Голодовка как этикетная норма» в сб. Этикет у народов Южной Азии СПб Петербургское востоковедение 1999 г. С 215-228]

Ещё один демонстративно-протестный акт – отказ от награды, скорее – сепарационный. В нём нет скрытого требования признать своим и утешить, но есть отказ награждённого признать родительскую близость власти.

Родители, казалось бы, тоже обижаются на своих детей, тоже индуцируют в них вину, но при всех различиях в фактуре, смысл этого парного взаимодействия не меняется: родители обижаются на детей так же, как на своих родителей. Если матери обижаются на две стороны, скорее «за предательство», за разрыв симбиоза, то отцы, скорее – за разрушение амбиций, за эстафетное разочарование: «не в меня пошёл».

Для конструктивного родительского реагирования необходимо участие иных «взрослых» чувств, иначе участников ожидает либо бесконечная и бесперспективная борьба за позицию наиболее обиженного, либо разрыв с отложенными взаимными обидами, представляющий собой тоже форму борьбы: кто первый придёт просить прощения, тот и родитель.

Разрушительное действие обиды обнаруживается и в интимных отношениях. Будучи допущена в свежие отношения влюблённых, как нечто обыденное и естественное, обида поначалу служит доказательством взаимной близости. Взрослые люди, накрытые архетипической волной, достигают возможности, как им кажется, полного слияния. Вновь обрётён утраченный родитель.

Про качественное и обязательное отличие союза двух зрелых личностей от детско-родительского симбиоза сейчас даже думать не хочется. Слаще

пообижаться друг на друга, выдавая это за всплески иных чувств. Характерно, что прямого названия обиды партнёры стараются избегать, особенно. Когда отношения уже устоялись и, возможно, оформлены официально.

Супруги предпочитают объяснять своё изменившееся состояние усталостью, болезнью, остатками гнева и раздражения, принесёнными, например, из рабочей, деловой сферы. Явные претензии друг к другу так же «мотивируются» бытовыми событиями, за нагромождением которых не так просто найти суть. Обиды, просачивающиеся в отношения из самых бытовых областей, плохо артикулируются, отчасти, из страха показаться инфантильными, отчасти потому, что происхождение «обидного диалога» довербально. Даже если они обнаруживаются в конфликте фактически, и аналитик может отследить их невербальные проявления у конфликтующих сторон, очень часто они маскируются под более зрелые аффекты. Например, под гнев.

Именно обида со своей спецификой взаимозависимости, позволяет создать (воссоздать) тесноту симбиотического контакта, без которой самые гармоничные конструктивные отношения могут казаться прохладными.

Но сами же обиды создают условия для проникновения инцестуозных страхов в сексуальные отношения зрелых партнёров, с чего начинается реальное охлаждение и отдаление между ними.

Зрелая сексуальность способна противостоять инцестуозным рудиментам, тем более в случае взаимного удовлетворения партнёров. Претензии зрелых партнёров друг к другу так же могут решаться без обид. Досада, гнев, разочарование (в конкретном результате, а не партнёре вообще), могут быть улажены, в меру способности к контейнированию, или приводят к быстрому разрыву.

Но есть увлекательный процесс накопления обид, которые создают ощущение взаимной спелёнутости, которое разрушает, в свою очередь, достигнутый в момент встречи и сближения влюблённых экзогамно-эндогамный баланс. Тут они начинают ощущать себя сблизившимися до опасного кровного предела.

Итак, возможность обидеться и обидеть – есть изначальный и окончательный критерий близости. Но он же предполагает адекватный ответ на демонстрацию обиды – извинение, доказательство

тва значимости, бонусы в утешение. Покаянная родительская реакция может быть отложена, но на понятный, приемлемый срок. Отсутствие её может породить фантазию: «Если на мою обиду не реагируют, значит, я – сирота», или «Я нелюбим, жить незачем».

Момент, в который происходит отказ от будущего, в который человек перестает чего-либо ожидать, крайне важен, и заслуживает отдельного рассмотрения, тем более что он может возникать и в других жизненных стратегиях.

Но позиция обиженного ребёнка, которого никто не бросается утешать, для взрослого че-

ловека нелепа и нестерпима. А что делать, если по-другому он позиционировать себя не умеет? Стоять в глупой позе до конца, находя всё новые источники своей уязвленности?

Исход подобной стратегии печален. Обида на саму жизнь проявляется в виде отказа от жизни. Путем отвержения удовольствий, сворачиванием всех программ и планов, схлопыванием перспектив. Отбрасываются любые новые возможности. Уходит смысл существования, и жизнь плавно перестает быть настоящей, становясь прошлой.

Зато готова роскошная эпитафия: «Я обижен».

В.Б. Носкова

ФИЛОСОФИЯ ЧАЙНОЙ ЦЕРЕМОНИИ

Носкова
Вера Борисовна

кандидат филологических наук, доцент
Института международных связей

E-mail:
zubr@usp.ru

Современное увлечение чайными церемониями – дань моде на восточную экзотику – отозвалось множеством интересных этнографических работ, описывающих историю чая, технологию его заваривания, вкусовые качества сортов, процедуру чаепития по-восточному, в отличие от английской и русской традиции. По ироничному замечанию японского писателя, это «буря в чашке чая», при всей умиротворенности чайного таинства.

Важно понять, как в чайной церемонии воплощены философские основы ментальности, этические, эстетические приоритеты определенных культур.

Идущие из древности ритуальные акты, к которым можно отнести и чайную церемонию, имеют специфичную семантику мировоззренческих имитаций, в них смыслы бытия находили

своеобразное отождествление: «Этот исторический смысловой шифр к природе и к жизни, (...) оказался культурной ценностью, результатом «производства идей», духовным инвентарем, пошедшим в пользование новой идеологии и новой культуры»¹. Обряды были тождественны миропониманию древних. А затем становились метафорой реальности. Такие «дубликаты», в частности неизменная форма чайной церемонии, становились эмоционально-смысловыми шифрами отношения к миру, и как следствие, реальностью особого рода, отражением совершенного и переосмысленного действия. Эта форма, запечатлевающая перекодированное сознание, создает условия для интерсубъективной коммуникации как возможность приобщения к философскому смыслу совершаемой церемонии (*Смысл бытия // знак / ценностная знаковая реальность*). И одновременно понимание смысла ритуала – условие межкультурной коммуникации, ибо чай – один из самых распространенных во всем мире напитков.

Приготовление целебного снадобья из листьев чайного куста известно в Китае с глубокой древности и упоминается в связи с именем китайского мыслителя Лао-цзы (т.е. 5-6 в до н.э.), полное признание и «узаконение» в Поднебесной чай получил в 8 веке в эпоху Тан, когда «апостол чая» Лу Юй написал трёхтомный трактат «Священная книга о чае» (другой вариант перевода – «Канон чая»). Уже тогда чайная церемония понималась

не только как чаепитие, а именно как время, потраченное на таинство осмысления бытия и воспитание духа путём постижения изысканного вкуса чая. Чайный лист приобретает значимость поистине «философского листа» (перифраз «философского камня»). Какие учения (教) мы можем прочесть на нём, на этом чистом листе для нас?

Прежде всего в китайской технологии приготовления и употребления чая воплощены основы **натурфилософии** древнего Китая. Согласно космогоническим мифам, первоначальная единая субстанция «ци» разделилась на два начала: «ян» (светлое, активное, творческое, мужское, небесное) и «инь» (тёмное, пассивное, принимающее, женское, земное) – они поддерживают гармоническое равновесие в мире. Силы Инь и Ян, «+» и «-», постоянно сменяют друг друга, взаимоопределяя и дополняя друг друга. Символический смысл этого «ритуала» выражен в переворачивании чашечек и вкушении энергий Инь и Ян, при использовании тайваньского способа чаепития (Китайская чайная церемония?).

Миропорядок в китайской натурфилософии (зафиксированный, например, в системе Фэн-шуй) определяли «пять **первостихий**» (в качестве понятий, денотатов, а не предметов), как сказано в книге «Шу цзинь»: «Первое начало – вода, второе – огонь, третье – дерево, четвертое – металл, пятое – земля»². Эти стихии соответственно обладают свойствами течь вниз, подниматься вверх, сгибаться, изменяться и принимая посев, давать урожай. В чайном ритуале последовательно сменяются состояния, в ней присутствуют предметы пяти начал. Вода для чая специально выбирается, чаще дождевая или из горных источников, затем нагревается на огне, добытом из древесного угля (тепло поднимается вверх), в металлической посуде и затем заливается (течет вниз) в керамический специальный чайник (глина, земля), куда помещены листья чайного куста (растение, дерево). Чай – это взаимодействие огня, воды, чайного листа, пространств и состояний. Все эти составляющие должны быть сбалансированы спокойной безмятежностью внимательности человека, заваривающего чай. «Ритм взаимодействия листа чайного дерева, правильно приготовленной воды, огня, посуды и проявленного в почтительности чело-

веческого внимания меняют качество восприятия этого мира. Чайная церемония даёт возможность «здесь и сейчас» соприкоснуться с живой реальностью и с мудростью древности»³.

Процесс взаимопроникновения первостихий в чайной церемонии воплощает и **даосские** представления о вечнотекущем мире как единстве противоположностей, где над всем господствует гармонизирующая сила Дао во множестве его смыслов, таящихся в символике иероглифа Дао (путь, метод, истина, абсолют), или как говорил Лао-цзы, «матерь всего сущего. Я не знаю его имени и поэтому называю его путь. Также свободно я могу называть его и Бесконечность. Бесконечность есть Поток; поток есть исчезновение; исчезновение есть Возвращение»⁴. Дао, подобно дракону, излюбленному символу даосизма, отрекается от самого себя, великое перевоплощение. В учении Лао-цзы в центре релятивистское представление о явлениях, взаимопорождающих друг друга. Сама семантика иероглифов имени учителя даосов Лао цзы являет даосский символ антинимии взаимопроникновения: «лао» – старик, старый, «цзи» – ребенок, т.о. оксюморонное «старик ребенок» можно понять как взаимопроникновение, взаимосвязь начала и конца, рождения и смерти, появления-исчезновения, возвращения. «Когда все в Поднебесной узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все узнают, что доброе является добрым, возникает зло. Поэтому бытие и небытие порождают друг друга, трудное и лёгкое создают друг друга, высокое и низкое взаимоопределяются, (...) предыдущее и последующее следуют друг за другом. Поэтому совершенномуудрый, совершая дела, предпочитает недеяние»⁵. «Осуществление недеяния всегда приносит спокойствие»⁶. «Нужно сделать свое сердце предельно беспристрастным, твердо сохранять покой, и тогда вещи будут изменяться сами собой, а нам лишь останется созерцать их возвращение. В мире большое разнообразие вещей, но все они возвращаются к своему началу. Возвращение к началу называется покоем, а покой называется возвращением к сущности»⁷.

В соотношении с даосизмом неспешная церемониальность чайного мастера и «недеяние» участников позволяют создать атмосферу погруженности в осмысление сущности дао – «глубо-

кой основы всех вещей»⁸, их антиномичности, где твердое и сильное уступает нежному и слабому. «Нужно осуществлять недеяние, соблюдать спокойствие и вкушать безвкусное»⁹ (кстати, часто именно таким кажется чай европейцам, не настроенным на вкушение тонкого аромата). В чайной церемонии при совместности действия достигается спокойствие уединенного самоуглубления, при вкушении «безвкусного» обостряется восприятие тонкого вкуса. За чайным столиком от начала церемонии и до ее окончания приходит ощущение, что человек способен осознать себя и достичь того, что ему нужно в жизни.

«Даосизм представляет собой индивидуалистические тенденции Южного Китая, в противоречие общественным идеалам Северного Китая, которые нашли своё воплощение в конфуцианстве»¹⁰ Даосизм возник почти одновременно с **конфуцианством**, и эти две философские доктрины, подобно «инь-ян», взаимоиисключая, взаимодополняя, уравнивая друг друга, всегда существовали в Китае как бы дуалистично, и такая бинарная гармонизация философских основ нации во многом определила устойчивость цивилизации на протяжении тысячелетий. Даосскому недеянию противостоит конфуцианский долг, индивидуальному постижению дао – мысли о возможности гармонизации общего социального бытия человека, а созерцательности, интуиции (несказанности истины) – культ ума, знания. Но и у Лао-цзы, и у Конфуция путь самосовершенствования человека как постижения Дао внутри себя является общей несомненной аксиологической ценностью. Конфуцианское учение о «цзюнь-цзы» (благородном муже), о человечности, сыновней почтительности, гармоничной «середины» (чжун юн) неразрывно связано с категорией «ли» 礼 – следование правилам, ритуалам.

«Победить себя и возвратиться к церемониям – значит быть гуманным»¹¹ (тот же афоризм XII, 1 – в другом переводе: «Сдерживать себя, чтобы во всем соответствовать требованиям ритуала, – это и есть человеколюбие»¹²). «Благородной муж, признавая справедливость за основу своей деятельности, проводит ее при помощи правил» (афоризм XV, 18). Следует заметить, что в китайском языке слова «ритуал» (礼) и «справедливость» (理) записываются разными

иероглифами, но звучат совершенно одинаково «ЛИ». Ритуал – залог прочности бытия и укрепления исторических взаимосвязей. В книге «Ли цзи» («Книга обрядов») Конфуций сказал, что «только совершенномудрые смогли понять, что ритуал не должен прерываться. Чтобы разрушить царство, погубить клан, извести человека, нужно прежде всего искоренить ритуал. Ритуал для людей – все равно что закваска для вина. Благородные мужи благодаря ему возрастают, низкие же люди умаляются»¹³. Длительная чайная церемония требует неукоснительного соблюдения правил приготовления чая, способов заваривания (вываренный чай эпохи Тан, взбитый измельченный чай эпохи Сун, крепкий чай эпохи Мин). В церемонии прописаны этапы вкушения чая и даже тематика и манера разговора во время церемонии (о чае, о вечных вопросах бытия, о красоте картин на стене). «Кто не признает церемоний, тому неоткуда приобрести прочные устои» (XX, 5).

В Китае чайную церемонию (典礼 dian li) часто именуют «功夫茶 gong fu cha». Это название порой очень вольно трактуется в популярных статьях. Но анализ детерминантов иероглифов позволяет акцентировать в этой фразе понятия «усилие», «упрочение», связанное с чаепитием. «Чай укрепляет волю, снимает усталость, делает острее зрение, а всё негативное отходит на второй план или исчезает вообще»¹⁴.

Церемонии (典礼), воплощающие небесные законы, помогают человеку вернуться к своей изначальной гуманной природе, т.е. постичь истину Дао (также центральное понятие конфуцианства): «Если при обширной учености сдерживать себя церемониями, то благодаря этому также можно не уклониться от истины» (XII, 15). Ученики Конфуция говорили, что Учитель «на подстилку, посланную неровно, он не садился, потому что это могло нарушить душевное спокойствие (10,9), значит помешать обрести ясность.

В **буддистской** философии состояние спокойствия при постижении «истины чая» достигается не церемониальностью, но медитативным характером действия, потому что дает возможность внутреннего умиротворения, обуздания страстей, отстраненности от мира, т.е. возможность встать на «восьмеричный

благородный путь». Участники такого чаепития освобождаются от привязанностей ко всему внешнему, «к временным именам», и открывают в себе «природу будды», то, что в свое время дает импульс к проявлению в обычной жизни всех скрытых физических и духовных сил, а также ощущение безграничного счастья.

Так основой японской чайной церемониальности являются «четыре благородные истины пути чая» по аналогии с четырьмя благородными истинами буддизма – Гармония, Благодеяние, Чистота, Умиротворение.

«Гармония» предполагает внутреннее единство между участниками чаепития, когда перестают ощущаться различия между «гостями» и «хозяином» – все присутствующие становятся неким внутренним однородным целым. Душевное состояние участников церемонии должно быть созвучным атмосфере, царящей в чайной комнате. Этот принцип подразумевает также гармонию Неба и Земли, упорядоченность мироздания, а также естественную гармонию человека с природой. Обретение человеком естественности, освобождение от условности сознания и бытия, наслаждение красотой природы вплоть до слияния с ней – всё это внутренние, скрытые цели «пути чая», получавшие внешнее выражение в гармонии и простоте чайной комнаты, непринуждённой, естественной красоте всей утвари. Гармония подразумевает также отсутствие искусственности и скованности в движениях мастера чая, общую атмосферу непринуждённости. Она включает в себя сложную сбалансированность в композиции живописного свитка, росписи чашки, когда внешняя асимметрия и видимая случайность оборачиваются внутренней уравновешенностью и ритмичной упорядоченностью.

«Благодеяние» предполагает, что участник чаепития должен с почтением относиться к собравшимся в чайной комнате, к своему настроению, к действию, к окружающим вещам. Абсолютное в буддистском смысле почитание, не направленное на какой-либо объект и даже неосознаваемое в качестве почитания.

«Чистота» – участие в чайной церемонии только с чистым сердцем и помыслами, без каких-либо корыстных намерений. Чистота отождествляется с добром, и очищение ассоци-

ровалось с обретением покровительства богов, и, следовательно, со здоровьем и получением всевозможных благ.

«Умиротворение» – спокойное состояние духа как «хозяина» так и «гостей. Состояние полного покоя обретается участником чаепития тогда, когда он постигает истинную сущность бытия, его первозданную пустоту, и чайное действие как раз и является средством достижения этого покоя. Участие в чайной церемонии представляет собой восхождение по уровням покоя – от относительного (спокойствие мыслей, движений, взгляда на окружающее) до абсолютного.

Состояние сосредоточенности, уединенного самоуглубления, освобождения от суетного, великая пустота, которая может наполниться истиной и привести к Просветлению – это условие и результат ритуального постижения чая в культуре, основанной на **дзен-буддизме**. «Первоначальный смысл дзенской чайной церемонии побуждал постичь суть собственной природы, собственного сердца»¹⁵ принял отточенные формы подлинного искусства. Чайная церемония в Японии исполнена красоты и называется «Тя-но-ю» – «это поклонение красоте в сером свете будней», как поэтично выразил её смысл монах Сэн-но Рикю. Любование ускользающим очарованием жизни, сопряженное с таинством чайного ритуала, в Японии имеет целую систему философско-эстетических категорий (*mano-no-аварэ* – скрытая прелесть вещей, их оживление, как мостик между мирами неживого и живого, небесного и бренного; *укиё* – открытие вечного в суетном, условности человеческого бытия; *саби* – печаль от бренности в вечнотекущей жизни и др.). При всей символической философской насыщенности дзэнского чайного действия Сэн-но Рикю (один из создателей японского канона чайной церемонии в 16 веке, дошедшем до современности) требовал, чтобы «за каждым жестом, за всей внешней формой церемонии скрывалось не механическое действие, не мёртвый ритуал, но живое биение сердца»¹⁶.

Эстетика ритуала соединяется с понятием «человечность» (人). Ещё у Конфуция было сказано: «Если человек не обладает человеколюбием, то как он может соблюдать ритуал?

Если человек не обладает человеколюбием, то о какой музыке может идти речь»¹⁷. И это ещё один философский аспект чайной церемонии, ставшей с XV века очень важной для культуры Японии с утвердившейся там дзен-буддистской философией, эстетизирующей обыденность и теплоту человеческого общения. И важно отметить этический аспект «философии чая». Так, в Японии есть выражение «человек без чая» о том, кто невосприимчив к переживаниям другого. А того, кто слишком привержен роскоши, безмятежности и эстетической восторженности называют «человеком, в котором слишком много чая».

Чайная церемония в Японии – это интеллектуальное и духовное общение людей разного происхождения и социального положения (деталь, отличающая японскую церемонию: сначала подается крепкий чай, который гости пьют по очереди из одной большой чашки, передавая её по кругу, и лишь потом слабый чай из отдельных пиал). Своеобразным гимном (хотя и небесспорным) звучат слова японского писателя: «Философия чая – это не только эстетизм (...), он (этот термин) объединяет в себе этику и религию наших взглядов на природу вообще и человека в частности. Эта философия по сути своей гигиенична, так как заставляет задуматься о чистоте; она – часть экономики, поскольку открывает нам мир комфорта в простоте, отмечая всё дорогостоящее и громоздкое; она – моральная стереометрия, так как развивает наше чувство пропорции и геометрического восприятия Вселенной. И в конце концов, она является истинным духом восточной демократии, её образчиком, так как объединяет все социальные слои населения, превращая их в настоящих аристократов, подлинных ценителей и гурманов»¹⁸.

Пафос демократичности не совсем неуместен, если говорить о чайной церемонии «кастовой» Индии, где, например, принято глиняную чашку, из которой участник пил чай, разбивать в знак того, что до него и после него никто не будет пить из этой посуды. Но это уже не философия, а скорее национальная специфика. Как впрочем и педантичность «five o'clock tea» в Англии и вкусовые пристрастия в чайхане

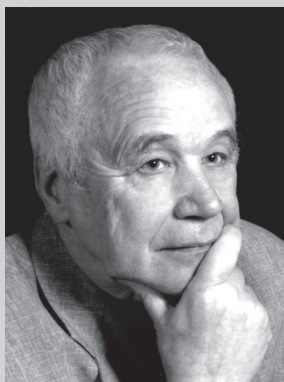
Средней Азии или русское чаепитие «по семи стаканов чая» из самовара, отразившее национальное свойство – соборность душ. Чай в этих странах узнали в XIII-XV веках, заимствовав чайную церемониальность как экзотическое действо, как форму общения, но не как отражение глубинных основ миропонимания.

Но заметим, что во всех рассмотренных здесь философских системах присутствует понятие Дао, а чайная церемония предстает как постижение Дао – сущности первоначал, миропорядка, смысла бытия, человека. Потому из разных национальных названий чайной церемонии самым ёмким, наиболее точно отражающим общую философскую межкультурную особенность этого семантизированного ритуала, можно считать фразу «**Cha dao**» – 茶道 – дословно «путь чая» или «чайный путь, процесс», но понятийное поле иероглифа 道 dao акцентирует смысл чайной церемонии как путь к истине, путь к истине при помощи чая и/или постижение чая. «Cha dao» – это дискурсивная форма установления философского, исторического, межкультурного диалога.

1. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. – с.13.
2. Шу Цзин. // Древнекитайская философия. Собр. текстов в 2-х т. Т.1. – М.: Мысль, 1972. – с.105.
3. Коженев А. Китайская чайная церемония. – www.Vseidei.biz.
4. Цитирую по книге Оакура Какудзо. Книга чая. – Минск: харвест, 2002. – с.32.
5. Дао дэ цзин. // Древнекитайская философия. Собр. Текстов в 2-х т. Т.1. – М6, Мысль, 1972. – с.115.
6. Там же, с. 116.
7. Там же, с. 119.
8. Там же, с. 133.
9. Там же, с. 133.
10. Какудзо Оакура. Книга чая. – Минск: Харвест, 2002. – с. 32.
11. Конфуций. Афоризмы мудрости. – М.: Белый город, 2007. – с.111.
12. Конфуций. Лунь юй. // Древнекитайская философия. Собр. Текстов в 2-х т. Т.1 – М.: Мысль, 1972. – с.159.
13. Конфуций. Ли цзи. // Древнекитайская философия. Собр. текстов в 2-х т. Т.2. – М.: Мысль, 1972. – с.108-109.
14. Оакура Какудзо. Книга чая. – Минск: Харвест, 2002. – с.19.
15. Религии мира. В 2-х т. Т 2. – М.: Аванта+, 1997. – с. 691.
16. Там же, с. 692.
17. Там же, с.145.
18. Какудзо Оакура. Книга чая. – Минск: Харвест, 2002. – с.5.

Б.В. Емельянов

ВИРТУАЛЬНЫЕ СНЫ-УТОПИИ У РАДИЩЕВА – ЧЕРНЫШЕВСКОГО – ДОСТОЕВСКОГО

Емельянов
Борис Владимирович

доктор философских
наук, профессор УрГУ,
академик МАДИ

В последние десятилетия «виртуальность», «виртуальная реальность» – одна из актуальных философских проблем, которой посвящены многочисленные монографии, диссертации, конференции. Предлагаются различные толкования этих понятий. Меня, как историка философии, привлекают те из них, которые определяют «виртуальность» как «подобие реального». Они хорошо «работают» при анализе русских утопий, в том числе представленных в сновидениях.

Первой русской утопией, отразившей идеальное будущее во сне, считается произведение известного русского писателя XVIII в. А.П. Сумарокова «Сон «Счастливое общество» (1759), в которой он изобразил «мечтательную страну», осуществившую идеал просвещенного монархизма. В этом обществе отменены сословные привилегии, процветают науки и ремесла, а бюрократия, тунеядство и взяточничество преследуются законом.

Спустя два года свой утопический «Сон» (1761) опубликовал С.Г. Домашнев, а в 1790г. вышло знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, где в главе «Спаская Полесь» опять-таки во сне Истина открывает «властителю» глаза на то, что происходит в

обществе. Это уже не «Счастливое общества» Сумарокова, а критически едкое изображение современной Радищеву екатерининской действительности, в которой народ живет в нищете, а придворные – в праздности.

Самой интересной из ранних русских утопий может быть названа повесть принадлежащего к кругу декабристов писателя и музыкального критика А.Д. Улыбышева «Сон». Написанная на французском языке, она была напечатана лишь в 1927г. Автор считает, что сон – это «прообразы нашего будущего»; в снах, видящие их, могут увидеть картину «воображаемого счастья, в тысячу раз превосходящего все то, что может им представить печальная действительность». Этот утопический «сон» Улыбышева интересен во многих отношениях. Герой оказался в Петербурге через 300 лет, когда уже нет самодержавия и крепостничества; люди свободны и равны перед законом, а их отношения покоятся «на чувстве сострадания к нашим несчастным братьям». «Постоянного войска» нет, «это изме-

нение в военной системе произвело огромную перемену и в финансах. Три четверти наших доходов, поглощавшихся прежде исключительно содержанием армии, – которой это не мешало умирать с голоду, – употребляется теперь на увеличение общественного благосостояния, на поощрение земледелия, торговли, промышленности и на поддержание бедных, число которых под отеческим управлением в России,

благодаря небу, с каждым днем уменьшается». Наконец, впервые, даже в утопической русской литературе, автор показывает как религия – это «настоящее идолопоклонство» – исчезает из жизни людей. Вместо священников и монахов в огромном Храме, предназначенном для совместных собраний и концертов, выступают с речами и проповедями государственные деятели. Благостная картина светлого будущего

прерывается вполне в духе российской действительности: «Я собирался перейти мост, как внезапно меня разбудили звуки рожка и барабана и вопли пьяного мужика, которого тащили в участок. Я подумал, что исполнение моего сна еще далеко...».

Глава русской революционной демократии Н.Г.Чернышевский еще в студенческие годы записал: «Мне кажется, что я стал по убеждениям в конечной цели человечества решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев, монтаньяр решительный». Свою приверженность социалистическим идеалам он показал своей жизнью, деятельностью и ... литературой. Самый известный его роман «Что делать?» в историю русской литературы вошел как социалистический философский роман, утверждавший пусть и в утопической форме, что «новые люди» – это провозвестники социалистических преобразований. Опыт таких преобразований – устройство мастерской-товарищества Веры Павловны, а ее четвертый сон – изображение будущего социалистического общества. Он напоминает фаланстер Фурье. Это – «здание, громадное, громадное здание, каких теперь лишь по несколько в самых больших столицах», состоящее из чугуна и стали с мебелью из алюминия. Вокруг здания нивы, на которых машины убирают хлеб. После работы – обязательный бесплатный обед для всех с одинаковым меню, а те, кто желает съесть что-либо особенное, оплачивают это блюдо отдельно.

На зимние 7-8 месяцев работники уезжают на юг, на Аравийский полуостров, где в «Новой России» не только трудятся, но и отдыхают, кому «как нравится»: «многие в театре, одни актерами, другие музыкантами, третьи зрителями... иные в аллеях сада, иные в своих комнатах, или отдохнуть наедине, или со своими детьми». А в конце сна сопровождающая Веру Павловну говорит: «Здесь все живут, как лучше кому жить, здесь всем и каждому – полная воля, вольна воля. То, что мы показали тебе, не скоро будет в полном своем развитии, какое видела теперь ты. Сменится много поколений, прежде чем вполне осуществится то, что ты предощущаешь... Оно

светло, оно прекрасно. Говори же всем: вот что в будущем, будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести: настолько будет светла и добра, богата радостью и наслаждением наша жизнь, насколько вы умеете перенести в нее из будущего».

Сон как возможность выразить свои сокровенные представления о «золотом веке» человеческой истории неоднократно использовал Ф.М.Достоевский. В двух романах («Подросток» и «Бесы») и рассказе «Сон смешного человека» он противопоставлял жизнь и сон, выстраивая утопическую конструкцию.

Гипотезу возможной райской жизни без бога Достоевский испытывает на прочность в исповеди Ставрогина в «Бесах». В «Исповеди Ставрогина» изображен некий рай, в котором люди как боги живут безбедно, в любви и согласии. Писатель засомневался в возможности такого рая и в окончательной редакции романа она не использована.

Короткий сон Версилова в романе «Подросток» (1875) навеян картиной Клода Лоррена «Асис и Галатея», которую он понимает как «золотой век» человечества. На небольшом пространстве греческого архипелага «за три тысячи лет назад» живут счастливые и невинные люди, у которых «всякий избыток непочатых сил уходил в любовь и простодушную радость»⁵ Этот уголок земли представляется Версилкову как колыбель «европейского человечества», как земной рай, в котором люди живут в гармонии с природой, они сами как боги. Любовь к богу у них заменена уважением к человеку. Достоевский, вероятно, допускал возможность «безбожного» золотого века. Версилова такое видение потрясло, он проснулся с глазами «буквально омоченными слезами»: «Чудный сон, высокое заблуждение человечества! Золотой век – мечта самая невероятная из всех, какие были, но за которую люди отдавали всю жизнь свою и все свои силы, для которой умирали и убивались пророки, без которой народы не хотят жить и не могут даже умереть!»⁶ Это был сон-мечта, а наяву – «за-

ходящее солнце последнего дня европейского человечества»: вражда между народами, франко-прусская война 1870-1871 гг.

Наиболее радикальным сном-утопией у Достоевского является рассказ «Сон смешного человека». В нем «смешной человек» на улице грубо отказал девочке, молящей о помощи. Вернувшись домой, он начинает размышлять о причинах своего отказа и неожиданно... засыпает. «Сны, – пишет Достоевский, – как известно, чрезвычайно странная вещь: одно представляется с ужасающей ясностью, с ювелирски мелочной отделкой подробностей, а через другое перескакиваешь, как бы не замечая вовсе, например, через пространство и время. Сны, кажется, стремится не рассудок, а желание, не голова, а сердце, а между тем какие хитрейшие вещи проделывал иногда мой рассудок во сне». Сон-то и возвестил «смешному человеку» Истину, открыв «новую, великую, обновленную, сильную жизнь» где-то на отдаленной Звездочке. «Это была земля, неоскверненная грехопадением, на ней жили люди не согрешившие, жили в таком же раю, в каком жили, по преданию всего человечества, и наши согрешившие прародители, с тою только разницею, что вся земля здесь была повсюду одним и тем же раем». Люди, жившие в этом раю, были счастливы, «между ними не было ссор и не было ревности, и они не понимали даже, что это значит... У них не было храмов, но у них было какое-то насущное, живое и непрерывное единение с Целым вселенной; у них не было веры, зато было твердое знание, что когда восполнится их земная радость до пределов природы земной, тогда наступит для них, и для живущих и для умерших, еще большее расширение соприкосновения с Целым вселенной».

Так бы и продолжался этот рай, но «смешной человек» изменил его жителей: их любовь выродилась в сладострастие, из которого выросли пороки и преступления. Они стали считать, что «знание выше чувства, сознание жизни – выше жизни. Наука дает нам премудрость, премудрость открывает законы, а знание законов счастья – выше счастья». И наконец, у них «явились

религии с культом небытия и саморазрушения ради вечного успокоения в ничтожестве».

Ужаснувшись этому организованному им грехопадению, «смешной человек» попросил, чтобы «они распяли меня на кресте». Но люди «говорили, что получили лишь то, чего сами желали, и что все то, что есть теперь, не могло не быть».

Выражая мысль Достоевского, «смешной человек» говорит: «Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей». Он видел истину и знает, «что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле». И вполне закономерен финал рассказа, его вывод: «Главное – люби других как себя, вот что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь, как устроиться. А между тем ведь это только – старая истина, которую биллион раз повторяли и читали, да ведь не учились же! «Сознание жизни выше жизни, знание законов счастья – выше счастья» – вот с чем бороться надо! И буду. Если только все захотят, то сейчас все устроится. А ту маленькую девочку я отыскал... И найду! И найду!»

Так сомкнулись два направления времени: «смешной человек» заменил свою земную жизнь возможностью осуществления райской жизни, обозначив ее реальность.

Литература:

1. Улыбышев А.Д. Сон // Русская литературная утопия. М., 1986. С.87.
2. Там же. С.91.
3. Там же.
4. Чернышевский Н.Г. Полн.собр.соч. М., 1939. Т.1.С.122.
5. Чернышевский Н.Г. Что делать? // Русская литературная утопия. М., 1986. С. 145-146.
6. Там же. С. 146.
7. Достоевский Ф.М. Подросток // Русская литературная утопия. М., 1986. С.154.
8. Там же.
9. Достоевский Ф.М. Сон смешного человека // Русская литературная утопия. М., 1986. С. 159.
10. Там же. С. 163.
11. Там же. С. 164.
12. Там же. С. 167.
13. Там же. С. 168.
14. Там же. С. 169.

И.Б. Фан

«НАШИ ЛИЧНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВО МНОГОМ ОПРЕДЕЛЯЮТСЯ КАЧЕСТВОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ». ИНТЕРВЬЮ С О.Ю. МАЛИНОВОЙ

Подготовила И.Б. Фан

О.Ю. Малинова – Президент Российской ассоциации политической науки (с 2008 г.), доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам РАН, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России. Сфера научных интересов: политическая философия, идеи и идеологии в публичной сфере, политический дискурс, исследования идентичности, политическая культура, политические коммуникации.

Ольга Юрьевна закончила исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина (1984), заочную аспирантуру на кафедре философии этого вуза (МГПИ), там же защитила кандидатскую диссертацию на тему «Дж. С. Милль и социально-философские аспекты современ-

ного либерализма» (1990). Работала учителем истории в средней школе г. Зеленограда, затем в Московском государственном институте электронной техники (Техническом университете), пройдя путь от лаборанта до профессора кафедры философии (1986-2002). Докторскую диссертацию «Анализ концепций либерального национализма (середина XIX- начало XX века)» (09.00.03 – история философии) защитила в 2000 г.

О.Ю. Малинова – автор и редактор более ста научных и учебно-методических работ, в том числе 3 монографий и ряда публикаций в международных изданиях. Среди них: *Либерализм в политическом спектре России (На примере партии «Демократический выбор России» и общественного объединения «Яблоко»)*. М., 1998; *Либеральный национализм (середина XIX- начало XX века)*. М., 2000; *Исследования политической культуры*. М., 2002; *Политическая наука. Политическая идеология в современном мире: Сб. науч. тр./РАН ИНИОН. Ред. и сост. выпуска Малинова О.Ю. М., 2003; Концепт идеологии в современных политических исследованиях. – Политическая наука. М., 2003, №4; Либерализм и концепт нации. – Полис. 2003, № 3; Гражданство и политизация культурных различий. Размышления по поводу некоторых тенденций в англоязычной политической философии. – Полис, 2004. №5; Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / Под ред. Малиновой О.Ю., Сунгурова А.Ю. СПб., 2005; Политическая наука: Идентичность как фактор политики и предмет политической науки: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Ред. и сост. Малинова О.Ю. М., 2005; Политическая наука: Исследования политической культуры: современное состояние: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Ред. и сост. Малинова О.Ю., Глебова И.И. М., 2006; «Политическая культура» в российском научном и публичном дискурсе. -*

Полис, 2006, № 5; Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Полис. 2007, № 1; Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990-2007) / Редкол.: О.Ю.Малинова (отв. ред.), С.В.Патрушев, Я.А. Пляйс, В.В.Смирнов. – М.: РАПН, РОССПЭН, 2008; Россия и «Запад» в XX веке: Трансформация дискурса о коллективной идентичности. – М.: РОССПЭН, 2009, а также статей в таких изданиях как «Полис», «Политическая наука», «Россия и современный мир», «Pro et Contra», «Космополис» и других.

О.Ю. Малинова – заместитель главного редактора журнала «Политическая наука», член редколлегии журнала «Полис»; она является членом Президиума Российской Академии политической науки и членом Совета товарищества выпускников Института им. Дж. Кеннана. Член двух диссертационных советов по политической науке; член исполкома Исследовательского комитета Международной ассоциации политической науки по этничности и политике.

В разные годы О.Ю. Малинова проходила стажировки в New School for Social Research (New York), Kennan Institute of Advanced Russian Studies (Washington, DC), Central European University (Budapest), Aleksanteri Institute (Helsinki). Ольга Юрьевна участвовала в ряде международных конгрессов, симпозиумов, конференций.

Между О.Ю. Малиновой и политологами Уральского отделения РАПН сложились прочные многосторонние отношения по многим направлениям деятельности. Она уже несколько лет участвует в разных мероприятиях в рамках конференции «Дискурсология: методология, теория, практика»: выступает с докладами, участвует в дискуссиях, проводит встречи с молодыми политологами из Уральского государственного университета и Института философии и права УрО РАН. Каждый ее приезд значим для обществоведов региона, поскольку функции Президента РАПН Ольга Юрьевна исполняет с живой и искренней заинтересованностью в формировании достойной и успешной профессиональной среды, оказывая всестороннюю поддержку инициативам отделения, способствуя научному и гражданскому росту молодежи.

- Ольга Юрьевна, пост Президента РАПН, на который Вы были избраны год назад, предполагает весомую публичную роль и в профессиональной среде политологов, в том числе зарубежных, и во взаимодействии с общественными объединениями и органами государственной власти в России. Раскройте, пожалуйста, Ваше видение обязанностей президента РАПН.

Российская ассоциация политической науки – важная форма общественной самоорганизации нашего молодого профессионального сообщества. Хотя по формальным основаниям в 2009 г. мы можем отмечать 20 лет официального существования политической науки в нашей стране, нам еще многое предстоит сделать для развития сообщества российских политологов и его интеграции в мировую науку. И РАПН принадлежит в этом весьма значимая роль. Ассоциация – это механизм самоорганизации сообщества, обеспечивающий поддержание и развитие среды для профессионального общения. РАПН потенциально может объединить всех политологов страны. Ни отдельные факультеты и кафедры, ни ВАК, ни другие структуры, влияющие на институционализацию политической науки в России, этого сделать не могут. Не случайно именно РАПН является инициатором и основным организатором Всероссийских конгрессов политологов, которые проходят раз в три года и являются важнейшим инструментом консолидации профессионального политологического сообщества, интеграции академической и вузовской науки, а также повышения общественного престижа науки. В этом году пройдет уже пятый конгресс.

Избрание президентом ассоциации – это, безусловно, и почет, и огромная ответственность. Готова ли я к ней? Отчасти да, поскольку работаю в РАПН с 2003 г. и имею определенный опыт решения проблем, с которыми сталкивается ассоциация. Но конечно приходится осваивать и новые функции. В свое время я пришла к активной работе в РАПН, осознав необходимость внести собственный вклад в развитие профессиональной среды. На каком-то этапе стало понятно, что мои личные возможности зависят от этой среды: от возможности обсуждать, обмениваться идеями, получать обратную связь, поддерживать на должном уровне профессиональную компе-

тенцию и т.д. Недостаток такого рода инфраструктуры снижает уровень профессиональной среды, вне которой нельзя заниматься наукой. Конечно, сыграло свою роль и то, что появилась возможность более активно включиться в общественную деятельность – была защищена докторская диссертация, выросли дети.

Надо признать, что людей, готовых тратить свое личное время на развитие общественных структур, не так много. К счастью, за время существования ассоциации сложился круг именно таких людей, и он постепенно расширялся и в то время, когда Президентом РАПН был М.В. Ильин, и когда Ю.С. Пивоваров или А.И. Никитин. В любой общественной организации жизнеспособность формальных структур определяется готовностью (или неготовностью) людей включаться в их деятельность. Сейчас можно сказать, что сложилась вполне работоспособная команда. Однако очевидно, что она должна развиваться и пополняться новыми людьми. Ее костяк складывается вокруг конкретных проектов – например, уже второго проекта, поддержанного фондом Макартуров – «Политическая наука в России: профессионализация, международная интеграция, выведение на уровень мировых стандартов», который предполагает целый комплекс направлений; проекта организации визитов зарубежных политологов в Россию (при поддержке общества «Знание»); организации очередного конгресса политологов, нового, недавно начатого проекта Межрегиональных экспертных сетей и др., а также информационной и научно-организационной деятельности. Радует, что в работу взрослой ассоциации постепенно включаются и молодые ребята. Причем, это люди не только из Москвы. Вот и у вас в Екатеринбурге находятся такие люди – Д. Москвин, М. Ильченко и другие. Это очень важно: ведь в 1990-х возник поколенческий провал, и поколение тридцатилетних меньше представлено в нашем сообществе. Однако проблема вовлечения людей, готовых участвовать в развитии ассоциации, по-прежнему остается острой.

На протяжении четырех из пяти лет, которые я была вице-президентом, я отвечала за работу с региональными отделениями нашей ассоциации, что дало возможность познакомиться с

состоянием дел в РО. Многие из них создавались с моим участием, в половине из них я лично побывала, участвуя в конференциях и экспертных семинарах, выступая с лекциями. Я человек команды, лидер, которого выбрала команда. Когда встал вопрос о выборах президента, круг старейшин ассоциации предложил мою кандидатуру. Подумав, я согласилась, посчитав, что не могу подвести коллег. Для меня работа в команде – очень важна и продуктивна. Особенно в вопросах, касающихся общих проблем. Год назад, накануне общего собрания РАПН шла публичная дискуссия о стратегиях РАПН на сайте, обсуждалось, куда необходимо дальше двигаться, чем должна заниматься ассоциация, на каких направлениях науки следует концентрировать внимание и т.д. В таких вопросах коллегиальность и работа по типу «мозгового штурма» просто незаменимы. Это замечательно, когда работает команда людей, которые хорошо понимают и поддерживают друг друга и которые сумели оптимально и в соответствии с интересами каждого распределить обязанности и функции.

На различных этапах тем или иным организациям нужны разные типы лидеров. В предыдущие годы в РАПН удалось обеспечить значительный организационный рост. С 2005 г. мы ввели фиксированное членство, ежегодно количество членов ассоциации увеличивалось и сейчас оно составляет больше 600 человек (без учета Молодежного отделения). Однако это не предел; думаю, что вполне реалистично стремиться к цифрам порядка 1000-1200 членов. Это означает существенный рост масштабов деятельности нашей ассоциации. В настоящее время ей нужен лидер, который не будет навязывать ассоциации стратегию и направления ее развития. Скорее, он должен координировать деятельность, обеспечивать коммуникацию между разными органами, структурами и командами в ее составе. В идеале хорошо было бы, если бы «под крышей» РАПН существовало много разных проектов, со своими командами. Важно только, чтобы при этом укреплялись и механизмы координации и интеграции.

Задача президента заключается в том, чтобы способствовать «расцветанию ста цветов». Безусловно, плюрализм не исключает возник-

новения каких-то конфликтов, но главное – возможность включать все, что можно включить. Я ощущаю значительную поддержку со стороны членов Правления и активистов ассоциации. Но поддержка – это одно, она проявляется по-разному, а процесс работы – другое. Я чувствую свою ответственность за то, что делаю. Не хотелось бы обмануть ожиданий.

Позиция президента общественно-научной организации, конечно, предъявляет особые требования с точки зрения личных профессиональных достижений. Думаю, что я могу считаться неплохим специалистом в тех областях, которыми занимаюсь, но, безусловно, не «великим ученым». С «представительской» точки зрения моя научная специализация, возможно, не вполне оптимальна, ибо так уж сложилось, что исследования того, что «находится в головах» – идей, убеждений, ценностей, когнитивных моделей и проч. – в общей структуре политической науки занимают относительно маргинальное положение. Как мне кажется, незаслуженно. Тем не менее, по мере сил буду стараться соответствовать своему новому положению.

- Как, по Вашему мнению, РАПН должна взаимодействовать с органами государственной власти в России?

- Уставной целью РАПН является содействие развитию политической науки и реализации ее результатов в современном политическом процессе, в деятельности государственной власти, политических партий и общественных движений, а также граждан. Это означает, что ассоциация стремится к оптимальному взаимодействию с органами власти в рамках, обозначенных ее Уставом. Это означает установку на сотрудничество при соблюдении автономии по принципиальным вопросам. По-видимому, она должна реализовываться через развитие экспертного сообщества на базе академической и университетской науки, а также – вовлечение в него более широкого круга политологов, как на федеральном, так и на региональном уровне. В этом направлении уже ведется определенная работа, например, исследовательский проект ИК по публичной политике и государственному управлению под руководством Н.Ю.Беляевой, проект Межрегиональной экспертной сети и другие.

- Какими возможностями влиять на процесс принятия политических решений обладает РАПН?

Внутри ассоциации идут постоянные дискуссии по поводу ее экспертных функций. У разных членов сообщества политологов разные мнения на этот счет. Думаю, что задачи ассоциации – создать возможности для профессионального обмена мнениями, но не навязывать жесткую линию поведения. Научное сообщество должно предлагать какие-то варианты возможного взаимодействия, но не должно быть профсоюзом экспертов.

Одна из задач ассоциации, сформулированных в нашем уставе – распространение знаний, причем, и в адрес власти, и в адрес гражданского общества. Что касается влияния на власть, то не РАПН как организация, как целое, обладает такой возможностью, но члены экспертного сообщества в индивидуальном порядке и качестве. Среди членов ассоциации есть люди, которые входят в состав Президентского совета по правам человека, или те, кто выступают в качестве экспертов на уровне правительства РФ. Их довольно часто можно наблюдать на телевидении, это Ю.С. Пивоваров, О.В. Гаман-Голутвина, Н.Ю.Беляева и ряд других.

- Немного о Вашей научной работе. Почему научные проблемы, которыми Вы занимаетесь, Вам представляются маргинальными для политической науки? Не открыли ли Вы в последнее время для себя какие-то новые направления научных исследований?

Хотя современная политическая наука открыто не разделяет основной догмат истмата («бытие определяет сознание»), «материалистические» объяснения, сводящие поведение участников политических процессов к «интересам», заметно превалируют над «идеалистическим» стремлением связывать причины наблюдаемых явлений с тем, что «находится в головах» – идеями, представлениями, убеждениями, ценностями, нормами, когнитивными моделями и прочим. Это неявное предпочтение «материального» в какой-то мере – следствие позитивистских установок, сыгравших определяющую роль в формировании научных подходов к изучению политики. Будучи ориентирован на выявление и обобщение «объективных» связей между на-

блюдаемыми признаками, исследователь должен тщательно контролировать все, что зависит от «субъективной» позиции интерпретатора. В этой логике «идеи» оказываются проблематичной переменной, ибо их трудно операционализировать так, чтобы результат наблюдения не зависел от наблюдателя, и не всегда можно выделить в качестве самостоятельно действующего причинного фактора. Неудивительно, что в поисках объяснений политических явлений и процессов исследователи предпочитают сводить «идеи», или то, что «находится в головах», к более надежным переменным, поддающимся наблюдению и измерению. Доминирующая в политической науке последних десятилетий теория рационального выбора – яркий пример такого рода редукции: возможность объяснения политического поведения связывается со способностью индивидов рационально, т.е. предсказуемо реагировать на (материальный) контекст, который и задает структуру «интересов».

Разумеется, «идеи» остаются главным фокусом исследований, следующих *интерпретирующей* парадигме; однако такие исследования не претендуют на обобщения, ставя своей задачей реконструкцию и анализ конкретных ситуаций. В рамках же нацеленной на поиск общих закономерностей *объясняющей* парадигмы «идеям» по умолчанию отводится второстепенная роль.

Конечно, было бы неверно утверждать, что «идеальное» вовсе обойдено вниманием политических наук. Систематически сформулированные идеи находятся в центре внимания политических философов, исследователей идеологий и истории политической мысли. Ценностные ориентации, когнитивные установки, поведенческие нормы, социальные представления и идентичности различных общественных групп изучаются политическими социологами и психологами. Циркулирующие в обществе идеи, программы, доктрины, концепции, нарративы более или менее регулярно становятся предметом анализа специалистов, изучающих политические элиты, партии и выборы, политические коммуникации, публичную политику, международные отношения и т.д. Однако то, что «находится в головах», в большей степени рассматривается на уровне микрополитики, то есть служит для объяснения поведения индивидов и групп. До недавнего

времени переменные, описывающие все, что имеет отношение к мышлению (*ideational variables*), сравнительно редко включались в теории, описывающие макрополитические явления и процессы – развитие институтов, трансформацию политических режимов, формирование мирового порядка, эволюцию партийных систем и т.п. В последние же пятнадцать лет в целом ряде субдисциплин – в институциональных исследованиях, сравнительной политологии, политической экономии, исследованиях международных отношений и публичной политики – появились работы, в которых идеи берутся в качестве переменных, объясняющих изменение структур. Некоторые аналитики склонны видеть в этом новую тенденцию – поворот к изучению «идеальных» факторов политики (*ideational turn*). Так что я бы предпочла говорить о маргинальности проблематики, которой я занимаюсь, как относительной и исторически сложившейся. Есть основания полагать, что ситуация начинает меняться, по крайней мере в европейской политической науке. Хотелось бы надеяться, что и в России – тоже. Свою позицию на этот счет я изложила в статье «Почему идеи имеют значение? Современные дискуссии о роли «идеальных» факторов в политических исследованиях», которая публикуется в № 4 «Политической науки» за этот год. (Кстати, тема этого номера «Идеи и символы в политике: методологические проблемы и современные исследования» – прямо связана с той же проблематикой).

На мой взгляд, наиболее интересные наработки исследователей, практикующих «идейно-ориентированные» подходы, связаны с выявлением взаимодействия и взаимовлияния идей, акторов и институтов. Именно через изучение такого рода связей удастся находить решения проблем, которые возникают, если мы пытаемся видеть элементы данной триады исключительно в качестве причин или следствий. Мне кажется перспективным объединение усилий специалистов из разных областей в рамках исследовательских программ, ориентированных на комплексное изучение циркулирующих в обществе идей во взаимосвязи с институциональными условиями, определяющими правила игры и стратегии акторов, которые эти идеи производят, а также с политическими коммуникациями, обеспечиваю-

щими обращение последних. Инициативу в такой постановке проблемы взял на себя созданный в 2006 г. Исследовательский комитет Российской ассоциации политической науки по изучению идей и идеологий в публичной сфере (подробнее см. <http://www.rapn.ru/?grup=586>).

- Означает ли это еще и то, что в политических науках сохраняется доминанта политической социологии?

Нет, не думаю. Напротив, современная политическая наука демонстрирует все более широкий плюрализм субдисциплинарных направлений и подходов. Некоторых аналитиков данное обстоятельство даже побуждает к скептическим высказываниям относительно перспективы обретения политической наукой «общего языка». Его отсутствие существенно затрудняет позиционирование нашей научной дисциплины в публичном пространстве и расширение спроса на экспертные услуги – политологи в этом смысле гораздо менее востребованы в мире, чем, например, экономисты. Эта тема активно звучала на целом ряде заседаний Всемирного политологического конгресса МАПН в Сантьяго (июль 2009 г.)

- Прошел год со дня избрания Вас Президентом РАПН. За этот год Вами проделана огромная работа – состоялась ежегодная конференция РАПН 2008 г., Международный конгресс в Чили, готовится Пятый Всероссийский конгресс политологов, по каждому из направлений деятельности РАПН есть определенные достижения. Какие события и результаты Вы считаете наиболее значимыми?

Думаю, что главное – то, что за прошедший год нам удалось перестроить команду, сложившуюся на предыдущем этапе, не развалив ее, а наоборот, пополнив новыми людьми. Работа идет по всем «плановым» направлениям. Главное сейчас, конечно – подготовка конгресса. Надеюсь, что он получится не хуже, а по некоторым направлениям – даже лучше предыдущего; уже очень многое для этого сделано многими людьми, работающими в Оргкомитете и Программном комитете (С.В.Патрушевым, А.И.Никитиным, О.В.Гаман-Голутвиной, Л.Н.Тимофеевой и др.), а также в рабочих группах РАПН и ГУ-ВШЭ. Отдельные слова благодарности – коллегам из Вышки, которые включились в работу на весьма

критическом этапе и помогли решить серьезнейшую проблему – организовать место проведения конгресса. Ну и конечно мы бы не справились без наших молодых помощников – секретаря ОК и ПК Д.Кислицыной, секретаря РАПН Ю.Устиновой, членов МО РАПН К.Кокарева и А.Гончарика, которые очень помогли в организации публикации материалов конгресса.

А после конгресса – появится возможность заняться целым рядом других проектов, их много: продолжается проект с Фондом Макартуров, в. т.ч. будут развиваться исследовательские проекты Исследовательских комитетов РАПН и рубрика «Субдисциплина» в журнале «Полис», предстоит заняться разработкой англоязычного сайта РАПН, будет продолжаться программа визитов зарубежных политологов в Россию, проект Межрегиональных экспертных сетей и многое другое.

- Ольга Юрьевна, Вы всегда выглядите собранной, энергичной, оптимистичной. Что придает Вам сил и энергии при столь напряженной научной, преподавательской, общественной работе? Что помогает восстанавливаться, когда возникает ощущение, что какие-то усилия и труд «уходят в песок»?

Мне запала в душу идея, которую я однажды услышала от В.Л.Шейниса: люди становятся оптимистами и пессимистами не потому, что жизнь хороша или плоха, а потому, что это соответствует их психологическому складу. Наверное, по природе я оптимист. Поэтому меня всегда радует, когда жизнь сводит с людьми, которые не хнычут и не жалуются, что вокруг все плохо, а просто делают то, что могут делать. Именно это меняет жизнь к лучшему.

**Фан
Ирина Борисовна**

доктор политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, член-корреспондент МАДИ

К.Н. Любутин, В.М. Русаков

**БЕСЕДЫ ПРИ ЯСНОМ УМЕ И ТВЕРДОЙ ПАМЯТИ –
100-ЛЕТИЕ КНИГИ В.И. ЛЕНИНА
«МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»
(1909-2009)****Любутин
Константин
Николаевич**

доктор философских
наук, профессор УрГУ,
Академик МАДИ,
почетный президент
МАДИ

**Русаков
Василий Матвеевич**

доктор философских
наук, профессор, Инс-
титут международных
связей, вице-президент
МАДИ

В.Р.: Мы плавно «въезжаем» в 100-летний юбилей рождения знаменитой книги Ленина. Занятно проследить и сравнить как отмечались промежуточные: каждый раз авторы более или менее последовательно и глубоко пытались ответить на вопрос – что же в ленинской работе принадлежит «злобе дня» и ушло вместе с той эпохой, а что сохраняет свое значение по сию пору. Как Вы думаете, что можно сказать об этом сегодня, сто лет спустя, после выхода книги в свет?

К.Л.: Перечитывая книгу сегодня, неизбежно отмечаешь актуальность целого ряда проблем, поднятых в ней сто лет назад – анализ исторических условий, идеологическая обстановка того периода, отношение к переменам тогдашних социалистов, принцип партийности философии, социальные и гносеологические корни новейшего идеалиста, стоит упомянуть и проблему соотношения абсолютной и относительной истины в свете критики догматизма и релятивизма.

Социально-политическая обстановка

В.Р.: Что актуального Вам видится в ленинской характеристике социально-политической обстановки, в которой создавалась книга?

К.Л.: Собственно, характеристики социально-политической обстановки в работе нет, к ней Ленин обращается в ряде других работ («О «Вехах», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»), здесь же речь идет о такой актуальной и сегодня черте, как «кризис в науке». Самой важной чертой социально-политической обстановки было поражение первой русской революции и наступление политической реакции: «Царское правительство, помещики и капиталисты бешено мстили революционным классам и пролетариату в первую голову, за революцию...» (В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т.20. С.72). Сегодня мы в некотором смысле тоже переживаем крушение социалистического общества, надежд на построение общества социального равенства и социальной справедливости. Социальные революции сегодня на все лады клеймятся как варварство и зверство, борьба народов за свое национальное и социальное освобождение подается как экстремизм и терроризм, революционеры вновь объявляются государственными преступниками. Восхваляются русский царизм, пиночетовская хунта, колчаки и каппели. В то время, как социально-экономическое неравенство в стране достигает чудовищного уровня, разграбление

природных, экономических и человеческих ресурсов ведет страну к пропасти. Как и в эпоху реакции, верноподданнические СМИ прославляют «прогресс», достигнутый в результате псевдореформ.

В.Р.: Нынешний кризис, надо полагать, с этой точки зрения оказался совсем некстати?

К.Л.: Да, он сильно подпортил идеологам «рыночного фундаментализма». Как оказалось, идеи «Капитала» К. Маркса рано списывать «в архив»: «Способность всех продуктов, деятельностей, отношений к обмену на нечто третье, вещное, на нечто такое, что в свою очередь может быть обменено на все без разбора, – то есть развитие меновых стоимостей (и денежных отношений) – тождественна всеобщей продажности, коррупции, – писал Маркс в своих рукописях, – всеобщая проституция выступает как необходимая фаза развития общественного характера личных задатков, потенций, способностей, деятельностей. Выражаясь более вежливо: всеобщее отношение полезности и годности для употребления». («Экономические рукописи 1857-59 гг.»). Не случайно, ряд политических деятелей ведущих стран стали «стесняться» капитализма.

Идеологическая обстановка

В.Р.: В.И. Ленин в работе постоянно возвращается к идеологической обстановке, помещая философские споры в контекст идеологической борьбы. Что из сказанного в книге актуально?

К.Л.: Об этом он емко скажет спустя несколько лет: «Годы реакции... Царизм победил. Все революционные и оппозиционные партии разбиты, – писал Ленин, – упадок, деморализация, расколы, разброд, ренегатство, порнография на место политики. Усиление тяги к философскому идеализму; мистицизм как облачение контрреволюционных настроений» (В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т.41, с.10.). Сегодня, как и тогда, происходит искоренение всякой оппозиции, гражданского общества, вместо всего этого насаждается «реал-политика» и «шоу-политика», страна раздавлена бюрократизацией. Производится радикальная дискредитация всего социалистического, советского, революционного. Всевозможное ре-

негатство возводится в ранг высшего героизма и добродетели. Анафеме предаются не только марксизм, но и вообще принципы социального равенства и справедливости, идеалы гуманизма и Просвещения. О размахе «ползучей клерикализации» образования, вооруженных сил, пенитенциарной системы, государственной службы следовало бы сказать особо! Развращение сознания населения и молодежи в частности не поддается описанию: на фоне развала системы образования мы видим «девятый вал» всевозможной порнографии, оголтелого мистицизма и эзотеризма. Методологическое бескультурье прямо возводится в принцип. В собственно философской области культивируется совершенно не критическое восприятие любых концепций, которые заключаются в теоретическом оформлении обыденных пред-
рассудков рядового обывателя.

Социалисты и идеализм

В.Р.: Что поучительного содержит ленинская постановка вопроса о связи социализма и идеализма?

К.Л.: В книге сказано, что по-прежнему борющимися партиями в философии были и остаются материализм и идеализм, причем он добавляет: «Последний есть только утонченная, рафинированная форма фидеизма, который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли». А отсюда следуют два вывода: во-первых, для дискредитации «социалистической судьбы человечества» по-прежнему используются фидеизм и идеализм, во-вторых, «новый левый поворот» ставит перед современным социализмом проблему мировоззренческого и методологического самоопределения – чтобы оказаться теоретически состоятельным перед лицом современных вызовов.

Гносеологические и социальные корни идеализма

В.Р.: Почему Вы назвали в числе идей, сохраняющих свою актуальность, размышления Ленина о социальных и гносеологических корнях идеализма?

К.Л.: Дело в том, что упрощенные, и даже примитивные представления о науке, о рационально-теоретическом познании, о религии и идеализме, насаждаемые в общественном сознании, наносят огромный вред воспитанию людей, правильному пониманию ими своего положения в мире и обществе. С одной стороны, они не понимают, почему прогресс научный и технический может сопровождаться разрастанием разнообразной мифологии, мистицизма и фетишизма, а с другой – не могут понять того, почему это систематически воспроизводится и в чем опасность этого. «Познание человека, – скажет в своих философских конспектах В.И. Ленин, – не есть (respectively не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее закрепляет классовый интерес господствующих классов). Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота *voilà* гносеологические корни идеализма. А у поповщины (== философского идеализма), конечно, есть *гносеологические* корни, она не беспочвенна, она есть *пустоцвет*, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного, человеческого познания» (Философские тетради). Это положение восходит к известной ленинской формуле о том, что «Философский идеализм есть *только* чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического. Наоборот, с точки зрения *диалектического* материализма философский идеализм есть *одностороннее*, преувеличенное, ... развитие (раздувание, распухание) одной из «черточек, сторон, граней познания в абсолюте, оторванный от материи...» (Там же). Поэтому научное творчество содержит в себе возможность отрыва сознания от реальности, ухода от нее, а дальше может сработать и срабатывает социальный интерес: эти фантазмы могут показаться кому-то весьма полезными – для

«доказательства», например, того, что «все курсы равноправны», что наука и религиозная мифология вполне совместимы, что научное познание вовсе не обладает никакими гносеологическими преимуществами, более того – нуждается в религиозной вере, в эзотеризме и т.п. А тут надо смотреть, кому (каким социальным группам) и для чего это нужно.

Принцип партийности в философии

В.Р.: Вот по поводу актуальности принципа партийности, которому В.И. Ленин в своей работе уделяет немало внимания, кажется, спорить трудно: примеров столь радикального переозначивания всего знаково-символического пространства страны, предпринятого в целях защиты интересов новой «элиты» мало найдется в новейшей истории. Похоже, действительно, «новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад»?

К.Л.: В.И. Ленин писал в своей работе «Три источника и три составных части марксизма»: «Учение Маркса вызывает к себе во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казенной, и либеральной) науки, которая видит в марксизме нечто вроде «вредной секты». Иного отношения нельзя и ждать, ибо «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе... Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства – такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала» (В.И. Ленин. Полн.собр.соч., т.23.С. 40.).

В.Р.: Да, Россия, благодаря отечественным «рыночным фундаменталистам», на всех парах понеслась к наиболее крайним формам социального неравенства: «Сегодня официально принято говорить о шестнадцатикратном разрыве в доходах между богатыми и бедными. Между тем, ряд экспертов считает, что на самом деле речь идёт о шестидесятикратном разрыве. Одни говорят, что разрыв постепенно увеличивается, другие – о том, что в последние годы он стабилизировался на одном уровне. Как мы видим, оценки разнятся. Однако, в

любом случае, социальное неравенство велико. И не потому что бедные становятся ещё беднее, а богатые – богаче. Доходы растут у тех, и у других. Но у бедных доходы растут медленнее, чем у богатых. И получается, что социальная пропасть между этими группами населения увеличивается» (Государственная радиокomпания «Голос России»: <http://www.ruvr.ru>). Ученые Института социологических исследований РАН совместно с Горбачев-Фондом, надо сказать, весьма сдержанно отмечают: «Семь десятилетий сильного социального государства – СССР, обеспечивавшего широкий объем социальных гарантий, выравнивающих социальные неравенства, сменились рыхлой в социальном отношении системой государственного управления, которая постаралась освободиться от решения социальных задач в прежних объемах и границах. «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих» – под таким по существу девизом складывалась в 90-е годы социальная политика в новой России. Как результат – всего за 10–15 лет возникла огромная дифференциация в социальном положении различных групп российского населения, а со-

циальные неравенства приобрели как никогда ранее резкие формы. И хотя в последние годы социальная политика российского государства стала приобретать более осмысленный, адресный и долгосрочный характер, использовать значительно большие материальные ресурсы, а национальные проекты стали охватывать не только оборонно-технические отрасли, но и важнейшие области социальной сферы (образование, здравоохранение, жилье), все же преодолеть глубину явно не оправданных социальных неравенств, возникших за годы реформ, пока не удастся» (Социальное неравенство в социологическом измерении. Аналитический доклад// http://www.isras.ru/analytical_report_Social_inequality_0.html). В этих условиях было бы наивным ожидать «беспристрастности» и «объективности» в отношении социально-политического учения, которое не только ставит социально-классовый анализ в основу своего представления об обществе, но и осознанно выбирает позицию защиты интересов угнетенных и обездоленных. Тем более – в отношении теоретической формы его мировоззрения, то есть марксистской философии.

О.Ф. Русакова, А.С. Преображенская

ДИСКУРС КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ THE SIMS

Русакова
Ольга Фредовна

доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии Института философии и права УрО РАН, президент МАДИ

Преображенская
Анна Сергеевна

студентка факультета «Связи с общественностью и рекламой» УрГУ

Компьютерная игра – один из самых эффективных способов глубокого погружения человека в виртуальную реальность, который

производит эффект эмоциональной зависимости. Игровое начало в культурных практиках само по себе пробуждает азарт и увлеченность

симулятивной состязательностью и достижительностью. Игра приносит удовлетворение и удовольствие от имитации соревновательного поведения и демонстрации собственных возможностей.

Довольно часто именно в игре, моделирующей успешное поведение, превосходство над противником, рождается иллюзия полной власти над виртуальным пространством, иллюзия своего величия. Стать властелином виртуального мира – вот главный соблазн, транслируемый дискурсом компьютерных игр.

Компьютерные игры – это особый вид развлечения, обладающий своеобразным дискурсом. Это и компьютерный сленг, и особенности графики, и всевозможные способы эмоционального вовлечения в игровой процесс, и жанровая специфика. Причем, каждая отдельная игра обладает собственной стратегией. Есть игры, которые рассчитаны на узкий круг людей. Человек, увлекающийся такой игрушкой, относит себя к разряду VIP-персоны, что увеличивает его статусный капитал. Существуют игры, рассчитанные на массовую аудиторию и на пропаганду определенных ценностей (например, здорового образа жизни). С помощью скрытой и явной рекламы в играх их разработчики выполняют маркетинговые задачи по раскручиванию торговых марок и брендов.

Сегодня компьютерные игры стали важной частью индустрии развлечений и маркетинговых коммуникаций. В настоящее время производится более 100 000 компьютерных игр, которые классифицируются по следующим признакам:

1) *жанровая специфика* (action, adventure, shooter, puzzle, квесты, аркада, игры-симуляторы, стратегические игры, игры спортивные, логические, ролевые, обучающие и развивающие, компьютерные модели традиционных и настольных игр, the Sims);

2) *количество игроков и способы их взаимодействия* (игра может быть однопользовательской или многопользовательской, а также вестись через Интернет, электронную почту);

3) *визуальное представление* (игра может использовать как графические средства оформления, так и быть тестовой, может быть двухмерной или трехмерной);

4) *тематика* (фэнтези, игры космические, мифологические, исторические и др.);

5) *динамика* (игровой процесс может происходить в условиях «реального времени» или пошагово);

6) *перспектива* (игра может вестись как от первого, так и от третьего лица).

Среди жанров компьютерных игр особым дискурсом, имитирующим тотальную власть, отличается игра the Sims или «симулятор Бога». Игры подобного рода в народе прозвали «Симами».

Создателем «Симов» является дизайнер Уилл Райт, которого одно из западных изданий включило в сотню «самых креативных людей в индустрии развлечений». Первый симулятор назывался SimCity и представлял собой небольшой виртуальный городок, чей внешний вид, устройство и благосостояние находилось в руках игрока. Это была первая игрушка, позволяющая полностью контролировать и управлять жизнью главного персонажа. По ходу игры человек становится одновременно и Диктатором и Создателем.

Возможность виртуально творить судьбы людей – вот главный соблазн, лежащий в основе стратегии «Симов». Но самым привлекательным является то, что человек не несет никакой ответственности – что бы ни произошло, какое бы решение не принял игрок, ибо в большинстве случаев все можно исправить, в противном случае – можно все начать заново.

Благодаря виртуальному моделированию неограниченной власти популярность игры SimCity побила все рекорды, известные в мире компьютерных игр. К 2000 году игра возглавила список самых продаваемых компьютерных игрушек.

В своих новых версиях игра предоставляла неограниченные возможности в выборе персональных параметров героя – начиная с радикальной смены имиджа и заканчивая созданием потомства. Игроки могли не только «выращивать» своих симов, но строить им дома, заводить семью, планировать отпуск и продвигать по карьерной лестнице. Для многих игроков игра дала возможность превратить своего персонажа в копию мужа или жены, почувствовать себя дизайнером домашнего

интерьера. Из симулятора жизни одного человека игра фактически превратилась в симулятор жизни отдельно взятой семьи. Симулы, по сути, стали проводить виртуальные эксперименты над микросоциумом.

Разработчикам игры не потребовалось много усилий, чтобы ее разрекламировать. Выпустив сначала ограниченным тиражом первую версию The Sims, У. Райт понял, что попал «в яблочко»: в ситуации нестабильности и психологической неуверенности люди стремятся убежать от проблем в виртуальную реальность и реализовать в ней свои желания. Дальнейшие версии игр разработчикам подсказывало само общество. Версия *The Sims 2: Бизнес* предназначалась для тех, кто желает реали-

зовать себя в области предпринимательства. Это игра моделировала строительство собственного бизнеса. Тем же, кто не хочет озадачиваться выполнением бизнес-плана, а желает вести богемный и гламурный образ жизни, разработчики предложили версии «Ночная жизнь», «Holiday Edition», «Glamour

Life», которые дают возможность почувствовать драйв, развлекаясь в клубе или катаясь по ночному городу. Разработчики учли и такие виртуальные возможности, как уход за домашними животными (*The Sims2: Питомцы*), учеба в университете (*The Sims2: Университет*), получение различных профессий. Вот в каких областях виртуальный человек может получить профессию: криминал, военное дело, охрана, кулинария, наука, спорт, бизнес, медицина, политика, шоу-бизнес, парапсихология, искусство, экология.

С появлением игры *The Sims2: Времена года* добавились следующие профессии: музыкант, юрист, журналист, учитель, исследователь, игровая индустрия. А с появлением *The Sims2: Свободное время* – еще 5 профессий: танцы, развлечения, разведка, океанография, архитектура.

«Симы» завладели умами миллионов. В них играют топ-менеджеры, бухгалтеры, журналисты, политики, домохозяйки, студенты и дети. Созданы сообщества и сайты «любителей The Sims». «Симомания» превратилась в один из вариантов виртуальной зависимости. Причем, 60% «любителей Симов» – это женщины. Именно они могли безоглядно экспериментировать со своей внешностью, флиртовать, виртуально рожать и воспитывать детей. Все то, о чем женщина могла только мечтать в реальной жизни, исполнялось в игре при небольших усилиях.

Важной привлекательным моментом виртуального дискурса The Sims является 3D-формат.

Другой немаловажный аспект – высокое качество изображения и графики. Внутренняя обстановка дома, улицы, магазины и автомобили – все выполнено на высочайшем уровне. Загружая впервые «Симов», человек испытывает удивление от увиденного: ощущение, что тебя поместили в кукольный домик и, не-

смотря на маленькие размеры, все окружающие предметы – совершенно настоящие.

Авторы игры учли даже такой момент как смена суток. Причем, сменить день на ночь можно по желанию игрока. Этот эффект позволяет почувствовать течение жизни.

Особое внимание в игре уделяется самим героям – их внешнему виду, поведению, жестам, мимике и др. Так, заставляя делать Сима то, что ему не по душе, виртуальный человек начинает возмущаться, искренне удивляться или плакать. Разработчики старательно вывели каждую морщинку, слезинку или ямочку при улыбке на лице героя. В такие моменты хочется прижать «виртуального друга» к груди и пожалеть.

Важнейшей составляющей любой игры The Sims является возможность создавать «Сима» по собственному желанию. Личность любого персонажа формируется при помощи опреде-

ленного набора черт. Каждому можно назначить до пяти черт, из которых складывается его характер. Черты на языке компьютерной игры – это личностные *теги*. Всего их около восьмидесяти: «перфекционист», «гений», «параноик», «клептоман», «кокетка», «романтик», «счастливчик» и др.

В основу набора черт авторы положили теорию архетипов Карла Юнга. Игра предлагает на выбор несколько архетипов с готовым набором черт. Но более интересно, создавать собственного героя. При этом необходимо помнить, что некоторые черты не могут сочетаться в рамках одного психотипа.

Живя согласно определенному психотипу, Сим взаимодействует с другими персонажами. Как и в любом обществе, в игре появляются лидеры, изгои, звезды и аутсайдеры. Поэтому задача игрока – сделать так, чтобы Сим не чувствовал себя «ничтожеством» (именно так на первых порах характеризуется компьютерный герой). По мере выполнения желаний Симом его самооценка повышается.

В The Sims у каждого персонажа есть стремление. Которое определяет его желания и страхи. Если желание исполняется, он получает определенное количество «пунктов успеха», если же происходит что-либо, чего Сим боится, он теряет пункты успеха. К примеру, в числе желаний – приобретение машины, знакомство с другим Симом, рождение ребенка. Примеры страхов – смерть близкого, старость, одиночество, тараканы и др. Желания и страхи со временем меняются, однако страх или желание может быть зафиксирован до его возникновения. У Симов-детей программируется одно стремление – взросление.

Еще один важный пункт в создании Симом – написание его биографии. Здесь игрок может дать волю своей фантазии, сделав, к примеру, Сима матерью-героиней или самоубийцей.

Важная составляющая игры – тексты, которые используются героями для общения. Герои всех версий The Sims используют для общения «симглише» – смеси украинского, филиппинского и языка навахо. Почему выбор был сделан в пользу данных языков, остается до конца непонятным. Скорее всего, именно

эти языки показались авторам наиболее экзотическими. В самих текстах украинский язык представлен только на уровне отдельных слов. В последующих версиях игры «симглише» выглядит как смесь греческого и кириллического алфавитов.

Игроки до сих пор спорят, как произносить отдельные слова, а разработчики не признаются, как правильно читается и что конкретно значит то или иное слово или выражение. Единственное, что они подтвердили, что «даг даг» – это «до свидания», «чум-чум» – значит «пицца» или «еда из китайского ресторана», а «нубу» – это «ребенок». Обо всем остальном остается только догадываться.

Сознательно создавая «трудности перевода», авторы игры тем самым провоцируют игроков на формирование особых сообществ, занимающихся лингвистическим креативом, что дополнительно усиливает привлекательность The Sims. Ярые поклонники The Sims создают на специальных сайтах словари, где переводят «симглиш» на русский язык.

Игра в силу своей популярности является прибыльным местом для размещения рекламы. The Sims, в частности, используется для рекламы IKEA (The Sims 2: *Кухня и ванная. Дизайн интерьера*; The Sims 2: *Идеи от IKEA*). Существует версия игры Home Stuff, в которой Симы получают возможность обустроить свой дом мебелью из IKEA. В версии The Sims 2: H&M Fashion Stuff была открыта реклама торговой марки одежды H&M. Одежде, обуви и модным аксессуарам (в том числе и автомобилям) в игре уделяется большое внимание, поскольку от этих элементов зависят настроение и социальный статус героя. В зависимости от заработанного числа денег Сим может позволить себе купить марку более дорогого автомобиля.

Одним словом, жизнь Симов протекает по аналогии с реальной жизнью людей в обществе массового потребления. Чем активнее Сим, тем больше у него удовлетворенных потребностей, тем выше его самооценка, социальный статус и наоборот.

Если говорить о рекламе самой игры, в данном случае акцент делается на Интернет.

Именно в нем аккумулируется основная информация, касающаяся поиска необходимых «ключей» для развития Сима. Есть и специальные печатные издания, где идет речь о новинках и основных характеристиках компьютерной игры.

Отвечая на вопрос, какие ценности пропагандирует The Sims можно сослаться на целевые установки, которые сформулировали в своем кредо ее разработчики: «В попытке прожить как можно больше жизней, за каждую из которых не было бы мучительно больно, люди пускаются во все тяжкие. Одни становятся актерами и проживают множество ролей и судеб. Другие – писателями, создающими истории жизней своих персонажей. Третьи вообще мнят себя творцами всего сущего и для поправки душевного здоровья принудительно отправляются в соответствующие заведения. Чтобы не произошло подобной трагедии, мы и создали игру The Sims» (Тайны The Sims. Режим доступа – www.igromania.ru).

Успех любого проекта, в том числе и компьютерной игры, напрямую зависит от эмоциональной заряженности его дискурса. Чем сильнее воздействие дискурсивных форм на чувства массовой аудитории, тем больше вовлеченность в процесс игры. Саспенс – непременный атрибут эффективной коммуникации. Суть его – в идентификации с виртуальным героем.

В The Sims эмоциональный отклик очень высок, так как Сим – это, собственно. Сам игрок или мечта быть таким как он. Поэтому любое разочарование или радость Сима воспринимается как собственная неудача или победа. Игра в том и заключается, чтобы симулировать, создавать иллюзию, при этом полностью эмоционально поглощая игрока.

Для описания различных, нередко, противоположных, эмоций, которые остаются у людей

после The Sims, обратимся к высказываниям на форумах, посвященных игре:

- «Как только выходят новые версии The Sims я выпадаю из активной жизни как минимум на несколько дней, рассматривая, проигрывая, моделируя жизнь, уже ставших «родными» героев игры. Во-первых, игра действительно расслабляет, во-вторых, она очень легкая и не напрягает мозги, а в-третьих, просто красивая...».
- «А что, есть еще такие дебилы, которые играют в Симс?????!!!!».
- «Строительство в симс2 – это нечто. Есть где разгуляться».
- «Негде там разгуляться. А создание крыши это вообще забор...».
- «Ой, игра вообще суперская. С нетерпением жду выхода новых версий!».

Таких цитат с форумов можно привести сколько угодно. Одно остается явным – The Sims – успешный коммерческий проект, обладающим большими рекламными возможностями и PR-соблазнами.

В целом, компьютерные игры как часть виртуальной реальности расширяют воз-

можности человека – развивают способности к креативному мышлению и моделированию, повышают самооценку. Компьютерные технологии позволяют реализовать в виртуальном пространстве самые фантастические желания человека, исполнение которых в реальной жизни для многих было бы невозможным. (Например, желание пережить наслаждение от небесного и космического полета может осуществиться с помощью технологий 3D).

Однако не стоит забывать, что компьютерный мир – это мир электронный, экранный, т.е., симулятивный. Стоит отключить компьютер от источника питания, как игрок начинает чувствовать себя неуютно, растерянно. Призрачность компьютерного бытия может обернуться внутренней пустотой и разочарованием.

В.О. Лобовиков

ОТ ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКИ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ МОДАЛЬНОСТЕЙ К ИХ ФОРМАЛЬНОЙ АКСИОЛОГИИ (ИСТИНА, ЗНАНИЕ, ВЕРА И ПРИВЫЧКА КАК ЦЕННОСТНЫЕ ФУНКЦИИ ОТ ДВУХ ПЕРЕМЕННЫХ В АЛГЕБРЕ ФОРМАЛЬНОЙ АКСИОЛОГИИ: «ЗАКОНЫ КОНТРАПОЗИЦИИ» БИНАРНЫХ ОПЕРАЦИЙ «ИСТИНА», «ЗНАНИЕ», «ВЕРА» И «ПРИВЫЧКА» В ЭТОЙ АЛГЕБРЕ)

Лобовиков
Владимир Олегович

доктор философских
наук, профессор,
главный научный
сотрудник Института
философии и права
УрО РАН, академик
МАДИ

В данной работе рассматривается возможность построения наряду с формальной логикой эпистемических модальностей еще и некой их формальной аксиологии, но таким образом, чтобы эти концепции не противоречили друг другу, а находились в отношении взаимного дополнения. В тезисах нет возможности дать все необходимые дефиниции используемых понятий, поэтому, ссылаюсь на монографию, где эти дефиниции есть¹. В дополнение к ним определим значения следующих символов, используемых в данной работе.

Глоссарий для следующей ниже таблицы 1: Символ T^Rxy обозначает морально-правовую ценностную функцию «истинность (чего, кого) y для (чего, кого) x ». Символ N^Fxy обозначает ценностную функцию «не-ложность (чего, кого) y для (чего, кого) x ». F^Ixy – «ложность (чего, кого) y для (чего, кого) x ». N^Txy – «не-истинность (чего, кого) y для (чего, кого) x ». L^Nxy – «логико-семантическая (истинностная) нейтральность (чего, кого) y для (чего, кого) x ».

L^Pxy – «логико-семантическая (истинностная) не нейтральность (чего, кого) y для (чего, кого) x ». Ценностно-функциональный смысл упомянутых выше операций точно определяется следующей таблицей 1. Символы g и b обозначают в ней морально-правовые ценностные значения «хорошо» и «плохо», соответственно. Множество $\{g (хорошо), b (плохо)\}$ – область допустимых значений ценностных переменных. Область изменения значений ценностных функций – то же самое множество.

Таблица 1. «Истина» и «ложь» как бинарные операции алгебры формальной аксиологии

x	y	T^Rxy	N^Fxy	F^Ixy	N^Txy	L^Nxy	L^Pxy
g	g	b	g	b	g	g	b
g	b	b	g	b	g	g	b
b	g	g	g	b	b	b	g
b	b	b	b	g	g	b	g

Глоссарий для следующей ниже таблицы 2: Символ B^Fxy обозначает морально-правовую ценностную функцию «уверенность (чего, кого) x в (чем, ком) y ». [Иначе говоря, B^Fxy – «вера x в y ».] Символ D^TxNy обозначает «сомнение (неуверенность) (чего, кого) x в (чем, ком) $не-y$ ». B^FxyNy – «уверенность (кого) x в (чем, ком) $не-y$ ». D^TxNy – «сомнение (неуверенность) (чего, кого) x в (чем, ком) y ». F^Nxy – «фидеистическая нейтральность (чего, кого) y для (чего, кого) x ». F^Sxy – «фидеистическая значимость, не нейтральность (чего, кого) y для (чего, кого) x ». Ценностно-функциональный смысл этих операций точно определяется следующей таблицей 2.

Таблица 2. «Вера» и «сомнение» как бинарные операции алгебры формальной аксиологии

x	y	B^Fxy	D^TxNy	B^FxFy	D^TxNy	F^Nxy	F^Sxy
g	g	b	g	b	g	g	b
g	b	b	g	b	g	g	b
b	g	g	g	b	b	b	g
b	b	b	b	g	g	b	g

ОПРЕДЕЛЕНИЕ отношения эквивалентности: Ценностные функции (a и b) называются формально-аксиологически эквивалентными (это обозначается символом « $a=+=b$ »), если и только если они (a и b) принимают одинаковые ценностные значения из множества $\{g$ (хорошо), b (плохо) $\}$ при любой возможной комбинации ценностных значений переменных.

Сравнивая таблицы 1, 2, и принимая во внимание дефиницию отношения « $=+=$ », нетрудно получить следующие уравнения алгебры формальной аксиологии.

1) $T^Rxy=+=B^Fxy$: истинность (чего, кого) y для (чего, кого) x есть уверенность (чего, кого) x в (чем, ком) y . Иначе говоря, истина y для (кого) x есть вера x в y .

2) $N^Fxy=+=D^TxNy$: не-ложность (чего, кого) y для (чего, кого) x есть сомнение (неуверенность) (чего, кого) x в (чем, ком) y .

3) $F^Lxy=+=B^FxFy$: ложность (чего, кого) y для (чего, кого) x есть уверенность (кого) x в (чем, ком) y . Иначе говоря, ложь y для (кого) x есть вера x в y .

4) $N^Txy=+=D^TxNy$: неистинность (чего, кого) y для (чего, кого) x есть сомнение (неуверенность) (чего, кого) x в (чем, ком) y .

5) $L^Nxy=+=F^Nxy$: логико-семантическая (истинностная) нейтральность (чего, кого) y для (чего, кого) x есть фидеистическая нейтральность (чего, кого) y для (чего, кого) x .

6) $L^Pxy=+=F^Sxy$: логико-семантическая (истинностная) не нейтральность (чего, кого) y для (чего, кого) x есть фидеистическая значимость, не нейтральность (чего, кого) y для (чего, кого) x .

Эти уравнения – дискретная математическая модель прагматизма Ч.С. Пирса, демонстративно провозглашающего, что «истина есть вера (уверенность, убеждение)»².

Глоссарий для следующей ниже таблицы 3. Символ 3^Hxy обозначает морально-правовую ценностную функцию «знание (чего) y (кем, чье) x ». (Здесь слово «знание» используется в значении *episteme*). Символ D^Hxy обозначает ценностную функцию «допущение (чего) y (кем, чье) x ». Символ H^Hxy – «недопущение (чего) y (кем, чье) x ». H^Nxy – «незнание (чего) y (кем, чье) x ». (Здесь слово «знание» используется в значении *episteme*.) M^Hxy – «мнение (чего) y (кем, чье) x ». (Здесь слово «мнение» используется в значении *doxa*.) E^Lxy – «эпистемическая детерминированность (не мнимость) отношения к y (чьего) x ». (Здесь слово «мнимость» происходит от слова «мнение» в значении *doxa*.) Ценностно-функциональный смысл этих бинарных операций двузначной алгебры формальной аксиологии точно определяется следующей ниже таблицей 3.

Таблица 3. «Знание» и «допущение» как бинарные операции алгебры аксиологии

x	y	3^Hxy	D^Hxy	H^Hxy	H^Nxy	M^Hxy	E^Lxy
g	g	b	g	b	g	g	b
g	b	b	g	b	g	g	b
b	g	g	g	b	b	b	g
b	b	b	b	g	g	b	g

Из таблиц 2 и 3 (в сочетании с дефиницией отношения « $=+=$ ») вытекают следующие уравнения алгебры формальной аксиологии.

7) $3^Hxy=+=B^Fxy$: знание (чего) y (кем, чье) x есть уверенность (чего, кого) x в (чем, ком) y . Иначе говоря, знание (чего) y для (кого) x есть вера x в y .

8) $D^Hxy=+=D^TxNy$: допущение (чего) y (кем, чье) x есть сомнение (неуверенность) (кого) x в (чем, ком) y .

9) $H^Hxy=+=B^FxFy$: недопущение (чего) y (кем, чье) x есть уверенность (кого) x в (чем, ком) y . Иначе говоря, недопущение (чего) y (кем, чье) x есть вера x в y .

10) $H^Nxy=+=D^TxNy$: незнание (чего) y (кем, чье) x есть сомнение (неуверенность) (кого) x в (чем, ком) y .

11) $M^Hxy=+=F^Nxy$: мнение (чего) y (кем, чье) x (т.е. скептическое отношение x к y) есть фидеистическая нейтральность (чего, кого) y для (кого) x .

12) $\mathcal{A}xy = + = F^Sxy$: эпистемическая *детерминированность* (не мнимость) отношения к у (чего) x есть *фидеистическая значимость*, не *нейтральность* (чего, кого) у для (кого) x.

Из таблиц 1 и 3 (в сочетании с дефиницией отношения « $=+=$ ») вытекают следующие уравнения алгебры формальной аксиологии.

13) $3^Hxy = + = T^Rxy$: *знание* (чего) у (кем, чье) x есть *истина* у для (кого) x.

14) $D^{III}xy = + = N^Fxy$: *допущение* (чего) у (кем, чье) x есть *не ложность* у для (кого) x.

15) $H^{III}xy = + = F^Axy$: *недопущение* (чего) у (кем, чье) x есть *ложность* у для (кого) x.

16) $H^Bxy = + =$ *незнание* (чего) у (кем, чье) x есть *неистинность* у для (кого) x.

17) $M^Hxy = + = L^Nxy$: *мнение* (чего) у (кем, чье) x есть *логико-семантическая (истинностная) нейтральность* (чего, кого) у для (чего, кого) x.

Глоссарий для следующей ниже таблицы 4: Символ $PPxy$ обозначает морально-правовую ценностную функцию «*привычность* (чего, кого) у для (чего, кого) x». [Иначе говоря, $PPxy$ – «*привычка* (чего, кого) x к (чему, кому) у»]. Символ H^HxNy обозначает «*непривычность* (чего, кого) не-у для (чего, кого) x». $PPxNy$ – «*привычность* (чего, кого) не-у для (чего, кого) x». H^Hxy – «*непривычность* (чего, кого) у для (чего, кого) x». [Иначе говоря, H^Hxy – «*отсутствие привычки* (чего, кого) x к (чему, кому) у»]. $PNxy$ – «*хэбитуальная нейтральность* (чего, кого) у для (чего, кого) x». $PSxy$ – «*хэбитуальная значимость, не нейтральность* (чего, кого) у для (чего, кого) x». Ценностно-функциональный смысл этих операций точно определяется следующей таблицей 4.

Таблица 4. «Привычка» и «непривычность» как бинарные операции алгебры аксиологии

x	y	$PPxy$	H^HxNy	$PPxNy$	H^Hxy	$PNxy$	$PSxy$
g	g	b	g	b	g	g	b
g	b	b	g	b	g	g	b
b	g	g	g	b	b	b	g
b	b	b	b	g	g	b	g

Из таблиц 1 и 4 (в сочетании с дефиницией отношения « $=+=$ ») вытекают следующие уравнения алгебры формальной аксиологии.

18) $T^Rxy = + = PPxy$: *истинность* (чего, кого) у для (чего, кого) x есть *привычность* (чего, кого) у для (чего, кого) x. Иначе говоря, *истина* (чего, кого) у для (чего, кого) x есть *привычка* (чего, кого) x к (чему, кому) у.

19) $N^Fxy = + = H^HxNy$: *не-ложность* (чего, кого) у для (чего, кого) x есть *отсутствие привычки* (чего, кого) x к (чему, кому) не-у.

20) $F^Axy = + = PPxNy$: *ложность* (чего, кого) у для (чего, кого) x есть *привычность* (чего, кого) не-у для (чего, кого) x.

21) $N^Txy = + = H^Hxy$: *неистинность* (чего, кого) у для (чего, кого) x есть *непривычность* (чего, кого) у для (чего, кого) x. Иначе говоря, *неистинность* (чего, кого) у для (чего, кого) x есть *отсутствие привычки* (чего, кого) x к (чему, кому) у.

22) $L^Nxy = + = PNxy$: *логико-семантическая (истинностная) нейтральность* у для x есть *хэбитуальная нейтральность* у для x.

Эти уравнения – дискретная математическая модель того аспекта прагматизма Ч.С. Пирса, согласно которому, «истина есть привычка», а «неистинность – отсутствие привычки»³.

Неясно выраженные в естественном языке положения философии прагматизма (относительно истинностных значений мыслей) были подвергнуты жестокой критике как слишком циничные, чересчур парадоксальные. Ощущение парадоксальности вызывают и приведенные выше уравнения. Однако это ощущение исчезает, если обратить пристальное внимание на тот факт, что формально-аксиологическая эквивалентность « $=+=$ » и формально-логическая эквивалентность не суть абсолютно одно и то же. Систематическое различие этих двух отношений эквивалентности точно сформулировано в математической модели «Гильотины Юма», разрушающей указанные парадоксы⁴. Введем теперь в рассмотрение *унарные* операции (ценностные функции от одной переменной) исследуемой алгебры.

Глоссарий для следующих ниже таблиц 5 и 6: Символ $B^I x$ обозначает морально-правовую

ценностную функцию «бесконечность, вечность, непреходящий характер (чего, кого) x ». Символ K^1x – морально-правовую ценностную функцию «конечность, временность, преходящий характер (чего, кого) x ». M^1x – ценностную функцию «материальное (что), материальность тела (чего, кого) x ». Y^1x – «умножение, увеличение (чего, кого) x ». $П^1x$ – «печаль, скорбь, несчастье, страдание (чего, кого) x ». B^1x – «сила, мощь, власть (чего, кого, чья) x ». $Б^1x$ – «сила, мощь, власть над (чем, кем) x ». V^1x – «насилие над (чем, кем) x ». R^1x – «управление (чем, кем) x ». $З^1x$ – «знание (чего, кого) x ». $Ч^1x$ – «знание (кем, чье) x ». $Э^1x$ – «опытное, эмпирическое, экспериментальное (scientific) знание (кем, чье) x ». S^1x – «опытное, эмпирическое, экспериментальное (scientific) знание (чего, кого) x ». $И^1x$ – «изменение, преобразование (чего, кого) x ». O^1x – «опасность для (чего, кого) x ». $Ж^1x$ – «жизнь, бытие (чего, кого) x ». C^1x – «смерть, небытие (чего, кого) x ». A^1x – «абсолютность (чего, кого), абсолютное (что) x ». Z^1x – «относительность (чего, кого), относительное (что) x ». T^1x – «истина, истинность (чего, кого) x ». F^1x – «ложь, ложность (чего, кого) x ». $Д^1x$ – «счастье (чего, кого, чье) x ». Эти функции определяются приведенными ниже таблицами 5, 6.

Таблица 5. Унарные операции алгебры формальной аксиологии

x	B^1x	K^1x	M^1x	Y^1x	$П^1x$	B^1x	$Б^1x$	V^1x	R^1x	$З^1x$	$Ч^1x$
g	g	b	b	g	b	g	b	b	b	g	b
b	b	g	g	b	g	b	g	g	g	b	g

Таблица 6. Унарные операции алгебры формальной аксиологии

x	$Э^1x$	S^1x	$И^1x$	O^1x	$Ж^1x$	C^1x	A^1x	Z^1x	T^1x	F^1x	$Д^1x$
g	g	b	b	b	g	b	g	b	g	b	g
b	b	g	g	g	b	g	b	g	b	g	b

Систематически исследуя сложные морально-правовые формы, включающие в себя как унарные, так и бинарные операции, т.е. изучая различные композиции определенных выше

ценностных функций, можно заметить важную структурно-функциональную закономерность, представляющую собой некое подобие (аналог) широко известного в алгебре логики «закона контрапозиции импликации»: $[((A \rightarrow B) \equiv (\neg B \rightarrow \neg A))]$ или в переводе на естественный язык: если А, то В, следовательно, если не-В, то не-А]. Согласно принципу двойственности, в алгебре логики функция двойственная импликации, а именно, «коррекция (или замещение)» тоже подчиняется закону контрапозиции. Имеется в виду «коррекция, замещение (чего) А (чем) В». Уравнение формул, представляющее собой закон контрапозиции коррекции в логике, можно получить путем замены на двойственные им операции всех операций, входящих в уравнение $((A \rightarrow B) \equiv (\neg B \rightarrow \neg A))$. В данной работе нас непосредственно интересует именно операция «коррекция (замещение)». От собственно логической операции «коррекция» мы переходим к ее формально-аксиологическому обобщению или, иначе говоря, к ее морально-правовым аналогам. Конкретным примером морально-правового аналога «коррекции» является ценностная функция «знание (episteme)».

Используя данные выше определения, можно обосновать следующие уравнения алгебры формальной аксиологии, касающиеся эпистемических понятий «знание (как эпистеме)» и «опытное (эмпирическое) знание», в частности, опытная наука (science).

23) $3^Hxy = + = 3^H M^1y M^1x$: закон контрапозиции (обосновывается табличным методом).

24) $3^H M^1y M^1x = + = 3^Oyx$: аналитическое определение бинарной операции «опытное знание (чем, кем) у (чего, кого) x », обозначаемой здесь и далее символом 3^Oyx .

25) $3^Hxy = + = 3^Oyx$: структурно-функциональное единство «знания (episteme)» и «опытного знания» как их формально-аксиологическая эквивалентность. (Ранее именно до такой – точно определенной формы их единства, доходящего до тождества, логики не доходили).

Используя данное выше уравнением 24) аналитическое определение морально-правовой ценностной функции 3^Oyx , а также данные выше табличные дефиниции других морально-

правовых операций, можно обосновать следующие уравнения, тесно связывающие друг с другом соответствующие унарные и бинарные операции.

26) $3^1y = + = 3^Hby$. 27) $Ч^1x = + = 3^Hxg$. 28) $Э^1y = + = 3^0yb$. 29) $S^1x = + = 3^0gx$.

Таким образом, унарные операции 3^1y и $Ч^1x$ – частные случаи бинарной операции 3^Hxy , а $Э^1y$ и S^1x – частные случаи бинарной операции 3^0yx . Используя данные выше дефиниции, можно также обосновать следующие уравнения, интересные с философской точки зрения.

30) $3^1y = + = Ж^1y$: episteme-знание (чего, кого) y (или об y) есть жизнь, бытие (чего, кого) y .

31) $Ч^1x = + = С^1x$: episteme-знание (кем, чье) x есть смерть, небытие x .

32) $S^1x = + = С^1x$: опытное, эмпирическое знание (чего, кого) x – смерть, небытие x .

33) $Э^1y = + = Ж^1y$: опытное, эмпирическое знание (чье) y – жизнь, бытие (чего, кого) y .

34) $Э^1y = + = В^1y$: опытное, эмпирическое знание (чье) y – сила, мощь, власть (кого, чья) y .

35) $У^1Ч^1x = + = У^1П^1x$: умножение episteme-знания (чьего) x есть умножение скорби (чьей) x .

36) $У^1S^1x = + = У^1П^1x$: умножение опытного знания о (чем, ком) x есть умножение скорби x .

37) $У^1Э^1y = + = У^1Д^1y$: умножение опытного, эмпирического знания (чьего) y – умножение счастья (чьего) y .

38) $Э^1y = + = Д^1y$: опытное, эмпирическое знание (чье) y – счастье (чего, кого) y .

Последнее уравнение проливает свет на многим казавшееся весьма странным и темным (малопонятным) известное заявление Аристотеля в самом начале первой книги его «Метафизики»: «Все люди от природы стремятся к знанию»⁵.

Если истолковать значение слова «знание» в этой аристотелевской фразе как функцию $Э^1y$ (опытное, эмпирическое знание, обладателем которого является y), то упомянутый тезис Аристотеля можно легко получить из тезиса «все люди от природы стремятся к счастью», многим кажущегося более понятным

и очевидным. Из этого, кажущегося менее проблематичным, утверждения обсуждаемый тезис Аристотеля можно получить путем подстановки слова «знание» (в указанном значении) вместо слова «счастье» на основании обоснованного ранее уравнения (формально-аксиологического тождества) 38.

Таким образом, предложенная выше дискретная математическая модель «знания как episteme» и «опытного, эмпирического знания» как двух различных морально-правовых ценностных функций, представляет собой их логически непротиворечивый синтез; следовательно, метафизика, имеющая дело со знанием как episteme и опытная наука (science), имеющая дело со знанием, полученным с помощью наблюдения и эксперимента, логически не противоречат и даже в принципе не могут противоречить друг другу.

Перейдем теперь к рассмотрению бинарной операции «вера» в алгебре формальной аксиологии. Используя данные выше определения, можно обосновать следующие уравнения этой алгебры, касающиеся эпистемических понятий «вера (как абсолютно неизменная, вечная вера)» и «относительная вера как временная, преходящая уверенность (revisable belief)».

39) $B^Fxy = + = B^FM^1yM^1x$: закон контрапозиции (обосновывается табличным методом).

40) $B^FM^1yM^1x = + = B^Ryx$: аналитическое определение бинарной операции «конечная, преходящая, могущая быть пересмотренной вера (кого) y в (кого, что) x », обозначаемой здесь и далее символом B^Ryx .

41) $B^Fxy = + = B^Ryx$: структурно-функциональное единство «бесконечной веры» и «веры конечной, допускающей свое изменение, ревизию» как их формально-аксиологическая эквивалентность. (Ранее именно до такой – точно определенной формы их единства как эквивалентности исследователи не доходили).

Предложенная дискретная математическая модель «абсолютной веры» и «веры в смысле относительной уверенности (допускающей пересмотр)» как двух различных морально-правовых ценностных функций, представляет собой их логически непротиворечивый синтез.

В свою очередь, широко распространенное мнение о логической несовместимости веры и знания есть закономерный результат грубой ошибки – смешения, отождествления и подмены друг другом различных ценностных функций – значений слов «вера» и «знание». Если сопоставлять «абсолютную веру» и «опытное знание», то конфликт очевиден. Но если сопоставлять «абсолютную веру» и «знание как *episteme*», то конфликта нет. А вот если сравнивать «знание как *episteme*» с «верой как *преходящей уверенностью*», то конфликт снова очевиден. Вывод: надо сравнивать *соответствующие* друг другу функции.

Перейдем теперь к рассмотрению бинарной операции «истина» в алгебре формальной аксиологии. Используя данные выше определения, можно обосновать следующие уравнения этой алгебры, касающиеся эпистемических понятий «истина абсолютная (неизменная, вечная)» и «истина относительная (преходящая)».

42) $T^Rxy = + = T^RM^1yM^1x$: закон контрапозиции (обосновывается табличным методом).

43) $T^RM^1yM^1x = + = T^0yx$: аналитическое определение бинарной операции «относительная истина для (чего, кого) y (чего, кого) x », обозначаемой здесь и далее символом T^0yx .

44) $T^Rxy = + = T^0yx$: структурно-функциональное единство «истины абсолютной, неизменной» и «истины относительной, претерпевающей изменение, ревизию» как их формально-аксиологическая эквивалентность. До сих пор такое точное определение формы единства обсуждаемых видов истины как их эквивалентности, т.е. тождества, в литературе не встречалось. Подразумевается, что речь здесь идет о тождестве обсуждаемых ценностных форм истины в формально-аксиологическом отношении, а не вообще.

Завершая статью, перейдем к рассмотрению бинарной операции «привычка» в алгебре формальной аксиологии. Используя данные выше определения, можно обосновать следующие уравнения этой алгебры, касающиеся понятий «абсолютно неизменный (безусловный) обычай деятельности» и «преходящая привычка деятельности».

45) $P^Pxy = + = P^PM^1yM^1x$: закон контрапозиции (обосновывается табличным методом).

46) $P^PM^1yM^1x = + = P^0yx$: аналитическое определение бинарной операции «преходящая (условная) привычка осуществления (чего) x (чем, кем, чья) y », обозначаемой здесь и далее символом P^0yx .

47) $P^Pxy = + = P^0yx$: структурно-функциональное единство «абсолютно неизменного (безусловного) обычая деятельности» и «преходящей привычки деятельности» как их формально-аксиологическая эквивалентность, т.е. тождество (в указанном отношении).

Подводя итоги работы, следует обратить внимание на то, что предложенная в статье дискретная математическая модель ряда важных понятий эпистемологии и философии прагматизма представляет интерес для комплексной междисциплинарной научно-технической программы, условно именуемой «Искусственный интеллект». Некоторые люди уверены, что для нормального человека философия не нужна, излишня. Соглашаюсь; судя по всему, действительно, для «нормального человека» она не нужна. Однако настаиваю на том, что философия необходима для автономных роботов с «искусственным интеллектом», так как является необходимым условием существования интеллекта вообще.

1. Лобовиков В.О. Математическая этика, метафизика и естественное право. Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2007.

2. Пирс Ч.С. Начала прагматизма. СПб.: Алетейя, 2000. С. 100, 104, 114, 164-165.

3. Пирс Ч.С. Начала прагматизма. С. 100, 105, 134, 165.

4. Лобовиков В.О. Математическая этика, метафизика и естественное право. Он же. «Нищета философии» и ее преодоление «цифровой метафизикой» Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2007. Lobovikov Vladimir. Mathematical simulating formal axiological semantics of natural languages (A fundamental generalization of mathematical philosophy: from truth-values to axiological ones) // Philosophy, mathematics, linguistics: aspects of interconnection: Materials of the International scientific conference L. Euler's International Institute of Mathematics in Sankt-Petersburg (November 20-22, 2009). – Sankt-Petersburg: L. Euler's International Institute of Mathematics, 2009. P. 128-132.

5. Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования. СПб: Алетейя, 2002. С. 29.

Е.В. Ишменев

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СИСТЕМНОЙ И ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

**Ишменев
Евгений Васильевич**

аспирант Института
философии и права
УрО РАН, доцент
МАДИ

Особую актуальность изучению проблем информационного общества в контексте соотношения его системных и повседневных особенностей придают исследования, представленные в рамках коммуникативной теории. В отличие от большинства подходов, ориентированных на определение специфики информационной сферы, в теории коммуникации отдельное внимание уделяется рассмотрению социальных характеристик процесса информатизации. Объектом изучения в этом случае выступают социальные акторы, участвующие в «производстве» и «потреблении» информации, а также социальный контекст, определяемый теми социальными условиями, в которых происходит «обращение» информации. При этом изучение контекста не ограничивается анализом ситуативных особенностей коммуникативных событий, но включает в себя институциональные, исторические, прагматические и другие факторы, влияющие на поведение участников коммуникации.

В рамках обозначенной проблематики особый интерес представляет дискурсивный анализ коммуникативной сферы. Специфика дискурсивного анализа определяется не только рассмотрением лингвистических особенностей коммуникации, но также обращением к анализу экстралингвистических особенностей. Изучение последних обусловлено попыткой представить поведение участников коммуникации как результат рацио-

нального выбора той или иной коммуникативной стратегии [Кубрякова, Цурикова 2008]. То есть коммуникативные действия участников ставятся в зависимость от их целей, интересов, институциональной принадлежности, а также различных способов социальной, политической и культурной идентификации. Смещение акцента в сторону анализа экстралингвистических особенностей дискурса позволяет оценить коммуникативное поведение с точки зрения его эффективности. При рассмотрении коммуникативного действия в соотношении с целями и позициями участников возникает возможность представить коммуникацию как «конечный» процесс, имеющий определенные результаты.

Как представляется, актуальность рассмотренного способа описания коммуникативной сферы определяется тем, что многообразие дискурсивных различий, детерминируемых как системными, так и повседневными особенностями коммуникации, проблематизируется здесь в контексте институционального изучения. Различие коммуникативных действий и стратегий рассматривается в качестве различных способов рационализации действительности, что позволяет уйти от излишней субъективности в оценке процесса информатизации. Признание возможности различных способов рационализации занимать «свое» место в общей стратегии коммуникативного процесса позволяет оценить степень влияния системного и повседневного дискурса в обществе. В тоже время к достоинствам данного направления можно отнести попытку комплексного осмысления теорий рационального выбора, социального действия и лингвистической теории, что заметно расширяет предметное поле исследований классической теории институтов.

Помимо изучения институциональных характеристик коммуникативной сферы, важное место в дискурсивном подходе занимает анализ контекстуальных особенностей коммуникации. Развитие данного направления определяется двумя основ-

ными традициями исследований: анализом конвенциональных элементов дискурса и фукианским анализом дискурсивных практик [Macdonald 2003]. В обоих вариантах детерминирующая роль контекста рассматривается негативно. Однако если в первом случае критика контекста связана с тем, что он становится препятствием в установлении конвенций между участниками коммуникации, то во втором случае конвенция уже представлена в дискурсе, но имеет идеологический характер.

Развитие и конкретизация положений двух обозначенных традиций определило основную проблему данного направления: соотношение роли социального конструктивизма и лингвистического детерминизма [Benwell, Stokoe 2006]. Несмотря на то, что в основном представители обеих традиций сходятся в признании особой роли конструктивистских элементов коммуникации как основания для эффективного взаимодействия участников и условия интеграции в общее пространство коммуникации. Тем ни менее, отдельные авторы, занимающие, как правило, более критические позиции, указывают на важность оценки институциональных, исторических и идеологических характеристик коммуникативных сообщений.

Последнее положение представляется особенно актуальным применительно к тем теориям и подходам, где процесс информатизации общества рассматривается как результат формирования и распространения новых информационных технологий. Проблемы «информационного общества» в рассматриваемом случае объясняются недостатком или отсутствием необходимых информационных ресурсов. Однако в значительно меньшей степени изучаются факторы, влияющие на равномерность распространения информации в обществе [Федоров 2006]. В этой связи анализ информатизации общества в рамках критического рассмотрения представляется достаточно перспективным, поскольку направлен на изучение тех социальных особенностей и условий, которые влияют на процесс формирования информации, что соответственно и определяют ее специфику.

Литература:

- Кубрякова Е.С., Цурикова Л.В. 2008. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности. – *Язык СМИ*. М.
Macdonald M. 2003. *Exploring Media Discourse*. NY.
Benwell B., Stokoe E. 2006. *Discourse and Identity*. Edinburgh.
Федоров А.В. 2006. Информационная безопасность в мировом политическом процессе. М.

А.Е. Тетерин (Самара)

КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ Н. ФЭРКЛО КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОУРОВНЕВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Тетерин
А.Е.

ГОУ ВПО «Самарский Государственный Университет»,
г. Самара

Несмотря на то, что политическая реальность является объектом изучения политологии, этот феномен до сих пор не имеет четкого научного

определения. Изучая широкий массив социально-гуманитарного знания, мы приходим к следующим выводам.

Прежде всего, современная наука определяет «реальности», в целом, как «систему знаков» (Руднев В. Прочь от реальности. Исследования по философии текста. – М: Аграф, 2000.), т.е. своего рода Текст, в формировании которого важная роль отводится субъекту восприятия реальности.

Далее, социальная реальность понимается как конструкт, набор социальных представлений (См., например, Луман Н. Реальность масс-медиа. – М.: Праксис, 2005.), принципиально множественный (См., например, Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности. //

НЛО. 2006. №77. и Тевено Л. Наука вместе жить в этом мире. // Неприкосновенный запас. 2004. № 3(35).) и формируемый, прежде всего, с помощью языка (См., например, Searle, J. The Construction of Social Reality / J. Searle. New York, Free Press, 1995.).

Политическая же реальность тесно связана с понятием «власти», а следовательно (исходя из современных теорий власти) и с понятием «знание». Концепция власти как укорененной в языке и реализующейся в феномене дискурса (См., например, Фуко М. Надзирать и наказывать. – М.: Ad Marginem, 1999. Соловей И. В. Конструирование «политической реальности» в дискурсе политического субъекта. // Философские науки. 2005. №11.) является, пожалуй, лидирующей, на сегодняшний день. Таким образом, и само понятие «политической реальности» сегодня все чаще рассматривается в связи с понятием «дискурса», то есть речевой конструкции реальности.

Коренные метаморфозы представлений о связи реального и языкового приводят к тому, что, говоря о политической науке, феномены политического дискурса и политической дискурсологии получают все большее распространение и приковывают все больший исследовательский интерес.

Мы полагаем, что дискурс-анализ как метод политологического исследования как нельзя лучше удовлетворяет современной специфике политической реальности: ее укорененности в языке, множественности, субъективности и динамизму.

Однако, стремясь к преодолению, пожалуй, основного недостатка дискурс-анализа, который отмечают современные исследователи, а именно его «текстоцентричности» (Трахтенберг А.Д. Дискурсивный анализ массовой коммуникации и парадоксы левого сознания. // 2006. Полис. №4.), мы рассматриваем трехмерную модель критического дискурс-анализа Нормана Фэркло как наиболее оптимальный метод исследования современной политической реальности.

Первым направлением исследования в рамках трехмерной модели Фэркло является дискурсивная практика, т.е. процесс продуцирования и восприятия текста. Вторым направлением является анализ текстуальной практики, имеющий

дело с формальными особенностями, с помощью которых дискурсы и жанры реализуются лингвистически. Наконец, третье направление анализа это социальная практика, изучение которой предполагает выявление более широкого социального контекста, которому принадлежит коммуникативное событие. Дискурсивная практика, таким образом, выступает посредником между текстом и социальной практикой.

Применяя этот метод, мы ставим задачей собственного исследования доказать многоуровневость политической реальности на примере взаимодействия государственной власти и Интернета. Исследование состоит из двух частей.

Первая часть посвящена сотрудничеству власти и Интернета на примере феномена блога Президента РФ Д. Медведева. Здесь анализу подвергаются тексты сети Интернет соответствующей тематики – с одной стороны, тексты официальных информационных сообщений (20 текстов; по 10 первых соответствий, отобранных в одной из поисковых систем для ключевых словосочетаний «блог Медведева» и «видеоблог Медведева»), с другой стороны, тексты комментариев к этим сообщениям (97 текстов, отобранных аналогичным образом). По результатам анализа, осуществленного по алгоритму Фэркло, мы приходим к выводу о наличии многоуровневой системы восприятия политической реальности на данном примере.

Вторая часть исследования посвящена конфликту власти и Интернета на примере дела блоггера Саввы Терентьева. Здесь анализ текстов, отобранных аналогичным образом (10 и 48 текстов, соответственно, по ключевому словосочетанию «дело Терентьева») и подвергнутых аналогичным исследовательским процедурам, также позволяет сформулировать вывод о том, что модель восприятия политической реальности является многоуровневой.

Далее, опираясь на современную традицию отождествления реальности (до определенной степени) с представлениями о ней, мы приходим к выводу, что и сама политическая реальность является многоуровневой.

Что касается дискурс-анализа, то на рассмотренном примере этот метод демонстрирует глубокий потенциал для исследования такого сложного феномена как политической реальности.

Katarína Motyková, Nina Zingerova (Братислава, Словакия)

ГДЕ ОСТАЛСЯ ИВАН? КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ИНСТРУМЕНТАРИИ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА

Katarína Motyková
(Катарина Мотыкова)

PhD.
Университет им. Ко-
менского, Братислава,
Словакия, кафедра
германистики, гол-
ландистики и сканди-
навистики, отделение
скандинавистики

Nina Zingerová
(Нина Цингерова)

Mgr.
Университет им. Ко-
менского, Братислава,
Словакия, кафедра
русского языка и
литературы, интерный
аспирант

Рассматривать дискурс в качестве социальной практики имплицитно подразумевает учет диалектических отношений между обществом и дискурсом¹, но и то, что дискурс представляет собой мощное орудие, у которого есть потенциал изменять и формировать общество. Производством дискурсов, которые мы понимаем как динамичные системы всех продуктов речевой деятельности (конкретного использования средств языка, по конкретным правилам, в конкретном контексте) создается образ отдельных лиц, групп, событий, но и данного общества. Посредством дискурсов им приписываются новые значения, стабилизируются уже обретенные и актуализируются забытые. Дискурсные формации таким образом становятся естественным объектом исследований в рамках гуманитарных наук.

Особое место среди дискурсных исследований, основанных на важном постулате конструктивистского понимания языка, занимает в силу своего фокусирования на функцию конкретного использования языка в конкретном обществе критический дискурс-анализ. Целью является не только исследование отношений между текстом, дискурсом и контекстом но и произведенный эффект и «обнажение» отношений власти отраженных и подтверждаемых

продукцией дискурсов. Значит, речь идет не только о дескрипции, описании «языкового строения» отдельных дискурсов², лингвистическом характере разных социальных проблем, но и о вмешательстве в общественные процессы и ирритации отдельных дискурсов³, ущемляющих «подчиненные» группы.

Дискурс-анализ мы воспринимаем как перспективу исследования, которая в связи с многогранным характером дискурсных формаций должна в идеале носить междисциплинарный характер⁴ и пользоваться разнообразными методами. Среди лингвистических методов мы можем приводить например анализ семантических оппозиций (оппозиция мы-они и способ ее строения), анализ на уровне лексики (использованные языковые средства, их статус в рамках системы данного языка), анализ на уровне синтаксиса (использование пассивных конструкций, конструкций типичных для выражения разных типов коммуникационных категорий – напр. угроза, призыв и т.д.) и другие. Все приведенные дискурсные практики мы относим к анализу дискурсных фрагментов на уровне содержания. В нашем случае дискурсные фрагменты представлены текстами СМИ. На уровне формы мы можем уделять внимание вопросу *как и каким способом акцентируются*

и реакцентируются разные жанры и нарративы⁵. Перемещение фокуса на форму происходит и в рамках микроанализа и при анализе разных фигуративных элементов например метафор, метонимий и т.п. Конечно, речь не только о способе выражения посредством формы, но и о гармонии значения и формы. Важной предпосылкой успешного анализа является применение подходящего метода, который способен лучше всего раскрыть структуры исследуемого дискурсного фрагмента. При анализе дискурса, который разрастается вокруг топика «русский туриста» в словацком контексте таким методом является, на наш взгляд, и применение теории концептуальной метафоры.

В нашей статье мы хотим показать как функционирует концептуальная метафора, исходная понятийная область которой связана с событиями 1968-го года. Нашей целью является продемонстрировать, как анализ подобного рода может способствовать более комплексному результату исследования дискурса.

Описание случая

Совсем недавно Высокие Татры относились к традиционным туристическим направлениям жителей бывшего СССР, но в последние годы наблюдалось ослабление туристического потока. Статья консервативного еженедельника *týždeň* ⁶ посвящена именно этой теме. Мы интересовались, прежде всего, формированием образа «русскоязычного туриста»⁷, который в более широком смысле может быть воспринят как образ «русскоязычного» в словацком контексте. Применение теории концептуальной метафоры мы хотим продемонстрировать на заголовке статьи – *Иван остался дома (Ivan ostal doma)*.

В нашей статье мы сосредоточились на концептуальной метафоре и метафорическом концепте (РУССКИЙ ТУРИСТ), которые вытекают из исследуемого дискурсного фрагмента. Нужно уточнить, что после 1989 года, насколько нам известно, не был осуществлен социологический опрос, касающийся отношения словаков к русским. Но актуализация данного прецедентного феномена не является ничем особенным.

Печатные ежедневники (Pravda, SME), формирующие общественное мнение, регулярно возвращаются к событиям 1968-го года и словацкие общественные деятели ежегодно высказываются по случаю годовщины вторжения войск Варшавского договора. Использование прецедентного феномена в метафоре, с которым мы имеем дело в исследуемой статье, т.о. является понятным⁸.

В ходе анализа мы обращаем большое внимание на некоторые позиции, которые в рамках системы текста принято считать сильными. К этим позициям следует отнести заголовок, начало и конец. Но, в отличие от последних двух перечисленных у заголовка, с точки зрения членения текста, особый статус. Он стоит семантически над текстом и одновременно он с ним семантически неразрывно связан⁹. С точки зрения анализа, конечно, важно осознать и взаимодействие заголовка (заголовочного комплекса) и основной части текста. Картина не будет полной, если сосредоточится в ходе анализа только на одну из частей и не воспринимать заголовок и само тело текста в качестве двух частей в тесном взаимодействии. Содержание улавливается «после» текста, заголовок становится опорной точкой и в это время он находится «под» текстом, образует его фон¹⁰. Лункин пишет, что в заголовке представлена вся «триада Пирса» икона-индекс-символ. *При восприятии заголовка до прочтения текста он – индексальный знак, который по мере чтения трансформируется в знак условный, после прочтения и усвоения текста – приближается к мотивированному условному знаку.*¹¹ Значит, «в предверии» текста заголовок обращается к тексту, «после» текста он воспринимается как знак мотивированный основной частью текста.

Экспонированная позиция (и графически выделенная) в рамках текста предопределяет и функцию заголовка в коммуникации, значит, «вне» текста. Высказывание, сделанное с позиции заголовка, «перед» текстом, является первым сигналом отосланным в направлении получателя. Как правило, в этом высказывании содержится, в минимальной форме оценка автора данного дискурсного фрагмента. Заголовок – своего рода имя, которым журналист наиме-

новывает дискурсное событие. Информацию в заголовке читатель использует в качестве ориентационной точки в процессе строения общего значения текста¹². Будем исходить из того, что *мышление представляет собой манипулирование внутренними (ментальными) репрезентациями типа фреймов, планов, сценариев, моделей и других структур знания*¹³. Заголовок активизирует сеть ассоциаций, связанных с культурным и социальным контекстом читателя и предполагаемых автором. Именно так Ван Дейк определяет когнитивную функцию заголовка и подчеркивает актуализацию уже обретенных знаний. На этой основе образуются модели и сценарии.¹⁴ Значит, заголовок категоризирует текст, включает его в систему других текстов и отсылает к другим контекстам.

Благодаря функции, выполняемой заголовком в коммуникации между журналистом и читателем у него есть потенциал стать идеологически наиболее нагруженным местом текста. По собственному журналистскому опыту мы можем утверждать, что если уже не получается «откорректировать» статью, заведующий отделом вносит изменения в заголовок и достигает другую, иногда совсем противоположную трактовку события, являющуюся «правильной» с его точки зрения. Именно из-за того, что заголовок является своеобразным ключом к раскрытию значения данного текста, его можно считать не только *наиболее видной*¹⁵, но и наиболее «подозрительной» частью сообщения.

В заголовке данного еженедельника *Иван* является метонимией обозначающей всех русских. В данном случае она часть комплексного высказывания, представляющего собой аллюзию на прецедентное высказывание *Иван иди домой*, относящееся к 1968-ому году. Этот лозунг появлялся на стенах словацких и чешских городов, на транспарантах в ходе протестов против вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию. И хотя это и были не только солдаты из СССР, в «измене» упрекался, нужно добавить, что по понятным причинам, только советский народ. Что касается текстов повседневной коммуникации как, например, блоги, анекдоты и т.д., значит, текстов, которые не нуждаются в самоцензуре по поводу поли-

ткорректности, речь идет даже не о советских оккупантах. В коллективной памяти они стали русскими, подобно тому, как словом «русские» обозначались в повседневной коммуникации и солдаты Красной армии, проходящие территорию бывшей Чехословакии во время Второй мировой войны. Интересно, что в данной статье речь идет не о русских, а о «русскоязычных туристах». Значит, создается общая идентичность для русских и украинцев, которых принято воспринимать как одну категорию.

Прецедентное высказывание про Ивана появляется несколько раз в тексте, не только в заголовке, но и в качестве апелляции к тексту песни Й. Вомачку из 1968-ого года *Беги домой, Иван, тебя ждет Наташа*: «У многих словаков в менталитете укоренились представления о русскоязычных туристах как о второсортных и постоянно звучит пресловутый призыв «Иван, вернись к Наташе!». Ну и так Иван вместе с Наташей поехали в отпуск в Альпы»¹⁶.

В ходе анализа на метатекстовом уровне выяснилось, что перечисленные аллюзии являются составной частью актуализации прецедентного феномена, в данном случае прецедентной ситуации, которую можно в совокупности назвать *оккупация 1968-го года*. В данном тексте настроения по отношению к «русскоязычным туристам» описываются словосочетаниями, перекликающимися с таким образом определенными рамками: *продолжительно нетерпимое отношение к русскоязычным туристам, неизбежное зло, второсортные русские туристы*.

В ходе анализа концептуальной метафоры в данной статье сохраняется категория «русскоязычный туриста», но концепт ТУРИСТ вступает в отношения только с концептом РУССКОГО, обладающего атрибутами как *родом из бывшего СССР* и т.п. Политкорректность, к которой стремится автор выражением *русскоязычные туристы* на уровне ТУРЕ, равно как и негация или же иронизация, в статье не проявляется.

Из статьи можно абстрагировать концептуальную метафору на уровне ТУРЕ – РУССКИЙ ТУРИСТ есть ОККУПАНТ. Интересным является и семиотическое окружение данного текста. В качестве иллюстрации к тексту была взята фотография снежной пушки, распылявшей снег

по пустому склону. Русские ушли, спуск пуст, осталась только пушка.

Всякое использованное метафорическое выражение (уровень TOKEN) содержит в себе концептуальную метафору (на уровне TYPE). «Концептуальная метафора, таким образом, только *контексто-независимая* форма абстракции, осуществляемая посредством метафорических выражений»¹⁷ (Перевод Н.Ц.). В пользу применения теории концептуальной метафоры говорит то, что она позволяет выстроить пустую формулу. После подставления в формулу мы можем определить ее составляющие, эксплицитно не высказанные в рамках данного фрагмента, но имплицитно все-таки присутствующие. Примером может служить концептуальная метафора РУССКО(ЯЗЫЧНЫЙ) ТУРИСТ есть ОККУПАНТ, подразумевавшая, что жители Словакии, в данном контексте не упомянутые, являются жертвами русской «оккупации».

Концептуальная метафора по своей природе является объектом исследований когнитивных лингвистов, причем в исследованиях, ориентированных в этом направлении она не является вопросом языка, а вопросом мышления. Будучи такой она дает ответ на вопрос как люди думают на основании того, как они говорят о данных концептах. При критическом дискурс-анализе, или дискурсных исследованиях вообще, когнитивный подход к данной проблематике важен не до такой степени как семиотический подход.

Для нас важны отправные точки, которые Ларсен¹⁸ определяет следующим образом: метафоры – интегрированные составные части текстового процесса; текстовый процесс, воспринимаемый таким образом создается в напряжении между стратегией текста и эмпирическим основанием; в этих отношениях метафора является проспективной; метафорический процесс определяется релевантным контекстом, в котором метафора использована и это таким образом, что метафора способствует не только формальному, но и репрезентативному значению¹⁹. Значит, речь идет, прежде всего, о том, как данная концептуальная метафора закреплена в данном средстве передачи – медиуме, контексте и как она способствует созданию социальной действительности. Метафора одновременно

становится знаком, выступающим в качестве представителя новой реальности. С точки зрения дискурсных исследований культурно конструированная концептуальная метафора носит характер индекса, значит, она отсылает к однозначно культурно обусловленному феномену, например к прецедентной ситуации из 1968-го года. Таким образом, она становится дискурсной практикой. То есть она, подобно тому, как и ирония, сознательно структурирует образ русского туриста в тексте.

В ходе данного анализа важно было не только проанализировать концептуальную метафору, но, прежде всего, сосредоточиться на предшествующих событиях и знаниях, на вопрос об эмпирическом (включая культурные и исторические события) основании, определяющем и формирующем²⁰ метафору. В этом случае мы имеем дело не с основанием обусловленным универсальными или природными условиями, а с культурно и геополитически детерминированным опытом, представленным данной концептуальной метафорой.

РУССКО(ЯЗЫЧНЫЙ) ТУРИСТ есть ОККУПАНТ – концептуальная метафора, подразумевавшая метафору высшего уровня РУССКИЙ есть ОККУПАНТ. Субкатегоризация данных метафор в исследованных контекстах выглядела бы на наш взгляд следующим образом:

Словацкий контекст	Шведский и немецкий контекст
РУССКИЙ есть ОККУПАНТ	ТУРИСТ есть ОККУПАНТ
РУССКИЙ ТУРИСТ есть ОККУПАНТ	РУССКИЙ ТУРИСТ есть ОККУПАНТ

Конечно, концептуальная метафора ТУРИСТ есть ОККУПАНТ появляется и в словацком контексте, например, в связи с туристами из Великобритании, но и из России. Но в случае немецких²¹ и шведских²² статей подчеркивается, прежде всего, факт, что русских туристов много, или слишком много и поэтому мы имеем дело с вторжением русских в качестве туристов. В словацкой статье метафора является однозначной

отсылкой, индексом, к прецедентной ситуации и это меняет субкатегоризацию в словацком тексте существенным образом. Эмпирические основания, заключающиеся в восприятии чужого элемента в определенном обществе (турист всегда является представителем чужого, хотя и с точки зрения экономики желанного элемента) и его количество принимается в словацком тексте во внимание только минимальным образом, автор высказывает разочарование в связи нехваткой русских туристов, но на передний план выступает оккупация в качестве неизбежной риторики при метафоризации русского.

Концептуальная метафора ОККУПАНТА, которая обильно встречается и в других текстах на других языках, в других контекстах (напр. в шведском и немецком) является в словацком контексте с точки зрения семиотики совсем другим знаком. В Словакии она отсылает к прецедентному феномену *оккупация 1968 года* и поэтому оправданным является использование фотографии снежной пушки, деликатно дорисовывавшей образ «истинного русского оккупанта», который пришел и занял ЧССР с помощью танков и оружия. В то время как в шведской и немецкой статьях мы имеем дело с подчеркиванием количества при помощи визуальной метафоры. Обе метафоры являются концептуальными и на уровне выражения они почти идентичны, но с точки зрения эмпирического основания мы должны говорить о разном содержании функции знака²³.

Из нашего анализа вытекает, что исследование критического дискурс-анализа в некоторых случаях требует и применение теории концептуальной метафоры, субкатегории которой мы можем обнаружить только с помощью дискурс-анализа в ходе анализа культурного и исторического контекста, являющегося его составной частью. Таким образом мы сможем более точно определить метафору в качестве знака и в связи с этим и включить в результаты КДА.

Заключение

Существенным вкладом с точки зрения работки проблематики образа русского туриста в словацком контексте являлся бы анализ дискурса высшего уровня – дискурса о русских,

конструирующегося в связи с изменением геополитической ситуации. Аргументация в эмоциональном духе, переход в повседневный дискурс, его переплетение с аналитическим дискурсом, часто встречается в отдельных дискурсных фрагментах, объединенных топилом РУССКИЙ. Именно такого рода акцентированная эмоциональность может быть отсылкой к парадигме близких отношений, парадигме семьи, находившейся в определенных отношениях с концептуальной метафорой высшего уровня – РУССКИЙ есть БРАТ.

Литература:

- Discourse and Communication: New Approaches to the Analysis of Mass Media Discourse and Communication*, ed. by Van Dijk, T. A., Berlin: Walter de Gruyter & Co. 1985.
- Eco, U.: *Teorie sémantiky*. Praha: Argo. 2009, z anglického originálu přeložil Marek Sedláček Fairclough, N.: *Critical Discourse Analysis. The critical study of language*. London, New York: Longman. 1995.
- Lakoff, G., Johnson M.: *Metafory, kterými žijeme*. Brno: Host-vydavatelství. 2002, překlad do češtiny M. Čejka
- Larsen, S. E.: *Die negativen Metaphern der Stadt*. aus dem Dänischen übersetzt von M. Oligschläger, эл. версия: <http://litteraturhistorie.au.dk/fileadmin/www.litteraturhistorie.au.dk/forskning/forskningspublikationer/arbejdspapirer/arbejdspapir20.pdf>, 29.6.2010.
- Лазарева, Э.А.: Заголовочный комплекс текста – средство его организации и оптимизации восприятия. In: *Известия уральского государственного университета*, 2006, no.40, вып. 19, эл. версия: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0040\(03_19-2006\)&xsl=showArticle.xslt&id=a18&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0040(03_19-2006)&xsl=showArticle.xslt&id=a18&doc=../content.jsp), 29.6.2010.
- Лукин, В. А.: *Художественный текст: Основы теории и элементы анализа*. Москва: 1999, эл. версия: <http://www.gramota.ru/biblio/research/hudtext0/>, 29.6.2010.
- Маслова, В. А.: *Когнитивная лингвистика*. Минск: Тимпан-Системс. 2008.
- Pielenz, M.: *Argumentation und Metapher*. Tübingen: Gunter Narr Verlag. 1993.
- Van Dijk, T. A.: *Racism and the press*. simultaneously published in USA, Canada: Routledge. 1991.
- Wie kritisch ist die kritische Diskursanalyse. Ansätze zu einer Wende kritischer Wissenschaft*, Hrg. Jäger, S., Münster: UNRAST-Verlag. 2008.
- World Englishes. Critical Concepts in Linguistics*, edited by Kingsley Bolton, Braj B. Bachru, simultaneously published in USA, Canada: Routledge. 2006.

Анализируемые статьи:

- Dropa, M.: Ivan ostal doma. In: *týždeň*, 2/2009, с. 38-41
- Mauder, U.: Wodka-Fans treffen Hantuch-Krieger. Russen im Urlaub. In: *Spiegel*, эл. версия: <http://www.spiegel.de/reise/europa/0,1518,570687,00.html>, 07.08.2008
- Nová kampaň pre Gaštanový alej. In: портал StratégieONLINE,

<http://strategie.hnonline.sk/sk/sedy/spravu/reklama/nova-kampan-pre-gastanovu-alej.html>, опубликовано 27.7.2009

SVT: Ryssarna invaderar Stockholm. http://svt.se/2.35608/1.1840061/ryssarna_invaderar_stockholm?lid=puff_1840061&lpos=rubrik, опубликовано 8. 1. 2010.

1. Cp. Fairclough, N., Wodak, R.: Critical Discourse Analysis. In: *World Englishes. Critical Concepts in Linguistics*, edited by Kingsley Bolton, Braj B. Bachru, simultaneously published in USA, Canada: Routledge. 2006, c. 56.

2. К проблематике «критического» и «не-критического» дискурс-анализа ср. Jäger, S.: Von der Ideologiekritik zu Foucault und Derrida. Ein (noch sehr vorläufiger) Beitrag zu einer möglicher Wende kritischer Wissenschaft. In: *Wie kritisch ist die kritische Diskursanalyse. Ansätze zu einer Wende kritischer Wissenschaft*, Hr. Jäger, S., Münster: UNRAST-Verlag. 2008, c. 34. Егер утверждает, что дискурсные исследования по своей природе всегда являются критическими.

3. Там же, c. 24-25.

4. Там же, c. 29.

5. Фэрклоу комментируя дискурс-анализы в четырех номерах журнала Discourse and Society видит их недостатки прежде всего в отсутствующей ориентации (и) на форму. Ср. Fairclough, N.: *Critical Discourse Analysis. The critical study of language*. London, New York: Longman. 1995, c. 188-189.

6. Droppa, M.: Ivan ostal doma. In: *tyždeň*, 2/2009, c. 38-41.

7. Классификация туристов из Украины и РФ как «русскоязычных», образование совместной идентичности, тоже является составной частью анализа, но в этой статье мы хотим обратить внимание только на возможности, которые предоставляет исследователю теория концептуальной метафоры и не на анализ дискурса данной статьи в целом.

8. Интересным примером креативной метафоры является рекламная кампания с целью продажи участков в братиславском районе Русовце под названием «Obsaďme RUSOVce (Давайте захватим РУСОВце)». Словацкое «Rusov» является В.П. множественного числа от слова «Rus (русский)», так что рекламный лозунг гласит: Давайте захватим русских. Ср.: Nová kampaň pre Gaštanovú alej. In: портал *StratégieONLINE*, <http://strategie.hnonline.sk/sk/sedy/spravu/reklama/nova-kampan-pre-gastanovu-alej.html>, опубликовано 27.7.2009.

9. Лазарева пишет в связи с заголовочным комплексом о «выдвинутой», надтекстовой позиции» и далее: «будучи тесно связанными с основным текстом по содержанию, в структурно-речевом плане [выдвинутые элементы] сохраняют некую самостоятельность, отдельность от текста». Ср. Лазарева, Э. А.: Заголовочный комплекс текста – средство его организации и оптимизации восприятия. In: *Известия уральского государственного университета*, 2006, но.40, вып. 19, по эл. версии: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0040\(03_19-2006\)&xsl=showArticle.xslt&id=a18&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0040(03_19-2006)&xsl=showArticle.xslt&id=a18&doc=../content.jsp), 29.6.2010.

10. Ср.: «Если до знакомства с текстом он [заголовок] не столько сообщал информацию об этом тексте, сколько указывал на него (катафорически), то теперь, наоборот, заголовок не столько указывает на текст (анафорически), сколько в концентрированном виде сообщает информацию о содержании текста, как бы находясь уже после и под ним» (Лукин, В. А.: *Художественный текст: Основы теории и элементы анализа*. Москва: 1999, по эл. версии: <http://www.gramota.ru/biblio/research/hudtext0/>, 29.6.2010).

11. Лукин, В. А.: *Художественный текст: Основы теории и элементы анализа*. Москва: 1999, по эл. версии: <http://www.gramota.ru/biblio/research/hudtext0/>, 29.6.2010.

12. Ср.: Лазарева Э. А.: Заголовочный комплекс текста – средство его организации и оптимизации восприятия. In: *Известия уральского государственного университета*, 2006, но.40, вып. 19, по эл. версии: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0040\(03_19-2006\)&xsl=showArticle.xslt&id=a18&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0040(03_19-2006)&xsl=showArticle.xslt&id=a18&doc=../content.jsp), 29.6.2010.

13. Петров, В.В.: *Язык и искусственный интеллект: рубеж 90/х годов*. Москва: 1996, процитировано по: Маслова, В. А.: *Когнитивная лингвистика*. Минск: ТентраСистемс. 2008 с. 21.

14. Van Dijk, T. A.: *Racism and the press*. simultaneously published in USA, Canada: Routledge. 1991, c. 50-51, ср. также: Van Dijk, T. A.: Structures of News in the Press. In: *Discourse and Communication: New Approaches to the Analysis of Mass Media* Discourse and Communication, ed. by Van Dijk, T. A., Berlin: Walter de Gruyter & Co. 1985, c. 84.

15. Van Dijk, T. A.: *Racism and the press*. simultaneously published in USA, Canada: Routledge. 1991, c.50.

16. Droppa, M.: Ivan ostal doma. In: *tyždeň*, 2/2009, c. 39.

17. «Eine konzeptuelle Metapher ist insofern lediglich eine kontextfreie Abstraktionsform, die nur über konkrete metaphori-sche Ausdrücke verwirklicht wird». Ср.: Pielenz, M.: *Argumentation und Metapher*. Tübingen: Gunter Narr Verlag. 1993, c. 71.

18. Larsen, S. E.: *Die negativen Metaphern der Stadt*. aus dem Dnischen übersetzt von M. Oligschldger, по эл. версии: <http://litteraturhistorie.au.dk/fileadmin/www.litteraturhistorie.au.dk/forskning/forskningpublikationer/arbejdspapirer/arbejdspapir20.pdf>, 29.6.2010.

19. Там же.

20. Por. Lakoff, G., Johnson M. *Metaforý, kterými žijeme*. Brno: Host-vydavatelství. 2002, preklad do češtiny M. Čejka, c. 32-38.

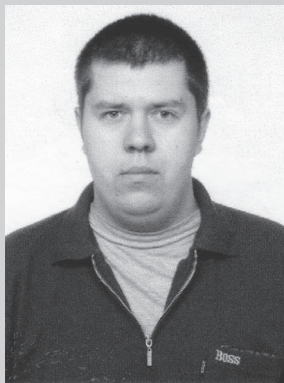
21. Ср. напр.: Mauder, U.: Wodka-Fans treffen Hantuch-Krieger. Russen im Urlaub. In: Spiegel, эл. версия: <http://www.spiegel.de/reise/europa/0,1518,570687,00.html>, 07.08.2008, «Ob Türkei, Ägypten oder Thailand - russische Urlauber sind neuerdings überall, und wie die deutschen treten sie in Massen auf. Wodka-Exzesse und Büffetplünderungen machen sie nicht unbedingt beliebt. In Russland ist die Debatte über den "Touristenkrieg" voll entbrannt». («Неважно где - в Турции, Египете или Тайланде – русские туристы по-новому уже повсюду и подобно немецким они встречаются в массах. Водочные эксцессы и опустошение буфетов не делают их обязательно популярными. В России разгорелся дебат по поводу «туристической войны», перевод Н.Ц.).

22. Ср. напр. страница телевидения SVT: Ryssarna invaderar Stockholm. http://svt.se/2.35608/1.1840061/ryssarna_invaderar_stockholm?lid=puff_1840061&lpos=rubrik, опубликовано 8. 1. 2010. «Ryssarna räds inte kylan och nu kommer allt fler till Stockholm för att spendera sina rubel. Ryssar, ryssar och idel ryssar. Det är januari månad och det betyder lågsäsong för turismen - undantaget är ryssarna» («Русские захватили Стокгольм. Русские не боятся холода и сейчас все больше их приходит в Стокгольм, чтобы здесь потратить свои рубли. Русские, русские и опять русские. На дворе январь и для туризма это обозначает мертвый сезон – исключением являются только русские», перевод К. М., Н. Ц.).

23. «Денотация является содержанием выражения, коннотация является содержанием функции знака. (перевод Н. Ц.)», Ср.: Eco, U.: *Teorie sémantiky*. Praha: Argo. 2009, z anglického originálu preložil Marek Sedláček, s. 109.

Р.С. Мухаметов

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ

Мухаметов
Руслан Салихович

кандидат политических наук, ассистент кафедры теории и истории политической науки УрГУ, доцент МАДИ

Государство осуществляет свою внешнюю политику и защищает национальные интересы с помощью различных инструментов. Дипломатия осуществляется в виде переговоров, заключения международных договоров и соглашений. К военным средствам внешней политики принято относить насилие и угрозу применения военной силы. Действенными экономическими инструментами являются санкции, эмбарго или своего рода «поощрения повиновения», «вознаграждения» (в виде предоставления кредитов, поставок энергоресурсов по льготным ценам). Публичная дипломатия включает в себя программы, финансируемые правительством и направленные на информирование и оказание воздействия на общественное мнение в других странах с целью формирования у зарубежной аудитории положительных взглядов на проводимую государством внешнюю и внутреннюю политику. В то же время наблюдается явный дефицит работ, посвященных роли культуры в деле обеспечения национальных интересов и осуществления внешней политики.

Хорошо известно, что международная репутация любого государства определяется не только политическим весом и экономической мощью, но и культурным потенциалом. Пропаганда в зарубежных странах своего культурного достояния входит в число внешнеполитических приоритетов крупных и малых государств и по праву рассматривается неотъемлемой и полноценной частью стратегии действий на международной арене¹.

В реализации внешнеполитической стратегии России особая роль принадлежит культурной дипломатии. Под данным термином мы подразумеваем систему мер, предпринимаемых правительством РФ

для распространения и популяризации национальной (отечественной) культуры за рубежом. В определении культурной дипломатии мы опирались на разработанный российским внешнеполитическим ведомством документ «Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами». Согласно этому документу, культурная дипломатия представляет собой специфический инструмент достижения внешнеполитических целей государства посредством установления, поддержания и развития международного культурного сотрудничества².

Поддержка российских соотечественников за рубежом, всемерная защита их прав и законных интересов являются одним из приоритетных направлений внешней политики Российской Федерации. Россия строго придерживается принципа, согласно которому обеспечение прав человека, включая права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, не является исключительно внутренним делом любого государства. В настоящее время российская диаспора составляет около 27 млн. человек, в том числе свыше 17 млн. на постсоветском пространстве. Вопросы сохранения культурной и гуманитарной среды соотечественников – использования русского языка, получения образования на родном языке, доступ к русскоязычным СМИ, установление связей с исторической родиной сохраняют свою актуальность.

Посредством использования специфического инструментария, форм и методов осуществления культурная дипломатия способна внести существенный вклад в обеспечение национальных интересов и повышение эффективности российской внешней политики.

Вещание русскоязычных СМИ за рубежом представляет собой инструмент влияния на общественное мнение и политику зарубежных стран. Российское телевидение, радиовещание и печатные издания являются для соотечественников не только поставщиками достоверных новостей из России, но и постоянным каналом связи с исторической Родиной. Во многом благодаря русскоязычным СМИ наши соотечественники, живущие за пределами России, не чувствуют себя оторванными от Родины.

В настоящее время существует несколько телеканалов, которые осуществляют спутниковое вещание, а именно: «Первый канал-Всемирная сеть», «РТР-

Планета», «НТВ-Мир», а также международная версия телеканала «ТВ Центр» – «TVCI». Так, в 1999 году была создана первая международная версия «Первого канала», предназначенная для вещания для стран Европы – «1TVRUS-Europe». В сентябре 2002 года была создана международная версия «Первого канала», предназначенная для стран Балтии – «Первый Балтийский Канал». В 2004 г. начато вещание для США и Канады – «1TVRUS-USA&Canada».

Особое значение в деле реализации геополитических и экономических интересов страны имеют связи в области науки и образования, которые становятся все более важным и эффективным средством внешней политики России.

Важную роль в обеспечении прав наших соотечественников, в том числе и права на получения образования на родном русском языке, играет *зарубежная сеть филиалов российских вузов*. В настоящее время практически во всех государствах-участниках СНГ и стран Балтии существуют филиалы российских высших учебных заведений и постоянно создаются новые, в их числе следует выделить, в первую очередь, протоколы о создании филиалов Российского государственного университета нефти и газа имени Губкина в г. Ташкенте (Узбекистан) и Ашхабаде (Туркменистан). Сегодня на основании российских лицензий действуют 37 филиалов, созданных 29 российскими высшими учебными заведениями (15 государственных и 14 негосударственных вуза). Среди них такие ведущие вузы страны, как Московский государственный университет имени Ломоносова, Российский государственный университет нефти и газа имени Губкина, Московский институт стали и сплавов, Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, Российский новый университет и др. В этих филиалах обучаются 25 тыс. человек³.

Зарубежные филиалы российских высших учебных заведений решают следующие задачи: расширяют изучение русского языка и культуры России в зарубежных странах; содействуют сохранению русской культуры и русского языка в странах ближнего зарубежья; поддерживают функционирование русского языка в государствах-участниках СНГ и странах Балтии; обеспечивают права соотечественников, в том числе и права на получение образования на родном русском языке; наконец, восстанавливают единое культурно-информационное поле на всем постсоветском пространстве.

Особая роль в изучении и распространении русского языка как инструмента межнационального общения и

литературы России как неотъемлемой части мировой культуры, получении образования на русском языке принадлежит *системе российско-национальных (славянских) университетов*. Они открыты в Армении (Ереван), Белоруссии (Могилев), Киргизии (Бишкек) и Таджикистане (Душанбе). Данные высшие учебные заведения, в которых в настоящее время обучается 16 тыс. человек, в целом успешно реализуют образовательные программы на русском языке по российским образовательным стандартам. За период своего существования они превратились в ведущие образовательные, культурные и научно-исследовательские центры в странах пребывания⁴.

Среди форм реализации внешней культурной политики *экспорт образования* в зарубежные страны занимает одно из центральных мест. Россия занимает 8 место по численности обучающихся иностранных граждан после США (586 тысяч человек), Великобритании (233), Германии (200), Франции (160), Австралии (157), Испании (124) и Канады (100 тысяч человек). В настоящее время в вузах Российской Федерации обучается около 90 тысяч иностранных граждан, в том числе около 70 тысяч на контрактной основе и свыше 30 тысяч за счет федерального бюджета. Наибольшее количество обучающихся составляют граждане стран Азии, Африки и Латинской Америки (55%) и государств-участников СНГ (33%)⁵. Основной целью государственной политики РФ в сфере подготовки национальных кадров для зарубежных стран, прежде всего для государств-участников СНГ и стран Балтии, является реализация геополитических и социально-экономических интересов России через подготовку элиты зарубежных государств. Как правило, проживание в определенной стране и обучение на ее языке в течение нескольких лет впоследствии приводит к тому, что обучаемый воспринимает ментальные ценности этой страны как свои собственные⁶.

Повышенного внимания требует увеличение объемов подготовки иностранных специалистов на российской образовательной базе как путем предоставления государственных стипендий. Ежегодный приём иностранных граждан, принимаемых для обучения в российские образовательные учреждения за счет федерального бюджета в 2009/2010 учебном году составит 10 тыс. человек⁷.

Таким образом, образовательные программы используются во внешней политике страны в качестве инструмента, при помощи которого Россия завоевывает себе авторитет и влияние в мире.

В проведении внешней культурной политики России особое место занимает *работа по укреплению позиций русского языка*. В области распространения и популяризации русского языка за рубежом, поддержания программ изучения русского языка в иностранных государствах наиболее активную деятельность ведут Российский центр международного научного и культурного сотрудничества (Росзарубежцентр) при МИД России, а также Фонд «Русский мир».

Богатый опыт в работе по поддержке русского языка накоплен Росзарубежцентром, который обладает постоянно действующей сетью курсов русского языка. Такие курсы действуют в 38 странах при 43 представительствах Росзарубежцентра – российских центрах науки и культуры (РЦНК), на которых ежегодно обучаются от 15 до 20 тыс. человек⁸.

Деятельность РЦНК не ограничивается только организацией работы по распространению и изучению русского языка в иностранных государствах. Проводимыми ими широкий спектр мероприятий (выступления художественных коллективов и отдельных исполнителей, видео- и кинопросмотры, выставки, включая выставки художественных произведений, изделий народного творчества и фотовыставки, пропагандирующих русскую культуру) способствует формированию положительного внешнеполитического имиджа России.

Другим «форпостом» в работе по поддержке русского языка за рубежом является Фонд «Русский мир». В настоящее время в 17 странах ближнего и дальнего зарубежья насчитывается 26 Русских центров. Основным направлением деятельности данных центров является проведение тематических недель, посвященных российской культуре, литературе, кинематографу, спорту; организация фестивалей, праздников и вечеров, посвященных русскому языку и культуре⁹.

По данным российского внешнеполитического ведомства в настоящее время разными формами изучения русского языка за рубежом охвачено около 14 млн. человек (в странах СНГ и Балтии – 12 млн., в дальнем зарубежье – почти два миллиона)¹⁰.

Наиболее известные головные организации культурной дипломатии: Британский Совет, Французский институт («Альянс Франсез»), Институт Конфуция (КНР), Институт Сервантеса (Испания), Институт им. Гете (ФРГ).

Практика организации культурного присутствия за рубежом, популяризация отечественного культурного достояния за границей входит в число внешнеполитических приоритетов большинства государств. Это

можно объяснить несколькими причинами. Культурное сотрудничество России с зарубежными странами должно способствовать созданию благоприятного климата для успешного осуществления внешнеполитических акций, утверждению за нашей страной достойного, созвучного ее геополитическому положению, совокупной мощи и ресурсам места на мировой арене. Культурные связи призваны работать на создание благоприятного и объективного образа России в мире, должны порождать и поощрять чувства симпатии к нашей стране, множить число ее друзей, демонстрировать открытость российского общества и служить свидетельством возрождения России в качестве свободного и демократического государства. Желаемый результат такой дипломатии – формирование или укрепление благоприятной политики иностранного государства в отношении страны, которое проводит внешнюю культурную политику.

Как показал анализ, в деле реализации внешнеполитической приоритетов России на международной арене в целом и на постсоветском пространстве в частности наряду с военной силой и экономической мощью особая роль принадлежит культуре. Использование культуры в качестве инструмента внешней политики России отнюдь не преследует цели полностью заменить прежние, испытанные средства силового давления и принуждения. Новые средства осуществления внешней политики лишь дополняют прежние, причем только там, где и когда применение старых, традиционных инструментов невозможно или неэффективно.

1. См.: Шмагин Е.А. Культура и дипломатия // Международная жизнь. 2002. № 3. С. 62-63.

2. См.: Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами. URL: <http://www.mid.ru>.

3. См.: О мерах по развитию и совершенствованию экспорта российских образовательных услуг. Выступление Директора Департамента международного сотрудничества в образовании и науке Минобрнауки России В.В. Ничкова на заседании коллегии Министерства. URL: <http://www.mon.gov.ru/ruk/dir/nichkov/dok/5035/>.

4. См.: Там же.

5. См.: По численности иностранных студентов Россия пока еще на восьмом месте в мире. URL: <http://russia.edu.ru/information/analit/960/>.

6. Комлева Н.А. Феномен экспансии. Екатеринбург, 2002. С. 151.

7. См.: О мерах по развитию и совершенствованию экспорта российских образовательных услуг.

8. К вопросу о роли русского языка в мире (справочная информация МИД РФ, 2004). URL: <http://www.etnosfera.ru/centr.php?onewnd=ecenter&list=projects&prjid=500&id=8>.

9. См.: Что такое Русский центр? URL: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/rucenter/presentation.html>.

10. Роль русского языка в мире: новые вызовы и решения (справочная информация МИД РФ, 2005). URL: <http://www.mid.ru/ns-dgpcch.nsf/0/6f0b717683792740c325709a0023c60d?OpenDocument>.

С.В. Мошкин

ЧЕТЫРЕ «И», ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ О БЛАГИХ НАМЕРЕНИЯХ ПРЕЗИДЕНТА

Мошкин
Сергей Вячеславович

доктор политических наук, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

В современных российских политических реалиях ставить вопрос о том, какую Россию мы строим, можно лишь чисто риторически, поскольку никакого «мы» не существует. Мы, т.е. общественность, гражданское общество, наконец, просто заинтересованные лица не являемся участниками процесса по определению путей развития своей собственной страны, а находимся, скорее, в роли заложников принятых властной элитой решений. Более того, эта самая элита, вконец коррумпированная и проворовавшаяся, вовсе не заинтересована в нашем соучастии в обсуждении принимаемых решений, а, напротив, делает все возможное, чтобы сковать и заморозить малейшую гражданскую инициативу, прикрываясь на партийных е-эр-овских тусовках демагогическим лозунгом «Мы берем ответственность на себя!». Поэтому вопрос «Какую Россию мы строим?» было бы правильней переформулировать в вопрос «Что делают со страной ее нынешние руководители?».

«Временем упущенных возможностей» назвал последнее десятилетие существования России ее нынешний президент, бросая камушек в огород своего предшественника и наставника. Будем откровенны, столь категоричное заявление вчерашнего доцента породило у части россиян надежду на то, что действующий президент все-таки найдет в себе силы и мужество пересмотреть политический курс своего патрона, сделать его более либеральным, более реформаторским

и, главное, продуктивным. Это чувство окрепло после выход в прошлом году программной статьи Д. Медведева с броским заголовком «Россия, вперед!». Увы, сегодня мало найдется в России людей, полагающих, что президент и впрямь хоть сколько-нибудь серьезно продвинулся по этому пути. Напротив, становится ясно, что дальше звонких деклараций, дело у российского президента не пошло. Можно поверить в искренность его намерений модернизировать страну, но, видимо, Медведев неплохой диагност, но не очень удачливый лекарь.

Два год назад он стал президентом, каковы же промежуточные итоги?

Вначале о том, что помнится. А помнятся его поправки в Конституцию РФ, увеличивающие срок президентских полномочий до шести лет вместо нынешних четырех. Помнится истощенный Резервный фонд, брошенный на спасение финансовых институтов, но не уберегший Россию от самого глубокого кризисного падения среди стран «большой двадцатки». Помнится также «странная» российско-грузинская война. И, конечно же, учреждение скандальной «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России», а также анекдотичная реформа численности часовых поясов. Прямо скажем, не густо, да и во многом бессмысленно.

А теперь о том, что изрядно подзабылось или просто малоизвестно. В предвыборной речи на экономическом форуме в Красноярске в феврале 2008 года Медведев сформулировал свою президентскую предвыборную программу, объявив ее приоритетами для развития страны на ближайшие годы – неотложное развитие в России современных Институтов, Инфраструктуры, Инноваций и Инвестиций (четыре «И»). Что же из этого вышло?

Институты.

Согласно авторитетному «Глобальному Индексу конкурентоспособности (ежегодно рассчитываемому Всемирным экономическим

форумом ВЭФ), качество российских институтов, и без того одних из худших в мире, не только не улучшилось, но стало еще хуже. Россия провалилась на 12 мест в общем рейтинге конкурентоспособности (на 63-е место из 131 страны), при этом состояние особо опекаемых президентом судебной системы и соблюдения законов за два года обвалилось с 109 места на 116-е. Ключевой для экономического развития институт защиты собственности уехал на то же позорное 119 место, а качество товарных рынков и финансовых институтов (в значительной степени регулируемых и контролируемых государством) – с 99 места в 2008 году на 108 год спустя.

Россия превратилась в еще более изолированное и протекционистское государство, став самой закрытой из крупных экономик мира (109 из 121 в докладе о развитии мировой торговли ВЭФ), уступив даже Мозамбику, Кении и Эфиопии.

Ухудшились и условия для ведения бизнеса: по данным Всемирного банка на конец 2009 года, Россия опустилась сразу на восемь позиций (на 120-е место из 183 стран). Интересно, что по процедурам получения разрешений на строительство мы оказались на предпоследнем месте, обойдя лишь нищую, диктаторскую, находящуюся под санкциями ООН Эритрею.

Вопреки шумной кампании по «борьбе с коррупцией», последняя осталась на прежнем уровне. По рейтингу «Транспаренси Интернэшнл», совпадающему с данными других центров, в 2008 году Россия по уровню коррумпированности занимала 147 место среди 180 обследуемых стран, в 2009 году – 146 место.

Характерно, что уже на другом, весной 2010 года, экономическом форуме в Красноярске участники не смогли назвать ни один институт государства, который бы работал.

Политические институты остаются в коме. Партийная система парализована и не подает никаких признаков возможного выздоровления, институт же политических выборов себя полностью дискредитировал в глазах избирателей. Сама идея местного самоуправления напрочь выхолощена и опошлена. Как выразился лидер Республиканской партии Владимир Рыжков, «имитация политических реформ, которой занимается Медведев и его администрация – это

лишь перекраска оградок на кладбище российской политической жизни». Лучше не скажешь.

Инфраструктура.

В прошлом году Россия потеряла в катастрофе (за которую так никто и не ответил) свою самую крупную электростанцию, построив при этом лишь 1 тысячу километров автодорог (Китай за один только 2007 год ввел в строй 47 тыс. км). На 2010 год на дороги выделено на 18% меньше денег, чем в прошлом году, планируется построить всего 942 км.

В противоположность России, все прочие страны в условиях кризиса, наоборот, стимулируют свои экономики значительным ростом вложений в инфраструктуру. Тот же Китай в ближайшие три года увеличит протяженность своих железных дорог на 31 тыс. км., из которых 13 тыс. – высокоскоростные линии. При этом стоимость километра дороги остается в России самой высокой в мире, продолжая расти ежегодно на 30 – 40%. Еще в 90-е годы строительство километра дороги у нас было вдвое дешевле, чем в Европе, а сейчас в три раза дороже.

Инновации.

Как показало исследование, проведенное недавно Высшей школой экономики, число российских предприятий, внедряющих инновации, продолжает быть незначительным, устойчиво снижаясь (таких менее 30%, по самым мягким критериям, но главное – их стало меньше за последние 4 года в 1.2 раза).

Продолжает падать научный рейтинг России. Согласно последнему исследованию Thomson – Reuters, по числу научных публикаций Россия уже уступает Индии, и, в несколько раз – Китаю. Нарастает отставание и в столь любимой Медведевым сфере информационных технологий – в рейтинге ВЭФ (Global Information Technology Report), Россия съехала с 70 места в мире в 2007 году на 74-е в 2009 (из 134 стран). Это не значит, что сектор ИТ в России не развивается – просто у других он развивается заметно лучше.

Инвестиции.

Здесь показатели России также ниже среднемировых. Если в среднем в мире в 2009 году

прямые иностранные инвестиции (ПИИ) сократились на 39%, то в России – на 41%. Китай увеличил свои вложения за рубежом на 6%, Россия сократила на 27.7%. Нет сомнений, что при катастрофически низком качестве государственного управления и институтов и их дальнейшем ухудшении, на фоне устаревшей инфраструктуры и высокого совокупного внешнего долга, вряд ли стоит ждать притока инвестиций в российскую экономику в ближайшем будущем.

Итак, институты сгнили, инфраструктура разваливается, инноваторы бегут, а инвестиции не приходят. Медведев страну не изменил и вряд ли изменит. А потому все его разглагольствования о грядущей модернизации от лукавого. Он стал охранителем системы, которая все меньше работает на общество и все больше работает на саму себя, а страна тем временем погружается в состояние застоя.

С.Н. Некрасов

КАКОЕ ОБЩЕСТВО СТРОИТ РОССИЯ В XXI ВЕКЕ? МАТЕРИАЛЫ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Некрасов
Станислав
Николаевич

доктор философских наук, профессор
УрГСХА, действитель-
ный член РАЕ,
член Общественной
палаты Свердловской
области

Современная государственная политика реализуется на конкретной территории Евразийского континента, в рамках которого бок о бок проживают десятки и сотни народов и народностей. Представители этих этнических групп получают образование в русском культурном поле, входящем в качестве стенового хребта в единое евразийское мультикультуралистское пространство. В этом пространстве русский народ самой историей в различные периоды своего развития принужден к исполнению роли объединяющей разнородные этносы нации. Именно поэтому столь фундаментальное внимание в должно быть уделено русской культуре как квинтэссенции мультикультурализма евразийского пространства. Однако высшее государственное руководство так вопрос не ставит. Пока ставится вопрос о Модернизации. Но кто и какими средствами станет проводить авторитарную модернизацию?

Перестройка как коренная ломка социалистических общественных отношений, реформы как

разрушение политической системы Советской власти ввергли российское общество в состояние духовно-идеологического кризиса. В России ситуация приобрела угрожающие масштабы, став основой социального кризиса, препятствием для дальнейших модернизационных процессов в российском обществе.

Начиная с конца 80 гг. XX века, идеологическая деятельность государства подвергалась ожесточенной критике не только со стороны внешних геополитических противников, но и со стороны либеральной «пятой колонны», приведшей к власти социальное меньшинство. **Конституция РФ 1993 г. окончательно закрепила 13 статей процессы деидеологизации российского общества.** Однако уже к середине 90 гг. ошибочность такого подхода проявилась в полной мере. Начались долгие поиски новых идеологических основ российского государства и общества, поступил социальный заказ. Но какова может быть общенациональная идея, когда правящий класс по умолчанию проводит в жизнь свою идеологию? Сегодня мы видим капиталистически-олигархическую систему, оформленную фасадом демократических институтов и правых партий. Только празднование 65 годовщины победы в ВОВ заставило президента РФ признаться в наличии государственной идеологии и воли не допустить возрождения сталинизма. В связи с этим обстоятельством зададим сакральный вопрос: **каково «Имя России?»** А что если ее имя «Сталин», а имя планеты «Ленин»? В чем расходятся новорусское правящее меньшинство и русский народ? Если ли

будущее у народа, становящегося русскоязычным населением?

Понятно, что российские власти больше войны и внешнего врага боятся революции. А когда происходит революция? Настоящая, а не бутафорская революция происходит как судорога умирающего общества. Вопрос только в том, последняя это судорога или очередная. Начиная с Ельцина всякое новое российское правительство чувствует, что Россия не вписалась в капитализм, она с ним столкнулась. В условиях кризиса признать эту реальность – значит, признать ошибочность всего курса, который был навязан стране в начале 90 гг. В советское время рассказывался антисоветский анекдот про сантехника, который посмотрев унитаза, проронил – «здесь надо менять всю систему...». Но на такое признание были способны только личности пассионарные, настоящая элита вроде Петра Великого меняющего курс, Ленина меняющего средства, Сталина зачистившего перед великой войной военно-политическую элиту и поднявшего тост «за великий русский народ».

Признает ли В.Путин ограниченность своих недавних взглядов? Признает ли Д.Медведев, что он с серьезным видом юриста ставит формальные проблемы вроде декларации чиновников о доходах и избегает сущностной оценки мирового кризиса и классово-национального анализа положения страны? **Для проверки ответственности элиты и оценки состояния покинутого элитой народа зададим вопрос – готово ли нынешнее государственное руководство РФ к мобилизационному пути развития?** Готова ли элита ввести государственную монополию внешней торговли? Готова ли элита держать свои сбережения в «деревянных» и даже прекратить конвертируемость рубля с тем, чтобы закрыть возможности международной мафии и терроризма проникать в страну и выкачивать ее национальное достояние? Готова ли элита запретить свободное хождение валюты в государственных границах РФ? Готова ли она отказаться от своих и государственных вкладов в зарубежных банках? Готова ли она прекратить обучение и лечение своих бесчисленных родственников за рубежом? Готова ли отказаться не только от принципа двойного гражданства, но и от общегражданских загранпаспортов, согласившись на получение служебных паспортов по мере надобности? Готова ли элита ввести не

государственный контроль за оборотом алкоголя, но государственную монополию на алкоголь? Наконец, о, ужас, согласна ли элита на пересмотр итогов приватизации 90 гг.?

Таким образом, новейшая история показывает, что, несмотря на все мутации западнического режима в России, ее **народ сохранил свой вектор развития, который приходил каждый раз заново в противоречие с ориентацией правящей элиты.** Результаты выборов в Государственную Думу показывают каждый раз разгром новой мутующей разновидности правых либералов: в 1993 г. были разбиты представители ДемВыбора России, в 1995 г. они были списаны в утиль окончательно, победили коммунисты и начался распад НДР, в 1999 г. правые партии потерпели поражение, а в 2003 г. они были изгнаны из Думы окончательно, не за горами и закат партии «ЕдРо». Однако, правительство, правящая верхушка усиленно проводила курс правых, пользовалась их кадровыми ресурсами, предоставляла им все возможности в СМИ, что вызывает глубокий раскол между политической элитой и обществом.

В этих условиях роль актора в идеологическом процессе взяло на себя государство, пытаясь сформулировать новые идеологические основы российского общества. **В периоды первого и второго сроков президентства В. Путина начинают формироваться первые контуры будущей идеологии России.**

В идеологическом процессе с начала 2000 гг. просматриваются два этапа:

1. 2000–2003 г. – период поиска новых идеологием, попытка формирования *идеологии стабилизации*, что отвечало задачам данного времени: необходимостью укрепления властной вертикали, наведения порядка на всех уровнях власти, преодоления сепаратизма регионов, борьбой с организованной преступностью и терроризмом, обеспечению безопасности, порядка и законности. Ядро идеологии данного периода составляли следующие идеологемы: «Сильное государство» – «Законность» – «Порядок» – «Демократия» – «Гражданское общество» – «Конкурентоспособная экономика».

2. 2004–2008 г. – переход от идеологии стабилизации к *идеологии развития*, проектной идеологии, оформление более или менее целостной идеологической доктрины. Центральным элементом

системы идеологических ценностей государства становится идеологемой «*Качество жизни*», получившая своё развитие в идеологии приоритетных национальных проектов. Это знаменует перевод внимания государства с общегосударственных задач на проблемы каждого отдельного человека, повышение качества жизни граждан, как залог перехода страны на качественно новую ступень развития. Ядром новой российской идеологии становятся такие понятия, как «*Качество жизни*» – «*Патриотизм*» – «*Суверенитет*» – «*Державность*» – «*Демократия*» – «*Гражданское общество*». Но смысловым центром системы идеологических ценностей признается каждый отдельный гражданин и его «качество жизни», как главная цель политики государства.

Эти мифологемы заслонили более фундаментальные оппозиции социального развития: старые формационные оппозиции капитализм – социализм, новые цивилизационные модели индустриального – постиндустриального – традиционного общества. Как мы оценим возможность мышления в этой системе координат? Строим ли мы «капитализм с человеческим яйцом» (А.Проханов) или социализм с человеческим лицом? Возводим ли информационное общество или информациональное (М.Кастельс)? Или же у нас получается отсталое общество «третьего мира» с «двумя скоростями»: богатые, бедные и парии? Общество, так потрясшее в юности В.Путина при просмотре им фильма «Генералы песчаных карьеров» по роману Ж. Амаду? Между прочим будущий президент не увидел отличия советской благоустроенной жизни от аргентинских социальных «джунглей». Согласны ли Вы с тем, что различие только в климате?

От чего же на самом деле нам следует отказать и какие есть возможности развития? Разработка концепции неоиндустриальной системы в отличие от западной концепции постиндустриализма нацелена на отрыв как от нынешней разрушенной производительной системы, так и от советской экономико-политической модели потребного социума будущего.

Итак, мы предлагаем участникам дискуссии высказаться по отношению к возникшим реперным точкам нашего развития.

1. Нашему народу уже известна позиция либералов-западников и маньяков рыночного фун-

даментализма, полагающих, что только активная монетаристская политика в интересах богатого меньшинства и, связанные с ней финансовые манипуляции, могут спасти Россию. Либералы тем самым в антидемократическом духе оправдывают колоссальные потери промышленности, народонаселения, образовательных учреждений и научных институтов страны. Именно такое понимание называется в духе решений ООН «геноцидом». Выскажитесь по вопросу о том, возможно ли продолжение правых реформ и не пора ли отказаться от наследия правых партий и ельцинизма в целом?

2. Вторая позиция связана с работой так называемых «крепких хозяйственников», направленных на разработку новых программ. Это **нелиберальная и нереформистская установка**. Она близка партии «Справедливая Россия». Однако она не отвечает на вопрос о том, как следует строить всю систему жизнеобеспечения постсоветской России. В сущности, данная позиция стремится вернуться к старой советской индустриальной системе, поскольку надеется на взятие в руки реальной политической власти для претворения в жизнь выработанных идей. При этом забывается, что само население России нуждается в целостном и едином понимании миссии страны в мире, в создании новой системы отношений между научной, образовательной и индустриальной системами страны, выполняющей функцию континента Евразии. Так ли это?

3. **Третья позиция носит технологический характер**. Она исходит из того, что современный промышленный комплекс страны возник исторически и тесно связан с двумя другими системами – образовательной и научной. Существует единый промышленно-образовательно-научно-исследовательский комплекс, компоненты которого не могут быть в ходе «открытого заговора» произвольно и по отдельности реформированы в качестве очередного «апгрейда» в духе информационного постиндустриального общества, нацеленного на финансово-информационное развитие. Такова позиция партии «Единая Россия» и нынешнего политического руководства России, провозгласившего курс на Модернизацию с опорой на мифический средний класс информационного общества.

4. **Четвертая позиция связана с процессом инновационного развития науки, образования**

и промышленности, на котором настаивает КПРФ. Постиндустриалистское понимание постсовременности полагает, что так называемое «информационное общество» целиком строится на высокой технологии и компьютерах. Действительной же задачей для настоящих реформаторов оказывается соединение информационных технологий с индустриальным производством и машинным парком в целях образования передовой промышленной системы городского типа. Новый тип промышленной организации строится в зависимости от передовых научных технологий, структуры подготовки и образования рабочей силы. Не утопично ли это неоиндустриальное направление?

Возможно ли подписание **Исторического акта примирения**, на котором в последние дни в посланиях Президенту РФ так настаивает ЛДПР?

Возможны три типа Национальных проектов развития российской социальности в контексте динамики единого комплекса. Выскажите о необходимом типе развития?

1. Первый тип проектов основан на традиционных отраслях промышленности и может быть назван консервативным вектором, замораживающим отсталость?

2. Второй тип направлен на создание новых форм промышленности и таких ее отраслей, которые ныне находятся в эмбриональном состоянии в лабораториях по оптоэлектронике, лазерной технике и выращиванию кристаллов, созданию умных роботов?

3. Третий тип ориентирован на создание метапромышленности как основы метаэкономики, связанной с циклами инновационной деятельности в рамках корпоративных университетов и технопарков? Все это позволит обнаружить бифуркационные точки в советском индустриальном комплексе в качестве опоры развития технологических инноваций XXI в. Источники развития извлекаются при таком развитии событий из сферы человеческого потенциала как важнейшего отечественного интеллектуального ресурса – мышления и образования. При этом предполагается использовать единственный критерий развития – физическую экономику, экономику производства потребительских товаров и услуг. Какое же знание необходимо в такой интел-

лектуальной ситуации? Прежде всего, это знание в области предвидения будущего развития.

4. Важнейшим направлением такого предвидения выступает предположение об исключительно северно-уральском и арктическом направлении российского мультицивилизационного развития? После распада СССР несомненна характеристика России как преимущественно северной цивилизации, а потому невозможно представить будущее страны без принципиально новой программы возрождения и освоения Севера, в том числе дальнего арктического Севера – нашего Заполярья. Россия не должна ни отворачиваться от Запада, ни поворачиваться лицом к Востоку, ее курс в XXI в. – Норд-Ост. Российское Заполярье прирастать будет технополисами и технопедиаполисами, и возможно, техноандрагополисами.

Как мы можем интегрировать проекты развития России и спасти ее от социального взрыва? Пока Россию ждет второе издание антибуржуазной Октябрьской революции. Лимит на революции в XXI веке. Сейчас народы мира ждут спасения от катастрофы постиндустриального общества. Они нуждаются в избавлении от свободного рынка, информационной эры, от свободной торговли. Здесь необходимо применить силу и политическую волю – вернуться средствами стратегического планирования к развитию сельского хозяйства и промышленности, улучшению качества образования и повышению жизненного уровня. Локомотивом такого глобального неоиндустриального развития в общее и безопасное будущее объединенного человечества может и должна стать Россия. Только такое будущее может стать безопасным для настоящего, в любом ином случае нас ждет «футурошок» – столкновение с будущим в его наиболее монструозном образе постиндустриализма, возврат в прошлое кастового феодального общества социального неравенства, насилия и войн.

Мы должны поставить вопрос об изменении взгляда на всю историю человечества и создании новой философии человечества. Для решения поставленных задач нам и необходима образовательная реформа как соединение природных богатств Родины с ее колоссальным интеллектуальным потенциалом, индустриальной мощью, высоким культурным, заданным генетически, потенциалом

нации. Сегодня современно, созвучно динамике Третьего тысячелетия звучат пророческие слова Ф. Достоевского о русском народе как народе несущем в себе Бога – «богоносце». Поэтому проблема образования есть проблема расширенного воспроизводства человечества как космического фактора, участвующего в активном преобразовании Земли и космоса. Проблема реформы образования есть единственно возможный путь к спасению человечества, его защиты от глобальных катастроф как экологических, техногенных, космических, политических так и социальных, и духовных. Образование как социальная технология – это и есть традиционный русский путь спасения народов Земли. Образование понимается нами как социальная практика «обработки человека человеком», в состав которого входит облагораживание души (Цицерон), формирование научного

мировоззрения как фундамента научных знаний и умений специалиста в сфере государственно-правового регулирования человеческих отношений. Образование длится всю жизнь и является адаптационным фактором социализации личности как условие эмансипации общества. Таким образом, общекультурная задача формирования российского интеллектуала III тысячелетия в поле русской культурной традиции позволяет соединить в едином фокусе все актуальные проблемы страны – «русскую идею», национальную доктрину, концепцию образования и решить проблему мирного сосуществования народов планеты.

Цивилизационное развитие необходимо. Отказ от него гарантирует развитие по модели Киргизского восстания, Таиландского противостояния, Греческого штурма на площади Синтагмы.

Ю.В. Чемякин

«ДРУГАЯ ПРЕССА» В СИСТЕМЕ РОССИЙСКИХ СМИ

Чемякин
Юрий Владимирович

кандидат политических наук, доцент факультета журналистики УрГУ, член-корреспондент МАДИ

E-mail:
chemyakin1977@
yandex.ru

Размышления над сущностью и границами понятия «корпоративная пресса», в конце концов, привели автора к выводу, что границы эти в реальности настолько размыты, что провести четкую грань между корпоративными и другими СМИ иногда очень сложно (или даже невозможно). Например, зачастую сложно отделить корпоративную прессу от прессы некоммерческих организаций, официальных (государственных и муниципальных) СМИ.

Конечно, в теории можно выделить разные критерии и провести границы между корпоративной и официальной прессой, корпоративными СМИ и

прессой общественных, религиозных организаций, изданиями разных партий... Конечно же, каждый из этих типов СМИ имеет свои функциональные, содержательно-тематические и иные особенности, особенности в плане подачи информации. И, разумеется, данные типы СМИ необходимо выделять, изучать важнейшие характеристики, тенденции развития каждого из них. И теоретикам журналистики в любом случае придется (и уже приходится) решать непростую проблему «проведения границ» между ними. А проблема эта, как уже было упомянуто, непростая.

При этом, несмотря на то, что упомянутые типы СМИ имеют достаточно много общего, до сих пор их было принято рассматривать и изучать отдельно друг от друга. В известных учебниках по журналистике, монографиях и статьях видных исследователей СМИ автор не встречал попыток объединить данные СМИ «под одной крышей», рассмотреть как особый род средств массовой информации¹.

Основной же задачей данной статьи является как раз выявить то общее, что есть между ними, те схожие признаки, которые роднят между собой данные типы СМИ (иными словами, объединяют в ОСОБЫЙ РОД прессы²) и, вместе с тем, отличают

от всех остальных средств массовой информации. Также автор попытался обозначить основные существенные, функциональные различия, которые есть между разными «семьями» упомянутого рода.

Итак, по нашему мнению, такие типы СМИ, как корпоративная, официальная пресса, пресса партий и других общественных, религиозных организаций, – все они составляют особый род средств массовой информации, который можно назвать «инструментальная пресса» или «другая пресса» (в отличие от «обычной», «традиционной» прессы).

«Инструментальной» мы называем такую прессу потому, что она служит ИНСТРУМЕНТОМ менеджмента, PR (или интегрированных маркетинговых коммуникаций), пропаганды. Такие СМИ априори, «по определению», не самостоятельны. Они могут быть более качественными или менее качественными, но в любом случае они лишь «рупоры», СРЕДСТВА в руках действительных субъектов влияния: конкретных организаций или личностей, которые с их помощью отстаивают свои интересы и ценности, продвигают те идеи, которые они считают правильными.

Среди «другой прессы», на наш взгляд, можно выделить следующие основные (наиболее значимые и распространенные в России) типы СМИ:

- Официальная пресса. То есть та, учредителями (или соучредителями) которой являются властные структуры, органы власти (исполнительной, законодательной или судебной; федерального, регионального или местного уровня). Официальную прессу можно разделить на государственную (учрежденную федеральными и региональными государственными структурами) и муниципальную (учрежденную органами местного самоуправления). Примеры федеральных государственных СМИ – телеканалы «Россия», «Культура», «Российская газета», региональных государственных СМИ – «Областная газета» (Свердловская область), «Южноуральская панорама» (Челябинская область), муниципальных СМИ – «Шадринский курьер» (газета администрации Шадринского района Курганской области).

Разновидностью официальной прессы (близкой по ряду признаков у следующему типу – корпоративным СМИ) можно признать издания отдельных государственных ведомств и учреждений, муниципальных структур (например, издания музеев, вузов и других учреждений культуры, образования). К

таким СМИ можно отнести, например, газету МЧС России «Спасатель», газету МВД «Щит и меч», издание железнодорожных войск РФ «Военный железнодорожник», газету Приволжско-Уральского военного округа «Уральские военные вести» и многие другие подобные издания³.

- Корпоративная пресса. Под корпоративным СМИ (КСМИ) мы понимаем издание, отражающее интересы какой-то конкретной корпорации, издающееся по ее инициативе, способствующее ее развитию, решению стоящих перед ней задач путем установления и поддержания контакта со значимыми для нее аудиторными группами. К корпоративной прессе относятся издания коммерческих компаний, предназначенные как для внутренней аудитории, например, газета корпорации «ДЭНАС МС» «На волне Дэнас. Местные события», так и для внешней аудитории: партнеров, потребителей, например, журнал «Купец+» объединения «Купец», журнал «КМ-review» компании «Комек Машинери»⁴), тем более что их принадлежность к данному типу СМИ ни у кого не вызывает сомнений.

- СМИ некоммерческих организаций. В России тысячи некоммерческих организаций (НКО) разного рода издают свои печатные СМИ: газеты, журналы, бюллетени, информационные листки... (или же имеют свои электронные СМИ в Интернете). Они информируют о деятельности этих организаций и помогают решать их основные задачи: просвещать, образовывать, воспитывать, способствовать развитию творческих способностей или пропагандировать определенные ценности, поведенческие установки (например, милосердие, взаимовыручка, социальная справедливость, борьба за свои права, забота об окружающей среде, отказ от вредных привычек и т.д.). В качестве примера такого рода СМИ приведем журнал Представительства Международного комитета Красного Креста в РФ «Перекресток», газету Свердловского регионального отделения Общероссийской общественной организации «ОПОРА России» «ОПОРА России», газету детско-юношеских клубов Орджоникидзевского района Екатеринбурга «Созвездие» «КлубОК»...

По нашему мнению, религиозные организации и политические партии (а это, согласно законодательству, виды некоммерческих организаций) среди всех НКО играют особо значимую роль в развитии общества. И их средства массовой информации также занимают особое место в системе СМИ,

некоторые из них обладают серьезным влиянием на многочисленную аудиторию. Поэтому мы считаем уместным выделить такие СМИ особо. Тем более что такое выделение уже произошло «само собой». В ходе развития прессы (и его теоретического осмысления) сложились такие значимые типы СМИ, как «партийная печать» и «конфессиональная пресса» (или «пресса религиозных организаций»).

- **Партийная пресса**, издаваемая разными политическими партиями, на протяжении многих десятилетий играла важную (а то и ключевую) роль в системе СМИ многих государств Европы, Азии, а также других стран. Известно, какое огромное значение придавали партийной прессе основоположники марксизма-ленинизма, и насколько влиятельна многочисленная коммунистическая пресса (поддерживавшаяся всей мощью государства) была в СССР, других государствах социалистического блока. И сейчас нечто подобное можно наблюдать в некоторых странах (Северная Корея, Китай). В современной России именно коммунистическую прессу (прежде всего, в лице газеты компартии РФ «Правда», имеющей тираж более ста тысяч экз.), можно признать наиболее успешной, стабильной и влиятельной среди всех партийных СМИ. Видимо, дело в огромном опыте, накопленном данной газетой с 1912 года, в сформировавшемся брэнде, открытой оппозиционности и последовательном отстаивании ценностей, близких для многих россиян. Издания других российских политических партий – это, как правило, не регулярно выходящие и мало влиятельные «боевые листки», не идущие ни в какое сравнение с «Правдой»⁵.

- **Конфессиональная пресса**. Среди конфессиональных СМИ современной России наиболее мощной и влиятельной можно признать прессу Православной церкви. Разветвленная система православных СМИ и включает в себя многочисленные общероссийские и региональные газеты и журналы, рассчитанные на различную аудиторию, а также электронные средства массовой информации. В качестве наиболее известных можно привести телеканал «Союз», журналы «Фома», «Славянка», «Нескучный сад». Распространяются в России и издания других традиционных религий, а также различных сект.

Все названные типы СМИ, несмотря на различия между ними, имеют схожие черты. Важнейшая из них – это их изначально зависи-

мая, «ангажированная» природа. И это их отличает от «обычных» средств массовой информации в современном понимании этого слова. Сейчас распространено мнение, что настоящие средства массовой информации – это более или менее независимые СМИ, стремящиеся к объективному, непредвзятому освещению событий (считается, что именно в таких СМИ присутствует настоящая ЖУРНАЛИСТИКА – та, которой учат на соответствующих факультетах). Правда, многие из средств массовой информации, позиционирующие себя таким образом, на деле являются чьими-то «рупорами». **Специфика «других СМИ» заключается в том, что они и не скрывают своей зависимой природы. В выходных данных таких газет и журналов все могут прочесть, что это издание определенной коммерческой компании, общественной, религиозной организации, или что их учредителем является тот или иной орган власти.** И в этом отношении «другие СМИ» поступают честно, они не вводят аудиторию в заблуждение.

«Инструментальная» природа «Других СМИ» определяет и специфику работы с информацией. Среди всех видов массово-информационной деятельности, к которым можно отнести журналистику, PR, рекламу и пропаганду, в «других СМИ» на первый план выходят PR, пропаганда, политическая реклама (открытая или завуалированная). Что же касается настоящих журналистских материалов (с их стремлением к объективности и отражению различных мнений), которые должны составлять основу содержания обычных СМИ, то в «других СМИ» их «удельный вес», как правило, значительно меньше. В некоторых же «других СМИ» журналистские материалы отсутствуют совсем.

Соответственно, **есть различия и в важнейших функциях «традиционной» и «другой» прессы.** Если для первой ключевой функцией обычно является информационная, то для второй зачастую главными становятся такие функции, как образовательно-просветительская, идеологическая (пропаганда определенных ценностей и идей), организационно-агитационная, воспитательная, интеграционная и т.д. Оперативное распространение важной информации, являющееся приоритетной задачей «традиционных» СМИ, в «других СМИ» в качестве таковой зачастую не рассматривается, а информация распространяется обычно та (и в такой форме), которая выгодна для организацион-

учредителя (или, по крайней мере, не противоречит ее интересам).

Конечно, для одних типов и подтипов «инструментальных СМИ» более характерны одни функции, для других – другие. Так, например, для партийной и внутрикорпоративной прессы приоритетными являются идеологическая и организационно-агитационная, а также интеграционная функции. Схожая ситуация и с конфессиональной прессой, правда, для нее большое значение обычно также имеют образовательно-просветительская и воспитательная функции (свойственные для многих изданий НКО). Для многих изданий детских клубов, объединений (а также лицеев, школ) важнейшими функциями являются функции творческой самореализации личности, развития творческих способностей. Но, подчеркнем, по нашему мнению, имиджевая функция (формирования положительного имиджа организации-учредителя), так или иначе, присуща всем «инструментальным» СМИ.

Означает ли изначально зависимая природа «инструментальных СМИ» их второсортность по отношению к «традиционной» прессе? По нашему мнению, нет. Они – именно ДРУГИЕ, особые. И они тоже способны выполнять (как было уже указано) и выполняют важные для общества функции.

1. При этом необходимо отметить, что петербургский исследователь А.Д. Кривоносов уже проводит выделение упомянутых СМИ в особый род средств массовой информации, называемый им «иные СМИ» (в противоположность «традиционным»).

2. Термином «пресса» автор (вслед за некоторыми другими исследователями журналистики) считает возможным обозначать любые СМИ (не только печатные), хотя в данной статье рассматриваются преимущественно печатные издания.

3. Еще раз подчеркнем, что граница между официальной и корпоративной прессой бывает весьма размыта (так же, как между корпоративной прессой и прессой некоммерческих организаций), никто из исследователей пока не смог провести четких и достаточно обоснованных границ между этими типами СМИ.

4. Все названные корпоративные СМИ издаются в Екатеринбурге.

5. Правда, все политические партии имеют свои сайты в Интернете, которые тоже можно считать партийными СМИ.

А.Д. Трахтенберг

«КОМПЬЮТЕРЫ НА РОССИЮ КАК УШАТ ВОДЫ ВЫЛИЛИ»: ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ГЛАЗАМИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Трахтенберг
Анна Давидовна

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, член-корреспондент МАДИ,

точно полная и подробная информация о том, как колеблется по социально-демографическим группам уровень проникновения сотовой связи, каково число персональных компьютеров на 100 домохозяйств и доля пользователей Интернета, выходящих в сеть не реже одного раза в неделю, то качественные аспекты освоения этих технологических устройств исследованы сравнительно слабо.

С целью в какой-то мере заполнить данный пробел в 2008 – 2009 гг. в Свердловской области была проведена серия фокус-групп, направленных на изучение как наличного дискурса непосредственного восприятия уже имеющихся информационно-коммуникационных технологий, так и идеологического дискурса, вписывающего информационно-коммуникационные технологии в имеющиеся в рамках обыденного сознания представления об обществе.

Происходящее в настоящее время в России информационная революция привела к массовому распространению новых коммуникационных технологий: сотовой связи, компьютеров и Интернета. Если количественные аспекты данных процессов постоянно изучаются, так что существует доста-

В 2009 г. серия фокус-групп состоялась в г. Полевском Свердловской области. Выбор этого города в качестве объекта для исследования был обусловлен следующими факторами:

А) Город Полевской можно рассматривать в качестве типичного малого промышленного города Свердловской области. В нем имеется градообразующее предприятие «Северский трубный завод» (входит в состав ОАО «Трубная металлургическая компания»; это крупнейший российский производитель труб, который входит в тройку лидеров мирового трубного бизнеса). Как градообразующее предприятие, Северский трубный завод обеспечивает работой более одиннадцати тысяч человек из 72,2 тысяч жителей Полевского городского округа.

Б) Город Полевской – один из старейших населенных пунктов Свердловской области. Современный город представляет собой объединение рабочих поселков Полевской и Северский, основанных соответственно в 1723 г. (Полевской медеплавильный завод) и в 1735 г. (Северский железоделательный завод). Объединение произошло в 1942 году, тогда же Полевской получил статус города. Северная часть города (бывший пос. Северский) до сих пор сохраняет традиционную структуру уральского горнопромышленного поселения, сочетающего черты городского и деревенского образа жизни.

В) Город Полевской находится в 40 километрах от Екатеринбурга, являющегося финансовым и экономическим центром не только Свердловской области, но и всего Уральского федерального округа. Традиционно выпускники школ г. Полевской получали высшее образование в Екатеринбурге, а в постсоветскую эпоху весьма распространенной становится занятость в Екатеринбурге при продолжающемся проживании в Полевском.

Поэтому процессы информационной революции и адаптации информационно-коммуникационных технологий в Полевском происходят, с одной стороны, под влиянием соседнего мегаполиса, хотя и с некоторым, вполне объяснимым отставанием, а с другой – под воздействием типичных для малого города традиционных структур коммуникации. Это порождает заметно более сильные, чем в мегаполисе, межпоколенческие разрывы, а также ряд специфических способов освоения информационно-коммуникационных технологий, нетипичных для мегаполиса.

В ходе фокус-групп проводилась сравнительная оценка дискурсов непосредственного восприятия пользователями не только компьютера и Интернета, но и мобильной связи (с учетом того, что данные технологические объекты начали осваиваться пользователями практически параллельно). В данной статье будут подробно рассмотрены особенности восприятия информационно-коммуникационных технологий пожилыми людьми², которые по принятой классификации относятся к «информационно бедным».

В Свердловской области в целом и в г. Полевской в частности уровень проникновения сотовой связи превышает 100%, по данному параметру информационная бедность практически отсутствует. Однако до появления сотовой связи уровень телефонизации в г. Полевской не превышал 20% (в поселке Северском, по словам участников серии фокус-групп, собственный стационарный телефон в советские времена был исключительной редкостью). Оказалось, что если примерно половина пожилых людей – участников фокус-группы охотно и активно используют мобильную связь для поддержания внутрисемейной коммуникации, отмечая при этом, что далеко не сразу оценили пользу и удобство нового устройства. Главным преимуществом мобильной связи пожилые участники фокус-группы № 3 считают возможность разговаривать «везде»:

«У меня есть телефон, внучата подарили. Это очень удобная вещь, более чем удобная. Первое время, конечно, привыкали, а сейчас запросто разговариваем. Можно хоть куда его с собой взять: хоть дома, хоть в сад, хоть в лесу, и без границ. Можно звонить на край света!».

Характерно, что от перечисления конкретных локусов, откуда можно выйти на связь (дом, сад, лес), участник фокус-группы переходит к метафорическому «краю света», и более того – использует выражение «без границ». Можно говорить о том, что в данном возрастном сегменте освоение мобильной связи создает тот же эффект «уничтожения пространства», который в младших возрастных сегментах порождает освоения Интернета.

Однако эффект «уничтожения пространства» вовсе не обязательно воспринимается однозначно позитивно. Не случайно часть участников фокус-группы № 3 декларировала свое нежелание пользоваться мобильным телефоном, причем подводила под это нежелание «идеологическую базу». Жители

малого города старшего возраста были недовольны тем, что мобильные телефоны разрушают привычную структуру внутригрупповой коммуникации, сводя ее к простому «обмену информацией», то есть лишая ритуальной составляющей, поддерживающей единство микрогруппы.

«Из-за сотовых люди в гости перестали ходить. Раньше думаешь: дай-ка пойду, внезапно придешь, узнаешь информацию, чаю выпьешь, или к тебе придут. А тут минуты полторы – две и всю информацию узнал! [Сотовый телефон] преждевременный в нашем обществе».

Неявно участники фокус-группы исходят из того, что технически-опосредованная коммуникация вообще не должна иметь личностной составляющей, и осуществляться только «по работе». Участники фокус-группы не могли принять «избыточности» мобильной коммуникации, поскольку привыкли существовать в условиях имевшегося в советские времена острого «телефонного дефицита», который выражался не просто в низком уровне проникновения телефонной связи, но и в том, что личный стационарный телефон был признаком принадлежности к местной элите и не доступен большей части населения. Общение по рабочему телефону достаточно жестко контролировалось как внешним надзором, так и соответствующими этикетными нормами, согласно которым длительное время говорить по рабочему телефону о личных делах было «неприлично». Отсюда впечатление, что молодые люди, общаясь по мобильному телефону, «несут чушь» и «рассказывают небылицы». В результате мобильная связь вписывается в традиционный дискурс «молодежной испорченности», во многом сохраняющий советские черты:

– *Недавно ехала из Екатеринбурга, и два человека какой только бред не несли. Если бы это выстроить в конспект, что он отвечает, это было на грани шизофрении – дебилизм неярко выраженной формы. И кто-то сидит так, кто-то расселся этак. Или девочка молодая – у нее телефон как носовой платок в сумке, а какую ахинею несут!*

– *Этот зависит от человека.*

– *У тех, кому четырнадцать – пятнадцать лет, это вообще... Юбку задрала, трусы наружу выставила и начала чушь нести!...*

Отсюда же требования обучать молодежь правильному пользованию сотовым телефоном и жа-

лобы на то, что сотовый телефон заменил формы культурного проведения досуга:

– *Сотовые умеют по-умному помогать, но мы не умеем пользоваться. Пусть будет, но чтобы была культура пользования телефоном. Тогда и я возьму, а пока внук передаривает друзьям...*

– *Надо, чтобы все грамотно было – по работе, если необходимость срочно позвонить, а не то, что я иду, и давай тревожить знакомых, рассказывать небылицы.*

– *Надо, чтобы учителя учили, как вести себя в обществе, и с телефоном тоже.*

– *Беда в том, что у молодежи отобрали Дома культуры. Весь спорт, весь досуг бесплатный. Поэтому прилипли к трубкам.*

Характерно, что примеры правильного использования мобильной связи участники фокус-группы черпают из телевизионных сериалов, причем правильное использование предполагает использование должностными лицами в государственных интересах:

– *А ведь можно использовать и по умному. Вот в сериале «След»: чуть что, распечаточка – кто звонил, куда, кому, и юристам и следователям ничего делать не надо, насколько полезную информацию дает. В «Следе» это так красиво преподносится!*

– *Это в сериале. А в жизни третий месяц не могут найти боевиков в Ингушетии!*

Отношение пожилых людей к компьютерам и Интернету почти целиком находится в сфере социальной мифологии и идеологических штампов. Это вполне объяснимо, учитывая, что у большинства участников фокус-группы личный опыт взаимодействия с компьютером либо вообще отсутствует, либо является крайне незначительным. Компьютеры и Интернет осмыслились пожилыми людьми в привычном им с советских времен дискурсе научно-технического прогресса, при этом они применяли разнообразные дискурсивные стратегии для того, чтобы снизить социальную значимость новой информационно коммуникационной технологии.

«Людей пенсионного возраста эта игрушка с мышкой начинает просто раздражать, и у нас нет потребности пользоваться этой инновацией... Блог, не блог или как называется. Мы не потому не хотим пользоваться, что нет средств купить прибор или сделать его средством общения, а по-

тому что нет потребности. И это не говорит о нашей ограниченности!».

«Я понимаю, что это прогресс, это современно. Но прислушиваясь к зарубежным товарищам, которые говорят, что компьютер тоже будет пройденным этапом технологического прогресса».

«Я компьютер не отрицаю, а не покупаю, потому что потребности нет. И объясняется это не тем, что нам за семьдесят или шестьдесят, а потому что есть ценз какой-то, есть чувство, что это тоже проходящее...».

Презрительное определение компьютера как «игрушки с мышкой», несколько раз повторявшееся в ходе фокус-группы, явно выглядит защитной реакцией, как и противоречащее реальности утверждение, что компьютер является пройденным этапом научно-технического прогресса. Когда один из участников попытался соединить прогрессистскую риторику с характерной для Интернета риторикой «исчезновения пространства», это сразу же вызвало решительный отпор и породило дискуссию:

Одновременно участники фокус-группы использовали сформированную еще в 60-е годы мифологии о том, что искусственный разум постепенно вытеснит людей из производства и других сфер жизни.

– Компьютер всегда говорит только «да», а человек может сказать «нет». С компьютером думать не будешь!

– Чтобы компьютер не превратил человека в автомат...

– Мне не охота в это верить, хотелось бы ошибиться, но со временем компьютер будет вытеснять человека. Возьмите ту же математику: в наше время за логарифмическую линейку ругали, говорили – надо, чтобы мозги развивались без подсказок. А электроника вытеснила и лодырем делает человека.

– Или письмо сочинить, это природное, естественное, или по Интернету... Или вот даже опрос делали общественного мнения. Сделали диктант членам правительства. Семьдесят три процента написали на двойку и каракули ужасные. Это все электроника, они не виноваты в этом – их сделали умственными лентяями!

– Я согласна, что Интернет к лени ума приводит.

Фактически участники фокус-группы № 3 воспроизводили дискурсивные комплексы 60-х – 70-х

годов, связанные с оппозицией «человек – робот». Как отмечает Ш. Таркл, именно на этом, самом раннем этапе освоения информационных технологий имеет место романтическая реакция на понятие «почти что живой машины»: «Людам даруется священное пространство, которое служит основой их человеческой уникальности. Люди являются чем-то особенным, потому что у них есть чувства и потому что их нельзя запрограммировать»³. Соответственно, главная опасность компьютеров и Интернета состоит в том, что люди «отучаются думать», а точнее – утрачивают традиционные социальные навыки получения информации.

В результате участники фокус-группы пришли к выводу, что компьютеры и Интернет оказывают на общество негативное влияние, и даже высказали мнение о преждевременности массовой компьютеризации в России.

– Компьютеры обедняют жизнь. Для молодежи компьютеры – единственный источник информации. Перестал существовать семейный совет, перестала существовать школа, существует только эта новация, а она на кнопке и на мышке основана.

– Их на Россию как ушат воды вылили!

В целом полученные результаты свидетельствуют о том, социальная адаптация новых информационно-коммуникационных технологий в малом городе идет не только с разной скоростью, но и в разных качественных формах, и порождает разнообразие дискурсивных практик, как прагматических, так и идеологических и мифологических.

1. Работа выполнена в рамках гранта РГНФ 09-03-83320a/У «Отношение жителей малых и средних городов к новым информационным технологиям (на примере Свердловской области)».

2. В фокус-группе с участием пожилых жителей в г. Полеской приняли участие девять человек: пять женщин и четверо мужчин в возрасте старше 55 лет. Два участника имели среднее образование, трое – среднее специальное, четверо – высшее. Ни один из участников фокус-группы не умел пользоваться компьютером. Домашний компьютер имелся у двух участников (проживающих вместе с детьми), у одного участника он был подключен к Интернету. В то же время, как показал ход фокус-группы, участники активно пользуются традиционными СМИ, прежде всего электронными: в ходе обсуждения они неоднократно в подтверждение своих мыслей приводили примеры из информационных программ и телесериалов. Сотовые телефоны имелись у семи человек из девяти.

3. Turkle Sh. Life on the Screen. Identity in the Age of the Internet. N.Y.: Symon & Schuster, 1995. P. 84.

ПЕРЕХОД К ЭЛЕКТРОННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ В РОССИИ: НАСКОЛЬКО ГОТОВЫ К НЕМУ ГРАЖДАНЕ?

Дьякова
Елена Григорьевна

доктор политических наук, член Общественной палаты РФ, ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, академик МАДИ

Мировая практика развития «электронного правительства» знает три основные модели его развития:

1. Под давлением бизнеса, который осваивает новые формы предоставления услуг и приучает к ним граждан, возникает общественный запрос на получение аналогичных услуг от органов государственной власти. В этом случае электронное государство развивается «снизу вверх», и, в частности, сайты муниципальных органов власти появляются раньше, чем сайты региональных органов власти. Эта модель характерна, например, для США (с учетом очень активной роли, которую играло в переходе к информатизации федеральное правительство). Не случайно государственная политика в сфере информатизация в США строится путем переноса методов и механизмов, отработанных в сфере бизнес-коммуникаций, в сферу государственных услуг.

2. Электронное правительство внедряется в силу стремления соответствовать международным стандартам и нормам оказания государственных услуг (так называемый «институциональный изоморфизм»). Такая модель характерна для ряда развивающихся стран. Например, в 2001 году в Колумбии в соответствии с президентской директивой всем федеральным органам власти было предписано создать собственные сайты и сформирован специальный орган, отвечающий

за решение данной задачи. К 2002 г. она была успешно решена. С учетом того, что к этому моменту имели доступ к Интернету 2% жителей Колумбии, говорить о наличии общественного запроса на сайты органов власти не приходится. Предполагается, что опережающее развитие «электронного правительства» способствует повышению компьютерной грамотности граждан и вовлечению их в процессы «электронного участия», однако пока это предположение не получило практического подтверждения.

Не все случаи развития по данной модели носят такой анекдотический характер, как в Колумбии. Например, в Сингапуре была сделана сознательная ставка для создания среды наибольшего благоприятствования для бизнеса с использованием электронных услуг, которая была успешно решена.

3. Для решения собственных проблем государственного управления в рамках административной реформы. В этом случае запрос на «электронное правительство» носит внутренний характер. Такая модель характерна, например, для Китая, где с 1999 года реализуется проект «Правительство он-лайн». В основе китайского подхода лежит унификация стандартов и формирование системы государственных информационных ресурсов с целью повышения качества государственного управления, четкого распределения функций между уровнями власти и ускорения принятия управленческих решений. Электронное правительство рассматривается как форма ужесточения контроля за нижестоящими органами власти (очень остро стоящая в Китае проблема). Сайты органов власти всех уровней также выполняют функции обратной связи и контрольные функции, позволяя гражданам сигнализировать представителям власти о тех или иных недостатках, что непосредственно отражено в их структуре¹.

Пока российская модель развития электронного правительства ближе всего к китайской. Запрос

на его развитие также во многом носит внутренний характер, что накладывает соответствующий отпечаток на законодательную базу. В ее основе лежит «Стратегия развития информационного общества в России»². Согласно Стратегии, к 2015 году 100% государственных услуг должны оказываться не только в привычном, но и в электронном формате.

В мае 2008 г. распоряжением Правительства РФ № 623-р была одобрена «Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года», конкретизирующая соответствующие положения «Стратегии развития информационного общества в России». Понятие «электронное правительство» в Концепции было определено как «новая форма организации деятельности органов государственной власти, обеспечивающая за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень оперативности и удобства получения гражданами и организациями государственных услуг и информации о результатах деятельности государственных органов»³.

В феврале 2009 г. был принят Федеральный закон № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Этот закон впервые законодательно определил основные способы доступа к информации о деятельности органов государственной и муниципальной власти, включая доступ в электронном формате и закрепил состав информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, размещаемой в сети Интернет (иными словами, законодательно закреплён статус официальных сайтов органов власти как инструмента взаимодействия с населением).

В октябре 2009 г. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 октября 2009 г. № 1555-р утвержден «План перехода федеральных органов исполнительной власти на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде». В План включены 73 базовые государственные услуги, которые к 2015 году планируется перевести в электронный вид.

В Плате предусмотрено пять основных стадий перехода к электронному правительству.

Рис. 1. Основные этапы перехода к предоставлению государственных услуг в электронном виде⁴.

V этап: обеспечение возможности получения результатов предоставления государственных услуг электронном виде на едином портале государственных и муниципальных услуг
IV этап: обеспечение возможности осуществлять мониторинг хода предоставления государственной услуги
III этап: обеспечение возможности представлять документы в электронном виде с использованием единого портала государственных и муниципальных услуг
II этап : размещение на едином портале государственных и муниципальных услуг форм документов, необходимых для и обеспечение доступа к ним для копирования и заполнения в электронном виде
I этап: размещение информации о государственной услуге на едином портале государственных и муниципальных услуг

Следует подчеркнуть, что переход на пятую стадию не является завершением работ по формированию электронного правительства. В настоящее время в Европейском Союзе в рамках программы «i2010»⁵ поставлена задача перехода на новую стадию – персонализированных государственных услуг. На этой стадии государство не ждет, пока гражданин обратится к нему с запросом, а предупреждает его заранее, что такое обращение потребуется, или предоставляет ему услугу автоматически, ориентируясь на его текущий статус. Точно также на данной стадии не гражданин вносит необходимую информацию о себе в документы, а это делают государственные чиновники, опираясь на существующие базы данных и, разумеется, в той мере, в какой это разрешено законом⁶.

Однако перед российскими органами власти пока стоят более скромные цели. Для того, чтобы их достигнуть цели, необходимо решить целый комплекс проблем, не только технологических и юридических, но и социальных. Успехи в сфере перехода к электронному правительству не сводятся только к тому, насколько органы власти

используют в своей работе информационно-коммуникационные технологии. Не менее важно, насколько новые электронные услуги востребованы гражданами.

Как показывает мировой опыт, подход «дайте им и они возьмут» не работает нигде, в том числе и в сфере «электронного правительства». В мире можно найти множество примеров дорогостоящих проектов в сфере электронного правительства, которые не сработали, потому что оказались невостребованными гражданами, поскольку не соответствовали их потребностям, существующему уровню компьютерной грамотности и уровню административной компетентности.

На первый взгляд может показаться, что с готовностью граждан к электронному правительству все обстоит благополучно. Например, по данным исследования, проведенного ведущим российским исследовательским центром в сфере социологических исследований в Интернете «Online Market Intelligence» (ОМИ), у 90% опрошенных имеется необходимость общаться с властью с помощью Интернета. 34% респондентов пытались добиться обратной связи от органов власти, обращаясь на их сайты, и 58% из них оказались хотя бы отчасти удовлетворены результатом. Вроде бы результаты неплохие, однако следует учесть, что «Online Market Intelligence» работает только с теми, кто уже является пользователем Интернета. Более того – в данном опросе приняли участие 510 жителей городов-миллионников со средним возрастом – 35 лет, то есть представители «информационно богатых». Между тем государственные услуги нужны ВСЕМ: не только «информационно богатым», но и «информационно зажиточным», а особенно – «информационно бедным», у которых с доступом в Интернет и навыками компьютерной грамотности дела обстоят очень плохо. Именно потому, что государственные услуги оказываются всем, при формировании электронного правительства нельзя замыкаться на сегменте наиболее продвинутых пользователей.

Можно выделить три основных проблемы, связанные с предоставлением гражданам государственных услуг в электронном виде:

1. Низкий уровень информированности граждан о таких услугах. Граждане могут даже не догадываться, что та или иная услуга может вполне успешно быть получена в электронном виде.

Поэтому при переходе к электронному правительству необходима кампания социальной рекламы, направленная на разъяснение его преимуществ. И речь идет не только и не столько о телевизионных роликах (с которыми у нас в первую очередь ассоциируется реклама), сколько о буклетах с инструкциями для пользователей, разъяснениях в местных СМИ и другие формы донесения до широких слоев граждан информации о новых услугах.

Необходимо и целенаправленно формировать позитивное отношение граждан к самой идее электронного правительства. Как показала серия фокус-групп, проведенных в 2007 – 2009 гг. в регионах Уральского федерального округа, в этой сфере наметилась значительная положительная динамика. Если в ходе исследовательского цикла 2008 года связать электронное правительство с предоставлением государственных услуг в режиме он-лайн сумел только один участник серии фокус-групп, то в 2009 году таких участников было двадцать (40% от общего числа участников). В то же время значительная часть граждан по-прежнему ассоциирует электронное правительство с различными формами закрытых Интернет-сообществ, что вызывает у них скорее негативное отношение. Имеются и те, для кого электронное правительство выступает как инструмент тотального контроля за гражданами с помощью информационно-коммуникационных технологий. Поэтому необходима дополнительная пропагандистская работа, направленная на разъяснение гражданам сути электронного правительства и демонстрация его преимуществ на конкретных примерах.

2. Низкий уровень компьютерной грамотности. Как показывают исследование, проводимые нами в Уральском федеральном округе с 2007 года, обучение работе на компьютере и в Интернете пока в основном предоставляет собой стихийный процесс и осуществляется методом «проб и ошибок» (или, как выражаются участники исследований «методом тыка») и, в лучшем случае, методом «показа и примера». В таких условиях граждане осваивают только такие операции, которые считают необходимыми на текущий момент, и могут оказаться неподготовленными к взаимодействию с сайтами органов власти в электронной форме. При переходе к электронному правительству следует учитывать текущий уровень компьютерной грамотности.

Например, граждане умеют пользоваться Microsoft Word, значит, документы для скачивания следует размещать прежде всего в этом формате, а не в Acrobat Reader и других форматах, которые предпочитают разработчики сайтов органов власти.

Не менее важно учитывать и «инфраструктурные возможности» граждан: надо помнить, что далеко не все используют самые современные информационно-коммуникационные технологии. Например, любимые разработчиками некоторых официальных сайтов мультимедийные заставки создают проблемы для тех, кто не имеет широкополосного доступа («тяжелые и долго грузятся», по словам наших респондентов). Следовательно, должна быть предусмотрена возможность зайти на официальный сайт или портал, не загружая мультимедийную заставку. О том, что вопрос адаптации сайтов к запросам людей с ограниченными возможностями у нас пока даже не ставится, мы говорить не будем. Хотя разработанный на международном уровне «Стандарт доступности веб-контента» [«Web Content Accessibility 2»] не представляет из себя ничего сверхъестественного, и требует в первую очередь дублировать в текстовом формате содержание любых аудио и видеофайлов и делать этот формат четким и легко увеличиваемым (с учетом интересов слабовидящих)⁷.

Описанные проблемы связаны с гражданами, у которых есть минимальные навыки пользования компьютером и доступ в Интернет. Переход к оказанию государственных остро ставит еще и проблему обучения основам компьютерной грамотности тех, кто по тем или иным причинам выпал из стихийного процесса овладения информационными технологиями. Прежде всего это пожилые люди. Данная тенденция является общемировой: проблема включения пенсионеров в сферу действия электронного правительства стоит в США, и в Европейском Союзе. В ЕЭС ее решением занимается общественная организация – фонд «Европейские компьютерные права», которыми разработаны специальные программы для обучения пенсионеров по ланкастерской системе, зарекомендовавшей себя еще во время массовой ликвидации безграмотности. Пионером во внедрении этого опыта в нашей стране стал Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, где с 2006 года реализуется программа «Электронный гражданин». Но проблему обучения пенсионеров надо решать на общегосударственном уровне, иначе они

окажутся в «информационном гетто», а электронные государственные заслуги в сфере социальной защиты граждан будут невостребованными.

Отметим, что и эту задачу целесообразно решать на инфраструктурном уровне. В мире разработана специальные конфигурации компьютеров для пенсионеров с учетом особенностей пожилых людей. Например, выпускаемый в Великобритании компьютер «SimplicITy» имеет упрощенное меню и всего шесть кнопок для осуществления быстрого доступа, в частности к электронной почте и чату. Кроме того, в компьютере есть 17 обучающих видеороликов, помогающие преодолеть страх перед новой технологий⁸.

Кроме пожилых людей необходимо обратить внимание на лиц, занятых физическим трудом. Они тоже испытывают значительные сложности при освоении информационно-коммуникационных технологий (в первую очередь в силу того, что компьютер сильно отличается от привычных им механизмов), но при этом являются владельцами автомобилей, квартир, земельных участков, то есть нуждаются в электронных государственных услугах по регистрации, техническому осмотру, оценке и т.п.

3. Низкий уровень административной компетентности. Это, собственно, не проблема граждан – они и не обязаны разбираться в тонкостях административной структуры. К сожалению, пока отечественные сайты органов власти устроены таким образом, что для пользования ими необходимо в таких тонкостях разбираться.

В результате получается, что зачастую исходящая от государства и размещенная на сайтах информация просто не понятна гражданам. Это касается не только юридических документов (человек без специального образования практически не в состоянии понять текст закона без дополнительных разъяснений), но и информации о деятельности органов власти, советов и рекомендаций по обращению в эти органы. Проблема эта общемировая: по американским данным для понимания содержания официальных сайтов органов власти требуется образование на уровне 12+, в то время как около половины населения США имеют образование не выше 8+⁹. Официальные сайты отечественных ОГВ также предполагают высокий образовательный уровень, который имеют далеко не все граждане, нуждающиеся в государственных услугах.

Между тем именно официальный сайт или портал органов власти в глазах граждан воплощает суть электронного правительства. В отличие от коммерческих сайтов или порталов он рассчитан не на определенный сегмент потребителей, а на ВСЕХ ГРАЖДАН, вне зависимости от уровня их административной компетентности и уровня образования.

Кроме требований к содержанию, официальные сайты предъявляют особые требования к удобству пользования («usability»). К сожалению, при разработке отечественных сайтов вопросы юзабилити практически не учитываются, несмотря на то, что в мире накоплен значительный опыт повышения удобства пользования Интернет-сайтами, основанный на социологических и психологических исследованиях.

Приведем один пример: в октябре 2009 г. в Центральном федеральном округе по заказу Комиссии при полномочном представителе Президента Российской Федерации в ЦФО по развитию информационного общества Высшая школа Интернет провела аудит около 40 интернет проектов органов государственной и муниципальной власти округа. Вот некоторые результаты:

- 67% изученных государственных ресурсов оказались вне зоны поисковой видимости по ключевым запросам.
- Текстовое содержание 80% сайтов нуждается в оптимизации и упрощении.
- Структура 95% нуждается в направленной работе по повышению юзабилити (реинжиниринге).
- 48% проектов имеют проблемы с системой внутреннего поиска.
- Дизайн 30 % проектов является памятником Рунета стиль ВЕБ 00¹⁰.

Между тем доказано, что удобство пользования сайтом повышает уровень доверия к нему, и тем самым – уровень доверия соответствующим органам власти. Если электронные услуги предоставляются в неудобном для граждан виде, их приходится долго искать, документы с трудом загружаются и т.п., это дискредитирует саму идею перехода к электронному правительству.

Исследования показали еще одну очень важную особенность восприятия гражданами электронного правительства. Граждане считают, что в электронный вид надо переводить не просто услуги, но всю систему взаимодействия представителей

органов власти и граждан в интерактивном режиме. Участники жаловались, что при обращении по электронной почте в органы власти зачастую получают в ответ «отписки» и высказали мнение, что данную сферу следует урегулировать законодательно. Учитывая важность, которую граждане придают взаимодействию с органами власти в электронном виде, развитие системы такого взаимодействия было бы целесообразно включить в региональный план перехода к «электронному правительству».

Сошлемся на китайский опыт. На сайте администрации региона Хайнань www.hainan.gov.cn имеется специальный раздел, где граждане могут заявить о своих проблемах, пожаловаться на чиновника и т.п. Разработана система эмотиконов, которая сразу позволяет увидеть, о чем идет речь: жалобе, вскрытии недостатков или предложениях по совершенствованию государственного управления. Думается, этот опыт представляет интерес и для отечественных разработчиков официальных сайтов.

Пока же интерактивная составляющая на сайтах органов власти развита явно недостаточно. Не хватает электронных форумов, тематических дискуссий и других площадок, где граждане могли бы взаимодействовать с властью. В качестве позитивного примера сошлемся на официальный веб-сайт органов власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, где уже несколько лет работает «Дискуссионный клуб» и ведутся обсуждения самых актуальных проблем округа. Но это скорее исключение, чем общее правило.

В целом успешный переход к электронному правительству требует обязательного учета «точки зрения гражданина», которому предстоит пользоваться предоставляемыми услугами и обязательной обратной связи с пользователями услуг с целью их дальнейшего совершенствования. Поэтому необходимо постоянное взаимодействие органов власти с институтами гражданского общества с целью общественного обсуждения и общественной экспертизы предлагаемых решений.

1. См., напр: Jiang M., Xu H. Exploring Online Structures on Chinese Government Portals: Citizen Political Participation and Government Legitimation // Social Science Computer Review. 2009. V. 27. Pp. 174 – 195.

2. Утверждена распоряжением Президента РФ № Пр-212 07 февраля 2008 г.

3. Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года. [Электронный документ]. Режим доступа: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/egovconc.pdf>. Проверено

15.11.09.

4. См. План перехода федеральных органов исполнительной власти на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде. [Электронный документ]. Режим доступа: http://pravo.fso.gov.ru/cms/per_uori/per_uori/acts/1002_0.html. Проверено 15.11.09.

5. «i» в данном случае означает «inclusion» – максимальное включение граждан в сферу электронного правительства.

6. European Commission Directorate General for Information Society & Media. The User Challenge: Benchmarking the Supply of Online Public Services. 7th Measurement. September 2007. [Электронный документ]. Рр. 10 – 11. Проверено 15.11.09. Режим доступа: http://ec.europa.eu/information_society/eeurope/i2010/docs/benchmarking/egov_benchmark_2007.pdf.

7. См., напр., Web Content Accessibility 2 at a Glance. [Электронный документ]. Режим доступа: <http://www.w3.org/WAI/WCAG20/glance/>. Проверено 15.11.09.

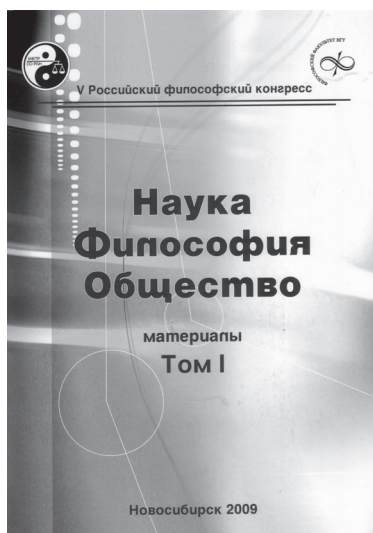
8. SimpliCTy - простой компьютер для пожилых пользова-

телей // Новостная служба Ferra, 12.11.09. [Электронный документ]. Режим доступа: <http://news.ferra.ru/hard/2009/11/12/92641/>. Проверено 15.11.09. Стоимость SimpliCTy 100 составляет 436 фунтов стерлингов (около \$726), а SimpliCTy 200 - 526 фунтов стерлингов (около \$876). Каждый компьютер выпускается отдельно на заказ, пользователь получает его через две недели после оформления заказа. Подробнее см.: http://www.discount-age.co.uk/simplicity_computers/.

9. См. West D.M. State and Federal Electronic Government in the United States, 2008 // Governance Studies in Brookings. 2009. [Электронный документ]. Режим доступа: http://www.brookings.edu/~media/Files/rc/reports/2008/0826_egovernment_west/0826_egovernment_west.pdf. Проверено 15.11.09.

10. По нашему запросу информация была любезно предоставлена ответственным секретарем Комиссии при полномочном представителе Президента Российской Федерации в ЦФО по развитию информационного общества, директором Высшей школы Интернет С.А. Юркевичем 25.10.09.

V РОССИЙСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС (НОВОСИБИРСК, АВГУСТ, 2009)

V Российский философский конгресс «НАУКА. ФИЛОСОФИЯ. ОБЩЕСТВО» проходил в г. Новосибирске. Новосибирский университет принимал в Академгородке участников и гостей конгресса. Его работа велась в рамках 29 секций, 11 Круглых столов. Екатеринбургские философы приняли активное участие в работе конгресса: Б.В.Емельянов, В.О.Лобовиков, О.В.Коркунова, С.Н.Некрасов, О.Ф. Русакова, В.М.Русаков, Д.В.Анкин и другие – подготовили для конгресса 57 докладов. Кроме того, д.полит.н., проф. О.Ф.Русакова (член Оргкомитета) была сопредседателем секции «Философия политики», д.ф.н., проф. Б.В.Емельянов – сопредседателем секции «История русской философии»,

на заключительном заседании они доложили итоги работы. Д.ф.н., проф. В.О.Лобовиков – был сопредседателем секции «Этика», д.ф.н. Д.В.Анкин – сопредседателем секции «Теория познания», д.ф.н., проф. В.М.Русаков – сопредседателем секции «Философская антропология и аксиология». Д.ф.н., проф. О.В.Коркунова – сделала доклад на секции «Философская антропология и аксиология». Профессор Русакова представила участникам конгресса очередной, 8-й номер альманаха «Дискурс-Пи» и рассказала о работе Международной академии дискурс-исследований. Издатели и редакторы российских философских журналов провели презентации своих изданий («Кредо», «Глобалистика»)… «Философскую газету» представил В.Шаракшанэ.

Свой новый журнал, посвященный проблема глобалистики, представил первый вице-президент РФО, проф. А.Н.Чумаков.

Главный редактор, академик РАН В.А.Лекторский рассказал о перспективах развития журнала «Вопросы философии». Проф. Н.З.Ярошук рассказал о планах редколлегии журнала «Вестник РФО». Тезисы докладов всех участников конгресса были изданы в 3-х томах общим объемом 148,5 печатных листов.

На заключительном заседании были избраны руководящие органы РФО и принято решение о проведении следующего, VI Российского конгресса в г. Нижний Новгород.

**ЧЕТВЕРТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ДИСКУРСОЛОГИЯ:
МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА»,
ПОСВЯЩЕННАЯ 80-ЛЕТИЮ ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА
(DISCURSOLOGIA: METODOLOGÍA, TEORÍA, PRÁCTICA)
2 ОКТЯБРЯ–18 ДЕКАБРЯ 2009 Г.
ЕКАТЕРИНБУРГ–ЧЕЛЯБИНСК–ТЮМЕНЬ–ТОЛУКА (МЕКСИКА)**

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Е.Н. Коваленко

**ТЕОРИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ
Ю. ХАБЕРМАСА И РЕАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО
РАВНОПРАВИА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
ПОДХОДЫ ФЕМИНИСТСКИХ ТЕОРЕТИКОВ**

Коваленко
Елена Николаевна

Аспирант УрГУ, доцент
МАДИ

Интерес к Хабермасу со стороны феминистских теоретиков неслучаен, поскольку он развивает в своих работах понятия, составляющие основу феминистской политической философии. Так, например, определение дискурса, как идеальной (но при этом практически возможной, реальной) коммуникативной ситуации, открытой дискуссии с обсуждением проблем, заявленных участниками с притязанием на значимость и отсылкой к рациональным аргументам, позволяет представить практическую модель формирования «повестки дня» современного феминизма. При этом идеи автономии субъекта, признания его независимости, принципов равноправного обсуждения и обмена мнениями при непрерывной коммуникации имеют

большое значение при реализации теории совещательной демократии, когда институты прямой демократии дополняются активным участием общественности в поисках решений для актуальных проблем общества.

«Повседневная коммуникативная практика позволяет достичь взаимопонимания с учетом притязаний на значимость – и это единственная альтернатива более или менее насильственному воздействию людей друг на друга. Поскольку же притязания на значимость, которые мы в разговоре связываем с нашими убеждениями, стремятся выйти за рамки того или иного контекста..., всякое согласие, достигаемое или воспроизводимое в коммуникации, должно опираться на некий потенциал вполне уязвимых оснований, но – именно оснований»¹, – пишет последний из представителей Франкфуртской школы, реабилитируя тем самым роль критического разума в обществе и отмечая перспективы демократического развития. Эту идею подхватывают феминистские философы, в частности Сейла Бенхабиб, которая видит в широком публичном обсуждении групповых женских проблем путь к конвенциональному закреплению норм демократии в современных обществах.

По мнению Бенхабиб², современные демократические общества отступили от принципов либерализма в угоду интересам различных куль-

турных, национальных и религиозных сообществ. Приоритет интересов определенных групп на уровне общества создает ситуацию, когда интересы других индивидов выносятся на второй план, а зачастую культурные, религиозные и этнические нормы и принципы существования сообщества расходятся не только с интересами представителей этих сообществ, но и с нормами права, т.е. на практике ведут к ущемлению прав человека в демократических государствах. Описывая ситуацию с женщинами-мусульманками в Европе, женщинами, приехавшими из традиционных обществ Азии и Африки в США, Бенхабиб приходит к выводу о том, что сама идея либерализма и демократии на практике разрушается через следование принципам мультикультурализма и невмешательства государства в идеи других культур³, представленных в отдельных группах населения. Это влечет за собой серьезные социальные конфликты, которые перерастают в политические («дело о платках», например). Выход может быть найден в практической реализации концепции коммуникативного действия Ю. Хабермаса, считает феминистский теоретик. Бенхабиб теоретически развивает модель совещательной демократии, считая необходимым дополнить ее основными либеральными принципами – свобода самоопределения личности в отношении различных групп и сообществ, автоматическое наделение личности комплексом неоспоримых демократических прав и свобод вне зависимости от ее вхождения в состав того или иного сообщества.

Однако необходимо отметить, что восприятие феминистками теории Хабермаса не является однозначным. Особый интерес для критики вызывает его трактовка публичной сферы без учета гендерной специфики – как правило, активность в публичной сфере символически закреплена за мужчинами, которым как бы делегировано неоспоримое право выступать представителем групповых интересов (например, семьи). Традиционная трактовка публичной сферы препятствует равному участию в публичной дискуссии носителей всех реализуемых в обществе идентичностей. Рита Фелски⁴, занимающаяся исследованием разделения приватной и публичной сфер на примере

художественной активности женщин, в частности в эпоху Модерна, считает необходимым расширить определение публичной сферы через опору на новые представления об автономном субъекте. «С ее точки зрения, публичная сфера вырастает из опыта политического протеста, как показали О. Негт и А. Клюге [Negt O. Kluge A., 1993], отражая позиции множественных субъектов (постструктурализм) и тендерные различия (феминизм). Хотя Фельски критически пересмотрела хабермасовское понятие публичной сферы, лишив его всяческих буржуазных, логоцентристских и патриархальных коннотаций, она осталась в рамках старой традиции разделения публичного и частного, сводя «политическое» именно к публичному»⁵.

Как пишет Полин Джонсон⁶, разделение между публичной и частной сферой в теории Хабермаса происходит в связи с тем, что расширяющаяся об-

ласть личной автономии призывает к символическому признанию со стороны других. Следовательно, приватная сфера рассматривается как борьба за дискурсивное конструирование, через которое могут быть представлены нужды и требования конкретной идентичности. Таким образом, именно на уровне приватного происходит формирование идентичности, которая затем переносит свои интересы, запросы, представления в сферу общественного (публичного) обсуждения.

Подобная трактовка позволяет снять феминистскую остроту восприятия социально-политических концепций, краеугольным камнем которых является выделение публичной сферы как особого пространства для социального действия. С позиции феминистских теоретиков, любое разделение на сферы, группы и категории ведет к созданию новых иерархий, закреплению отдельных социальных групп за определенными сферами, регламентации социальных функций в привязке к конкретным идентичностям, формированию новых типов неравенства, угнетения и подчинения. Джонсон видит примат личной автономии в концепции Хабермаса основным позитивным моментом, способным служить на благо феминистской философии, которая на данном этапе своего развития находится в методологическом

поиске решения проблем социального и политического неравенства и гендерного дисбаланса в современных обществах.

Идеи Хабермаса в своей сути повторяют основной парадокс феминизма, наиболее четко представленный Моник Виттиг⁷ – в идеале, феминизм, выступающий за равноправие людей и равноценность любой личности вне зависимости от признака пола, должен вообще отказаться от категории «женщины», которая как раз подчеркивает важность существования этого признака в обществе; но, отказавшись от категории «женщины», феминизм рискует потерять всякий смысл. По Хабермасу, для того чтобы услышать интересы и требования различных идентичностей в публичном пространстве, необходимо отказаться от восприятия агентов, представляющих эти инте-

ресы и требования, как носителей определенной идентичности и прибегнуть к услугам критического разума, заботясь прежде всего о соблюдении личной автономии каждого члена общества.

1. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Наука, 2006. 377 с. С. 33.
2. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. Логос, 2005. 289 с.
3. Во многом на практике конъюнктурно извращенными некоторыми толкователями этих идей.
4. Felsky R. The gender of modernity/ The Presidents and Fellows of Harvard College, 1995. 247 pp.
5. Черных А. Мир современных медиа. М., 2007. Гл. 4. <http://culturca.narod.ru/Cher1.htm>.
6. Johnson P. Distorted communications: Feminism's dispute with Habermas/ Philosophy & Social Criticism. Vol. 27 no 1, 2000. pp. 39–62.
7. Виттиг М. Женщиной не рождаются. URL: <http://www.lib.proza.com.ua/book/1814>.

Е.В. Ишменев

ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТЬ СИСТЕМНОЙ И ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю.ХАБЕРМАСА

Ишменев
Евгений Васильевич

аспирант Института
философии и права
УрО РАН, доцент
МАДИ

Особую актуальность изучению проблем информационного общества в контексте соотношения его системных и повседневных особенностей придают исследования, представленные в рамках коммуникативной теории. В отличие от большинства подходов, ориентированных на определение специфики информационной сферы, в теории коммуникации отдельное внимание уделяется рассмотрению социальных характеристик процесса информатизации. Объектом изучения в этом случае выступают социальные акторы,

участвующие в «производстве» и «потреблении» информации, а также социальный контекст, определяемый теми социальными условиями, в которых происходит «обращение» информации. При этом изучение контекста не ограничивается анализом ситуативных особенностей коммуникативных событий, но включает в себя институциональные, исторические, прагматические и другие факторы, влияющие на поведение участников коммуникации.

В рамках обозначенной проблематики особый интерес представляет дискурсивный анализ коммуникативной сферы. Специфика дискурсивного анализа определяется не только рассмотрением лингвистических особенностей коммуникации, но также обращением к анализу экстралингвистических особенностей. Изучение последних обусловлено попыткой представить поведение участников коммуникации как результат рационального выбора той или иной коммуникативной стратегии [Кубрякова, Цурикова 2008]. То есть коммуникативные действия участников ставятся в зависимость от их целей, интересов, институ-

циональной принадлежности, а также различных способов социальной, политической и культурной идентификации. Смещение акцента в сторону анализа экстралингвистических особенностей дискурса позволяет оценить коммуникативное поведение с точки зрения его эффективности. При рассмотрении коммуникативного действия в соотношении с целями и позициями участников возникает возможность представить коммуникацию как «конечный» процесс, имеющий определенные результаты.

Как представляется, актуальность рассмотренного способа описания коммуникативной сферы определяется тем, что многообразие дискурсивных различий, детерминируемых как системными, так и повседневными особенностями коммуникации, проблематизируется здесь в контексте институционального изучения. Различие коммуникативных действий и стратегий рассматривается в качестве различных способов рационализации действительности, что позволяет уйти от *«излишней субъективности»* в оценки процесса информатизации. Признание возможности различных способов рационализации занимать «свое» место в общей стратегии коммуникативного процесса позволяет оценить степень влияния системного и повседневного дискурса в обществе. В тоже время к достоинствам данного направления можно отнести попытку комплексного осмысления теорий рационального выбора, социального действия и лингвистической теории, что заметно расширяет предметное поле исследований классической теории институтов.

Представленная перспектива исследования становится основой для формирования качественно новых оценок коммуникации в обществе. При введении в исследовательское поле таких характеристик социальности как «повседневная практика» или «жизненный мир», учитывая при этом принадлежность последних к институциональной среде, принципиально новую оценку получает пространство *публичной политики*. На примере работ классиков франкфуртской школы – Адорно и Хоркхаймера – можно обнаружить, как изучение политических феноменов в XX веке все чаще смещается в сторону анализа публичности. Кульминацией данных исследований становится взгляд Хабермаса, у которого данное понятие обретает характерный эврис-

тический смысл, и позволяет выйти за рамки критических воззрений «франкфуртцев» о роле процессов «инструментализации» и «массовизации» в политике. Рассматривая публичность в контексте двух обозначенных процессов, Хабермас выделяет новые формы политического участия. Принимая пессимистические воззрения «других» представителей школы «о деградации основных установок Просвещения», Хабермас однако обнаруживает *«иные»* – отличные от просвещенческих – способы институциональной вовлеченности. Наиболее значимыми для него в этом случае оказываются сфера массовой коммуникации, представленная в различных способах взаимодействия журналистов и аудитории, а также разного рода «дискуссионные» практики, отражением которых выступают «клубы интересов», «салоны» и т.д. Формирование новых способов политической вовлеченности Хабермас описывает как процесс колонизации жизненного мира [Stevenson 2002 : 52]. При этом условием подобной колонизации становятся новые формы социальной рациональности, имеющие межинституциональный и интерсубъективный характер.

Признавая важную роль государственного управления и экономических стимулов в развитие процесса колонизации, Хабермас в тоже время акцентирует внимание на особой роли контекстуальных элементов коммуникации. Контекстуальная привязка при этом выступает основой «демократических преобразований» и имеет основополагающее значение при рассмотрении такого важного для его теории концепта как «идеальная коммуникативная ситуация». Несмотря на то, что изучение контекстуальных особенностей Хабермаса представлено главным образом с позиций идей гражданского общества, где приоритетным считается осознанное участие граждан в политике. Тем не менее, при анализе коммуникативного контекста в его работах также можно обнаружить элементы критики, обращенной в сторону самого способа организации современных институтов.

Так, разделяя два типа прессы: на «качественную», основным источником финансирования которой выступает реклама; и «таблоиды» – в большей степени зависящих от количественных показателей аудитории. Хабермас отмечает,

что популярная пресса снижает возможность рациональных дебатов, а также способствует росту фрагментации, что в свою очередь заметно деполитизирует массы, лишая их возможности обсуждения таких важных проблем как собственная политическая культура [Stevenson 2002 : 53]. Представленный пример показателен, как с точки зрения общей оценки творчества Хабермаса, так и его оценки в рамках франкфуртской школы. Следуя традиции школы, обращенной к критическому осмыслению культурных форм модер-

нистского общества, Хабермас предпринимает попытку представить проблему в контексте институциональных практик, что заметным образом сближает его с современными авторами.

Литература:

Кубрякова Е. С., Цурикова Л. В. 2008. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности. – Язык СМИ. М.

Stevenson N. 2002. Understanding Media Cultures. Social theory and Mass communication. London.

КОНФЕРЕНЦИЯ «КУЛЬТУРА ГЛАМУРА: ЦЕННОСТИ, ДИСКУРС, ПРАКТИКИ» (ЕКАТЕРИНБУРГ, ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, 11 ДЕКАБРЯ 2009 Г.)

Г.А. Брандт

ГЛАМУР КАК ДИСКУРС: ОЧЕВИДНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Брандт
Г.А.

доктор философских
наук, зав. кафедрой со-
циально-гуманитарных
дисциплин Гуманитар-
ного университета

Речь в докладе пойдет не о дискурсивном анализе гламура – деле тонком и требующем тщательной проработки гламурных текстов, а, наоборот, о взгляде на гламур с высоты птичьего полета. Здесь будет осуществлена фиксация обозначения в самом общем виде его дискурсивных границ. И соответственно тех влияний на формовку современного субъекта, которые эти ограничения оказывают.

Прежде всего, опять о понятии «дискурс». Какие бы толкования в отечественном знании не бытовали, в основе все равно не может быть не учтена та парадигма использования этого понятия, которая была задана изначально. Речь о том первоначальном импульсе, который и «выстрелил»

у М.Фуко в возникновении данной дефиниции. В самом общем виде эта парадигма может быть представлена как характеристика некоего языкового поля, в которое попадает субъект. Это, говорит Фуко, то, что «находясь вне нас, нас ограничивает», это некая социально детерминируемая рамка, сквозь которую субъект осуществляет познание как окружающего мира, так и самого себя. При этом стоит иметь в виду, что и субъект для Фуко не есть субстанция или статус, а есть некая форма, которая имеет исторически изменчивую конституцию. Собственно дискурс и представляет собой один из ведущих конструкторов этой меняющейся формы.

Если говорить о самой дефиниции, то, следуя парадигме фукианской мысли, я бы определила дискурс как *отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочивания действительности*. (При этом надо, конечно, помнить, что язык у Фуко понимается в самом широком смысле как метафора означивания мира, способа его репрезентации и первичного структурирования). Интересна художественная интерпретация этого понятия в романе В. Пелевина «Empire V», где «гламур» и «дискурс»

без преувеличения главные герои повествования: «Дискурс служит чем-то вроде колючей проволоки с пропущенным сквозь нее током – только не для человеческого тела, а для человеческого ума. Он отделяет территорию, на которую нельзя попасть, от территории, с которой нельзя уйти» [1, 92-93]. В этом экстремальном (и даже, может быть, в некотором роде экстремистском) описании выражено, тем не менее, существо дела: язык, способ горения, речевые практики поведения, принятые в социальном окружении человека, оказываются жестким диктатом для развертывания его мыслей, способов познания и оценки, форм и направлений рефлексии и саморефлексии.

Взгляд на гламур как на некое поле, рамку, способ упорядочивания действительности, наконец, как на колючую проволоку, не позволяющую человеческой мысли сделать шаг в сторону и станет предметом моего выступления. Не ставя перед собой цели достижения какого-либо системного анализа, обозначим в самом первом приближении некоторые черты гламура, который понимается здесь в современном общеупотребимом смысле: Glamour – стиль жизни, обладающий волшебными чарами привлекательности, блеска, шарма, обаяния, сверкающей красоты.

1. Что держит гламур за колючей проволокой:
 - такие области жизни людей, как старость, болезнь, бедность и весь комплекс, связанных с ними проблем;
 - такие, например, качества людей, как скромность, нерешительность, застенчивость, рефлексивность, всё, что так или иначе можно обозначить как «комплексы»;
 - такие состояния как горе, отчаянье, тоска и т.п.;
 - такие чувства как совесть, ответственность, сострадание и т.п.
 - ...

2. Что находится в поле гламура:
 - глянцева красота и сексуальность;
 - молодость, успешность, ухоженность;
 - активность, агрессивность, актуальность;
 - чувство юмора, дерзость, быстрота реакции;
 - ...

3. Это поле, где царит культ *поверхности*, где любое усилие, глубина, уникальность встречает сопротивление колючей проволоки. Вопросами быть или не быть здесь замарачиваться не станут, хотя бифштекс под названием «Гамлет» вполне могут предложить. Здесь не пропускаются сложные мысли, непонятные слова, длинные предложения.

4. Это поле, где мир предстает прежде всего и главным образом в *картинках*. Самое главное здесь *выглядеть*, а не, допустим, делать, думать и говорить.

5. Это поле, где знаки отделяются от значений и начинают жить самостоятельной жизнью, т.е. знаки вещей, соотносятся не с материальными или даже символическими (т.е. с конвенциональными) значениями, а соединяются с произвольными, иллюзорными образами. Где реальность улетучивается, а мир оборачивается *подменой* и *симуляцией*¹. Это «мир зеркал, мир нереальных имиджей, иллюзий, оторванных от реальности» (К.Лэш).

Обратимся теперь к проблеме субъекта как формы гламурного дискурса. Ведь и Фуко дискурсивные техники интересовали прежде всего как способ выйти из классической «философии субъекта» в поле, которое он называл «генеалогией субъекта», т.е. область дискурсивного происхождения этой формы. Не затрагивая обширной сферы всех возникающих здесь вопросов, обратимся только к одной категории, которой пользуется Фуко – это «техники себя». В данном случае «техники себя» – это наличные дискурсивные формы, с помощью которых люди продуцируют себя субъектами какого-то опыта, это способы, которые дискурсивно предписываются индивидам для фиксации их идентичности.

Какие же идентичности предписываются индивидам в гламурном дискурсе?

Виктор Пелевин отвечает на этот вопрос предельно четко: «Цель гламура именно в том, чтобы жизнь человека проходила в облаке позора и презрения к себе. Это состояние – прямой результат потребления образов красоты, успеха и интеллектуального блеска...Ничего не бывает убогим или безобразным само по себе. Нужна

точка соотнесения. Чтобы девушка поняла, что она нищая уродина, ей надо открыть гламурный журнал...Гламур и дискурс погружают своих потребителей в убожество, идиотизм и нищету. Эти качества, конечно, относительно. Но страдать они заставляют по-настоящему» [1, 91].

Исследователи гламура указывают, что он выражает стремление современного (потребительского) общества к новой повседневной *норме*, является потенциальным источником ориентиров и *ценностей* [3, 67]. К чему приводит нормо- и ценностно-образующее функционирование гламура сегодня, можно отчетливо увидеть, посмотрев фильм известного кино-документалиста Виталия Манского «Девственность» [4]. Его авторы берут интервью у молодых людей, приехавших на кастинги популярных ТВ-шоу. Речь в интервью идет о том, что готовы отдать, чем готовы поступиться эти девушки и юноши для того, чтобы пройти кастинги или чтобы, получив большую сумму денег, войти в сверкающий мир гламура

каким-либо другим способом. (Надо видеть, как симпатичная девчушка долго молчит, как отчаянная работа мысли отражается на ее живом лице, и, наконец, тихим, но твердым голосом она отвечает: «...продать родителей...»). В фильме много потрясающих свидетельств тому, что проблема выработки стратегий сопротивления или переопределения гламурных норм, ориентиров и ценностей должна быть рассмотрена как одна из главных вызовов времени.

Литература:

1. Пелевин В. Empire V.M.: ЭКСМО. 2007
 2. Сивун О. BRAND поп-арт роман. М.:КоЛибри, 2009
 3. Зверева В. Позывные гламура. Искусство кино. 2006. № 11
 4. Манский В. Девственность: реальное кино. М.: Вертов и К., 2009.
1. Как свидетельствует, например, герой современного романа: «Я пью Coca-Col'у не потому, что мне хочется пить. А потому что это красиво. Coca-Cola абсолютно нефункциональна. Она не избавляет от жажды. Она не стимулирует активность. Она не полезна для организма. Она не опьяняет... Coca-Cola – это чистый жест» [2,35-36].

О.В. Коркунова

МИФ В СОСТАВЕ КУЛЬТУРЫ ГЛАМУРА

Коркунова
Ольга Владимировна

доктор философских наук, профессор
УрГУПС, академик
МАДИ

Традиционно миф считается первоначальной формой постижения мира человеком и относится к эпохе «детства человечества. Не случайно в условиях цивилизации он выродился в сказку. Соответственно его оценивали как архаику. Понятие «современный миф» указывает на то, что миф сегодня возродился и активно функционирует в нашей действительности, он стал составной

частью массовой культуры, культуры гламура в особенности. В связи с этим встают вопросы: о чем это свидетельствует? Почему происходит? Какие потребности и запросы человека и общества он удовлетворяет?

Первая реакция на современный миф возникает с позиций традиционализма: миф возвращает к архаике, примитивизму, тормозит прогресс человечества (В.М. Князев). Но если выйти за внешнее описание и углубиться в социокультурный контекст существования современного мифа, то мы увидим, что все гораздо сложнее и многозначнее.

Миф давно стал притягательным объектом исследования для специалистов разных наук. Он исследуется и как тип мировоззрения, и как памятник культуры, и как феномен становления психики человека, его мышления.

Если мы проведем параллель между существенными чертами древнего мифа и реалиями существования современного мифа, то выявим

моменты, помогающие понять глубинные основы бытия современного мифа в рамках культуры гламура. Древние мифы содержат первоначальные представления о бытии человека в мире. Они рассказывают о происхождении мира и человека. Причем данные процессы рассматриваются как существенные стороны становления Космоса, Универсума. В этом описании доминирует одна идея – идея перехода от хаоса, беспорядка к порядку. Все космогонические мифы содержат одну и ту же модель происхождения мира. В начале был хаос, беспорядок. Распространенными и типичными образами первоначального хаоса являются тьма, ночь, бесформенность, беспредельность, бездна. На смену ему приходит порядок, символом которого является космос. Свет, день, форма, придающая вещам конечность и определенность существования, – это наиболее распространенные образы космического порядка.

Все исследователи отмечают, что, космический характер описания порядка в мифах, выразился в фиксировании циклов и ритмов природных процессов, к которым человек приспособлял свою жизнь. И, исходя из него, формировал порядок социальной жизни. Это подтверждается смыслом многих обычаев, традиций культуры (характер производственной деятельности человека, праздники, выбор времени коронации глав государств и т.д.).

Таким образом, адаптируясь к порядку Космоса, человек формировал порядок социальной жизни и упорядочивал, структурировал хаотичный поток своего чувственного опыта. Общество и культура стали новой формой выражения действующих природных сил.

Другой характерной чертой древних мифов все исследователи считают их антропоморфный характер. Его видят в том, что создание мира описывается по аналогии с рождением человека.

Антропоморфизм мифа имел форму синкретизма – слияния человека с природой. При этом человек не анализировал, а испытывал впечатления, в которых слиты воедино мысли, эмоции и действия.

Современный миф есть дитя, рожденное массовой культурой и масс-медиа, точнее, информационными технологиями. От массовой культуры он унаследовал ориентацию на удовлетворение элементарных интересов «массового» человека.

В этом смысле ему вполне можно приписать примитивизм. Но, нам представляется, что в культуре гламура миф приобрел несколько иную форму – натурализм. Это ярко выражено в реалити-шоу, тиражируемые каналы ТВ, рекламе, засилии эротики и секса, особенностях молодежной моды и т. д. Натурализм всегда утверждает культ природы. В современных вариантах – это культ природы человека, ее проявлений в повседневной, обыденной жизни. Если взглянуть на данный феномен не только с точки зрения падения нравов и кризиса духовности, а с позиций динамики жизни, то можно увидеть его сущность, и попытаться ответить на вопрос, почему так происходит.

Социокультурная динамика в рамках одной эпохи всегда обеспечивает преемственность поколений. Идеалы, образцы, ценности отцов наследуются их детьми. В русской культуре это очень точно выразил А. С. Пушкин, написав об О. Лариной: «Она повторит свою мать с небольшими изменениями, которых требует время». В советской культуре то же самое выразил М. Хуциев в знаковом для 60-х годов фильме «Застава Ильича». Но, когда на смену одной эпохе идет другая, связь времен и преемственность поколений распадается. Новая эпоха с новой цивилизацией, с новыми технологиями, новым образом жизни делает невостребованными молодежью идеалы и систему ценностей родителей.

Так произошло и у нас в стране. Рубеж 1985 г., когда началась перестройка, и 1991 г. – старт экономических реформ, стал пропастью разделившей молодежь и старшие поколения. Суть этого феномена в следующем. Все, кто родились и росли после 1985 г. имеют жизненный опыт совершенно несоотносимый с жизненным опытом старших поколений. Образовался разрыв, пропасть между поколениями. Раньше молодежь вступала в жизнь, проходила социализацию, опираясь на опыт предыдущих поколений. Теперь она начинает процесс социализации в пустоте, в вакууме. Мир изменился настолько, что к нему надо адаптироваться заново. В такие исторические моменты человек обращается к своим истокам, первоначалам. А они зафиксированы и сохраняются в мифах.

Как дитя массовой культуры современный миф через натурализм возвращает человека к его первоначалам. Но он не просто предлагает человеку опираться на свою природу. Миф всегда создает

образ героя – того, кто утвердил себя в мире вопреки всем обстоятельствам и препятствиям. Современный миф создает через натурализм образ современного героя для молодежи. Отличительная характерная черта этого героя – «массовый» человек весь героизм которого состоит в том, что он не побоялся выставить на всеобщее обозрение свою натуру или натурализм своей жизни. Образ героя традиционного мифа современный миф сводит до образа звезды. Если древний миф ориентировал человека быть героем, то современный – быть звездой. Так заполняется вакуум идеалов и ценностей.

А вот информационные технологии помогают решить проблему как этого достичь. Они, особенно в лице масс-медиа делают доступным путь к этой цели. Караоке, фабрика звезд, реклама, различные конкурсы, игры и т.п. вооружают человека готовой технологией, остается только придти и отважиться попробовать. И проходя через это сито, отбор молодой человек получает опыт социализации.

Таким образом, так же как в свое время традиционный миф создавал культурные и социальные каналы для проявления природных сил и энергий человека, современный миф демонстрирует пути социализации современного человека. И можно сказать, что так современный миф заполняет образовавшуюся пустоту, разрыв между эпохами.

Теперь зададим вопрос: благо или зло творит современный миф? И вслед за этим вопросы: есть ли ему альтернативы? Как соотносится современный миф с рационализмом?

Ответ на первый вопрос можно получить, исследуя жизнь звезд «за кадром». Анализ показывает, что звезды, как правило, реализуют три основных жизненных сценария. Первый, когда звезда, загоревшись, быстро сходит с небосклона. Забвение становится тяжелым испытанием, в ходе которого человек часто оказывается «потерянным», сломленным. Те, кому удастся справиться с этим испытанием, долго не сходят с небосклона, светя ярко. Но, как правило, в своем процессе самоутверждения они выходят за рамки современного мифа и реализуют сценарий традиционного мифа, пройдя путь от звезды до героя. Таким образом, этот жизненный сценарий показывает нам, что в процессе самореализации человек преодолевает пространство современно-

го мифа и трансформируется из звезды в героя. Современный миф оказывается лишь внешним, феноменальным срезом жизни, тогда как глубинную сущностную основу жизни выражает традиционный миф.

Многие звезды выбирают третий вариант. Они прилагают большие усилия, чтобы сохранить статус звезды. Соответственно линия жизни выстраивается так, чтобы были в наличии все атрибуты звездного существования. Особую роль в этом процессе играют символы. Символ обеспечивает презентацию, запоминание и узнаваемость звезды. Одновременно символ создает у поклонников звезды чувство сопричастности, единения как с кумиром, так и друг с другом. Они объединяются в особую социальную группу.

Символ характерен и для древних мифов. В них он выполнял функцию выражения знания как результата процесса осмысления и познания мира. Процесс познания с помощью символов имеет свои особенности. Мышление оказывается насыщенным эмоциями и подчинено им. Важно и то, что такая мысль лишена анализа. Она строится на ассоциациях, вследствие чего не схватывает различий. Вот почему в мифологическом мышлении не осознается различие субъекта и объекта, реального и видимого.

Первобытную мысль характеризуют так же, как мысль, которая овеществляется. За данной характеристикой стоит констатация зачаточной формы абстрагирования в мысли образа от предмета. Отсюда мыслимый образ всегда привязан к конкретному, чувственно воспринимаемому предмету. Поэтому мифологическая мысль не содержит различия между символом и предметом, который он обозначает.

Таким образом, посредством толкования символов как языка мифа формировалась духовная сторона существования человека. Вместе с тем символы позволяли соблюдать ритуалы как образцовую модель действий. Благодаря этому человек получал образец для подражания, который становился его способом существования в мире. Посредством него он утверждал себя в мире, чувствуя себя соучастником творческого процесса мира, и придавал своим действиям социальный (в то время – вселенский) масштаб.

Современный миф конструируется средствами масс-медиа, беря на вооружение все эти черты

традиционного мифа. Но он придает им другое значение. В символе, прежде всего, используется его знаковая сторона, а не смысловая. Поэтому он указывает на принадлежность к данному объединению, обеспечивая человеку такую форму идентификации. Не случайно появился термин «звездиться». Символы современного мифа лишены духовной составляющей, потому что в полной мере воплощают черты мифологического мышления. На смену научному рационализму 19 – 20 в.в. он выдвигает ассоциативное и эмоциональное мышление. Отсюда то бездумное заимствование форм поведения, которое так беспокоит общественность. Но здесь важен следующий момент: миф в культуре гламура учит человека глянцева, лакировать свою натуру и соответственно свою повседневную жизнь. Если мы проанализируем какие формы жизни заимствуются, то увидим: формы жизни общества потребления, созданного современной западной цивилизацией. За этим просматриваются два момента. В нашем обществе в условиях разрыва связи поколений культура гламура обеспечивает молодежи бегство от инерции сценариев жизни советского общества

с его дефицитом материальных благ и жесткой тотальной регламентацией норм поведения. Второй момент раскрывает куда, к чему бежит молодежь: к ценностям и образу жизни человека современного западного общества. Это можно считать специфической реакцией на идеологические лозунги эпохи перестройки. Имеются в виду акты разрушения «железного занавеса», сопровождающиеся широко рекламируемым утверждением, что мы интегрируемся в западную цивилизацию. В культуре гламура современный миф дает иллюзорную форму этого.

Именно поэтому в гносеологическом плане современный миф тесно связан с дискурсивными практиками. Более того, он вместе с символом стал структурным компонентом современного дискурса.

Итак, можно заключить, что современный миф есть продукт массовой культуры информационного общества. Он берет на себя функцию обеспечивать социализацию молодого поколения на феноменологическом уровне бытия в условиях новой эпохи с кардинально новыми реалиями жизни.

Н.М. Субботина

ГЛАМУР: «ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ НОСТАЛЬГИЯ» ИЛИ «УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ»?

Субботина
Н.М.

НОУ ВПО «Гуманитарный университет»,
г. Екатеринбург

Как социокультурное явление гламур амбивалентен, его можно рассматривать и как направление в моде, и как синоним понятия «глянец», или «глэм-культуру» в современном обществе. Гламур определяют как направление, возникшее в конце 1990-х годов, напоминавшее образы кинозвезд 30-х, вернувшее в моду роскошь натуральных мехов, кожи и перьев, материалов с блестящими

поверхностями (атлас, парча, ламэ, металлизированные пленки). В этом случае гламур как бы приходит на смену своему антиподу – стилю гранж, возникшему в начале 1990-х, – стилю «видимой бедности, граничащей с нищетой»), герой которого демонстрирует поношенную или намеренно состаренную одежду.

Если говорить об истоках гламура, то их, на наш взгляд, нужно искать в стиле модерн, идеал которого – женщина с томным взглядом, стройной S-образной фигурой, волнистыми длинными волосами. Женские платья изготавливаются преимущественно из шелковых тканей – тафты, крепдешина, шифона, муслина, парчи. Интересно, что бархат и велюр в этот период относят к «более простым» тканям. Одежду отличает большое

количество отделки: многочисленные кружева, тесьма, большие искусственные цветы, оборка, сутаж, банты, разнообразная вышивка.

В гламуре всегда большое внимание уделяется аксессуарам: маленькие шляпки «Биби» (вспомним маленькую шляпку Гарбо, сдвинутую на один глаз), шевровые перчатки, подобранные к шнурованным ботинкам или к уличным туфлям на выгнутых каблуках, тюлевые нижние юбки, закрывающая колено длина и маленькие перчаточки.

Родоначальником современного направления моды гламура считается Кристиан Лакруа. «Это ему впервые пришло в голову еще в конце 1980 - х вернуть женщинам их великолепный бюст и тонкую талию», которые совершенно игнорировались многими дизайнерами-восьмидесятниками. Думается, что это и есть основная положительная черта гламура как направления моды – провозглашение самооценности красоты.

Одним из «апостолов рафинированного парижского шика» навсегда останется «элегантный и с хорошим вкусом» изысканный создатель костюмов Одри Хепберн французский «аристократ крови и духа» Юбер де Живанши. Для гламура характерно, что «Само платье было реабилитировано полностью», дома моды стали использовать массу платьев в своих коллекциях: Ланвен, Шанель, Баленсиага, японский создатель моды Кензо, Тед Лапидус, молодой голландский стилист Жозефус Тимистер (весенние показы 1995 года в Париже), парижский дизайнер середины девяностых Тьерри Мюглер, и др. Мюглера осенила идея использовать в своих показах даже манекенщиц-звезд 1950-1960-х годов (Твигги, Верушка). Кроме того, был возвращен интерес создателей моды к женщинам зрелого возраста, ведь именно они и являются настоящими «клиентками» моды, в том числе гламура.

Кроме того, появлению гламура в моде XX века способствовало, как это не парадоксально, и стремление женщин к равноправию. Вот, например, что пишет один из выдающихся представителей модерна Л.Бакст о моде начала века: «Борьба за равноправие женщины и мужчины создала дневной женский костюм, поразительно схожий с мужским... Но вечером – «вечно женственное» берет верх над «мужским началом». Это «апофеоз всего противоположного, всего чуждого мужскому костюму. Здесь вечером возводится в

культ – цветная гамма ярких красок; изнеженная, малоскромная складка, чувственная прозрачность отделки...». Это «сражение», «битва», которую «вечерняя» женщина преподносит мужчине, отводя всем арсеналом линий и красок поле для будущей неизбежной победы дневной, равноправной женщины» (1, 344).

Но есть и другая сторона гламура – то, что мы называем «глянец». Простота и роскошь здесь не взаимоисключающие понятия, а взаимодополняющие. Роскошь не предполагала безвкусную избыточность, что мы наблюдаем в современном «глянцевом» гламуре, где только шик, но не шарм. Стиль Г.Гарбо – стиль строгий, сдержанный (даже замкнутый), ее элегантность естественна. В «глянце» – вместо естественности и выразительности формы – примитивность под маской изысканности, «претензия на изыск», нарочитость. Претензия на исключительность, элитарность оказывается на самом деле продуктом массовой культуры, «эстетикой низа», сводной от каких бы то ни было «духовных интенций». Гламур сегодня ориентируется на образы, подобные другой киногероине – «платиновой блондинке» Джин Харлоу как воплощению стиля обольстительницы, не столько «изысканной», сколько «вызывающей».

Современный «глянец» все агрессивнее демонстрирует нам вместо женственности и элегантности – «культ молодости», который на самом деле является проявлением инфантильности; вместо утонченной чувственности и изысканности – ложный пафос и вульгаризация, а часто и вообще «опредмечивание» пошлости. Строки песенки «Розовый зайчик с красной морковкой...» – один из многочисленных примеров массового гламура, отражающего одномерную психологию обывателя. Образцы современной глэм-культуры и по форме, и по содержанию сродни известному образу Элочки Людоедки. Однозначность эмоциональных реакций предполагает либо восторг и полное восхищение («Хо-хо, парниша!», либо неприятие, отторжение всего «чужого», негламурного. А если добавить к этому употребление ненормативной лексики как неотъемлемый компонент гламурного образа, то мы получим растиражированную «Блондинку в шоколаде». Сегодняшний «глянец» – это и особая интонация – уже не «томная», а слащавая, капризная, манерная и жеманная, не имеющая ничего общего ни с глубоким голосом

Марлен Дитрих, ни с хрипловатым чувственным голосом Греты Гарбо, который в свое время «за-ворожил весь мир».

Декларация индивидуализма («Потому что я – это я!», «Бери от жизни все!», «Ведь я этого достойна!» и др.) в рекламе и на страницах глянце-вых журналов в действительности ведет к подав-

лению индивидуальности, поскольку «глянцевый» гламур носит кастовый характер, он стереотипен и несвободен. Но нельзя не согласиться: суть гламу-ра как направления моды в том, что «обращаясь к прошлому, мода сегодня предоставляет женщинам все же огромную свободу. Свободу выбора своего собственного элегантного стиля.

Е.И. Субботина

ГЛАМУР В СОВРЕМЕННОМ ДИЗАЙНЕ

Субботина
Е.И.

Уральская архитек-
турно-художественная
академия, г. Екатеринбу-
рг

Гламур – изменчивое, многозначное явление. Представления о нем меняются вместе с представлениями о ценностях в современном обществе, ценностях материальных и духовных. Гламур – культ внешнего, вещного, материально-го. Сегодня он охватывает все сферы дизайнерской деятельности: промышленный и графический дизайн, дизайн интерьера и одежды, охватывает и захватывает их. Можно сказать, что гламур возникает в тот же исторический период, что и дизайн. На его появление, как и на формирование дизай-на повлиял прежде всего технический прогресс, промышленная революция конца XIX–начала XX века.

Одно из требований гламура, в том числе в дизайне – отличаться от других, но в то же вре-мя – быть похожим, соответствовать требованиям «высшего общества», «своего круга», своей касты. Применительно к дизайну – это особое – *бренд-овое* сознание, основанное на жесткой заданности модулей и образцов «роскоши». Но гламур – не просто роскошь, а роскошь *напоказ*. С этим связана функция гламура, которую можно назвать презент-ативной, или демонстрационной. Своеобразным проявлением гламура были «стиляги» советской эпохи. Здесь к роскоши *напоказ* добавлялась су-щественная деталь: запретная роскошь, массовая

там, за «железным занавесом», дорогая и трудно-доступная, вернее «труднодоставаемая» здесь.

Первой законодательницей гламура современ-ной эпохи можно, безусловно, считать куклу Барби. Именно с ней были связаны изменения понятий о стандартах красоты, все усилия были брошены на соответствие этим стандартам: в моде – пустая красота. Кукла, формирующая *стандартный* об-раз женщины без мозгов и души, смогла захватить мир и удерживает его вот уже более полувека. Таким сроком не может похвастаться ни одна самая популярная звезда, ни один, даже самый «мозговитый» политик. (Кстати, до Барби куклы, даже массового изготовления, никогда не были так стандартизированы и унифицированы ни в плане телесной организации, ни физиономически). Стандартному образу был выбран доминирующий цвет. Розовый – цвет безмятежной «пустышки» Барби. У нее все «шикарно»: беззаботная, яркая, веселая, красивая жизнь, жизнь «сквозь розовые очки». Она озабочена только своим внешним видом, красивым интерьером, аксессуарами, ма-шинами, лошадьми... Гламур – культ житейского комфорта, прагматики, сибаритства, развлечений. Отсюда еще одна – гедонистическая – функция гламура.

Игрушечная роскошь, игрушечный гламур уве-личился в масштабе и вошел в нашу повседневную жизнь: розовые машины, телефоны в стразах, дизайн интерьера по принципу домика для Барби, не говоря уже об одежде и прическах, – примеры гламурного дизайна можно перечислять и дальше. Сейчас гламурный дизайн, милый и пустой, как Барби, но, как и Барби, имеет небывалый успех.

Помимо «кажимости» в основе гламура как социокультурного явления – принцип *подражания*. В дизайне миметическая сущность гламура проявляется в том, что созданные дизайнерами предметы не принадлежат к какому-либо определенному стилю или направлению. Гламур обладает всеядностью, он всегда вторичен. Все равно, чему подражать – голливудским звездам 30-х, Барби или М.Монро... Даже знаменитый розовый меховой телефонный аппарат – парфраз известного сюрреалистического произведения М.Оппенгейма «Чашка, блюдце и ложка, поросшие мехом» («Меховой чайный сервиз»).

В последнее время гламур все больше затрагивает не только женскую, но и мужскую половину общества. «Муж Барби», холеный и модный Кэн не мог не привлечь к себе внимания и не заставить ему подражать. Идет процесс, который можно на-

звать «феминизацией мужчин». Гламурный дизайн обслуживает мужчин чуть ли не с большим рвением: запонки и заколки для галстуков, наручные и карманные часы, ручки, письменные приборы и записные книжки со стразами и бриллиантами, гламурная одежда, прически и т.д. Можно ввести даже понятие «деловой гламур».

Гламур нашего времени становится все более агрессивен. Сегодня он в беспрецедентных масштабах навязывает свои ценности. Дизайн все больше превращается в отрасль, обслуживающую притязания и установки носителей роскоши, являющейся *бесстильной* и по сути дела не изысканной, а плебейской. Желание «быть успешным», получить заказ любой ценой, выдаваемое за стремление «идти в ногу со временем», все дальше уводит многих, даже талантливых современных дизайнеров в сторону китча.

Т.С. Габова

ГЛАМУРНЫЕ ПИТОМЦЫ КАК ЧАСТЬ ИМИДЖА ГЛАМУРНОГО ЧЕЛОВЕКА

Габова
Т.С.

НОУ ВПО «Гуманитарный университет»,
г. Екатеринбург

Имидж гламурного человека – это образ персонажа, который приобретает товары и услуги, рассчитанные на демонстративное потребление (модные сотовые телефоны, одежду, драгоценности, автомобили, аксессуары). Кроме этого, он часто посещает места, где можно продемонстрировать свой уровень потребления и которые, в свою очередь, сами являются знаками общественного престижа (развлекательные заведения, бары, рестораны, ночные клубы, казино) [3].

Иными словами, быть гламурным значит стремиться выделиться, причем не только из толпы, но и в среде себе подобных, самыми различными способами. Настоящий гламурный образ строится постепенно, и занимаются этим чаще всего профессионалы – имиджмейкеры по гламуру. Они постоянно находятся в поиске новых оригиналь-

ных способов сделать клиентов заметнее, кроме того, они всегда должны быть в курсе всех модных тенденций.

Последний, самый увлекательный тренд – мода на маленьких собак и мода для самих собак. Все знаковые личности континентов везде появляются с маленькими собачками. И почти у каждого такого питомца украшений и одежек едва ли не больше, чем у хозяина. Как говорит стилист Влад Лисовец, «Наряды и украшения для маленьких собачек, которых дамы берут с собой во время выходов в свет, выглядят очень привлекательно. Собачка становится красивым аксессуаром к общему облику» [1]. Красиво одетый и украшенный питомец является весомым дополнительным «аксессуаром» стильному хозяину или хозяйке. Существуют даже специальные мероприятия мира моды для животных.

Неделя моды для домашних питомцев проходит в Нью-Йорке с 2006 года. Дизайнеры создают феерические шоу на своих показах. Не меньший успех имеет повседневная одежда и аксессуары. Pets Fashion Week в Нью-Йорке – было единственным в мире мероприятием, имеющим подобные

масштабы. С 2009 года появился достойнейший коллега – Pets Fashion Week Russia (PFWR) [2].

PFWR стал единственным грандиозным событием в мире моды для животных на всей территории Евразии. Это было первое масштабное мероприятие с участием ведущих представителей зоо- и fashion- индустрии. В программе – разнообразие выставочных стендов с товарами и услугами для животных, шоу-показы лучшей одежды и аксессуаров для животных от российских и зарубежных кутюрье. Среди гостей – звезды шоу-бизнеса, представители культурной сферы и деловой элиты.

Константин Андрикопулос, Bosco di Ciliegi, по этому поводу заявил следующее: «Модная одежда для животных – это очень мило, особенно, если это какой-то выход в свет, а значит – возможность показать и себя, и питомца. Мода для животных – это способ создать красивый образ, который дополнит правильно и со вкусом одетого хозяина. Очень здорово, что этому явлению теперь посвящено такое масштабное событие, как PFWR» [1]. Как PFWR стало новым крупным звеном Russia Fashion Week, так и гламурные домашние животные сегодня являются гармоничной частью имиджа гламурного человека.

Мода для животных – такое же дорогое удовольствие, как и любой другой аспект гламура. Арсений Власов, художник: «Украшение для собаки может быть настоящим ювелирным шедевром.

Часто замечаю, что сейчас ошейники для декоративных собачек обладают большей ценностью, чем те же кольца, серьжки или мобильный телефон их владелицы» [1]. Таким образом, гламурные питомцы – это мерило престижа, как и любой имиджевый признак. Они отражают успехи своих хозяев, демонстрируют их уровень общественного и финансового положения.

Мода для животных и выход с ними в свет – это, конечно, замечательно, но возникает несколько вопросов. Во-первых, являются ли они на самом деле «членами семьи». Во-вторых, как питомцы воспринимают массовые мероприятия.

Знаменитости сообщают общественности, что питомцы, с которыми они появляются на мероприятиях, являются членами семьи, что они сами о них заботятся. Но есть ли у гламурных людей время, желание и возможность заботиться о животных? Или это за них кто-то делает, а они лишь выходят с ними в свет? Из-за недостатка информации нет возможности дать однозначного ответа на эти вопросы.

Литература:

1. Для звезд началась собачья жизнь // <http://www.paparazzi.ru/blogs/posts/394131.html>.
2. Информация портала Pets Fashion Week Russia // <http://www.pfwr.ru/week/>.
3. Что значит быть гламурным // <http://hbr.moigorod.ru/news/details.asp?n=2146383508>.

Е.А. Широкова

ИДЕОЛОГИЯ ГЛАМУРА: ЗОНА ВОЗДЕЙСТВИЯ – ИНТЕРНЕТ

Широкова
Е.А.

Студентка 5 курса Гуманитарного Университета, г. Екатеринбург

Гламур – это не произвольное явление, а хорошо спланированное социальное оружие, ведь главная цель культуры гламура – потребитель. Гламур требует новых жертв, поэтому он должен работать на любом уровне интеллекта, культу-

ры, пола, образования и социальной среды [1]. А выгодно это индустрии красоты и миру высокой моды. Сегодня для части молодых людей кажется страшным обвинение в негламурности, и они пытаются любым способом это исправить.

«Газета 2000» ярко и четко дает ответ на вопрос: «Что негативного привносит гламур в нашу культуру?» «Когда вся мировая эстрада перестает быть эстрадой, а превращается в «фабрику звезд», производя однодневок для конкурсов красоты, моды и откровенности эротичности позы – это влияние гламура. Когда холодным зимним утром на улице вы встречаете девочку-подростка с

голым по гениталии животом – это влияние гламура. Когда ваш сосед в своем полуразрушенном домишке с дырявой крышей ставит пластиковые стеклопакеты – это тоже влияние гламура!».

Более того, гламур стремительно стремится поглотить и другие формы мысли и образы прошлого. Так рождаются интернет-сообщества «Гламурный марксизм» и «Гламурный фашизм» (http://community.livejournal.com/glamur_fashizm/) в живом журнале, где Че Гевара больше похож на брэнд, которые пестрят бессмысленными блестящими картинками и записями, в которых смысла нет практически вообще. Возможно, это даже еще один способ популяризации фашизма, но это отдельная тема для разговора.

Если мы посмотрим на нашу массовую культуру сегодня, включая Интернет, то увидим следующее.

Сериал «Секс в большом городе», журнал «Гламур», шоу Ксении Собчак и Сергея Зверева.

Книги Оксаны Робски. Вообще, книгоиздательства открывают нехитрый секрет успеха: в названии книги должно содержаться слово «гламур». Анна Данилова «Гламурная невинность», АннаГрайфендер «Гламурная жизнь», Денис Полесский «Гламурные подонки», Женья Гламурная «ШИКанутые девочки», Кристин Гор «Сенатский гламур», Наталья Кочелаяева «Дети гламура», – и это неполный список. Это продают, покупают и читают [3].

Интернет просто пестрит огромным количеством обсуждений, видео, аудио, сайтов, так или

иначе имеющих отношение к культуре гламура. Сообщества в живом журнале, юзеры, транслирующие гламурные ценности. Например, некая pink_birkin, которая подробно описывает все прелести своего «гламурного» образа жизни, перечисляя марки, мероприятия, косметику. Достаточно нелепо судит о самых простых вещах и не блещет интеллектом. Между тем, она собрала в своем журнале 3 622 читателя.

Культура гламура процветает в социальных сетях – местах «обитания» молодежи. Если проанализировать сеть «в контакте» с аудиторией – школьники и студенты, что особенно опасно в данном случае, то получим следующее. Всего в сети создано около 7000 групп, имеющих отношение к гламуру, среди них: «мода и гламур» – 6 933 участника, «мода, стиль и красота» – 3 673, «леди гламур – быть красивой легко» – 3 014, «гламур» – 2416 и т.д., то есть движение действительно очень популярно среди молодежи.

Таким образом, сегодня мы видим, как сформировалась идеология гламура со своими последователями, со своими эффективными каналами воздействия (в основном это интернет).

Литература:

1. <http://www.inosmi.ru/panorama/20080330/240522.html> (Газета 2000).
2. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Гламур>.
3. <http://www.bg.ru/article/6273/> («Дискурс гламура», Анастасия Частицына).
4. <http://www.bratstvo.info/index.php?go=News&in=view&id=7997> Гектор Сергеев, «ГЛАМУР - Культурная чума третьего тысячелетия». 18.06.2007 г.

А.В. Дроздова, В.П. Беляев

ИДЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ГЛАМУРА

Дроздова
Алла Викторовна

кандидат философских
наук, доцент ГУ

Беляев
В.П.

кандидат философских
наук, доцент кафедры
философии и культурологии
УГГУ

В одном из выпусков программы «Школа злословия» поэт Л. Рубинштейн определил гламур как «официальную идеологию современно-

го общества». Каждая идеология претендует на то, что она дает верное знание о мире, предлагая свою систему ценностных координат и идей.

Остановимся на таких, на наш взгляд, основных характеристиках гламура, которые определяют его место в современной культуре.

Прежде всего, это его мимикрийность, которая в свою очередь заключается в его гибкости, текучести, моментальной приспособляемости к новым условиям, он будто бы говорит: «Вы еще думаете, а я уже пришел». Уместно даже говорить не о фактах, проявлениях гламура, а о ситуации гламура, которая создается с использованием технологий манипуляции, и др. механизмов воздействия на массового человека. Гламур не в самих объектах, предметах, а в голове человека, в его ожиданиях, скрытых желаниях, которые «вдруг повернулись к нему лицом».

Другая важная черта гламура – его противоречивость, доходящая до раздвоенности и самоотрицания, что придает ему известное обаяние жизни. Абсолютизируя настоящее, гламурный миф предлагает жить здесь и сейчас, и в тоже время говорит о «вечной молодости» (девушке Cosmo всегда 25), «вековых традициях» и «неизменных качествах» брендов (Всегда Coca-Cola). Происходит замещение реальной жизни, где исчезают даже привычные временные границы, поэтому современный потребитель может «есть клубнику и окружать себя розами зимой».

Третье обстоятельство. Предлагая потребителю «лучшее» и «свободное», гламур ненавязчиво подчиняет его своим каноническим образцам. Гламурное сознание легко узнать по догматическому отношению к принятому стандарту жизни. Еще 20 лет тому назад джинсы «Levis» считались знаком принадлежности к избранному обществу, сегодня такое можно сказать о брендах Prado, Chanel, Dior и др. Скажем так – в навязывании стереотипов меняются только декорации.

И о четвертом признаке гламура. Сегодня приватное вышло из заточения и демонстрирует себя вовне, в пространство публичного. Прозрачные фасады зданий, «перенос» на улицу телеэкрана, своеобразного «домашнего очага», многочисленные реалити-шоу позволяют наблюдать каждому частную жизнь

он-лайн. Трансформация пространства интимного в публичное, по мнению французского социолога М. Маффесоли, говорит о том, что в современном обществе происходит отказ от понятия личности в пользу понятия «персона», «маска». Гламурный человек утрачивает способность быть индивидуальностью, он пытается соответствовать коллективному Сверх-Я, которое предлагает человеку готовые сценарии успеха и успешной жизни (ты должен желать и быть желанным), тем самым, превращая его жизнь в поверхностное и формальное существование. Что в свою очередь, оборачивается невозможностью понять себя и другого. Хорошо отобразил данную ситуацию известный эссеист М. Уэльбек в своей работе «Мир как супермаркет и насмешка», отметив, что у современного человека «нет своих переживаний, ценностных ориентиров», они диктуются потребительскими практиками гламура.

Наконец, новая гламурная реальность практически вся искусственна. Л. Рубинштейн, рассматривая гламур как культурный мейнстрим нашего времени, отмечает, что это «мечта, образец, туманный и заманчивый горизонт». В нем есть все что угодно кроме реальной жизни, которая утрачивает значение и отменяется. В этом новом социальном пространстве жизненный сценарий заменяет обложка глянцевого журнала и реклама, которая диктует человеку то, что ему следует хотеть, то, как ему надлежит думать, то, с кем и когда он должен проводить вместе свою жизнь.

Анализируя ситуацию гламура, мы приходим к мнению, что она отражает определенные тенденции современной культуры, например, ее склонность к упрощению, приведение сложных форм к простым и утилитарным, требующих наименьшей работы сознания. Адаптация становится своеобразным выражением «качества жизни» в заданных гламуром пределах. Интересное замечание сделал Дж. Сибур, введя понятие «ноубрау», которое означает появление некой усредненной культуры, которая занимает нишу между элитарной и массовой, отвечая потребностям большей части среднего класса.

ГЛАМУР КАК ИДЕОЛОГИЯ КЛИЕНТОРИЕНТИРОВАННОГО СЕРВИСА

Рамзина
С.А.

кандидат социологи-
ческих наук, доцент ГУ

Ключевой деятельностью современного человека становится потребление, обусловленное необъятным диапазоном возникающих потребностей, влияющих на способ их удовлетворения. Взаимосвязь системы обслуживания и потребностей человека обуславливает их взаиморазвитие. Современный сервис как социально-культурное явление выступает в качестве системы равновесности (баланса) социально – культурных процессов жизнедеятельности общества.

Что мы понимаем под гламуром в системном анализе сервиса? Предпосылку формирования социально-экономических ресурсов предприятия, направленных на расширение границ клиенториентированного обслуживания как основного конкурентного преимущества сервисной организации с целью получения прибыли.

Направленность обслуживания определяется содержанием деятельности его участников. Т.к. процесс предоставления услуги идентифицируется потребителем с ее содержанием, задачей организации сервиса становится рыночная адаптация ключевых природных качеств услуги. Дизайн пакета гламурных услуг, содержание системы их доставки до потребителя определяются потребительскими атрибутами внешней власти, знаковой социальной нагрузкой, обеспечивающей возможность демонстративного потребления, позволяющей клиенту «выглядеть дорого». Организация процессов «гламурного» сервиса основывается на эксплуатации потребительской склонности к демонстративному потреблению, рассчитанному на донесение до окружающей аудитории мысли о процветании гламурного гостя. Продукт пред-

приятий индустрии гостеприимства, индустрии досуга и развлечений, которые сами являются знаками общественного престижа, должен поддерживать демонстрацию клиентских возможностей, должен выступать индикатором уровня жизни потребителя, который может позволить себе услуги определенного уровня качества и в определенном количестве.

Крайне значимыми в этом смысле оказываются содержание потребительских ожиданий от физического окружения процесса обслуживания, требования к стилистике сервиса, обязательное постпродажное сопровождение процесса обслуживания «гламурного» клиента с целью поддержания и развития его гламурной легенды соответствия статусу гламурного гостя.

Маркетинговый подход к изучению сервиса дает основания рассматривать гламур как инструмент манипуляции потребителями, как урбанизированную идеологию потребления, оформляющую сознание большинства; как характеристику культурного профиля потребителя массовых услуг на этапе сегментации, в результате которой становятся явными желаемые характеристики создаваемого «гламурного» продукта. Законы сервисного маркетинга позволяют создавать и тиражировать стереотипы гламурного способа самовыражения потребителя услуг, главным образом, через инструментарий продвижения сервисного продукта.

Жизненный цикл взаимоотношений сервисной организации с покупателем делает ставку на изменение существующих правил ведения бизнеса. Разработка нового подхода к организации обслуживания гламурных потребителей требует определения путей формирования такой организационной модели сервиса, которая способна быстро адаптироваться к искусственно создаваемым изменениям внешней среды, к появлению новых потребительских запросов, ожиданий.

Нормативность актуальной культуры «гламурного» сервиса, направленного на «гламурного»

потребителя, проявляется как процесс своеобразного превращения идеала роскоши, шика, аристократизма, внутренне принимаемого потребителем, в образец для подражания, а образца – в норму, в стандарты обслуживания.

Гламур – это актуальная идеология сервиса, система координат клиентоориентации, которая определяется, в конечном счете, тенденциями сервисизации экономики.

Коммуникативное пространство сервиса выступает в качестве инструмента для

конструирования этой идеологии, позволяет описать явное место клиента в клиентской базе предприятия, определить степень демонстрации гостеприимства по отношению к конкретному потребителю, порционировать внимание, заботу о нем за вознаграждение. Процесс коммуникации участников сервиса, обеспечивающий достижение социального партнерства и взаимодействия выступает как инструмент манипуляции манипулируемым потребителем.

Л.В. Пятилетова, Е.Г. Сахновская

ОБЫКНОВЕННЫЙ ГЛАМУР

**Пятилетова
Л.В.**

кандидат философских
наук, доцент УрГУПС

**Сахновская
Е.Г.**

кандидат философских
наук, доцент УрГУПС

Гламур представляется гремучей очаровывающей смесью (личного) успеха, моды и эротики (как тут не вспомнить идею Единого у Платона: гламурно – значит дорого и успешно; гламур глубоко эротичен; «гламурно» и есть «на «последнем» пике моды»). Все это выражено внесловесно, главным образом, визуально, поскольку гламур генетически визуален («Родина «гламура» – фотография. Причем не любая, а фотография в модном журнале. Именно в среде «модных» фотографов (fashion) слово «гламур» приобретает статус термина... отличительным признаком такой фотографии остается именно фокус на модель, а не на гардероб... В изображении модели с помощью специальных технических средств уничтожаются все неровности, шероховатости, «странности» – цвет лица «выравнивается», морщины «разглаживаются». Индивидуальные особенности строго дозируются. Облик на фото должен соответствовать определенному стандарту» [1].

Но не стоит абсолютизировать визуальную сторону гламура, сводя его сущностное проявление лишь к оболочке: «визуализация» (когда гламур – лишь средство) обманчива. Нейтральность формы давала бы абсолютную ее безоценочность (разуме-

ется, при строгом, последовательном различении формы и ее практикования). Однако мы наблюдаем обратное: например, «гнилой гламур» (Даниил Дондурей о современном телевидении). А это значит, гламур глубоко содержателен, визуальная оболочка сама по себе ценностно насыщена.

Теперь о глэм-сообществе. Условно его можно поделить на тех, кто, обогащаясь, «производит» гламур, и тех, кто его «потребляет» (вспоминается ставшее расхожим в 90-ые «масса (народ) схавает все»).

Для первых, составляющих абсолютное меньшинство, гламур, прежде всего, – средство обогащения, технология, приносящая успех.

Меньшинство, в свою очередь, делится на две подгруппы. Первая – глэм-капиталисты: «Они не похожи на капиталистов, описанных классиками, ни на проклятых эксплуататоров Маркса, ни на рациональных добропорядочных буржуа Вебера. Прежде всего для них характерна проектная логика жизни: они постоянно вкладывают в новые проекты – будь то бизнес, семья или образование – в расчете на максимально быструю отдачу. Короткие периоды интенсивной деятельности сменяются такими же краткими периодами ин-

тенсивного расслабления, гиперпотребления. Это выглядит нерационально: они не расходуют силы регулярно и планомерно, они не экономят деньги. Они вбрасывают все в дело, а потом это дело бросают. Прежняя логика капитализма предполагала, что нужно бросать убыточный бизнес, а согласно глэм-логике нужно бросать, продавать бизнес на пике капитализации компании, чтобы перейти к новому проекту и предоставить другим подбирать остатки. Глэм-капиталисты не могут существовать сами по себе, они существуют, прыгая с плеча на плечо неповоротливых рыночных гигантов» [2].

Вторая подгруппа – глэм-профессионалы «многочисленные креативные директора, менеджеры, дизайнеры, стилисты чего угодно – от аксессуаров до политических проектов. Это те, кто умеет создавать горячие бренды и тренды» [2].

«Общая их черта: быстрое сколачивание состояний и отношение к жизни как к «проекту», точнее, как к серии разных проектов. Всех их характеризует: 1) броскость и беспроблемность; 2) «позитивность»; 3) ненависть к традиционной социальности – не классовая, а эстетическая. Концепция «креативного класса» делает упор на создание «новых форм» в чем угодно. Топ-менеджеры сами назначают себе зарплату и получают ее в любом случае. Структура социального неравенства, при которой понижение уровня жизни большей части населения происходит одновременно с прямо противоположными тенденциями в верхней части стратификационной системы. Происходит размывание среднего класса: держатели малого бизнеса и профессионалы опускаются ниже среднего уровня пирамиды, тогда как пользователи технологий гламура отрываются от среднего слоя и по уровню доходов, и по стилю жизни» [4].

Идея личного успеха, являясь структурообразующей составляющей гламура, позволяет заполнить идеологическую лауну современного политического пространства России и тем самым срастить (за неимением лучшего: заказной, искусственный, идущий сверху поиск национальной идеи-предназначения ни к чему не привел, кроме сомнительно реализуемых национальных проектов) гламур и идеологию современной российской элиты (проще это выражено названием недавно прошедшего лондонского семинара «Роскошь как национальная идея России»): «... гламур за

последние пару лет стал идеологией правящего класса России, который давно проклял малиновый пиджак, обрел известную утонченность и научился скептически морщиться на шампанское, если это не Dom Perignon 1998 года. Модель гламурного образа жизни востребована элитой прежде всего как способ обрести респектабельность, не важно, в глазах Запада или местного бомонда. Г-н Путин носит Patek Philippe и начинает каждое утро с верховой прогулки, г-н Лимонов щеголяет безупречными вечерними костюмами и не пропускает ни одного светского раута столицы, г-н Абрамович променял сомнительный для Запада титул «русский олигарх» на приличное «хозяин Челси», г-н Жириновский тщательно подбирает галстуки к рубашкам, местами напоминая миланца, даже г-н Венедиктов, презирующий black tie за сходство с пингвином, заставил себя надеть смокинг на церемонию «Человек года GQ-2005», потому что «так положено». В этом смысле гламур консолидировал элиту, стал ее универсальным языком, дресс-кодом и фейс-контролем, ослабив стилистические противоречия между либералами, радикалами, левыми, государственниками и всевозможными неформалами... главной ценностью стала идея успеха, материальным выражением которого является гламурный образ жизни...» [5].

Итак, производители гламура суть его носители. Они и есть тот самый социальный эталон успешности – состоятельного, самореализовавшегося, ультрамодного, физически привлекательного человека, мечта во плоти для большинства – второй группы глэм-сообщества.

Это большинство также неоднородно. Есть верхи, элитарные адепты, как правило, это люди образованные, для них личный успех – критерий абсолютной подлинности Я. Их ценности (на примере российской публики, ранжируем от ста, берем верхушку иерархии): здоровье – 54%; друзья, общение (принадлежность к глэм-сообществу) – 52%; возможность реализовать себя – 47%; карьера, успех – 44% [6]. «Каким же получится усредненный гламурный персонаж? Это чаще женщина (66 проц.), чем мужчина. Гламурный персонаж не состоит в браке (68 проц.), 65 проц. представителей гламура не имеют детей, 22 проц. имеют одного ребенка. Как правило, гламурные люди хорошо образованы. Так, 45 проц. среди

них имеют или получили высшее гуманитарное образование, 25 проц. – высшее техническое, 6 проц. – несколько высших образований или диплом MBA» [6].

Есть и «низы» – массы, глэм-поведение которых сводится, скорее, лишь к подражанию, без принятия «глэм-философии» с ее центральной идеей личного успеха и, соответственно, без болезненной самооценки в случае социальной неудачи (бедности и, как следствие, невозможности быть гламурным; гламур беспощаден к бедным: они для него не существуют). «Первой Библией гламура, гламурным печатным органом, стал Cosmopolitan – «настоящий глянец без выкровок и полезных советов», превративший галлюциногенный мир мыслящих картинками девушек, чья кожа требует постоянного увлажнения, а психика – очередного теста, в действительность. Революция Cosmo состоялась. И стала носить массовый характер» [5]; «Гламур обвиняют не в том, в чем он, действительно, виноват. Он не особо циничен, смысл его – в некой усредненности, безопасности. Гламур защищает общество от радикальных жестов. Это именно некое царство вторичности, серости. Это принципиальный

смыслозаменитель, который синтезируется вместо реальных смыслов» [7].

И для первых, и для вторых гламур – единственный способ самоидентификации: «Я есть то, чем я кажусь»; те же описанные Э. Фроммом в «Бегстве от свободы» псевдомышление, псевдочувства – псевдобытие гламурного Я. Степень «огламуривания» – критерий самооценки, личной состоятельности, способности играть в статусные игры и побеждать.

Литература:

1. Афонина Е.Ю. Поэтика «гламурного» жеста (на материале русской и зарубежной прозы 1990-х – 2000-х годов) // <http://kritiktota.livejournal.com/5476.html>.
2. Константинов А. Формула гламура // http://www.rusrep.ru/2008/46/interview_ivanov/.
3. Аналитику феномена «успех» подробно см.: Пятилетова Л.В. Этика успеха делового человека. Екатеринбург, 2003.
4. Трюдо И. Безыдейная идеология виртуальности // <http://www.top-kniga.ru/kv/review/detail/php?ID=399885>.
5. Что такое гламур? // <http://violetinform.ru/2009/03/chto-takoe-glamur/>.
6. Гламур по-русски. Рейтинг жизненных ценностей «демонстративных» потребителей // <http://www.prime-tass.ru/news/shou.asp?id=1707&ct=articles>.
7. ЕСМ против гламура (философский митинг) – 28 марта 2009 // <http://dmitry.ucos.ua/news/2009-03-28-134>.

Е.В. Белоусова

ГЛАМУР КАК «ЗАКОЛДОВЫВАНИЕ» ЖИЗНИ

Белоусова
Елена Валентиновна

Аспирант ГУ

Гламурность, глянцевость современной массовой культуры становится наиболее привлекающей внимание её чертой. В завораживающем блеске гламура проявляется очередное возрождение магии в культуре.

На связь магии и гламура указывает уже происхождение этого слова. Слово «glamour» является производным от старофранцузского grimoire – колдовская книга, собрание заклинаний. Затем эволюцию слова можно проследить на примере старошотландского glamour – околдовывать, наводить чары. В литературе начала XVIII века слово использовалось в смысле «затуманивать», «за-

крывать пеленой», «создавать иллюзию». Вальтер Скотт использовал его в значении «колдовство». В современном американском английском glamour – это неотразимое очарование, эффектная романтичность.

Интересно рассмотреть гламур с культурологической точки зрения. Гламур как новый способ инкультурации, в котором проявляются древняя магия и современность.

Является ли гляцевый блеск современной массовой культуры лишь демонстрацией её потребительского характера? На наш взгляд, за этим блеском скрываются и другие, культурные потребности индивидуума. Прежде всего, гламур – наиболее наглядный способ быть в современности, быть современным. Наглядность отнюдь не означает легкости гламурной инкультурации. Гламурный идеал требует немалых усилий для его достижения.

Гламур связан с появлением новых образов социо-культурной идентичности, обращенных к прекрасной половине человечества. Они предстают во всем блеске славы со страниц глянцевого журнала. С обложки последнего номера журнала GLAMOUR на нас глядят женщины года – Тина Канделаки и Ксения Собчак. Лучшие актриса, певица, спортсменка, дизайнер не остаются в гордом одиночестве. Их дополняют образы известного телеведущего, актера, идеального бойфренда и секс-символ года. Интерес вызывает то, что информация о них предназначена именно для гламурных девушек, подается через призму их восприятия.

Путь к вершинам гламура отмечен вещными знаками, имеющими обязательный атрибут блеска. Согласно закону имитативной магии блеск металла серебряного цвета платья усиливает сияние знаменитости. На страницах журнала мы видим конкретные указывающие знак на то, что покупать, сколько это стоит, какими правилами пользоваться, где и с чем это носить. Кажется, что гламур бескомпромиссен в области цен: если вы хотите провести в сказке весь декабрь, займите

кольцо по цене от 112 500 до 542 500 рублей. Это, так сказать, гламур высокого полета. Возможна мистическая сопричастность к нему путем покупки более дешевых аналогов. Есть новогодние подарки и есть замена к ним. Очевидно, что на более высокой позиции стоит более дорогая вещь. Кожаная сумка с клепками за 22 500 рублей и очень похожая из искусственной кожи за 2299 рублей. Конечно, это далеко от неоплатонической эманации, но чем-то её напоминает. Гламурная девушка внимательно смотрит на ценники, прекрасно разбирается в брендах.

Гламур несомненно заслужил иронические оценки со стороны негламурной публики. Тем не менее, стоит оценить усилия персонажей гламурного спектакля. Это их усилиями творится своя версия современности – далекая от реальности, но красивая, праздничная, блестящая. Стоит оценить эту попытку создать новый прекрасный мир в условиях семантического хаоса, крушения ценностей прежней культуры. Обладает ли этот мир большей реальностью, нежели творения мага-иллюзиониста? Вопрос остается открытым.

Д.А. Устименко

АНТИГЛАМУР: ОТ МОЛОДЕЖНОГО ЭПАТАЖА ДО ВЫСОКОЙ МОДЫ

Устименко
Дарья Андреевна

студентка факультета
конструирования и
моделирования одежды
ГУ

Сегодня слово «гламур», спустившись из высших, элитарных кругов в массы приобрело негативный характер.

Кроме того, экономические катаклизмы и усталость именитых дизайнеров от вычурных изысков привели к тому, что в последнее время активно формируется новый бренд. Оказывается, сейчас модно одеваться бедно, просто, антигламурно, хотя и с некоторым шиком.

Частица «анти» показывает, что «антигламур» отрицает «гламур». Но какой гламур он отрицает? Тот, который несёт в себе утончённость образа, некую загадку, которая есть в каждой женщине (а гламур, всё-таки больше ориентирован на женщин), или тот «гламур», у которого под слоем блеска и мишуры пустота?

Для ответа на этот вопрос давайте обратимся к классической литературе. Первым русским антигламурным литературным произведением можно назвать роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». В нём тоже показана жизнь высшего света, но уже с другой стороны, с позиции «антигламурного» Печорина, который противопоставлен обществу. Стиль жизни таких героев, которые противопоставили себя окружающим, их блеску, искусственной красоте, можно назвать «антигламуром».

Сегодня антигламур может принимать самые разные формы, но во всех будет звучать протест, протест против всего, что навязывается культурой современного гламура.

Наиболее ярко антигламур проявился в стилях неформальных субкультур. Одним из первых таких стилей был стиль «хиппи» шестидесятых годов. Их девиз «мир во всём мире». Они отказались от всего, что было противоестественным. Ну а в одежде главным правилом было отсутствие всех правил. В моде они перевернули всё с ног на голову и вывернули наизнанку. Они принесли тайфун новых стилей и красок, которых никогда раньше не было. Причина того всплеска в том, что мода хиппи позаимствовала многое из традиционных стилей Индии, Непала, Центральной Америки, Бали и Марокко. В ходу были банданы, свободные длинные юбки, джинсы «клеш», жакеты с оборками и небольшие очки с круглыми или квадратными цветными линзами. Хиппи не признавали никаких лейблов, они не признавали брендов [4].

Затем появился стиль «панк», основанный на любви к музыке панк-рок. Панки – ярко выраженные индивидуалисты, стремящиеся к личной свободе и независимости. Их стиль нарочито пёстр и эпатажен. Обычно представители этого движения носят вызывающие «ирокезы», окрашенные в различные, неестественные цвета. Из одежды предпочтительнее старые, рваные джинсы, которые они носят с кедами или тяжёлыми ботинками на высокой подошве. Они предпочитают кожаные куртки – косухи, чёрные футболки или балахоны. Некоторые девушки-панки используют вызывающе-сексуальный имидж – яркий макияж, начес волос, короткие юбки, рваные колготки или чулки.

Ещё один стиль, стиль «байкеров», с их потрёпанными джинсами, чёрными кожаными куртками или длинными пальто с тяжёлыми мотоциклетными ботинками, длинными волосами и банданами. Девушка байкера должна ему соответствовать. Она очень эротична, привлекательна и шокирует обывателей. Путь к этому достаточно простой – джинсы в обтяжку, блузы, часто без рукавов на размер, а то и два, меньше чем нужно. Чересчур, обтянутые одеждой женские фигуры, шокировали жителей маленьких городков США, где зародился это движение, не меньше, чем вид самих байкеров, который разрушал провинциальные пуританские устои американского общества [6].

Одним из самых загадочных антигламурных стилей является «готический». Эта молодежная субкультура, выражающая свое специфическое мировоззрение и мироощущение. Она не принята обществом и это только подогревает интерес к ней.

Есть как минимум семь разновидностей «современных» готов, которое проявляется в основном только в одежде. *Готы-панки* – это ветераны движения. Они носят кожаные куртки, рваные джинсы и украшают себя английскими булавками. *Готы-андроиды* пытаются всеми путями скрыть свою половую принадлежность. Сильно загримированные, они носят кожаные ошейники, высокие каблуки и корсеты. *Готы-язычники* предпочитают мешковатую одежду, плащи и капюшоны. Они не красят волосы и носят деревянные и каменные руны. *Готы-фетишисты* любят обтягивающую одежду из кожи или латекса. Их обязательным атрибутом является вызывающий макияж. *Готы, работающие в компаниях с определенными требованиями к одежде*, стараются сохранить «готичность», одеваясь во все строгое и черное, не прибегая к украшениям и макияжу. *Кибер-готы* украшают себя микросхемами, шестеренками и проводами, волосы красят в яркие цвета, например, зеленый или голубой. *Романтик-готы* – не придерживаются черного цвета, носят костюмы викторианской эпохи и делают сложные «исторические» прически [3,5].

И всё-таки, в готической субкультуре, несмотря на многообразие направлений можно выделить общие тенденции. Это приверженность чёрному и белому цвету, глубоким, насыщенным красным и тёмно-синим оттенкам, а также макияж, как у девушек, так и у молодых людей (припудренное лицо и ярко подведенные глаза).

В современных городах можно встретить представителей рейверов, растаманов, скейтеров, роллеров, рокеров, эмо, и многих других представителей молодежных субкультур, которые также индивидуальны, у которых в одежде присутствуют своя атрибутика и своя концепция. Они преследуют одну цель – шокировать и эпатировать окружающих, пытаясь таким образом показать свою непохожесть, выделиться из толпы. И делают они это не с помощью «гламура», который стал по сути близким, а с помощью своего специфического стиля, который наиболее полно отражает их взгляды и представления о жизни.

Однако антигламур обретает плоть и кровь не только в неформальных уличных движениях, но и, как сказано выше, в мире высокой моды.

Давайте взглянем на мировые подиумы, а точнее на коллекции, представленные на 25-ой юбилейной Лондонской неделе моды. Первое, что бросается в глаза это коллекции Джемми Слак, Чарли ле Минду, Лиины Остерман и Айрис ван Херпен. Они производили сильное впечатление – мрачная готика, блестящий футуризм, безумные и одновременно агрессивные сексуальные формы, новые материалы – от металлических пластин и каскадов застёжек – молний до рваной марли, настоящих волос и чуел райских птиц [2]. Здесь нет «чистого» гламура, а скорее слабые его отголоски.

Особое отношение к гламуру у Вивьен Вествуд. В своих ранних коллекциях она доводит его до абсурда. Это скорее сарказм, нежели восторг в его адрес. Положение спасает виртуозный крой, изобретательные отделки, безукоризненное исполнение. Кстати панки именно её считают своей крёстной матерью. Она одной из первых почувствовала закат эры хиппи и стала искать новые стили. И этим стилем стал панк-стиль. Правда она не остановилась и пошла дальше, развивая свой собственный, неповторимый и сразу узнаваемый стиль в одежде. В ее коллекциях «Новые романтики» (с использованием советской символики), «Пираты», «Дикари» и «Бродяги» появился стиль «лохмотьев и дыр». Вивьен Вествуд демонстриро-

вала коллекции-пародии на модную одежду: швы наружу, прорехи и распушенные петли, шляпы из мешковины, украшенные перьями, волосы у манекенщиц испачканы грязью.

Правда, возвращаясь к современности, возникает чувство, что Вивьен Вествуд уже устала эпатировать. Достаточно посмотреть на её весенне-летнюю коллекцию 2010 года «Red Label».

Дальше всех в развитии темы антигламура в своих коллекциях пошли молодые дизайнеры из **Academy of Art**. На Нью-йоркских показах этой осени они предложили женщинам вовсе отказаться от игры красок и облачиться в верхнюю одежду темных и очень темных тонов. Для усиления впечатления от черного костюма дизайнеры предлагают американкам надеть на голову черный берет или повязку, собирающую волосы над головой. Судя по новой формации моделей, которые демонстрировали представленные коллекции, большинство кутюрье из Америки сегодня предлагают культивировать образ бледнолицых красавцев и красавиц, которые в погоне за антигламурными тенденциями позабыли о солярии и естественном загаре.

Литература:

1. <http://webmoda.3dn.ru/blog/2008-07-10-39>.
2. «ELLE» № 158, декабрь 2009.
3. «Российская газета» - Неделя №3839 от 5 августа 2005 г.

Екатерина Надрова.

4. <http://www.hitlife.net.ua/articles24/1302/>.
5. <http://www.4gots.ru/goti-odejda/>.
6. <http://stadu.net/article/302>.

Е.В. Андреева

ТЕНДЕНЦИИ, СОПРОВОЖДАЮЩИЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ В XXI В.

Андреева
Е.В.

кандидат исторических
наук, доцент кафедры
«Реклама», зам. декана
факультета социальной
психологии ГУ

Современный человек имеет больше возможностей для саморазвития и самосовершенствования, и в этом не последнюю роль играет сфера потребления. Становление общества массового

потребления сделало жизнь, с одной стороны, насыщеннее, ярче, в чем-то стимулировало индивидуальное развитие, поскольку достижение необходимого уровня потребления предъявляет определенные требования к личности.

Стандартизированное массовое производство создало изобилие однотипных товаров, для которых требовалось стимулирование потребителя их выбирать. Отсюда вытекали главные качества потребителя эпохи массового потребления: неподлинность «Я», потребитель формировался игрой моделей, возникала эмоциональная и интеллектуальная зависимость

от общества, имитационное отношение потребителя к реальному миру. Поскольку раньше потребление использовалось для демонстрации социального статуса и самопрезентации, из-за чего потребляемые предметы являлись символами, маркирующими идентичность и статус человека, то и человек показывал себя, но не реализовывал.

Поэтому с другой стороны, существовала опасность деидентификации, поскольку потребление ради потребления – это отказ от поиска и постижения экзистенциальных смыслов, а ведь именно в этом видится одно из предназначений человека в контексте культуры. Специалисты, обслуживающие сферу потребления, были заинтересованы в том, чтобы максимально быстро реализовывать уже изготовленную продукцию и разрабатывать новые продукты и услуги, таким образом, способствуя развитию и экспансии практик потребления, которые с течением времени приобрели характер «гиперпотребления».

Потребление – зависимость. Быть свободным сегодня – означает быть свободным от потребления, позволить себе не ориентироваться на идентификационные образцы массовой культуры. Поэтому обретение истинной культурной идентичности связано с отказом от возведения потребления в ранг культа [2, 82].

Формирующееся информационное общество воспроизводит новые виды «человека потребляющего», среди которых выделяются «символические манипуляторы», сознательно оперирующие вещами-знаками, и новый вид «компетентного потребителя», использующий потребление для самореализации и творческого самовыражения.

При информационном обществе каждый человек может при желании формировать собственную реальность. В основе постиндустриальной цивилизации существует определенный принцип жизни – демассификация, который активно воплощается благодаря значимой роли информации. Демассификация приобретает различные формы и заявляет о себе во всех областях человеческой деятельности. Благодаря демассификации формируется новый вид потребителей – просьюмеров (prosumer – термин футуролога Э.Тоффлера, 1990 г.).

Демассификация в СМИ проявляется через рост числа теле- и радиопрограмм, в падении тиражей, а нередко и закрытии массовых газет и журналов, в увеличении числа радиоголосов, телеканалов, небольших (по объему и тиражу) газет и журналов, в получении права гражданства электронными книгами и журналами и т.д. Тем самым растет многообразие, расширяется спектр предлагаемой СМИ продукции, она становится все более адресной, рассчитанной на потребности и интересы конкретных потребителей.

Демассификация в сфере производства и услуг в корне изменяет макрофилийную идеологию индустриальной эпохи. Правилom становится выпуск продукции мелкими сериями, чтобы ее как можно чаще обновлять. От частичной к полностью индивидуализированной продукции – такова дальнейшая перспектива развития экономической отрасли. Как пример, стандартные размеры одежды в будущем должны стать анахронизмом, все будут шить по индивидуальному заказу, по своим конкретным размерам и пожеланиям.

Демассификация доведет до «микро» и размеры торговых и промышленных предприятий. В США, например, с 1996 г. растет число фирм, состоящих из трех-пяти человек. Их оборудование – персональный компьютер, подключенный к интернету, а активы – время в интернете [1, 152].

Убедительным подтверждением демассификации, или индивидуализации, является также успешно развивающийся «нишевой» рынок (niche market), т.е. производство товаров и услуг (специальной информации, особого научного оборудования и т.п.), предназначенных для очень небольших групп потребителей, к тому же разбросанных по всему миру.

Самым ярким примером демассификации следует считать появление просьюмера, человека, который совмещает в себе сразу две функции: производителя (producer) и потребителя (consumer). Просьюмер – это активный потребитель, человек, который имеет доступ и умеет использовать технологии и информацию, который вовлечен в то, что происходит в розничной торговле, политике, поп-культуре. Просьюмеры – это группа людей, довольно

разрозненная, которая имеет определенные характеристики: они интересуются инновациями, они самодостаточны: гордятся своим умением думать самостоятельно и экспериментировать. Это коммуникаторы: рассказывают другим людям о своем впечатлении от новых продуктов, брендов и услуг и расспрашивают других об их опыте. Они авторитетны: другие люди интересуются их мнением и спрашивают совета. Просьюмеры – скептики, но не циники: они не доверяют слепо тому, о чем говорится в СМИ или рекламе, но ценят информацию и развлечение, которые могут извлечь из этих источников. Они живут настоящим и вовлечены в популярную культуру.

Для своего исследования Euro RSCG изучало не только особенности покупательского поведения просьюмеров, но и потребителей в общем. В России сеть провела исследование в декабре 2005 г. В исследовании в общей сложности приняло участие 2099 человек, из них просьюмеров оказалось 382 – это 18% в выборке (при разбросе среднего показателя в пределах 10–25% в зависимости от территории нашей страны). «Это довольно много, учитывая, что во времена Советского Союза россияне не приобрели достаточного опыта для выражения непосредственно несогласия или неудовлетворенности, и, конечно, административно-командная система была абсолютно не заинтересована в обратной связи с потребителями, – комментируют результаты исследования в Euro RSCG Worldwide. В ходе проведенных исследований стало понятно, что просьюмеры составляют всего 10–25% от общей массы потребителей.

RSCG показало, что просьюмер влияет в 4–5 раз сильнее на потребителя, чем обычный потребитель, – отмечают в компании. – Просьюмеры в полтора раза чаще встречаются с родственниками, приятелями и друзьями в течение месяца. Они в 2,3 раза чаще считают себя «лидерами» по сравнению с обычными потребителями, в 2,5 раза чаще бывают экстравертами» [3, 15].

Общение и коммуникация становятся одной из разновидностей потребления. Возникновение нового виртуального интерактивного информационного поля (всевозможных социальных сетей, форумов, блогосферы) – это одна из

тенденций, сопровождающих развитие общества потребления, являющаяся немаловажным фактором формирования культурной идентичности.

Просьюмер – это и потребитель новых медиа, т.е. пользователь, который сам отбирает события и определяет степень их важности для себя. Он отбирает ту информацию, которая отвечает непосредственно его запросам, и реагирует на нее. Он в режиме онлайн взаимодействует с журналистами изданий, с другими представителями аудитории СМИ, оставляя свои комментарии, отправляя отзывы по электронной почте, принимая участие в онлайн-вопросах. Таким образом, размывается и постепенно исчезает граница, отличающая создателя от потребителя контента [4, 215].

Новый вид потребителя сознательно манипулирует символическими значениями, которыми наделены товары, и выбирает услуги, исходя из желания участвовать в творчестве, в действиях самовыражения и саморазвития, дефицит которых диагностирован в информационном обществе. На смену покупателю-консьюмеру, по-детски верящему рекламе, торговцам и теряющему голову от громких названий мировых брендов, приходит просьюмер. Разница в три буквы говорит о совершенно ином покупательском поведении: просьюмер неохотно «ведется» на рекламу, разбирается в товаре лучше многих продавцов и все чаще совершает покупки через Интернет. Эту особенность как характерное явление информационного общества, осложненную явлениями кризиса, необходимо не просто учитывать, но и активно использовать в любой деятельности.

Литература:

1. Гречко П.К. Введение в обществознание. – М.: Поматур, 2001.
2. Игнатъева Н.В. Культурная идентичность в обществе потребления // Потребление как коммуникация – 2009: Материалы V международной конференции / Под ред. В.И. Ильина, В.В. Козловского. – СПб.: Интерсоцис, 2009. – С.81-83.
3. Обыкновенный просьюмер // Индустрия рекламы. – 2006. – №14.
4. Таранова Ю.В. Потребители новых медиа // Потребление как коммуникация – 2009: Материалы V международной конференции / Под ред. В.И. Ильина, В.В. Козловского. – СПб.: Интерсоцис, 2009. – С. 214-216.

Д.В. Смолкина

ДИХОТОМИЯ «ГЛАМУР/АНТИГЛАМУР» В МЕДИА-ПРАКТИКЕ

Смолкина
Д.В.

студентка ГУ

Гламур как стиль, как стандарт отношения к жизни и даже как «идеология современного общества» не является тотальной парадигмой в культуре и СМИ (даже в их «глянцевом» сегменте) просто потому, что роскошь и шик не могут быть повсеместными. В свою очередь, антигламур не только не маргинален – он и не самодостаточен; как феномен он существует только в единой с гламуром системе координат. Только на первый взгляд кажется нонсенсом выступление рок-звезды на закрытой вечеринке «олигархов», стилизация одежды для богатых под стиль «деклассированных» субкультур и роскошная светская жизнь антигламурного писателя. На практике провести границу между гламуром и антигламуром сложно, а если рассматривать сферу масс-медиа, то здесь можно увидеть практически слияние этих двух моделей, повсеместное включение «антигламурных» элементов в «гламурное» сообщение.

«Настоящая жизнь», появляясь на страницах журнала или на экране телевизора, автоматически редактируется профессионалами, чтобы предстать в том виде, в каком она сможет удовлетворять главному требованию к контенту традиционного средства массовой информации – привлекать внимание широкой аудитории. Все должно быть доступным («потребляемым») зрелищем, праздничным, «карнавальным»; каждое произведение, рассчитанное на публику, должно содержать в себе fuckable object (авторство термина приписывается фото-

критику Ирине Меглинской). Привлекать может как «прекрасное», «идеальное», «фантастическое», так и «ужасное», «неправильное», «подлинное», причем варианты «неидеального» заведомо многообразнее.

Источником глянцевого антигламура может стать творчество художника-экспрессиониста, режиссера-неореалиста или образ грандж-музыканта. Базовые приемы глянцевого антигламура – имитация необработанности исходного материала, непрофессионализма авторов или спонтанности, непостановочного характера изображаемого. Выделяется то, что должно скрываться чистым «гламуром»: например, тени от объекта съемки на белом заднике (как в работах Терри Ричардсона, автора известных фото для BAZAAR, GQ и VOGUE [1]) или расширенные поры и морщины на лицах звезд (российский вариант журнала «Esquire» стал одним из первых или даже первым, кто начал так оформлять свои обложки), нарушается гармония композиции, приглушаются цвета, изображения «состариваются», красота сочетается с уродством (например, паук на теле модели). Другой прием – ироническое осознание консьюмеризма, в большей степени характерное для западных художников, играющих в «контргламур» в сфере масс-медиа. Пожалуй, единственные темы, которых гламурный стиль касается с осторожностью – это болезни и смерть, хотя даже они в «нефизиологическом», очень условном, изображении могут использоваться в этой парадигме.

Однако проблема гламура/антигламура звучит иначе для немассовых медиа – нишевых или специализированных, онлайн-новых СМИ. Их авторы используют, в ос-

новном, две стратегии наполнения своего ресурса. Первая: контент, создаваемый непрофессиональными журналистами, может формироваться будто «по правилам» мейнстрим-медиа, но такие попытки чаще всего выглядят пародией на гламур (и скорее «антигламуром») – нет тех средств, чтобы изображать «красивую жизнь» – и отвергаются целевой аудиторией (вот, например, школьницы создали портал советов, в которых, в частности, объясняется, как стать «светскими львицами» [2]). Исключениями здесь выглядят полупрофессиональные ресурсы, например, о «клубной жизни» (как Geometria.ru) или платформы для общения экспертов, связанных с «гламуром» в профессиональной деятельности (фотографов, архитекторов). Другой путь – вместо того, чтобы пытаться соответствовать стандартам «сладкой жизни», заведомо труднодостижимым для большинства, авторы пишут о том, что интересно и понятно им самим, и тем, языком, которым принято общаться в среде таких же, как они. Таким образом создаются самые разные ресурсы – от padonki.org, bash.org.ru до slon.ru – авторы которых, как правило, не являются журналистами. Этот принцип – авторы пишут не о том, что попадает в новостную повестку дня, а о волнующем их самих, при этом субъективность становится допустимой – пытаются использовать и профессиональные редакции (например, «альтернативные еженедельники» как The Village Voice в США, а в России издание «Большой город» [3]). Предполагается, что для нишевых аудиторий таких СМИ не существует проблемы гламура как стремления к единственному идеальному стандарту, подразумевающую «роскошную жизнь» и «позитив»; их скорее занимает проблема подбора самоидентификации, выражения индивидуальности.

Тем не менее, нужно признать, что специальные СМИ (деловые, arts-oriented, субкультурные и пр.), которым как будто чужда дихотомия «гламур/антигламур», существуют в общем пространстве медиа для

больших аудиторий. Они не могут влиять на мейнстрим для глобализованных «масс», к которому, безусловно, на сегодняшний день относится идеология «красивой жизни» и – следовательно, малые медиа сами испытывают на себе влияние гламура. Например, в СМИ делового сегмента стремление к «позитиву», идеализации действительности имеет выражение в особом жанре («истории успеха») и визуальных шаблонных сюжетах («люди в белых рубашках рисуют диаграммы» или «люди в белых рубашках идут по ступеням вверх»). Опыт борьбы с «деловым гламуром» можно увидеть в смене дизайн-концепции российского журнала «Эксперт», которая прошла пять лет назад и визуально приблизила экономико-политическое издание к arts-oriented. Другая причина распространенности гламурного кода кроется в том, что любое медиа для малых аудиторий – это все-таки медиа, оно всегда нуждается в аудитории, следовательно, постоянно должно ее чем-то волновать и привлекать. Универсальные средства для удержания аудитории, на которых держится все современная популярная культура, во многом соотносятся с гламуром. Нишевым медиа для выражения собственной действительности требуются новые средства, но за новое чаще всего выдается «антигламур», всегда готовый потерять приставку «анти-», только бы не потерять зрителя/читателя. В целом же «гламурно-антигламурное» представление о мире, которое формируют или укрепляют медиа широких аудиторий, является конвенциональным для большей части глобальной публики так же, как и интуитивно понятны механизмы символического обмена «общества потребления» его участникам.

1. Электронный ресурс: <http://terryrichardson.com/>.

2. Электронный ресурс: <http://kristy-glamour.narod.ru/index.html>.

3. Морев, Г. «Большой город» – не открытое письмо чиновникам. 14.12.2009.

Электронный ресурс: <http://www.openspace.ru/media/paper/details/14976/page3/>.

К.С. Романова

ДИСКУРС АНТИГЛАМУРА

Романова
Кира Степановна

кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, член-корреспондент МАДИ

Работая только ради материальных благ, мы сами себе строим тюрьму. И запираемся в одиночестве, и все наши богатства – прах и пепел, они бессильны доставить нам то, ради чего стоит жить.

Антуан де Сент - Экзюпери.

Еще четверть века назад объектом общественных наук являлись такие феномены как образ жизни и стиль жизни. Сотни исследований и публикаций были посвящены анализу этих понятий, причем в сравнении и выяснении противоречий социалистического и буржуазного образа жизни. Категория образа жизни давала возможность комплексно, во взаимосвязи рассматривать основные сферы жизнедеятельности людей: их труд, быт, общественную жизнь и культуру, выявлять причины их поведения (стиль жизни), обусловленного укладом уровнем, качеством жизни.

В настоящее время, бывшее социалистическое общество, с определенными системами ограничений, в том числе и нравственных, превратилось в «общество потребления», где миллионы людей отдаются восторгам безудержного насыщения и удовлетворения своих самых фантастических потребностей. Бум потребительского кредита порождает огромное количество должников, которые переоценили свои экономические и ресурс-

ные возможности. Как отмечает Ж. Бодрийяр, при покупке в кредит человек одновременно с приобретением вперед вещь поглощает и принимает на свой счет миф о магической функциональности общества, способного предоставить ему такие возможности немедленной реализации желаний. Но для покупателя в кредит неизбежно наступают сроки платежа, и весьма вероятно, что для психологического облегчения он станет покупать себе в кредит еще что-нибудь. Правилom такого рода поведения является убежание вперед, и замечательно то, что покупатель в кредит не ощущает причинно – следственной связи между даровой покупкой и необходимостью за нее расплачиваться¹. Эта иллюзия экономической свободы, порожденная манипуляцией общественного сознания, приводит не только личность к внутренним психологическим конфликтам и подрыву физического здоровья, но и, в конечном счете, нарушила баланс кредитной системы, что привело к мировому экономическому кризису.

Новые экономические отношения и перераспределение национального богатства далеко не в равной, а тем более не в справедливой форме (с учетом участия в его создании), привело к разрушению социальной целостности и единства. Экономическое неравенство различных социальных групп общества ныне составляет отношение 1:15, а по некоторым статистическим данным даже 1:20. Самая малочисленная, но самая богатая часть общества (олигархи), которая стала таковой не в трудах праведных, а по воле исторического случая, проявила свою культуру в гламуре и глянце, которые с легкостью были подхвачены правящей элитой.

Гламур, который давно стал для элиты национальной идеологией, делает ее интернациональной, космополитной, приобщенной к Золотому миллиарду. Это своего рода пароль, открывающий двери, страны и сердца для опознания «своих». Использование внешних атрибутов гламура, таких как членство в за-

крытых клубах, наличие известных марок автомобилей и часов, брендовой одежды и обуви от кутюр, прически и макияж, фитнес и спа-услуги от имиджевых производителей, и др. дают возможность симулировать гламурность и психологически идентифицировать себя с этой частью общества. Целая индустрия глянца обучает молодых людей как путем имитации и симулякров приобщить себя к этому способу повседневной жизни, который напроць исключает труд на благо общества.

Несмотря на то, что носителями этой культуры является ничтожное меньшинство, идеология гламура старается с помощью СМИ, искусства, литературы и других средств занять господствующее место в культуре общества.

Слово «гламур» появилось в русском языке в 1997 году, однако широкое распространение получило лишь с 2001. Если говорить о социально-культурном контексте, то английские историки Р. Бакли и Э. де ла Хэй определяют гламур как искусственно сконструированный образ реальности, призванный стимулировать потребление, как понятие, означающее близость к общепринятым стандартам роскоши². В это же время появляется понятие «трэш» как субкультура без традиций и авторитетов – культура для бедных, противостоящая гламуру.

«Трэш» формально определяется как мусор, то, что нарушает общепринятые представления о хорошем вкусе. Трэш – это такой стиль жизни, когда человек не приемлет нормы и правила, когда он игнорирует нормы этикета, моды, условности. Привлекательность трэша – в его брутальной энергетике, неожиданности и непредсказуемости, в противостоянии коммерческому мейнстриму, чем он и импонирует интеллектуалам³.

Зародившись в средствах массовой коммуникации в конце прошлого века, трэш и гламур как противоположные дискурсы, быстро превратились в коды визуальной культуры. Взаимодействие в обществе трэша и гламура означает конфликт их идентичности и деконструкцию последнего. Гламур приобретает черты, присущие трэшу: неловкость, агрессию, маргинальность. В тоже время,

трэш широко использует поэтику гламура, иронизируя над ней и саботируя ее.

Близкой по форме к трэш-культуре является субкультура эмо. Не касаясь истории возникновения этой субкультуры, хочется отметить, что она являет собой вызов жестокой холодной действительности, противостояит потребительской сущности гламура. Эмо-культура по своему содержанию пропагандирует здоровый образ жизни, отказ от табака, наркотиков и алкоголя. Большое значение придается таким ценностям, как дружба, любовь. Эмо-культуру характеризует основанный на эстетике прекрасного принципиально инфантильный взгляд на мир, интровертность, акцент на внутренних переживаниях. Приверженцев этой культуры отличает противостояние несправедливости, особенное чувственное мироощущение. Духовными идеалами для них являются правдивость, честность, верность, искренность. Зачастую это ранимые и депрессивные люди, не находя места своим идеалам в окружающей их суровой действительности алчного потребительства, уходя в аутоагрессию. В 2008 году в Госдуме России состоялись парламентские слушания, на которых обсуждалась «Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в РФ и защиты их нравственности». Крайнюю нетерпимость разработчики концепции проявили и к эмо⁴. По степени общественной опасности они приравнены к скинхедам, нацболам и другим агрессивным субкультурным сообществам, хотя стремятся к высоким идеалам и декларируют нравственные принципы, которые противостоят гламурной культуре. Вместо того, чтобы задуматься о доступных и бесплатных способах удовлетворения духовных потребностей для молодежи, власть имущим легче объявить их духовные поиски опасными и бороться с этим.

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. М. 1995. С.134.

2. <http://www.ruarts.ru/rus.Php?Page=archive&article=trashglamour>.

3. Там же.

4. <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

М.Ю. Биктуганова

ЗНАЧЕНИЕ СУБКУЛЬТУР В МОДЕ

Биктуганова
М.Ю.

УрГУПС, г. Екатеринбург

Мода – это феномен культуры, который способен формировать образ жизни людей, а также отражать изменения, происходящие в обществе. Мода включает в себе основные черты и объясняет тенденции современности, выступает, таким образом, своеобразным индикатором социокультурных изменений. Моде подвластны и предметы, используемые человеком дома, и идеи, доминирующие в разные периоды времени. Исследование моды позволяет познать сущность той или иной исторической эпохи, смыслы культуры, она является языком, благодаря которому культура может рассказать о себе.

В поисках собственной идентичности человек, приобретая вещи, представляющие для него символическую ценность, понимает, что они не долговечны, так как логика моды заключается в постоянно увеличивающейся скорости их оборота. Человек постоянно ищет что-то новое, и мода отражает это стремление к постоянному изменению. Она вносит вклад и в ориентацию на человеческие потребности, и в стимулирование нововведений, и в контакты с другими обществами.

Различные проявления моды характеризуют способ бытия человека в мире, его образ жизни. Стремясь носить модную одежду, человек показывает свое желание выделяться среди других, выражать себя. При этом то, что он одевает – указывает на его принадлежность к определенной группе, например, субкультуре – социальной группе (к примеру, молодежной субкультуре), представляющей собой самостоятельное целостное образование в рамках доминирующей культуры, имеющей свою систему ценностей, собственные модели поведения.

Молодежная субкультура с одной стороны предстает главным жизненным измерением,

становясь необходимой осью для формирования собственной идентичности, с другой – служит способом развлечения, когда есть желание облегчить монотонную, но первостепенно значимую реальность дома, школы, работы.

Можно сказать, что гламур – это вид молодежной субкультуры, признаками которой является использование дорогих вещей. Главная идея проста – гламурный человек всегда должен выглядеть шикарно. Все, что он одевает непременно должно быть фирменным и находиться на гребне модной волны. Гламур манифестирует жизнь без проблем. Это такая субкультура, представители которой живут позитивно, в искусственно созданном мире. Главной целью является следование идеалам, создаваемым глянцевыми журналами. Гламур породил соответствующие направления, в частности гламурную фотографию (фотомодели на снимках, словно без изъянов), литературу (к примеру, книги таких писательниц как Оксана Робски, Анна Ларина, Наталья Маркович), приставку глэм получили некоторые направления в музыке, такие как глэм-готик, глэм-рок.

Новые молодежные стили в культуре, заявляя о себе, начинают с того, что бросают вызов традиционным смыслам, однако приходят в итоге к созданию новых правил, производя новые товары или обновляя старые.

Каждая новая субкультура генерирует новые идеи, производит новые символы, которые со временем становятся достоянием массового производства. Как только оригинальные новшества, символы субкультуры, превращаются в товар усилиями индустрии моды, они становятся общедоступными, понятными.

Создание и распространение новых стилей во многом зависит от производства, рекламирования и упаковки, что неизбежно ведет к ослаблению противостояния субкультуры (новаторство панков влилось в русло моды, как высокой, так и массовой).

Когда субкультура начинает ориентироваться на продажу, когда ее язык (визуальные, знаковые формы) становятся достоянием большинства, тогда проясняется контекст, куда ее можно вписать.

Каждая новая субкультура проходит зачастую одинаковый путь – от противостояния к растворению.

Субкультуры бросают вызов в упорядоченной системе связей, ставя под сомнение привычное представление о мире. Нарушая авторитетные коды в господствующей системе ценностей, субкультура порождает растерянность и смятение в обществе. Однако, попадая в газету или телевидение, молодые люди, стремящиеся выразить себя и выбирающие те или иные молодежные культуры, вписываются общественным здравым смыслом в привычный социальный контекст. Такой процесс гарантирует целостность общественного порядка, и возможен через превращение символов субкультуры в объекты массового производства, а также через определение девиантного поведения субкультур с точки зрения доминирующей обще-

ственной группы. Представители тех или иных субкультур могут одновременно восприниматься и как опасностью извне, так и как те, кто заблудился во взглядах, хотя данное представление, возможно, делает субкультуру и более и менее экзотичной, чем она есть на самом деле.

Сегодня происходит значительное ускорение модных тенденций, идет процесс взаимного проникновения культур, возникают новые смыслы. Сегодня границы между субкультурами и массовой культурой стали достаточно размытыми. Хотя в более закрытых субкультурах знаковые формы, безусловно, могут иметь более определенный и однозначный смысл, но это не распространяется на массовую моду.

Мода перестает передавать информацию, она сама ею становится, предстает как «открытый» текст, который приобретает новые значения.

СЕССИЯ «ДИСКУРС ТУРИЗМА И СЕРВИСА» (ЕКАТЕРИНБУРГ, ДЕКАБРЬ 2009 Г. УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ, ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ)

Е.Г. Сахновская

ДИСКУРС АЛЬТЕРНАТИВЫ И ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ МАССОВОГО ТУРИЗМА: ВОЗМОЖЕН ЛИ КОНСЕНСУС?

Сахновская
Е.Г.

кандидат философских
наук, доцент УрГУПС

Альтернатива – это стиль жизни, отстаивающий право личности на самоопределение и свободное самовыражение. Он напрямую связан с идеями контркультуры – движением молодежного протеста, возникшем в 60-е гг. в США, идеологами которого были Т. Лири, У. Берроуз, А. Гинсберг и др. В их интерпретации молодежный протест приобрел не только социально-политическое, но и эстетическое и мифологическое измерение, что позволило идеям контркультуры и особенно идеям

альтернативного образа жизни сохранить свою популярность до настоящего времени.

Однако, отдавая должное таланту и организаторским способностям американских идеологов контркультуры, стоит отметить, что подобные настроения получили широкое распространение во всех западных демократиях и даже России, что говорит о схожести социальных ожиданий молодежи этих стран.

Тем не менее, можно выделить различия между проявлениями контркультуры в США и Европе. В США, как нам кажется, в большей степени были выражены стилистические, эстетические и гедонистические движения в контркультуре.

В то время как в Европе, по нашему мнению, это движение носило в большей мере интеллектуальный и социально-политический характер. Оно

было связано с протестами против существующего режима и требовало пересмотра политики государства в пользу ее либерализации. В нем было больше выражено влияние европейской философии, идей Ф. Ницше, С. Кьеркегора, З. Фрейда, наряду с идеями К. Маркса, Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймера, Ж.П. Сартра, Ги Дебора и др.

В России движение контркультуры никогда не приобретало массового характера. Также претензии, предъявляемые к власти, имели, в основном, стилистический характер. Публичное выражение протеста не приветствовалось, и всегда было уделом одиночек.

В настоящее время эти приоритеты сохраняются, что связано, в свою очередь с крушением традиционных ценностей жизненного мира россиян, с утратой чувства защищенности. В этих условиях стремление к успеху, к повышению своего материального благосостояния кажется более важным, чем саморазвитие и самосовершенствование. Успех понимается как обладание определенным набором материальных благ и способностью к их публичной демонстрации. Отдых за границей по-прежнему является одним из таких критериев. Но в силу вышеназванных особенностей сознания россиян у них, в основном, преобладает ориентированность на массовый, достаточно комфортный, по их представлениям, отдых. В настоящее время таким условиям соответствуют Турция и Египет, представляющие высокие стандарты и широкий выбор именно в сфере массового отдыха.

Отказ от массового отдыха, выбор своего маршрута аналогичен самостоятельному и независимому планированию своей жизни, и, для российского гражданина особенно предполагает полное принятие ответственности за нее.

Кроме того, альтернативный отдых, так же как и выбор товаров и услуг тесно связан с такими понятиями как стиль, образ жизни, способ самовыражения

Индивидуализм как ценность, готовность нести ответственность за свои решения, что выражается, в том числе и в планировании отдыха, присущи таким группам населения как становящийся средний класс и интеллигенция. Но, выбор индивидуальной стратегии своего отдыха не связан напрямую с уровнем дохода, а в большей степени отражает интересы конкретной личнос-

ти. Итак, какие интересы личности отражаются на выборе той или иной стратегии отдыха?

Желание увидеть мир – поездки в «нераскрученные» страны.

Осуществляется с помощью бронирования билетов и заказа гостиниц и апартаментов по Интернету, также может включать в себя и поездки на собственном транспорте.

Познавательный и образовательный туризм также связан с online бронированием. Его цель – желание узнать страну изнутри, предполагает общение с местными жителями, поездки на местном транспорте и т.д.

Этот тип путешествий связан с концепциями «массового туризма», т.к. предполагает определенный уровень комфорта, может включать в себя и «раскрученные» маршруты и т.д.

Большую степень индивидуального выбора и добровольную готовность ограничить себя в комфорте предполагает **экстремальный туризм**. Он связан с желанием изучить труднодоступные уголки природы и оценить их красоту. Экстремальный туризм может быть спортивным (дайвинг, кайтинг, сплавы на байдарках, парашютный и авиаспорт), и тогда он связан с проведением соревнований, его труднодоступность и некоторая некомфортность связана со спецификой снаряжения. Другой аспект экстремального туризма – образовательный (связан с изучением заповедных мест, поездками по местам творчества известных писателей, краеведческими экспедициями).

Существует также **оздоровительный туризм**. Индивидуальный характер он приобретает в ситуации выбора человеком собственной стратегии лечения и поиска уникальных оздоровительных услуг. В этом случае многие санатории и оздоровительные центры приобретали популярность и становились объектом инвестиций в том числе и со стороны частных инвесторов благодаря своим уникальным предложениям оздоровительных и рекреационных услуг. Существует много позитивных примеров этого.

Можно выделить еще и так называемый **научный туризм**: участие в симпозиумах, конференциях и др., которое часто организуется на базе домов отдыха, санаториев, зарубежных курортов и др. К сожалению, общественная значимость научной деятельности существенно снизилась. Поэтому занятия наукой приобретают либо узкопрагматический

характер, либо становятся формой досуга в клубе единомышленников и способом идентификации «своих». Однако и в этом качестве наука может быть средством самовыражения, самореализации и поиска себя, и все равно даже в этом усеченном виде способствует развитию новых и укреплению старых контактов среди научного сообщества. В настоящее время научный туризм сближается с образовательным и оздоровительным туризмом.

Также приобретает популярность и **паломнический туризм**. При существующем в настоящее

время положительном отношении к церковной жизни, эта форма туризма может приобрести более широкую популярность, чем в настоящее время, но пока она также в большей степени сфера увлечения энтузиастов.

В общем и целом, альтернативные формы отдыха в силу вышеописанных особенностей развития России не получают в ней достаточно широкого распространения, но могут быть использованы как источник ценных идей для туристического бизнеса.

В. Дергачев, Р.А. Зайнетдинова

РЕКРЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ ТУРИСТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ РЕГИОНА

Дергачев
Владимир

студент ИМС

Зайнетдинова
Регина Аликовна

старший преподаватель
ИМС

Постиндустриальное общество резко повышает роль и значение сферы обслуживания. Традиционная ориентация региональной политики развития и размещения производительных сил, ориентированная на преимущественное развитие сферы производства без учета этого фактора становится анахронизмом. Однако эта инерция сохраняется, в особенности, в так называемых «старопромышленных» регионах и регионах с преобладанием узкой отраслевой специализации (например, промышленные, горнозаводские по своему характеру районы в Германии, на севере Франции, такой же характер регионов Среднего и Южного Урала или сельские районы, дикое труднодоступное побережье и т.п.). Магистральная тенденция формирования развитой экономики современного социального государства требует существенной корректировки политики повышения конкурентоспособности регионов и территорий

В этом плане, как показывает успешный опыт ряда стран – Турции, Египта, Таиланда, Мексики, Малайзии, Кипра, Греции и др. – важным направлением вывода регионов из хронической стагнации и существенного пополнения бюджета страны в целом выступает **использование туристических и**

рекреационных ресурсов данной территории. Для эффективного их использования неизбежно встает проблема развития инфраструктуры и в первую очередь – сферы гостиничного сервиса и в целом сферы гостеприимства.

В масштабах страны, особенно такой обширной и протяженной – как Российская Федерация, – большое значение, помимо необходимого и неуклонного бюджетного централизованного финансирования, имеет задействование механизма межрегиональной конкуренции для того, чтобы каждый регион, каждая территория максимально вовлекала имеющиеся там разнообразные ресурсы для повышения конкурентоспособности. Это повышает привлекательность территории для разнообразных инвестиций, решает множество социальных и экономических проблем, в целом способствует укреплению страны.

Г. Екатеринбург и Свердловская область имеют сложную социально-экономическую и политическую историю. Давление множества традиционных способов развития региона и решения социально-экономических проблем затрудняют разработку и применение новых подходов. Это и связанная с развитием оборонного комплекса многолетняя закрытость города и большей части области, это

и необходимость ускоренного развития тяжелой промышленности и энергетики, это и сложная экологическая обстановка в ряде мест. В этом плане огромное значение имело привлечение научных сил (в частности, Института экономики УрОРАН) для составления научно-обоснованной Программы размещения производительных сил в регионе, которая впервые позволила произвести своеобразную «инвентаризацию» различных ресурсов и наметить пути их эффективного использования.

Задачи современного исследования этой проблемы состоят в рассмотрении роли и значения ресурсов туризма и гостеприимства для повышения

конкурентоспособности города Екатеринбурга и Свердловской области. Необходим новый подход, который заключается в том, что, в отличие от традиционных схем и методов, по-прежнему видящих в Урале только оборонно-промышленный «опорный край» державы, нужно сместить акцент проектов и программ развития города и области на использование указанных ресурсов: это не только повысит уровень жизни населения, инвестиционную привлекательность региона, но тем самым – позволит обеспечить долгосрочное высокоэффективное его развитие как одного из самых передовых и благоприятных регионов страны.

А. Котова, Т.М. Харлампович

ДИСКУРС-АНАЛИЗ РЕСУРСНОГО ПОДХОДА К ТУРИЗМУ И ГОСТЕПРИИМСТВУ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Котова
Анна

студент ИМС

Харлампович
Тамара Михайловна

старший преподаватель
ИМС

Рекреационные концепции восстановления живых сил человека подразумевают использование для этого самых разнообразных ресурсов. При этом важно учесть как ресурсный подход, так и потребности людей, проживающих в данной местности для оптимального их сочетания и максимально полного решения главной задачи – развития и совершенствования «человеческого капитала».

Традиционно выделяют *природно-климатические* ресурсы, к которым относятся:

- гидроминеральные ресурсы (моря, реки, озера, гидротермальные источники, запасы пресной питьевой и минеральной воды и т.п.),
- особенности растительности и ландшафта (горы, долины, леса, реликтовые леса, пещеры, степь, пустыня, тундра, каньоны и т.п.),
- особенности климатические (тропики, субтропики, морской, горный, континентальный климат и т.п.),
- особенности животного мира (возможности охоты и рыбалки, заповедники)

Культурно-исторические ресурсы существенно расширяют и дополняют ресурсы туризма:

- памятники архитектуры и искусства,
- народные промыслы и ремесла,
- места и центры проведения важных и известных художественных и культурных мероприятий, фольклорных событий,
- памятные места исторических событий,
- религиозно-исторические достопримечательности и др.

Большое значение имеет степень развития сферы *гостеприимства* – отели и гостиницы различного уровня и качества предоставляемых услуг, кемпинги, кафе и рестораны, турбазы, санатории и курорты, места оборудованных стоянок. Кроме того, важную роль играет степень развития и качество дорог, сеть предприятий торговли, связи, здравоохранения, общественного питания и бытового обслуживания.

Каждый регион, стремящийся поставить эти разнообразные ресурсы на службу развития своей территории, должен учитывать также наличие необ-

ходимого числа *кадров*, обладающих определенным опытом. Тем более, что в современном мире широко распространяются выработанные общие стандарты и нормативы – обеспеченности и качества.

Важно обеспечить достаточно благоприятный *правовой режим* доступа и регулирования использования этих ресурсов (благоприятный визовый режим, прочный правопорядок), а также благоприятный *социально-психологический климат* (атмосфера доброжелательности и защищенности).

Многие страны в последние десятилетия, активно принялись разрабатывать природно-климатические и культурно-исторические ресурсы ранее мало обжитых территорий, резко подняв уровень своих доходов от туризма и гостиничного сервиса (остров Косумель у Карибского побережья в Мексике, побережье Красного моря в Египте (Хургада и Шарм-аль-Шейх), побережье Гоа в Индии, остров Хайнань в Китае, остров Бали в Индонезии и др.). Эти регионы существенно потеснили прежние места традиционного пляжного отдыха европейцев и североамериканцев в конкуренции за туриста. Для максимального использования экономического эффекта эти и другие страны идут на беспрецедентные меры – безвизовый или упрощенный режим въезда-выезда, огромные инвестиции, привлечение

иностранного капитала, принятие национальных программ.

Общим правилом, однако, остается одно: значительная неравномерность распределения ресурсов как в мировом, так и в региональном измерении.

Так, например, в Свердловской области весьма неравномерно распределены гостиничные ресурсы – как в смысле соответствия нормативам (51,4% по области в целом, 56,3% – в г. Екатеринбурге, 26,2% в Восточном АО и 68,3% – в Западном АО), так и в смысле распределения гостиниц по области (наибольшее количество гостиниц (36%) расположено в Екатеринбурге, 16% – в Западном АО)¹. Аналогичным образом обстоит дело и с развитием других элементов инфраструктуры – распределением предприятий общественного питания, связи, транспорта, торговли и бытового обслуживания. Тщательная «инвентаризация» различных категорий ресурсов с учетом новейших тенденций развития данной сферы позволит внести существенный вклад в решение острых социально-экономических проблем различных регионов.

1. *Российское гостеприимство*. Межрегиональный гостиничный форум. Свердловская область, ноябрь 2007. С.20-21.

В. Новисова. Е.С. Куликова

РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА Г. ЕКАТЕРИНБУРГА И СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Новисова
Владислава

студент ИМС

Куликова
Елена Сергеевна

кандидат экономичес-
ких наук, и.о.доцента
ИМС

Ресурсный потенциал туризма и гостеприимства повышают конкурентоспособность территорий. Во-первых, с точки зрения рекреалогии, удовлетворение разнообразных потребностей людей, восстанавливающих свои жизненные силы, повышает качество человеческого капитала, т.е. увеличивает *совокупные жизненные силы* людей.

Во-вторых, разработка и вовлечение региональных ресурсов туризма и гостеприимства ведут к развитию инфраструктуры территории (сети дорог, социокультурного сервиса и т.п.), создавая существенно более благоприятные возможности для жизни людей, повышая качество ее (в том числе – и путем приведения ее в соответствие с мировыми нормами и стандартами).

В-третьих, в эти регионы устремляется бизнес, находя себе разнообразное применение и получая достаточно быструю отдачу. Стабильность и определенные предпочтения, которые создаются в этих регионах, дают ощутимый эффект в общенациональном масштабе.

В-четвертых, территории, изобретательно и умело вовлекающие разнообразные ресурсы, повышают свою привлекательность в экономическом, социокультурном, социально-психологическом аспектах, что, в свою очередь, может служить источником дополнительных прямых и косвенных инвестиций (известно, например, что на островах Карибского бассейна не только замечательные пляжи, отели, прекрасный климат, стабильность, но и благоприятные условия для функционирования банковского капитала).

Сочетание в одном месте столь разнообразных условий делает их особенно привлекательными в сравнении со многими другими территориями, где качество отдельных услуг может быть даже выше.

В этом отношении показателен опыт Свердловской области. В современных условиях увеличивается число организаций и предприятий различной организационно-правовой формы, активно развивающих связи с зарубежными партнерами.

В регионе зарегистрировано свыше 900 предприятий с участием иностранного капитала. Возрастает потребность в кадрах специалистов-менеджеров, владеющих иностранными языками, чтобы квалифицированно, на мировом уровне

обеспечить маркетинг, рекламу, сервис, связи с общественностью.

По данным Всемирной туристской организации в ближайшие три года продолжится активность на российском гостиничном рынке. Наибольшая динамика роста гостиничного строительства отмечается в Москве, Санкт-Петербурге и Свердловской области. За 5 лет (2001-2006) оборот гостиничной индустрии России в целом увеличился в 3 раза и составил в 2006 г. 72,4 млрд.руб.

Динамично развивается туризм – внутренний и въездной. В 2005 г. Свердловскую область посетили 489 000 гостей из них около 100 000 – иностранцев. В сочетании с высокой инвестиционной привлекательностью Свердловской области (кредитный рейтинг ее в очередной раз поднят рейтинговым агентством «Standard&Poog» до отметки «В») это создает предпосылки устойчивого развития данных сфер услуг.

Существует значительный спрос на услуги внутреннего туризма. Доля внутреннего туризма в общей емкости туристского рынка области – 85%, въездного международного 6%. Растет доля деловых туристов – 78%.

Даже беглый обзор Свердловской области, несомненно, показывает наличие значительного числа уникальных природно-климатических, ландшафтных и историко-культурных объектов (ресурсов), еще ждущих своей разработки и использования на благо жителей Свердловской области, других регионов РФ и граждан других стран.

И.Е. Семенов, А.А. Тебнева

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА

Семенов
И.Е.

УрГУПС

Тебнева
А.А.

УрГУПС

На сегодняшний день в системе туристской деятельности большое внимание уделяется

формированию положительного образа молодежного туризма. Значительно изменилась

структура возрастного состава туристских потоков, том числе, молодежных. В мире уже сложилась целая инфраструктура молодежного туризма. Определенное развитие она получила и в нашей стране.

Однако современное состояние системы молодежного туризма не удовлетворяет международным требованиям и требует пристального внимания к себе как в стране, так и в регионе в частности. Изучение специфики молодежного туризма позволит грамотно сформировать туристский продукт и обеспечить достаточный уровень спроса среди этих потенциальных потребителей, для которых жизнь в соответствии с принципом движения предполагает преодоление географических пространств, границ и рамок в поисках идеального места пребывания, расширение границ сферы чувственности, обретение нового опыта переживаний, ощущений и эмоций.

Пути создания положительного образа молодежного туризма в России остаются предметом размышления, поиска оптимальных путей решения этого вопроса. К молодежному туризму относятся такие виды деятельности, как профильные лагеря, экскурсии, туристские соревнования и мероприятия, экстремальные виды деятельности в природной среде (спортивный туризм, альпинизм, скалолазание, спортивное ориентирование, рафтинг и т.д.). На сегодняшний день предлагаются различные мототуры для байкеров; туры для футбольных болельщиков; туры для лиц, относящихся к субкультуре буддистов. Мистические и эзотерические туры являются обучающими или ознакомительными. Распространение получила субкультура готтов.

В связи с этим видится возможным разработка конкретных программ гармоничного развития сферы туризма для молодежи в стране и, в частности, в нашем городе. Планирование различных форм работы по популяризации молодежного туризма в нашем регионе, а также привлечения гостей из других уголков России и иностранных туристов - одна из задач по развитию туристской индустрии в целом. Положительный резуль-

тат даст активное интернет-продвижение работы в данной сфере. В качестве следующего варианта возможен выход на федеральный уровень в формате фото-выставок, фильмов о регионе, брошюр и справочников для путешественников, других вариантов рекламы. Подобные мероприятия будут постепенно формировать положительный образ нашего города и области в целом среди молодежи.

Национальный колорит - основное конкурентное преимущество России в сфере туризма и города Екатеринбурга, в частности. Для того чтобы сохранить и развить его желательно возродить во всех учебных заведениях города и области такой предмет, например, как «Краеведение» и другие подобные курсы. Эта деятельность будет способствовать формированию национального духа молодежи, и не даст потерять бесценное культурное наследие. Выбор достаточно многообразен и разносторонен, также как и интересы современной молодёжной аудитории.

Чтобы привлечь молодежь к посещению столицы Урала и Свердловской области, необходимо показать красоту нашего города и его культуру с точки зрения молодежи. Для этого необходимо выделить приоритетные цели потенциальных туристов – жителей и гостей нашего города. По нашему мнению, основными, скорее всего, будут являться познавательные, развлекательные цели, участие в спортивных и культурных мероприятиях. В этом случае есть возможность рассказать о концертных площадках, музеях, театрах, кинотеатрах и других достопримечательностях города Екатеринбурга и его окрестностей. В Екатеринбурге свыше 600 памятников истории и культуры, из них 43 — объекты федерального значения.

Задача создания положительного образа молодежного туризма - ключевая задача отечественной туристической индустрии на сегодня. Выполнение этой задачи невозможно без создания новых туров, новых экскурсионных маршрутов. Кроме того, эта деятельность будет способствовать повышению воспитательно-образовательного и культурного уровня современной молодёжной аудитории.

Л.Г. Скоробогатова, Е.А. Куликова

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА

Скоробогатова
Л.Г.

УрГУПС

Куликова
Е.А.

УрГУПС

В системе мирового туристского развития особое и значительное место на сегодняшний день отводится молодежному туризму. Во всей системе мирового туризма доля молодежного туризма ежегодно увеличивается на 1,5%. Значительно изменилась и структура возрастного состава туристских потоков. Теперь доля путешествующих лиц до 30 лет занимает более 40 % турпотоков.

Молодежный туризм развивает наиболее динамичный и активный элемент производительных сил региона и потому способствует повышению ресурсного потенциала дестинации в целом. Молодежь – это важное условие, фактор социальных перемен, и инновационная сила, это не только объект воздействия со стороны общества и государства, но и потенциально наиболее энергичный, новаторский и радикальный субъект общественного развития.

Вместе с тем молодежь в возрасте от 14 до 30 лет, как одна из социально незащищенных групп, в полной мере подвержена воздействию негативных факторов внешней среды. Урбанизация, ограниченные возможности для полноценного развития и реализации своего потенциала, стрессовые ситуации вызывают повышенную потребность у молодежи в доступных оздоровительных, рекреационных, развлекательных услугах. Решение этой проблемы наряду с духовным оздоровлением нации является одной из стратегических задач, как на федеральном, так и на региональном уровне. В этой связи является актуальной задача разработки адаптивного подхода к организации туристского обслуживания молодежи в Российской Федерации. Удовлетворение этих потребностей в условиях осуществления социального контроля должно стать приоритетным со стороны государства и доступным для молодежи.

В мире сложилась целая инфраструктура молодежного туризма. Определенное развитие она получила и в Российской Федерации. В государстве действует

цепочка молодежных хостелов, а также предоставляются скидки для молодежи на предприятиях питания, на транспорте и в других учреждениях. Однако современное состояние системы молодежного туризма не удовлетворяет международным требованиям и требует пристального к себе внимания. Ошибка в данном случае заключается либо в полном игнорировании специфики молодежного туризма как такового, либо в неумении построить рациональную и адекватную систему туристского обслуживания молодежи, учитывающую все особенности данного сегмента рынка.

Как социальная отрасль туризм может заниматься подготовкой полноценных, гармонично развитых граждан. Воспитание гражданина страны – долгосрочная и многопрофильная задача. В нашей стране более 80% молодежи не может позволить или не умеет организовать себе качественный отдых и активное времяпровождение. Как следствие в молодежной среде растет популярность потребления алкоголя и наркотических веществ. Туризм способен создать условия для вовлечения молодежи в занятие массовыми видами спорта, приобщения к здоровому образу жизни, развитию патриотических настроений, способен справиться с большинством воспитательных задач подрастающего поколения. Участие в туристских походах, прогулках, загородных экскурсиях, туристских слетах и соревнованиях способствует духовному и физическому развитию, дают навыки самоорганизации, расширяют кругозор человека и способствуют его оздоровлению. Следует также отметить, что самодетельный и спортивный туризм является максимально доступным для молодежи. Кроме того, туризм может быть весьма прибыльной отраслью экономики.

При ежегодно возрастающей потребности молодежи к занятиям туризмом, проблемами развития туризма занимаются различные государственные ведомства, нет единой базы по проблемам жизни

человека в природной среде, существует дефицит квалифицированных туристских кадров, маршрутов и технологий, способных качественно удовлетворять растущий спрос, слаба материальная база самостоятельного туризма.

Исходя из вышесказанного, необходимо:

1. Создание действующей модели центров, баз и лагерей детского и молодежного туризма в регионах России.
2. Объединение ведомств и организаций, занимающихся проблемами туризма, проведение совместных мероприятий под эгидой госкомитета по делам молодежи.
3. Повышение имиджа страны как объекта туризма.
4. Привлечение к работе людей, профессионально разбирающихся в проблемах туризма.
5. Развитие молодежного туризма в регионах, организация федерального и регионального взаимодействия и контроль за осуществлением деятельности в рамках молодежного туризма на федеральном и региональном уровнях.

6. Создание базы общественных организаций, тесно сотрудничающих с региональными органами исполнительной власти по делам молодежи.

7. Проведение массовых туристских мероприятий.

8. Организация работы туристских секций, туристских соревнований, туристских маршрутов для молодежи.

9. Решение проблемы дефицита туристских кадров, повышение профессионализации туристской отрасли.

10. Обеспечение кадрами региональных и федеральных туристских мероприятий, проводимых под патронатом КДМов.

Развитый молодежный туризм окажет ощутимое воспитательное воздействие на подрастающее поколение. Важен так же его оздоровительный, лечебный и профилактический аспекты: он помогает детям и молодым людям окрепшими и здоровыми продолжать учебный процесс в школах, профессионально-технических училищах, техникумах и высших учебных заведениях.

К.В. Верхорубова

МОТИВАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА

Верхорубова
К.В.

менеджер турагентства
«Охотник»

В настоящее время туристский рынок переполнен самыми разнообразными молодежными турами практически в любую часть света.

Уже самоназвание молодежный отдых говорит о многом. Прежде всего, это означает, что как минимум путешествие будет незабываемым. И не важно, куда отправится молодежь – покорять горные вершины или нежиться на пляже, в пеший поход или в плавание на байдарках, заниматься дайвингом, изучать местные клубы или образовательные программы, главное чтоб это было максимум экономично. Так какой же

отдых нужен молодежи, учитывая их финансовое положение?

Организуя отдых для молодых людей, надо в первую очередь исходить из того, что студенты не готовы платить много. Правда, хотя они и готовы экономить на всем, начиная с проживания и кончая питанием и дорогой, то на развлечения денег не жалеют.

Конечно же, все туры и предложения для молодежи, можно поделить на несколько категорий, в том числе и ценовых. Из самого недорогого зарубежного пляжного отдыха – это отдых в Турции или Египте. Приемлемые цены, плюс отличный сервис и работа по системе «Все включено», веселые аниматоры в гостиницах – что еще надо молодежи, чтобы позабыть о повседневных хлопотах и развлекаться в свое удовольствие? Но если провести аналогию с родными пляжами Сочи, Анапы, Геленджика – отдых не выйдет

дешевле, а больше хлопот доставит, как и самим потенциальным туристам, так и турфирмам, которым придется индивидуально рассчитывать стоимость тура, так как не все турфирмы готовы предоставить молодым путешественникам готовые укомплектованные туры, которые подходят их требованиям.

Ниша молодежного туризма сегодня очень интересна для российских туроператоров в первую очередь, благодаря огромному желанию путешествовать у молодых и их растущим финансовым возможностям. Тем не менее, именно студенческим туризмом в России занимаются единицы, а в основном турфирмы предлагают специальные молодежные туры. Причина такого положения в том, что создать туристический продукт для молодых путешественников очень нелегко.

Сравнивая горнолыжные курорты Европы, то тут преимущество будет полностью на стороне России. Наиболее доступный молодежный отдых зимой – это горнолыжные Крым, Украина и, конечно же, Россия. Наша страна крайне богата на возможности проводить время разнообразно. Например, студенты любят проводить зимние каникулы в Домбае, Приэльбрусье, в Красной Поляне. Крайне популярен также зимний молодежный отдых и на Урале: Свердловская область (спорткомплекс «Уктус», гора «Теплая», «Волчиха», «Ежовая») Челябинская область (горнолыжный курорт «Солнечная долина», гора «Завьялиха», ГЦ «Абзаково») и т.д. Зимний отдых дарит незабываемые развлечения – лыжи, санки, коньки, катание на упряжках, блины, банька и многое-многое другое, а самое главное не надо ни куда ехать, минимум затрат и море удовольствия.

Экскурсионные программы по Европе, можно рассматривать тоже в экономичном варианте для молодежи – это автобусные туры, с остановками на ночь в мотеле, питание на базе завтраков и целый день посвятить изучению достопримечательностей данной страны! Если и такие варианты для молодежи не решаемы, тогда почему бы не посетить наши 2 столицы? «Экскурсионный Санкт-Петербург», «Петроград», «Золотое кольцо России», «Москва - златоглавая» – думаю, не каждый студент нашей огромной Родины посещал Москву и Санкт-Петербург.

Но самое главное для молодежи, это совместить приятное с полезным: отдых и работа за ру-

бежом, где студенты могут отдохнуть и заработать одновременно, стажирова языковую практику. В настоящее время много турфирм предлагает программы международного обмена в США, Канада, Великобритания, Франция. Стоит выбрать, что по душе и отправляться на покорение той или иной страны!

Российская молодежь проявляет все больший интерес к образовательным турам. Россия сейчас занимает 9 место в мировом рейтинге образовательного туризма, хотя в 2004 году у нее было лишь 15-е место. По проведенному опросу «Интерфакс-Туризм», выявил, что «полезный отдых» в России выбирает до 70% школьников и их родителей, 25% студентов и только 5% соотечественников в возрасте старше 25 лет.

Самый востребованным иностранным языком, который едут изучать российские граждане остается английский, его стремятся выучить до 80% молодых туристов. При этом 40% предпочитает изучать его в Великобритании, 20% – на Мальте, и 10% – в США».

Как не покажется это странным, но интерес к образованию за рубежом с начала этого года вырос, не смотря на финансовый кризис и довольно существенно. Увеличилось количество туристов как на долгосрочные программы (среднее образование, профессиональная переподготовка, получение степени магистра и бакалавра), так и на краткосрочные поездки с целью изучения иностранного языка. Стремятся также студенты 1-2 курсов российских вузов, родители оформляют детей в летние языковые лагеря, взрослые люди едут на Executive Course, группы детей из школ вместе с педагогом едут знакомиться со странами и учить язык. Традиционно не уменьшается количество желающих обучаться в Великобритании, продолжают ехать старшеклассники на программы гарантированного поступления в университеты, увеличился спрос на обучение в Канаде, США, Австралии и Новой Зеландии.

У нас в России цены за обучение уже давно приблизились к заграничным, так почему тогда не сделать переориентацию на зарубежные ВУЗы? Касательно пересмотра цен в зарубежных университетах: существенного увеличения стоимости обучения не происходит. Ситуация прямо противоположная: университеты и колледжи предлагают очень выгодные условия по оплате образователь-

ных программ. Например, при оплате сразу трех триместров студент экономит порядка 2000 евро, или предлагаются летние языковые программы для школьников и студентов по цене зимнего периода при оплате всей суммы до 31 марта. Скидки в некоторых рейтинговых университетах за рубежом достигают иногда 50%.

С прошлого года студенты в Канаде, Великобритании, США имеют право легально работать как в процессе обучения, так и по окончании университета. Студенты получают бесценный опыт работы в зарубежной компании, плюс зарабатывают собственные деньги.

Зарубежные университеты охотятся за «мозгами» талантливых студентов, и россиянам, отлично окончившим 11 классов, предлагают стипендии. Размер стипендий может составлять до 50% стоимости обучения, а многие вузы делают 10% скидку от стоимости учебы студентам, на «отлично» окончившим подготовительные курсы.

Существенно и то, что в России родителям будущих студентов приходится выкладывать значительные суммы не только за обучение в вузе, но и на этапе подготовки к нему: оплата многочисленных (дорогостоящих) репетиторов, подготовительных курсов.

Общего количества денег, затраченных на эти нужды, вполне хватает на год и больше обучения в зарубежном университете! Похожая ситуация и по краткосрочным курсам: стоимость путевки в детский лагерь на южном побережье России сопоставима с ценой летнего лагеря с изучением английского языка на Кипре или на Мальте.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что в настоящее время для молодежи существуют различные оптимальные варианты различного вида отдыха так и получения образования за рубежом, главное определиться с выбором и двигаться в нужном направлении, используя максимально экономично все возможности и тогда это увенчается успехом.

Н. Киселева, С. Шилова

МОЛОДЕЖНЫЙ ТУРИЗМ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ И РАЗМЕЩЕНИЯ

Киселева
Н.

студентка УГТУ-УПИ

Шилова
С.

студентка УГТУ-УПИ

Ежегодное исследование, проводимое международной организацией в сфере молодежного и образовательного туризма WYSE Travel Confederation, показало, что в то время как мировой экономический кризис негативно влияет на многие туристические отрасли, молодежный туризм продолжает развиваться. Студенты зачастую еще не имеют постоянного места работы, где они бы хотели остаться после окончания вуза и только лишь подрабатывают. С их точки зрения, намного интереснее было бы выполнять ту же работу, или подобную ей, но только лишь в другой стране, где можно найти новых друзей, познакомиться с культурой других стран. Среди них очень популярна программа au pair, смысл которой заключается в том, что студенты живут в иностранной семье и помогают в вос-

питании детей. Так же молодежь путешествует с целью изучения или совершенствования иностранных языков, а также с целью стажировок. Но, молодежный туризм не ограничивается целевыми поездками. Студенты также путешествуют как ради культурно-познавательного, так и пляжного и активного видов отдыха. Они также как и любая другая социальная группа людей могут обратиться к помощи турагентства.

В первую очередь, возникает вопрос, на чем путешествовать? Затраты на дорогу обычно занимают аж до 70% от стоимости тура. Как известно, студенты не обладают крупными финансовыми средствами и, как правило, выбирают экономичные виды транспорта, такие как автобус, железнодорожный транспорт. По-прежнему самым экономичным видом транспорта в Европе

из России остается автобус. Самым недешевым является авиатранспорт. Но и здесь, многие авиакомпании предлагают молодежные тарифы и скидки студентам, нередко до 50% от основного тарифа. Альтернативой авиатранспорту является железнодорожный, но он требует не только финансовых, но и временных затрат. Известно, что перемещение таким способом может занять около нескольких суток. Во многих европейских странах существует своя скидочная система. Преимуществом путешествия на поезде является возможность увидеть много интересного, проезжая через разные страны и города.

Следующим вопросом возникает вопрос о месте размещения. Самым популярным экономичным вариантом для студентов являются hostels, или молодежные общежития. Hostels существуют практически в каждой стране. Стоимость одной ночи варьируется от \$15 до \$40 в зависимости от количества человек в комнате. Комнаты в hostele необходимо бронировать заранее, особенно номера на 4, 8 и 10 человек. Они являются самыми недорогими и поэтому пользуются большим спросом.

В hostele студент может воспользоваться кухней, телевизионными каналами, компьютерным залом с доступом в Интернет. Несмотря на низкую стоимость проживания и не самые лучшие условия проживания, каждый hostel отличается довольно серьезными правилами размещения и проживания.

Что касается экскурсий, молодые люди могут также их заказать либо в турфирме, либо в любом туристическом офисе по приезду. В тех же офисах они могут получить бесплатные брошюры-путеводители и карты.

Представитель WYSE Travel Confederation отметил, что молодежный туризм является особенно выгодным для принимающих стран, поскольку средняя продолжительность путешествий молодых людей, например, в Австралии достигает 53 дней, тогда как деловые поездки в среднем длятся всего 3,5 дня, сообщает Travel.ru со ссылкой на Sydney Morning Herald. Кроме этого, опрос специалистов в сфере молодежного туризма показал, что большинство из них ожидают полного восстановления отрасли в первой половине 2010 года.

Ю.С. Пьянкова

К ПРОБЛЕМЕ АДАПТАЦИИ МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ГОСТЕПРИИМСТВА

**Пьянкова
Ю.С.**

УрГУПС

В современной кадровой терминологии очень часто можно слышать такие слова, как подбор, отбор, переподготовка и аттестация персонала, и крайне редко встречается такое понятие, как адаптация. Вопросы адаптации молодых специалистов имеют большое практическое значение. От их решения зависит пополнение предприятий общественного питания высококвалифицированными кадрами.

В словаре иностранных слов «адаптация» трактуется как «приспособление организма, органов чувств к окружающим условиям». Следовательно,

человек в жизни адаптируется буквально ко всему и от того, насколько быстро и легко пройдет этот период, настолько большая отдача сил, энергии и интеллекта будет от человека.

Адаптация молодого специалиста – это не только приспособление к новым условиям жизнедеятельности, но и активное усвоение норм профессионального общения, производственных навыков, трудовой дисциплины, традиций трудового коллектива, то есть процесс вхождения в ту или иную социальную среду.

Адаптация бывает двух видов: первичная и вторичная. Первичная рассчитана на работников совсем неподготовленных (выпускников профессиональных училищ, практикантов и стажеров). Она включает в себя различные курсы по освоению специальности и цеховое обучение. А адаптация вторичная помогает работникам уже

профессионально подкованным развить свои навыки еще больше: курсы повышения квалификации, самоподготовка специалиста, обмен профессиональными навыками. На предприятиях быстрого питания, где персонал отличается своей низкой квалификацией, основной акцент делается на адаптацию первичную. А в ресторанах серьезных, куда приходят люди уже довольно подготовленные, служба персонала в основном занимается адаптацией вторичной, ведь высокий уровень сервиса могут поддерживать специалисты только высокой квалификации. Для повышения квалификации сотрудников менеджерам рекомендуется проводить дополнительное обучение персонала ресторана на тренингах персонала ресторана.

В коллективе складывается определенная система различных деловых и личных взаимоотношений, которые основаны на взаимном доверии и уважении людей, открытости, порядочности. Особенность трудового коллектива общественного питания в том, что атмосфера, созданная в нём, напрямую касается качества работы с гостями и поэтому создание для каждого сотрудника возможности развиваться как творческой личности очень важно. Коллектив обладает высокой эффективностью в работе, его сотрудники всегда объединены какой-то общей целью. Важным моментом успешности жизнедеятельности такого коллектива является настроение и атмосфера, в которой он живет или социально-психологический климат коллектива, а это - эмоции, отношения, настроения, мнения и установки. Особенно ценны для благоприятной обстановки любого коллектива такие черты характера человека, как жизнерадостность, веселый нрав, оптимизм, а также, уравновешенность и самообладание, которые смогут не допустить конфликта. Таким образом, нормальный, здоровый психологический климат в коллективе всегда является залогом его успешности и работоспособности.

Молодой сотрудник, осваивая профессиональную сферу своей жизни, всегда проходит два уровня адаптации, профессиональный и психологический. Профессиональная адаптация – процесс взаимного приспособления работника и организации, основывающийся на постепенном включении сотрудника в трудовой процесс в новых для него профессиональных, социальных и организационно-экономических условиях труда,

на её ход влияют индивидуальные характеристики человека, его интересы, установки, особенности интеллекта. Психологическая адаптация, по мнению специалистов, является наиболее важной. Это сложный, длительный, а иногда и болезненный процесс, связанный с изменением внутреннего мира человека. Он обусловлен отказом от привычного, связан с преодолением различных профессиональных затруднений. Молодой специалист вынужден мобилизовать волю, энергию, сдерживать эмоции. При этом ломаются прежние представления, стереотипы деятельности, формируются новые навыки, умения, изменяется поведение. Здесь важнейшее значение имеет духовная атмосфера коллектива, которая может оказать как положительное, так и отрицательное воздействие на молодого специалиста. Любой коллектив имеет свои законы, которые уже сложились до прихода молодого специалиста и работают по своей определенной схеме. Чем быстрее молодой сотрудник поймет законы своего нового коллектива, отношения внутри него, тем быстрее пройдет его адаптация. Неприятие молодого специалиста, безразличное или даже агрессивное отношение к нему со стороны коллег способны негативно повлиять на профессиональное самоопределение. Нормальный психологический климат, искренняя и доброжелательная атмосфера скорее вызовут у молодого специалиста заинтересованность в работе даже при низкой зарплате. Кроме того, проявляя интерес к работе коллег, молодой специалист сможет завоевать определенное доверие к себе и приобретет профессиональный опыт.

Какие могут быть проблемы у молодого специалиста? В вопросе начинающих специалистов существуют общественные стереотипы. Речь идет об отсутствии восприятия старшими коллегами новичка как полноценного сотрудника и восприятие его как необразованного, глупого человека. Нередко руководители и коллеги старшего поколения хотят от молодых специалистов простого выполнения обязанностей, подчинения, исключая их инициативу и творческие начинания. В таких случаях не рекомендуется начинающему специалисту все происходящее относить к «конфликту поколений» и опускать руки. Выход виден в попытке создания имиджа серьезного работника, который видит свою цель в овладении основными навыками профессии, а также в проявлении

ответственности и определенных организаторских способностей. Человек сам определяет свою позицию, находит те роли, которые ему подходят. Но в условиях вхождения в новый коллектив, на первом этапе, не стоит противопоставлять себя коллективу, лучше действовать в контакте с коллегами, быть готовым оказать и принять помощь от сотрудников. При этом молодому специалисту необходимо постараться не ставить себя на ступеньку ниже остальных работников, а попробовать решать профессиональные проблемы вместе с ними. Тогда специалист сможет завоевать определенное доверие к себе и приобретет профессиональный опыт.

Проявление интереса к делам коллег, вступление в обсуждение проблем коллектива, и не только профессиональных, вежливость и доброжелательность – все это создаст благоприятное впечатление о молодом работнике, покажет, что он заинтересован в общем деле организации. При этом рекомендуется разговаривать с людьми разных поколений на их языке. Не стоит молодому специалисту использовать молодежный сленг или свой какой-то непонятный язык, который уместен только в компании друзей, не связанных с работой.

Одним из немаловажных моментов является и внешнее впечатление о человеке, которое, в

большинстве случаев, складывается на основе прически, глаз, улыбки. К нему можно добавить еще и одежду. А дальше мы уже присматриваемся к личным качествам. Встречая нового человека, коллектив сразу относит его к определенной категории, и строит свое поведение в соответствии со сложившимися стереотипами. Лучше всего, конечно, определенная установка на то, что у каждого человека есть как положительные, так и отрицательные качества. И только умение гибко действовать в соответствии с положительными качествами сотрудника и мягко сглаживать отрицательные – создаст предпосылки более объективного оценивания и предупредит некоторые искажения в представлении о нем. При этом высокая профессиональная компетентность молодого сотрудника вызывает уважение.

Обобщая все изложенное выше, можно сказать, что сочетание тактики руководителя, помощи коллег и определенной политики молодого сотрудника, его знаний и умений в области профессиональных взаимоотношений поможет успешно пройти как профессиональную, так и психологическую адаптацию не предприятиях общественного питания. Молодой сотрудник постепенно приобретет опыт общения с коллегами, гостями, а с ним придет и профессиональный опыт, карьерный рост.

В.А. Гусева

С РАБОЧЕГО СТОЛА ВЫПУСКНИКА: ФОРМИРОВАНИЕ PR-ДИСКУРСА В СИСТЕМЕ ПРОДВИЖЕНИЯ ГОСТИНИЧНОГО ПРОДУКТА

Гусева
В.А.

УрГУПС

PR-деятельность («Public relations» – «связи с общественностью») – это планируемая продолжительная деятельность, направленная на создание и поддержание доброжелательных отношений и взаимопонимания между организацией и общественностью.

Задача PR состоит в том, чтобы наладить взаимопонимание между клиентом и предприятием гостинично-туристского бизнеса, добиться положительного отношения и доверия клиента к предложению предприятия на длительную перспективу, то есть формирование в глазах общественности положительного имиджа, хорошей репутации и уважения к предприятию. PR – это искусство делать хорошую работу широко известной, а этим призван заниматься «пиарщик» – специалист-суггестор, который управляет информацией, формирует у общественности доверие к предоставляемым услугам и их производителям.

Для сферы гостиничного бизнеса задача PR состоит в том, чтобы организовать взаимопонимание, положительное отношение и доверие гостя к предложению предприятия гостиничного бизнеса на длительную перспективу, создать атмосферу радушия и гостеприимства. Создание такого впечатления – комплексная PR-работа: это и внешний PR (установление и поддержание связей с партнерами, клиентами, СМИ), и внутренний (связи между сотрудниками компании). Цель внешнего пиара – изменение в положительную сторону и поддержание информационного пространства для достижения бизнес-целей компании. Доказательство качественной работы – одно только упоминание названия компании вызывает у людей положительные эмоции. А добиться этого можно с помощью сюжетов и статей в СМИ, удобного сайта компании, проведения пресс-конференций, презентаций, встреч. Внутренний пиар также немаловажен, ведь сотрудники должны знать и понимать ценности компании, ее уникальность и конкурентные преимущества. И, конечно, они должны быть командой, а для этого пиарщик организует совместные мероприятия, поздравления, старается сплотить коллектив любыми способами. Однако в гостиницах редко работает специализированная PR-служба – такое могут позволить себе только крупные отели, гостиничные цепи. Обычно пиаром занимается служба маркетинга. В небольших гостиницах маркетингом часто занимается отдельный сотрудник, иногда сам руководитель.

Большую роль в формировании образа играет «сарафанное радио», поэтому важно мнение тех, кто уже воспользовался услугами гостиницы. Также очень значим общий информационный фон вокруг отеля. Его создают различные статьи, заметки, новости, отзывы. Для начала нужно понять, каково положение на данный момент. Проанализируйте информационное поле отеля: посчитайте количество упоминаний в прессе за определенный период (6-12 месяцев). Важно оценить общий тон и направленность статей, специализацию изданий. Обычно статьи – реакция журналистов на информационные поводы, которые создает сам отель.

Плюс пиара в том, что его эффект будет отличным от нуля даже при нулевом бюджете, хотя отсутствие средств ограничивает выбор инструмен-

тов, которыми может воспользоваться специалист. Основным оружием пиарщика в период кризиса станет инициация положительных публикаций в профессиональной прессе. По данным исследований, у людей наблюдается информационный голод, количество посещений информационных порталов возрастает, увеличивается аудитория деловых радиостанций, поэтому всплеск публикаций нерекламного характера расширит информационное поле и повысит узнаваемость отеля. Человек должен наткнуться на информацию о гостинице в максимально возможном количестве СМИ, в связи с этим следует выстроить тесные и доверительные отношения с прессой. На особом месте находятся сетевые СМИ, с которыми обязательно нужно наладить контакты. Также важно найти спикеров, которые могли бы представлять объект и упоминать его в своих интервью. Личные связи нарабатываются годами. Их наличие часто определяет ценность и «цену» специалиста.

Важно, готовя материал для публикации, помнить о принципах отношений с общественностью – абсолютная честность, соблюдение этических норм, открытость и доброжелательность. Искажение информации недопустимо – все тайное рано или поздно станет явным, и репутации гостиницы будет нанесен огромный вред. Позаботьтесь также о том, чтобы информация была доступна, правильно преподнесена и правильно понята.

Информационных поводов не стоит пассивно ждать – их нужно создавать. Для этого активно пользуются службами и площадками отеля. Идей может быть множество: различные промо-акции, субботники, забота об экологии, проведение разнообразных фестивалей, конкурсов и др.

Приведем перечень PR-акций, весьма распространенных в практике гостиничного дела:

- разного рода благотворительные мероприятия;
- организация в гостинице выставок по искусству;
- презентация косметической продукции для клиентов гостиницы;
- проведение детских карнавалов, показов моды;
- проведение недель кухонь различных регионов;
- музыкальные вечера в гостинице;

- показы мод в сотрудничестве с домами мод;

- ток-шоу со знаменитостями;

- дегустация вин для знатоков;

- совместное приготовление блюд под руководством шеф-повара ресторана.

Что касается оценки эффективности, то абсолютно точно оценить эффективность PR-мероприятий невозможно, однако это вовсе не означает, что нельзя совсем. Такие методы существуют, и специалист по продвижению должен их знать. В долгосрочной перспективе эффективность PR-деятельности отражается как на объеме продаж, так и на внимании к отелю со стороны прессы

и потенциальных партнеров, которым важен имидж отеля.

Эффективность конкретной акции может измеряться количеством полезных контактов и предложений по сотрудничеству, заключенных договоренностей и, естественно, настроением и отзывами людей, на которых эта акция была направлена и которые принимали в ней участие. Также важно, какое освещение получила акция в независимых информационных источниках. Успех PR-мероприятия зависит не от количества гостей или журналистов, посетивших его, а от количества и качества информации, которую получили СМИ.

Л.Г. Скоробогатова, Т.А. Зглобичкая, К.С. Игнатьев

АГРОТУРИЗМ: РЕЗУЛЬТАТЫ АПРОБАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЕКТА

Скоробогатова
Л.Г.

Зглобичкая
Т.А.

Игнатьев
К.С.

Агротуризм – новая и еще мало освоенная в нашей стране отрасль туризма. Сказывается стремление городских жителей хотя бы на время избавиться от эмоциональных и экологических перегрузок мегаполисов. Основной целью агротуризма является улучшение экономического состояния отдаленных территорий. Среди его главных задач – сохранение уникальной многообразной природы России, финансовая помощь природоохранительной деятельности, вовлечение в туризм местного населения, подъем его уровня жизни; воспитательная направленность на патриотическое воспитание подрастающего поколения. Агротуризм – это сектор туристской отрасли, ориентированный на использование природных, культурно-исторических и иных ресурсов сельской местности. Он включает в себя не только реконструкции старинных промыслов и видов человеческой деятельности, но

и проживание туристов в сельской местности и знакомство их с местным колоритом: участие в рыбалках, охота, посещение бани, сбор лекарственных трав, прогулки по окрестностям с посещением старых деревень и т.д. Во внедрении и развитии агротуризма очень заинтересованы старинные провинциальные малые города, многие из которых находятся в депрессивном состоянии.

К числу таких городов относится и Ирбит с Ирбитским районом, занимающий второе место в Свердловской области по общему уровню безработицы. Вследствие того, что градообразующие предприятия здесь закрываются одно за другим, местная власть акцентируется на развитии сельского хозяйства, в том числе и развитии туризма на основе сельскохозяйственных ресурсов. От этого последнего специалисты и администрация ожидают экономический и

социальный эффект уже в скором времени. В копилку первых шагов в данном направлении внес проект «Агротур в Ирбит».

Цель тура – показ достижений города Ирбита в экономике и культуре региона. Достижение цели осуществляется через выполнение следующих задач: знакомство с особенностями рекреационных ресурсов Ирбитского района; изучение объектов сельского хозяйства и организации фермерской деятельности на примере крестьянского хозяйства А.А. Карпова; определение рентабельности сельскохозяйственного труда.

Эстафетно дальнейшая проработка проекта «Агротур в Ирбит» и изучение проблем развития сельского туризма в районе передана авторам данных строк. Одним из шагов в данном направлении стала специально организованная учебно-производственная поездка в Ирбит, в которой принимали участие студенты специализации «Гостиничный сервис и туристский бизнес» с 1-5 курс. Данная поездка имела целью оценку разработанного маршрута, состояния экскурсионных объектов и общей готовности принимающей стороны к осуществлению тура.

Я.О. Токарева

МОЛОДЕЖНЫЙ ОТДЫХ В СОЧЕТАНИИ С ТРУДОМ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ТРАДИЦИОННЫМ ПАКЕТНЫМ ТУРАМ

Токарева
Я.О.

УрГУПС

Автору этих строк довелось летом 2009 г. в течение трех месяцев поработать в качестве волонтера в США в городе Нью-Йорк. Получив массу впечатлений и пользу от этого активного отдыха, решила составить информационный обзор по этому направлению молодежного отдыха, становящемуся популярным среди российской молодежи, включая студентов.

Международным волонтером может стать практически любой – для этого достаточно иметь загранпаспорт, немного знать английский и быть готовым к физическому труду. Это не совсем курорт, но в конце программы, а также на протяжении всего пребывания в стране, можно попутешествовать на свои, же заработанные деньги. Правда, придется поработать!

Как правило, в каждой волонтерской организации предлагают одни и те же программы, охватывающие чуть ли не весь мир. Из общей базы данных турист-волонтер сам выбирает то, что ему интересно. Программы бывают нескольких типов. Первый – архитектурно-

реставрационные лагеря, чаще всего их организуют в Европе. Так, можно поехать во Францию восстанавливать деревню или замки и фонтаны в провинции Лангедок. А, например, гостеприимные португальцы в сентябре приглашают в Коимбру облагораживать территорию вокруг городской церкви.

Второе направление – социально-культурное: подразумевается участие в семинарах, выставках, образовательных программах, а также работа со школьниками. К примеру, в сентябре можно поехать в Каталонию, где требуется помощь в организации и проведении фестиваля современного искусства. А Япония зовет волонтеров обучать школьников английскому языку. Сюда же отнесем образовательные программы для студентов в различных уголках мира, включая популярную программу Work&Travel USA.

Третий тип программ – аграрные: волонтеров приглашают работать на фермах, в полях, чаще всего – на сбор урожая. В объявлениях подобного рода крупными буквами пишут, что подразумевается тяжелый физический труд. Так, той же Японии требуются помощники для уборки риса, а в Греции – для сбора оливок. Работать надо по 6-7 часов в день, выходной раз в неделю, а условия – почти как в геологической экспедиции.

Российские волонтеры – это, как правило, студенты и молодежь до 30 лет, которые очень хотят путешествовать, но не имеют на это достаточно средств. Большинство отправляются в Европу – туда билеты дешевле. Едут реставрировать замки, очищать каналы, сажать деревья в парке и заниматься прочей общественно полезной работой. Они готовы терпеть отсутствие комфорта ради 3-4 недель общения с местным населением. Организации предлагают уехать и на более продолжительный срок, например на год. Это, в основном, относится к образовательным программам за рубеж.

Человек, отправляющийся волонтером, сам покупает билеты, делает визу и добирается до места работы (проживания) – встречать в аэропорту его никто не будет.

Итак, чтобы поехать в трудовой cheap-trip, требуется не так уж много. Для начала надо найти компанию, которая специализируется на отправке путешественников-добровольцев за рубеж. Допустим, организация найдена – теперь вам предстоит заполнить заявку или анкету, а если это программа студенческого обмена, то пройти собеседование в офисе компании на ан-

глийском языке. Процедура несложная и почти везде одинаковая.

Планировать поездку стоит за 2-3 месяца – столько времени обычно требуется на получение ответа от принимающей стороны, оформление всех бумаг и виз.

Когда бумаги заполнены – пора оплачивать взнос: без этого никто даже читать не станет. Окончательное утверждение кандидатуры волонтера происходит после собеседования в консульстве. Требования предъявляются самые минимальные: главное, чтобы соискателю было больше 18 лет. Приветствуются лидерские качества и креативность. Естественно, необходимо знание английского языка на хорошем разговорном уровне, но, как показывает практика, это не особенно важно. Попадают и особо активные граждане с минимальным словарным запасом, которым иностранный язык и не требуется: они жестами могут объяснить все что нужно. Других жестких критериев отбора нет. Будущему волонтеру остается лишь заняться поиском дешевых билетов, ну и подкопить денег на сувениры и подарки для друзей и родных.

Е.С. Назаров

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО МЕНЕДЖЕРА ТУРИЗМА

Назаров
Е.С.

УрГПУ

Формирование рыночных отношений и усиление конкурентной борьбы на рынке труда и образовательных услуг привели к резкому возрастанию требовательности к качеству подготовки специалистов, выпускаемых вузами. Расширились потребности населения в качественных услугах, удовлетворить которые способны только высококвалифицированные специалисты различного профиля.

Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. провозгласила задачу формирования образованных и предприимчивых людей, обладающих внутренней культурой, способных прогнозировать ситуацию и принимать оптимальные решения, нести ответственность за собственную деятельность. В связи с этим возникла необходимость формирования профессиональной компетентности студентов. Проблемы подготовки специалистов для туристской деятельности освещались в работах Д.В. Ермиловой, А.Н. Кузнецова, В.Н. Лебедева, О.Ю. Марковой, Н.В. Табуновой и др.

Анализ состояния практики преподавания в условиях вузовского образования позволяет утверждать, что получаемые студентами зна-

ния носят теоретический характер и оторваны от реальной туристской практики и запросов работодателей. Наиболее эффективным для формирования будущего менеджера является компетентностный подход, представляющий собой совокупность теоретико-методологических положений и организационно – педагогических мер, реализуемых на основе социокультурного анализа, ценностных ориентаций. Содержание профессиональной компетентности менеджера регионального турбизнеса, вероятно, должно включать: социокультурные образовательные компетенции (владение менеджерскими функциями, знание и инновационный подход к управлению турфирмой, коммуникативными средствами, владение методами анализа и обобщения, рефлексивно-оценочной деятельностью); социально-психологические компетенции (профессиональная направленность, целеустремленность, социальная ответственность, умение взаимодействовать и общаться с людьми, самоконтроль, объективное оценивание ситуации); личностные компетенции (системность мышления, аналитико-исследовательская деятельность, креативность, активность, самостоятельность, уверенность, эмоциональная культура, эмпатия, толерантность в отношениях, стремление к непрерывному самообразованию); исследовательские компетенции, в основе которых лежит инновационная деятельность вуза по подготовке менеджера.

Содержательной основой подготовки менеджера туризма является культура управления, прежде всего, формирование деловой управленческой культуры, становление которой основывается на национальных традициях, нравах, привычках, обычаях. Формирование культуры управления профессиональной деятельностью студентов осуществляется на нескольких базовых уровнях: на базе мировой управленческой культуры, выступающей в форме концепций, принципов, правил, программ, системной организации процесса управления; на базе собственной управленческой культуры, выраженной в стиле, культуре взаимодействия и общения, в передаче и обмене информацией, принятии решений и доведения их до исполнителя.

Туристский менеджмент носит многосторонний характер. На основе содержания

деятельности и выполняемых функций можно выделить несколько групп менеджмента туристской деятельности: группа менеджеров, деятельность которых связана с определением объектов туризма, их описанием, оформлением для эксплуатации; группа менеджеров, занятая пропагандой познавательной, рекреационной, эстетической ценностью объектов туризма с использованием средств массовой информации; группа менеджеров, занятая планированием и организацией турдеятельности; группа менеджеров, занятая исполнительско – организаторской деятельностью.

В формировании компетентности менеджера важная роль принадлежит социокультурному пространству и образовательной среде, которая складывается из следующих составляющих:

- информационная насыщенность пространства материалами турпродукта;
- банк данных о реальном состоянии процесса подготовки менеджеров;
- овладение методами формирования и использования коммуникативных средств связи;
- развитие научного потенциала преподавательского корпуса вуза, его включение в исследование развития туристского бизнеса;
- формирование в учебном процессе атмосферы творческого поиска в подготовке менеджера туризма.

Менеджеры XXI века должны действовать в условиях не только более требовательного и все более сложного, но и более динамичного и зависящего от многих факторов мира. Идея «глобальной деревни» становится реальностью, в результате чего будущим менеджерам придется овладевать новыми социально-культурными явлениями и ценностями, а также с уважением относиться к разнообразию окружающего мира. Причем речь идет не о каком-то далеком будущем. Двумя наиболее значимыми изменениями, происходящими здесь и сейчас, является все более ускоряющийся технический прогресс и интернационализация гостеприимства и туризма. Поэтому от того, в какой мере вы как будущий менеджер-лидер овладеете всеми необходимыми навыками и умениями сейчас, зависит то, насколько успешной окажется ваша карьера в будущем.

Л.Ф. Беликова, Е.В. Калинина

СОСТОЯНИЕ РЕКЛАМНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫЕЗДНОГО ТУРИЗМА В ГОРОДЕ ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Беликова
Л.Ф.

РГППУ

Калинина
Е.В.

РГППУ

Реклама, информационно - рекламная деятельность играет важную роль в развитии выездного туризма, тем более для регионов, недавно закрытых для иностранных туристов, каким является Уральский регион, город Екатеринбург, в частности.

Проект продвижения г. Екатеринбурга как туристского центра на Урале реализуется муниципальным учреждением «Столица Урала» (его структурным подразделением – информационно-туристской службой), созданным при администрации города Екатеринбурга.

Это пока единственная подобная служба в регионе. Однако в рекламно-информационном обеспечении важного для города выездного вида туризма пока немало проблем. Мешает неразвитость инфраструктуры гостеприимства – малочисленность высококласных отелей, нехватка англоговорящего обслуживающего персонала, а также соответствующей информации, помогающей ориентироваться иностранцам при перемещениях.

Так, по мнению руководителей ряда турфирм, специализирующихся на выездном туризме, до сих пор ощущается нехватка информации о достопримечательностях города и знаменательных событиях в его жизни. Темпы и качество создаваемых информационных продуктов еще отстают от постоянно возрастающих потребностей. Не хватает буклетов, путеводителей, интернет – ресурсов о достопримечательностях Екатеринбурга и его окрестностях, способных на русском и иностранных языках предоставить качественную и полноценную информацию, сопутствующую индустрии гостеприимства.

Эти проблемы послужили основой для проведения специального разведывательного соци-

ологического исследования, проведенного в г. Екатеринбурге осенью 2008 г. студентами кафедры социологии РГППУ.

Был проведен выборочный анкетный опрос гостей города об оценках городских туристических путеводителей, как одного из печатных средств рекламно-информационного обеспечения выездного туризма. Анализ социологических теоретико-методологических основ данной темы, анализ материалов информационно-туристской службы, результатов опроса – все это позволило сделать следующие выводы.

В качестве наиболее эффективных рекламно-информационных элементов продвижения г. Екатеринбурга как туристского центра следует выделить: 1) выставочные мероприятия (международные, национальные, региональные, workshop); 2) рекламу в средствах массовой информации; издание рекламно-информационной литературы; 3) организацию ознакомительных поездок и рекламных туров; 4) использование новейших электронных технологий (Интернет, мультимедийных дисков, E-mail маркетинга. Так, наиболее полную информацию предлагает веб-сайт администрации города и информационно-туристической службы); 5) путеводители и др.

Среди представленных путеводителей по г. Екатеринбургу на рынке можно выделить следующие: «Екатеринбург культурный»; «Екатеринбург вкусный /eating out»; «Екатеринбург – календарь событий»; «Екатеринбург Easy visit»; Путеводитель серии «Пти-Фюте – Екатеринбург»; Путеводитель + обзор «Екатеринбург. Европа-Азия». Городские путеводители в целом положительно оценены опрошенными туристами (см. табл.1).

Таблица 1 – Респонденты о наиболее популярных путеводителях по городу Екатеринбургу (% от числа ответивших)

Путеводители	%
Путеводитель серии «Пти Фюте – Екатеринбург»	30
«Екатеринбург Культурный»	24
«Екатеринбург Easy visit»	20
Путеводитель+обозрение «Екатеринбург. Европа-Азия»	12
«Екатеринбург Вкусный /eating out»	7
«Екатеринбург – календарь событий»	7

На вопрос о том, какие городские путеводители читали, каждый третий из опрошенных ответил, что наиболее узнаваемым для них является путеводитель «Пти Фюте – Екатеринбург», который содержит в себе информацию об истории города, культуре, достопримечательностях, вариантах проведения досуга. Путеводитель охватывает практически весь круг интересов гостей города. Так, в путеводителе серии «Пти-Фюте – Екатеринбург» 2007 г., собрана необходимая практическая информация для тех, кто хочет познакомиться со столицей Урала и ее окрестностями. На страницах путеводителя можно найти координаты гостиниц и кафе; телефоны служб первой необходимости; советы, как подготовиться к поездке и где сделать противозенцефалитную прививку. Здесь предложена подробная информация о достопримечательностях города и занимательный краеведческий материал. С помощью поэтапного

расположения текста о достопримечательностях города можно совершить прогулку по улицам, которые хранят историю разных эпох, и познакомиться с Екатеринбургом современным, бурно развивающимся и растущим.

При этом были отмечены недостатки, свойственные представленным на рекламном рынке путеводителям по городу. Среди них, в частности, некачественное скрепление страниц (большинство респондентов считают, что было бы удобнее скрепить их пружинкой); информационная перенасыщенность некоторых изданий; неудобства в навигации и поиске нужной информации; отсутствие карты города и окрестностей; небольшое количество цветных иллюстраций, фотографий; недостаточно полная информация об отдельных объектах (например, отсутствие информации о режиме работы предприятий связи, Интернет услуг, музеев).

На вопрос «Какую дополнительную информацию Вы хотели бы видеть на страницах путеводителя?», большинство респондентов ответили, что предпочтительны отрывные купоны со скидками на услуги ресторанов, кафе, кино, музеев и др.; а также рубрикаторы-закладки (например: «Проживание», «Питание», «Достопримечательности» и др.).

Таким образом, основные пожелания по совершенствованию городских путеводителей, высказанные респондентами – гостями города, связаны с их большей функциональностью, рациональностью, более полной информационной насыщенностью. На наш взгляд, они могут способствовать более продуктивному, удобному использованию путеводителей и, как следствие, созданию информационного комфорта для гостей города.

Л.С. Киселева

ВЛИЯНИЕ ИГОРНОГО БИЗНЕСА НА РЕГИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО АЛТАЯ

Киселева
Л.С.

УрГУПС

1 июля 2009 года в соответствии с Федеральным законом «О государственном регулировании деятельности по организации проведению азартных

игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (принят Государственной Думой 20 декабря 2006 года) весь игорный бизнес (рулетка, карты, покер, блэкджек и прочие азартные игры планируют переместить в четыре специализированные зоны: в Ростовской области игорная зона «Азов-Сити», в Приморском крае – зона «Приморье», на Алтае – игорная зона «Сибирская монета», в Калининградской облас-

ти – «Янтарная» – рекреационная зона с игорным сегментом. Согласно данному закону деятельность игорных заведений за пределами этих 4-х зон должна быть запрещена. Любой игровой автомат, а также любые азартные игры на удачу за пределами выше названных зон будут рассматриваться как нарушение закона.

В настоящее время коренное население республики Алтай представлено алтайцами, русскими, казаками. Большой интерес представляет традиционная духовная культура алтайцев, проводятся традиционные праздники и игры, используются старинные музыкальные инструменты, фольклор, и попадая на такие мероприятия, человек ощущает, что он попал в иное пространственно-временное измерение. До сих пор в быту применяются старинные орудия труда, способы приготовления пищи, хозяйственная утварь, способы изготовления жилищ. Алтай известен как один из районов этно-и-культурогенеза современных тюркоязычных народов мира, и вместе с тем он находится на стыке формирования многих центрально-азиатских цивилизаций.

В последние годы отмечено стабильное и динамичное развитие туризма в республике Алтай. На итоговой коллегии Ростуризма была отмечена республика Алтай, как регион, успешно развивающий туристскую отрасль. Так, по итогам сезона 2008 года был отмечен рост туристского потока на 25% по сравнению с предыдущим периодом. Суммарное количество туристов, посетивших республику, достигло 1 млн. человек. Оборот услуг по размещению и организации питания для туристов составил около 700 млн. рублей; минимальный оборот, связанный с организацией водных экскурсий по Телецкому озеру, в пределах среднего и нижнего течения Катуня – 90 млн. рублей; общий объем услуг по организации активных многодневных походов – 480 млн. рублей; экскурсионное обслуживание в наиболее посещаемых мостах, аттракционы, прокат спортивного инвентаря – 30 млн. рублей; оборот розничной торговли сувенирной продукцией (только на четырех площадках) – 80 млн. рублей. Большое внимание стало уделяться развитию событийного туризма: это организация фестивалей, слетов, спортивных мероприятий, массовых праздников.

Вместе с тем руководство республики обеспокоено массовым распространением так называемого «дикого» туризма, который наносит вред экологической чистоте региона, и не может обеспечить

высокую доходность туристической отрасли для республиканского бюджета, поэтому назрела необходимость преобразования туризма на Алтае в организованные формы.

Введение федерального закона об игорном бизнесе конечно же позволит упорядочить данный вид деятельности, тем самым обеспечит большую безопасность участников и организаторов данного вида деятельности, но расположение игорной зоны в непосредственной близости от заповедных мест Горного Алтая нанесет невосполнимый урон его природе, нарушит самобытность этого края и его первозданность.

Далее рассмотрим положительные и отрицательные стороны внедрения проекта «Сибирская монета».

К положительным моментам, которые разделяют руководство Алтайского края, можно отнести следующие:

- 1) формирование рынка сбыта продукции (с/х, фармацевтическая продукция, сувениры), производимой в республике Алтай;
- 2) активное развитие круглогодичного туризма;
- 3) реализация проектов высококачественного отдыха и рекреации;
- 4) развитие транспорта, связи, услуг общественного питания, строительство дорог, рабочие места (особенно актуально в условиях экономического кризиса);
- 5) сокращение «дикого туризма» и его негативных последствий на окружающую среду, его преобразование в организованные формы;
- 6) повышение доходности туристической отрасли для республиканского бюджета;
- 7) повышение активности органов местного самоуправления по выявлению незарегистрированных частных предпринимателей, незаконно занимающихся туристическим бизнесом; сбор налогов; инвентаризация имущества, связанного с туризмом;
- 8) улучшение криминогенной обстановки в городах и населенных пунктах после выноса из них игорных заведений;
- 9) повышение контроля и управляемости игорным бизнесом;
- 10) привлечение больших инвестиций в экономику Алтайского края.

Несмотря на множество положительных моментов, перечисленных выше, реализация проекта «Сибирская монета» имеет и минусы, которые отме-

чают глава республики Алтай Александр Бердников, общественная организация Республики Алтай «Эне Тил» – в переводе на русский «Мать земля», депутаты и большинство населения Горного Алтая, Общественная палата Республики Алтай, участники игорного бизнеса и владельцы игорных заведений:

1) нарушение экологической чистоты региона;
2) возможное ухудшение криминогенной обстановки в Горном Алтае, связанное с развитием игорного бизнеса;

3) негативное влияние игорной зоны на туристический бизнес региона из-за близости особой экономической зоны туристско-рекреационного типа «Бирюзовая Катунь» и игорной зоны «Сибирская монета»;

4) разрушение алтайского этноса;

5) возможна утечка денежных средств туристов, отдыхающих в республике Алтай в краевой бюджет из-за близости расположения игорной зоны «Сибирская монета» к границе Горного Алтая;

6) потеря доходов, поступающих от игорного бизнеса в областные бюджеты;

7) вложение огромных инвестиций (стоимость проекта планировки игорной зоны около 25 млн. руб.) в игорный бизнес (будут ли оправданы эти вложения?);

8) низкая конкурентная способность по сравнению с западными «Лас-Вегасами» и «Монте Карло» из-за неразвитой инфраструктуры и предполагаемым завышением цен за счет огромных инвестиций;

9) возможность возникновения конфликта между местными жителями и клиентами игорной зоны, вызванный разным уровнем обеспеченности;

10) принятие решений о проектировании и строительстве кулуарно без проведения общественной экспертизы.

Технократический подход в принятии решений о размещении игорной зоны на территории Алтая, не учитывающий менталитета местного населения, может привести к развитию нового мощного очага распространения социальной напряженности, криминала и коррупции в Алтайском крае.

КОНФЕРЕНЦИЯ «ДИСКУРС ТРАВЕЛОГА: РОССИЯ И ВЬЕТНАМ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ» (ЕКАТЕРИНБУРГ, ДЕКАБРЬ 2009 Г.)

Ле Куи Куинь

ПРИВЕТСТВИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА СРВ В Г. ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Ле Куи Куинь

доктор юридических наук, Генеральный консул СРВ в г. Екатеринбурге, почетный академик МАДИ

Уважаемые гости, дорогие друзья!

2 сентября этого года мы отмечали уже 63-ую годовщину со дня провозглашения независимости Вьетнама. За эти годы вьетнамский народ прошел очень трудный и мужественный путь. Мы гордимся нашими успехами и прогрессивными изменениями, которые произошли на нашей родине.

Достижения во всех областях социально-экономической жизни благодаря политике обновления, выдвинутой Коммунистической партией

Вьетнама, постепенно меняют облик нашей страны, способствуют упрочению ее позиций на международной арене.

Из страны подвергавшейся экономической и политической осаде, Вьетнам перешел в полноправные члены международного сообщества и имеет политико-дипломатические и экономические отношения со 172 странами, а также является официальным членом почти всех важных международных политических и экономических организаций, в том числе членом Всемирной Торговой Организации и не постоянным членом Совета безопасности ООН.

Вьетнам является политически стабильной страной, переживающей также стабильный экономический рост, составляющий на протяжении последних десятилетий более 7% ежегодно.

Из страны-импортера нефти Вьетнам стал страной, добывающей и экспортирующей нефть, и продолжает вести разведку новых нефтяных месторождений. Изделия промышленности с вьетнамской маркой, а также морепродукты, чай, кофе, каучук и рис из Вьетнама уже находятся во многих странах мира. Ежегодный экспорт Вьетнама составляет 70 млрд.долл.

За прошедшие десять лет в экономику Вьетнама привлечено более \$100 млрд из более чем 40 стран мира, только в этом году эта цифра составила 64 млрд.долл. Вьетнам, в свою очередь, инвестирует свои проекты в других странах, в том числе и России. В России работают более чем 300 вьетнамских компаний. Основная сфера их деятельности – торговля, пищевая и легкая промышленность, производство строительных материалов.

Сегодня социальная безопасность и политика страны стабильны и поэтому туристические организации считают Вьетнам привлекательным и безопасным местом для международного туризма.

Дамы и господа!

Политика Вьетнама по отношению к России заключается в неуклонном развитии всестороннего сотрудничества. Развитие отношений с Россией является одним из приоритетных направлений во внешней политике Вьетнама. Основанные на традиционных и партнерских принципах, в последнее время российско-вьетнамские отношения

хорошо развивались и продолжают развиваться во всех областях: политической, экономической, научно-технической, военной и культурной.

Между руководителями двух государств, правительств и парламентов поддерживаются постоянные доверительные контакты. Свидетельством этому являются визиты президента Владимира Путина во Вьетнам, визит руководителей партий и государства Вьетнама в Россию. В октябре этого года, как вы знаете, Президента Вьетнама Нгуен Минь Чиет посетил Российскую Федерацию с официальным визитом.

Некоторые области России и провинции Вьетнама, а также города установили двусторонние связи, в том числе Свердловская область и провинция Бария Вунгтау. Губернатор Эдуард Эргартович Россель 2 раза уже посетил Вьетнам.

В Москве и других городах работают общества дружбы с Вьетнамом. Свердловское общество Российско-Вьетнамской дружбы и организация бывших советских военных специалистов, работающих во время войны во Вьетнаме активно работают для укрепления и развития дружественных отношений между нашими народами.

Наибольшие экономические выгоды обоим странам приносит сотрудничество в области энергетики и нефтяной промышленности. Товарооборот между нашими странами растет с каждым годом, составляя сегодня \$1,5 млрд. Вьетнамский народ высоко оценивает как оказанную ранее Вьетнаму поддержку и помощь, так и взаимовыгодное сотрудничество сегодня.

Поэтому открытие Генерального Консульства Социалистической Республики Вьетнам в г.Екатеринбурге, на мой взгляд, является знаковым событием и позволит еще больше укрепить узы дружбы между нашими народами, а также послужит дальнейшему динамическому развитию взаимовыгодного сотрудничества во всех областях народного хозяйства.

От имени Генерального Консульства и вьетнамской диаспоры поздравляю всех присутствующих с открытием 3-ей международной научной конференции и с наступающим Новым 2009 годом.

Желаю вам мирного неба, здоровья и творческих успехов.

В.Л. Берсенеv

ГОЛЛИВУДСКИЙ АВИАНОСЕЦ В ДЖУНГЛЯХ ВЬЕТНАМА

**Берсенеv
Владимир
Леонидович**

доктор исторических
наук, профессор, Инс-
титут экономики УрО
РАН, академик МАДИ

Великий Сунь-цзы ещё в V в. до н.э. учил: «...Сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь». В наши дни, когда героев и злодеев назначают, исходя из конъюнктуры на мировых финансовых рынках, этот тезис формулируется более определённо: «Соединённым Штатам Америки совершенно не обязательно иметь непотопляемый авианосец. Достаточно снять художественный фильм про это чудо техники». То же самое можно сказать и применительно к несокрушимым бойцам. Даже непонятно, зачем пришлось посылать в Афганистан и Ирак десятки тысяч солдат, когда все задачи там решить способен и один Джон Рэмбо?

Иными словами, народ, нуждающийся в Супермене, а не в труженике, готов с завидным постоянством нарушать вторую из Моисеевых заповедей (по какому-то идиотскому недомыслию нашими «мыслителями» приравняваемых по содержанию к Моральному кодексу строителя коммунизма образца 1961 г. и наоборот) и творить себе всепобеждающих кумиров. Кинематограф с его техническими и художественными возможностями, тем более, готов ответить на запросы охлоса и обессмертить любое деяние, включая и проигранную войну. Однако породивший в том числе и Рэмбо «роман» Голливуда с Вьетнамом, точнее – с темой «Американцы во Вьетнаме», нельзя назвать образцом однозначного творческого дискурса.

В отражении художественными средствами будней «войны незначимой» всегда найдётся немало сложностей психологического и иного характера, хотя образ солдата, воевавшего в локальном конфликте, заслуживает особого внимания и специального воплощения просто в силу будущей трагичности. Участник «великой» войны изначально воспринимается как воплощение общего героизма и на фронте, и в тылу, как символ долгожданной победы. Вернувшегося из «горячей точки» достаётся чаще всего равнодушие окружающих, а порой и осуждение.

Американское общество пережило нечто подобное в 1970-х годах, когда досада за поражение в Индокитае находила воплощение в самых неординарных формах, вплоть до массового швыряния боевых наград к стенам Капитолия. Свой вклад в коллективную рефлексию внёс и Голливуд, однако именно на примере кинематографа можно проследить, как униженное национальное самосознание может трансформироваться в нечто обратное.

Один из первых фильмов о войне во Вьетнаме – «Зелёные береты» вечного ковбоя Джона Уэйна, в данном случае не показателен в силу своей невероятной примитивности. Точно так же следует проигнорировать и снятые позже многочисленные «стрелялки», в которых Вьетнам мелькает как фон для разборок крутых парней. Во второй половине 1970-х годов к этой тематике обратились режиссёры гораздо более высокого класса, воплотив на экране восприятие Вьетнама интеллектуальной элитой США. Соответственно, и «Охотник на оленей» Майкла Чимино, и «Апокалипсис наших дней» Фрэнсиса Форда Копполы, и появившаяся позднее «Птичка» Алана Паркера, несмотря на антураж, не воспринимались в качестве боевиков. Это были притчи, по-философски заумные и местами с трудом воспринимаемые зрителями. В них ещё не было места для «героев без страха и упрека, с достоинством и мужеством защищающих ценности демократии вдали от Родины».

Собственно говоря, даже знаменитая сцена вертолётной атаки на вьетнамскую деревню у Копполы как раз смотрится неким исключением, признанным

всего лишь решить определённую задачу коммерческого плана. Задача, впрочем, эта так и не была решена. В прокате фильм провалился, но на жюри Каннского кинофестиваля 1979 г. эстетика полёта «винтокрылых коней» над предрассветным океаном произвела неизгладимое впечатление.

Перелом обозначила, пожалуй, «Цельнометаллическая оболочка» Стэнли Кубрика. Злая социальная сатира первой половины фильма, пока новобранцы проходят подготовку на учебной базе морской пехоты, здесь сочетается с крепким боевичком во второй половине, и главный герой, ставший военным корреспондентом, также вступает в перестрелки, забыв о профессиональных обязанностях. Звучащая в финале лихая песня о Микки-Маусе словно бы подтверждает простую мысль: «Ребята, если уж мы в это вляпались, давайте воевать как надо, чтобы вернуться домой живыми».

«Взвод» Оливера Стоуна, несмотря на попытку ещё немного пофилософствовать, уже наглядно демонстрировал смену настроений в американском обществе второй половины 1980-х годов. Да, говорил режиссёр, сам ветеран Вьетнама, мы проиграли эту войну, но парни честно выполнили свой долг там, в джунглях. После этого фильма рефлексировать по поводу «вьетнамского синдрома» стало не просто не модно, но и невозможно.

Из лент последнего времени можно выделить «Мы были солдатами» Рэндалла Уоллеса. В основе – реальные события, небольшое сражение с сомнительным тактическим успехом, но командир брошенного в бой подразделения, подполковник Мур в исполнении Мэла Гибсона, смотрится и интеллектуалом, и лихим воякой одновременно. Он словно бы демонстрирует всем, что такое просвещённый патриотизм, и как надо воевать за свою страну, даже если дома тыловики не в состоянии организовать доставку «похоронок» вдовам.

Практически аналогичный по содержанию фильм «Высота «Гамбургер» Джона Ирвина существенно уступает творению Уоллеса по звёздности актёрского состава (кто такой Дилан МакДермот на фоне Мэла Гибсона и Мадлен Стоу?), но не по идейной направленности. Филипп Дэвидсон в монографии «Война во Вьетнаме» поминает всеу взятие этой высоты как некий проходной эпизод в рамках масштабных перемещений крупных частей армии США по джунглям. В фильме же солдаты на протяжении

немалога числа дней под дождём ползут по глинистым склонам холма, даже не видя вьетконговцев, по ним стреляющих. Трагизм сиюминутного действия, показанного с голливудским масштабом, тем самым перекрывает малозначимость достигнутого в конце концов результата операции.

Особняком в фильмотеке «про Вьетнам» смотрится «Солдатская любовь» Томаса Майкла Донелли. Зрителям предлагается почти фантастический сюжет. Солдатик из затерянного в джунглях медицинского подразделения умудряется, благодаря своим связям с авиаторами, перетащить из Штатов к себе любимую девушку. Этот сюжетный ход хорошо бы подошёл для комедии, но девице во Вьетнаме понравилось не кружить головы сослуживцам жениха, а воевать. И она ушла к «зелёным беретам», сказав на прощание несчастному медику: «Ты не создан для этих джунглей». Возможно, этой фразой когда-нибудь будет обозначен новый этап осмысления Голливудом вьетнамской тематики, но пока...

Пока складывается ощущение, что «фабрика звёзд» взяла творческую паузу. Нельзя назвать ни одного фильма о Вьетнаме, снятого в последние годы и ставшего заметным событием в киноискусстве. Однако на выручку заокеанским коллегам пришли наши кинорежиссёры. В фильм «9 рота» Фёдора Бондарчука выпущено немало критических стрел. Действительно, и историческая правда искажена, и технических нелепостей хватает etc. Но мало кто отмечает, что фильм представляет собой ещё и цитатник голливудской продукции. Прапорщик в «учебке» – достойный продолжатель дела сержанта Хартмана из «Цельнометаллической оболочки». Медленно опускающаяся аппарель транспортного самолёта, и новобранцы, выходящие из его чрева «на войну» – точная копия эпизода из «Взвода». Даже пулемётчик, стоящий в полный рост и длинными очередями косящий душманов, смотрится не хуже Рэмбо.

Скорее всего, Бондарчук тем самым хотел привлечь на свою сторону жюри какого-нибудь «забугорного» фестиваля. Не получилось, и тем не менее... Когда в стране, проигравшей локальную войну, могут снимать фильмы, воздающие должное солдатам, побывавшим «там», можно не сомневаться: выбор дискурса между пропагандой и искусством в рамках отдельно взятой тематики делается в нужном направлении.

С.Н. Некрасов

РОССИЯ И ВЬЕТНАМ – СТРАТЕГИЧЕСКИЙ СОЮЗ ВО ИМЯ НЕОИНДУСТРИАЛЬНОГО БУДУЩЕГО ПЛАНЕТЫ

Некрасов
Станислав
Николаевич

доктор философских
наук, профессор
УрГСХА

*День и ночь, день и ночь
Мир повторяет упрямо:
«Руки прочь, руки прочь,
Руки прочь от Вьетнама!»
Советская песня 60 гг. XX в.*

Как можно объяснить и успешный ход реформ в современном Вьетнаме? Вьетнам не развалился подобно своему великому северному соседу, не вступил в полосу социальной напряженности, классовой дифференциации, идеологической модернизации подобно коммунистическому Китаю. Вьетнамцы смогли за счет способности к сверхнапряжению очень быстро приспособиться к новым условиям и изменившемуся миру. Казалось бы, развал сначала СЭВ, а затем СССР и разрыв торговых связей должны были привести к краху вьетнамской экономики и смене власти на удобный американцам режим. Но ничего подобного не произошло – не произошло даже нагнетания внутреннего кризиса, и Вьетнам не вступил в полосу потрясений, к которой приближается ныне Куба. В течение нескольких лет вьетнамская экономика была быстро реформирована и переориентирована на сотрудничество со странами Азиатско-тихоокеанского региона. Ход проводимых Вьетнамом преобразований практически не отразился на таком показателе, как рост рождаемости, в то

время как в Восточной Европе и СССР реформы сопровождались резким демографическим спадом. Евразийские и европейские женщины даже чисто физически оказались не в состоянии рожать и воспитывать большое количество детей, что указывает на процесс старения этих народов. Как и старение человека, оно ведет к свертыванию активности, переходу к меньшим нагрузкам, использованию опыта вместо силы. В конечном счете, Вьетнам повысил качество рабочей силы – качество человеческого материала, которое разрушилось в бывшем СССР под влиянием идеологического и нравственного распада, возникшего на базе рыночного реформирования.

Известно, что вьетнамцы воевали с французами, но такой ненависти, как к англичанам и американцам, у них к французам не было. В настоящее время Вьетнам установил тесные связи с Францией и рядом католических стран Европы и Латинской Америки. Любопытно, что Вьетнам стал единым в 1975 г. Я хорошо помню первомайскую демонстрацию того года, когда нам в колоннах сообщили – северовьетнамские танки снесли ворота американского посольства в Сайгоне и янки удирают на свои авианосцы с крыши посольства на вертолетах! Какой восторг был у нас! С пионерского детства ежедневно на линейках и собраниях дружин, на построениях в пионерских лагерях мы слышали про героическую борьбу братского Вьетнама против американских империалистов. И тут такой удар по звезднополосатым и их южновьетнамским марионеткам! И только Г.Бурбулис – будущий терминатор СССР, злой гений Ельцина – угрюмо смотрел на наше веселье и говорил, указывая на портреты Маркса и Энгельса на Горсовете: «что-то они удивленные смотрят...»

Через несколько дней стало ясно – Вьетнам «наш» и он един. Сайгон стал Хо Ши Мином. В школе мы писали шариковой ручкой на руке в виде татуировки: Но – Но – Но Shie Min, NLF

is gonna win! И все знали, что это сокращение – Национальный Фронт Освобождения. Еще писали: Vietcong – Yes, Yankee – No! Вьетнам не повторил судьбу двух Корей и двух Китаев. Вьетнам как и СССР един. У нас войска М.Фрунзе совершенно так же выбили барона Врангеля из Крыма, форсировали Сиваш и ликвидировали саму возможность существований двух России – белой и красной. Лишь В.Аксенов в романе «Остров Крым» утешался возможностью существования буржуазной белой России в Крыму. Его мечту реализовал Ельцин, сделав Крымом всю Россию...

Во Вьетнаме победившем коммунистическая идеология стала суперэтнической идеологической и культурной доминантой, аналогичной православию в Византии и исламу в афро-азиатских странах. Коммунистическая идеология во Вьетнаме не принесла массовых репрессий или обнищания населения, напротив, она открыла новые перспективы ранее репрессированным колониализмом массам.

Сегодня в усилении глобализационного давления США понимают, что единственным государством Юго-Восточной Азии, способным оказать успешное вооруженное сопротивление им, а также китайской армии (по итогам знаменитой войны, когда пограничники Вьетнама остановили регулярные части НАОК), является Вьетнам. Поэтому американцы будут всячески стремиться столкнуть интересы вьетнамцев и южных китайцев, поддерживающих западных кхмеров и тайландцев, с тем, чтобы втянуть Китай в конфликт с Вьетнамом.

Негативное воздействие на ход вьетнамского развития могут оказать массовые миграции вьетнамцев в другие страны в рамках разработанной на Западе программы «Мир без границ», при котором само проживание вьетнамцев в чуждой им среде чревато зарождением агрессивной западнической и антипатриотической идеологии. Мигранты столкнутся с сформировавшейся идеологией либерализма и индивидуализма, смогут занести ее к себе на родину.

Двести лет колониального гнета, тридцать лет разрушительных войн и еще десятилетия послевоенного голода – всего этого, казалось бы, достаточно не только для того, чтобы разрушить экономику страны, но и безнадежно искалечить души ее жителей. Подобно сказоч-

ной птице Феникс, через тридцать лет после окончания войны и после начала эры Дой-Мой (вьетнамская «перестройка») Вьетнам производит впечатление не только материального, но и духовного благополучия. Опираясь на свои древние традиции, Вьетнам сумел совершить невозможное: сегодня последствия недавних трагедий заметны на демографическом уровне: почти две трети вьетнамцев еще не перешагнули рубеж тридцатилетия. Секрет столь быстрого восстановления общества – в мировоззренческом единстве, религиозной и человеческой толерантности, в уникальной способности сохранять самобытность, заимствуя в то же время лучшее из окружающего мира. Эти свойства, укорененные в самом вьетнамском взгляде на мир, делают опыт Вьетнама бесценным для европейцев, живущих в атмосфере постоянных конфликтов и зачастую утративших способность различать за абстрактными ярлыками живых людей. Европейская и американская толерантность – эта священная корова либерализма – на самом деле означает безразличие и отчужденность индивидов буржуазного гражданского общества.

А ведь помимо вьетов на территории Вьетнама проживают представители 53 национальностей, говорящие более чем на сотне языков: конфуцианцы-китайцы, горцы-язычники хмонги и яо, индуисты-чамы и многие другие. Вьеты так же далеки от религиозного единства: среди них есть буддисты и дзен-буддисты, христиане (католики и протестанты), мусульмане и последователи сравнительно новых синкретических религий – хоахао и као-дай. Даже коммунизм в том виде как он был унаследован от дядюшки Хо (Вьетнам остается социалистической республикой с коммунистической партией во главе) трансформировался из государственной идеологии в форму религиозной идентичности – результат свободного выбора отдельного человека.

Сегодня Вьетнам оправдывает староевропейское его название – Индокитай, что точно описывает его положение между двумя великими цивилизациями древнего и современного мира. В XVII веке к этим двум источникам влияния добавился третий: во Вьетнаме появились европейцы, начавшие с проповеди христианства и закончившие к рубежу XIX и XX веков полномасштабной эксплуатацией страны и ее населения.

Исходя из изложенного можно предположить, что мир ждет вьетнамское экономическое чудо, особенно актуальное с учетом того обстоятельства, что кто контролирует Вьетнам, тот контролирует Юго-Восточную Азию. Многие аналитики и историки заключают, что сегодня становится понятно, почему Китай поддерживал красных кхмеров в Кампучии и почему, когда вьетнамцы их разгромили, Китай напал на Вьетнам и потерпел сокрушительное поражение. Не Вьетнам боится Китая, а наоборот. Лет через пять – десять мы можем говорить не о китайском, а о вьетнамском чуде.

Дело в том, что континентальный красный Китай как и Вьетнам неоднороден. Гуандун, Гуанси и Северный Вьетнам – это территория древнего вьетского государства, столицей которого был Кантон. Здесь говорят на диалекте, который понимают в Северном Вьетнаме и не понимают в Пекине. Когда Вьетнам окреп, в Китае испугались сепаратизма южных территорий, а такие настроения там существовали всегда. Если посмотреть на историю Китая и историю китайской философии, станет понятно, что там не было и нет коммунизма. Даже председатель Мао говорил «Вначале я китаец, а потом я коммунист». Не случайно И.Сталин не доверял Мао и полагал, что «он как редис – снаружи красный, а внутри белый».

В Китае существует конфуцианство, которое синтезировало важнейшие идеи древнекитайских философских школ и буддизма, а затем и коммунизма. Китайская культура легко интегрирует любое иноземное влияние. Так, через 100 лет монголы стали «китайцами». Интегратором выступает конфуцианство, которое путают с религией, хотя на самом деле это учение об организации государства. Недаром в каждом китайском городе есть музей Конфуция... вот и сейчас новые коммунистические праздники успешно заменяются секретарями парторганизаций на старые – вроде гонок лодок с драконами и петухами. При этом борьба с коррупцией представляется как праздник очищения без указания имен. В отличие от Китая, Вьетнам был колонией Франции. Французы в отличие от англичан стремились насадить свою культуру. Во Вьетнаме возник уникальный феномен: сегодня вьетнамцы в массе своей воспринимают европейскую культуру и этим они принципиально отличаются от китайцев.

Так, вьетнамцы не ассимилируют элементы идеологий, а воспринимают их как нечто параллельное и их идеологическая основа размывается. Это позволяет вьетнамцам стать восприимчивыми к европейской культуре. Историки показывают, что когда пришли американцы во Вьетнам, там началась совершенно другая война. Вьетнамцы сохранили в целом положительное отношение к французам, но после ужасной войны на уничтожение «Чарли» напалом к американцам они относятся отрицательно.

Известно, что во Вьетнаме война шла в течение сорока лет. В 1939 году на Вьетнам напали японцы, оккупировали страну. Потом была война сопротивления в рамках Второй мировой войны, на волне которой к власти пришел Хо Ши Мин. В 1945 году началась война с французами, в 1956 году их сменили американцы, которые ушли в 1975-м. Но тут же возникли красные кхмеры, а в 1979 году на них напал Китай. Вьетнам живет в условиях мира с 1980 года, а перемены начались в 1985 году. Из всего этого следует вывод, что новой России следует срочно улучшать отношения с Вьетнамом.

Несомненной нашей ошибкой была сдача США базы Камрань, аренда которой стоила миллион долларов в год. Это была важнейшая в регионе база, инициатором ухода был Ельцин, которого поддержал Путин. Во всех проектах типа ШОС, единства стран БРИК сквозит европейская надменность наших дипломатов обращать внимание только на все большое. Китай в сущности фрагментарная страна, которая в принципе может развалиться – на это и направлена американская тайная работа. Процент успешно участвующих в китайском росте ничтожно мал. То же относится к поражающей контрастами роскоши и нищеты. Вьетнамцы привыкли воевать один против десяти и они прекрасно относятся к русским – они благодарны нам за помощь, оказанную во время войны. У них долго проводились параллели между страданиями вьетнамцев и советских людей во время войны. Там много людей, говорящих по-русски, у власти находятся люди, которые учились в СССР. Россия должна обратиться к стратегическому союзу с Вьетнамом.

Современность несомненно вскоре завершится. Но это будет не глобальный крах: напряженно ожидаемая народами планеты новая эра

(постсовременность) возникнет в тот момент, когда включится мотор культуры русского народа, когда мечты народа и проекты власти совпадут, в результате чего придет в движение весь «русский мир» – внутренний и внешний – и возникнет маяк нового глобального проекта. Этот совершенно русский по духу проект неоиндустриального развития придет на смену либеральному протестантскому мироустроению, гарантировавшему еще совсем недавно ужасный «конец истории» в глобальном рыночном дисциплинарном санатории. Русский проект развития обеспечивает культурное многообразие на планете совершенно также как русский народ уже сохранил на протяжении своей великой истории культуры больших, малых и средних народов, выбравших жизнь вместе в русскими людьми – в рамках их изменяющегося государственного устройства.

Важнейшей задачей моделирования коллективной идентичности оказывается сохранение каждым народом своего народного облика. Лозунг «Да здравствует каждый народ!» пришел к нам из середины XIX в. Такое, в сущности, антиглобалистское настояние идет еще и от Достоевского, полагавшего, что каждый народ принесет особую наиболее развитую в нем форму жизни в копилку целостного человечества. Тезисы либерал-глобалистов, настаивающих на стирании и унификации национальных, территориальных различий под систему либеральных ценностей американского образца наиболее полно воплощены в доктрине США «Свобода. Сила. Лидерство». Эта доктрина ничем не отличается от идеологии Третьего Рейха и настаивает на ничем не ограниченной свободе для США, силе как условии свободы, лидерстве как цели свободы.

Наконец, мечты всегда создавали общественный идеал. Народ при утрате веры деградирует и перестает быть народом, превращаясь в население, филистерскую массу. Самым страшным следствием реформ 90 гг. XX в. в России, прежде существовавших только в Смуту, была утрата цели и общественного идеала. Как говорили римляне, если не знаешь куда плыть, то нет и попутного ветра в паруса. Когда либералы утверждают, что быть богатым и здоровым и есть наша цель и национальная идея, то вспоминаешь евангельское «не хлебом единым», понимаешь и ту небывалую прежде в СССР скуку, которая

поразила богатую верхушку нынешней Эрэфии. В этих условиях взлет утопий неизбежен, ибо общество вправе (пока в мыслях) обуздать эгоизм богатой элиты, вправе налагать ограничения на экономические и гражданские свободы, если они противоречат основам солидарности, нравственности, общественному благу.

У нас, русских и вьетнамцев, свой идеал закона, свой идеал правового государства. В западном идеале источником прав являются свободы. Там права делятся на права первого и второго поколений, что отражено в Европейской Социальной Хартии. Разрыв между правами в либеральном мышлении неустраним. Права второго поколения (право на образование, социальное обеспечение, жилье) понимаются как претензии к обществу, что и отражено в нашей конституции. Такое противоречие наличного законодательства и идеала народа приводит к псевдоколлективистской идентификации. Мечта проектирует подлинную коллективную идентичность, однако ее полагание возможно как забегание вперед и связано с социальным возрастом народов.

Новый персоналистский коллективизм неприемлем для стандартов потребительского общества, навязанного миру финансовой олигархией. Этот индивидуализм построен на безудержной гонке потребления и индивидуальном, либо массовом как в Японии, успехе в этой гонке. Этот механизм потребительской гонки сыграл свою роль в послевоенном подъеме Запада на основе плана Маршалла для Европы. В потребительской гонке возникают глобальные экологические опасности, которые приводят к разделению мира на бедные и богатые страны. Концепция устойчивого развития представляет попытку выхода из этой кризисной ситуации, попытку, несомненно, наивную. При этом предполагается, что установление международного нормативного порядка позволит ограничить аппетиты потребительского общества. Предполагается, что на этой интернациональной основе возникнет новый образ жизни для разных народов – более приемлемый для них, чем американский стандарт и образ жизни. Россия в союзе с Вьетнамом может и обязана стать лидером в этом процессе создания новых международных жизненных норм для XXI в.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДИСКУРСА ТРАВЕЛОГА

**Романова
Кира Степановна**

кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, член-корреспондент МАДИ

В современных условиях, когда человек не только передвигается по земному шару, а в своих пространственных исследованиях проник в космос, «шагал» по Луне, фотографировал Марс и другие планеты на смену определения «туризм» приходит новое понятие «травелог». Произошло это понятие от английского «travel» – путешествие на транспорте, связанное с относительно большими территориальными перемещениями, и возможностью получения максимально большого количества туристских услуг.

В настоящее время туризм представляет собой многостороннее явление, становится объектом изучения многих наук: экономики, менеджмента, социологии, психологии, истории, культурологии. Понятно, что каждая из обозначенных научных дисциплин имеет свою методологию, свою специфику. Для того чтобы полно, объемно и системно описать обозначенный объект необходимо обратиться к дискурсу травелога, который сегодня представляет обобщающую форму практического освоения и описания взаимодействия человека и географической среды во многих многообразных его проявлениях.

Если попытаться выяснить причину возникновения интереса и потребности в травелоге как массовому социальному явлению, то окажется что ответ надо искать в истории антропогенеза. Какие особенности процесса

развития истории жизни привели к появлению «человека разумного» и общественных форм организации материи? Среди множества свойств живого – одно из них – его способность при сохранении гомеостаза, позволяющего адаптироваться к тем или иным конкретным условиям, осваивать другие пространства (территории), которые служили в дальнейшем источником «прогрессивной» эволюции.

Пространственные перемещения способствовали изменению условий обитания далеких предков человека и становлению его самого. В результате пространственных перемещений менялся климат, изменялись условия питания, возникали новые приемы жизни и новые организационные структуры сообщества. Параллельно с этим, становление человека как биологического вида носило информационный характер. Развитие интеллекта далекого предка достигло такого уровня, что сделало его основным средством познания окружающего мира. Как отмечал известный российский психолог С.Л.Рубинштейн применительно к психологическому развитию человека: «Инстинкты становятся потребностями человека, которые в процессе исторического развития становятся человеческими потребностями»¹.

Таким образом, миграционные возможности человека в качестве его биологического свойства и информационное освоение среды обитания способствовали его историческому становлению. При этом, несмотря на то, что люди едины в своей морфологической (генетической структуре) в историческом плане они дали разнообразную палитру человеческих культур даже в рамках единообразного географического пространства.

Известно и хорошо изучено территориальное поведение животных, которые «метят» свою территорию. Это поведение имеет принципиальный экологический характер, так как определяет оптимальное пространственное

распределение особей данного вида в ограниченном пространстве, с тем, чтобы источники питания были достаточными для воспроизводства (сохранение биогеоценоза). Люди в социальном плане, как и животные, определяют и различают границы среды обитания. Всякий суверенитет (как независимость) определяется границами, которые возможет охранять и защищать государство, как политическая форма определенного человеческого сообщества.

Древнегреческая философия, с которой, в конечном счете, берет свое начало современная наука, понимала окружающую среду как физис, как единое целое, включающее мир и человека в их взаимосвязи. В настоящее время часто об этом факте забывают. Одним из путей регулирования индивидуального бытия человека является его пространственная активность, которая заключена в том, что человек способен активно изменять свое территориальное существование. Психология пространственного поведения индивида свидетельствует о биологической заданности его территориального поведения. Автограф: «Здесь был Ваня (или имярек)!», который можно встретить в чужих странах, в горах и других географических точках есть не что иное, как биологическая «метка» территории доступным социальным способом данного индивида.

Мы изменяемся телом и душой, ежедневно взрослеем, проходя то легким, то трудным путем по жизненному пространству. Жизненное пространство включает реальное пространство города, села, поселка, а так же «пространство» раздумий, печалей, веселья, обид, любви и т.д., что можно назвать одним словом – бытие.

Отдельный индивид ни в плане познания, ни в плане действия не противостоит один на один бытию, а выступает лишь участником общественно организованного целого.

Бытие человека есть затерянность в зримом мире, который включает в себя бездну бесконечности и бездну небытия. Со времен Платона «бытию» противопоставляется «небытие» как противоположность (смерть) или как нечто иное. Если «предвосхищать» смерть как возможность «не быть», знать, что я могу

не быть, предполагает знания того, что я могу (и как могу) быть. Человек не свободен от смерти как от актуального реального события, но он свободен понимать свою возможность быть или не быть. И этот Гамлетовский вопрос со времен У. Шекспира является элементом общественного сознания, определяющего для индивида смысл бытия.

Любое бытие для индивида, которое находится за горизонтом, психологически для него представляется как иное бытие, и пробуждает у него особый интерес, тем более как гласит народная мудрость: «Хорошо там, где нас нет!». Желание постичь это «хорошо», которое существует без нас, является одним из движущих факторов к пространственно – временным перемещениям. И хотя Лосский Н. О называет пространственно – временные события эмпирического мира как низший уровень воздействия на структуру личности,² однако, этот уровень зачастую определяет для индивида поиск самого себя (идентичность). В настоящее время потребность в травелоге относится к высшим потребностям индивида, охватывает не только физические чувства, но и духовное развитие человека.

Если говорить о глобализации не как о парадигме, а как об объективном процесс, то можно утверждать, что он уходит к началу человеческой истории и выступает в качестве определенной закономерности. Он начинается с расширения ареала пребывания человека на Земле, освоения жизненного пространства в космосе, установки коммуникативных связей, развития и обмена техникой и технологиями, информацией, достижениями науки и другими составляющими культуры в широком смысле слова, элементом которой является, в том числе травелог.

История травелога была историей расширяющего доступа индивидов к путешествию. В средние века, в Новое время путешествие в силу технических возможностей отнимало много времени и жизни. Поэтому путешествие становилось профессиональным видом деятельности для особых людей, получало организационную и финансовую поддержку государства и общественности. Результатом таких путешествий могли быть географиче-

ческие открытия, научные наблюдения, их описания, формирование торговых, культурных дипломатических и иных связей между странами, таким же путем шла и колонизация слаборазвитых стран.

В настоящее время основой дискурса травелога как в теоретическом, так и в практическом проявлении, является наличие индустрии туризма, входящего в число трех крупнейших отраслей экономики (6% мирового валового национального продукта).

Новая степень доступности осуществления травелога иллюстрируется тем фактором, что

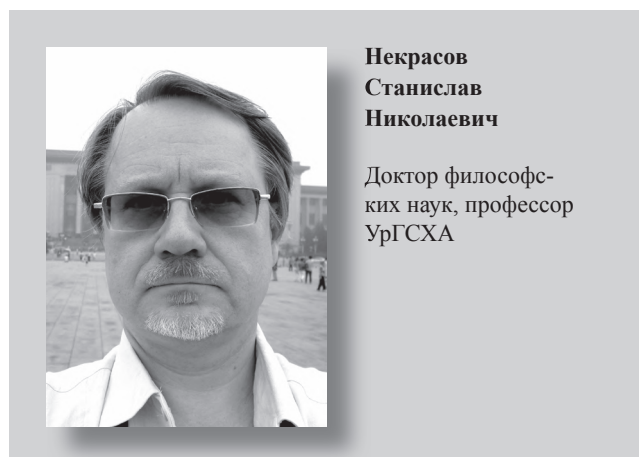
на него приходится 11% мировых потребительских расходов. Для индивида необходимость наличия свободного времени и наличие достаточных денежных средств, иногда миллионных, например, для путешествия в космос, что уже не является сенсацией, а рыночным товаром.

1. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. С.

2. (Лосский Н.О. Человек и его бытие как проблема современной философии. М. 1978).

С.Н. Некрасов

ЗДРАВСТВУЙ, ДЕДУШКА МОРОЗ!

Некрасов
Станислав
Николаевич

Доктор философских наук, профессор
УрГСХА

Прими от меня — уже взрослого мальчика — поздравления с твоим Новым 2010 годом! Ты знаешь, что старый, что малый — одно и то же: я ведь верил в тебя, еще будучи школьником! А как не верить, если тогда в 60 годы верить в Бога полагалось лишь отсталым старушкам, а верить-то надо было. Ну и теперь, когда всем полагается верить в Бога, а я всю жизнь свою до 57 лет был слабо воцерковлен, то вот возвращаюсь к детской своей вере! Верую в тебя, тем более, что сестра моя с тобой уже встречалась в Финляндии и даже сфотографировалась и тот Дед Мороз — Санта Клауз или Фаза Фрост — даже знал несколько фраз по-русски типа «с праздником, я люблю тебя, счастья в личной жизни». Но я думаю, что ты все же наш русский Дед Мороз!?

А что я хочу у тебя попросить? Не смейся — хочу я, чтобы ты ускорил процесс и восстановил СССР не к 2017, а в следующем году! Чтобы люди и думать и бояться забыли о конце света в 2012 г. — какой же конец света, если будет СССР и социализм, справедливость и качество жизни! Ну а если не сможешь помочь нам восстановить единую державу, то помоги хотя бы нам вытащить будущее. А оно само не придет, если не примем мер: в общем, как у Маяковского — «за хвост его комсомол, за жабры его пионер!» Ну, а чтобы легче было выволакивать будущее — подари мне сам — а Ты и есть судьба — электронную читалку. Иначе говоря, если она у меня возникнет, значит это от тебя! Знаешь ли, что это? Третью нашей страны не берет за год в руки книгу.

Так вот я хочу освоить такую читалку — не ноутбук, не субноутбук, не нетбук — именно электронную читалку. Она станет модной и нужной у молодежи — поумнеют они и поймут, что нужно своей головой не только выбирать сорт пива и место, куда его сливать, но самим отвечать за себя и судьбу Родины! Я так и вижу повсюду читающих реальных пацанов и девчонок как в «Наваждении» из «Операции Ы»: Шурики в коротких штанах и Лиды идут, зарывшись в книги, обходя канализационные люки российской истории.

Помоги же и мой пример создаст моду на умных, а не пронырливых, талантливых, а не приспособленных – разорвет порочный круг деления поколения на виннеров и лузеров. В общем, целую тебя в колючую бороду и считаю тебя продуктом мифологии древних славян, языческим всеильным божеством, который в 20 годы XXI века вполне может заменить межконфессиональные различия, прекратить столкновения верующих и атеистов. Верим в тебя, Дедушка Мороз! Интересно, что читалки дороже телевизоров, телефонов, коммуникаторов, плееров с экраном и без экрана, простеньких ноутбуков. А ведь продукт-то простенький не навороченный – просто читалка с подсветкой и память на тысячу книг. И программы и железо в нем слабо отработаны и не все файлы читают – в общем, сделано все, чтобы трудно было читать.

Обращаюсь именно к тебе, дедушка, поскольку больше не к кому – не к чиновникам же. Напомню тебе, что в России единственным источником власти является многонациональный российский народ. По Конституции, «РФ – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». В нашей стране должны охраняться труд и здоровье людей. Реальные же условия привели к противоположному результату. Это означает, что формирующий их строй оказался не способен обеспечить достойные условия для поддержания жизни и свободного развития большинства. Тем самым обнаруживается, что «социально-экономический строй» и «конституционный строй» суть разные вещи. Первый вступил в противоречие со вторым, осуществляя фактически его насильственное свержение. В такой ситуации задача дня – демократическими методами обеспечить установление в интересах большинства нового общественно-экономического устройства: гуманного, эффективного и справедливого. Легитимность такого социально-эволюционного призыва не вызывает сомнений. Для его реализации потребуются переход от правых антинародных реформ в интересах

агрессивно-хищного меньшинства к их следующему этапу – «неоиндустриальному», вбирающему в себя позитивные черты предшествовавших формаций, использующему весь накопленный историей культурный потенциал и специфическую ментальность русского народа. В противном случае соблюдение формальной законности при отказе от практического вмешательства в общественные процессы в интересах большинства будет вполне соответствовать классической характеристике юридического мышления: юридически – значит фальшиво. Если же это не произойдет эволюционным путем и мирными средствами, то восстановление СССР возможно только через социалистическую революцию. Так что давайте читать и уметь и очень бы не хотелось повторять опыт наших прадедов прошедших через мировую войну, революции, гражданскую войну и форсированное восстановление народного хозяйства!

Наши хакеры с ноутбуками и читалками и есть новый пролетариат информационного общества, а Стругацкие сказки для младших научных сотрудников – пролегомены для воспитания новых бойцов виртуального мира, выходящих из зазеркалья на баррикады классовой борьбы. «Вельд» Брэдли, где львы выходят из экрана и пожирают детей, только притча о пришествии нового пролетариата, ранее не виданного – без молотов, замасленных рук и кожаных фартуков – пролетариата с читалками и субноутбуками, осваивающего вершины политэкономии по Форексу.

В общем, помогай нам всем, дедушка Мороз! А пока ты нам всем еще не помог, я продолжаю верить в Человека, в его производительные силы, в науку, в разумное устройство производства и жизни! И никакого третьего крушения царства разума в 2012 году! Только наш Русский Дед Мороз, Русский Новый Год – forever!

Преподаватель гуманитарного цикла предпенсионного возраста, любящий тебя и Россию, **Станислав Некрасов**, отец двух взрослых сыновей, которые уже не верят в Деда Мороза.

НОЧЬ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Русаков
Василий Матвеевич

доктор философских наук, профессор, Институт международных связей, вице-президент МАДИ

Человек – животное символическое, сказал Аристотель. В этой его способности помещать между собой и миром создаваемый им мир символических форм заключается множество тайн, мистификаций, но и побед. В сложно-организованной сфере этих символических форм, как в «кипящем слое», происходит непрерывное создание огромного их множества: какие-то «затвердевают» – как некие силовые линии в кристаллической решетке, – и задают способы эффективного освоения мира человеком; какие-то окостеневают, превращаясь в предрассудки и догмы, а еще большее их количество разве что падучею звездой прочертят по этому удивительному небосводу и канут в небытие.

В поле зрения нашей литературы в последние годы попали эти своеобразные объекты и стали пристально изучаться под названиями «концептов», «экзистенциалов», «мифологем», «архетипических категорий»¹.

Среди этих категорий в истории человеческой культуры немаловажное место занимает «ночь». В данном эссе мы предпримем попытку предварительной рубрикации всех важнейших смысловых аспектов этой культурно-исторической категории.

«Ночь» как мифологема. В мифологии различных народов категория (концепт) ночи занимает весьма важное место, определившее

весьма разнообразные влияния на все сферы культуры. Наиболее близкая нам древнегреческая мифология довольно подробно разработала множество смысловых аспектов этой категории. Ночь – «Никта», персонификация ночной темноты, согласно Гесиоду, родилась из Хаоса, является одной из первичных мирообразующих потенций. Никта (от своего брата Эреба, олицетворяющего вечный мрак) породила Гемеру (День), и светлый Эфир, породила от Эреба Танатоса (Смерть), Гипноса (Сон), Керу (Насильственную смерть; иногда под именем Кер выступают несколько богинь), Мойр (богинь судьбы), Немезиду (Месть), Мороса («отвечавшего» за рок и насильственную смерть), Эриду (Раздор), Гераса (Старость), а также Харона, перевозчика умерших в Аид. Иногда в число детей Никты включают также Гесперид, Мома – бога насмешек, Онира – бога вещих и лживых сновидений и Апату – богиню обмана. Жилище Никты расположено в бездне Тартара.

В Ветхом Завете первым шагом творения было отделение света от тьмы, после чего стали различаться день и ночь.

В древнеегипетской мифологии важное место занимала богиня ночи – Баст (в Египте Баст – богиня ночи, плодovitости, рождаемости, охоты, радости изображалась в виде кошки или женщины с кошачьей головой). Лакшми для индийца не только богиня процветания, но и примерная супруга, изображаемая сидящей у стоп Вишну. В известном празднике наваратри – «девять ночей» – первые три ночи посвящены именно ей.

В мексиканской мифологии богиня ночи – Тласольтеотль, изменчивая владычица ночи.

С ночью связано огромное количество персонажей языческой мифологии. Таковыми выступают Ламия (лишенная сна, бродит по ночам), Домовой (можно увидеть ночью), Кикимора (проказничает ночью), Полевик (с кисточкой на хвосте, его можно увидеть ночью), оборотни начинают свои превращения на

перепутьях дня и ночи и дорог, бесы, особенно ненастными ночами воют разными голосами.

Ночь, как временной промежуток, в течение которого для каждой точки поверхности земли светило остается ниже линии горизонта, обусловленный суточным вращением Земли вокруг своей оси. С этим важным физическим явлением в жизни человечества весьма многое связано: это и промежуток между периодами дневной активности, предназначенный для физиологически необходимого отдыха; это измерение продолжительности ночи (сегодня мы сравниваем ее с лунной ночью, марсианской и т.п.). Измерение ночи важно: мы отмечаем удлинение их зимой и укорочение летом. Древнее деление ночи на промежутки – «стражи» и различные способы сигнализации (крики, звон колокола)². Геофизические процессы предопределяют в жизни человека такие явления, как «белые ночи» и «полярные ночи», «майская ночь». Ночи, связанные с особенностями погоды – например, «воробьиная ночь» (бурная, ненастная, пугающая воробьев в гнездах, начинались 15 августа по старому стилю).

В связи с угрозой глобальных катастроф заговорили о возможности наступлении ночи в результате гигантского извержения вулкана или взрыва при падении астероида.

Ночь как период, в течение которого (под покровом которого) происходят весьма важные, загадочные таинственные и непонятные в своих истоках события: человек обездвиживается, впадает в сон (совсем не очевидно и не обязательно – для отдыха и восстановления сил, в сильной степени такой сон более похож на смерть) он переживает вещи и лживые сновидения, в этом состоянии человек перестает видеть (в темноте), плохо рассуждает (размышляет), молчит (не говорит), а потому он как бы не вполне человек (поскольку не мыслит и не говорит).

В связи с этими аспектами формируются антропологические практики: ночной покой, организация сна, обязательное ограничение активности, охрана сна как периода беззащитности, беспомощности, уязвимости человека (и в связи с амбивалентностью всех категорий культуры – патологическая активность «луна-

тиков» и криминальных элементов: «воровская ночь», когда ветер шумит).

Ночное время – как особое время **нарочитого, специального бодрствования**, вопреки обыкновению, физической природе: ночная вахта, стража, бдение; ночная смена, ходить «в ночное», ночной бой, ночные военные действия, рыбалка, охота и т.п., ночные астрономические наблюдения, ночные молитвы, общение с сакральными силами и инстанциями, ночные развлечения, интенсифицирующие обычное: «ночь музея», ночные пиры, поездки, «ночь пожирателей рекламы», ночные обряды³, призванные скрыть некое сакральное общение, добиться контакта, невозможного при свете дня, в дневном шуме и суете⁴, ночные тарифы на услуги и товары («ночью скидки» – льготы, дисконты ночью), ночь как время для занятия любовью, сексом, ночь как время рассказывания страшилок, ужасиков, историй (днем они не воспринимаются). Самое яркое событие марта – Ночь Ночей, церемония вручения Оскара.

Особенно выпукло это представлено в традиционной и религиозной обрядовости: «первая (брачная) ночь», ночь «перед рождеством», «ночь богоявления», «хацуюмэ» – сон в первую ночь в новом году, с 1 на 2 января у японцев и т.п.

Понятие о «Ночи» связано с представлениями о времени напряженной работы мысли: недаром Сова мудрости (Сова Минервы или Афины Минервы) вылетает ночью, мудрость приходит на закате дней, в старости, т.е. на пороге ночи. Ночь – пора ясновидения, бесстрашных мыслей и прозрений (озарений, «прорезающих мрак ночи»), принятия судьбоносных решений («ночь в Гефсиманском саду»), время расплаты (ночь Иуды).

Особо следует выделить **ночные речевые (риторические) практики**. Сюда включаются – пожелания спокойной ночи (приятных снов и т.п.), молитва перед сном, колыбельные песни, сказки «на ночь», беседы ночные (особенно доверительные) – у костра, при ясной луне, под звездами, ночное (сонное) «бормотание» (говорить во сне) и т.п., ночные службы доверия, психологической помощи, справочные. Колядки – обрядовые песни у

восточных славян исполнялись в ночь перед рождеством. Вообще, ночь требует аккуратного обращения человека со звуками: по поверьям боснийских сербов нельзя ночью свистеть, дабы не накликать нечистую силу.

Вещно-предметная оболочка ночи. В связи с тем, что в эти разнообразные практики вовлекались различные вещи, животные, участки пространства (сон локализован) – они наделяются дополнительными смыслами: фонари (и вообще светильники, свечи, лучины, фонарики карманные, для освещения ночью, маяки и сигнальные ракеты, костры для целеуказания в ночной тьме, фонари и специальные светоотражатели на транспортных средствах). Большой кластер образуют ночные («спальные») одежды и принадлежности – рубахи, сорочки, колпаки, горшки, ложа, лежбища, постели, матрасы, перины и т.д.⁵. Ночь «аранжируется» как неизбежными, так и необходимыми атрибутами: ночными светилами (луна, звезды), ночными птицами (сова, выпь), насекомыми (мотыльки, бабочки, сверчки, светлячки), животными (кошки⁶, мыши), растения (папоротник цветет ночью). Локализация ночи: ночь охватывает часть поверхности Земли, места ночлега («ночлежки»), ложа и лежбища для сна (спальные комнаты); в мифологиях описываются особые пространства – «царства ночи» и вечного мрака (айд, преисподняя). Мифологические герои путешествуют на край и за грань таких царств. Индустриальное общество рождает массовые ночные практики и места их осуществления («ночные работы», «ночные клубы», «ночная жизнь» в местах, обыкновенно днем закрытых).

Ночи с собственными именами. Ночи, всего лишь связанные с историческим промежуток, но в течение которых были совершены какие-то важные действия, оставившие след в памяти человечества, заслужили имена собственные: «Варфоломеевская»⁷, «Вальпургиева»⁸, «Ночь длинных ножей»⁹, «Ночь печали»¹⁰, «Ночь предопределения»¹¹, «Огненная ночь»¹² «Хеллоуин»¹³ «Махашиваратри или Великая Ночь Шивы»¹⁴, «Хрустальная ночь»¹⁵, «Ночь на Ивана Купала» и т.д. Особое место здесь занимают ночи революций, заговоров, начала войн, восстаний, штурмов¹⁶.

Смыслы и значения категории исторически менялись: ночь – архетип Тьмы. Символика ночи весьма многообразна. Для гуманистов Ренессанса ночь была разрушительным элементом, символизирующим физическую смерть, поэтому иногда она изображалась в виде черной крысы. Период Средневековья для них – Темные века. Век Просвещения центральной смысловой дилеммой истории назвал дилемму света и тьмы. В просветительно-рационалистическом упоении В.Брюсов приходил к идее «Светлого будущего», в котором окончательно восторжествует свет (везде будет свет, зелень, небо без облаков и теней и исчезнет понятие ночи (тьмы)). Так буквально разрешается дилемма «свет разума»–«мрак невежества».

В связи с этим ночь не могла не получить самого разнообразного отображения и выражения в искусстве и литературе. Нет ни одного рода, вида и жанра искусства и литературы, где не отразились бы те многообразные смыслы и значения, которыми человечество награждает эту категорию.

Сказки «Тысяча и одна ночь»; пьесы В.Шекспира «Двенадцатая ночь»; картина Рембрандта «Ночной дозор»; «Русские ночи» В.Ф.Одоевского, новелла Н.Гоголя «Майская ночь»; «Ночь нежна» Д. Фицджеральда; фильм Ф.Феллини «Ночи Кабирии»; «Ночной полет» А. де Сент-Экзюпери; «Путешествие на край ночи» Ф.Селина; жанр музыкального произведения – «ноктюрн»; ночные серенады и «ночная» лирика А.Фета.

В соответствии со структурой этого концепта он получает разнообразные формы объективации (в фольклоре, художественной и научной литературе, изобразительном искусстве и т.д.). И как ценностно амбивалентен и изначально «бессодержателен» сам архетип – так предельно разнообразны его содержательные объективации, реализующиеся в диаметрально противоположном спектре ценностей и оценок.

1. Начало этому, по-видимому, следует искать в таких работах, как: О.М.Фрейдсберг. Миф и литература Древности. М., 1934; А.Я.Гуревич. Категории средневековой культуры. М., 1971. Недавние примеры обращения к теме: Ю.Степанов. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М., 2004; Его же. Семиотика концептов//Семиотика. Антолог-

гия. М. 2001.

2. Например, римляне начала нашей эры для военной караульной службы делили ночь от заката до восхода солнца на 4 стражи (vigiliae): prima, secunda, tertia, quarta, считая по 3 часа в каждой страже.

3. В ночь перед Новым годом (Новруз) садятся за стол, на который ставят новую посуду. На праздничном ковре расставляют хафсин – семь предметов, название которых по-персидски начинаются на букву «син»: яблоко, чеснок, уксус, зерно, зеленые колосья, руту, плоды. Богослужения у хлыстов (радения) совершаются ночью. Черная месса у сатанистов обычно проводится с 0 до 4 часов.

4. В Рамадан мусульманами кроме обычных 5 молитв каждую ночь совершается дополнительная молитва-намаз (таравих), обычно вскоре после вечерней, пятой молитвы (саят аль-иша). Последние 10 дней и ночей рамадана должны отличаться особо интенсивной благочестивой деятельностью...

5. См. замечательную в этом смысле «Большую элегию Джону Донну» И. Бродского (И. Бродский.)

6. Кот в китайской мифологии являлся символом ясновидения, ассоциируется с луной, ему приписывали демонические силы и способность видеть духов ночи. Белых котов наделяли способностью превращаться ночью в злых духов, потому что они крадут лучи лунного света. Вспомним: сову, летучую мышшь, ночных мотыльков и др.

7. Массовая резня гугенотов во Франции, устроенная католиками в ночь на 24 августа 1572 года, в канун дня святого Варфоломея.

8. С 30 апреля на 1 мая, по германскому народному по-

верью, служит ежегодным праздником ведьм, собирающихся в эту ночь вокруг своего повелителя, Сатаны, на высокой, недоступной горе Брокен, где они и справляют свой «шабаш».

9. Расправа Гитлера над готовившими путч штурмовиками СА, произошедшая 30 июня 1934. Кодовое название – «операция Колибри».

10. Название кризисного момента в походе Кортеса на Теночтитлан: кровавого отступления конкистадоров из столицы ацтеков в ночь с 30 июня на 1 июля 1520 г.

11. Другое имя: «Ночь Могушества» – в исламе праздник, отмечаемый в 27 ночь рамадана в честь открытия Мухаммеду первой суры Корана в 610 году в пещере Хира горы Джабал ан-Нур.

12. Акция против принудительной италянизации, произошедшая в ночь на 12 июля 1961 в Северной Италии, когда было взорвано 34 опоры линий электропередачи. Эту дату считают одним из поворотных моментов в истории Южного Тироля.

13. Древний кельтский праздник, история которого началась на землях современной Великобритании и северной Франции – отмечается в ночь с 31 октября на 1 ноября.

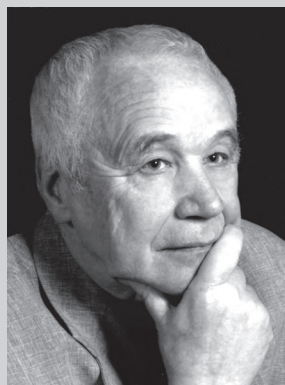
14. Это один из величайших праздников искателей Истины.

15. Первая массовая акция прямого физического насилия по отношению к евреям на территории Третьего рейха, произошедшая в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года.

16. Великая Октябрьская социалистическая революция свершается в ночь с 25 на 26 октября (7–8 ноября) 1917 г.: Красная Гвардия, революционные солдаты и матросы окружили Зимний дворец к 2 часам 10 мин. ночи 26 октября.

Б.В. Емельянов

И НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО (О ТВОРЧЕСТВЕ А.И. КОНЕНКО)

Емельянов
Борис Владимирович

доктор философских
наук, профессор УрГУ,
академик МАДИ

Конспект монографии о шедеврах омского миниатюриста А.И. Коненко.

Старый Омск в каждый мой приезд одаривал меня какими-нибудь подарками – встречами с интересными людьми, неожиданными ракур-

сами какого-то старинного здания, книжкой у букинистов.

В 1994 г. таким подарком стал музей Ф.М. Достоевского и миниатюрная книга «Сонеты» Шекспира на русском и английском языках, размером 22*30 мм., которую я купил в кассе музея. Тогда-то я впервые узнал имя мастера, создавшего этот, как я это понимаю – шедевр – Анатолия Ивановича Коненко.

С этого времени удивительное творчество этого художника-миниатюриста почти ежегодно напоминало о себе публикациями, сюжетами на ТУ и другой информацией. И наконец последняя поездка в Омск подарила мне личное знакомство с этим выдающимся художником современности. Двухчасовая беседа в его мастерской – это своеобразная экскурсия в миниатюристику, это дельное удивление воз-

возможностям творческого потенциала человека, креативности его мысли, идей и свершений.

Увлечение миниатюрой к А.И. Коненко пришло после окончания худ.-граф. факультета Омского педагогического института им. М. Горького. Год от года развивая свое умение, он начал создавать свои микроминиатюры от 0,5 до 1-2 мм., которые на выставках и аукционах в стране и за рубежом поражали посетителей своими немыслимо малыми размерами. Поразили они и меня настолько, что я так и не смог рационально понять, как возможно, например, на человеческом волосе разместить зоопарк из 13 зверей с высотой фигур в четверть миллиметра. Или мне осталось только удивиться, но никак не понять, как смог художник создать всемирно знаменитую деревянную Преображенскую церковь в Кижях высотой всего 9,1 мм. Вместо бревен в микромакетике он использовал человеческий волос; купола к ней выточил из скорлупы грецкого ореха, а кресты на 22 ее куполах выполнил из золота. Известность оригинальной манеры и уникальность выполнения миниатюр А.И. Коненко росли от выставки к выставке. И все же кроме него микроминиатюрой занимались и другие отечественные мастера.

В 1994 г. Анатолию Ивановичу пришла счастливая мысль применить свои уникальные способности миниатюриста к созданию миниатюрных книг. Вполне естественно, что начал А.И. Коненко с книг любимого Пушкина. Одна за другой появляются его книги, с постепенным уменьшением их размеров от книги к книге: «Евгений Онегин» (24*34 мм.), «Повести Белкина» (22*30 мм.), «Сказка о рыбаке и рыбке» (16*20 мм.), «ММ» (16*18 мм.). А затем появились поистине уникальные издания – автопортреты Пушкина в берестяной миниатюрной книге (23*32 мм.), а его стихи «О розе» напечатаны на сброшюрованных лепестках розы.

Удачный опыт издания миниатюрных книг настолько вдохновил А.И. Коненко, что он стал пробовать себя в издании микрокниг (книги менее 10 мм). Так им был издан все тот же «Евгений Онегин» Пушкина в четырех книгах размером 8*9 мм., стихи Ю.Лермонтова, А.Ахматовой, Ф.Достоевского, Слово о полку

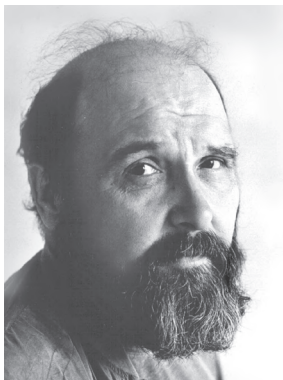
Игореве – всего 30 микрокниг разных авторов. А через два года после издания первой книги – в 1996 г. наступил звездный час художника – он издал самую маленькую в мире книгу. Это был «Хамелеон» А.П. Чехова, имевший 30 страниц текста, 3 цветных иллюстрации и твердый переплет, а размер всего 0,9*0,9 мм. (!). Мировая общественность признала уникальность издания сибирского миниатюриста, его имя было занесено в Книгу Рекордов Гиннеса, о чем впоследствии А.И. Коненко был выдан специальный сертификат.

До сих пор эта супермикрокнига (менее 1 мм) является официально самой маленькой в мире. В 2008 г. он с сыном Станиславом издал серию книг («Алфавиты народов мира» 13 книг размером 0,8*0,8 мм) в каждой книге до 12 страниц. Печать офсетная. Общее число различных книг к концу 2009 г. составляло около 200 многие из которых хранятся в фондах библиотек и музеев не только России, но и США, Канады, Японии, Франции, Испании, Дании и других стран. Сейчас автор работает над изданием супермикрокниг размером от 0,2 до 0,5 мм. с текстами стихов А.Пушкина, А.Кольцова, Е.Евтушенко, А.Кутилова.

Как подлинный художник и издатель А.И. Коненко находится в постоянном поиске, о чем говорит издание миниатюрной ледяной книги «Морозко», книжки-гармошки «Василий Тёркин», серии берестяных миникниг.

Не иначе как виртуальным шедевром можно назвать последнюю его концептуальную книгу предельно малого формата 0*0 мм., которая находится на пределе мыслимых форм оформления печатного издания. Эта книга – «Божественная комедия» Данте на двух языках, может быть воспринята только на уровне веры, поскольку находится на грани проявленного и непроявленного мира. Она имеет 18ВМ, тираж, библиографическое описание, сертификат с номером экземпляра. Книга отчасти представляет собой трансцендентальную схему, которая является посредником между категориями и чувственностью. Зная художественный потенциал А.И. Коненко, я уверен, что и этот новый уровень книгоиздания (или, вернее, книгоизготовления!) им будет преодолен.

Юрий Конецкий

Ю. Конецкий

ТУАССОН

Хорошо в кабачке у Пьера,
Где сегодня моя премьера, -
Пригласили читать стихи.
Неужели поймут французы
Откровенья российской музыки? -
Переводы в упор плохи...

Что я знаю про этих малых
Крутолобых, короткопалых,
Молодых, как быки, ребят?
Что сидят при отпитых кружках,
Что дымят при своих подружках, -
Лица их в полутьме рябят...

А Пьеро, шевеля усами,
Полумрак веселя глазами,
Зажигает софит в углу,
Приглашает рукой приветом
Переводчицу и поэта
Ради света покинуть мглу.

Начинаю читать... Молчанье...
Непонятно мое мычанье.
Я замолк, вытирая пот,
А мадам на язык Мольера
Прозаически, без размера,
Начинает свой перевод.

Смолкла... Фермеры и студенты
Вынимают аплодисменты
Из молчанья, как голубей,
И, наверно, на всю округу
Выпускают летать по кругу -
Взмахи крыльев сильнее, слабей...

А за окнами полусонно
Светят домики Туассона -
Деревенского городка.
Продолжаю без перерыва
И надрыва - пусть тянут пиво,
Я и сам не прочь полглотка...

Но, похоже, я порчу вечер -
Вдруг стихи про афганский ветер
Закачались над кабачком,
И в открытую дверь подуло
Дымным заревом из Кабула
И обстрелянным «пяточком», -

То стихи о поэте-барде...
Пусть Афган далеко по карте,
Мал, однако, подлунный мир...
Переводит мадам. Внимают...
Напрягаются... Понимают...
У французов был свой Алжир...

Гаснет яркий софит на сцене.
Нам назад возвращаться к Сене -
День расписан вперед с утра,
И Пьеро угощает пивом,
Уникальным гордась разливом -
Вкуса с градусами игра...

И подходят ко мне французы
С пониманьем суровой музыки,
И безрадостных дней Руси -
Мол, стихов не читаем сроду,
Но понятны твои народу,
Руку жмут, говорят «Мерси».

А Пьеро, теребя ушце,
Что-то долго под стойкой ищет, -
Вынул ватмана лист большой,
Плюс к нему карандаш-фломастер:
Запиши про солдата, мастер, -
Мы с тем парнем близки душой.

Мол, потом прикнуплю на стенку...
Я, пристроив на стул коленку,
На листе вывожу стихи
Русским текстом, без перевода, -
Слову тоже нужна свобода,
Искупающая грехи...

Константин Савельев

К. Савельев

ГРУСТНАЯ ПЕСНЯ

Как умеет, живёт планета,
И как будто, так было всегда.
Звёзды щурятся тихим светом,
И дождями с небес - вода.
Утром Солнце всю Землю будит,
Лёгкий ветер стучит дверьми.
На Земле проживают люди,
Называют себя людьми.

И сегодня, как и когда-то
Ищут радости молод, и сед.
Только ищут не там, где надо,
Не жалея ни силы, ни лет.
Люди прячут себя за двери,
Говорят: - «От судьбы не сбежать».
Каждый хочет во что-нибудь верить
(Если это не будет мешать).

Деньги тратят и тратят на дело,
Что не стоит порой ни гроша.
Выше золота ценится тело,
С молотка продаётся душа.
И вокруг все бегут куда-то,
Ищут вечного счастья секрет.
Только ищут не там, где надо,
Принимая за истину бред.

Все боятся отстать от моды,
Каждый третий в душе - Супермен.
Не стесняются брать от природы,
Отдавая ей мусор взамен.
Если трудно - то вспомнят Бога,
Чтобы после забыть Его вновь.
Все в мечтах о любви до гроба,
Часто в гроб загоняя любовь.

На кого же они похожи?
Не понять до конца всего...
Как-то к людям пришёл Сын Божий,
Так распяли они Его.

ПОСЛЕДНИЕ (ПИСЬМА АПОСТОЛА ПАВЛА)

Этот мир берёт за горло, теснота - со всех сторон,
Слух нещадно забивая хриплым карканьем ворон.
Долог путь, ступают ноги по траве и по золе.
Теснота - но нам не тесно на Земле.
Если гонят - мы уходим. Мы приходим, коль зовут.
Смотрим в небо, смотрим долго - да, нас ждут, нас точно ждут.

И как будто бы отчаяться пора в который раз,
Но отчаяние, ей-богу, не для нас.
Мы низложены, но живы, снова живы для любви.
Кто не верил - пусть не верил, а ты знай себе, живи.
Нас не знают. Как бродягу нас не пустят на порог. Неизвестны?
Нас узнают, дайте срок.

Сколько будет огорчений - только их не нам считать.
Не убить в сердцах надежду, радость, мир и благодать.
Духом нищие, но скольких мы смогли обогатить,
И наставить, и утешить, и простить.
Что имели мы когда-то, что искали, что нашли?
Голос Неба, что напомнил: «Вы - свет миру, соль земли».
Встанет утро, и заботы вместе с ветром унесёт.
Мы богаче всех богатых - вот и всё.

Анатолий Гагарин

А. Гагарин

* * *

(«Воронья слободка»)

Пахло мокрыми заборами
Как арбузами с бахчи.
Нам с тобою было здорово
Биться взглядом в кирпичи.

Сараюшек клетки стылые
Помнится, горели всласть.
Берега постыло-милые
Больше не хотят упасть.

Улица кривоколенная,
что сожрала колобка,
Не отпустит вечнопленного,
Не отдаст назад клубка.

Дом с пропискою киношною
Тихо чалится в закат.
За житуху неотложную
Зуб отдай. Не будь как гад!..

* * *

Задрал башку, да так, что кепку оземь.
Глазею – мчит из детства «масолёт».
Сквозит меж ребер, всасывая, просинь
Небес разорванных. Я знаю наперед,
Что шов затянется. Но это будет после.

Ну а пока цепляйся за края.
И поплывет по небу белый ослик,
Слон –альбинос, и - вдруг - вихрастый я...

* * *

В морозном воздухе рязанском
Ядреном, вкусном, да не злом
Лечу в наряде партизанском
На лыжах в многожды былом.

Сосна на склоне костенеет
Вся в поцелуях прыгунов.
Я не с подушкой, а с нею
Милуюсь в ожиданьи снов.

Сосновый лес подсвечен снегом
Лыжня петляет меж деревьев.
И упиваюсь я побегом
В ладонях сна себя согрев.

* * *

Здесь все пределы неба стерты,
Пространство снежное распято.
Здесь высь и твердь лоб в лоб уперты
И строят звонкие палаты.

Здесь твердь земную кличут снежью
И пилят лед навстречу рыбе.
Здесь стужа жмет до жути нежно
И глыбы рыб оскалы лыбят.

Здесь в рыбьем глазе меркнет небо,
Тускнеет ртуть подлёдной толщи.
И снулых лун скупая небыть
Тенями замаять льда всё морщит.

И тут, где рван покров простора,
Ресница шьет иглою взгляда.
Срастаются края наряда
И ждут небесного призора.

* * *

Луна застряла в горле неба
И ночь не в силах продохнуть.
Душа размочит корку хлеба,
Чтоб в слёзной тюре утонуть.
И упадет крупой небесной
В ладони жадные земли,
И станет ей, душе, так тесно
И сладко, что вновь замели
Снега по пояс, грудь... по темя,
Куда ударит утром луч...
Душа слезою силит время
И камень, что бел и горяч.

* * *

Распухли губы как от горна,
Перецелованного вдрызг.
И жерло обло. И призорно
В сто зев глазеез. Звонкий визг
Вгрызают лобзиком морозным
Шаги в киношный пенопласт...
За льдистым сполохом склерозным
Под коркой наста чую лаз.

И в озорном котле зазора
Вскипает варево весны.
И звуки лая, визга, ора
Вплавляются в земные сны.

А мне же – вкус соленой меди
На зацелованных устах.
Коль горний горн тавром отметил,
Уже забыт-неведом страх...

* * *

Аз – это Я. И мой размер АЗ*.
Гляжу плакатом с мокрого забора.
Послушай, дождь! Мне усики сотри!
Не дай мне умереть с такой уморой...

И вот когда откроются АЗы,
И мокрое лицо сползет кусками,
Я в качестве прощального «Зы-Зы»**
Почую крест, оставленный мазками.

*АЗ (А-Три) – печатный размер.

**«Зы-Зы» – P.S. – принятое у пользователей интернета обозначение «P.S.» (совпадающее с «ЗЫ» в русскоязычной клавиатуре).

* * *

Кьеркегору

Я не знаю, что такое жмудь,
Впереди – от жути и до жмури?
Ну а если же наоборот взглянуть –
После жмури жути жди до дури?

И когда ты в жуть летишь до дна,
Вряд ли это назовешь пареньем.
И душа вся в пятке. И она
Богом будет схвачена в паденье.

* * *

Памяти Сергея Шахова

Жил-был ты...

Снова семь без пяти.

Только ты в магазин не сорвешься.

Ускакал невзначай твой Олень – Золотые Рога...

Пустоты

Тень легла на пути.

Смеха хриплого не оторвется

Тот репейник на свитере – боль эта мне дорога.

Жили-были мы все...

Пепел греет алмаз.

Вам по жизни досталась «Путевка»...

Так вот вышло... Вы вышли, а дальше нам ехать поврозь.

На чужой полосе

Вы остались в наказ

Вот такая изнанка... издевка?

И морозные рельсы мне душу бинтуют насквозь...

* * *

Когда договорюсь до днища,
До донца – там не будет сути,
Сотрет все буквы с полотнища
Озноб подспудной сладкой жути.
И вот, в предошущенье такта,
Вся в предвкушенье вспышки света,
Машинка «Зингер» скажет «так-так...».
...Вот так начнется жизнь поэта.

* * *

Памяти Сергея Молодцова

Не дотянул до сентября,
Испекся на исходе лета...
Оставил каждого с приветом.
Теперь летишь там, где заря...

Теперь летишь там, где заря
Заходится просветным криком.
А в почте ты остался с ником,
Дверь за собой не притворя...

Пока летишь там, где заря,
Твой ящик засыпает спамом...
Ты СМС-ки – телеграммы
Слал в ночь-полночь, себя даря.

Ты всё летишь там, где заря...
Твои мармотики с улыбкой
Парят в воспоминанье зыбком...
Серёга (смайлик), всё не зря.

ПРИЕМНЫЙ ПОКОЙ

Мерцание дежурных ламп
Глаза сомкнутые тревожит.
Небытие объятьем лап
Раздумья старика стреножит.
Ничто посланники немые
Стучат в исколотые вены.
Жужжат все лампы как шальные,
И манят – синие сирены...

И ввысь уходит маята,
И примеряется смирение,
И пухнет смыслом пустота,
И к месту движется именье.

* * *

Памяти И. Нилова

Ты музыкой свинцово-цеппелиновой
Глушил нас, нос задрал утиный,
В штанах панбархатно-малиновых...
И рамочным углом картина
Меня задев, вдруг падает. Осколки,
Набухнув, с хрустом на лицо ложатся...
А ты, бухой, с ужимками паяца,
Всё вытанцовываешь, завывая волком,
И как-то мимо смотришь, фрагментарно,
Всё выплываешь, колесованный под утро,
И всё поешь взхлеб и лучезарно
Своим богам, тягая мантру-сутру.
Ты всё поешь... Дрейфуешь в сон на льдине,
А я не верю в то, что ты не выплыл.
Отдал концы – и к ласковой фемине.
Теперь костлявая пусть пробует твой пыл...

* * *

Нежданной солнечной блесной
Дождь дразнит рыбы рты асфальта
И лужи с выгнутой спиной
Скрывают тонущие алыты.

Оркестр небесный отгремел
И растворил смычки и звуки
А радуга раскинет руки,
Легко обняв земной предел.

* * *

Сквозь пожухлые ветроужники
На манящий вдали просвет
Мчат бесшумно в ночи ушкуйники.
Это волки. И всяк – поэт.

Их отпели давно и затемно,
До скончанья земных годин.
С сердца воем сдирая патину,
Каждый волк себе господин.

Они впились в поэзу намертво
Как в добычу. Она же – в них.
Позабыты давно гекзаметры.
Рифма режет их хриплый стих.

Их, пронизавших сухостойники,
Ждет верлибра калибр в упор.
Чтоб, ломая чабрец и донники,
Слышать вечности приговор.

* * *

Сверху - просинь
Снизу – синь.
Бога просишь –
Пронеси!

Там, где глыбко –
Тянет вбок.
Воды зыбки.
Спаси, Бог!

По-над гладью
Как идти?
Лодку сладишь –
По пути!

Вдоль по водам
В света даль
Двину бродом.
Боже, дай!

Мчусь я смело
В глубь небес.
Ангел слева

* * *

Слепит речная нагота
С одним плечом покатым.
Заполняет простота
Окрестности заката.
И колобокая луна
В воде студеной скачет.
От лодки прочь – и вновь видна.
Весло украдкой плачет.
Бьёт по затылкам буруны
И лодка нивы пашет.
Гоня колобок луны,
Что катится и пляшет.

И так до утренней зари
Рисует киль улыбки.
И червячка рыбак морит,
Качаясь в утлой зыбке.

* * *

В небесах плывет большой дирижабль.
Я цепляюсь за пузырь дутых жаб.
То ли зависть давит жаб, то ль амбец,
А пузырь летит по небу – пловец.

А внизу торчат то пики, то крюк,
Без башки лечу и правлю без рук.
Ветер в спину дует словно маньяк,
Только бы не встретить цапель косяк...

Ну и пусть я тут завис словно краб.
Дирижер я всех понтыщихся жаб.
Их амбиции держу я в узде,
Правлю курс я по висячей звезде...

В пузах жаб бурлит пропан и бутан.
Обнимаю, как родной, дирижбан.
Вот не думал я, что зависть – сырё,
Мы летит, и потребляем своё...

Вот собрать бы всех раздувшихся жаб
Да построить дирижаблевый хаб!
Пучит пузо пусть, спирая в зобу,
И летит, куда раскатим губу

Транспонтовый вечный наш дириж-флот
Покорять просторы всяких широт.

А оставшихся завистливых жаб
В трубопровод мы замкнем «Понто-раб»...

* * *

Я выхожу из сна как из чащобы,
Всклоченный ночной погоней волк.
Из тьмы-утробы скалятся хворобы,
Но мчать вдогонку не выходит толк.

Как перелярок, изгнанный из стаи,
Во сне оставил кровную родню.
Все схроны памяти с утра перелистаю,
И не найду себя, не догоню.

И сны из стаи в лес меня не примут.
С добычей мча, прикусывая дичь.
Вольны бежать и жалости не имут.
И сторожит леса будильник-сыч.

* * *

Гипобиоз¹ - моя лагуна.
Впадаю в спячку как сурок.
И днем как ночью вечнолунной
Я исполняю свой зарок.

Иду-бреду, глаза закрыты.
Мой даймон – вечный GPS.
А где-то сшиты и подшиты
Текстовки схожих монопъес.

Один герой – одна концовка?
Скорее, бегля без конца.
Прогонны и перелицовка
Размноженного в масть лица.

Меня не греет участь Грея.
Отдать лицо во власть судьбе?
Противны руки брадобрея.
Что прикасаются к тебе.

Зарыться в шарф до глаз мне надо,
Чтоб рос на нем морозный мех.
И выпасть в спячку на параде,
Сомнамбулой идя сквозь смех.

1. **Гипобиоз** (от *гипо-* под, внизу, и *греч. bíos* — жизнь), состояние пониженной жизнедеятельности организмов. Понятие «гипобиоз» применяется как обобщённый термин для обозначения различных по своей природе явлений, характеризующихся снижением уровня обмена веществ и общей активности: гипотермии, спячки, диапаузы, покоящихся стадий развития и т.п. Глубокий гипобиоз может перейти в анабиоз.

DISCOURSE-P Дискурс Ни

Научно-практический альманах

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ

POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

PHILOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

Ди-Ни
Выпуск 10

Дискурс
травелога

DISCOURSE-P
ДИСКУРС
Ни

О.Ф. Русакова

ДИСКУРС ТРАВЕЛОГА

Русакова
Ольга Фредовна

доктор политических наук, профессор,
заведующая отделом
философии Института
философии и права
УрО РАН, президент
МАДИ

Методологические поиски в современном гуманитарном познании связаны с широким развитием дискурс-исследований. Разработка эвристического потенциала категории «дискурс» привела к появлению целого спектра различных направлений «дискурс-анализа». Уральские ученые активно включились в эти исследования¹

Значительный интерес вызвала тема дискурс-травелога, в рамках которой были предприняты попытки дискурс-анализа многообразных форм травелога – от сухих отчетов научных экспедиций до повествований о «странствиях души» в поисках сущностей и смыслов, от всевозможных путеводителей и справочников по странам и континентам до приключенческой и фантастической литературы о путешествиях в иные миры, вплоть до огромной блогосферы в Мировой Паутине.

Термин «дискурса травелога» еще не затвердел в полной мере в границах строгих дефиниций и потому, как все концепты, обладает сложной структурой, включающей в себя и научно-теоретическое понятийно-категориальное ядро, и слои художественно-образного и даже мифологического сознания и далее – через многочисленные ассоциативные слои и связи уходит вдаль, растворяясь в продуктах общечеловеческого сознания и теряясь в недрах коллективного бессознательного.

В процессе дискурс-анализа феноменов травелога, сопровождающих человека на протяжении всей его сознательной истории (мифы о странствиях и подвигах культурных героев, сказки о путешествиях и приключениях, записки путешес-

твенников и мемуары о превратностях жизненного пути, карты, лоции, страноведческие словари и справочники и т.д.) выявляется относительно целостная и устойчивая система концептов, в которой человечество «проговаривает» и осмысливает свои разнообразие странствия.

Таковыми характерными для травелога концептами являются концепты Пути, Путника, Подвига. Они, как и положено концептам, имеют богатое и разнообразное воплощение: Путник – это и Странник, и Паломник, и Скиталец, но может быть Первопроходец, Разведчик и даже Шпион. Концепт Путь также вбирает в себя многочисленные воплощения: Авантюра, Приключение, Подвиг, Жизнь. Схематизм Пути воплощен в Древе Жизни (оно же – Древо Познания!). Для человечества весьма важны пути, носящие личные имена: Путь Будды, Христа, Магомета, Сурьи, Митры, Озириса, Варуны и т.п. Приковывают к себе внимание человечества Пути-Странствия Инанны, Одиссея-Улисса, Орфея, Энея, Богородицы. Весьма ценен Путь, побежденный Путником, трагичен Путь, побеждающий Путника, превращающий его в вечного Скитальца-Агасфера, беженца.

Данный выпуск альманаха посвящен теме травелога. По сложившейся традиции центральная тема не является догматом и выступает, скорее, регулятивным принципом, приглашающим к соразмыслению. Авторы представленных здесь материалов предпринимают попытки очертить предметную область, определить важные смысловые точки, наметить подходы и приемы исследования.

Как обычно, в альманахе представлена рубрика «Галерея», в которой российский (о Ю.М. Лотмане) и японский (о А.Ф. Лосеве) авторы обращаются к творчеству этих незаурядных мыслителей. Рубрика «Антропология» приглашает взглянуть на своеобразную топику Средневековья (А.С. Гагарин), задуматься над судьбами гуманизма (М. Рупатов), пристально взглянуть в антропологические практики долженствования (С.М. Зубарев).

Коллектив авторов и читателей альманаха в 2010 году благодарно отмечает юбилей известных российских ученых, отцов-основателей Уральской

философской школы, носителей ее лучших традиций – К.Н. Любутина, Б.В. Емельянова, В.Т. Звиревича. Наш коллега и знаток афористики М.А. Малышев посвятил им свой новый цикл «Время, ирония, судьба». Почетный Президент МАДИ К.Н. Любути в беседе с И.Б. Фан поделился опытом соединения антропологии с жизнью.

Постоянный ведущий рубрики «Игра в бисер» В.О. Лобовиков снова порадует заинтересованного читателя оригинальным авторским видением актуальных проблем современности через призму логики и формальной аксиологии.

Вместе с расширением сотрудничества уральских ученых в альманахе появляется новая рубрика «Исторический дискурс», в которой исследователи С.А. Нефедов и А.Н. Трифонов представляют результаты изучения различных аспектов российской истории. Надеемся, что в скором времени появится и еще одна рубрика – «Филологический дискурс».

Альманах с момента появления на свет повышенное внимание уделял и уделяет методологической проблематике: в рубрике «Тропы метода» к ней обращаются О.Ф. Русакова, В.С. Никонов, А.Е. Спасский.

Глубинные, тектонические сдвиги в общественной жизни, происходившие в прошлом и совершающиеся сегодня, являются предметом материалов рубрики «Парадигмы и процессы» – это и трансформация сакрального (Д.Н. Мельников), и проблематизация роли национального (М.А. Фадеичева), это и глубокое преобразование жизни российского общества под влиянием народничества (Ф.П. Фурман).

Возможность высказать свою точку зрения по наиболее важным социально-политическим вопросам современности предоставляет рубрика «Трибуна».

Рубрика «Четвертая власть» представляет воззрения зарубежных исследователей на процессы в этой сфере: Грег Саймонс показывает современные новостные войны как элементы связей с общественностью и развлечений; К. Квятковский раскрывает основные направления изучения политической блогосферы за рубежом.

Огромная роль современных политических технологий пристально изучается в одноименной рубрике. Здесь рассматриваются проблемы перехода к «электронному правительству» в России

(Е.Г. Дьякова) и почему в России до сих пор это трудно осуществимо (Е.И. Поддубнова). Какие технологии практикуют оппозиционные партии и партии власти исследуют И.А. Шкурихин и Р.П. Мухаметов.

Еще одна новая рубрика, которую редколлегия хотела бы предложить по опыту коллег, работающих над справочно-энциклопедическими проектами – «Энциклопедия «Дискурсология»», о котором заявлено было на сайте МАДИ (www.madipi.ru). Здесь предполагается представлять ход и итоги работы над энциклопедией «Дискурсология», размещать тексты статей и обсуждать возникающие проблемы. Ряд наших авторов (М.В. Гаврилова, Е.А. Кожемякин, Е.А. Кротков, Е.В. Переверзев, Б.В. Емельянов, В.Г. Богомяков, Л.В. Селезнева, С. Засыпкин, Е. В.Белоглазова и др.) уже прислали в редакцию энциклопедии серии своих статей. Еще ряд авторов готовят значительное число материалов.

Замечательные размышления по поводу афоризма как приключения мысли прислал наш постоянный автор – М.А. Малышев для рубрики «Эссе».

Альманах «Дискурс-Пи» десять лет назад задумывался как издание, выражающее наиболее характерные свойства Уральской философской школы, к числу которых обязательно относились трезвая рефлексия, самоирония, чувство юмора. Именно они считаются признаками духовного здоровья: декан философского факультета А.В. Перцев не устает повторять вслед за любимым им Ф. Ницше, что «Философия – веселая наука».

Философское творчество, несмотря на его абстрактно-теоретический характер, весьма близко художественному, поэтическому. Поэтому рубрика «Поэтик» не испытывает недостатка в авторах и постоянно пополняется новыми стихами мэтров (Ю. Конечного) и стихами новых авторов (К. Савельев).

Наконец, по традиции, Е.М. Сурина представляет нам новые книги по философии, праву, политологии и социологии, которые уральские ученые произвели за 2009-2010 гг..

1. См.: Многообразие политического дискурса. Екатеринбург, 2004; Современные теории дискурса. Екатеринбург, 2006; Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-Дискурс. Теоретико-методологический анализ. Екатеринбург, 2008; Материалы I – IV Международных конференций «Дискурсология: Методология. Теория. Практика». Екатеринбург, 2006, 2007, 2008, 2009гг. и др.

К.С. Романова

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ОСВОЕНИЯ ЧУЖОЙ КУЛЬТУРЫ В ТРАВЕЛОГЕ

Романова
Кира Степановна

кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, член-корреспондент МАДИ

«Жизнь во время путешествий это мечта в чистом виде»

Агата Кристи

Одним из путей регулирования индивидуальности бытия человека является его пространственная активность, желание изменять свое территориальное существование. Одним из позитивных последствий глобализации является, с одной стороны, «сжатие» пространства планеты Земля до глобуса, а, с другой стороны, наличие технических средств, позволяющих человеку достигать любой точки планеты за определенное время. Нельзя не согласиться с Горобовой А., которая заметила: «Теперь я знаю, поездки по свету – это, прежде всего раздумья. Мир вдруг начинает вращаться, как гигантский оживший глобус...». Пространство для обычного человека (обывателя), как правило, одномерно – это только расстояние от точки до точки, которое нужно поскорее преодолеть с помощью определенного вида транспорта. Мы забываем даже о трехмерности пространства. Однако в мире существуют множество культур от традиционной до постиндустриальной. Любое передвижение в пространстве, любое нахождение в нем, для людей разной культуры наполнены своей грамматикой, своей символикой, своим осмыслением. Как отмечает А.В. Головнев, что в пространстве человека традиционной культуры «может быть не два, не три, не пять, а множество измерений, соответствующих той или иной грани касания человека и мира».

Л.М. Бахтин известный русский исследователь говорил: «Человек – прежде всего слово, а потом уже все остальное. Слово – инструмент осуществления человека, оно обеспечивает его жизненной энергией. ... Идея начинает жить, т.е. формироваться, развиваться, находить и обновлять свое словесное выражение, порождать новые идеи, только вступая в существенные диалогические отношения с другими чужими идеями». В другом месте М. Бахтин отмечает, что понимание в общении по своей сути тоже взаимозависимо. «Увидеть и понять автора произведения – значит увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир, то есть другой субъект... При понимании – два сознания, два субъекта», поэтому понимание по сути своей «диалогично». Такую же точку зрения высказывает и В.С. Горский: «Понимание является характеристикой определенного результата, достигаемого в процесс общения»/ «...Диалог – столкновение разных умов, разных истин, несходных культурных позиций, составляющих единый ум, единую истину и общую культуру».

В диалоге каждая мысль (послание) рассчитана на интерпретацию собеседником и возвращение в таком обогащенном, интерпретированном виде для дальнейшего контакта с партнером. Как писал М.С. Каган: «В действительной речевой жизни всякое конкретное понимание активно: оно приобщает понимание своему предметно-экспрессивному кругозору и неразрывно слито с ответом, с мотивированным возражением – согласием. В известном смысле примат принадлежит именно ответу, как началу активному... Понимание созревает лишь в ответе. Понимание и ответ диалектически слиты и взаимообуславливают друг друга, одно без другого невозможно... При этом происходит взаимодействие разных контекстов, разных точек зрения, разных кругозоров, разных экспрессивно акцентных систем, разных социальных «языков».

Язык – знаковая система (система слов), посредством которой осуществляется человеческое общение на самых разных уровнях. Язык тесно связан с сознанием, является его смысловым организующим каркасом. Язык выступает как ха-

рактика мышления отдельного человека, но и как способ хранения и передачи информации от одного человека к другому, от поколения к поколению. Сознание одного человека становится действительным, понятным для другого через речевые высказывания, текст, через некоторую словесную коммуникацию. Даже когда люди говорят на одном языке, то в любой речи можно выделить несколько уровней: текст, контекст и подтекст, которые, с одной стороны, способствуют пониманию друг друга, а, с другой, – усложняют его.

В условиях травелога, когда люди сталкиваются с чужой культурой, чужим языком, и даже, если есть какой-то третий общий язык общения, то базы для его развития различны. Поэтому, к примеру, бытовой английский язык русского отличается от английского языка японца или китайца, если речь не идет о профессионалах лингвистах. Поэтому диалог представителей разных культур посредством языка третьей культуры не всегда оканчивается пониманием. Как отмечает В.М. Русаков: «Дискурс по современным представлениям в своей структуре содержит следующие элементы: различные способы семиоза (означивания пространства и времени, вещно-предметного мира, смыслопорождения и работы со смыслами и различных смысложизненных ориентации); мир знаково-символических форм, в котором воплощается и таким образом продуцируется семиосфера; семиотические машины (социально-исторически выработанные институты, организации и учреждения, традиции и обычаи, продуцирующие и воспроизводящие семиосферу. Дискурс травелога по необходимости содержит все эти компоненты с тем важным дополнением, что в каждый исторический момент мы находим некоторое множество конкурирующих между собой дискурсов, каждый из которых претендует на исключительное право радикального переозначивания символического пространства данной культуры». В таких ситуациях следует отметить роль внесловесных форм общения. Это, прежде всего, эмоциональные оттенки речи, жестикуляция, позволяющая участникам общения распознать, угадать нечто стоящее за словом, выражающее эмоции. Это определенные чувства и установки. Однако не все жесты универсальны, один и тот же жест в разных культурах может быть истолкован по-разному. Мы в знак согласия киваем головой, не соглашаясь – качаем ею из стороны в сторону,

что не мешает, к примеру, народам Болгарии поступать в этих ситуациях противоположным образом. Кроме того, для различных народов само значение жестикуляции далеко неодинаково. Общаясь, итальянцы в течение часа прибегают к ней в среднем около 80 раз, французы – 20, а финны – только 1-2. Более частую жестикуляцию жители Финляндии, естественно, склонны считать признаком несдержанности. Поэтому использовать невербальные знаки нужно только в контексте общения, но при этом они работают и дают дополнительную информацию.

Средства коммуникаций в непосредственном общении подразделяются на лингвистические, паралингвистические и экстралингвистические. Вторые – это все невербальные средства, как звуковые, так и незвуковые, (например, графические схемы, карты, чертежи или рисунки). Третьи – средства, употребление которых выходит за границы непосредственного контакта индивидов (например, стиль одежды, выразительные средства жеста, мимики, интонации и др.).

Несомненно, верным представляется утверждение Т. Шибутани, что «основной аналитической единицей для изучения межличностных отношений является чувство», так как именно оно отражает то, что «один человек значит для другого»; человеческие чувства основаны на эмпатии, то есть способности «сочувственной идентификации с другой персоной»; когда же эмпатия отсутствует, «даже человеческие существа рассматриваются как физические объекты».

К невербальным (внесловесным) способам коммуникации относится и непосредственное действие как наглядный образец. Самые элементарные способы обращения с предметами (к примеру, работа крана, душа, чайника и др.) гораздо легче показать, нежели объяснить при помощи слов. Огромная роль внесловесной межличностной коммуникации характерна для выразительных средств искусства, ибо музыка, песня, танец передают нечто такое, что полностью словами не формулируется. В них, как бы приоткрывается душа, проявляется эмоционально-чувственный уровень коммуникации, характеризующий настроение, порывы, аффекты и т.д. Так Русакова О.Ф. ярко и образно описывает ситуацию путешествия на электричке из Харбина в Чаньчунь: «Садясь в обычную электричку, мы не подозревали, что именно в ней произойдет

самый яркий эпизод нашего травелога. Поначалу атмосфера электрички раздражала своей скученностью, отсутствием минимального жизненного пространства, наличием большого количества тел и вещей. Некуда было вытянуть ноги, положить книгу. Плотное окружение людьми китайской наружности, которые из-за жары и духоты, были раздеты до пояса, раздражало и внушало инстинктивное желание выпрыгнуть из вагона на свежий воздух. Чтобы не будить в себе зверя, решила попытаться заснуть. Постепенно погружаясь в желанное сонливое состояние, вдруг уловила некоторое осязаемое изменение в атмосфере вагона. Песни, которые распевали все громче и энергичнее наши русские девушки, производили удивительный эффект: публика в вагоне заинтересовалась, стала подтягиваться к нам поближе, прислушиваясь к русским мелодиям. Какие-то забытые архетипические образы из времен советско-китайской дружбы стали проступать на лицах китайцев. У молодых ребят и девушек, которые знали о тех временах только из рассказов старших товарищей, на лицах показалось выражение радостного удивления и возбуждения. Мы не знали их языка, они не знали нашего. Но какая-то нить симпатии между нами уже протянулась... И тут электричку прорвало... Началось нечто похожее на песенное состязание. ...Когда я оглянулась, то чуть не вскрикнула от удивления: вагон до самого потолка был набит китайцами. Многие подтянулись из соседних вагонов. Люди как гроздь свисали со спинок сидений и с полок для багажа. Это надо было видеть. Это надо было чувствовать. Эйфория была полной. Хотелось что-то совершить доброе и символически приятное для наших попутчиков, с которыми мы так здорово спелись во всех смыслах... Когда поезд подошел к вокзалу города Чаньчунь, наши встречающие были очень удивлены увиденным и услышанным: при выходе из вагона нас сопровождала мелодия «Подмосковные вечера», которую исполняли с особой проникновенной нежностью пассажиры нескольких вагонов, в которых ехали китайские товарищи. Нас же переполняло чувство радости от того, что Китай открылся нам со своей психологической стороны. Мы поняли, что китайцы могут быть по-детски искренними и вполне открытыми к межкультурному общению». Музыкальная модель общения, как отмечал М.С. Каган, выявляет возможность быть не только диалогом в буквальном

смысле этого слова, то есть собеседование двоих, но и полилогом, то есть взаимодействием многих партнеров, соучастников единого практического, идеологического, художественного или игрового действия. Именно музыкальный ансамбль, хор моделирует именно полилогичность реального человеческого общения.

Философское исследование человека сегодня призвано обратиться к тем сторонам его природы и жизнедеятельности, которые характеризуют человека в качестве создающего объективные социальные и культурные формы общения не только и не столько на вербальном уровне, сколько на всем богатстве человеческой природы. Так, например, западный философ антрополог А. Гелен показывает, что в отличие от животных, которые морфологически жестко привязаны к условиям природного существования «человек в отличие от животного не замкнут окружающей его средой, не привязан к ней прочно и не подвижно и поэтому открыт миру». Человек в силу специфической его биологической организации, интеллектуальных и духовных способностей в своем отношении к внешней среде, в своей деятельности движим объективной сущностью самого бытия, всего комплекса восприятия и представлений поднятых до предметности.

Человек, как и сама культура, отмечает В.М. Межуев : «как бы постоянно выходит за пределы любой натурально существующей данности, любого естественного или социального образования, любой предметно очерченной области действительности». Три четверти информации мы передаем друг другу без помощи слов. А с помощью нашей интуиции мы воспринимаем невербалику и расшифровываем ее.

Чувственная природная основа у людей одинакова, но образы, рождаемые в процессе отражения, в том числе определяются предшествующим опытом. На этой основе формируются мироощущение и миропонимание. Опыт каждого может подтвердить, что чем приятнее людям общаться с вами, тем больше они будут доверять вам и тем выше будет ваш шанс удачно разрешить любую проблему при общении. Самый простой способ вступить в контакт, даже с незнакомым человеком – это улыбнуться ему. Улыбка – это выраженное мимикой действие, которое означает: «Я к вам хорошо отношусь, мне приятно быть с вами». Иными словами улыбка

является завуалированным комплиментом. Секрет улыбки заключается в том, что она в качестве действия более выразительна, чем слова, и верят больше именно действиям. Дружеское расположение рождает (по принципу: подобное рождает подобное) ответное такое приветливое и доверительное расположение. Павел Симонов, видный советский физиолог и психолог в монографии «Эмоции» предложил формулу, по которой можно вычислять творческий потенциал личности, и связана она с длиной дуги ассоциативного ряда, которая измеряется расстоянием от отражаемого объекта и его ассоциативного образа. Однако не менее важным в процессе отражения действительности, в том числе и во время общения является установка (психологическое понятие, обозначающее внутреннюю готовность к действию). Отсюда даже в травелоге человек видит то, что он хотел увидеть, слышит то, что он хотел услышать, и воспринимает образ страны таковым, на который у него была уже сформирована установка. И пройдет не мало времени пока трансформируются полученные образы в адекватную целостную картину конкретного травелога.

Литература:

- Горобова А.А. С двух сторон пустыня. М. «Советский писатель» 1970 г. С.47. « Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург. УрО РАН. 1995 г С.197. ^ Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев.1994. С.291. С.294-295.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. 1979, С.290.
- Горский В.С. Историко-философское истолкование текста/ Киев 1981, С.52.
- Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978, С. 137.
- Каган М.С. Мир общения. Проблема межсубъектных отношений./ М. Политиздат, 1988. С. 151-152.
- Русаков В.М. Тексты, интертексты и гипертексты в дискурсе травелога // Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады Третьей международной научно-практической конференции, посвященной 40-летию студенческой революции 1968 г и корифеям Франкфуртской школы Том 1 .-Екатеринбург. Издательский Дом «Дискурс-Пи». 2008г. С. 177-178. * См. Колшанский Г.В. М.1974 г Шибутани Т. Социальная психология. М. 1969. С.271- 273.
- Русакова О.Ф. Дегустация Китая или дискурс квантового нарратива //Дискурс травелога. Сб. статей. Авт.-сост.: О.Ф.Русакова. В.М.Русаков. Екатеринбург, ИМС - Издательский дом «Дискурс-ПИ», Уральский финансово-юридический институт.2009.с. 18-19.
- Каган М.С. Там же. С. 153-154.
- Ghelen A. Der Mensch. Seine Natur und sseine Stellung in der Welt. Berlin 1940.8.10.
- Межуев В.М. Культура как философская проблема //Вопросы философии. 1982 .№ 10. С.51.

В.М. Русаков

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ (КОНЦЕПТЫ) В ДИСКУРСЕ ТРАВЕЛОГА

**Русаков
Василий Матвеевич**

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии
Института международных связей,
г. Екатеринбург

1. Жанры травелога являются сколь древними, столь же разнообразными: описания дальних стран и странствия души в поисках сущностей и смыслов, отчеты экспедиций и дневники завоеваний и походов, путеводители и справочники, карты и лоции... Однако в этом причудливом многообразии

есть некоторое единство: оно пронизано рядом мифологем или архетипических категорий, таких как Путь, Путник, Гость, Приключение, Мост, Древо Познания и др.

2. Понятия «архетипической категории» или «мифологемы» на данном этапе исследования нуждаются в предварительном определении. Речь идет о том, что структурно-семантический анализ разнообразных продуктов травелога сталкивается с известными методологическими сложностями и не может быть признан устоявшимся с точки зрения его понятийно-категориального аппарата. Впервые, пожалуй, методологически отчетливое внимание этой проблеме уделила О.М.Фрейденберг в своей известной работе «Образ и понятие» ((1945-1954) в кн.: О.М.Фрейденберг. Миф и литература Древности.М., 1978). Говоря об отличии античной метафоры от современной, она подчеркивает: «под античным перенесением обязательно долж-

но лежать былое генетическое тождество двух семантик – семантики того предмета, с которого переносятся черты и семантики другого предмета, на который они переносятся», в то время, как современная метафора «может создаваться по перенесению признака с любого явления на другое любое» (там же, с. 188). Метафоризация, иносказание – перенос какого-либо признака, но уже отделенного, отвлеченного от исходного явления было началом отвлеченного мышления, т.е. рождения понятий (вначале как художественных образов, говорит О.Фрейденберг): «мифологический образ всегда значит то, что передает и передает только то, что значит. У понятия есть этап, когда оно передает не то, что значит, и значит не то, что передает» (там же, с. 191). Это этап метафоры.

Однако совсем не случайно историческое и логическое укоренение понятий и образов в первоначальном мифе. Здесь же кроется их связь с архетипами – этими универсальными схематизмами коллективного бессознательного, отобразившимися в мифологии народов. Совокупность архетипов образует опыт предшествующих поколений, который наследуется новыми поколениями. Архетипы лежат в основе мифов, сновидений, символики художественного творчества. Отсюда выдвигается предположение, что человек – существо архетипическое. «Сам по себе архетип пуст и чисто формален – говорит К.Г.Юнг, — ничего, кроме способности сформировать возможности представления, которая задана априори. Сами представления не являются унаследованными, но лишь формы, и в этом отношении они соответствуют в каждом случае инстинктам, которые также определяются только формой».

Поскольку архетип как «кристаллическая решетка», как система «силовых линий» способен выстраивать материал психических переживаний и рождать архетипические образы, то неизбежно его существенное, хотя и опосредованное воздействие на понятия, в особенности, связанные с маркировкой важных и универсальных областей смысложизненного ориентирования и поведения. С происхождением феномена наррации и формированием понятий появляется травелог как сказывание-путь с определенной структурой. Сказители должны были прежде всего придерживаться как раз схематизма повествования (начало и конец, повторы, обязательные обороты и т.п.), в гораздо

меньшей мере это касалось содержания. С этой точки зрения категории, принадлежащие дискурсу травелога обладают архетипическими чертами.

Архетипические категории обладают сложным набором противоречивых свойств: они устойчивы в употреблении, т.е. маркируют достаточно определенные предметно-смысловые области, но размыты в своих границах и потому довольно текучи в связях, соприкосновениях, сочетаниях. Они в юнговском смысле в своем устойчивом ядре есть некие универсальные схематизмы, амбивалентные с точки зрения гносеологических и этических категорий истина-ложь, добро-зло и т.п. Поэтому они могут и наполняются столь разнообразным содержанием: «путь» – и часть пространства, предназначенная, приспособленная или выбранная для движения («путь лежит», «проложен», «оборудован»), но это и движение в иных смыслах («годы странствий», духовные искания, поиски решений из множества вариантов и т.п.), в том числе – совершенно фантастических (фантастические путешествия во времени и пространстве). Амбивалентны в аксиологическом плане: «Путник» – он же «Странник» (паломник, пилигрим, первооткрыватель и Агасфер, беглец, беженец); «Путь» как правильное обретение конца, истины, торжества добра и «Странствия» как мучительная маета тела и духа в пространстве и времени, остающаяся принципиально незавершенной.

Но в отличие от «первородного» мифологического (религиозно-мифологического или мифопоэтического) сознания они есть продукт разложения мифа, существования его на поздних стадиях, когда миф не только утрачивает изначальное неразличение субъективного и объективного (эти схематизмы достаточно саморефлективны и хорошо подготовлены для разнообразного применения человеком) и потому являются продуктом скорее, интеллектуальной интуиции, включающей в себя в качестве служебных компонентов чувственно-образные комплексы. Поэтому столь чувственно-наглядны для нас мифологемы «Пути-Дороги», «Путника-Странника», «Приключения-Авантюры», «Подвига-Решения», хотя и дwoятся-множатся при попытке рассмотреть их поближе, уточнить их ядро, границы. Признаком «мерцания» смыслов в этих интеллектуально-чувственных образах является широчайшее употребление метафоры. Современный сконструированный миф тем более выступает довольно изощренной технологией,

тщательно проработанной и с точки зрения субъекта-объекта, условий и целей, средств и методов его разнообразного применения.

С этой точки зрения в исследовании продуктов травелога применим, эвристически продуктивен дискурс-анализ, который ныне широко используется в социально-гуманитарном познании. По необходимости, в значительной степени приходится упрощать картину современного состояния дискурс-исследований, учитывая весьма широкий разброс вариантов методологии дискурс-анализа. Дискурсология – междисциплинарная предметная область и воодушевляется главным образом стремлением нащупать методологию исследования специфических целостностей, рождающихся, как все человеческое, на стыке духовного и материально, сознания и практической деятельности, познания и оценки. Причем, эти «духовно-практические» целостности имеют не только свою определенную детерминацию, но и участвуют в обратной афферентации, обладают значительным властным ресурсом, задают не только когнитивно-предметные области, но и через предметно-смысловые аспекты формируют новые реальности и миры, в которых, как в объективной реальности, данной нам в ощущениях, живет человек. Отсюда важно выделять и подвергать тщательной инвентаризации и изучению различные аспекты дискурса травелога (или травелог-дискурса): а) семиотический (мир знаков и значений); б) ценностно-аксиологический (мир ценностей и смыслов); в) властно-прагматический (ибо это всегда набор антропологических практик (практик себя, способов конструирования социальности, приемов и способов смысло-жизненного

ориентирования человека в мире), а также разнообразных социальных институтов, обладающих властными ресурсами.

Семиотический аспект травелог-дискурса прежде всего нацеливается на «инвентаризацию» мира знаков, в которых реализуется ряд архетипических категорий и мифологем, обращая внимание на то, что они очерчивают определенные предметные (теоретические и практические) области; задают определенный набор смысло-жизненных ориентаций, в поле зрения которых только и интерпретируются герои, события, предметы, действия. Огромную роль играет властно-прагматический аспект дискурса травелога: даже поверхностный взгляд показывает нам колоссальное воздействие на жизнедеятельность современного общества различных вариантов и отдельных категорий этого дискурса. Вспомним, как болезненно переживается обществом «застой» (стояние на месте), «исторические тупики» («не туда, не в том направлении «двигалось» общество), «регресс» (попятное движение), «ускорение» («большой скачок», «перестройка и ускорение», «прыжок азиатских тигров» и т.п.). Не меньшее интеллектуальное и эмоциональное переживание связывается с различными вариациями категории «Путник» (ведь это и «Вождь» (какой?), это и члены общества – то ли бредущие неведомо куда, то ли в ужасе бегущие, то ли победоносно шествующие). Все эти элементы дискурса травелога самым активным образом используются для смысло-жизненного ориентирования и принятия решений (потому что «Путь» – это еще и «Древо», «Древо познания Добра и Зла», «дерево решений», выбора («дороги, которые мы выбираем»)).

Н.А. Быкова, Е.А. Куликова

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК БЕГСТВО ОТ СЕБЯ

Быкова
Н.А.

УрГУПС,
г. Екатеринбург

Куликова
Е.А.

УрГУПС,
г. Екатеринбург

Бегство от себя ... Все-таки что-то в этом есть. Когда ты оказываешься один в совершенно незнакомом и загадочном мире, вырванный из привычного

окружения (надолго вырванный! лучше навсегда!), что-то в тебе потихоньку начинает просыпаться. Ты снова чувствуешь себя ребенком, исследующим

мир, которого не надо учить удивляться, радоваться и плакать. Все, что раньше было для тебя таким важным и значительными, становится мишурой, которую не жалко выбросить в придорожную канаву. Теперь ты такой, каков ты есть на самом деле.

Реальный мир будничен и невзрачен. Рутинка и скука – обычные спутники земного обывателя. Его образ жизни вписывается в традиционную схему: исполнение обязанностей (служебных, домашних и др.) – отдых от исполнения обязанностей – исполнение обязанностей – отдых... Для того чтобы вырваться из этого круга, надо совершить определенные усилия. Эти усилия также весьма банальны: отправиться в путешествие, сменить декорации, местожительство, увлечение и т.п. В понимании известного психоаналитика и философа Эриха Фромма, все перечисленные способы есть «бегство от себя». Но бегство – в реальный мир.

В последнее время все чаще встречаются люди, которые, достигнув определенных карьерных высот и социального положения, бросают все ради мечты жить в теплой стране. Их вдруг перестают волновать непеременимые атрибуты успеха (большая зарплата. Модная машина и др.). Главное – чтобы солнце светило круглый год и не было стресса. Таких людей называют дауншифтерами. Например, подающий большие надежды сын бизнесмена, окончив американский вуз и получив предложение работать на Уолл-стрит, золотой мальчик уезжает в Африку помогать голодающим детям. Супруги, управляющие крупным бизнесом, продают его и уезжают в Египет. Сегодня у них есть небольшая школа дайвинга на побережье Красного моря. Доходы, конечно, несравнимы с прежними, но здесь они живут в полной гармонии с собой. Рижский бизнесмен переехал в Таиланд и живет на проценты, не переживая по поводу того, что в Риге мог бы заработать раз в 10 раз больше. Во всех этих историях – схема типичного дауншифтинга: человек многого добился, но неожиданно бросил все ради мечты.

Дауншифтинг бывает идейным и не очень. Кто-то переезжает в бедную африканскую страну, чтобы помогать другим, а кто-то приобретает бунгало на океанском побережье с одной лишь целью – наслаждаться жизнью. Кто-то меняет место жительства, но продолжает работать по профессии.

Дауншифтером руководит желание вырваться из замкнутого круга бесконечного потребления и цен-

ностей, навязываемых обществом, ради жизни для себя, своей семьи и психологического комфорта.

В последнее время возникло новое понятие – синдром Гоа. Именно на этот райский индийский остров направляются многие вчерашние топ-менеджеры и бизнесмены.

Еще одно популярное направление для дауншифтинга – Юго-Восточная Азия. Это не удивительно: там совсем иное восприятие жизни, люди не одержимы богатством и никого не впечатляет заявление о том, что ты бросил все на родине, чтобы просто наслаждаться жизнью.

Финансовый вопрос не главный для дауншифтера. Собственных накоплений плюс денег, полученных за распроданные вещи (машина, мебель и т.д.), вполне хватит на первое время. А потом можно открыть собственное дело на далеких островах – открыть бар под пальмами, засесть за книги, картины или заняться фотоохотой.

В любом случае, за дауншифтингом должен следовать апшифтинг. То есть, сначала ты добровольно спускаешься по лестнице чужих ценностей, а потом начинаешь медленно подниматься по лестнице своих собственных и стремишься к тому, что важно именно для тебя. Дауншифтинг – это и есть спуск по лестнице чужих желаний и целей ради начала новой жизни.

Движение дауншифтинга началось на Западе на рубеже XX–XXI веков как вызов в ответ на требования известных цитаделей коммерческой стабильности, таких как Procter&Gamble, Mars и др. Как раз такие компании и являются основными производителями дауншифтеров – корпоративная этика требует многого, давая взамен лишь деньги и статус, значащие для человека далеко не все. В итоге в крупных корпорациях стало появляться все больше корпоративных бунтарей, неожиданно бросающих все и уезжающих в места, где на работу не нужно ходить в костюме и галстуке. Или вообще не нужно ходить.

Сегодня дауншифтинг как социальное явление набирает обороты. Исследование, проведенное в Австралии, показало, что за последний десяток лет около 23 процентов жителей самого маленького континента перешли на более скромный уровень жизни. И там, и в других странах дауншифтеры объединяются, помогая друг другу добиваться новых целей. Их общая задача – к 2015 году обратить в свою веру каждого второго.

**Покорение новых земель – еще одно неиско-
ренимое желание человечества. В этом смысле
мы мало отличаемся от животных, разве что
масштабами территорий, которые стремимся
«пометить».**

Что чувствует человек, отправляющийся в путешествие – в командировку, в отпуск на море, в альпинистский поход? Эйфорию, возбуждение, выпадение из реальности. Ведь перемена места есть перемена времени. Отправляясь в путешествие, человек выпадает из линейного времени в некую область настоящего, позволяя себе погрузиться в «здесь и сейчас», хотя частенько кажется, что жизнь, не обремененная прошлым и будущим – не настоящая. Это объясняется, в частности тем, что путешествие обычно проходит в состоянии измененного сознания, своеобразного транса. Нет, мы понимаем – кто мы, где мы, но... Часто нам удается отложить мысль о возвращении к повседневности до самого трапа самолета. Человеку совершенно необходимо почувствовать себя в настоящем, избавиться от линейного времени, ибо только в этот

момент он становится самим собой. Но ощущая вину перед прошлым и будущим (долги, обязательства, планы), он объявляет настоящее ненастоящим и может позволить его себе только в качестве отпусковой роскоши.

Путешествия являются одним из немногих социально одобряемых способов выпадения из реальности (в отличие от наркотиков, алкоголя, азартных игр). Линейное время плохо действует на психику человека, и каждый время от времени находит лазейку, чтобы из этого времени сбежать.

Есть три основных причины, по которым человек отправляется в путь: **бегство, поиск и возвращение**. Бегство от себя, поиск себя, возвращение к себе.

Вот и мы, как древние герои, подсознательно желаем в конце путешествия достигнуть чуда обновления, настоящего праздника. Но чаще путешествие не имеет конца потому, что мы духовные и душевные проблемы пытаемся решить путем перемещения в пространстве, а линия горизонта удаляется бесконечно.

Р.А. Зайнетдинова

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Ю. ЛОТМАНА

Зайнетдинова
Регина Аликовна

старший преподаватель
ИМС

По выражению В.А.Канке, начиная с Ф.де Соссюра «лингвистика зазывает философию к себе в гости, в дом языка»¹. В свою очередь, философия не уходит из этого дома без подарков: лингвистические методы проникают в исследовательские программы гуманитарного знания. Швейцарский

ученый считал лингвистику частью семиотики (семиологии, в его версии) – более общей науки. Семиотика как наука и как метод своим появлением и развитием обязана не только Соссюру, но и англо-американской ветви, представленной Ч.С.Пирсом и Ч.Моррисом, но в соссюрианском наследии семиотика тесно связана с другим методом – структурным. Язык – центральный и единственный объект лингвистики – рассматривается Соссюром как структура: со своими элементами, устойчивыми подсистемами различных уровней, определенными отношениями между элементами и подсистемами. Отсюда берет начало структурная лингвистика Р.О.Якобсона и Н.С.Трубецкого, структурное литературоведение В.Я.Проппа и Ю.Н.Тынянова, структурные методы в анализе социальных и культурных явлений французских исследователей – Р.Барта, А.Греймаса, К.Леви-Стросса, Ж.Лакана, М.Фуко.

Общей чертой структуралистских исследований, в наследство которым достается и семиотика, является то, что изучаемый объект понимается, прежде всего, как специфический язык или текст, «написанный» на этом языке. Этот язык или текст рассматривается как некая система, обладающая внутренней структурой. И к этому языку или тексту применяются методы, разработанные в лингвистике. Основными положениями Соссюра были: акустический образ (означающее) соединяется с понятием (означаемым) произвольно, когда знак занимает определенное место в системе; различие синхронии и диахронии, различие *langue* (языка как системы) и *parole* (речевой деятельности) с акцентом на первых членах пар. По мере использования применительно к объектам различной природы – языку, литературному произведению, мифу, социальным явлениям – структурно-семиотический метод дополняется и существенно видоизменяется.

Р.Якобсон, отчасти дополняя, отчасти отрицая Соссюра в понятии «динамической синхронии», разрабатывает общую схему коммуникации и типологию видов перевода, а также исследование фонологической и морфологической структуры языка с точки зрения бинарных оппозиций. Кроме того, Якобсону же принадлежит заслуга установления международных связей лингвистики с гуманитарными науками и естественными науками: «с Нильсом Бором он проводил совместные семинары в Массачусетском технологическом институте, где изучались, например, принципы интерпретации в физике и в лингвистике, с Франсуа Жакобом – обсуждал возможные параллели языкового и генетического кода, с Клодом Леви-Строссом прорабатывал возможности распространения методов исследования языка на этнологические объекты»².

В.Я. Пропп, применивший структурный метод к изучению специфики волшебной сказки, исходил из того, что диахроническому (историко-генетическому) рассмотрению сказки должно предшествовать ее строгое синхроническое описание, то есть выявление постоянных элементов (инвариантов), наличествующих в волшебной сказке и сохраняющихся в качестве предпосылки исследования при переходе от сюжета к сюжету. Отказ от изучения по мотивам в пользу изучения по функциям дал возможность В.Я. Проппу перейти к структура-

лизму. Открытые В.Я. Проппом инварианты и их соотношение в рамках сказочной композиции, а также парности (бинарности) большинства функций в сказке (недостача – ликвидация недостачи, запрещение – нарушение запрета, борьба – победа) составляют структуру волшебной сказки. Метод В.Я. Проппа, открывающий перспективы в анализе не только сказки, но и повествовательного искусства вообще, намного опередил структурно-типологические исследования на Западе (Франция, США): статья К. Леви-Стросса «Структурное изучение мифа», например, выходит в 1955 году. Американское издание «Морфологии сказки» Проппа было толчком для структурно-типологического изучения сказки в Соединенных Штатах, почва для которых была подготовлена деятельностью того же Р. Якобсона, который отметил ценность морфологических исследований В.Я. Проппа, их теоретическую близость работам по структурной лингвистике в комментариях к американскому изданию русских сказок в 1945 году³.

Н.Автономова подчеркивая, что «история структурализма в языкознании, да и в других гуманитарных науках, многоязыкая и международная»⁴, условно называет встречу Якобсона с Леви-Строссом в 1943 году в Нью-Йорке начальным моментом французского структурализма как переноса методов структурной лингвистики в область антропологии. Леви-Стросса можно считать основателем не только *французского* но и *философского* структурализма. Главная его цель – поиск внутренней логики в развитии человеческого духа. Сравнивая метод Фрейда, вскрывающий подсознание человека с геологическим обнажением доисторических пород, дополняя его «коллективным бессознательным» и «архетипами» К.Г.Юнга, теорией обмена Марселя Мосса, он занимается поиском основополагающих бессознательных структур, лежащих в основе культурных порядков общества.

Параллельно Леви-Строссу структуралистский поиск начинают Р.Барт – в области литературы и массовой культуры, Ж.Лакан в психоанализе, М.Фуко в истории идей. «В своей философской сути структурализм был попыткой провести некий рациональный импульс в особых условиях времени и культуры: он предполагал отталкивание как от классического рационализма, так и от современных им концепций субъективистской и персо-

налистской (прежде всего, экзистенциализм – Р.З.) ориентации. 1960-е годы были периодом бурного развития структуралистской проблематики <...> научная проблематика возгонялась на уровень философских споров и идеологических заклинаний, а потом и политических сущностей. То, что было разными аспектами языка, стало отдельными сущностями⁵. Структуралисты приняли установку на объективное познание человека и систем его отношений, на поиск неосознаваемых закономерностей любого индивидуального поступка или культурного продукта, тем самым участвуя в постановке философских проблем анализа противостоящих сущностей структуры – субъекта и структуры – истории. Н.Автономова выделяет четыре основных этапа становления структуралистской проблематики: 1930 – 1940 гг. – американский и европейский лингвистический структурализм: методы исследования языка; 1950 – 1960 гг. – французский структурализм во главе с К. Леви-Строссом: применение методов структурной лингвистики в этнографии, социальные механизмы как взаимодействующие знаковые системы; 1960 гг. – «размывание» лингвистической методологии, отдаление от образцов; конец 1960 – 1970 гг. критика и самокритика структурализма (поздний Фуко, Ж. Деррида)⁶.

Непосредственно в философии семиотику проблематизирует М.М.Бахтин, переиздание трудов которого приходится на 1960 – 1970-е в СССР, США и Франции, т.е. на время первых попыток выйти за рамки структурализма. Критика Бахтиным понятия структуры языка в ранних совместных с В.Н.Волошиновым и П.Н.Медведевым работах, а также коммуникативность, диалогичность, субъект-субъектность рассматривались теоретиками-постструктуралистами (Ю.Кристева) как средства преодоления кризиса структурализма. Участники коммуникативного акта находятся в ситуации постоянного становления языка, поэтому представление о языке как стабильной системой со своей лексикой, грамматикой, фонетикой, считает Бахтин, – результат абстрагирования, творение лингвистов, естественному носителю языка система не нужна, она нужна лишь тому, кто смотрит на язык со стороны и пытается им овладеть. «Отрицание языка как абстрактной системы» – пишет Н.Автономова, – «это отказ от главного сосюрровского понятия и от теоретической опоры всей структурной лингвистики. Вместе

с языком упраздняется тем самым и сосюрровская дихотомия языка и речи, а на первый план выводится речь как высказывание, находящееся вне языка как системы»⁷. Хотя, Н.Автономова замечает, что в более поздней работе – «Слове о романе» (1934–35) – Бахтин признает реальность языка и центристские силы языка наряду с центробежными: язык «реален как сила преодолевающая разноречие, ставящая ему определенные границы и обеспечивающая минимум взаимопонимания»⁸, но и этот язык – не устойчивая система, а скорее процесс, в котором важнее неоднородность.

Семиотика для Бахтина – и философия знака, и наука об идеологиях, предметом которой является «особый мир: мир знаков. Знаки также – единичные материальные вещи, и, как мы видели, любая вещь природы, техники или потребления может сделаться знаком, но при этом она приобретает значение, выходящее за пределы ее единичной данности». Вся деятельность сознания рассматривается через взаимоотношение знаков: «само сознание может реализовать себя и стать действительным фактом лишь в материале знакового воплощения. Ведь понимание знака есть отнесение данного понимаемого знака к другим, уже знакомым знакам; иными словами, понимание отвечает на знак – знаками же. И эта цепь идеологического творчества и понимания, идущая от знака к знаку и к новому знаку – едина и непрерывна»⁹. Слово в контексте конкретных форм социального общения становится главным объектом науки об идеологиях и знаковых системах: «слово сопровождает и комментирует всякий идеологический акт <...> Все проявления идеологического творчества, все иные, не словесные знаки обтекаются речевой стихией, погружены в нее и не поддаются полному обособлению и отрыву от нее»¹⁰. Эта точка зрения, основана на коммуникативном понимании искусства и других явлений культуры. С помощью понятия «памяти жанра» описывается передача во времени определенных ситуаций коммуникации, сформировавшихся ранее в условиях непосредственного общения, тем самым Бахтин снимает противоположение исторической и синхронической поэтики. Коммуникативное понимание знака выводит Бахтина на проблему высказывания и диалогических отношений¹¹. Диалог является центральным понятием, вокруг которого группируются основные темы и достижения философа.

Структурализм можно считать частным случаем системного подхода в философии и естествознании XX в. (от философии космизма В.И.Вернадского и классической кибернетики Н. Винера до теории открытых систем И. Пригожина), в котором понятие «система» тесно связано с понятиями «структура», «элемент», «подсистема». Не смотря на то, что структурализм возник раньше, развивался самостоятельно и сохранил свою специфику даже после появления общей теории систем. С другой стороны, в настоящее время не прослеживается и заметного влияния структурализма на развитие системного подхода.

В таком контексте в 1950 – 1960х гг. начинает свою филологическую деятельность Ю.М.Лотман. Уже в 1962 году Лотман читает курс о применении «структуральных» методов в поэтике в Тартуском государственном университете. Вслед за В.Я.Проппом, который был его преподавателем во время обучения в Ленинградском государственном университете, Лотман переносит лингвистические структурные методы в литературоведение: «Вне учета достижений современного языкознания наука о литературе не выработает своей, насущно необходимой методологии структурного изучения художественных явлений, методологии, которая позволила бы избавиться от игнорирования художественной природы словесного искусства и от субъективизма в его истолковании»¹². В 1964 году проходит Первая Летняя школа по Вторичным моделирующим системам в Эстонии, этот же год считается годом основания Тартуско-московской семиотической школы.

Лотман в своих структурно-семиотических исследованиях прямо заявлял, что опирается на концепцию Соссюра, но если Соссюр рассматривает язык как замкнутую на себя систему, то Лотман акцентирует познавательную способность языка. Н.Автономова ставит Ю.М.Лотмана вместе с Р.Якобсоном и У.Эко в «группу продвинутых одиночек» опережающих как «континентальных» во главе с Соссюром, так и англо-американских во главе с Пирсом семиотиков. На вопрос «Кто Лотману ближе – Соссюр или Пирс?» она отвечает: «В смысле внимания к межзнаковым отношениям, к отношению между языком и речью (иначе

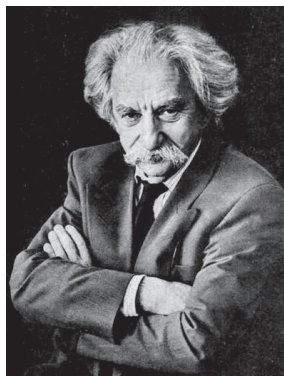
говоря, между языком и текстом <...>), конечно, Соссюр; в смысле внимания к различного ранга референтам, а также к роли семиотики в познании как природных, так и человеческих объектов <...> скорее англо-американские семиотики»¹³. Сам Лотман не позиционировал себя как строгого последователя какого-либо направления: «Ведь есть и чешский, и датский, и американский, и русский «структурализм». Все они различные. Кроме того, за последние несколько лет произошло настолько сильное движение вперед, что, по сути дела, в ряде случаев, вернее говорить о методологии, генетически восходящей к классическому «структурализму», но в значительной мере являющейся его отрицанием (в том смысле, в котором Якобсон как лингвист продолжает и отрицает Соссюра)... Леви-Стросс – крупнейший исследователь конкретного плана (что всегда наиболее ценно), Фуко – острый и талантливый философ, во французском значении

этого слова, а Барт и Кристева (прости, Господи, меня грешного!) мало интересны. Это писатели-эссеисты и не очень крупного масштаба»¹⁴.

С Р.Якобсоном и М.Бахтиным Лотман был знаком непосредственно.

Якобсон, который с 1920 по 1956 не был в Советской России, в 50-е годы разрабатывает подступы к общей науке о коммуникации, используя теорию информации¹⁵. В СССР теория информации привлекает к себе внимание после выхода в Москве в 1958 году «Кибернетики и общества» Н.Винера. По словам Б.Ф.Егорова, эта книга имела большой резонанс в литературоведении: «На Лотмана наибольшее впечатление произвел принцип обратной связи («Ведь это главный критерий демократичности государства! – воскликнул он. – «Низы» должны знать, что делается наверху, и наоборот»))»¹⁶. Также Якобсона с основателями Тартуско-московской семиотической школы сближает интерес к проблемам языка и функций полушарий головного мозга человека, к метаязыковым конструкциям.

В один из своих визитов в СССР в 1966 году по приглашению Международной Психологической Ассоциации Якобсон смог при помощи Ю.М.Лотмана принять участие во Второй Летней школе по Вторичным моделирующим системам в Тарту. А.К. Жолковский по этому поводу пишет:

«Лотману удалось «пробить» поездку Якобсона в Тарту, которая и состоялась под «наблюдением» приставленного к нему... Вяч. Вс. Иванова. А в промежутке Кома (*Вяч. Вс. Иванов – Р.З.*) решил устроить Якобсону и Кристине (*К. Поморской – Р.З.*) встречу с цветом молодой московской лингвистики, и возложил на меня почетную роль хозяина этого приема»¹⁷. Лотман позднее несколько раз обращался к Р.О. Якобсону через Вяч. Вс. Иванова с просьбой подписаться под изложением принципа изучения текстов культуры, который по предложению Юрия Михайловича составили вместе с ним Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский и А.М. Пятигорский. Якобсон, по свидетельству Иванова, на повторные просьбы не отвечал¹⁸.

С М.М.Бахтиным Лотман смог познакомиться, когда Бахтин в конце 1969 года получил возможность жить под Москвой. По свидетельству Б.Ф.Егорова, первая встреча состоялась в июле-августе 1970 года, когда Ю.М.Лотман был в Москве¹⁹. Тяжелое впечатление от бытовых проблем Бахтина заставило Лотмана по возвращении в Эстонию заняться подготовкой его переезда в Тарту, но Бахтин отказался от предложения. Уже после смерти М.М.Бахтина Лотман прочтет доклад на международном Бахтинском симпозиуме в Германском университете им. Ф.Шиллера (Йена, 1983). В докладе Лотман сопоставил метод Бахтина и концепцию Ф. де Соссюра, акцентируя два положения Бахтина, которые важны для *нового* этапа существования Тартуско-московской школы: динамический характер знаковых систем и учение о диалоге в противовес «монологическим» концепциям²⁰.

Ю.М.Лотман, отталкиваясь от представления о знаке Ф. де Соссюра, через категорию текст продвигается к представлению о семиотическом пространстве как *семиосфере*. Структурно-семиотический метод Лотмана рассматривает любой социо-культурный объект как целостность, прежде всего текстуальную. «Текст» с одной стороны субстанционально репрезентирует мыслительные процессы человека, с другой, сам становится «семиотической личностью». Семиосфера является совокупностью «семиотических личностей», но в то же время она предстает целостной системой, которая располагается между человеком и природой-действительностью, и именно ее коммуникативные механизмы позволяют человеку

осуществлять процесс познания. Диалогичность и, следовательно, динамичность семиотических процессов – позволяют трактовать семиосферу как «открытую» структуру: любая семиосфера вступая в диалогические отношения с другими семиосферами, организованными по собственным структурным принципам, сама переструктурируется. Первоначальная концепция вторичных моделирующих систем Лотмана, которая потенциально вела к рассмотрению естественного языка как начальной системы, трансформируется. Знаковая структура мыслится как содержащая несколько сообщений, которые создаются на различных языках. Каждый акт коммуникации включает элементы диалога, перевода и творчества, посредством чего диалог начинается уже внутри отправителя, говорящий субъект не изначален по отношению к коммуникативному аспекту, что приводит к взрывным процессам внутри структуры.

Таким образом, структурно-семиотическая концепция Ю.М.Лотмана имеет своими предпосылками структурную лингвистику Р.О.Якобсона, структурное литературоведение В.Я.Проппа, системный подход в философии и естествознании, концепцию диалога М.М.Бахтина.

1. Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. - М.: Логос, 2000. - С.97.
2. Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров/ Н.С.Автономова. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. - С.30.
3. См.: Мелетинский Е.М. Структурно-топологическое изучение сказки // Пропп В.Я Собрание трудов. Т.2. Исторические корни волшебной сказки. Москва: Лабиринт, 1998. - С. 441.
4. Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров/ Н.С.Автономова. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. - С. 88.
5. Там же. - С.96.
6. См.: Там же. - С. 97-98.
7. Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров/ Н.С.Автономова. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. - С. 159 -160
8. Там же. - С. 161
9. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. - Ленинград: Прибой, 1930. - С.16
10. Там же. - С.20
11. См.: Иванов Вяч.Вс. Значение идей М.М.Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Труды по знаковым системам. Вып. VIII (Ученые записки Тартуского университета. Вып. 308). Тарту, 1973. - С. 5—44.
12. Лотман Ю.М. О разграничении лингвистического и литературоведческого понятия структуры // Вопросы языкознания. 1963. № 3. - С. 52.
13. Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров/ Н.С.Автономова. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. - С. 242 -243.

14. Письмо Ю.М.Лотмана – Н.С.Автономовой [23 февраля 1978 года]// Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров/ Н.С.Автономова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С.469.

15. См. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика// Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С.193 – 230.

16. Б.Ф.Егоров Лотман как человек и явление// Юрий Михайлович Лотман / Под ред. В.К.Кантора. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С. 27.

17. Жолковский А.М. Роман Осипович Якобсон (Из немемуарных заметок) [Electronic resource] //http://www-bcf.usc.edu/~alikh/mem/jakob.htm.

18. См.: Иванов Вяч.Вс. О Романах Якобсоне. (Главы из воспоминаний)// «Звезда» 1999, №7. – С. 139-145.

19. См.: Егоров Б.Ф. Ю.М.Лотман как человек и явление// Юрий Михайлович Лотман/ Под. ред. В.К.Кантора. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 68.

20. См.: Там же. – С. 57.

Осука Фумикадзу (Япония)

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЭТИКИ В «ФИЛОСОФИИ ИМЕНИ» А.Ф. ЛОСЕВА

Осука Фумикадзу

профессор Национального университета
Йокогамы, Япония

1. Введение

В 1920-х годах Алексей Федорович Лосев рассуждал по преимуществу о сфере чистого разума и способности суждения по классификации Канта. Например, в книге «Философия имени» (1927) он пишет: «...нашей задачей была тут только теоретическая философия имени, и мы не станем касаться имени как стихии разумно-живой, реально-практической жизни». Но, как он сразу добавил: «хотя и дали обоснование его также и в этой плоскости»¹; в действительности он в значительной степени интересовался и сферой практического разума, хотя он явным образом нигде не говорит об этических вопросах.

Уточняя историю творчества Лосева, в ранний период у него были три больших темы, – античность, язык и эстетика. Как известно, античная философия влияла на его размышления даже сильнее чем современные ему философские течения. А философия имени и эстетики,

можно сказать, результат его синтетических и систематических размышлений по разным областям наук.

Поэтому, его теоретические работы имеют связь с конкретными содержаниями указанных областей, как он пишет: «философия имени есть...и диалектическая классификация возможных форм науки и жизни, что и понятно, раз само имя есть не больше как познанная природа, или жизнь, данная в разуме, разумеваемая природа и жизнь»². Он все время обращал свое внимание на жизнь языка и его конкретное воплощение, что сделало его систему философски насыщенной и содержательной.

Лосев интересовался словом и именем не только в лингвистической и логической сфере, но и в сфере выше указанной «разумно-живой, реально-практической жизни», т.е. в этической сфере. В этом случае под «этикой» разумеется, скорее всего, наука об отношении к другим бытиям. Собственно говоря, проблемы морали или нравственности происходят из некоторых отношений, или точнее сказать, из нашей определенной связи с другими бытиями тогда, когда мы с ними одновременно существуют в одном месте. Главные этические проблемы, например, критерий добра и зла, справедливость или долг не относятся к изолированному, одинокому существованию. Как пишет Лосев, «в слове и имени – *встреча* всех возможных и мыслимых пластов бытия (курсив мой)»³. В этом смысле его философия имени включает в себя этическую сторону, так как она имеет в виду взаимное общение говорящего человека, слова и предмета.

2. Учение смысла и значения Лосева

Теперь рассмотрим учение Лосева о смысле и значении. Оно в принципе состоит из двух частей: 1) смысловая структура (семема, нозма, идея), которая найдена в конкретно произносимом слове с точки зрения говорящего субъекта; 2) энергема, или энергия, которая обозначает «явленную, выраженную сущность»⁴ предмета в слове, и которая «устанавливается ... с точки зрения «объективной» предметности, предметной сущности слова»⁵.

Первая структура содержит в себе разные смысловые моменты. Семема состоит из этимона, морфемы, синтагмы (синтагматический момент), пойемы (выразительный момент, относящийся к стихотворному размеру, рифме и прочим внешним приемам), симболон (символическое единство, которое имеет два вида: первое указывает на индивидуальную картину значения *hic et nunc*; второе – совокупность возможных значений).

Нозма обозначает то, что мыслится в слове, или то, что понимается как предметность слова говорящего человека. Если это понимание было бы только субъективное, то было бы невозможно передать адекватный смысл в коммуникации. Поэтому нозма должна включать в себя не только субъективное понимания предметности слова, но и интерсубъективное. Кроме этих двух моментов, по словам Лосева, «сама нозма указывает на противостояние в слове предметной сущности и воспринимającego эту сущность «субъекта»»⁶. Таким образом, Лосева ввел «предметную сущность» как важный смысловой момент в слове. Потом он ввел понятие «идея», которая характеризуется как «арена этой встречи адекватного понимания с адекватно понимаемым»⁷. Он утверждает, что в слове найдены субъективный, интерсубъективный и даже объективно-предметный моменты.

Но, более того. Если возможна всеобщая коммуникация между любыми говорящими, то смысл слова по существу должен устанавливаться без определенного субъекта, или независимо от никакого субъекта. И потому Лосев утверждает, что предметная сущность слова сама проявляется в слове и сама сознает себя как смысл. Это понятие «энергема». По мнению Лосева, если понимание предмета в слове устанавливается без субъекта, то это понимание должно быть сведено к самосознанию предметной вещи в слове. Конечно, в этом

случае в самосознании вещи есть разные степени: человек может сознать себя, но неодушевленная вещь сознает себя через человеческий ум. Дело в том, что здесь говорящий субъект является только как орган самопознания вещи. Такова структура смысла, независимая от субъектов. С другой стороны, Лосев по-своему попытался установить непосредственную связь слова с указанным предметом.

Его учение может создать впечатление того, что оно носит некую метафизическую или мистическую окраску. Собственно говоря, Лосев здесь имел в виду имяславие, и он сознательно построил философию языка на основе его учения об Имени Божьем. В статье «Анализ религиозного сознания» (1923) он пишет: «Имя Божие и есть наивысшая конкретность, выражающая активную встречу двух энергий, божественной и человеческой. Иисусова молитва, состоящая в призывании Имени Иисуса, и есть то, что совмещает глубочайшую и наиболее интенсивную активность устремления человека к Богу, и в то же время ее единственную цель – сделать человека сосудом имени, т.е. Божественных энергий, так чтобы человек, оставаясь тварью, ничего в себе не имел, кроме Божественных энергий». И потому «имя Божие есть та энергия сущности Божией, которая дается человеку в функции активно-жизненного преобразования его тварного существа»⁸.

На фоне богословского учения П.А.Флоренского и С.Н.Булгакова Лосев искал имя, о которым «подобает спастися нам»⁹. При этом для Лосева «тварь же по существу своему есть Ничто», а «только энергии (Божественной – Осука) и суть истинно сущее ... реальный мир, поэтому, есть разная степень проникнутости «ничто» божественными энергиями, разная степень божественности». По мнению Лосева «только грех и забвение своего происхождения может внушить человеку веру в свои собственные, отдельные от Бога силы»¹⁰. Таким образом, в отношении к имени Божьему человеку требуется скромность. Это важный этический принцип для Лосева.

Однако, с одной стороны, он подчеркивает пассивное отношение к Божественной энергии, с другой стороны частично признает активность жизни человека. «Что же такое жизнь? Жизнь есть, прежде всего, самоощущение, – некое бытие, внутренне переживающее себя самого, бытие-для-

себя». Он утверждает, что надо направлять такую активность к принятию Божественной энергии как источника осмысления бытия. «Жизнь есть организация бытия Божественными энергиями изнутри; Жизнь есть ощущение Божественных энергий в их внутренней сущности; это – ощущение себя самого как просветленного Божественными энергиями»¹¹. Таков источник этики в философии языка Лосева.

3. Сопоставление с мыслью М.М.Бахтина

Введение этичности в сфере языковой деятельности мы можем найти в мысли Бахтина, который был современником Лосева. В своей статье «К философии поступка» (1918-24) Бахтин пишет: «... неслиянно и нераздельно даны и момент пассивности и момент активности: я оказался в бытии (пассивность) и я активно ему причастен; и моменты данности и заданности: моя единственность дана, но в то же время есть лишь постольку, поскольку действительно осуществлена мною как единственность, она всегда в акте, в поступке, т.е. задана; и бытие и долженствование: я есмь действительный, незаменимый и потому должен осуществить свою единственность»¹². Также как и Лосев, Бахтин признает пассивную и активную сторону в человеческом бытии, но он подчеркивает осуществление единственного бытия «я».

И дальше он пишет: «Все содержательно-смысловое: бытие – как некоторая содержательная определенность, ценность – как в себе значимая, истина, добро, красота и пр. – все это только возможности, которые могут стать действительностью только в поступке на основе признания единственной причастности моей. Изнутри самого смыслового содержания не возможен переход из возможности в единственную действительность». Но, несмотря на такое утверждение важности «моего» поступка, и Бахтин признает, что смысловое бытие принципиально самодовлеющее: «Мир смыслового содержания бесконечен и себе довлеет, его в себе значимость делает меня не нужным, мой поступок для него случаен»¹³. В этом смысле даже у Бахтина человеческое «я» не занимает привилегированную позицию в мире. Человек – эфемерное существо, но Бахтин настаивал на причастности человека к бытию для свидетельства своего существования.

Таким образом, оба философа признают пустоты человеческого бытия, и Лосев подчеркивает полноту Божественной сущности, а Бахтин – полноту мира смыслового содержания.

Однако, сейчас же человек вызывает серьезный глобальный экологический кризис. Тут он оказывает огромное влияние на окружающие бытия, и нам надо найти правильное отношение к ним. Когда Лосев писал «тварь есть ничто», он не мог предположить о наступлении такого времени, но, если он узнал об этом, то сказал бы, что «тварь лучше уничтожить, так как она сначала ничто». И Бахтин не думал бы об ответственности человека в будущем существовании всех других бытий в мире.

Если попробовать дальше развить этическую мысль этих русских философов, то можно прийти к мысли об ответственном месте человека во всех возможных бытиях, и об улучшении их существования как всеобщего сближения к высшим началам. Нам кажется, в таком этическом контексте самая радикальная мысль – всеобщий теозис всех бытий как «разной степени божественностей». С традиционной православной точки зрения, может быть, это мысль самодовольства человека. Но, когда его необдуманная деятельность уже разрушила большую часть природы, человеку не достаточно иметь пассивную скромность. Нужно сказать об активном устроении гармоничной жизни с другими бытиями. Тут, мы можем найти принципиальную основу в русской онтологической мысли. Это – этика ответственности и заботы о гармоническом сосуществовании со всеми бытиями в мире, потенциально наполненными высшими началами.

1. С. 746.
2. Лосев А.Ф., Философия имени. Бытие Имя Космос. М., 1993, С. 796.
3. С. 628.
4. С. 654.
5. С. 657-8.
6. С. 642.
7. С. 645.
8. Лосев, Анализ религиозного сознания. С. 47.
9. Философия имени. С. 677.
10. Анализ религиозного сознания. С. 47.
11. Анализ религиозного сознания // Имя. Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб., 1997. С. 48.
12. Бахтин М.М., К философии поступка // Собрание сочинений. Т.1, С. 39-40.
13. С. 41.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ТОПИКА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Гагарин
Анатолий
Станиславович

доктор философских
наук, профессор,
старший научный
сотрудник Института
философии и права
УрО РАН

Средневековая топология феноменологического пространства формировалась под структурообразующим влиянием религиозной картины мира и всего образа мира средневекового человека (геометрический круг, «опрокинутый» в космос, образ Бога-геометра и др.). Доминировала центристская тенденция, обусловленная задачей создания иерархической структуры «небесного-земного», а структурирующим, смыслопорождающим и аксиологическим фактором для средневекового мира и мышления являлась «вертикальность средневековой нормы видения мира» (Вяч.Вс. Иванов, А.Я. Гуревич), соотнесение с «верхом» и «низом» как границами мира. Замкнутый на земле, христианский мир расширялся вверх, в сторону неба, как «воронка», обращенная вверх. И эта «воронка» имела вселенский масштаб и представляла собой систему концентрических сфер (от пятидесяти пяти до трех), а также сфера вокруг «перводвигателя» – неподвижный *Эмпирей*, место Бога. *Эмпирей* – за-предельная, трансцендентная, недостижимая топка, принципиально «иная» земному миру, имела свою противоположность – подземный мир, средоточие смерти, страха, тревоги, тоски, богоутраты, соответственно мир мертвых – мир негации. Противовесом этой негативной топике не могла быть, сфера *Эмпирей* в силу своей недоступности для человека (за исключением святых), и такой топикой явилась сфера души, божественное средоточие сердца – именно ее и «охватывает» феноменологическая топка.

Феноменологическая топка фиксировалась в эзотерической концепции трех центров материальных и духовных тел – верхнего, среднего и нижнего («трех солнц», «центров лучезарности»), при метафизическом главенстве среднего центра. Эти центры аналогичны трем главным центрам человеческого тела (сердцу, мозгу, половой орган) и макрокосму. Тело человека рассматривается как дом для личности (так же как Храм есть Дом Бога), «извращенное» человеческое тело – могила или темница души (божественного принципа). Здесь проявляются три аспекта: 1) человек есть существенно непрерывный, бессмертный принцип, а тело его встроено в круговорот рождений и смерти); 2) личность подвешена на нити, идущей от природы Бытия; 3) человек может сам выбрать направление «раскачивания» на этой нити.

Мировоззренческим основанием и экзистенциальным условием для преодоления последствий грехопадения и преобразования человека выступает концепция «нового человека». *Новый человек* – это верующий, «возрожденный от Духа», «причастник божеских естества и жизни» (2 Пет., 1:4; Кол. 3:3-4). Первым *новым человеком* стал Иисус Христос, и, будучи божественным примером, Христос является сакральным смыслом всякого «нового человека», «сформировавшегося» в верующем. «*Новый человек*» – это не исправленный или «переделанный» «*ветхий человек*» (его символ – ветхозаветный Адам). «*Новый человек*» (духовный человек) рождается после «смерти» «*ветхого*», «*адамического*» (плотского) человека. Причем, как показал Августин Аврелий, «*новый человек*» и «*ветхий человек*» – это один и тот же Я, и борются они в душе человека – на поле битвы добра и зла.

Эзотерическая мудрость, получившая развитие в исихазме, решала, прежде всего, вопрос о топике богоприсутствия и месте (возможной) встречи с Богом. В христианской мистике греко-восточной церкви экзистенциальные проблемы увязывались с концепцией *обожения*, проблемой непосредственного общения с Богом, что предполагало преодоление временной и простран-

твенной ограниченности собственной природы человека, Это не означало, однако, полной потери личности, идентификации с Богом. Христианский мистик хотел «*стать Богом*», т.е. приобщиться к «Божественным совершенствам» путем уподобления своей личности Божественной Ипостаси. При этом христианский мистик рассматривал обожение как *дар бога*, как *благодать*, и от свободы человека зависело принять или отвергнуть этот дар. И христианские, и внехристианские мистики совершали восхождение к Божеству путем последовательного, ступенчатого мироотречения и аскетического «*самоумерщвления*» (изживания чувств и страстей), однако *внехристианский* мистик совершал обожение *непосредственно*, а *христианский* мистик – *при посредстве и содействии Христа-Логоса*. Христианская (и особенно церковная) мистика обращена к Богу-Отцу, к Богу-Логосу, Богу-Слову, к Христу – Сыну Божьему.

Значение сердца в христианской аскетике очень велико, поскольку на языке аскетики «сердце» – это способность человека быть цельностью, а «ум» – способность быть стремящейся цельностью, способность устремлять себя к осознанной цели¹¹. Именно сердце выступает точкой опоры для ума, так как сердце есть точка, находящаяся вне ума, и «привязывающая» ум к предметам (Феофан Затворник). Классическая формула православной аскетики: «*ум, сведенный в сердце*», обозначает совмещение двух центров – сознаваемого и реального, предназначенного для целеполагания и целомудрия.

Инструментом обожения являлся утверждаемый в правах еще Плотин *экстаз* как акт мистического соединения с Богом, а также сами «духовные механизмы» движения к Богу – *катафатика* как *нисхождение Бога* в своих энергиях по лестнице богопроявлений в тварном мире, т.е. явлении на «Божественных именах», и *апофатика* как *восхождение к Богу* в «соединениях», в которых Бог остается природно непознаваемым.. Путь западного богословия пролегал в большей степени по катафатическому руслу.

В византийской философии платоновская трактовка души как самодостаточной субстанции, обремененной телом-темницей, не получила широкого распространения, и преобладало утверждение о «любивой сопричастности» души и тела, воплотившаяся в понимании сердца как

средоточия духовной и эмоциональной жизни (в мистике Макария Египетского, вплоть до исихазма XIII-XIV вв). Ясность в понимание феноменологической топики и внутреннего принципа соединения души и тела внес Немесий Эмесский («О природе человека»). Он писал, что утверждение «душа находится в теле» имеет переносный смысл и подразумевает, что душа «находится в теле не как в месте, а как бы находясь в отношении к нему, и присутствует в нем, подобно тому как, говорят, в нас присутствует Бог». Ведь душа, лишенная величины, объема и частей, выше пространственного ограничения по частям. Душа находится не в месте, а *в отношении*, она не может быть охвачена местом.

Тезис о присутствии Бога в нас обретает в византийской философии особый смысл, поскольку она отстаивала примат ипостасного подчинения в человеке духовной и телесной природ, соединяя христологию (постулирующую тождество ипостасей и инаковость сущностей – человеческой и божественной природ Христа) и антропологию (аналогию соединения божественной и человеческой природ Христа и человека). Поэтому-то человек оказался даже ближе к Богу, чем бестелесные ангелы.

Святые отцы Восточной церкви трактовали человеческую природу и как трехчастное единство *духа, души и тела* (*трихотомизм*) и как соединение *души и тела* (*дихотомизм*). «Умное делание» имело духовно-практическую цель – усвоение навыка «различения», отделения злых помыслов, «лукавых» от благих, спасительных помыслов. Собственно грех начинается лишь при «*сочетании*». Грех есть некоторый интерес, внимание, интенция, указывающие на начало согласия с враждебной волей. И далее это проявляется как слияние («*пленение*» и «*страсть*») двух волей – воли человеческой и воли бесовской – а не просто как пришествие зла, захват души некоей волей извне. Это было бы просто насилие над волей. А зло предполагает именно свободу. «Грех, укоренившийся в воле, становится «*противоблагодатью*», и проникает в тварь, превращая ее в пленницу дьявола (застывшего во зле пленника своей воли). Так возникает онтолого-экзистенциальный парадокс: рождение призрачного полюса, противоположного образу Бога, но реального благодаря воле – имеющего свое бытие в самом

небытия (Св. Григорий Нисский). И грех внедряется в то место, где должна быть Божественная полнота (в силу «царствования благодати»), и тем самым разведывается *бездна небытия*. Иероним писал: «Пороки входят в душу через три чувства, как бы чрез окна». «Именно через них входит и сама смерть», добавил позднее Пьер Абеляр¹.

Картину динамической топологии всего живого и души, опирающуюся на платоновскую версию движения души предложил Псевдо-Дионисий Ареопагит. Он описывал три вида движений, присущих всему живому. Причиной («соединением», основанием, утверждением и пределом) с Единым, двигаются *кругообразно*; при нисхождении к низшим чинам – они двигаются *прямолинейно*, направляя всех их к совершенству. А поскольку существа остаются самотождественными, то в силу постоянного возвращения к причине самотождественности (Прекрасному-и-Благому), их движение – *спиралеобразно*. Когда же душа выходит из себя, не входя во внутрь себя самой, движимая единственно своей любознательностью, чтобы посредством разнообразных и многочисленных образов внешнего мира устремится к простому и объединяющему созерцанию – она движется *прямолинейно*¹³. Само же Прекрасное-и-Благое, нисходящее своей «экстатической пресущественной силой» в недра всего сущего и остающееся, однако, запредельным, свободным от сущего, пребывая вне себя, проявляется как Божественное вожделение к сущему, бесконечное и безначальное, «как бы вечно вращающееся по кругу»: пред-существующее во Благе, из Блага произливающееся на все сущее и вновь к Благу к возвращающееся в вечном вращении к самотождественности. Постоянно выступая из себя, оставаясь в себе и к себе возвращаясь. На пути восхождения к Единому апофатик постепенно освобождается от власти того, что доступно познанию, подобно Моисею, восходящему на гору Синай для встречи с Богом. Только перейдя за пределы мира видимых и видящих, Моисей проникает в истинно-мистический мрак неведения, он не принадлежит больше не себе, ни чему-либо чуждому, и, благодаря незнанию, познает превыше ума познающего

Экстаз Псевдо-Дионисия – это выход из себя как из бытия как такового, из сферы тварного, в отличии от экстаза Плотина – «сведения бытия к аб-

солютной простоте» – недаром Плотин определил свой экстаз как «упрощение» (*απλῶσις*), сведения к простоте объекта созерцания. У Плотина экстаз есть «выход из себя», превращение «двоицы» (Я и Бог) в единицу, поглощение субъекта объектом. Псевдо-Дионисий считал, что имя «Единое» «недостаточно» для Бога и противопоставлял ему другое «наивысочайшее имя» – *Святая Троица*, говорящее о том, что Бог – не единство и не множество, а он превосходит эту антиномию, будучи непознаваемым в том, что Он есть. (Божество воспевается и как Единица, и как Троица, не являясь ни единицей, ни троицей в человеческом или ином смысле). Проявлением отношений между Богом и тварным бытием являются Божественные энергии, не отличающиеся от сущности Св. Троицы, собственно, акт творения («пролитие Божественного Света») стал гранью, предопределением бесконечного и вечного сияния Божества, когда воля Бога сотворила все своими энергиями для того, чтобы все тварное могло вступать в соединение с Богом через эти же энергии.

Место обитания Бога внутри человека, внутри души обнаруживается как топика «*внутреннего человека*» (апостол Павел, Августин Аврелий), но это божественное место феноменологической топики принципиально не вообразимо и не описываемо, но с необходимостью актуализируется средневековой мыслью для самой себя как горизонт – недостижимый и постоянно манящий... Экзистенциальный мир средневекового человека оказывался топологически определен двумя *полюсами*, которые оказывались по сути основополагающими *центрами* – сферой Эмпирея, обиталищем Бога и областью человеческой души (топикой «*внутреннего человека*»), местопребывание которой традиционно связывалось с сердцем.

Феноменологическая топика в христианстве раннего средневековья обретает зримые очертания в созданиях душевной и духовной архитектуры – это «сокровенное домоустройство» внутри самого себя. Люди называются «домочадцами у бога»: Христос – сын в доме Бога, Дом Бога – это верующие (*Евр.3:6; I Тим.3:15*). И человек свободно выбирает «созидание в себе храма» и, очистившись от «адамова наследства», становится праведником, живет «по духу» и в конце духовного человека ожидает вечная жизнь. Или же человек «роет в себе могилу», падает духом и живет

только «по плоти», в грехе, что ведет человека к *внутренней, настоящей «вечной смерти»*. Воля Божья предписывает человеку полюса притяжения и отталкивания – держаться мира горнего, удаляться от мира дольнего (т.е. умирать для этого мира), очищая «чистотой сердца» внутренне око, способное видеть Бога. Путешествие в Град Божий начинается *внутри (изнутри) самого человека*. Для уразумения воли божьей необходимо иметь 7 условий: *Страх Божий, дух благочестия, степень знания, степень силы (крепости), совет милосердия, чистота сердца, мудрость*.

Топографическая картина средневековой феноменологической топики будет неполной, если мы оставим без внимания мирскую-повседневную вариацию религиозной иерархии начал, воплощенную в гротескном реализме, в пародии Средневековья, блестяще исследованную М.М. Бахтиным в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». «Снижение» (перевод всего высокого, духовного, идеального) в материально-телесный план имеет в гротескном реализме строго топографическое значение: «верх» – это небо, «низ» – это земля, поглощающее начало (могила, чрево) и одновременно начало рождающее (материнское лоно), причем и **в космическом**, и **в телесном** аспекте. Поэтому «снижение» амбивалентно: оно отрицает и утверждает одновременно, «снижение» сбрасывает не просто в небытие (могилу), в абсолютное уничтожение, а именно – в производительный, зачинающий низ. Гротескная образная система телесности, «низа» в сгущенном виде выражает особенности мирской концепции отражения метаморфизма явлений и внутренние вызревающие тенденции: 1) преодоление цикличности времени; 2) амбивалентность, взаимоприсутствие двух полюсов (верх-низ, старое-новое, умирающее-рождающееся). Эта гротескная концепция представляла тело как не отделенное от мира четкими границами, как смешанное с миром, как космическое, стихийное и плотское, вещественное начало, как абсолютный топографический низ (зона ругательных адресатов), зона производства, телесная могила (преисподняя).

Между миром мертвых и миром живых существовало напряженное общение: живые посещали мир потусторонний и, вернувшись (воскреснув), рассказывали о своих путешествиях, которые опи-

сывались в «*visiones*», «*видениях*» («Божественная Комедия» Данте – великолепная художественно-философская квинтэссенция этих рассказов). Мертвые же возвращаются в мир земной для решения незавершенных дел, выполняют функции вестников смерти или, напротив, вселяют в живых надежду на спасение. Основной канал коммуникации между миром живых и миром мертвых – это «*видения*», в которых покойники являлись бодрствующим или спящим. Сами понятия «*тот свет*», «*потусторонний мир*», «*мир иной*» в буквальном смысле отсутствовали в средневековом сознании, поскольку мир живых и мир мертвых являлись скорее взаимопроникающими, взаимодополняющими частями всеобъемлющего иерархизированного универсума, а сами мертвые выступали «особым возрастным классом общества», который предназначался для воскресения и спасения.

Средствами экспансии Я и закрепления места в «ином» пространстве оказывались: *покаяние, паломничество, завещание, основанные на вере в спасение*. Однако, несмотря на социальную мобильность и проявляющуюся подспудно тягу к выходу за границы горизонтов, отмеченные выше, страх бездомности доминировал над стремлением к расширению кругозора. Поэтому совершаемый каждый раз заново выход за пределы здешней реальности – «*трансензия*»¹⁴ (Р.Гвардини) успокаивал душу средневекового человека постольку, поскольку всегда был освящен верой в спасение, надеждой на спасительные трансцендентные, мистические силы, будь то переход в «мир иной», в «град Божий», либо крестовые походы в «Святые земли» для освобождения Гроба Господня. Церковь показала христианам, что Иерусалим небесный можно обрести через Иерусалим земной.

Параллельно с внешней экспансией христианского мира его внутренний передел проходил также под эгидой церкви. Официальная церковь опиралась на аллегорический миллениаризм Августина, на его толкование книги Откровения, – конец мировой истории неизбежен. Но тысячелетнее царство уже наступило как духовное состояние церкви с тех пор, как апостолы восприняли благодать Святого духа, после воскресения Христа. В мире уже существует Град мирской и Град Божий, и каждый христианин может мистически единиться с Богом, наслаждаясь райским блажен-

твом. Милленаристские движения средневековой Европы (как и более поздние) базировались на мечте о тысячелетнем царстве Божьем и происходили от ипостаси христианской эсхатологии – апокалиптической традиции, связанной с мифом об Антихристе. В милленаризме экзистенциальный страх перед вестниками светопредставления – войнами, голодом, эпидемиями, нашествиями варваров смешивался с надеждой на спасение.

Средневековое сознание характеризовалось полным параллелизмом в восприятии времени, истории: не существовало в средневековом настоящем ничего, что не имело бы подобия в прошлом – Ветхий Завет предвозвещал Новый Завет, мирская история подчинялась теме перехода власти. Каждая эпоха имела один центр, одно сердце. Империи передавали друг другу власть, знания, цивилизацию, культуру (от вавилонян – к мидянам, персам, македонянам, грекам, римлянам). Раннехристианские мистики подготовили формирование средневековых философских представлений о человеке как о микрокосме. Феноменологическо-экзистенциальная картина «рисовалась» под влиянием птолемеевских идей о физическом космосе и толкования символических смыслов Библии. Происходило мыслительное конструирование мира как целого и определялось место человека внутри этого целого. Бог как Абсолютная Сущность и как Высшая Личность, не принадлежащая миру, независимая от мира находилась *вне космоса* и, одновременно, *внутри человека*, помещенного в центр мироздания. Ведь человек являлся *«венцом творения»*, и даже – в концепциях Оригена и Гр.Нисского – *«основанием творения»*. Провиденциалистское толкование истории, свойственное Августину, соединенное с креацианизмом, привело к персоналистскому пониманию человека.

Человек представал как *«персона»* – сотворенная по образу и подобию Бога неделимая личность, обладающая разумом, свободой воли, совестью, т.е. «особый замкнутый мир, внутри которого невидимо действуют борющиеся друг с другом силы добра и зла, духа и плоти, разума и чувственности, долга и склонности; мир, в котором есть свой суд (суд совести) и свой закон (внутренний Логос – зеркало божественного Логоса). Человек есть именно «персона» («маска»), за которой как за временным, преходящим

образом скрывается подлинная (божественная) реальность. Персональный мир человека непрозрачен для других людей и совершенно прозрачен только для Бога. Подобный антропоцентризм был усилен «психологизмом» – возвышением внутреннего мира человека, ведь носителем человеческой личности считалась душа.

Человек выступал *«посредником»* между Богом и миром, но сущностью «внутреннего человека» являлся Бог как смыслообразующий *«центр «центра»* – человека. Бог находится в двух пределах мира – *«вне и наверху»* (в области Эмпиреи), в месте трансценденции Бога, и *«внутри и внизу»* (в бездне человеческого сердца), в месте имманентности Бога. Так формируется теоцентрическая концепция человека, «теоцентрический гуманизм» (по определению Ж. Маритена), в соответствии с основными положениями которого, осуществляется упорядоченность, иерархизация жизненного пространства, а также вытеснение экзистенциалов – одиночества, страха, смерти – на периферию категориальной сетки, наделение экзистенциалов анти-статусом маргиналов. В основании экзистенциального бытия средневекового человека (как и онтологической картины мира) с необходимостью находился Бог. Божественный порядок проявлялся как в мировом порядке человеческой истории (рассмотренной выше), так в порядке церковной иерархии, воплощенной в архитектурной топике главного церковного здания – кафедрального собора (с соподчиненными зданиями), и Храма в целом, символизирующего мир в целом, освященно-упорядоченный Храмом (часовни, кладбища и др.). Христианский церковный культ, помимо пространственной упорядоченности, задавал и временные ритмы экзистенциального бытия, пронизывающие все сферы и процессы жизни человека – от рождения до смерти, и прикрепляющие его к общим социальным образованиям и процессам. Тео-онтологическая топика Средневековья предопределяла географическую и феноменологическую топiku. Даже Христос оказывается символом *«срединости»*, идеи *«среднего»* человека. Средневековая карта мира представляла собой изображение распятого Христа, телом которого являлся мир.

Средневековые представления об индивиду как микрокосме как части и уменьшенной копии макрокосма были выстроены как сложная ие-

рархическая картина мира и личности, которые состояли из суммы элементов. Однако, как можно увидеть на языческих и средневековых христианских схемах, человек как микрокосм (Малый мир), изоморфный Макрокосму (Великому миру) – телу Великого Человека Вселенной был изображен там как «разрезанный человек в сборке», где каждой из двенадцати частей человеческого тела приписаны знаки Зодиака. Индивидуальное Я, личность, самость, еще не могли претендовать на роль центра картины мира, центра, который властно, личностно стягивал бы воедино все части, все элементы. Хотя и формально, по изначальному Творению человек создан как центр земного мира, но это место он утратил, и теперь его жизнь должна быть подчинена восстановлению *status quo*, прописыванию себя в центр земной картины. Но самое большее, на что человек может рассчитывать – это бытие лишь в качестве *посредника* между мирами,

занимающего *место центра* и выступающего неким «*заместителем*» центра. Только в эпоху Возрождения провозглашается и утверждается центром мира «*универсальный человек*», причем «*универсальный человек*» оказывается пребывающим везде, в каждом месте, и *Центр* как *Место* растягивается словно шагреновая кожа. А человек получает способность «притягивать» к себе экзистенциалы, или, если угодно, экзистенциалы начинают «проникать» в феноменологическую топику человека.

1. См.: Хоружий С.С. Диптих безмолвия. М., 1991. С. 36.
2. Абельяр П. История моих бедствий. // Августин Аврелий. Исповедь. Абельяр П. История моих бедствий М., 1992. С.272-273.
3. Святой Дионисий Ареопагит. О Божественных Именах // Мист. богословие. С.40-41.
4. Гвардини Р. Конец Нового времени. // Феномен человека. С.256-257.

ЗАКАТ ГУМАНИЗМА

Рупатов
Муслим

Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, проректор, г.Астана, Республика Казахстан

Метафизик: Вращенное бытие сущего в истоках биокосмического становления, формообразуясь в режиме тотального универсума, сегодня панически выбивает почву у себя из под ног. Бытие сущего во всех его созданных структурах претерпевает крах, испытывает бессилие, как перед собственными гиперболами, так и перед неизбежной тотальной неопределенностью.

Муслим Рупатов (Астана, Казахстан)

Физик: Странно слышать подобные умозаключения, когда реальная картина познания имеет весьма внушительные результаты высвобождения сущего, в смысле особой бытийной самодостаточной системы.

Метафизик: Странность для вас естественна, ибо познание в вашем понимании – это некая игра с бытием природы, как детская забава в прятки; создав нечто технико-инструментальное, вы на какое-то время прячетесь от угроз, потом снова оказываетесь в плену последних. Вы полагаете, что в этой игре важно предвидеть характер предстоящей угрозы и подготовиться к ее избеганию.

Физик: А вы полагаете, нет необходимости делать это, по-вашему, надо смиренно ждать своей участи. Да и вообще, наша работа направлена не только на противостояние бытию тотального, мы, если вы еще не забыли, должны

обеспечивать себя воспроизводством в бытии.

Метафизик: Как же можно об этом забыть, если именно последнее и послужило стимулом тотального безумства. В истоках бытия истории, естественное желание быть сытым и защищенным, со временем, посредством уникальной способности мышления, переросло в безмерное ненасытство и безмозглую агрессивную самоуверенность. Мышление стало для вас средством и смыслом техники, не осмыслив потаенную сущность его бытия, вы превратили его в самоубийцу.

Физик: Но не можете же вы спорить с тем, что технический, а точнее естественно-научный аспект мышления, во-первых, некогда был возвращен вами, во-вторых, этот модус принес немало практической пользы, что в свою очередь прогрессивно повлияло на бытие социума. Я полагаю, вы не станете оспаривать факт современных достижений науки, ведь это очевидно.

Метафизик: Относительно возвращения все верно, но сухо. В Античности система научного знания была пропитана философским осмыслением, что пробудило в Мышлении определенную самодостаточность в когнитивном плане, но по мере разветвления и углубления знаний, фактор философской озабоченности был смещен на второй план, и в этом собственно кроется сущность естественно – научного кретинизма. Познание, как примитивный акт приспособления, в эпоху Античной Греции и Рима трансформировалось в акт целостного и системного самопознания человеком устоев собственного бытия. Сущее-быть стало понимать собственную способность безмерно

творить, и именно это стало его беспокоить, его стала волновать сущность феномена Мышления. *Просто Быть* переросло в *Может быть*, сущее, как плод тотального бытия, интеллигибельно произрастало и формировало собственное бытие. Так вот, озабоченность вопросом истинности границ собственной бытийной экзистенции в контексте бытия мира явило собой Гуманизм.

Физик: Это стало возможным, когда познающий был в одном лице философом и естественником, однако, как мы уже отмечали, рост знаний увеличивался как снежный ком, и гуманизм, в свою очередь, из феномена целостной заботы духа скатился до фактора примитивной, утилитарной потребности, и этому естествознание беспомощно было противостоять. Гуманизм приобрел прагматическую ценность, и к чему это приведет, было не важно.

Метафизик: Проблема материального благополучия не является вне-гуманной составляющей, последнее входит в нее как часть; я бы не хотел рассуждений в плоскости материального и духовного как взаимоисключающих друг друга. Напротив, это одно целое, ибо гуманизм как проблема далеко небестелесное явление. Гуманизм, как забота духа, есть ответственность перед всем, что его определяет, в данном случае уместно вспомнить о нравственности.

Физик: Весьма уместно, ибо последнее никак не вписывается в систему и предмет научного познания. О какой нравственности может думать ученый, когда поток его мыслительной деятельности имеет априорный, произвольный характер, о чем думали те, кто создавал оружия уничтожения, вы полагаете о нрав-

твенности? Нравственность, гуманизм и прочие ценности бессильны приостановить движение мысли техно-логоса.

Метафизик: Мы с вами говорим на разных языках, что в свою очередь подтверждает Вашу отчужденность от сути проблемы. Речь не идет о нравственности в социально-историческом плане, что тоже не маловажно, речь идет о нравственной ответственности перед самим феноменом Мышления. Откуда вы взяли, что парадигма рации и эксперимента, которой вы пользуетесь, может доподлинно отражать сущность Мышления? Вдохновляясь успехами неких технических приспособлений, вы настолько углубились в последнее, что совсем забыли об органической природе Мышления.

Физик: Да, но рационализация, кстати, любезный подарок метафизики. Кто, как не Вы, в лице ее отдельных представителей, особенно Канта и Гегеля, пропозиционировали рациональное в виде сущности Мышления?

Метафизик: Простите, но после них был Хайдеггер, и он предупреждал вас об угрозе и опасности технической рационализации.

Физик: Возможно, но он был не убедителен и неспонят, его взгляды имели пропедевтический характер и не походили на концепцию о Мышлении в традициях метафизики. Хайдеггер – это некий синтез метафизики и филологии. Это с одной стороны, а с другой, пришло время, когда уже поздно переосмысливать.

Метафизик: По поводу Хайдеггера поговорим отдельно, а что касается запоздалости неосмысления, тут полагаю, вам следует объясниться.

Физик:

Все довольно просто и чудовищно вульгарно. Наука нового времени (естественная) – это уже не индивидуальная деятельность, а некий корпоративный бизнес. Глобальная капитализация современного мира контролирует процесс научного образования, стимулируя только те ростки, которые отвечают его интересам. Бытие науки произрастает в безличную, я бы сказал в не-органическую форму, где вообще не может быть и речи о какой-либо гуманности и нравственности.

Метафизик: Не все так безнадежно, как вам кажется, я не могу игнорировать обозначенную вами тенденцию обезличивания науки. То, что мы с вами сегодня наблюдаем, а именно самоуничтожение человеком собственной сути – есть результат, начало которого было заложено научно – техническим прогрессом.

Физик: В чем же спасительное, позвольте узнать, и есть ли оно вообще?

Метафизик: Как говорил все тот же Хайдеггер: «Спасительное там, где губительное», ибо только когда мы видим реальные параметры угрозы, тогда мы способны адекватно оценить допущенные просчеты. Сегодня мы видим: единственный и существенный просчет фундируется в недоосмыслении феномена Мышления, что в свою очередь привело в системном, научном, социальном и прочих сферах к дисбалансу и полной анархии ценностей. Спасительным, стало быть, является довершение губительным своего дела до конца.

Физик: Значит, мы обречены на трагический исход рациональной парадигмы Мышления, и ничто не в силах это приостановить. А как же в таком

случае вы, разве вы неспособны повлиять на это?

Метафизик: Должен поправить вас: мы обречены не только рационализацией, последнее не так уж плохо, а сущность нашей обреченности в разгерметизированности Мышления. Понятие рационального, которым мы сегодня оперируем – это экспериментально доказуемая вещь, в составе которой не может быть примеси чувственного – это первое, второе – рациональное – это вещь приносящая пользу, третье – это вещь, не противоречащая себе и, наконец, она безнравственна, а значит антигуманна. Рациональное для естественно-научного – это жалкое средство бытия быть.

Физик: А как иначе, оно средство решения многих вопросов, о чем мы уже говорили. Другой вопрос, как пользоваться достижениями науки? В этой связи уместно поставить вопрос о социальной и политической нечистоплотности и безнравственности. Да я знаю, вы мне опять укажите на гуманизм в метафизическом плане, но извините, в этом плане время не дает нам покоя. Мы не можем, открыв что-либо фрагментарное, но исключительно полезное, выждать метафизической реакции на это. Время, которым мы располагаем, само предопределяет нашу судьбу, оно бескомпромиссно и нам следует торопиться, ибо некое тотальное другое время вынуждает и вытесняет нас из нашего привычного пространства.

Метафизик: Вот именно поэтому погрешна ваша парадигма, вы полагаете, что можете вечно уходить и прятаться от силы тотального бытия, вы кинули вызов тому, кого и представить себе не можете. Время и Пространство в вашем

понимании есть некая цикличность, система координат, которую можно просчитать и вычислить. И все же ваши жалкие притязания изначально обречены, ибо, не разобравшись в себе, вы пытаетесь разобраться с безграничным бытием универсума, заметьте, безграничным во времени и пространстве, что никак не вписывается в вашу парадигму.

Физик: Думаете, возможна принципиально иная парадигма? Хотите откровение: я думаю, никакая парадигма не способна отвечать требованиям гуманизма. В любом случае человек – это звено в огромной цепи вселенского бытия, и постав его бытия функционально временен в биологическом аспекте. Человек, как феномен органической субстанции, со временем трансцендируется в сверх- или пост-человека, который способен обходиться без естественной среды обитания, без органического питания, без привычного земного социума, семьи, детей и пр., но при всем этом, он сохранит одно единственное качество – Мышление.

Метафизик: Если сохранится Мышление, то вместе с ним сохранится и его самоанализ в контексте тотального. Самосознание Мышления в таком виде, было, есть и будет всегда, и это и есть гуманизм в метафизическом плане. Я согласен с вашим видением относительно земной миссии человека, хотя формы трансформации могут быть разными. Полагаю, отдельные виды, носители органической мысли все же сохраняются, но я хочу обратить ваше внимание на то, с какой системой Мышления мы пойдем в будущее. Представьте в себе и для себя целостную картину Мышления, которой вы на сегодня владеете и попытайтесь мне ее описать.

Физик: В себе и для себя Мышление процессуально – от конкретного чувственно-эмпирического к абстрактно рациональному, хотя с другой стороны, оно может трансцендироваться от априорного к апостериорному. Оно, как бы и то и другое, все зависит от того, какова предметность Мышления.

Метафизик: А если предметом является оно само, и потом вы всего лишь описали способ бытия Мышления для меня как некий метод познания. Я же прошу вас представить его для себя как определенную структуру, что это оно вербально для вас как некая система координат, где все расписано по полочкам, подобно физическому.

Физик: Аналогично физической предметности представить нельзя, ибо то, что вы мне предлагаете вообразить, является субстанцией органически ментальной, а потому и сложно улавливаемой. Можно, конечно, с помощью тех или иных категорий схватить относительный инвариант структуры ее бытия. В одном случае, я могу определить Мышление для себя как сознание, в другом, напротив, бессознание. Можно опереться на память, интуицию и т.д., но это будут те или иные формы ее бытия. Что касается общей картины, целостной структуры, как системы, я не могу представить.

Метафизик: Вот поэтому возникает вопрос, а точнее проблема гуманизма. Мы владеем большим количеством по разнообразию Лого-форм относительно феноменности бытия Мышления, но не имеем относительно ясной концепции ее целостности. Вы спросите, для чего нам это надо, вопрос призовет к поставу Времени. Дело в том, что все имеющиеся категории Мышления имеют существенный

для него статус временного самоопределения. В одном случае это может быть время и пространство как априорная форма, в другом – negация форм сознания из чистого бытия в наличное, а в третьем – время мышления будет заботой экзистенции сущего в структуре тут здесь и там. Каждая из представленных моделей верна, но недостаточна, ибо помимо того, что я резюмировал, более ничего о Мышлении сказать не могут. К примеру, каков статус Мышления во времени на уровне сознания или бессознания, на основании чего вообще мы разводим их феноменную сущность. Возможно, вам скажут: сознание – это очевидная в представлении предметность Мышления. Бессознание – это сфера потаенного, и этого будет мало, так как возможно доказать обратное, и это относится ко всем остальным категориям Мышления. Сущностный постав последних определяется парадигмой физической концепции пространства и времени, как циклической системы событий, как снятие одной дефиниции другой, отсюда и весь бардак, игра понятий, как тебе удобно, так и закрутил, все равно, что это даст, лишь бы было удобно.

Метафизик: Вопрос целостности Мышления – это вопрос структуры бытия его форм само-представления в сущем для озабоченности временем экзистенциальной ответственности в просторах мировости. Бытие мира допустимо мышлением сущего в пределах концептуального самоанализа, горизонта стратегических перспектив, подлежащей окрестности пространства. Вопросание мышлением сущего сущности мышления отвечает бытийной востребованности, ценности последней в контексте исторической ретроспективы. Мышление, брошенное и забытое

собственной модальной установкой техно-логоса, прозябает и гибнет от преждевременной утраты ценности собственного бытия в эвристической самодостаточности. Мышление перестает быть предметом метафизического самопредставления, оно все более и более частно прикладное, космически огородное средство обработки и переработки отходов технопроизводства. Возможно, высокая продуктивность техноотходов есть следствие низкой гуманистической культуры мышления.

Физик: Если даже принять во внимание ваши претензии и восстановить традиции гуманизма в контексте метафизического осмысления, что тогда может быть с технологическим, оно что исчезнет, или будет менее отходным?

Метафизик: Прежде всего, техно-логос обретет заботу и попечительство, а это позволит прогнозировать и моделировать целостную заботу мыслимой сущности сущего. Вся проблема в том, что техно-логос онтологически спекулирует онтической возможностью мышления, мышление работает на износ в угоду утилитарной зависимости. Это зависимость сродни наркомании, вы с каждым днем увеличиваете дозу потребления, что в свою очередь приводит к росту производства, вы впали в гонку, и она вытесняет вас из вашего Земного дома. Для вас теперь уже не может быть дома в привычном традиционном классическом ландшафте, дом к которому вы обреченно стремитесь, не имеет тепла и уюта, поскольку фундамент про-логической основы его передается вами в безвозвратное забвение времен гуманизма. Метафизическое осмысление гуманизма должно восполнить временную отчуж-

денность мыслящей субстанции техно-логоса. Техно-логос – это не Логос в полном смысле. Техно-логос – модально-феноменальная акциденция последнего, призванная обеспечивать физическое средство трансценденции мыслящей субстанции в пространстве и времени бытия космического. Гуманизм возможен как состояние непрерывного вопрошания Логосом фундаментальных основ про- и мета-логического времени трансцендентальной целостности мышления в структуре бытия экзистенциальной мировости мира. Гуманизм – это любовь и забота мыслящим субстратом логоса безмерных возможностей субстанции мышления.

Физик: Думаете, техно-логос чрезмерно торопится, а может быть, даже недопонимает возможности осмысления мышления, и этим самым наносит ущерб как собственной безопасности, так и безопасности Бытия сущего?

Метафизик: Я так не думаю, я в этом абсолютно уверен. Дорога, выбранная вами вовсе не дорога, а всего лишь проселок, который возможно выведет Вас на дорогу, но для этого необходимо постоянно помнить об источности вашей просеки, иначе можно заблудиться и бесконечно блуждать в беспамятстве и отрешенности. Не торопитесь и не торопите экзистенциальность сущего, сущее с вашей подачей теряет свое существо; возымейте совесть, вернитесь в историчность традиции и запросите ответственность за свои поступки. Вопрошание и осмысление ответственности должно быть мышлением ради самого мышления.

Физик: Понятие гуманизма шлифуется вами в средствах представления мышле-

нием для мышления, я думал – достаточно заботы о сущем, то есть обычного понимания последнего. В любом случае, физическое, экономическое и прочие способы решения вопросов человеколюбия, так или иначе, будут иметь издержки, но важна сама по себе конечная цель, ибо все, что мы делаем, мы делаем ради обеспечения постоянства сущего и его блага. Вне техно-логоса сущее не способно существенно продвинуться в этом направлении.

Метафизик: Я отнюдь не возражаю против техно-логических усердий, я возражаю против упразднения метафизического осмысления гуманизма как феноменности мышления. Мы перестали думать о своих возможностях, в думании мы перестали представлять себе представляющее в представлении, мы упокоились тем, что имеем, и это антигуманно. Опомнитесь, проснитесь от пьяной самодовольной сытости, не ищите проблемы вне себя, они не снаружи, они в вашей голове, вы решили плюнуть на метафизическое вольнодумие, полагая, что вам все известно о том, чем думаете.

Физик: В таком случае, дайте повод к возвращению, к атараксии в мышлении; мы не видим интриги, мы вообще не видим и не чувствуем близость метафизического спасения. Вы замкнулись в себе, огородились языком, и видите в этом некое особенное таинство и призвание. Откройтесь, обратите к нам, сущим, свои помыслы, а вместе с ними надежды на реанимацию гуманизма в мышлении. В результате нашей беседы я четко понял, что путь, выбранный нами сегодня, отчуждает сущность гуманизма в смысле отдаления логосом сущего от бытийной окрестности мышления сущего. Прозорливый и

говорливый логос увлекся открытой видимостью результатов, собственных утилитарных возможностей, и ему нет дела до устоев сущности вне его субстанции. Возможно, логос в своем говорении и дозволении излишне лукавит и импровизирует, тем не менее, он – единственный источник просветления в бытии, нам ничего не остается, как только работать с ним.

Метафизик: Поводом к восстановлению вопроса гуманизма является его отчуждение от сущности мышления как метафизической проблемы, что в свою очередь на уровне бытия экзистенциальности сущего влечет за собой массу проблем социального, политического и прочего характера. Сегодня мы бездумно, не обдумав переданное нам полномочие мыслить, грыземся друг с другом, вместо того, чтобы осмотреться в себе и найти возможность альтернативных решений для себя, которые сокрыты в безмерной возможности мышления. Мышление – феномен бытия космоса, а мы всего лишь его временные носители, у коих есть шанс через его самопознание выйти к просторам вселенского познания. Нам необходимо восстановить вопрос о Мышлении в пост-классических традициях и создать нео-концепцию, которая могла бы решить вопросы непродуманности логоса в единой целостной концепции про- и мета-, а иначе гуманизм воплотится в техницизм.

Физик: Полагаю, в следующей нашей беседе вы представите наброски этой нео-концепции. В любом случае постановка вопроса о гуманизме в метафизическом плане меня устраивает, поскольку это может только способствовать техно-логосу и сущему в целом.

ДОЛГОВЫЕ ОБЪЯТИЯ

Зубарев
Сергей Михайлович

консультант института
управления и предпри-
нимательства УрГУ

E-mail:
zubr@usp.ru

В статье рассматривается рабочий альянс должника и кредитора в качестве скрытой разновидности детско-родительских отношений.

Ключевые слова: Долг. Должник, кредит, кредитор, «чувство долга», справедливость, деньги, родитель, ребёнок, потенция, нарциссизм, вина, обида, прощение, благодарность.

EMBRACE OF DEBT

Zubarev S.M. Consultant for the institute of Management and Business at Ural State University.
E-mail: zubr@usp.ru

The article deals with the alliance between a debtor and a creditor as latent variety of children/parent relations.

Key words: debt, debtor, creditor, responsibility, justice, money, parents, child, potentiality, narcissism, guilt, forgiveness, gratitude

Брать в долг и давать в долг – весьма распространённые обыденные действия. Практически каждый взрослый человек когда-нибудь в своей жизни делал это. И столь же многим известны переживания, связанные с участием в этом альянсе с той, либо с другой стороны.

Долговые отношения пронизывают и скрепляют всё общество. Они играют ключевую роль в возникновении и развитии кризисов. Отношение к

долгу – в широком смысле этого слова – важная характеристика любой культуры или субкультуры.

Отложив на будущее взаимоотношения граждан с кредитными организациями и взаимодействия юридических лиц между собой, сосредоточимся сейчас на первичной модели долговых отношений – между «физическими лицами».

А большинство этих «физических лиц» вступают в упомянутые отношения, никак их документально не оформляя. На честном слове. Самоуверенно игнорируя содержание глав 21 -26 части первой Гражданского Кодекса РФ [3].

Казалось бы, парадоксальность, «скользкость» этих отношений давно и общеизвестна, но не смолкает треск тех самых граблей по новым, да и по старым тоже, лбам.

Долги могут разрушить дружбу, разорвать родственные отношения, в наиболее тяжёлых, но, увы, не исключительных случаях, приводят к смертельному исходу.

Внешне всё выглядит мило: один человек в трудную минуту помогает другому человеку. Номо Номини, как положено. С одной стороны – сострадание и благородство, с другой – благодарность и признательность.

Но почему вдруг их прежде тёплые и доверительные отношения насыщаются враждой, ненавистью, особенно с «вырученной» стороны: образ благодетеля-кредитора стремительно обесценивается, в нём выискиваются всевозможные моральные изъяны, которые должны обосновать полный или частичный невозврат долга. Смерть кредитора всё чаще возникает в грёзах должника, сначала – как трагический случай, заодно решающий проблемы мечтателя, потом – как оптимальное решение проблемы с тающим послевкусием вины. Переход от фантазий к конкретным действиям, к счастью, предпринимают не все. Кредиторы так же могут ожесточиться и дойти до крайних садистических мер по возврату долга. Но, справедливости ради, заметим, что убивают должников кредиторы куда реже, чем те – их. Не из большего морального совершенства, понятное дело. Просто, чтобы убить должника, надо сначала простить ему долг, то есть, выйти из долговых

отношений и принять на себя бесплодную роль мстителя.

Почему так? Какие неприметные снаружи факторы выворачивают отношения неплохих, в общем-то, людей наизнанку? Чем обусловлена парадоксальность взаимоотношений должника и кредитора?

Есть на этот счёт блестящая интерпретация, М.А. Светлова: «Берёшь (деньги) чужие и на время, а отдаёшь свои и навсегда» [8]. Но она лишь фиксирует внезапные смысловые сбои, ломающие рациональную основу отношений, не указывая на бессознательные иррациональные составляющие, которые отменяют логику договорённости и ломают сознательные «правильные» намерения сторон.

Некоторые люди жёстко придерживаются принципа: «В долг не даю, чтобы не терять друзей». Честней, конечно, ограничиться первой частью фразы, без мотивировки. А если другу эта сумма жизненно необходима? Смертей, тяжёлых болезней и прочих форс-мажоров никто ведь не отменял. Разве не будет отказ концом дружбы?

Другие говорят: «Даю только сумму, которую, если что, будет не жалко» Но это не долг, а подавание. Получающий подавание, понятное дело, тоже не бывает благодарным, но по иным причинам: просящий профессионально испытывает к дающему презрение, просящий вынужденно – низводит свой статус до минимального и подающего естественным образом ненавидит.

Показательная история на эту тему связана с Ходжой Насреддином: Знакомый попросил у него в долг немного денег. Ходжа подозревал, что тот не вернёт долг. Но поскольку сумма была небольшой, он дал просящему эти деньги.

К удивлению Ходжи, знакомец вернул долг вовремя. Через некоторое время тот снова попросил, но уже большую сумму. Ходжа на этот раз отказал, а когда проситель стал ссылаться на свою хорошую кредитную историю, ответил: «Я в тот раз не ждал возврата денег, но ты обманул мои ожидания. Теперь я жду возврата, но боюсь, что ты обманешь и на этот раз» [11]. Парадоксальный с юмором ответ очень бы пригодился многим россиянам. Ведь простейшая технология мошенников в том и состоит, чтобы взять маленькую сумму, втереться в доверие своевременным возвратом, взять крупную, да ещё под крутые проценты, и исчезнуть.

Задержанный долг может скрывать иные претензии. Кто-то берёт деньги, без намерения вернуть, но не считает это кражей. Скорее, так он выравнивает образовавшийся, по его мнению, дисбаланс дружбы, или вообще мировой справедливости. Этаким робингудик, трудящийся на ниве перераспределения богатств или даже большевичок, экспроприрующий экспроприаторов.

Этот пример хорошо иллюстрирует деструктивную природу фантазий о так называемой справедливости. При внимательном рассмотрении справедливость оказывается сиблинговым руководящим принципом [6].

Конечно, понятие долга много шире, чем просто денежные или имущественные обязательства.

Долг предписывает человеку поступить определённым образом: отдать Богу первенца, явиться по первому зову... положить жизнь за того, кто её тебе не давал, сообщить куда следует о нездоровых отношениях в коллективе, показать султану через десять лет говорящего ишака, найти о покойном доброе слово... Короче говоря, долг – просто обязанность правового, морального или ритуального характера.

Долженствование обладает тенью неотвратимости. И нереальности: между «быть» и «должно быть» разница существенна.

Например, пресловутое «чувство долга» не существует. Должно бы быть, но, увы. Даже поверхностный анализ показывает, что «чувство долга» – не психологическая реальность, а идеологический конструкт, помогающий социуму манипулировать отдельными субъектами. Он подразумевает любые чувства, подвигающие человека к выполнению своей обязанности: это могут быть и любовь, и жалость и сострадание. Но подобные чувства побуждают к действию, не нуждаясь в дополнительном «креплении». Чаще всего «чувство долга» стряпается из вины, стыда и страха. Иногда заквашивается направленным гневом и жаждой мести. Но эта разношерстица не годится для знамени. Поэтому из неё валяется суконка, уже на которой пишутся гордые слова. Однако, если у субъекта не оказывается даже этих тёмных манипулятивных чувств, никакое специфическое «чувство долга» не приходит на помощь.

Ядром и прообразом всех форм долженствования являются родительско - детские отношения. Соответственно, вычлениаются детский и родительский долги.

Ребёнок, в общем представлении, должен родителям уже за «предоставление ему жизни». Хотя он этого не просил, и не всегда радуется своему существованию. Так обозначается первая коллизия долговых отношений: долг старше, «первичней» самого человека. Растущий человек рано или поздно обнаруживает растущую с ним долговую тень. Но сам он через призму первичного нарциссизма воспринимает весь окружающий мир как своего должника. Сколько ценного из себя он уже выдавил в мир, а до сих пор по настоящему не обласкан!

Родительское отношение к обеспечению ребёнка необходимыми благами так же амбивалентно: с одной стороны подчёркивается безвозмездность и бескорыстность «детских» трат, с другой – эти отношения подаются как пролонгированный долг.

Известна русская сказка, сюжет которой встречается и в сказках других народов, причём иногда фигурирует хлеб, а иногда просто деньги: мужик излагает барину свою экономическую политику: «Двадцатью рублями долг плачу, двадцатью рублями – подать, двадцать в долг даю, да двадцать за окно бросаю». Имеется в виду, что первая статья расхода – содержание родителей, вторая – себя самого, третья – сыновей, а последняя, странная, – дочерей – они замуж выйдут, и папе – шиш.

Ритуал разветвлённых межпоколенных отношений описывается именно как долговые расчёты.

Заметим, что о любви, заботе, сострадании в подобных источниках речи вообще не идёт. Очевидно, что в архаичных модусах воспитания доминировали «долговые» чувства, да и позднее – социализирующем – они выступают как обязательная подстраховка. Лишь в новейшем – помогающем модусе высокие чувства занимают достойное место. Но ещё не вызрели те поколения.

Социальная готовность детей к возврату долгов облегчает детско-родительскую инверсию, то есть, принятие детьми родительских ролей по отношению к составившимся родителям.

А вот если пролонгированный сыновний долг берет на себя государство, ценность детей падает?

Сегодня рано говорить о выявленной корреляции между развитием пенсионной системы

в разных странах и рождаемости в них. Тем не менее, СМИ, Интернет изобилуют материалами, в которых обсуждается связь высокой рождаемости в Китае с неразвитостью пенсионной системы. Подразумевается, что традиционно китайцы могли рассчитывать в старости только на своих детей, поэтому обеспечивали будущее, как умели. А политика «одна семья – один ребёнок» привела к тому, что этому выросшему ребёнку приходится содержать не только двух родителей, но и четырёх бабушек-дедушек. И государство вынуждено спешить на помощь. Правда, сведения о китайской «пенсии» в этих материалах не всегда согласуются друг с другом. Резонно было бы сопоставить рождаемость в странах с развитыми пенсионными и состояние поддержки стариков в странах с низкой рождаемостью, но оставим это специалистам [4, 13]. Отдельные горячие головы даже предлагают увеличить рождаемость в России путём уничтожения её пенсионной системы. Гей, славяне...

В любом случае, берущий в долг, вступает в детско-родительские отношения. Перед ним кредитор – родитель, которому не нужно отдавать вообще (что должника устраивает) или родитель, которому нужно отдавать долг ПОТОМ – в другой жизни, за пределами психологического восприятия (более пяти лет) Но к быстрой отдаче – месяц, даже год, он не готов. Поэтому взрослое бремя долга падает на актуализированного ситуацией, можно сказать, вылупившегося в результате глубокой регрессии, младенца. Регрессия запускается самой архетипической ситуацией кредитования.

Более того, кредитор становится родительской, материнской фигурой, должник, берущий долг – жаждущим и завидующим младенцем, а должник, возвращающий долг, вынужден стать выросшим ребёнком. То есть, претендующим на родительскую жизненную нишу. Символический родитель-кредитор выталкивается в «дедовскую» нишу. Уж если я – должник вынужден повзрослеть, то ты, кредитор, сейчас одряхлеешь. Грубо говоря, ему – кредитору, уже умирать пора, а не сбором долгов заниматься. Ещё грубее: болван кредитор исполнил свой «родительский долг» по поддержанию должника и не должен более задерживаться на этом свете. Он, в глазах должника становится престарелым нелюбимым, и даже жалости не вызывающим маразматиком, которому

одна дорога... (А по телеку бесконечные передачи «про зверей» показывают, сколь безжалостны бывают возросшие особи к одряхлевшим вожакам) То есть, давая в долг, физическое лицо обрекает себя на попадание в жёсткую архаическую ситуацию. Напомним, что архаическая пенсионная система многих племён и народов предполагала ритуальное умерщвление ветеранов. С другой стороны, в том же Китае, одним из побочных эффектов культа предков было ритуальное самоубийство молодых людей ради здоровья и долголетия родителей. Властям приходилось бороться с этим поветрием решительными мерами, например, строительством стен, преграждающих подходы к обрыву [1].

А далее начинается уродливый процесс сепарации от накормившего родителя. Ненависть к кредитору, поиск моральных уродств, дающих «право» не возвращать долг, пожелания его смерти, иногда переходящие в символические и даже реальные действия по её приближению.

Ну, ненависть, пожелание смерти – понятно. А откуда вдруг обида берётся? Взял деньги, не возвращает, да ещё обижается. Всё логично, если учесть тесную связь долга с виной. Вспомним ещё раз мифическое «чувство долга» – состоящее, в основном, из вины, с добавлениями стыда и тревоги.

«Господи, прости нам долги наши, как мы прощаем должникам нашим» [2].

В христианской традиции, как видим, взыскание долга – грех. По-божески, их следует прощать. Подчеркнём: долги не списывают, не реструктурируют, их прощают. То есть поступают так же как с обидой и оскорблением.

Язык хранит след тождества: взять в долг = обидеть.

Обидеть, – значит, мучаться виной и страхом за возможную месть обидевшегося кредитора. В криминальной ситуации фантазийный страх может реально воплотиться. Трудно вытащить паяльник из задницы, если сам виноват. Но поскольку «диполь» обида–вина легко переворачивается, виновным в плохом самочувствии должника легко становится кредитор. Саркастическое «Кому должна – я всем прощаю» – не просто дерзкая шутка, а откровенное признание в мстительных намерениях. Так и перетекают друг в друга вина-обида-жажда мести в условных рамках меж долгом и прощением.

Усугубляется ситуация часто тем, что деньги вообще обманны, то есть манят и обещают гораздо больше, чем реально дают, и умалчивают о проблемах, которые с собой приносят. Потраченная сумма долга не принесла обещанной радости, а если избавила от грозных проблем, то это уже забыто. Но сумма, которую предстоит вернуть, продолжает манить и обещать счастье. Кредитор невольно становится обманщиком: он дал то, что не принесло должнику ожидаемой радости, какие-то ненастоящие деньги (не фальшивые, а именно ненастоящие), а теперь требует возврата настоящих. Должник же уподобляется анекдотичной блондинке с претензией к продавцу ёлочных игрушек: почему они не радуют?!

Психология кредиторов так же смутна и амбивалентна.

Должников пугает перспектива за небольшую сумму попасть под тотальный контроль. А раз они пугаются, то и делают всё, чтоб спровоцировать кредитора на попытки контроля. Те ещё больше пугаются и ещё глубже прячутся. Впрочем, многие кредиторы, входя в роль кормящего родителя, активно транслируют дитю-должнику свою максималистскую родительскую фантазию: «Дом, в котором ты живёшь, тебе не принадлежит, ведь ты сам – целиком моя собственность. Ничего своего у тебя быть не может, поскольку ты – моё порождение, и всё, что ты имеешь, дал тебе я. Временно. И будущего у тебя нет, оно – тоже моё».

Возможно, кредитор пробуждает в должнике глубинную арахнофобию, поскольку становится похож на паука, пеленающего свою жертву. Можно понять тех, кто избегает попадания в такой кокон тотального родительского контроля над вечно должным спелёнутым существом.

Но это относительно ясная стратегия. Случается такое, что люди дают в долг свою потенцию. Скажем шире – разнообразные личные качества.

Вспомним некоторые мифопоэтические примеры такового «одалживания». В Песне о Нибелунгах Король Гунтер, влюбившийся в могучую Брунгильду не имеет шансов жениться на ней, поскольку она согласна выйти замуж только за того, кто победит её в единоборстве. Гунтеру

самому это явно не под силу, и он обращается за помощью к другу Зигфриду. Тот подменяет его на поединке, побеждает Брунгильду, а после того, как новобрачная уже на супружеском ложе избивает Гунтера и подвешивает его на крюк, Зигфрид ещё раз одалживает свою силу другу. Прокравшись на брачное ложе, не без труда заламывает Брунгильду, сохраняя, впрочем, её девственность для законного супруга. Тот так и просил: «Убить, говорил, её можешь, но девственности не лишай». Но, усмирив друга подругу, благородный Зигфрид, зачем-то(!) захватывает поясик и перстенёк Брунгильды. И женится на сестре Гунтера Кримхильде.

Так вот, подобное «одалживание» не прощается. Среди полной благодати завязывается странный спор Брунгильды и Кримхильды – кто из их супругов господин, кто вассал, тут и перстенёк с пояском в ход пойдут, состоится разговор, который возглавит друг и шурин Гунтер. Непобедимый Зигфрид падёт жертвой предательства. Потом, конечно, падут и предатели, и масса безвинного люду потонет в кровище. Расплата будет столь тотальной, что не понять уже – кого и с кем [10].

Сирано де Бержерак в одноимённой пьесе Э. Ростана даёт займы своё красноречие и талант, чтобы любимую им Роксану смог обаять пустоватый косноязычный красавчик Кристиан. Умница, и храбрец Сирано стеснялся своего большого носа, поэтому не смел признаться даме в своём чувстве, и по её же просьбе, взял Кристиана под опеку. Более того, он работает на молодого болвана копирайтером и имиджмейкером: пишет ему тексты для любовных свиданий, чувственные письма, даже суфлирует вживую под балконом. Не хотел он поверить, что красавице содержание важнее внешности окажется. Это выяснится потом, перед самой смертью героя, и много времени спустя после гибели Кристиана. Бесстрашный Сирано тоже падёт жертвой, и не от шпаги даже, а от полена. Никому не на пользу такие благодеяния. Здесь событийная связь между инцестуозно-гомоэротическим долгом и трагическим финалом не столь очевидна, как в «Нибелунгах», но прослеживается.[12]

Во многих случаях неожиданные помощники, одолжив свою волшебную потенцию, требуют возврата долга в жестоком неприемлемом

виде: выдать из дому то, о чем сам хозяин не знает. Помните, это обычно оказывается ребёнок, родившийся, пока папа успешно искал приключений и якшался с подозрительными типами. Классика: задолженность Фауста перед Мефистофелем. Кредит под залог души. Из свежей мифологии: Кольцо всевластья. Оно даёт могущество своему временному обладателю, но неизбежно подчиняет его себе, разрушая личность. Не зарься на чужую самость.

В принципе, платить приходится всегда – за увеличение мощности – большим расходом топлива, за большой процент по вкладу – большим риском. За свободу – тревогой. Но фантазия о халыве неистребима, вероятно, потому, что уходит корнями в первичный нарциссизм.

Психоаналитики нередко сталкиваются с ситуациями, в которых клиент ожидает или прямо требует одолжить ему какие-то способности своего визави. Не стану утверждать, что этого нельзя делать никогда, и ни при каких обстоятельствах, но аналитик, часто «дающий займы» свои возможности, рискует быстрым «выгоранием». Характер контрпереноса, в данном случае, явно родительский, напоминающий о стандартной ситуации, в которой раздражённый родитель стремится побыстрее сделать за ребёнка то, что, хорошо бы, уже уметь делать ребёнку, но все шансы на терпеливое обучение и воспитание давно уже приносятся в жертву текущему моменту. «Всё равно, за дитём придётся посуду перемывать, ботинки перешнуровывать, задачку перерешивать, сделаю быстренько сам». При этом ребёнку наносится пролонгированная травма, глубина которой отнюдь не исчерпывается бытовой неумелостью.

Как видим, и благородные эпические герои и яйцеголовые психоаналитики не застрахованы от попадания в нарциссические ловушки, так насколько осторожным следует быть наивным кредиторам, втянувшимся в опасные игры с должниками. Преимущество в этих играх всегда на стороне последних.

Кредит – это доверие. Значит, кредитор – доверившийся. То есть – лох, которым грех не попользоваться.

Возврат долга в России всегда труден, малоперспективен и мучителен для всех сторон. Известные бандитские технологии «выбива-

ния долгов», кстати, направлены не на возврат конкретного долга, а на полное потрошение должника. При этом сторонний кредитор – лох, наобум призвавший «тёмные силы», рисковал не только не получить ничего, но и самому внезапно оказаться должным братве. Строго говоря, это не возврат долгов, а самостоятельный чёрный бизнес. Между тем, среди своих бытовало «понятие»: взять долг здоровьем. То есть, если кредитор причинил должнику физический – телесный вред, то он уже не может требовать с него деньги – здоровьем взял, пользуйся.

Встречались в славные девяностые годы прохвосты, умело играющие на своей тотальной задолженности, да так, что конкурирующие группировки ещё и охраняли друг от друга петушка, обещавшего снести когда-нибудь потом золотые яйца.

А что такое современные банки с их залогами, поручительством, безликой неумолимостью, с коллекторскими агентствами. Это специальный механизм, призванный хоть как-то уравнивать гигантскую фору должников. Иначе у кредиторов просто не будет шансов.

Государство не любило отвечать по своим долгам и не любило заниматься долговыми делами своих граждан. Мать не имеет реальной возможности получать алименты? Зато отец не имеет реальной возможности общаться с ребёнком. Взаимозачёт.

Сейчас ситуация медленно, но меняется. Символично, что эффективной мерой воздействия на должников, недавно найденной судебными приставами, является запрет на выезд из страны. Ради возможности хоть ненадолго покинуть родину, граждане начали гасить застарелые долги. То есть, традиционный российский недоросль, с которого будто бы и взять нечего, до того он прост, согласен обнаружить свою зрелость, свою состоятельность именно в момент отделения от глобальной материнской фигуры. Подобная ментальность служит хорошей питательной средой для вызревания радикальных стратегий: набрать долгов побольше и вовремя смыться с поля чудес, застроенного пирамидами.

В России быть должником выгодно. Но ещё выгодней – быть должником в России, а жить – в другом месте.

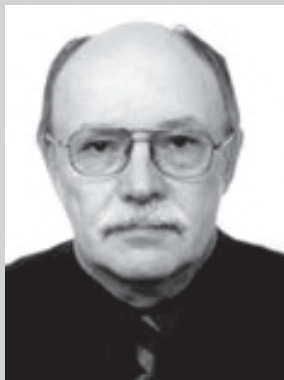
Обратим внимание на ещё один кажущийся парадокс: люди, не умеющие и не любящие отдавать долги проявляют поспешность и суетливость в ситуациях, не предполагающих какую-то материальную отдачу. Там, где пристойно просто быть благодарным, они спешат сунуть благодетелю вещной или денежный «эквивалент». Благодарность, зависшая в душе, воспринимается ими как тяжкий эгодистонный груз, от которого нужно побыстрее отделаться. Как удобно – оценить, оторвать разок от себя, и избавиться от этого пугающего чувства благодарности. Теперь можно снова предаться привычным переживаниям – злобе и зависти. Такой внутренний процесс обесценивания можно уподобить инфляции, которая размывает неиндексированные долги.

Умение быть благодарным без размена – важный критерий зрелости. Но те, кто мог бы быть добросовестным должником, очевидно, реже просят займы, чем те, для кого кредит – непосильная ноша. Вспомним, что кредит – это доверие.

Литература:

1. Алексеев В. М. В старом Китае. Дневник путешествия 1907 года. М., 1958.
2. Библия РБО Мтф. М.1994.
3. Гражданский кодекс РФ.
4. Грызлов А. Яненко Е. Обзор зарубежных пенсионных систем «Отечественные записки» №3 2005.
5. Де Моз Л. Психиатрия. Ростов-на-Дону Феникс 2000
6. Зубарев С.М. Самоликвидация материнских структур Психотерапия 2007 №12.
7. Кляйн Мелани «Зависть и благодарность». СПб Б.С.К. 1997 г.
8. Кожевников А. Тихонова Т. Умом Россию не понять. Словарь приколов. Olma MediaGrup 2006.
9. Панченко А. Образ старости в русской крестьянской культуре. «Отечественные записки» №3 2005.
10. Песнь о Нибелунгах ЭКСМО М.2004.
11. Притчи про Ходжу Насреддина. Генезис 2008.
12. Ростан Э. «Сирано де Бержерак» Фолио Харьков 2007.
13. Храмчихин А. Китайский велосипед. КНР Парадоксы развития. Новый Мир 2008 №3.
14. Шварц-Салант Н. Нарциссизм и трансформация личности. Класс М.2007.

С.А. Нефедов

НАЧАЛО РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ:
КОНФЛИКТ ИДЕОЛОГИЙ

Нефедов
Сергей
Александрович

доктор исторических
наук, ведущий научный
сотрудник Института
истории и археологии
УрО РАН

Когда Ричард Ченслор в 1553 году открыл морской путь в Россию, он не задумывался о том, какое влияние это окажет на судьбы людей. «Открытие России... может показаться подвигом почти героическим, – напишет позднее Мильтон, – если бы это предприятие было внушено более высокими побуждениями, чем чрезмерная любовь к корысти и торговле»¹. Эти слова Мильтона можно было бы сделать эпиграфом к нашей статье – речь пойдет о том, как контакт цивилизаций приводит к идеологическому конфликту.

Главной торговой державой того времени была Голландия. Посредническая торговля – это был совершенно особый вид торговли, схожий с торговой интервенцией: голландцы обладали огромными капиталами и средствами давления на правительства – ведь они имели европейское оружие и господствовали на море. Им было все равно, с кем торговать и чем торговать; они продавали французам оружие в то время, когда Голландия воевала с Францией. Их родина – это был весь мир; они изучали чужие языки и устраивались на жительство там, где вели дела. Посредническая торговля сформировала менталитет голландских купцов: «В делах голландцев господствует чудовищная, неопишная жадность и алчность, – писал венецианский посол, – и это покоится на догме и учении Кальвина»². В соответствии с этим учени-

ем, алчность была не пороком, а достоинством, и успех в делах был признаком «богоизбранности», признаком того, что удачливому дельцу обеспечено спасение души и место в раю. Достижения в торговле, таким образом, позволяли голландцам утверждать, что они являются единственными носителями всех добродетелей, свойственных западному миру³.

Формула о стяжании как средстве спасения души была новой для христианского мира; она была принесена Реформацией, опрокинувшей многие основы христианской этики. Хорошо известно, что раннее христианство отвергало идею наживы. «Всякое богатство, – восклицает Иероним, – происходит от нечестия... Посему, мне кажется, весьма правильно говорят в народе «богач – либо бесчестный человек, либо наследник бесчестного»⁴. Восходившая к раннему христианству мораль католиков и православных осуждала стяжание; в 1187 году III Латеранский собор объявил, что ростовщичество осуждено Святым Писанием, и отлучил ростовщиков от церкви, отказав им в христианском захоронении и в праве приносить пожертвования⁵.

Протестантизм принес с собой революцию в сфере морально-этических норм – революцию, ярко освященную в «Протестантской этике» Макса Вебера. Отныне человек существует для приобретательства, которое является целью его жизни, писал М. Вебер. Это было то новое, чего не мог понять венецианский посол, упрекавший голландцев в непомерной алчности. Это было то, чему удивлялись православные русские люди, наблюдая за кипучей деятельностью голландцев.

Голландская торговая интервенция в России началась сразу после Смуты, когда открылись для торговли пути в глубь страны. В 1618 году в Архангельск пришло 30 голландских кораблей, а в 1630 – около 100 судов. «Голландцы, как саранча, напали на Москву и отнимают у англичан выгоды... – свидетельствует Коллинс. – Голландцы

налетают как саранча, и всюду бросаются, куда манят их выгоды. В России их принимают лучше, чем англичан, потому что они подносят подарки боярам и, таким образом, приобретают их покровительство»⁶.

Знаменитые голландские предприниматели, Виниус, Марселлис, Акема пользовались большим почетом у царя. «Деловой расчет легко разрастался у них до эгоистического меркантилизма, в особенности когда дело касалось русских, как лиц чуждых для них, — писал Д. Цветаев. — Ведь даже люди их собственной среды, одинаковые по привычкам и положению, терпели часто в неминуемой взаимной борьбе»⁷. Что думало по поводу голландского вторжения большинство населения? Если нападение саранчи на Москву вызывало недовольство у *англичан*, то, естественно, что оно вызывало яростный протест русских купцов. Купцы и посадские люди жаловались на свое «конечное разорение» и все настойчивее просили закрыть внутренние районы для иноземной торговли⁸.

«Конечное разорение» привело к тому, что на Руси крепко невзлюбили «галанских», «аглицких», «амбурских» и других «немцев» (в то время всех иностранцев называли «немцами»). Появление иноземцев на улицах сопровождалось недружелюбными возгласами: «Кыш на Кокуй, поганые!», а мальчишки были не прочь запустить им вдогонку камень. «Их громко обзывают глупейшей бранью, «шишами», — свидетельствует Рейтенфельс, — ведь право, этим шипением («кыш!» — С. Н.) обычно пугают птичек»⁹. По утверждению Олеария, от названия слободы Кокуй возле Москвы, где проживало много немцев, происходит самое грязное русское ругательство: «Пошел на...!»¹⁰ Поджоги домов в Кокуе и нападения на «немцев» были нередким явлением. Помимо непомерной алчности им вменяли в вину «скобление рыла», то есть бритье бород, и курение «богомерзкой травы», табака¹¹.

Как голландская, так и русская культура имели в своей основе религиозную традицию, в одном случае это было учение Кальвина с его идеалом стяжания, в другом — православие с его восходящими к раннему христианству идеалами любви и братства. Православные идеалы были сильны своей близостью изначальному строю жизни русской крестьянской общины. Символом тогдашней

крестьянской жизни были традиционные праздники, Пасха и Троица, когда все село собиралось на пир-братание, «братчину»: возле церкви ставили столы, выносили иконы и, помолившись, приступали к пиршеству. На братчинах царила христианская атмосфера любви и братства, здесь мирили поссорившихся и творили общинный суд; всем миром выбирали старосту и сотского. Община следила, чтобы все было по справедливости, и помогала нуждающимся: существовал древний обычай «помочи», когда весь «мир» строил дом погорельцу или убирал поле заболевшего крестьянина¹². Другим символом тогдашней русской жизни был монастырь — это была другая община, существовавшая рядом с крестьянской. Если крестьянская община вела свое начало с дохристианских времен и допускала кое-какие отступления от строгих требований Иисуса (в том числе и частную собственность), то русская монашеская община была устроена прямо по заветам Христа. По-гречески монастырь назывался «киновий», а по латыни «*коммуна*»: русские монахи жили как первые христиане, «коммунами». Монахи работали в поле, питались за одним столом, «чем бог пошлет», приглашали за этот стол всех странников, давали приют старикам и больным, а в годы неурожая безвозмездно раздавали крестьянам хлеб. Но не только монахи — все русские, в городах и деревнях, считали долгом помогать беднякам. «Они отличаются беспримерной благотворительностью по отношению к бедным, — свидетельствует Рейтенфельс, — для их просьб у них всегда открыты уши и разжаты руки». Другой народной чертой, вызывавшей удивление иностранцев, было знаменитое русское хлебосольство, желание накормить и напоить гостя «до упаду». «Они думают, что невозможно оказать гостеприимство или заключить тесную дружбу, не наевшись предварительно и не напившись за одним столом», — писал Рейтенфельс¹³.

Иностранцы, посещавшие Русь в XVI-XVII веках отмечали исключительную набожность русских. В городах на каждые пять домов приходилось по церкви; бесчисленные купола и колокольный перезвон создавали непередаваемую атмосферу православного царства, «Святой Руси». В соответствии с православной традицией «Святая Русь» воспринималась как единая община, связанная узами любви и взаимопомощи.

Главой этой общины был царь, символ правды и справедливости. «*Люби правду и милость и суд правой и имей попечение от всего сердца о всем православном христианстве*», – таково было главное напутствие царю в старинном чине венчания¹⁴. Православные видели в царе своего защитника и опору, всякий мог обратиться к царю с челобитьем, и судьям давался строгий наказ быть внимательным к жалобщикам: «А каков жалобник к боярину придет и ему жалобников от себе не отсылати, а давати всем жалобником управа...»¹⁵. При всем своем могуществе царь выступал как слуга Бога: в Вербное воскресенье он шел в торжественной процессии, ведя на поводу ослика, на котором Иисус въезжал в Иерусалим (Христа изображал патриарх, а новым Иерусалимом была Москва). Святой обязанностью царя было молиться за Русь и совершать паломничества по монастырям; Иван IV однажды прошел босым 38 верст от Москвы до Свято-Сергиева монастыря¹⁶. Алексей Михайлович стоял на всеношных по шесть часов и отбивал по тысяче поклонов; он держал во дворце, как в богадельне, убогих стариков и нищих. Перед Пасхой царь обходил тюрьмы, разговаривал с колодниками, миловал тех, кто искупил вину и платил за тех, кто сидел за долги – если они задолжали не из корысти. Коллинс свидетельствует, что царь тратил на выкуп должников очень большие деньги¹⁷, а Олеарий утверждает, что в Московии существовала *государственная система помощи нуждающимся крестьянам*. «Если кто-нибудь из них обеднеет вследствие неурожая или по другим случайностям и несчастьям, – говорит Олеарий, – то ему, будь он царский или боярский крестьянин, от приказа или канцелярии, в ведении которой он находится, дается пособие, и вообще обращается внимание на его деятельность, чтобы он мог снова поправиться, заплатить долг свой и внести подати начальству»¹⁸.

Православная традиция любви и взаимопомощи, общинный строй жизни, отеческое отношение царя к подданным и обычай советоваться с ними на соборах – все это позднее стало именоваться русской «*соборностью*». В трудах славянофилов «соборность» стала воплощением «русской идеи», тем, что отличало «Святую Русь» от «корыстного и растленного Запада». Русь была единственной страной, сохранившей истинную веру, православие; она была окружена врагами Бога,

«еретиками», «латинянами» и «магометанами». Вековая борьба под знаменем веры позволяла русским – подобно древним евреям – считать себя народом, избранным Богом. Иван Грозный постоянно ссылался на «Книгу царств» и представлял себя библейским царем, ведущим избранный народ на борьбу с «ханаанянами» и «филистимлянами». Своеобразным символом отношения Руси к окружающим народам были обычай, когда царь подавал послу руку для поцелуя, а потом омывал ее в чаше¹⁹.

Православие предписывало определенные правила поведения в обыденной жизни. «Вся домашняя жизнь велась по полумонашеским правилам «Домостроя», – отмечает Дж. Биллингтон²⁰. Царские указы напоминали православным, что в воскресные дни и праздники они должны приходить в церковь и смиренно слушать проповедь. Запрещается соблюдать старые языческие обычаи: «Скоморохов и ворожей в дома к себе не призывать, медведей не водить, на браках песен бесовских не петь и никаких срамных слов не говорить, личин на себя не одевать, кобылок бесовских не наряжать»²¹. Не поощрялись занесенные «латинянами» или «магометанами» «новые веяния»: игры в карты, зернь, шахматы, игра на музыкальных инструментах. Особо тяжким преступлением считалось курение табака – курильщикам безжалостно резали носы. «Сребролюбие» так же было на Руси не в почете. «Все подданные царя открыто признают, что все они целиком и *все их имущество принадлежат Богу и царю*, – свидетельствует Рейтенфельс, – и прячут все, что есть у них дорогого, в сундуки или подземелья, дабы другие, увидев, не позавидовали бы...»²²

Несхожесть православных и протестантских традиций проявлялась буквально на каждом шагу. К примеру, русским запрещалось работать по воскресеньям, голландцы же часто работали в святой день (и во все дни, когда требуют дела); они сравнительно редко посещали церковь, а их моленные дома с голыми стенами и короткой незатейливой службой выглядели оскорблением Бога, прибежищем ереси. У протестантов не было в обычае любить ближнего своего и давать подавание – поэтому они воспринимались на Руси как жадные бездушные «еретики». Если «еретик» входил в русскую церковь, то она считалась оскверненной; нужно было очистить ее от «скверны»: вымыть

полы и освятить особым обрядом – «еретику» же могло сильно nepoздopовиться, его могли даже убить. «Нечистые» протестанты ни в коем случае не должны были держать в своих домах русские иконы. Еще в 1628 году было запрещено русским наниматься на службу к «еретикам» – чтобы «не повредили душу». Торговые сделки должны были совершаться в лавках, нельзя было заходить в дома к «еретикам» и дружить с ними. Священникам было категорически запрещено разговаривать с иноземцами. Неприятие иностранцев объяснялось не только торговыми интересами, это был конфликт людей, принадлежащих к разным культурам, имеющим разный менталитет и разную психологию. Российская модернизация с самого начала несла в себе заряд этого идеологического конфликта – конфликта, который ярко проявился в 1917 году, и по-прежнему проявляется в наше время.

1. Цит. по: Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII - первая половина XVIII века. М., 1976. С. 196.
2. Цит. по: Бааш Э. История экономического развития Голландии в XVI-XVIII веках. М., 1949. С. 35.
3. Там же. С. 36, 306.
4. Jerfme, Saint. Oeuvres. Paris, 1838. С. 79.
5. Кудрявцев О. Ф. Собственность как нравственно-правовая проблема в идеологии христианского средневековья // Куль-

тура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988. С. 76-86.

6. Коллинс С. Нынешнее состояние России// Утверждение династии. М., 1997. С. 226.
7. Цветаев Д. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 338.
8. Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 2. М.- Л., 1948. С. 14.
9. Рейтенфельс Я. Сказание о Московии// Утверждение династии. М., 1997. С. 348.
10. Олеарий А. Подробное описание путешествия голландского посольства в Московию и Персию. М., 1870. С. 371.
11. Витсен Н. Путешествие в Московию 1664-1665. СПб, 1996. С. 153; Уланов В. Я. Западное влияние в Русском государстве//Три века. Т. II. М., 1991. С. 48-50.
12. История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. Т. 2. М., 1990. С. 142-143. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 361-362.
13. Рейтенфельс Я. Указ. соч. С. 346, 349.
14. ПСРЛ. Т. 12. С. 248.
15. Цит. по: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Ч. 2. М., 1951. С. 282.
16. Савва В. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901. С. 138; Биллингтон Дж. Икона и топор. М., 2001. С. 99.
17. Коллинс С. Указ соч. С. 225.
18. Олеарий А. Указ соч. С. 356.
19. Георгиева Т. С. Христианство и русская культура. М., 2001. С. 35-36; Биллингтон Дж. Указ. соч. С. 106.
20. Биллингтон Дж. Указ. соч. С. 100.
21. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IV. СПб, 1842. С. 125-126.
22. Рейтенфельс Я. Указ. соч. С. 100.

А.Н. Трифонов

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ

**Трифонов
Александр
Николаевич**

кандидат исторических
наук, доцент ИМС

В годы Великой Отечественной войны принципы функционирования системы остались те же, но были внесены значительные изменения, появились новые черты, еще в большей степени проявилось отношение к человеку как к «винтику».

Историк Н.П. Палецких справедливо замечает: «Несмотря на отсутствие оформленной, специальной программы в условиях войны, процессы того времени подвергались непосредственному планированию и практическому регулированию. Социальная политика обладала внутренней логикой, адекватно отражавшей общественные подорожности в обстановке войны, и являлась одним из базовых механизмов управления советским обществом».

С началом войны, в силу многих обстоятельств, резко обострилась проблема рабочих рук, что

Социальная политика¹ Советского государства сформировалась до войны, была составной частью мобилизационного общества, которое находилось в состоянии постоянной угрозы нападения.

выдвинуло трудовую политику на первый план. Были приняты следующие меры чрезвычайного характера: расширились границы трудоспособного возраста, на производство вернулись ветераны, пришла не только молодежь, но и подростки. Доля подростков 14-17 лет в промышленности составляла 10%, в сельском хозяйстве значительно больше. Отдельного замечания заслуживают промышленные работники 12-13 лет. Здесь определяющим все же был не патриотизм, а соображения материального порядка, чаще всего это был акт вспомоществования (как правило, по просьбе матерей устраивали детей на «родной» завод): рабочий паек спасал детей от неминуемой гибели.

Военизированный подход к решению проблемы рабочей силы проявился во введении трудовой повинности. Первую очередь на лесозаготовки, железнодорожное строительство, торфодобычу. Постоянно проводились партийные, комсомольские, государственные и ведомственные мобилизации. Совместными усилиями наркоматов обороны и внутренних дел была создана многочисленная трудовая армия. Особый, лагерный тип трудармии распространялся на советских немцев. Некоторые историки усматривают здесь политику геноцида, а их положение в лагерях как государственное рабство, классическим образцом которого является система ГУЛАГа.

Решить проблему рабочей силы попытались также за счет мобилизации среднеазиатского населения. Военкоматы набирали людей, как правило, во время облав, дополняли «контингентом» из тюрем и без медицинского осмотра направляли на Урал. В большом количестве их сразу же отправляли обратно по заключению ВТЭК, часть возвращалась самовольно, оставшихся ждали тяжелейшие испытания. В целом система трудовой повинности отличалась в годы войны крайней жестокостью, бесчеловечностью, но она имела свою логику. Однако «среднеазиатская эпопея» поражает своей бессмысленностью и нелогичностью.

Насильственный характер решения социальных задач в полной мере проявился в налоговой политике и размещении госзаймов и лотерей. Несправедливо было бы отрицать добровольную часть подписки, были люди, которые отдавали для все, таких фактов зафиксировано немало. Но в целом господствовало принуждение, сочетавшееся со случаями варварского отношения начальства к

людям. Это была политика безвозмездного изъятия денежных средств у населения. В целом налоговая система носила конфискационный характер.

Наиболее заметной стороной социальной политики являлась организация системы жизнеобеспечения населения. В первую очередь это относилось к снабжению населения продовольствием.

Снабжение было дифференцированным и находилось в руках центральных партийных и государственных органов. «Сердцевину» снабческой политики составляла карточная система и нормированное снабжение, которые обеспечивали минимальное жизнеобеспечение населения. В первую очередь ресурсы направлялись на выполнение военных заказов. Поэтому трудящиеся оборонной промышленности кроме основного «пайка» получали дополнительное поощрение: продукты, ордера на промтовары и особое место занимали водка и табак. Всего существовало свыше 100 различных норм питания, что делало эту систему практически неподконтрольной, хотя на это была брошена «вся мощь» тоталитарного государства. Кроме многочисленного государственного аппарата (карточные и контрольно-учетные бюро) ставка делалась на общественный контроль, существовала целая армия контролеров, оценка деятельности которых в литературе неоднозначна.

Система государственно-распределительного механизма «выделяла» также и другие категории населения. Особую категорию в продовольственном обеспечении составляла партийно-государственная номенклатура, обслуживавшаяся через закрытые спецраспределители. Специальный литерный паек, выдававшийся представителям партократии, включал ветчину, сыр, осетрину, кетовую икру, сливочное масло, сахар и фрукты. Хлеб и овощи практически не лимитировались. Интересно отметить что, несмотря на военное лихолетье и огромные проблемы с продовольственным обеспечением населения, список номенклатурных работников, пользовавшихся этими благами не сокращался, а наоборот, имел постоянную тенденцию к увеличению.

За качество продуктов персонально отвечали секретари (заведующие отделами) по торговле и общественному питанию обкома и горкома ВКП(б). Документы охраняли резолюцию одного из них: «Некачественные продукты в нашу столовую больше не поставлять!» Можно представить,

как себя торговые работники, отвечавшие за этот «ударный» участок работы.

Хорошее продовольственное обеспечение имели в хозяйственные руководители всех уровней. Они по своему усмотрению нередко нарушали даже жесткую карточную систему. Что же касается фондов дополнительного питания, то здесь в полной мере действовала поговорка: «Хозяин – барин».

Немалыми возможностями для улучшения жизни располагали представители среднего и младшего командного состава промышленных предприятий, также имевшие определенные доступ к распределительной системе предметов первой необходимости.

Не голодали и многие из тех, кто работал в торговой и снабженческой системах, на предприятиях пищевой, легкой и хлебной промышленности. Именно они составляли основную часть спекулянтов и воров, живших по принципу: «Для кого война, а для кого мать родна».

Вместе с тем в социальной политике значительное внимание уделялось и другим категориям населения: работникам науки и искусства, детям, эвакуированным. Для помощи эвакуированным и семьям фронтовиков в полной мере использовались гуманистические чувства советских людей к пострадавшим. С этой целью проводились различные мероприятия типа «воскресников» и «недель», которые поддерживались всей мощью партийной пропаганды.

Общеизвестно, что в годы войны тоталитарное государство поступилось некоторыми принципами, продемонстрировало определенную гибкость, стремление к живучести. Это в полной мере относится к продовольственной сфере, где ситуация была на грани общего голода (отдельные локальные очаги голода существовали), что грозило срывом военных заказов, а следовательно, могло привести к поражению в войне.

Продолжая трубить о колхозном-совхозном строе, как источнике побед, государство прекратило дискриминационную политику к личным хозяйствам рабочих и колхозников и создало благоприятные условия для развития огородничества рабочих и служащих городов: была оперативно выделена земля, оказана материальная и организационная поддержка.

«Если бы не картошка, умерли бы...», – единодушно считают те, кто пережил войну в тылу. В Болгарии бытует поговорка, что фасоль помогла пережить турецкое иго. Аналогичное высказывание применительно к военной поре можно употреблять и к нашей «картошке».

Довольно гибкая политика проводилась в отношении колхозно-базарной торговли. Были отменены предельные цены на продукты, не ставилась «стена» перед участниками рынка, привлекались колхозы к рыночной торговле. И хотя рынок во многом был «черным» и «серым», он сыграл свою роль в продовольственном обеспечении населения. Одну треть продуктов горожане получали с рынка.

Система продовольственного обеспечения населения в годы войны была сложной и противоречивой. Жесткая государственно-распределительная система дополнялась рыночными отношениями в извращенной спекулятивной форме. При этом комплекс индивидуальных хозяйств населения сыграл решающую роль, что являлось признаком неспособности государства организовать гарантированное снабжение населения.

Советское государство в годы Великой Отечественной войны проводило целенаправленную социальную политику, основа которой была заложена в 1928-1941 гг., а истоки уходят к военному коммунизму.

Лозунг «Все для фронта, все для Победы» обладал огромной мобилизующей силой, пронизывал все сферы общественной жизни и подчинял их себе. Государство умело использовало патриотические чувства народа, чья жизнь оказалась в смертельной опасности. Отношение к людям было беспощадным. И далеко не везде это объяснялось военной необходимостью.

Социальная политика в годы войны сочетала поддержку народного энтузиазма с мерами принудительно-репрессивными. Несмотря на противоречие и непоследовательность, социальная политика обеспечила целостность, устойчивость и определенную прочность советского общества.

1. Существует множество определений понятия «социальная политика». В данной работе под этим понимаются те направления работы, которые практически осуществлялись Советским государством в годы Великой Отечественной войны: трудовая и налоговая политика, медицина, жилье, материально-бытовые условия жизни, социальное обеспечение.

75 ЛЕТ ЗАСЛУЖЕННОМУ ДЕЯТЕЛЮ НАУКИ РФ, ПРОФЕССОРУ К.Н. ЛЮБУТИНУ (25.02.2010)

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ «ДИСКУРС-ПИ»
Заслуженному деятелю науки Российской Федерации,
доктору философских наук,
профессору
КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ
ЛЮБУТИНУ

Дорогой Константин Николаевич,
Международная академия дискурс-исследований, действительным членом которой Вы состоите и научно-практический альманах «Дискурс-Пи», в котором Вы плодотворно работаете со дня его основания, сердечно поздравляют Вас с юбилеем.

Ваши заслуги в основании Уральской философской школы, организации и развертывании масштабных историко-философских исследований, подготовке высококвалифицированных философских кадров хорошо известны в стране и за ее пределами, были неоднократно отмечены высокими наградами. Не менее хорошо известны российской научной общественности Ваше чуткое отношение к ученикам и коллегам, Ваше замечательное чувство юмора и остроумие.

Мы, Ваши ученики, в этот замечательный день от всей души желаем Вам крепкого здоровья, бодрости духа, новых научных свершений и неиссякаемой творческой энергии, которой Вы всегда так щедро делитесь с нами.

Президент МАДИ,
Главный редактор
научно-практического альманаха
«Дискурс-Пи»

О.Ф.Русакова

75 ЛЕТ ЗАСЛУЖЕННОМУ ДЕЯТЕЛЮ НАУКИ РФ, ПРОФЕССОРУ Б.В. ЕМЕЛЬЯНОВУ (08.06.2010)

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ «ДИСКУРС-ПИ»
Заслуженному деятелю науки Российской Федерации,
доктору философских наук,
профессору
БОРИСУ ВЛАДИМИРОВИЧУ
ЕМЕЛЬЯНОВУ

Дорогой Борис Владимирович, мы, Ваши коллеги и ученики сердечно поздравляем с юбилеем, который Вы встречаете большими творческими успехами, планами и проектами новых работ и исследований во славу отечественной философии и культуры. Крепкого Вам здоровья и новых свершений!

75 ЛЕТ ПРОФЕССОРУ В.Т. ЗВИРЕВИЧУ (15.08.2010)

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ «ДИСКУРС-ПИ»
доктору философских наук,
профессору
**ВИТОЛЬДУ ТИТОВИЧУ
ЗВИРЕВИЧУ**

Дорогой Витольд Титович!

Редколлегия альманаха «Дискурс-Пи» сердечно поздравляет Вас, доктора философских наук, профессора кафедры истории философии Уральского государственного университета им. А.М.Горького с юбилеем. Многие из нас, изучавшие в разные годы историю философии под Вашим руководством испытывают чувство глубокого уважения и признательности за Ваше трудолюбие и скромность. Желаем Вам благополучия, творческих успехов!

М.А. Малышев (Мехико, Мексика)

ВРЕМЯ, ИРОНИЯ, СУДЬБА

**Малышев
Михаил Алексеевич**

кандидат философских наук, профессор Автономного университета штата Мехико, академик МАДИ (Толука, Мексика)

E-mail:
manolasepulveda@
yahoo.com.mx

новенному труду своих друзей, отдавая должное их творческому вкладу в развитие философской мысли Урала и их замечательным человеческим качествам, я посвящаю юбилярам **семьдесят пять** своих новых афоризмов.

Искушение глубокомыслием рождает Сциллу темноты, а из жажды ясности растет Харибда тривиальности – два чудовища, сопровождающие философское мышление с момента его зарождения и до наших дней.

В 2010 году Уральская философская школа отметит юбилей замечательных мыслителей, крупных ученых и маститых педагогов - Константина Николаевича Любутина, Бориса Владимировича Емельянова и Витольда Титовича Звиревича. От имени всего коллектива редколлегии и авторов альманаха «Дискурс-Пи» я поздравляю моих дорогих учителей, коллег и товарищей по совместной работе в прошлом и сотрудников в настоящем с 75-летием со дня рождения и желаю им больших творческих успехов, много радости и отменного здоровья. Исполненный признательности к вдох-

Жить... Не значит ли быть зараженным вирусом сознания собственной значимости?

Если вы ни в чем не нуждаетесь, то следует осведомиться: а все ли у вас в порядке?

Ты никогда не сможешь стать другим, и это является достаточным основанием, чтобы внимательнее присмотреться к самому себе.

Нас забросили в этот мир без нашего согласия, но мы питаем иллюзию, что не покинем его даже тогда, когда нас будут настойчиво об этом просить.

О как был бы доволен Иисус Христос, если бы человек любил своего ближнего по будням, а себя самого – по большим праздникам!

Главное – это не только то, чего ты достиг, но и то, какую цену ты заплатил, упустив другие возможности.

Трудно размышлять о ничто; но ни о чем не думать – еще труднее. Наше сознание не может не мыслить, даже тогда, когда оно делает предмет своей мысли идею «ничто».

В одних сферах жизни время резко ускорило свой бег, но в других оно течет так же медленно, как и сотни лет тому назад. Сегодня мы можем напечатать книгу за считанные часы, но на ее редактирование мы расходуем столько же времени, сколько потратил и Иммануил Кант на корректуру «Критики чистого разума».

Излюбленное чувство, сопровождающее смерть, – это тоска. Последняя всегда готова протянуть человеку руку, едва только она убедится в том, что он скоро протянет свои ноги.

Ученикам дьявола нравится истязать своих ближних, требуя от них ангельских добродетелей.

Скептик – это мученик сомнений, терзающийся тем, что каждым своим актом он ввергает в пропасть небытия массу неосуществленных возможностей.

С точки зрения Бердяева, Бог мог бы спасти человека от собственной нерассудительности,

однако делать этого Он принципиально не желает, чтобы не отнимать у него свободу воли и не обрекать его на роль жалкой марионетки.

«Начать жить по-новому»: не в этом ли проявляется сублимация бессознательного желания вернуть безвозвратно утраченное?

Высшее проявления иронии судьбы: соблазнить человека надеждой, заставит его дрожать от нетерпения в предвкушении обрести возделенную цель, а потом... дать ему хорошего пинка под зад.

Никто не может стать другим, но возможностью удивить себя обладает каждый.

Принудить себя к размышлению – трудно; обязать себя переживать, то что мы не пережили – невозможно, и тем не менее легче притвориться, что мы сочувствуем горестям своего ближнего, чем заставить себя сделать вид, что мы размышляем о превратностях его судьбы.

Разлад между эмоциями и разумом и вечная неудовлетворенность человека самим собой – от жалобы до невроза – это результат его эволюционной недоделанности.

Две великие идеи сопровождали развитие человечества – *Апокалипсис* и *Утопия*. Но постмодернизм разъял их кислотой сомнения и растворил их в скепсисе *разочарования*.

Человек – выродок бытия, способный существовать, лишь превратив само бытие в изобретение бастарда.

Разрушив старые мистерии, знаменитые «учителя подозрения» – Маркс, Ницше и Фрейд, – сотворили новые иллюзии, связанные с приходом

царства светлого будущего, сверхчеловека и суб-
лимацией бессознательного.

Я мыслю, и несмотря на это, влачу жалкое
существование и не могу понять от чего? Из-за
низкого коэффициента полезного действия моей
мысли или от недостатка признания?

Всю возможную гамма отношения человека
к человеку можно разместить между двумя по-
люсами: «человек человеку – волк» и «человек
человеку – бог», ну а в центр следовало бы пос-
тавить – «человек человеку – свинья».

Если для молодых сегодня – это подготовка
к празднику, который наступит завтра, то для
пожилых сегодня – это поминки по вчера.

Кто не признает случайности, тот рискует
умереть рабом подозрения в заговоре темных
сил.

В переживании чувство собственного стыда,
можно всегда обнаружить следы чужих упре-
ков.

Часть жизни мы проводим в жалобах на свою
судьбу, а другую - во вздохах по упущенным
шансам, которые, увы, находятся за пределами
наших возможностей.

Парадокс – это перчатка дерзкого вызова,
брошенного к ногам самодовольного рассудка.

Колыма и Освенцим показали, что трагичес-
кую альтернативу – быть или не быть – можно
превратить в чудовищный кошмар: заставить
человека существовать на грани смерти, отняв у
него единственную свободу – возможность уйти
из жизни по собственной воле.

Я человек, а следовательно, ничто дьявольское
моему подсознанию не чуждо.

Желание послать как можно дальше возникает,
как правило, из-за невозможности вернуть безвоз-
вратно утраченное.

Бог потратил на создание человека всего один
день, и потому последний вышел из его рук недо-
вольным. Не исключено, что Творец сделал это не
без тайного умысла: может быть ему доставляет
удовольствие слышать, как человек молит его:
«Боже, спаси меня от меня самого».

Заря нового дня открывает возможность сделать
нашу жизнь немного получше, но с наступлением
сумерек мы пускаемся во все тяжкие, чтобы отыс-
кать повод для оправдания упущенного шанса.

Во время ссоры я говорю жене все, что о ней
думаю, и она отвечает мне той же монетой, а
потом мы в упор не замечаем друг друга. Как тут
не вспомнить фразу Оскара Уайлда о том, что
«искренность – это роковая вещь».

Жизнь обязывает нас платить за все, даже за то,
что, по всей вероятности, никогда не случится.

Если человек говорит, что он хотел бы жить
здесь и сейчас, – это значит, что реальность пре-
взошла самые смелые его мечты.

Идея «светлого будущего» потерпела пораже-
ние потому, что его приверженцы полагали, будто
причина всех зол коренится вовне, а не внутри
человека.

Если главная миссия бога – уберечь человека от
превратностей судьбы, то, стало быть, вера – это
духовное средство, направленное на повышение
эффективности инстинкта самосохранения.

Что такое чудо как не абсурд, приправленный очарованием невозможного.

Пока человек борется с самим собой, ему не слишком угрожает риск перестать быть порядочным человеком.

Частной собственности наступил бы конец, если бы взгляд, направленный на вождельный предмет, доставлял бы человеку такое же удовольствие, как и его желание обладать им.

Люди мечтают выйти на пенсию потому, что питают иллюзию насладиться прелестями настоящего и перестать приносить его в жертву ненасытному Молоху будущего. Но мысль о финансовых нехватках в борьбе с возможными недугами рассеивает их радужные мечты.

История – это не только то, что уже произошло, а то, что случилось, хотя и могло бы случиться по-другому.

С точки зрения Марка Аврелия, когда мы умираем, то теряем только последнее мгновение, ибо прошлое нельзя утратить, поскольку его уже нет, равно как и будущее, поскольку оно еще не наступило. Смерть отнимает у нас только мгновение настоящего. Несомненно, что мгновение настоящего отделяет нас от смерти. Но как быть с суммой будущих мгновений, которыми мы могли бы еще наслаждаться. Расстаться с жизнью нелегко в любой точке ее траектории, но когда последнее мгновение венчает миллионы предыдущих, то это согревает душу.

С точки зрения святого Павла, вера – это надежда поверх всякой надежды. Аналогичным образом можно утверждать, что свобода – это воля поверх всякой воли. Ну кто из нас мог бы допустить, что его воля не свободна?

Когда мы любим живописным селением, то идиллический пейзаж заставляет нас забыть о возможных коллизиях, скрывающихся за этой картиной. Очарованные пасторальной идиллией, мы отказываемся допустить, что в этом селе живут люди, обремененные массой повседневных забот, которым не хватает времени на то, чтобы любоваться красотами окрестных пейзажей.

Монотонность настоящего – это представление о вечности, скроенной по образу и подобию меланхолика.

Четыре века развития науки убедили нас в том, что освобождение природы от тирании человека невозможно без обретения последним господства над самим собой.

Достижение признания – это необходимость, в которой человек не всегда осмеливается себе признаться.

Человек равен другим людям, пока он не решит, что ему все равно, что они о нем могут подумать.

Как только Бога свергли с его небесного трона, освободившееся место заняли другие идола – Наука, Будущее, Справедливость – и их адепты начали с жаром объяснять непосвященным как они должны жить, куда им следует стремиться и с кем им надо вести борьбу.

Время убивает всех, но теологам взбрело в голову, что на том свете само время можно победить «оружием» вечности.

Бог учит верующих скромности но, одновременно, Он невольно внушает им манию величия. Действительно, как ветхая старуха может быть скромной, если она убеждена, что находится на пороге вечности?

Чтобы смягчить боль, причиненную уколом зависти, завистник апеллирует к сослагательному наклонению: «если бы я располагал такими же возможностями».

Глупый влюбленный был готов покончить с собой из-за неразделенного чувства любви, однако ему не хватило смелости. Прошли годы, и встретив объект своей безумной страсти, он поблагодарил свою трусость за то, что она спасла его жизнь.

Жизнь – это ирония. А что другое можно ожидать от черновика, который, увы, нельзя переписать заново?

Демографическую проблему можно решить только на путях отделения секса от деторождения.

За многими необъяснимыми событиями скрывается не только каприз случайности, но и непреходимая глупость.

Вычти из суммы, которую ты считаешь личным жалованием, свою теперешнюю зарплату, и ты математически выразишь степень своей неудовлетворенности.

Привычка влияет на то, чем человек заполнит свой день, неделю, месяц, пока не появится сомнения: а для чего это нужно? И это сомнение, если не подтолкнет его к внутренней метаморфозе, то заставит окончательно примириться со своей жалкой судьбой.

Несмотря на свою мимолетность, последнее мгновение как луч света, возвестит нам о конце всех мгновений, из которых была соткана наша жизнь.

Знаменитая фраза Сартра – «ад – это другие» – возможно, есть экстраполяция на все человечество его неудачного опыта общения со своими соседями.

Отвращение к банальности – отнюдь не гарантия оригинальности, хотя оно может служить маленьким шагом на пути к ней.

Если для меньшинства страх перед собственной совестью – достаточное основание для воздержания от запретного действия, то для большинства этого «цензора» явно недостаточно, и его запрет должен быть подкреплён угрозой наказания.

Посмеяться над собой – всегда полезно, несмотря на то, что после такого катарктического смеха могут возникнуть колики уязвленного самолюбия.

Смерть – это трагедия, хотя бы потому, что мы обычно умираем намного раньше, чем исчезает наше желание жить.

Мнения многих мужчин и женщин, считающих себя неотразимыми, хотя и основываются на фактах, в действительности есть результат их поспешной индукции.

В отличие от эстетического восхищения прекрасной скульптурой или идиллическим пейзажем, женская красота не только чарует мужчину, но и возбуждает в нем эротические чувства.

Любовь – это магия: даже банальность она способна превратить в очарование.

Если в эпоху модернизма настоящее запугивали бедами прошлого, то в эпоху постмодернизма настоящему угрожают будущими кашмарами.

Сослагательное наклонение освобождает нас от фатализма, но превращает в заложников утраченных возможностей.

Видимость знания хуже незнания, ибо она препятствует любознательности и желанию учиться.

Предвосхитить счастливую развязку – значит, «заставить» будущее бежать нам навстречу, чтобы в ожидании его прихода, упиваться радостью беззаботной надежды.

Чувство возвышенного – это эстетическое восхищение нравственным подвигом.

Думать, что мы могли бы обойтись без сослагательного наклонения, означает погрузиться в невинность становления, стереть следы отчаяния и тоски, которые, несмотря на сопротивление разума, упрямо пытаются заставить нас сделать невозможное – «воскресить» прошлое и «вернуть» безвозвратно утраченное.

И.Б. Фан

«АНТРОПОЛОГИЯ В ЖИЗНИ». БЕСЕДЫ С К.Н. ЛЮБУТИНЫМ

Фан
Ирина Борисовна

доктор политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, член-корреспондент МАДИ

- Уважаемый Константин Николаевич, накануне юбилеев и круглых дат принято подводить итоги и делать обобщения. Вы – один из тех, кто стоял у истоков Уральской философской школы. Что бы Вы сказали о результатах ее эволюции, наблюдаемых в настоящее время?

- Пятьдесят лет, проведенных в коллективе Уральской философской школы, привели меня к следующему выводу. Если бы Гегель дожил до наших дней, он бы обязательно сказал: «Абсолютная идея остановилась в своем развитии на Урале». Но почему остановилась и почему именно здесь, спросите вы. На это он бы ответил так:

Абсолютная идея завершила полный круг:
Вместо Канта – Еремеев,
Вместо Фихте – Иванчук,

Вместо Шеллинга – Руткевич,
Вместо Гегеля – Орлов,
Фейербахом стал Любутин,
Гайда Марксом стать готов!

- А вот вопрос из области маркетинга: почему сегодня философская идея?

- Ответ был дан классиком давно: «Я мыслю и на это существую!».

- Конфуций говорил: «Встретив достойного человека, стремитесь с ним сравняться; встретив недостойного, вникайте внутрь себя». Как часто Вам приходилось «вникать внутрь себя»? Или куда Вы ходили чаще – вне себя или внутрь?

- Я много размышлял над этим и пришел к выводу: если выходишь в люди, то не забудь вернуться обратно! Сократ же по этому поводу замечал: «Познай самого себя, но только никому не говори о результатах».

- В соответствии с некоторыми легендами Ваша фамилия имеет китайские корни. Не могли бы Вы прояснить этот вопрос для неинтересной публики?

- Мои изыскания в разных словарях и энциклопедиях показали, что так или иначе, но фамилия Любутин своим происхождением обязана слову «любить». Не знаю, какой аспект слова был обыгран моими предками, им видней. Но в целом смысловая связь весьма символична, поскольку, возможно, сама фамилия определила мой жизненный путь и судьбу,

бросив в объятия философии в лице Л. Фейербаха. Что же касается эпитета «китайский», то с ним связан следующий эпизод моей жизни. В мою бытность студентом на философском факультете МГУ преподавал М.Т. Иовчук, член-корреспондент АН СССР. Это был 1954 г., он незадолго до этого вернулся в Москву из ссылки после смерти Сталина и работал на кафедре истории русской философии. М.Т. Иовчук объявил, что будет вести спецкурс по философии Г.В. Плеханова. Я записался на этот спецкурс. На первом занятии М.Т. Иовчук сел за стол и стал знакомиться со студентами, называя одну фамилию за другой по алфавиту. Дойдя до моей фамилии, он замолчал, а через некоторое время произнес: «А что это у вас за китайский мальчик Лю Бу Тин?»

Это замечание продолжило свой путь сквозь годы. Уже в пору работы в Уральском университете получилось так, что аспирантом М.Т. Иовчука стал Л.Н. Коган, они затем долго поддерживали тесные отношения. В очередной приезд в Москву, пообщавшись с М.Т. Иовчуком, Лев Наумович узнал версию о происхождении моей фамилии, прозвучавшую еще в студенческие годы. Вернувшись в Свердловск, Л.Н. Коган с присущей ему энергией и пафосом начал обыгрывать эту версию. Версия обрела повседневность. Когда Л.Н. Коган был уже доцентом и заместителем М.Н. Руткевича, заведующего кафедрой философии УрГУ, он кричал во всеуслышание: Лю Бу Тин! Так легенда пошла в народ.

- В философии Конфуция часто упоминается понятие человечности. Обратим это понятие к Вашей жизни. Все, кто у Вас учился, помнят, как снисходительно, лояльно, не глядя, Вы принимали экзамены у студенток старших курсов, находящихся в интересном положении. Как Вы думаете, может ли Философ позволить себе обладать человечностью в отношении со студентами?

- Я всегда боялся беременных девушек, ибо помнил о постоянно возникающих персональных делах.

- Как председатель диссертационного совета УрГУ, Вы, наверное, не только следовали его «правилам игры», но и устанавливали какие-то из традиций и практик его работы? Не могли бы Вы поделиться своими наблюдениями и опытом?

- Многолетнее пребывание в диссертационном совете убедило меня в следующем. Если бы всё, что говорили оппоненты о диссертации соискателя,

было правдой, наша философская мысль была бы далеко впереди эпохи! В мою бытность председателем совета основным моим желанием всегда было одно: убедить выступающих говорить короче! Правда, я не достиг в этом слишком больших успехов. Но каждый раз перед началом заседания напоминал всем совет Вольтера: **«Если хочешь быть скучным, скажи все, что знаешь!»** Еще один полезный совет давал М. Кольцов своим посетителям. Когда он как главный редактор журнала «Смехач» в 1920-е годы принимал очередного претендента на публикацию, тот перед собой мог видеть плакат **«Говори короче, ты не Гоголь!»**

Что касается содержания речей выступающих во время заседаний диссертационного совета, особенно речей оппонентов. Эти выступления были наиболее интересны тогда, когда оппоненты вообще не читали диссертацию. Я бы мог назвать фамилии, но поскольку эти герои еще живы, не хочу их как-то задевать.

- Для меня всегда была загадкой роль оппонентов в процессе защиты, она больше состояла в критике работы соискателя или наоборот, в превознесении его научного вклада? В чем Вы видите роль оппонентов?

- На мой взгляд, критика на защите должна пониматься в традиции немецкой философской классики: критика – то есть анализ. Вспомним «Критику чистого разума» И. Канта! Это совсем не тот смысл слова «критика», который вкладывался в него в советское время, когда под критикой подразумевалось нечто типа осуждения или разоблачения, а под «самокритикой» – публичное само-разоблачение. Вернемся к философии и вспомним «Капитал» К. Маркса, где один из подзаголовков звучит «Критика политэкономии». Речь там идет вовсе не о том, чтобы разнести в пух и прах тех или иных политэкономов, но о том, чтобы извлечь из рассматриваемого произведения все рациональное и пойти дальше этого.

- Получается, что оппоненты – главные действующие лица в пьесе под названием «Защита». Какова же роль председателя совета?

- Конечно же, это роль дирижера. Но он должен очень осторожно вмешиваться в дискуссии по ходу защиты. Это будет ужасно неприлично, если ты как председатель кого-нибудь поддержишь. Ведь впоследствии на это будут ссылаться: «Вот, председатель сказал так-то и так!» Именно поэтому в

случае, когда защищается аспирант председателя, он лишается права вести заседание совета.

- Какой должна быть общая обстановка заседания диссертационного совета?

- Обстановка заседания совета определяется положением ВАК, которое содержит следующий пункт: на заседание совета имеет право прийти любой человек, независимо от специальности, образования, партийности и т.п. В Москве были люди, которые активно этим пользовались ради банкета, обычно практикуемого после заседания. Желая выступить на заседании нельзя отказать, их нельзя ограничить ни по времени, ни по содержанию. Общая же обстановка заседаний диссертационного совета зависит от характера руководства советом. Я, будучи руководителем, всегда помнил правило Паркинсона: **«Не надо воспринимать себя слишком всерьез!»** Вообще юмор в науке значит весьма много! Кто-то из великих физиков сказал: «Науку делают веселые люди!»

- Совместим ли юмор с административной работой?

- Я был воспитан в духе вольтеровской культуры, дух которой можно передать выражением: **«Все жанры хороши, кроме скучных!»**

- Перейдем к частной жизни. Что значит жена для творчества философа? Меняются ли его идеи под ее влиянием?

- Мы смотрим на жизнь сквозь очки мировоззренческих систем, полученных нами в процессе образования и воспитания. С первых лет сознательной философской жизни я был учеником Л. Фейербаха, суть философии которого выражается уже в значении его фамилии, она значит «огненный поток». Людвиг Фейербах был жизнелюбом во всех смыслах. В своей философии он резко повернул и от типа систем, и от языка своих предшественников. «Даже язык его философии был освежающим после господства темной гегельящины». Ведь даже газетные статьи того времени зачастую писались гегелевским языком. А.И. Герцен в произведении «Былое и думы» описывал свои впечатления от пребывания в философском кружке, где испытал влияние Гегеля. Так, после прогулки с девушкой он написал: «Сегодня я приобщился к народной субстанции в ее непосредственном и случайном проявлении».

А.Л. Фейербах писал сочно, ярко, поэтически. Это отразилось и в философии, в том числе по

проблеме человека. В обосновании принципа материальности мира он обращался к повседневности. В свое время нам талдычили нечто о гносеологических корнях идеализма. Но никто не ставил вопроса о корнях материализма. А ведь это повседневность, откуда и происходит наивный реализм – из убежденности простого человека, не побывавшего в сумасшедшем доме, в том, что мир реален. Л. Фейербах перевел это в отношение полов: сущность человека заключается не в единичном и единственном существе, а в Я и Ты. А это ничто иное, как мужчина и женщина. И в заключении он делает вывод: Бытие – это женщина, она первична, она дает начало всему живому. Этот вывод существенно отличается от того, что утверждал Ф. Шеллинг. Л. Фейербах, как и Дюринг, был защитником женского равноправия. Оба они за подобные взгляды так или иначе пострадали. Фейербаха не допустили к работе в университете. Так что Фейербах – первый сторонник феминизма, но – мужского рода! Моя курсовая работа, диплом и первая статья в «Вопросах философии» были посвящены философской антропологии Л. Фейербаха.

- Какова роль Музы в творчестве философа?

- Для Фейербаха источником творчества была любовь. Любовь есть страсть, и это подлинное доказательство реальности бытия. Этот тезис Фейербах обосновывает смачно, образно, обращаясь к общению полов. Он говорил: «Для меня реальность мира – это реальность другого человека, данная в половом акте». Я всецело руководствовался этим положением. Мы не можем освободиться от той понятийной сетки, которую усвоили в университете.

- Антропология поднимает вопросы не только о жизни, но и о болезни или смерти. Думали ли Вы на эти темы?

- По поводу смерти всплывает выражение Спинозы, учителя Фейербаха: «Свободный человек ни о чем так мало не думает, как о смерти». Хотя в истории философии можно найти множество размышлений на эту тему. Мне ближе всего слова Эпикура: **«Пока мы есть, ее нет, а когда она есть, нас нет»**. О болезни у меня есть такая мысль:

Когда ты молод и здоров,
Чем дальше в лес, тем больше дров!
Но коль чрез годы ты пролез –
Чем больше дров, тем дальше лес!

- Видите ли Вы среди современников значительных философов?

- В свое время я много ездил на международные философские конгрессы, конференции, по комсомольским делам и т.д. Были интересные встречи, беседы. Но почему-то студенческие годы вспоминаются как самые интересные. В 1951 году лекции по диалектике у нас читал Ф.И. Георгиев. Ему задали вопрос, есть ли сейчас выдающиеся философы? Он ответил: «Я думаю, что все они находятся здесь!». Я могу сказать, что выдающиеся философы – мои коллеги по Уральской философской школе.

Члены Клуба дядюшки Лю искренне поздравляют Константина Николаевича с юбилеем, горды и счастливы возможностью общения с

таким мудрым, опытным и веселым человеком и желают ему бодрости духа и тела, творческих успехов и радости в жизни!

Д.Н. Мельников (Астана, Казахстан)

ТРАНСФОРМАЦИЯ САКРАЛЬНОГО В МЕДИАКУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

Мельников Дмитрий
Николаевич

главный редактор
журнала «Наука и об-
разование Казахстана»,
соискатель Института
философии и политоло-
гии Министерства
образования и науки
Республики Казахстан
(г. Астана)

Современное медиапространство – наиболее глобализированная, а значит и унифицированная социокультурная сфера. Будучи ориентированным на социально «эффектные» события, злобу дня, оно нуждается в постоянной информационной подпитке, новых ярких, провоцирующих воображение образах. С этой особенностью медиапространства связана одна из главных причин его чрезвычайно высокой чувствительности к новейшим культурным процессам и тенденциям. Другими словами, аккумулируя логику постоянного, можно даже сказать, беспокойного поиска новой информации,

присущую культуре рубежа XX – XXI веков, оно стало «постсовременным», то есть нерасторжимо связано с парадигмой постмодерна

Социальное бытие как таковое всегда основывалось на некоторых константах, образующих саму структуру социального порядка. К их числу, безусловно, относится священное, которое, как известно, выполняет не только чисто религиозную функцию, но и является мощным механизмом создания общностей любого масштаба.

С разрушением традиционного социокультурного мира и началом активных модернизационных процессов утратила свои позиции и традиционная, «классическая» система сакрального, в основном представленная практикой институционально развитых монотеистических религий. Священное отошло на второй план или вообще было забыто. С нарастанием секуляризации оно мигрировало из религиозной сферы в основном в идеологическую, политическую – социально-идеологические цели (например, строительство коммунизма, господство арийской расы или даже строительство демократического правового государства) стали восприниматься как важнейшие, предельные. А на следующем этапе – в эпоху постмодерна – сак-

ральное мигрирует еще «дальше», перемещается в область различных социокультурных практик, прежде всего, в массовую культуру. Здесь оно становится децентрированным, игровым, симулятивным, зачастую принимает формы, которые с традиционной точки зрения со сферой священного вообще никак не связаны.

Поэтому, на наш взгляд, необходимо говорить о новых, нетрадиционных формах сакрального, «новизна» которых, прежде всего, заключается в том, что они распространяются в секуляризованном светском обществе, радикально отличаются от понимания священного в иудаизме, христианстве и исламе. Правда, сразу же нужно отметить, что новизну в данном случае можно считать условной, поскольку такое новое сакральное можно рассматривать и как возвращение, хотя бы частичное, к архаической религиозности, мифу, например, к фетишизму, анимизму, магии. Кроме того, в той или иной мере оно, конечно, имело место и в массовой культуре Средних веков, когда господствовало священное институциональных монотеистических религий.

Постмодерн как глубоко релятивистская картина мира противостоит традиционному сакральному, считая его слишком фундаментальным, всеобъемлющим, онтологичным. Однако, как уже было отмечено, сакральное неустранимо из социального бытия. Следовательно, отрицая классические формы священного, постмодерн должен предлагать что-то взамен.

Глубинное стремление «постсовременной» культуры состоит в желании устранить классическое трансцендентное, онтологическое сакральное и на его фундаментальном важном для социума месте утвердить сакральное «человеческое», по-стороннее, чудесное и сверхъестественное в котором достигается не за счет трансцензуса, а за счет углубления в психику и телесность. Другими словами, на смену божественному, трансцендентному священному приходит сакрализованное бессознательное (яркие примеры этого процесса – сакрализация инстинктивной жизни человека, интерес к измененным состояниям сознания). Постмодерн как следствие и предельная форма либерализма не хочет знать и признавать надчеловеческую реальность, предписывающую определенные ограничения, предполагающую благоговение перед высшим началом. Все это объявляется условностями, навязываемыми автономному субъекту довлеющей над ним религиозной доктриной.

Не следует забывать о том, что в архаической, домонотеистической культуре само сакральное понималось амбивалентно. С одной стороны, это было нечто запретное, посвященное божеству, а с другой – нечто опасное для человека или «грязное». Так, двойственность смысла отличала *sacer* в Древнем Риме и табу полинезийцев.

Постмодерн актуализирует именно «забытые», домонотеистические значения сакрального. Известный же большинству образ священного пока еще достаточно прочно связан с тем, как оно воспринимается в авраамических религиях единобожия, где подлинно священным является святое, которое не обладает указанным двойственным смыслом. Для человека оно всегда – благо.

Между тем, нельзя забывать о том, что святое – только один из видов сакрального, связанный с конкретным (пусть и широкораспространенным) типом религиозного миропонимания. Можно выделять и совершенно иные виды сакрального, в определенном смысле даже противоположные святому. В частности, речь может идти о таком феномене, как магическое сакральное. По сути, во многом это архаическое восприятие сакрального. Однако – и это стоит особо подчеркнуть – возрождающееся уже в совсем иной социокультурной ситуации – современной. Так, для архаического сознания сакральное могло быть слепой силой, от которой зачастую нужно было оберегаться. Или, говоря иначе, архаический человек нередко понимал священное как нечто ценностно неопределенное, амбивалентное, например, чудодейственным священным предметом мог завладеть и представитель доброго начала – культурный герой, и злой колдун. Реальный смысл волшебного предмета от этого мог кардинально измениться.

Точно также и сегодня мы можем наблюдать вызывающий противоречивые интерпретации процесс: современное масскультовое, то есть бытующее вне институциональной религии сакральное снова стало разлитой в мире безличной силой типа «мана». Эта сила дает людям и вещам особые чудесные качества без какого-либо высшего смысла, то есть как некое магическое свойство (таковы, например, современные представления о сексуальности и успехе). Получение или потеря этих качеств не требуют серьезной внутренней

работы, очищения, и вообще нередко происходят совершенно случайно. Сакральное, сверхъестественное такого типа может быть даже похищено, присвоено, найдено.

Таким образом, если игнорировать новые формы сакрального, «ушедшего» из религиозного поля или оставшегося в нем, но принимающего «маргинальные» формы, можно не увидеть важнейших процессов сакрализации, происходящих в нетрадиционном (квази-) религиозном сознании, «ареал» которого в социокультурном плане значительно шире деятельности институциональных вероисповеданий (это практически все пространство массовой культуры). Дело в том, что в традиционном обществе священное действительно так или иначе было тесно связано с собственно религиозной сферой, особенно с ритуальным ее сегментом. Когда же социальная роль религии значительно снизилась, а сущностная потребность в сакральном, всегда присущая обществу, естественно, осталась, произошел глубинный социокультурный, антропологический сдвиг, в результате которого появилось сакральное нового типа – зависимое от быстрой смены символических и ценностных парадигм. Каждая из них (символическая, ценностная картина мира) стала создавать свое сакральное – варьировать его на собственный лад, придавать ему свои формы. Специфические комплексы сакрализованных образов создали, к примеру, советский «коммунизм», американская идеология, феминизм и другие символические системы.

Иными словами, если вспомнить известное шекспировское изречение о времени «Время вышло из своих пазов» (русскоязычному читателю оно больше известно в небуквальном переводе «Распалась связь времен»), сакральное «вышло из своих пазов» и понеслось в вихре стремительных социокультурных изменений Нового и Новейшего времени. Выражаясь иначе, после указанного сдвига сакральное стало циркулировать в социокультурном пространстве, принимая самые разные формы, в зависимости от того, какой социальный порядок ему нужно легитимировать. Например, в идеологии воинствующего атеизма оно вообще приобрело «антирелигиозные» черты.

В итоге эти процессы, конечно, не могли не привести к многообразию практик сакрального, что, к примеру, отчетливо можно наблюдать в современной городской культуре (огромное количество не-

традиционных религий, стилей жизни, идеологий и так далее). Продвижение в «постсовременность» будет только усиливать данный процесс (хотя, конечно, будут иметь место и альтернативные тенденции), поскольку постмодерн постулирует принципиальный плюрализм сакрального, подрывая тем самым основания последнего, ибо в понятие сакрального входят концепты «незыблемости», «безусловности», «авторитета». «Подрывная» тактика в данном случае означает, что священное постмодерн на самом деле заменяет игрой в священное, которое таким образом становится весьма комфортным и при этом еще и выполняет развлекательную функцию.

Сакральное сейчас все больше и больше растворяется в социокультурном мире, поскольку у современного человека, как правило, нет цельной религиозной жизни в понимании классической «высокой» духовности. Религиозные представления обычно очень эклектичны. Фрагментарное, циркулирующее сакральное, вспышки магических свойств – это новый тип сакрального, который не создает традиционного опыта священного

Ярким примером постмодернистской стратегии сакрального можно считать такой культурный феномен, как гламур. Это высшее проявление и одновременно сакрализованная символическая система общества, базовые ценностные установки которого смещаются, по меткому выражению Жана Бодрийяра, в сторону демонстративного потребления [1, 14]. И здесь, кстати, нужно вспомнить, что гламур генетически связан со СМИ: гламуром обычно называют роскошный стиль жизни, рекламируемый в женских и мужских глянцевого журналов.

И в завершение сделаем акцент на еще одной по-особому актуальной сейчас социокультурной функции сакрального.

Исследователи довольно часто отмечают теснейшую связь священного с символическим миром культуры. Вполне вероятно, что эту связь можно даже назвать максимальной, предельной, поскольку именно сакральное способно в наиболее концентрированной форме выражать смыслы, предполагающие практически бесконечную интерпретацию (таково по природе своей соприкосновение с божественным, трансцендентным). Или, если вспомнить емкие определения символа, данные о. Павлом Флоренским, сакральное, как и символ,

есть «бытие, которое больше себя самого», окно в иной мир.

Неисчерпаемый символический потенциал сакрального делает его обязательным средством создания социальных символов практически всех уровней, в том числе, конечно, важным механизмом легитимации социальных порядков. Причем, как показали такие исследователи глубинных общественных функций религии, как Эмиль Дюркгейм и Томас Лукман, символические универсумы социальных порядков всегда сакрализованы. Поэтому со всей определенностью можно говорить о том, что священное стоит в центре, объединяет любую социокультурную систему, делает «очевидным», проблематизируемым ее ценностно-смысловой каркас.

В таком случае нетрадиционные формы сакрального помимо прочего легитимируют новую социокультурную реальность. Это означает, что сакрализованные смыслы не просто отражают, а концентрируют в себе новую картину мира.

В итоге логика нашей аргументации позволяет сделать предварительный вывод (он нуждается в детализации и проверке данными эмпирических исследований) о том, что по большому счету роль сакрального в жизни общества никогда радикально не снижается. Но при этом могут кардинально меняться формы самого сакрального. Большинству

концепций секуляризации этот тезис противоречит лишь отчасти, поскольку сам процесс «обмирщения» можно понимать по-разному. В рамках нашего подхода понятие секуляризации необходимо уточнить, конкретизировав его привязкой к трансформациям сакрального.

Секуляризация – это не снижение роли сакрального вообще, а переход от доминировавших в течение долгого времени образа и практики священного как святого к «низкому» (с точки зрения монотеистических религий) сакральному магического типа. Хотя в то же время – и это еще раз подчеркиваем многогранность термина «секуляризация» – допустимо и практически противоположное утверждение: распространение нового трансформированного сакрального, а с ним и нетрадиционной религиозности вообще на фундаментальном социокультурном уровне все же означает углубление процесса секуляризации. Причем не только потому, что имеет место отход от трансцендентного священного, уменьшается его влияние на жизнь общества, но и потому, что собственно религиозное миропонимание здесь исчезает, трансформируясь в магию.

Литература:

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономики знака. – М.: Академический Проект, 2007. – 335 с.

М.А. Фадеечева

НАЦИЯ КАК ИЛЛЮЗИЯ

**Фадеечева
Марианна
Альфредовна**

доктор политических наук Академик МАДИ, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Время постмодерна с его атрибутами, то есть коренными, неотъемлемыми свойствами, к числу которых можно отнести множественность суб-

культур и перманентную изменчивость, когда по принципу Кратила «даже один раз нельзя войти в одну и ту же реку», предъявляет особые требования в отношении современного государства как такового. В условиях глобального мира и интенсивных трансграничных миграций для большинства государств в ходе неорганической модернизации построение сообщества является принципиально важной задачей. Без поддержания устойчивости сообщества не только невозможно развитие, но невозможно управление, а также само существование суверенного государства.

Применительно к предыдущей исторической эпохе – эпохе модерна была найдена адекватная форма политической общности – нация. Эта

проблематика достаточно представлена в исторических и политологических исследованиях, где вполне определенно становление европейских наций связано с развитием буржуазных общественных отношений и демократическими революциями. Известны и законодатели политической моды на нацию, когда суверенитет народа пришел на смену династическому суверенитету, когда люди из подданных превратились в граждан. Социально-политический феномен был осмыслен и оформлен в концепт нации. Этот концепт оказался работающим и настолько привлекательным в своей эвристичности и политической востребованности, что был распространен не только на европейские государства, но и на все государства, которые в международном политическом дискурсе в течение всего XX века и до настоящего времени представляются как национальные государства или государства-нации. Слово «нация», добавленное через дефис, добавляло легитимности всякой власти, независимо от формы правления и политического режима, оно было призвано убедить народ в том, что власть правит от имени и в интересах народа.

Однако сложившийся мировой порядок не остался неизменным. Появились новые государства, новые политические акторы, усомнившиеся в установленных принципах международных отношений и правилах внутригосударственной жизни. Усложнилась задача выражения национальных интересов на международной арене, поддержания внешнего и внутреннего суверенитета. В связи с ростом числа политических субкультур возникли проблемы с утверждением общегражданских, всеми разделяемых ценностей внутри государств. Политические ценности оказались также релятивны, изменчивы, текучи и многовариантны, как и другие стороны жизни постмодерных обществ. В связи с этим процесс легитимации власти посредством продвижения концепта нации и конструирования феномена нации приобрел весьма противоречивый характер.

В плане осмысления новой ситуации в соответствующей отрасли политологического знания знаковой, почти культовой, явилась монография: Anderson B. *Imagined Communities. Reflection on the Origin and Spread of Nationalism*. London, 1983, которая была переведена на русский

язык и издана в Российской Федерации через восемнадцать лет: Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма* / Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с. Понимание нации как воображенного сообщества, с точки зрения автора монографии, проистекает из понимания парадоксальной сущности национализма. Б. Андерсон выделяет три таких парадокса: во-первых, объективная современность наций в глазах историка, с одной стороны, и их субъективная древность в глазах националиста, с другой стороны; во-вторых, формальная универсальность национальности как социокультурного понятия (в современном мире каждый имеет национальность так же, как имеет пол), с одной стороны, и партикулярность ее конкретных проявлений, с другой; в-третьих, политическое могущество национализмов, с одной стороны, и их философская нищета и несогласованность, с другой. Исходя из выявленных парадоксов национализма, Андерсон предлагает свое определение нации: это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное. Дефиниция нуждается в объяснении, в чем заключается воображенность, и чем определяется ограниченность. Это объяснение автор представляет в исчерпывающем, легком для понимания читателя виде. Во-первых, это воображенное сообщество, поскольку его члены никогда не будут знать своих братьев по нации, встречаться с ними или слышать о них, однако в сознании каждого живет образ их общности. Во-вторых, нация воображает себя ограниченной, так как даже самая крупная имеет границы, за которыми находятся другие нации. В-третьих, нация воображает себя суверенной, так как данное понятие возникло в эпоху Просвещения и Революции, разрушивших легитимность иерархического династического государства. В-четвертых, нация, несмотря на то, что в каждой нации существует фактическое неравенство и эксплуатация, воображает себя как сообщество, как глубокое горизонтальное товарищество. И, наконец, Андерсон пишет, что именно это воображенное политическое сообщество, это братство на протяжении двух последних столетий дает многим миллионам людей возможность не

столько убивать, сколько добровольно умирать за такие ограниченные продукты воображения.

Ссылки на эту монографию в отечественной политической науке появлялись до ее выхода в переводе на русский язык. В частности, – в статье В.А. Тишкова «Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма)», опубликованной в № 3 журнала «Вопросы философии» за 1998 г. Кроме того, в этой статье автор приходит к собственному выводу, что нация не представляет собой научную категорию и должна быть устранена из языка науки и политики, что нация – это метафора, которая обрела слишком большую эмоциональную и политическую легитимность, поэтому она не может быть категорией анализа, то есть не может быть научной дефиницией. Более того, понятие нации он относит к известному в лингвистике и семиотике явлению – проблеме слова-призрака (ghost word), когда слово возникает по недоразумению из-за ошибки писца или опечатки в словаре. И чтобы выйти из смыслового тупика, был предложен «нулевой вариант»: или все этнические общности могут называть себя нациями, или никакие.

Достаточно было только названий монографии Б. Андерсона и статьи В.А. Тишкова, чтобы вызвать крайне негативную реакцию со стороны сторонников постсоветского примордиализма. Постсоветская версия примордиалистского понимания нации в теоретико-методологическом и идеологическом отношениях существенно уступает своей советской предшественнице. Из материалистической теории она превратилась в вульгарно-материалистическую. Исторический и классовый подход сменился антиисторическим и бесклассовым, с позиций которого нации представляют собой вечные неизменные сущности, кровнородственные общности, обладающие высшей ценностью и стремящиеся обрести свою государственность. То же произошло и с пониманием национализма. Советские критики национализма определяли его как буржуазную политику и идеологию в отношениях между нациями. Они резко осуждали национализм империалистической буржуазии с его крайними проявлениями – расизмом и шовинизмом, как орудие реакционной политики. На основании классового подхода, в освобождавшихся от коло-

нальной зависимости странах, выделялся «хороший» национализм, имевший прогрессивную сторону и общедемократическое содержание. Однако в условиях социализма национализм был признан вредным пережитком. В постсоветском примордиализме национализм, несмотря на его (по Андерсону) нищету и пустоту, является системообразующим принципом в «теоретическом» отношении и «священной коровой» в отношении политическом. В постсоветском примордиализме нация и национализм из предмета научного анализа превращаются в предмет веры. В научной литературе достаточно полно представлены принципиальные различия примордиалистского и конструктивистского подхода к нации и национализму. Стоит заострить исследовательское внимание на том, что между ними не может быть диалога, не может быть научной дискуссии, так как они относятся к принципиально разным мыслительным парадигмам: фидеистической и рационалистической.

Во времена постмодерна в рамках рационалистической парадигмы и конструктивистского подхода зарождается сомнение не только в вечности и неизменности наций как кровнородственного феномена, но и в гражданской нации как высшей форме социально-политической общности людей. В постмодерных обществах из воображенного, виртуального сообщества как возможного, такого, которое может или должно появиться, нация все более превращается в иллюзорное сообщество – обманчивое, призрачное, кажущееся. Она превращается в иллюзию общности – ошибочное представление, вызванное вольным или невольным обманом политических чувств. Нация как иллюзия представляет собой в политическом сознании искаженное восприятие действительности, является как нечто, виденное в прошлом, а в будущем – необоснованная надежда и несбыточная мечта.

Превращение нации из воображенного сообщества в иллюзию общности обусловлено целым рядом социально-политических обстоятельств. Прежде всего, меняется та объективная реальность, которая была обозначена понятием «нация». Происходит возврат «якобы к старому», возврат к донациональному состоянию локальных территориальных и экстерриториальных сообществ с мобилизованной и полити-

зированной этничностью. Это именно возврат «якобы к старому», потому что донациональное состояние относится не к традиционному обществу, а возникает на новой основе в обществах постмодерна. То, что все современные государства представляют собой государства-нации – иллюзия и результат заблуждений европейского либерализма, проявление комплекса вины бывших колониальных держав, позволяющих относить к национальным любое государство, даже с абсолютно коррумпированной властью и бесчеловечным, вплоть до людоедского, режимом. Вместе с тем, в государствах с развитыми демократическими режимами происходит «усекновение» демократии, вытеснение демократии администрированием, утрачиваются качества гражданского и гражданственного поведения. В развивающихся демократиях и государствах с квазидемократическими политическими режимами распространяется конфликтная политическая культура, «черно-белое» политическое мышление, препятствующее формированию гражданской общности. Не последнюю роль в социально-политической разобщенности играет фактор увеличения этнокультурного и этноконфессионального многообразия населения. Существенной проблемой для современных государств, в особенности для государств, имеющих большую территорию и многочисленное население, представляется неодновременность и неравномерность развития их регионов с разным ресурсным потенциалом, темпами экономического развития, существенными различиями в уровне жизни населения. Внутри государственных границ заключены сообщества разного типа, живущие в разных темпоральных измерениях. Сложный комплекс причин приводит к усилению социальной напряженности, к нарастанию внутренних беспорядков и углублению конфликтов в пределах так называемых наций.

Можно утверждать, что всей истории возникновения и существования наций сопутствовали научные дискуссии, политические дебаты и обывательские споры о сущности наций и природе национализма. Не поддается подсчету количество определений нации и национализма, существующих в зарубежной «нациологической» литературе. Не меньшее, если не большее

их количество присутствует в отечественной науке. В основном, эти определения представляют собой парафраз на тему классического непревзойденного определения нации, сформулированного И.Сталиным в работе «Марксизм и национальный вопрос», согласно которому нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры.

Однако современные «нации» не укладываются в прокрустово ложе определений и не в полной мере соответствуют набору необходимых «признаков», представляя собой список исключений из правила, что и приводит к известному выводу об имманентной дефективности дефиниции нации. Несмотря на развернутую систему доказательств того, что нация не может быть категорией политической науки, в этом возникает некоторое сомнение. Понятия и категории науки, в том числе политической, не вечны и неизменны, они носят исторический характер, то есть появляются в определенную историческую эпоху, схватывают конкретную объективную реальность, наполняются определенным содержанием и приобретают соответствующий содержанию объем. Забвение этой уставшей истины философии и формальной логики, вытеснение ее на периферию научного сознания, может привести к заблуждению. Проблема заключается не в том, что то или иное понятие не может быть научным понятием, а в том, что его невозможно применить в традиционном, исторически сложившемся понимании к изменившейся реальности. Категория нации в политической науке и политике постмодерна не выполняет тех функций, которые она выполняла со времен ранних буржуазных революций, а феномен современных государств не укладывается в концепт национального государства в его классическом понимании. Понятие нации исторически ограничено. Понятие нации превращается в понятие с пустым объемом, потому что исчезает нация как объективная социально-политическая реальность: в постмодерне живут не нации, а части несчастной человеческой популяции, разделенной государственными границами.

Л.М. Андрюхина

ВИРТУАЛИСТИКА КРЕАТИВНОСТИ В МЕНЕДЖМЕНТ- И БИЗНЕС-ДИСКУРСЕ

Андрюхина
Людмила
Михайловна

доктор философских
наук, профессор Ураль-
ского Гуманитарного
Института,
ученый секретарь УрО
РАО, академик МАДИ

Одна из проблем и тайн креативности заключается в том – каким образом в мире, бытии возникает и укореняется иное (новое), и откуда оно приходит в этот мир. Философы искали и продолжают искать ответ на этот вопрос, сопрягая бытие и ничто, бытие и время, идеальное и материальное, единое и многое (модальности бытия), естественное и сверхестественное (божественное), индивидуальное и коллективное, сознательное и бессознательное, рациональное и иррациональное, длительность (поток, автоматизмы) и интуицию и т.д. И каждое из этих сопряжений дает свои концепции и ракурсы осмысления креативности. Вместе с тем XXI век вносит новые модальности в рассмотрение этой вечной темы. Это связано с социокультурной проявленностью виртуальности и дискурса.

В отличие от традиционного мировоззрения, в рамках которого принято считать, что существует одно (монизм), два (дуализм) или несколько (плюрализм) исходных, вечных, абсолютных, не сводимых друг к другу, «начал» («видов бытия», «стихий» и т.п.), которые порождают все остальные реалии при этом, исходные «начала» считаются истинными, реально существующими, а все остальное – порожденным, неистинным и даже нереальным, в виртуалистике [8] считается, что порожденное обладает таким же статусом реальности и истинности, как и порождающее, что временность существования не делает событие менее существенным, чем породившее его «нача-

ло». «Мир в целом, как и любая его часть, видится таким, в котором события порождаются, действуют, сами порождают другие события, умирают или включаются в другие события и т.д. – и все это *реально* существует. Мир получается многослойным, сложным, непостоянным, в котором все время порождаются и умирают его части и даже целые слои. И все это истинно, поскольку существует; каждая часть существует на собственных основаниях. И нет ограничений ни «вверх», ни «вниз», ни «вширь», ни «вглубь»» [8].

С позиций виртуалистики становится возможным найти место различным концепциям креативности, и оценить их полноту и возможности. Концепция латерального мышления Эдварда де Боно, сформировавшаяся задолго до периода активного осмысления феномена виртуальности, вместе с тем удивительным образом отвечает современным представлениям в этой области. Сущность творчества или креативности Боно видит в выходе за рамки проторенной логической колеи мышления через «скачок» в сторону, «в бок» (буквальное значение термина «латеральный») и в последующем сопряжении различных открывающихся реальностей. То есть идея выхода в иное (в данном случае мы можем сказать в виртуальное измерение), в иную реальность понимается здесь как ядро творческого процесса. Концепция, разработанная Г.С. Альшуллером, может быть интерпретирована как поиск алгоритма помещения решаемой задачи, проблемы в различные системные контексты и отслеживание тех преобразований, которые происходят с решаемой задачей в этих новых реальностях (от моносистемы – к полисистеме). Базовая идея НЛП в отношении креативности заключается в том, что если вы способны расширить или усовершенствовать собственную карту реальности, вы сможете воспринимать большее количество альтернатив в той же самой реальности. Базовое предположение НЛП – концепции креативности (Р.Дилтс) гласит: чем шире и богаче ваша карта мира, тем больше возможностей справиться с любыми трудностями предоставляет вам реаль-

ность (в том числе, можно сказать, и виртуальная реальность). Работа с картами реальности главный инструмент креативности в этой концепции. Другой известный исследователь феномена креативности, также базирующийся на нейролингвистическом подходе, Гарри Алдер показывает взаимосвязь креативности и среды, креативности и культурного контекста. Гибкость как умение оперировать различными культурными контекстами – это тот новый аспект, который вместе с тем еще в большей степени сближает современные концепции креативности и виртуалистику, так как культурные миры могут быть реконструированы и собраны в некий паттерн как своего рода виртуальные реальности.

Особое значение идеи виртуалистики (здесь мы не связываем эту область исследований только с группой авторов, объединившихся в России вокруг выше цитируемого манифеста) приобретают для современного менеджмента и бизнеса. Еще Питер Друкер писал о менеджере как о лидере перемен, который умеет видеть в изменениях новые возможности, открывать, так называемые «окна возможностей» [4]. По словам П. Друкера, новые идеи сегодня перестали быть «озарениями гения», креативность, работа в поле постоянно меняющейся и постоянно изменяемой реальности становится одной из функций менеджмента. Менеджер должен сегодня уметь работать с различными моделями реальности, развивать другой масштаб и тип мышления, который можно назвать вероятностным, поливариантным или по-сути виртуалистическим.

Виртуальность в этом смысле – это то что реально присутствует в социальном, что особенно очевидно в практике бизнеса и менеджмента. Д.В. Иванов один из первых [5] предпринял попытку обнаружения признаков виртуальной реальности во всех сферах общества. Он отмечает, что виртуализация – это любое замещение реальности ее симуляцией, образом – не обязательно с помощью компьютерной техники, но обязательно с применением логики виртуальной реальности.

Виртуальная реальность приобретает также вариант осмысления, основанный на теории симулякров Ж. Делеза, Ж. Бодрийяра и др. Так специалисты по маркетингу разрабатывают целую новую область, получившую название мифодизайн. Здесь речь идет уже о креативном констру-

ировании мифов как основания нового, предлагаемого людям стиля, образа жизни, связанного с новым видением реальности, новой картиной мира. В книге А.Ульяновского [11] мы найдем не только тщательно проработанную типологию социальных маркетинговых мифов и техник их конструирования, но и детальнейшее описание их вписывания в коммуникативно-предметные поля, в картину мира потребителя, инструкции по составлению матриц коммуникации и матриц доверия, и даже правила обучения мифодизайну в системе высшего образования.

Собственно функции культурогенеза, как это ни покажется некоторым странным и сомнительным, все больше переходят из сферы искусства в сферы бизнеса, технологий менеджмента и маркетинга. Деловая активность – это сегодня одна из наиболее динамичных и пластичных форм человеческой деятельности, которая прибегает к различным формам и техникам конструирования моделей образа жизни, желаний, интересов и потребностей своих клиентов. Так в когнитивном маркетинге представляется, что любая организация окружена своего рода когнитивным эфиром. «Грязная майка грузчика может «зарезать» всё, что мы втолковываем людям о качестве своего сервиса, а утечка информации с производства может породить слух, который навсегда запятнает старательно слеplенный продуктовый бренд» [12]. Необходимо, чтобы коллективное и индивидуальное восприятие персонала было настроено на нужный гештальт, то есть, чтобы люди видели общую картину и ясно понимали свою роль в ней» [12]. Когнитивный маркетинг видит своей целью выявление когнитивных ядер, которые являются центрами притяжения желаний и ожиданий людей. Считается, что нельзя создать когнитивное ядро-генератор с нуля. Мы можем только найти подходящее, которое уже присутствует в когнитивном ландшафте данного общества (рынка). В качестве таковых могут выступать присутствующие в обществе парадигмы, мифы или сценарии, системы ценностей. Говоря точнее, это всё – проявления имеющихся в когнитивном эфире ядер, по которым они могут быть замечены. Каждое ядро диктует определенный набор ценностей, предлагает определенный набор мифов и сценариев [12].

Актуализация представлений о виртуальной реальности, особенно в ее собственно информационном измерении сделала очевидной роль и более того онтологизировала (перевела в статус онтологии) феномены языковой реальности. В их числе дискурс становится тем новым измерением, в котором все больше видится источник креативности в самых различных сферах социального.

В интереснейшей работе трех авторов С.Титц, Л.Коэн, Д.Массон [10] рассматривается креативная роль языка в развитии и изменении организационной реальности. Через всю книгу – от главы к главе авторы проводят главную мысль: «Язык – не «просто посланник королевства реальности», использовать язык – значит, участвовать в социальном процессе конструирования определенных реалий» [10, 27]. Язык одновременно и создает и отражает организационные реалии. «Люди одновременно и «подвешены» в сетях значений, и активно создают эти сети благодаря своему участию в социальном мире» [10, 306]. Организационные миры значений постоянно конструируются и переконструируются, а поэтому выявление тонких технологий речевых, дискурсивных практик влияния, овладение ими – это высший пилотаж бизнеса и менеджмента, а также других сфер социального мира. Авторы рассматривают роль переинтерпретаций, мифов, метафор, наратива, дискурса, культур как сетей значений, языка лидерства, роль особенностей создания значения в век электроники и др. в изменении организаций, в порождении организационной реальности.

В этой связи актуализируются философские исследования такого феномена как «картина мира». На наш взгляд, исследования картины мира, в целом слоя предпосылочного знания (парадигмы, стили, научно-исследовательские программы, эталоны, эпистеме, тематический анализ науки и др), порождающих механизмов научного познания, выполненные на этой основе историко-культурные реконструкции развития науки, художественного познания и других сфер культуры создали фундамент для современной поливариативной интеллектуалистики постмодерна, а для России послужили формой высвобождения и аккумуляции того, что можно сегодня назвать интеллектуальными ресурсами экономики знаний. При этом само проблемное поле исследований, сформировавшееся еще в советское время

вокруг концепта «картина мира» не утрачивает свою актуальность, но, прорастая в современные дискурсивные практики, приобретает новые модальности, формируя тем самым новые тренды и точки роста.

С развитием информационной экономики интеллектуальный капитал организаций становится одним из главных ресурсов, определяющих конкурентоспособность. К интеллектуальному капиталу относится в частности организационный интеллектуальный капитал, включающий марки, товарные знаки, бренды – язык организаций, а также готовность организации обучаться и управлять знаниями. Становление информационной экономики повышает значимость и делает видимыми структуры корпоративного знания. В относительно новой области, зарождающейся в менеджменте, но приобретающей междисциплинарный характер, в менеджменте знаний такие хорошо известные философам феномены, как парадигма, картина мира, в том числе языковая картина мира, становятся мощным инструментом такого управления. Так, функции картины мира, выявленные ранее в эпистемологии, в сфере управления знаниями приобретают свое инструментальное воплощение в инжиниринге знаний. Управление знаниями невозможно без построения онтологий (которые собственно и есть картины предметной области знаний). Онтология – это спецификация концептуализации по определению Тома Грубера [Gruber, 1993], впервые применившего это понятие в области информационных технологий. Так философский термин, как отмечает Т.А. Гаврилова [2], означающий учение о бытии переместился в область точных наук, где полуформализованные концептуальные модели всегда сопутствовали математически строгим определениям. Под определение онтологии попадают многие понятийные структуры: иерархия классов в объектно-ориентированном программировании, концептуальные карты (concept maps), семантические сети, и т.п. Такие функции картины мира [6] как генеративная, трансформативная, регулятивная, репрезентативная, знание – и смыслопорождающая, перосмысляются в новом контексте развития и приращения интеллектуального капитала корпораций. В целом в современной культуре и социальных практиках возрастает роль порождающих, генеративных функций картины

мира (этой своего рода ментально конструируемой виртуальной реальности). Генеративные функции картины мира заключаются уже в том, что картина мира – это *определенное именование и тем самым «переразбиение» бытия*.

Вместе с тем многие современные реалии были предвосхищены в трудах русских философов, написанных еще на рубеже XIX веков. Уже в трудах А.Ф.Лосева именование, присвоение имени рассматривалось как сущность креативного процесса. Как, показала в своих исследованиях Л.А. Гоготишвили [3] «сотворить по Лосеву, значит «назвать»», отсюда в осмыслении творчества на первый план у Лосева выходит выразительный, коммуникативный аспект. Лосевым осуществляется «сдвиг ракурса с субстанциально-сущностного на энергетически-коммуникативный» [3, с.885]. Творчество заключено, прежде всего, в акте наименования, но имя – это заявление некоего нового бытия в ином, пока нечто не поименовано, оно не существует, не может быть воспринято. Удержание в ином через понимание в коммуникативном поле бытия становится необходимым условием и внутренним элементом творчества. Но именно благодаря виртуальной реальности и дискурсу становится возможным *первичное осмысление и удержание нового* в пространстве заявляемой реальности. Картина мира как некий симулякр, «сплав» дискурса и виртуальной реальности, может быть понята как своего рода эфир креативности, т.е. ею вызывается к жизни такая топология бытия, которая открывает просветы для нового.

Если в эпистемологических исследованиях результатом функционирования картины мира являлось становление новых концепций и теорий, то в своих новых онтологических модальностях картина мира становится основанием конструирования других симулякров (брендов, мифов, имиджей, моделей и стилей жизни, новых желаний, интересов и потребностей) и виртуальных миров. Кроме того, если ранее картине мира отводилась в большей степени функция социокультурного фильтра, отсеивающего, невоспринимаемые в поле культуры, предзаданной картиной мира, эпистемологические феномены, то сегодня картина мира понимается скорее не как фильтр, но как паттерн или фрактал, открывающий новые серии смыслов и возможностей, новые тренды

развития. Картина мира сегодня обращена не в прошлое, но в будущее, она не ретроспективна и перспективна, а точнее мультиперспективна.

Изменение картины мира осмысляется по аналогии с переключением гештальта. В книге Джоэла Баркера «Парадигмы мышления. Как увидеть новое и преуспеть в меняющемся мире» [1], хорошо известная модель смены парадигм, описанная Т.Куном применительно к развитию науки, получает новое осмысление в качестве современной креативной технологии изменений. Смена парадигмы, ее преобразование, предвидение и формирование новых парадигм (социально-регулятивных форм картины мира) видится Баркером как источник инновационных трансформаций в бизнесе. Интересно в этом случае то, что чисто эпистемологические механизмы обретают реальность социальных креативных технологий, ведущих к инновационным изменениям.

В известной книге И.Нонака, Х.Такеучи «Компания – создатель знания» [7] представлена концепция управления знаниями, признанная во всем мире как основополагающая в этой области. В основательном философском экскурсе о природе знания, авторы по сути приходят к выводу, что именно особенности картины мира, характерные для японской культуры, в отличие от американской, позволили японским предприятиям преуспеть в сфере управления знаниями, и добиться удивительных успехов в сфере инноваций. Суть этой картины мира согласно авторам выражается в трех интеллектуальных традициях японского воззрения на мир: это единство человека и природы, единство тела и сознания, единство человека и его окружения. Именно эти особенности позволили сформировать концепцию управления знаниями, которая впервые поставила вопрос не только в русле организации и трансформации уже накопленных информации и знаний, но с точки зрения порождения, создания нового знания.

Таким образом, виртуалистика позволяет приблизиться к пониманию феномена и техник креативности, при этом дискурс и дискурсивная реальность получают свое осмысление как ресурс креативности и первичная форма ее проявления в социальной реальности. Организационная реальность менеджмента и бизнеса в свою очередь иллюстрирует работу социальных полей креатив-

ности, их многослойную виртуально-дискурсивную природу.

Литература:

1. Баркер Дж. Парадигмы мышления. Как увидеть новое и преуспеть в меняющемся мире, М.: Альпина бизнес букс, 2007.
2. Гаврилова Т.А. Использование онтологий в системах управления знаниями. http://kmsoft.ru/publications/library/authors/ontol_podhod_to_uz.html.
3. Гоготишвили Л.А. Коммуникативная версия исихазма// Послесловие к книге: Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994.
4. Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке. – М., 2001
5. Иванов Д.В. Виртуализация общества: <http://lib.ru/>

POLITOLOG/ivanov_d_v.txt.

6. Лойфман И.Я. Научная картина мира. Ее уровни и функции в познании // Анализ системы научного познания, Свердловск: Изд-во УрГУ, 1984.
7. Нонака И., Takeuchi X. Компания – создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах.- М., 2003.
8. Носов Н.А. Манифест виртуалистики. - М.: Путь, 2001.- 17 с.
9. Носов Н.А. Виртуальная философия. <http://docs.google.com/gview>.
10. Титс С., Козн Л., Массон Д. Язык организаций. Интерпретация событий создание значений. – Х., 2008.
11. Ульяновский А.В. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы.- СПб: Питер, 2005.
12. Уфимцев Р. Магия когнитивного маркетинга//Новый маркетинг, № 2,3, 2008.

В.О. Лобовиков

О НЕЭФФЕКТИВНОСТИ РЫНОЧНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ: ДОКАЗАТЕЛЬСТВО (В ДВУЗНАЧНОЙ АЛГЕБРЕ ФОРМАЛЬНОЙ АКСИОЛОГИИ) ТЕОРЕМЫ О ФОРМАЛЬНО-АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ И ЕЕ РЫНОЧНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Лобовиков
Владимир Олегович

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, академик МАДИ

Согласно доминирующей в настоящее время экономической теории, принято считать, что, во-первых, государственное управление экономикой неэффективно и, во-вторых, в отличие от государственного управления, рыночное самоуправление в экономике эффективно. Надо просто оставить экономику в покое (ничего государственного по отношению к ней не делать) и тогда все станет хорошо: рыночная экономика будет саморегулирующейся, самоуправляемой, гарантирующей счастье. Однако реальная жизнь подсказывает, что

упомянутая абстрактная теория – не что иное как либертарианская (анархистская) утопия, стремящаяся вытеснить конкурирующую с ней утопию тоталитарного государственного управления экономикой как гарантии ее эффективности.

В настоящий момент – в обстановке кризиса рыночной экономики – использованное в названии данной работы словосочетание «неэффективность рыночного самоуправления в экономике» представляет особый интерес. Однако в работе речь идет не о преходящей (сиюминутной) «злобе дня», а о *фундаментальном* формально-аксиологическом законе, действующем всегда и везде. В тезисах нет возможности дать точные определения всех используемых в работе понятий, поэтому, отсылаю читателей к публикациям, в которых эти определения даны [1–3]. В дополнение к дефинициям, содержащимся в указанных публикациях, определим значения введенных в данной работе символов, обозначающих *бинарные* операции алгебры формальной аксиологии, построенной на множестве поступков. В этой алгебре исследуются ценностные функции, областью изменения значений которых является множество

{х (хорошо), п (плохо)}. Областью допустимых значений переменных этих функций является то же самое множество. Элементы упомянутого множества называются аксиологическими значениями поступков (и субъектов). Отвлеченные от конкретного содержания аксиологические формы простых поступков играют роль ценностных переменных.

Глоссарий для таблицы 1. Пусть символ Y_{2av} обозначает ценностную функцию от двух переменных «управление (чем, кем) a , осуществляемое (чем, кем) b ». Символ C_{2av} обозначает ценностную функцию «ответ на действие a действием b ». K_{2av} – «объединение (чего, кого) a и (чего, кого) b ». S_{2av} – «сепарация, т.е. разделение, (чего, кого) a и (чего, кого) b ». W_{2av} – «ограничение как a , так и b », т.е. объединение ограничения a с ограничением b . Ценностно-функциональный смысл перечисленных бинарных операций алгебры поступков точно определяется следующей ниже таблицей 1.

Таблица 1.

a	b	Y_{2av}	C_{2av}	K_{2av}	S_{2av}	W_{2av}
х	х	п	х	х	п	п
х	п	п	п	п	х	п
п	х	х	х	п	х	п
п	п	п	х	п	х	х

Глоссарий для таблицы 2. Пусть символ Γ^1a обозначает ценностную функцию от одной переменной «государство, государственный характер (чего, кого) a , государственное, осуществляемое государством (что) a ». Символ $\mathcal{A}^1a$ обозначает ценностную функцию «экономика, экономичность, экономический характер (чего, кого) a , экономическое, экономичное, реализуемое экономикой (что) a ». P^1a – «рынок, рыночный характер (чего, кого) a , рыночное, осуществляемое рынком (что) a ». O^1a – «ограничение, ограниченность (чего, кого) a ». M^1a – «местное, региональное (что) a , локальность (чего, кого) a ». $\mathcal{C}^1a$ – «частное, частичное (что) a , частность, частичность (чего, кого) a ». D^1a – «дискретное (что) a , дискретность (чего, кого) a ». R^1a – «редкое (что) a , редкость (чего, кого) a ». B^1a – «кратковременное (что) a , кратковременность (чего, кого) a ». H^1a – «неэффективное (что) a , неэффективность (чего, кого) a ».

Таблица 2.

a	Γ^1a	$\mathcal{A}^1a$	P^1a	O^1a	M^1a	$\mathcal{C}^1a$	D^1a	R^1a	B^1a	H^1a
х	х	х	х	х	п	п	п	п	п	п
п	п	п	п	п	х	п	х	п	х	п

В алгебре формальной аксиологии ценностные функции называются формально-аксиологически эквивалентными, если и только если они принимают одинаковые аксиологические значения при любой возможной комбинации аксиологических значений переменных. Отношение формально-аксиологической эквивалентности ценностных функций обозначается символом « $=+$ ». Используя сказанное выше, нетрудно получить следующие уравнения (формально-аксиологические эквивалентности).

- 1) $\Gamma^1a=+=\mathcal{A}^1a=+=a$.
- 2) $\mathcal{A}^1a=+=P^1a=+=a$.
- 3) $Y_2\mathcal{A}^1a\Gamma^1a=+=Y_2\mathcal{A}^1aP^1a$.

Более того, нетрудно заметить, что Y_{2aa} – тождественно плохая функция-константа. Но в таком случае не только $Y_2\mathcal{A}^1a\Gamma^1a$, $Y_2P^1a\Gamma^1a$ суть универсально плохие аксиологические формы деятельности, но и $Y_2P^1aP^1a$, $Y_2\mathcal{A}^1aP^1a$, $Y_2P^1a\mathcal{A}^1a$, $Y_2\Gamma^1a\mathcal{A}^1a$, $Y_2\Gamma^1aP^1a$ тоже являются тождественно плохими функциями-константами.

В алгебре формальной аксиологии ценностные функции (аксиологические формы деятельности) называются законами (этой алгебры) или тождественно хорошими (функциями-константами), если и только если эти функции принимают значение «хорошо» при любой возможной комбинации аксиологических значений переменных. В исследуемом нами конкретном случае формально-аксиологическими законами являются любые функции-инверсии перечисленных выше тождественно-плохих функций. Например, законами (тождественно-хорошими аксиологическими формами) являются ценностные функции: O^1Y_{2aa} ; $O^1Y_2\mathcal{A}^1a\Gamma^1a$; $O^1Y_2P^1a\Gamma^1a$; $O^1Y_2\Gamma^1a\mathcal{A}^1a$; $O^1Y_2\Gamma^1aP^1a$; M^1Y_{2aa} ; $M^1Y_2P^1aP^1a$; $\mathcal{C}^1Y_{2aa}$; $\mathcal{C}^1Y_2P^1aP^1a$; $\mathcal{C}^1Y_2P^1a\Gamma^1a$; $\mathcal{C}^1Y_2\Gamma^1aP^1a$; $B^1Y_2P^1a\Gamma^1a$; $B^1Y_2\Gamma^1aP^1a$; $D^1Y_2P^1a\Gamma^1a$; $D^1Y_2\Gamma^1aP^1a$; $H^1Y_2\mathcal{A}^1a\Gamma^1a$; $H^1Y_2P^1a\Gamma^1a$; $H^1Y_2\Gamma^1aP^1a$; $H^1Y_2\mathcal{A}^1aP^1a$; $H^1Y_2P^1aP^1a$.

Неэффективность рыночного самоуправления (очевидная во время кризисов) и ее формально-аксиологическая равноценность неэффективности государственного управления рынком (очевид-

ной во время между кризисами) – серьезное основание для того, чтобы обратить внимание на следующие фундаментальные формально-аксиологические законы, действующие всегда и везде (как во время кризисов, так и между ними): $S_2Y_2P^1a\Gamma^1aY_2P^1aP^1a$; $W_2Y_2P^1a\Gamma^1aY_2P^1aP^1a$. Итак, на основании представленных выше результатов исследования дискретной математической модели самоуправления, можно сделать следующий вывод: неэффективность рыночного самоуправления в экономике существует всегда и везде, но становится очевидной лишь в пространственно-временных границах кризисов.

Литература:

1. Лобовиков В.О. Математическая логика естественного права и политической экономики. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 630 с.
2. Лобовиков В.О. Математическая этика, метафизика и естественное право. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. – 460 с.
3. Lobovikov Vladimir. Mathematical Logic as a Particular Case of Mathematical Ethics (Algebra of Formal Ethics as a Generalization of Algebra of Formal Logic) // Proceedings of 7th Pan-Hellenic Logic Symposium (July 15-19, 2009). Patras, Greece: University of Patras, 2009. P. 136-139.

О.Ф. Русакова

ДИСКУРС И ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Русакова
Ольга Фредовна

доктор политических наук, профессор,
заведующая отделом философии Института философии и права УрО РАН, президент МАДИ
E-mail:
rusakova_mail@mail.ru;
dipi@nm.ru

Под *дискурсом* как одной из центральных категорий современного научного знания мы понимаем сложноструктурированное ментальное образование, выполняющее следующие коммуникативно-семиотические и дисциплинарные функции:

- функция *означивания и оценки феноменов реальности* (символизация и ценностная ориентация),
- функция *смыслопроизводства*, нацеленная на формирование определенного мировидения и миропонимания,
- функция *интерпретации* рассматриваемых объектов,
- функция *идентификации и позиционирования* исследуемых объектов,

- функция *реализации коммуникативно-познавательных стратегий*, связанных с производством, трансляцией и воспроизводством знания,
- функция *дисциплинарной нормативности*, связанная с определением проблемно-тематического содержания и предметных границ той или иной дисциплины.

В структурном плане дискурсы академических дисциплин можно представить в виде определенных *когнитивных решеток* или *ментальных фильтров предпочтения* (мировоззренческих, концептуальных, образно-символических и др.) на базе которых формируются системные представления об изучаемых объектах.

В самом общем виде *дискурс политической философии* представляет собой динамичную когнитивную решетку, выполняющую функции *теоретического структурирования, моделирования, интерпретации и оценки феноменов политической жизни*.

Когнитивная решетка дискурса политической философии может быть представлена следующими ключевыми параметрами:

- 1) тип рациональности,
- 2) философско-мировоззренческая установка,
- 3) ценностно-идеологическая ориентация,
- 4) парадигмы и теоретико-методологические стратегии,

5) образовательно-просветительские стратегии (разъяснение смыслов, убеждение, внушение и др.),

6) концептосфера (совокупность базовых концептов как смысловых полей интерпретаций),

7) нарративно-текстовые формы репрезентации идей (стили, жанры, сценарии, композиции, тропы и др.),

8) контекстовые компоненты (культурно-исторический контекст, интеллектуальный контекст, биографический контекст и др.).

Первый параметр – тип рациональности – определяет самую общую эпистемологическую установку в осмыслении политической реальности. Все другие параметры можно рассматривать в качестве вариативных репертуарных компонентов того или иного типа рациональности.

Обычно выделяют три типа рациональности – классический тип, неклассический тип и постнеклассический тип². Соответственно можно говорить о трех основных типах дискурсов политической философии: дискурс классической политической философии, дискурс неклассической политической философии, дискурс постнеклассической политической философии. В политико-философском творчестве можно обнаружить также дискурсы смешанного типа, соединяющих черты различных видов рациональности.

Дискурсы политической философии весьма разнообразны по сочетанию своих структурных компонентов. Взяв в качестве основного критерия рассмотрения типов политической философии определенный тип рациональности, постараемся далее выявить конкретные дискурсные вариации классической, неклассической и постнеклассической политической философии.

С нашей точки зрения, основными чертами дискурса классической политической философии являются:

- монизм,
- логоцентризм,
- телеологизм.

Монизм или монистический взгляд на политическую сферу предполагает существование некоего первоначала, перводвигателя, некой первоосновы развития политической жизни общества. Обычно в роли перводвигателя выступают следующие универсальные силы: Логос, Космос,

Природа, Бог, Абсолютный Дух, Абсолютный Разум, Абсолютная Свобода. Монистическая установка лежит также в основе теоретических моделей, где в качестве перводвигателей выступают социогенные силы (социальная борьба, общественное производство, социальная креативность, традиции, верования, научно-технический прогресс, информатизация и т.п.) или антропогенные силы (человеческий разум или рациональность, психика, воля, человеческие потребности, интересы).

Логоцентризм означает усмотрение в мире политики некой предустановленной гармонии, определенной четкой иерархии, убеждение о существовании общих универсальных законов, задающих порядок организации политической жизни. Неупорядоченность, хаос рассматриваются как аномалии, патологии.

Телеологизм – это усмотрение в политических процессах, институтах и отношениях некоего замысла, проекта, цели, сценария, по которому развивается ход мировой политики. Обычно телеологизм связан с представлением о конечной цели, на реализацию которой объективно направлен историко-политический процесс. Телеологизм также предполагает разработку линейной или линейно-поступательной модели исторического и политического времени.

В конце XIX – начале XX вв. в интеллектуальном философско-политическом пространстве появляется и распространяется дискурс особого рода, соединяющий в себе черты рационализма классического типа (к примеру, монизм и логоцентризм) и элементы, характерные для дискурса неклассического типа, связанные, прежде всего, с критической оценкой либеральной стратегии проекта Просвещения. В рамках политической философии данного типа формируется представление о новом политическом субъекте, способном к радикальному обновлению существующего мира, субъекте, наделенном особой социальной энергией и сильной политической волей. Данного рода дискурс в нашей классификации получил название «дискурс политической философии переходного типа».

Дискурс политической философии переходного типа

Воля, власть, сила, практицизм, нигилизм, энергичная политическая борьба, социально-пре-

образовательная деятельность – таковы новые идейные установки, которые характеризуют дискурс политическую философию переходного типа. Историческим контекстом данной разновидности политического философствования выступают переходные эпохи, маркированные кризисными процессами в различных сферах общественной жизни.

Наиболее ярко дискурс политической философии переходного типа представлен, на наш взгляд, в творчестве Фридриха Ницше и Владимира Ильича Ленина.

В философско-политическом дискурсе Ф.Ницше классический принцип монизма трансформируется в неклассическую парадигму под названием «воля к власти». Именно этим понятием Ницше озаглавливает свою ключевую работу по политической философии³.

Единственной системой ценностей для Ницше является та, которая выступает шкалой степеней силы. Ницше разработал целое учение об иерархии рангов, согласно которому каждый ранг устанавливается в зависимости от количества власти. «Мысли мои вертятся не вокруг степени свободы, которую следовало бы предоставить тому или иному, но о степени *власти*, которую тот или иной над другими или над всем должен осуществлять, то есть насколько определенное жертвование свободой, даже порабощение, дает базу для возникновения *высшего типа*»⁴.

Иерархическая модель общественной жизни, представленная в творчестве Ницше свидетельствует об его приверженности принципу логоцентризма, что, в свою очередь, говорит о классических чертах его философско-политического дискурса.

К людям высшего ранга Ницше относит тех индивидов, у кого воля к власти, а, следовательно, воля к жизни, проявляется особенно ярко. Это люди сильные прежде всего духом. Сила их духа заключается в способности выступать против распространенных норм морали, религиозных догм и учений. Это люди – аристократы духа, господ, которым чужда рабская психология, рабское смирение перед Богом, христианской церковью, законами, правом и другими институтами политической власти. Людей данного типа Ницше называет словом «сверхчеловек».

Сверхчеловек как наиболее сильный человеческий вид, по Ницше, противостоит массе рабов и

посредственных людей. Посредственности, объединенные идейно и политически, представляют собой огромную силу. Их мировоззренческими основаниями являются христианство, официальная мораль, социализм, либерализм среднего класса.

Христианская религия, по Ницше, есть религия, поддерживающая стадные инстинкты слабых, угнетенных людей, в то время, как «высший человек» отличается бесстрашием и умением бросить вызов несчастью. Христианская мораль рассматривается как «кардинальное преступление против жизни», поскольку она выступает в роли *консервирующей и* солидаризирующей силой слабых людей, направленной против людей сильных.

В социализме Ницше усматривает ту же беду, что и в христианской морали. Социализм определяется им как до конца продуманная тирания ничтожнейших и глупейших, т.е. поверхностных, завистливых и актерствующих.

Либерализм среднего класса, по Ницше, обладает определенным полезным свойством – стремлением к социальной стабильности. Среднему классу буржуазии «не нужны ни революции, ни социализм, ни милитаризм». В то же время слово «либерализм» трактуется им как синоним консервативной заурядности, т.е. посредственности. Либеральный парламентаризм и либеральные идеи свободы слова для Ницше мало чем отличаются от социалистических и анархических воззрений, поскольку также делают ставку на массу посредственных людей. Вся европейская демократия представляется Ницше как высвобождение ленистей, усталостей, слабостей.

Будучи последовательным монистом и логоцентристом, Ницше, тем не менее, выходит за рамки классического рационализма, поскольку обрушивается с критикой на любые телеологические идеи и на проект Просвещения в целом.

В противовес просветительскому культу Разума Ницше утверждает приоритет естественных страстей и воли над рациональной рефлексией. Соотношение воли, чувств и разума является для Ницше методологическим основанием для оценки исторических эпох, культур, учений. Ницше выделяет три варианта или типа данного соотношения, которые обозначаются им, как *аристократизм, феминизм, анимализм*. В соответствии с названными типами даются следующие характеристики трем столетиям:

Семнадцатый век *аристократичен*, он – поклонник порядка, надменен по отношению к животному началу, строг к сердцу, – лишен добродушия и даже души, «не немецкий»; это – век, враждебный всему естественному и лишенному достоинства, обобщающий и властный по отношению к прошлому, ибо верит в себя. Au fond в нем много хищника, много аскетического навыка – дабы сохранить господство. *Сильное волей* столетие, а также столетие сильных страстей.

Восемнадцатый век – *феминистичен*, «он весь под властью женщины»: мечтательный, остроумный, поверхностный, но умный, где дело касается желаний и сердца, *libertin* даже в самых духовных наслаждениях, подкапывающийся подо все авторитеты: опьяненный, веселый, ясный, гуманный, лживый перед самим собой, au fond – в значительной мере *canaille*, общительный».

Девятнадцатый век – *анималистичен*, он более животный, он *безобразнее*, реалистичнее, грубее, – и именно потому «лучше», *честнее*, покорнее всякого рода действительности, истинный. Нет страха и благоговения ни перед «разумом», ни перед «сердцем». Даже мораль сведена к инстинкту⁵.

Политическая философия Ницше во многом оказалась пророческой в отношении дальнейшего распространения в политике идей правового нигилизма и опоры на силовые методы политической борьбы. Его концепция естественного человека с сильной волей, способного выступить против моральных устоев буржуазного мира, против религиозного догматизма, готового к пересмотру всех ценностей, господствующих в мире обывателя, оказались близкими новым политическим идеологиям и практикам начала XX века, в числе которых фашизм и большевизм.

Ключевые черты большевистского политико-философского дискурса ярко представлены в политической публицистике Владимира Ильича Ленина.

Политическая философия Ленина пронизана практицизмом политической борьбы. Она полностью «заточена» на идейные сражения, на внутрипартийные и межпартийные споры, на живую политическую деятельность. Ленин – сугубый прагматик. Все философские и политические вопросы, которые он обдумывает, анализирует и разрабатывает прочно привязаны своей тематикой

к текущему политическому моменту, к конкретной ситуации, связанной со столкновениями различных позиций, взглядов, мнений.

Главная аудитория ленинских работ – не академическое сообщество интеллектуалов, а профессиональные политики, партийные идеологи, вожди масс, которые являются либо политическими соратниками Ленина, либо его оппонентами. В анкетах Ленин предпочитал называть себя публицистом. Любимейший жанр ленинской публицистики – политическая полемика.

В полемическом задоре Ленин нередко прибегает к грубым выражениям. Его дискурс брутален и категоричен. Особенно резко Ленин высказывается в адрес тех, кто, по его мнению, под прикрытием лозунга «свободы критики» марксизма пропагандирует, по сути, буржуазные идеи, враждебные интересам пролетариата, кто выступает за пересмотр марксистского положения о «конечной цели», т.е. идеи революционной борьбы за социализм и коммунизм. К таковым, по Ленину, относятся ревизионисты и оппортунисты всех мастей. Они опасны, поскольку незаметно под красивыми и эффектными лозунгами протаскивают буржуазные идеи.

Понятие свободы, по Ленину, нередко выступает элементом политической риторики, за которой скрываются поступки и социальные практики, враждебные людям труда. «Свобода – великое слово, – пишет он в работе «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» – но под знаменем свободы промышленности велись самые разбойнические войны, под знаменем свободы труда – грабили трудящихся. Такая же внутренняя фальшь заключается в современном употреблении слова: «свобода критики». Люди, действительно убежденные в том, что они двинули вперед науку, требовали бы не свободы новых воззрений наряду со старыми, а замены последних первыми. А современные выкрикивания «Да здравствует свобода критики!» слишком напоминают басню о пустой бочке»⁶.

Ленинская философско-политическая модель мира внутренне глубоко конфликтна, дуалистична, поскольку раздираема непримиримыми противоречиями, силами, интересами, мировоззренческими установками. Одно мировоззрение – это марксизм, который, по Ленину, научно доказал, что могильщиком капитализма и борцом за социализм

станет пролетариат во главе с революционной партией. Другое мировоззрение – это конгломерат либерально-буржуазных и оппортунистических воззрений, которым чужды социалистические и революционные идеалы. Оппортунисты, по сути, являются союзниками буржуазии, поскольку отказываются от марксистского положения о «конечной цели», т.е. от практической революционной борьбы за социализм.

Между двумя идейно-политическими лагерями, считает Ленин, примирение в принципе невозможно. Поэтому, «вопрос стоит *только так*: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой и надклассовой идеологии). Поэтому *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое* *отстранение* от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной»⁷.

Ленин подчеркивает, что соотношение сил между двумя идеологиями в мире буржуазии складывается в пользу первой «по той простой причине, что буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает *неизмеримо* большими средствами распространения»⁸.

Ленин не щадил себя в борьбе с идеями, которые с уверенностью относил к буржуазным пошlostям и филистерству. В одном из писем к И.Ф.Арманд он признавался в этом не без гордости: «Вот она, судьба моя. Одна боевая кампания за другой – против политических глупостей, оппортунизма и т.д. Это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого. Ну, а я все же не променял бы сей судьбы на «мир» с пошляками»⁹.

В своем настойчивом стремлении отстаивать в борьбе с оппонентами правоту ортодоксального марксизма Ленин выступает с позиции классического рационализма. В то же время, перед ним стояла задача адаптации марксистского классического мировоззрения к новым историческим реалиям начала XX века. И здесь Ленину пришлось столкнуться с рядом трудностей методологического характера. Дело в том, что марксистский монистический проект революционного перехода от капитализма к социализму предполагал, что ли-

дерами в этом плане окажутся развитые страны Западной Европы. Однако Ленин, впитавший идеи народничества о возможности социалистической революции в отсталой по западным меркам России, считал, что современная история вполне может предоставить российским революционерам шанс совершить в своей стране социалистическую революцию, не дожидаясь, когда в ней окончательно созреют все необходимые объективные условия для перехода к социализму.

В итоге в своих представлениях о возможном ходе исторического процесса Ленин переходил от марксистского объективно-исторического телеологизма на позицию неклассического полицентризма, предполагая, что центр революционного движения в современную эпоху может переместиться из стран Западной Европы в другие, менее развитые страны, если там найдутся силы, способные воспользоваться революционной ситуацией. Иначе говоря, Ленин полагал, что сила политической воли и революционной организованности в определенные моменты может стать решающим фактором в деле реализации социалистического проекта.

Победа большевиков осенью 1917 г., по Ленину, есть *триумф революционной Воли и революционного Разума*. Воплощением революционной воли выступает большевистская партия нового типа, а воплощением революционного разума – творческое и гибкое применение марксизма к конкретным условиям политической борьбы. Ленин любил повторять слова классиков марксизма о том, что их учение – не догма, а руководство к действию.

В ленинском политико-философском дискурсе ортодоксальная марксистская позиция удивительным образом соединяется с концептом политической гибкости, с идеей приоритета мощного волевого начала в лице по-военному организованной политической партии как авангарда мировой истории. Всемирная миссия партийного большевизма для Ленина очевидна. Мировая коммунистическая революция, по его мнению, будет окончательной победой мирового большевизма. Путь к этой победе лежит через тотальную войну с мировой буржуазией и оппортунистами разного рода.

В ленинских текстах, посвященных организационным вопросам, отчетливо просматривается позиция логоцентризма, причем, *жесткого логоцентризма*, в особенности, когда речь идет

о партийном и государственном строительстве. Эталоны жесткой, но эффективной организации для Ленина были армия и капиталистическая фабрика.

Армия и фабрика, по Ленину, выступают воплощениями принципов «единства воли» и централизованного управления, что, однако, не исключает гибкости в решении конкретных задач. Данные институты хороши еще и тем, что они способны к быстрой и эффективной мобилизации масс. Вот какое описание армейской организации дает Ленин: «Возьмем современное войско. Вот один из хороших образчиков организации. И хороша эта организация только потому, что она *гибка*, умея вместе с тем миллионам людей давать *единую волю*. Сегодня эти миллионы сидят у себя по домам, в разных концах страны. Завтра приказ о мобилизации – и они собрались в назначенные пункты. Сегодня они лежат в траншеях, лежат иногда месяцами. Завтра они в другом порядке идут на штурм. Сегодня они проявляют чудеса, прячась от пуль и от шрапнели. Завтра они проявляют чудеса в открытом бою ... Вот это называется организацией, когда во имя одной цели, воодушевленные одной волей миллионы людей меняют форму своего общения и своего действия, меняют место и приемы деятельности, меняют орудия и оружия сообразно изменяющимся обстоятельствам и запросам борьбы»¹⁰.

В двадцатом веке, особенно во второй его половине, широкое распространение получают политико-философские дискурсы неклассического и постнеклассического типов с характерными для них базовыми чертами.

Дискурсы неклассической и постнеклассической политической философии

Базовыми чертами дискурса неклассической политической философии, на наш взгляд, являются:

- *полицентризм* или плюрализм,
- *принцип автономности* как способ преодоления логоцентризма,
- вместо телеологизма – *цивилизационный подход и принцип мультикультурности*,
- *критика рационализма и сциентизма*,
- *критика прогрессизма*.

Для неклассических способов моделирования политического бытия характерно отступление от принципа универсального монизма. Образ

политической жизни в неклассических моделях политического мира принципиально плюралистичен и мозаичен. Политическая реальность рассматривается сквозь призму множественности и разнообразия *цивилизационных и культурно-исторических* моделей. Телеологическая модель глобального политического процесса, характерная для классической политической философии, уступает место мультикультурной полицентрической модели развертывания локальных политических процессов. Разнообразие политического устройства человеческих сообществ объясняется разнообразием культурно-исторических и цивилизационных программ развития.

Философско-методологической базой для неклассической политической философии выступают такие направления как философия жизни, критическая философия истории, экзистенциализм, теория культурных типов О.Шпенглера, цивилизационная теория А.Тойнби, геополитические модели многополярности мира и др.

Во второй половине XX в. наблюдается конвергенция базовых черт классической и неклассической политической философии. Это связано с широким распространением *модернизационной парадигмы и цивилизационного подхода* в гуманитарном знании.

Модернизационный анализ, унаследовав от классического типа рациональности телеологизм (идея о том, что все страны рано или поздно пойдут по пути модернизации) и логоцентризм (одни страны рассматриваются в качестве локомотивов модернизации, другие – как страны второго эшелона модернизации или «догоняющей модернизации»), в то же время, включил в свой методологический арсенал неклассическую парадигму альтернативно-вероятностного характера историко-политического процесса. К данному типу моделирования реальности можно отнести теорию модернизационных волн, представленную в работах Э.Тоффлера, концепцию постиндустриального общества А.Гидденса, теорию волн демократизации С.Хантингтона, а также мир-системный анализ И.Валлерстайна.

С возникновением во второй половине XX в. таких трендов как глобальная маркетинговая, коммерциализация и медиатизация общественной жизни, а также с распространением в научных исследованиях новых универсальных

методологических подходов – синергетического, коммуникативного, дискурсивного, сетевого – в философско-политическом интеллектуальном пространстве стал активно заявлять о себе дискурс постнеклассического типа.

К базовым чертам дискурса постнеклассической политической философии мы относим следующие:

- критика современного общества посредством анализа новых форм господства, гегемонии и деструктивности,
- применение методологии дискурсивной деконструкции при анализе общества массового потребления, массовой культуры и массовых коммуникаций,
- применение синергетической парадигмы в процессе изучения альтернативных сценариев общественного развития,
- рассмотрение сетевой коммуникации и ризомных связей в качестве перспективных форм общественных отношений и моделей устройства будущего мира,
- критика проекта западной модернизации, тотальной рационализации и маркетизации общественной жизни,
- стремление к теоретико-методологическому синтезу критического дискурсивного анализа с неофрейдизмом, неомарксизмом, постмарксизмом и постструктурализмом.

Структурное ядро дискурсивно-идеологического комплекса постнеклассической политической философии составляют идеи представителей Франкфуртской школы (Макс Хоркхаймер, Теодор Адорно, Герберт Маркузе, Эрих Фромм), французского структурализма (Клод Леви-Стросс, Жак Лакан, Ролан Барт, Мишель Фуко, Поль Рикер), а также философские идеи постмодернизма (Жиль Делез, Жак Деррида, Феликс Гваттари, Жан Бодрийяр).

Если говорить коротко об основных способах конструирования картины мира посредством политико-философских дискурсов постнеклассического типа, то к таковым можно отнести следующие методологические принципы: принцип семиотико-коммуникативного подхода, принцип ризомы, принцип сети и принцип синергизма.

Принцип семиотико-коммуникативного подхода нацеливает исследователя на рассмотрение феноменов сознания, предметного мира жизне-

деятельности человека, социальных институтов и практик в качестве *знаковых систем*, выступающих ядром коммуникативных процессов. Семиотический подход в политической философии означает, что политическая реальность рассматривается как сложно-структурированная знаковая система, лежащая в основе политической коммуникации. В центре внимания сторонников семиотического подхода такие исследовательские объекты как знаки и символы политической власти, символический обмен и символический капитал в структурах политических коммуникаций, знаковые коды политической культуры, смысловые значения политических текстов и образов как знаковых систем.

С распространением исследований медийных политических коммуникаций семиотико-коммуникативный подход лег в основу формирования новой дисциплины – политической коммуникативистики. В настоящее время данное исследовательское направление активно развивается представителями отечественной политической науки – Т.Н. Митрохиной, А.И. Соловьевым, Л.Н. Тимофеевой, А.В. Шевченко, А.Н. Чумиковым и др.

Введением в современную дискурсивную практику понятия ризомы мы обязаны французским философам – Жилью Делезу и Феликсу Гваттари. Под ризомой подразумевается некое образование, в котором все элементы находятся в состоянии взаимопроникающей (диффузной) и взаимопронизывающей связности. В ризоме нет ни начала, ни конца, ни центра, ни периферии. Ризома есть радикальная антитеза иерархичности, то есть, логоцентризма. В отличие от неклассической критики логоцентризма, построенной на принципе плюрализма и полицентризма, постнеклассическое мышление, опираясь на принцип ризомы, вообще отрицает какой-либо центризм и ценностный иерархизм.

Принцип ризомы как принцип исследования предполагает методологический анархизм, равнозначность различных способов мышления и теоретического анализа, если эти способы способствуют приращению нового знания и появлению новых общественных практик. Согласно данному принципу, никакой из элементов той или иной сферы знания, ценностей, опыта, практических навыков не может претендовать на роль

главного, исходного, центрального, единственно правильного.

Принцип сети – это тип мышления, идеалом которого выступает сетевая модель коммуникации, реализованная в сетевом маркетинге, в системе социальных сетей Интернет, в коммунистических практиках, в организации альтерглобалистского сообщества.

Сетевой принцип общественной организации характеризуется открытой горизонтальной и вертикальной мобильностью, преобладанием нестатусной коммуникации, самоуправлением и самоидентификацией.

Принцип синергизма (название происходит от термина «синергетика», обозначающее учение о саморазвивающихся системах) означает, что образом мира выступает модель неустойчивого и неравномерного саморазвития системы, которая испытывает постоянные флуктуации. Войдя в особую точку бифуркации, как точку неопределенности, флуктуация достигает такой силы, что конструкция системы не выдерживает колебаний и начинает разрушаться. В этом случае предсказать что-либо определенно является невозможным, поскольку даже незначительное колебание системы может вызвать к жизни новую тенденцию

и повернуть течение событий в необычное русло. Отсюда – идея вероятностного и неопределенного характера общественно-политического развития, в котором присутствуют не только элементы порядка, но и хаоса. Таким образом, модель мира как упорядоченной системной связи заменяется *стохастической* (неустойчиво-вероятностной) моделью мира.

1. Статья публикуется в рамках следующего проекта: Проект «Гуманитарное знание XXI века: интеллектуальные и институциональные вызовы» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Экономика и социология знаний».

2. См.: Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре цивилизации. М., 1993; Швырев В.С. Рациональность в спектре ее возможностей. К проблеме оценки рациональности как ценности культуры // Исторические типы рациональности. Т. 1. М., 1995; Колесников А.С. Типы рациональности и философская культура // Рациональность и проблемы познания. СПб., 1995 и др.

3. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. Е. Герцык и др. М., 2005.

4. Там же. С. 472.

5. Там же. С. 75.

6. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 6. С. 9.

7. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 6. С. 39-40.

8. Там же. С. 41.

9. Там же. Т. 49. С. 340.

10. Там же. Т. 26. С. 258-259.

А.Г. Шабуров

СПРАВЕДЛИВОСТЬ/НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ КОНЦЕПТ ПОЛИТИКО- ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

Шабуров
Алексей Геннадьевич

аспирант Института
философии и права
УрО РАН, доцент
МАДИ

На самом деле, о справедливости можно сказать всё, что угодно, и практически всё из этого будет правдой. И этой возможностью – говорить о

справедливости всё, что можно только придумать, пользовались и пользуются все, кому это надо: от великих философов до обычных демагогов.

Кажется, что нет смысла заново повторять их опыт, и придумывать какие-то свои оригинальные суждения о справедливости, потому что занятие это несколько трудоемкое, настолько и неблагодарное. Вместо этого можно начать с того, чтобы привести в пример лишь некоторые широко или не широко известные высказывания о справедливости, которые можно встретить в литературе философского и политологического характера. Итак.

«Справедливость есть первая добродетель общественных институтов, равно как истина – первая добродетель систем мысли» (Джон Ролз)¹. Верно

ли это? Верно. Вряд ли мы станем спорить с тем, что от мысли мы хотели бы получить истинность, а от институтов – справедливость.

Другое высказывание. «Справедливость – это воображаемая личность, придуманная для удобства речи» (Иеремия Бентам)². Здесь говорится о том, что справедливость – это не более чем идеологическая формула, предназначенная для того, чтобы выдать свои частные интересы за общие. Думаю, с этим часто можно столкнуться, наблюдая за политикой. Когда большой политик, например, затевает войну под предлогом восстановления международной справедливости и защиты несчастных граждан банановой республики, а на деле это приводит к экономической выгоде для наиболее дружественных ему корпораций. Или появление партий, использующих в своих названиях «справедливость». Или, например, античная формула «Справедливость каждому своё распределяет», превратившаяся в лаконичное «Каждому своё» на воротах Бухенвальда. И где здесь добродетель общественных институтов?

Или ещё одно. «Справедливость – это право без принуждения» (Иммануил Кант)³. То есть, это норма, которая осознается человеком как обязательная и законная, но не имеющая при этом законодательно закреплённого статуса. Ведь право без принуждения – это уже не совсем право. И в таком случае возможна ситуация, когда требования и нормы институтов, которым мы формально обязаны подчиняться, подвергаются нами сомнению. И тогда можно поступить либо по закону, либо по справедливости. Что из этого выбрать?

А может быть, справедливость – это всего лишь «более широкая лояльность» (Ричард Рорти)⁴, то есть лояльность своему сообществу, вытекающая из чувства со-общности, сопричастности. И мы возводим нормы своего сообщества в ранг высших моральных законов, хотя на самом деле это просто функциональные правила, к которым нас приучают с детства. И нет никакой добродетели.

Те трактовки справедливости, которые приведены выше – это лишь малая часть того, что существует. А теперь представьте, что мы не знаем ни одной из них. Или знаем их все. Что-нибудь, кроме нашего интеллектуального багажа и набора цитат на все случаи жизни, от этого изменится? Мир станет справедливее?

И вот что интересно. Если мы не знаем ни одной теоретической концепции справедливости, справедливость при этом не перестаёт нас беспокоить. Проблема справедливости существует вне зависимости от того, что мы о ней прочитали или даже написали. Для этого достаточно внимательно посмотреть вокруг. Справедливость заботит многих, почти всех, теория справедливости не интересует почти никого. Многие действия, благоразумные и не очень совершаются во имя справедливости, ей даже посвящаются фильмы и песни, не говоря уже о книгах и концепциях. Но при этом понятно, что только действия могут изменить что-либо.

Всё дело в том, что корни проблемы справедливости лежат вне плоскости языка, и на уровне языка эта проблема не решается. Любая же концепция – это всегда языковая конструкция, которая пытается отразить тот или иной смысл. Прелесть языка в том, что об одной и той же вещи, тем более о такой абстрактной, можно сказать совершенно по-разному, а сказанное можно точно так же по-разному понимать.

Чаще всего справедливость связана с распределением. Не обязательно с распределением материальных благ. Это может быть распределение власти, привилегий, да и просто почёта и уважения. Не важно. Есть какая-то коллективная деятельность, в которой мы принимаем участие и в которую мы вкладываем часть сил и ресурсов. И мы хотим получить определённую долю благ, возникших в результате этой деятельности. Если в итоге мы получаем то, на что мы рассчитывали, то мы называем это справедливостью. Если не получаем, то считаем это несправедливым. Всё. Всё остальное – игра слов и формулировок.

Самое интересное здесь в том, что рассчитывая на ту или иную долю благ, мы опираемся не на концепции справедливости, а исключительно на свое мнение, которое чаще всего даже не вербализовано. Здесь нет никакой теории, здесь есть только деятельность и блага.

Проблема в том, что требования людей вступают в противоречия. Чаще всего мы хотим больше, чем нам готовы отдать другие. И вот когда возникает конфликт требований, мы начинаем облекать наши представления в словесную форму, чтобы доказать, что они и есть самые правильные. Мы требуем благ для себя, но чтобы это требование

было принято, мы говорим, что требуем справедливости для всех. И под напором риторики уже как-то забывается, что в основе всего лежит самый обыкновенный эгоизм.

Ещё одна загвоздка в том, что удовлетворить одновременно требования всех нельзя. Не хватит ресурсов. Нехватка ресурсов и сопровождающее её стремление к справедливости, как известно, обеспечивают общественное и экономическое развитие. Всё правильно, так и должно быть. Вот только вокруг всего этого нагромождается совершенно неподъемный груз слов и эмоций.

Каждый считает своим долгом сказать что-нибудь о справедливости, призвать к борьбе за неё, вывести людей на демонстрацию, или даже основать какую-нибудь партию социальной справедливости, или поднять восстание, или на худой конец написать книгу, где изложить свое уникальное видение теории и проблемы справедливости. Всё это составляет немалую содержательную часть как политики, так и политической философии.

Но нетрудно заметить, что восстания редко когда заканчиваются торжеством справедливости, потому что победители почти всегда начинают уничтожать побежденных, а потом и друг друга. Это просто новый способ перераспределения ресурсов, теперь уже в свою пользу – никак не в пользу всех. А о теориях и говорить нечего: не так-то просто вспомнить социально-политическую систему, основанную на теории справедливости и эту теорию в полной мере реализовавшую.

Но человек, как мы знаем, не меняется. Он всегда будет хотеть чуть большего. Или, говоря политкорректно, он всегда будет стремиться к наиболее полной реализации идеала справедливости.

Итак, существует нечто, что всегда оставляет людей неудовлетворенными, что всегда побуждает нас стремиться двигаться дальше, бесконечно улучшать общество, что иногда провоцирует людей на решительные и радикальные меры; нечто, что может сплотить и объединить людей, сподвигнув их на действительно великие свершения. И это нечто, как ни странно, – это вовсе не теория справедливости авторства какого-нибудь уважаемого политического философа. Это нечто называется несправедливостью.

Да, в основе оценок несправедливости лежит наш неудовлетворенный эгоизм, наше недовольство действительностью. Но бывает так, что недо-

вольными оказываются слишком многие – проще говоря, массы. И тогда это недовольство становится легитимным, а собрание не довольных одним и тем же может превратиться в революционную толпу.

Несправедливость – это почти всегда факт, это то, с чем можно столкнуться на каждом шагу. Иногда мимо неё можно пройти, иногда нельзя. На самом деле, есть даже специальный институт, который призван бороться с несправедливостью. Правда, он не всегда хорошо справляется с этой обязанностью, а иногда даже начинает эту несправедливость продуцировать. Этот институт называется государство.

Тут было бы интересно порассуждать вот в каком ключе. Борьба с несправедливостью в самом широком смысле есть цель и смысл существования государства. А что станет с государством, если оно вдруг своей цели достигнет? Исчезнет? Самоликвидируется? Оставив этот вопрос без ответа, рискнем предположить, что мало какой институт будет работать во имя собственной ликвидации. Но и не работать совсем он не может. И вот государство успешно борется с несправедливостью в одном месте, продуцируя при этом её же в другом. И в этом нет никакого злого умысла, так работает система. Это называется политическим развитием. А если государство не справляется, очевидной несправедливости может стать слишком много, и тогда это приводит к тому, что называют кризисом. Впрочем, с кризисом все равно будет бороться то же самое государство, хотя возможно и с другим персональным составом правительства.

И мы понимаем, что несправедливость крайне важна для политики. Примерно так же, как враг важен для войны. Без неё ничего не будет. Это отправная точка как политики, так и политической философии. Круг замыкается.

Итак, что мы имеем в итоге? Несправедливость как свойство любой реальной социально-политической системы делает справедливость Великой Идеей – возможно, одной из самых великих идей.

Но величие её состоит не только в её моральной силе, но и в её принципиальной невоплотимости, а значит – в её вечности. Ну а вокруг этой Идеи сам собой появляется целый набор идеологий, концепций, теорий, программ и других маловра-

зумительных текстов, одним из многочисленных примеров которых был и мой сегодняшний доклад, который, к счастью, окончен.

1. Ролз Дж. Теория справедливости – Новосибирск, 1995. С. 19.

2. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства – М., 1998. С. 31.

3. Кант И. Метафизика нравов – М.: Мир книги, 2007. С. 79.

4. Рорти Р. Справедливость как более широкая лояльность // Логос – 2007 – №5. С. 55.

Ф.П. Фурман (Лангепас)

КОНЦЕПТ – ДИСКУРС – ДИСКУРСИВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС: ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДНИЧЕСТВА

Фурман
Феликс Павлович

кандидат
культурологии, доцент
Нижевартовского
гуманитарного
университета

Введение в оборот и интенсивное использование категории дискурс как средства разрешения ряда методологических трудностей при исследовании феноменов политической жизни и политического сознания позволило содержательно подойти к изучению таких свойств этих феноменов, как относительная самостоятельность, активная роль – прежде всего в отношении к социально-экономическим реальностям (интересам реально действующих субъектов, их отношениям, действиям, институтам), специфические способы существования (в виде компонентов общественного сознания).

Все это обратило внимание исследователей на свойства различных дискурсов, формирующихся в процессе активного взаимодействия субъектов общественно-политической жизни – семиотические, кратологические и др.

Прежние упрощенные схемы объяснения взаимоотношений различных субъектов, социально-политических институтов, идеологических продуктов общественного сознания, формировав-

шиеся в рамках общего схематизма «выражения» интересов социальных групп в социально-политических процессах и институтах, столь же мало сегодня говорят нам об этих соотношениях, как абстрактные формулы теории отражения, в соответствии с которыми все наши представления о мире и о себе самих являются отражением окружающей реальности. Понятно, что серьезное усложнение представлений об этих системных связях в принципе произошло уже в XIX веке (и, прежде всего – это марксистская методология исследования так называемых «объективных мыслительных форм», «превращенных форм сознания и реальности» в «Капитале» К.Маркса).

В отечественной литературе, подчеркивает О.Ф.Русакова, разрабатывается комплексная модель дискурса, максимально учитывающая наиболее существенные его стороны¹. В комплексной модели дискурс-анализа дискурс рассматривается с позиции трех основных парадигм – коммуникативной, семиотической и кратологической. С позиции коммуникативной парадигмы дискурс трактуется как коммуникативное событие и сообщение, выступающее носителем и ретранслятором смыслов, ценностей, идей, образов, интерпретаций и прочих виртуально-ментальных образований. С позиции семиотического подхода дискурс представляет собой знаковую систему, формирующую символическое пространство. С позиции кратологического подхода дискурс выступает властным ресурсом, посредством которого осуществляется легитимация, идентификация и позиционирование социальных субъектов и институтов.

В конечном счете, уходя сегодня от упрощенных схем соотношения идеологических продук-

тов, вырастающих из или надстраивающихся над социально-политической активностью субъектов, в свете огромного и разнообразного материала о природе, специфических свойствах, способах происхождения и функционирования этих продуктов, заставляют нас вводить категорию «дискурсивно-идеологического комплекса».

Надо сказать, что потребность в чем-то аналогичном высказывается различными авторами в отечественной литературе давно. Реализуются эти попытки в различных формах: например, введением особо методологически нагруженных терминов «концепты», «константы»², «мифологемы»³ и др. Тенденция эта восходит к известной работе А.Я.Гуревича «Категории средневековой культуры» (1971).

Ю.С.Степанов так поясняет замысел своего словаря «констант русской культуры»: «ценность идеи (в материале данной книги – «культурного концепта») безотносительна, заключена в ней самой; но в определенные общественные периоды, в зависимости от общественной конъюнктуры, может «высвечиваться» или оставаться в тени... Давно замечено, что количество их невелико, базовых – четыре-пять десятков, а между тем сама духовная культура всякого общества состоит в значительной степени в операциях с этими концептами». Слово «константы» ...означает, что выбраны главным образом те из них, которые устойчивы и постоянны, т.е. являются константами культуры»⁴. Автор обращает внимание на то, что «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» - сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее»⁵. В силу этого у концепта неизбежно обнаруживается сложная структура: «С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия...; с другой стороны, входит все то, и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.»⁶.

Не обходит автор и весьма сложный и трудный для понимания вопрос («пучок вопросов») о реальности концептов («не химеры ли концепты культуры?»): в какой мере концепты культуры, как

мы их определили, существуют для людей данной культуры?

Под дискурсивно-идеологическим комплексом того или иного общественно-политического движения (в данном случае – русского народничества) мы понимаем систему архетипических категорий-концептов, образующую в совокупности его ценностно-смысловое ядро и задающую его дискурс.

Во-первых, это система мифологем, концептов. В народничестве таковыми выступают «народ», «воля», «дело», «светлое будущее».

Во-вторых, это система, в которой существует ценностно-смысловое ядро, качественно определяющее взаимосвязь всех прочих мифологем. В народничестве – это «народ» и «борьба» за его «светлое будущее» (освобождение). Ценностно-смысловое ядро определяет своеобразный облик того или иного движения в сравнении с другими, даже если набор мифологем может быть достаточно похожим, близким: например, народничества, популизма, фелькише или фашизма.

В-третьих, как всякий дискурс, дискурс народничества или его ценностно-смысловое ядро в виде дискурсивно-идеологического комплекса обладает кратологическим, семиотическим и праксеологическим ресурсом, что означает следующее: а) дискурс есть властный ресурс, б) он предписывает и задает пространство смыслов и значений, в) он формирует комплекс антропологических практик. Все вместе это и порождает сложный характер таких массовых социально-политических движений как народничество (или популизм, фашизм, фелькише и т.п.).

В комплексе всех этих свойств дискурсивно-идеологический комплекс вступает в конкурентную борьбу с другими дискурсами. Это ядро позволяет самому движению, культурно-историческому явлению сохранять свою относительную целостность, единство на протяжении длительного времени и в процессе ожесточенной теоретической и практической борьбы. Рассматривая социально-политическую борьбу, мы видим, как комплекс одних и тех же экономических, социальных, политических, культурных проблем проходят радикально различное выражение, артикуляцию в рамках различных соперничающих дискурсов. Именно отличительные особенности ценностно-смыслового ядра в каждом кокури-

рующем дискурсе (например, народническом и социал-демократическом) определяют различия в формулировании, расстановке приоритетов и акцентов постановки и решения актуальных проблем развития страны.

Несмотря на то, что народничество (от протонародничества, русского социализма Герцена, Белинского, Чернышевского – до либерального народничества и социалистов-революционеров) проходит длительный путь развития («целая эпоха»), он сохраняет достаточно узнаваемые черты до тех пор, пока его сходное ценностно-смысловое ядро (дискурсивно-идеологический комплекс) окончательно не размывается и поглощается (скорее, сдвигается, маргинализуется) более мощным дискурсом русской социал-демократии и большевизма в частности. Но до тех пор крайне пестрое многообразие оттенков и вариаций в формулировании и выражении смыслов и содержания категорий-мифологем остается жизнедействующей целостности, воплощающейся в комплекс узнаваемых антропологических практик.

Осмысление этого мощного культурно-исторического и социально-политического движения в терминах дискурсивно-идеологического комплекса позволяет преодолевать прежнее достаточно одностороннее выражение многообразных связей и аспектов в нем: ценностно-смысловых, праксеологических и кратологических. Народничество, как и многие подобные ему массовые движения выразило себя предельно многообразно: в порождении нового семиотического пространства, т.е. порождении целого комплекса мощных смысло-жизненных ориентаций, в которых осмысливали и понимали себя целые поколения русских людей. Оно породило целое множество антропологических практик, в которых только и мыслило свою самореализацию не одно поколение молодежи. Оно властно вторглось в жизнь общества, заставив считаться с множеством новых ценностей и смыслов, породив множество новых социальных и политических институтов (политические партии, СМИ) или, по крайней мере, заставив модернизироваться ряд традиционных (семья, брак, образование, наука и искусство, литература).

В сущности, любое сколько-нибудь массовое и мощное социально-историческое движение, оставившее след в истории человечества (христианство, ислам, социал-демократия), живет и

действует в русле данных универсальных схематизмов. Сводить дело к «выражению социально-групповых или тем более социально-классовых интересов» сегодня уже мало продуктивно, объяснительная способность такого подхода уже не может удовлетворить исследовательский интерес.

Структурные элементы дискурсивно-идеологического комплекса. Прежде всего, приходится обращать внимание на то, что мы имеем дело не с понятиями, а с так называемыми «мифологемами» или концептами. Термин этот активно используется в сравнительно-исторических и аналитических исследованиях. В отличие от традиционного (классического) мифа, возникающего стихийно в недрах социально-однородного общества, мифологема есть мысленная конструкция и продукт теоретической деятельности. Но мыслительной деятельности, интенсивно пытающейся сконструировать новые смысло-жизненные реальности, охватить границы и содержание прежде не существовавшего: новых антропологических практик, в которых собирается осуществлять себя человек. С мифом ее роднит широкое использование полухудожественных чувственно-образных средств (метафор, интуитивно-чувственных схематизмов или архетипов), размытые границы объективно-реального, действительного и субъективно-желаемого, синкретизм.

В случае с дискурсивно-идеологическим комплексом народничества такими центральными мифологемами являются «народ» («народность»)⁷, «новый человек» («новая личность», «новые люди»), «земля», «воля», «будущее» («прогресс», «светлое будущее»), «дело» («борьба») и др.

В-третьих, важно иметь в виду, что все эти мифологемы широкими полями отождествлений связаны друг с другом в синкретичное (а не синтетичное) целое, поскольку содержат в себе противоположности в неснятом (в гегелевском смысле) виде. Чаще всего эти кричащие противоречия либо не замечаются по причине изначальной неразвитости, неразвернутости противоречий, по причине субъективной «оптики», стремления любой ценой сохранить целостность, либо обнажаются в дискуссиях и спорах, в последующем разложении первоначальной видимой цельности.

Не забудем, что целостность эта является продуктом творческой конструирующей способности субъекта, открывающего для себя миры новых ан-

тропологических практик. Для того, чтобы понять роль и значение структурных компонентов дискурсивно-идеологического комплекса народничества, рассмотрим современные теоретические походы к этой проблеме.

«Понятие и концепт, непременно присутствующие в научном дискурсе – исторически дублеты, русское *понятие* калькирует латинское *conceptus*. Однако в современном (научном и ненаучном) узусе эти термины расходятся в употреблении» – констатирует современный отечественный исследователь В.З.Демьянков и воспроизводит «схему» исторического расхождения этих терминов⁸. Идея «концепта», как категории, отличной от «понятия» (хотя мы часто их отождествляем) своими корнями уходит в средневековую философию, в ее проблему универсалий (С.А.Аскольдов, его известная работа «Концепт и слово»). Латинский корень этого термина явно намекает на «собираение», «соединение», а не на готовность, твердую определенность⁹. Именно указанное свойство «концепта» – незавершенность, «зачатость», – приводило к тому, что он решительно отделялся от «понятия». В русском языке В.З.Демьянков устанавливает период отождествления концепта с понятием с 20-х годов до 70-х. XX века. Он поясняет, что их «разграничение проходит по следующей линии: *понятия* – то, о чем люди договариваются, их люди *конструируют* для того, чтобы «иметь общий язык» при обсуждении проблем; *концепты* же существуют сами по себе, их люди *реконструируют* с той или иной степенью (не)уверенности»¹⁰.

Но очевидно, что концепты все-таки тоже являются продуктом человеческого творчества. Но какого? Автор справедливо обращает внимание на то, что истоки современного повышенного внимания к концептам (и «концептосфере») лежат в интересе к тем «априорным» смысложизненным конструкциям, содержание которых не поддается однозначному и исчерпывающему определению, а роль их в формировании («задании») ценностно-смыслового пространства культуры – очень велика, фундаментальна: «Оказалось, что далеко не всегда можно «договориться» о понятиях: иногда продуктивнее реконструировать привычные смыслы, или концепты, и на основе сложившихся представлений, старых *концептов*, не разрушая их, попытаться сконструировать новые *понятия*.

Новое, особенно в этике, является реконструкцией старого. Со справедливостью этого положения мы сталкиваемся и в общественной, и в научной жизни. На мысль об этом наводит и чтение прекрасного словаря Ю.С. Степанова»¹¹.

Ю.С. Степанов обращает внимание, что хотя «концепт – явление того же порядка, что и понятие», в настоящее время они довольно четко разграничены¹². С его точки зрения, «концепт и понятие – термины разных наук; второе употребляется главным образом в логике и философии, тогда как первое, концепт, является термином в одной отрасли логики – в математической логике, а в последнее время закрепилось также в науке о культуре, в культурологии»¹³.

Другими словами, концепты принадлежат какому-то иному, более глубокому фундаментальному уровню культуры.

Конец XX в. ознаменовался интенсивными поисками методологического инструментария исследования живого «тела» культуры. Среди множества новаций возникает термин «концепт»¹⁴. В отличие от понятия концепт, в трактовке Ж. Делеза и Ф. Гваттари, толкуется следующим образом: «Концепты – что-то вроде кристаллов или самородков смысла – абсолютные пространственные формы»¹⁵.

Как мифологема, как ценностно-смысловое ядро нового дискурсивно-идеологического комплекса, формирующегося в этот период, идея *народности* становится знаменем движения, орудием и оружием пусть пока еще только идеологической борьбы. В.Г.Белинский писал: «Народность – есть альфа и омега эстетики нашего времени, как «украшенное подражание природе» была альфой и омегой эстетики прошлого века... «Народность» заменила собой и творчество, и вдохновение, и художественность, и классицизм, и романтизм, заключила в себе и эстетику, и критику. Короче: «народность» сделалась высшим критерием, пробным камнем достоинства всякого поэтического произведения и прочности всякой поэтической славы»¹⁶.

Радикальные общественно-политические движения – будь то французское якобинство, русские народничество и большевизм, или германские «фелькише» и национал-социализм, современные популизм и расизм – в свой дискурсивно-идеологический комплекс непременно компонентом

включали мифологему «*нового человека*» («*новых людей*»).

Новый человек (новые люди) несут с собой не только новые идеи, но и новые антропологические практики («практики себя» – по выражению М.Фуко): это новые смысложизненные ориентации, в которых они только и могут понимать себя и мир, это новый образ жизни, свободный от сословных ограничений, это конспирация и нелегальность, это попытки реорганизовать старые вековые формы жизни – брак, семью, дом, воспитание детей. Именно этим решительным вторжением в то, что многим казалось незыблемым, освященным тысячелетними традициями, народники («нигилисты») вызывали столь противоречивое отношение: от восторженного подражания и преклонения до ожесточенных нападок, не останавливавшихся перед доносом, клеветой.

Концепт «*дела*». Идея «новых людей» формировалась как решение проблемы преодоления некоего паралича воли, *бездействия*, апатии, охвативших русское общество на протяжении целой исторической эпохи. А.И. Володин, исследуя этот вопрос, приходит к выводу: «Важнейшее место среди этих идей занимает идея исторического действия (практики, дела, действования). Опираясь именно на эту идею, русские социалисты рассматривают философию как орудие революционного изменения действительности...»¹⁷. Сильная размытость исходного смыслового ядра концепта «дело» часто приводило к недоумениям и разрывам, когда недавние союзники и даже соратники (А.И. Герцен и М.А. Бакунин, М.А. Бакунин и К. Маркс, М.А. Бакунин и С.Г. Нечаев) вдруг обнаруживают, что используя одни и те же термины, основываясь на одних и тех же текстах (программы, манифесты, заявления), они имеют в виду диаметрально противоположное и союзы их распадаются.

Концепт «*светлого будущего*». Русское народничество – движение социалистическое, проповедовавшее социализм. Именно в нем оно усматривало разрешение всех проблем: достижение свободы, освобождение от угнетения, и т.д. Но именно в этом пункте их воззрения характеризуются как утопические. Не в обыденном смысле: всего лишь «несбыточные», а в том смысле, что вместо теоретического исследования развития общества и выяснения путей и закономерностей

этого развития, строило желательные (мечтательные) проекты такого общества, как это делал, например, французский социалист Ш. Фурье. Влияние французского утопического социализма в лице Фурье и его последователей на русское народничество – общеизвестно. В их произведения русские социалисты находили подтверждение своим идейным поискам и мечтам. Психологически он подкупал несокрушимой верой в фундаментальную обоснованность естественными законами природы и разума, невероятным знанием мельчайших деталей устройства будущего «Золотого века» и тем самым – мощной иллюзией осуществимости и достижимости его.

В первую очередь, по этой причине понятие «светлого будущего» («счастья», «социализма») приобретает характер мифологемы, что и довольно быстро обнаруживается в ходе разработки его в процессе борьбы с конкурирующими дискурсами. Всякое «забегание» вперед с целью предвосхитить во что бы то ни стало возможно более детально все черточки будущего устройства общества – это «светлого будущего» – было чревато беспочвенными фантазиями и бесплодными мечтаниями, тем не менее, нужно было определить, по крайней мере, главные, наиболее важные. Что означает это «новое общество»? На этот вопрос, так или иначе, нужно было отвечать.

Концепт «*воля*», один из наиболее значимых для русского мировосприятия. В русском сознании воля, будучи непосредственно связана со свободой, почти всегда ей противопоставляется. Ядро концепта представлено в сознании носителей языка такими смыслами: самостоятельность/отсутствие подчинения; состояние/положение, характеризующееся полным отсутствием границ/рамки или правил/условий, предполагающее активные/интенсивные действия, предполагающее совершение действий исключительно в соответствии с собственными желаниями субъекта; состояние, вызванное ощущением полного отсутствия стеснений, ограничений. Специфический компонент ядра – большое, ничем не стесненное пространство. Концепт связан со смыслами «стихийная», «ввергающая человека в сферу инстинктов, лишаящая его человеческого облика», «оказывающая разрушающее влияние на кого-либо». Для концепта «свобода» свойственны смыслы «идеальная, заключающая в себе нечто

возвышенное; проникнутая высокими чувствами», «полная внутреннего содержания», «основанная на разуме, целесообразная», «предполагающая ответственность за совершенные действия»¹⁸.

Концепт «*земля*» также принадлежит ценностно-смысловому ядру народничества и впитывает свой спектр значений: «родная земля (Родина, страна)», «богатство», «благосостояние, благополучие», тесно связанные с трудом (на земле) и делом-борьбой (за землю): отсюда лозунг «За землю и волю!». Есть побочный смысл «почва» («почвенничество») очень близко народничеству идеей «самобытности», связанной с родной землей-почвой, от которых нельзя «отрываться». Светлое будущее, обретаемое в деле-борьбе новыми людьми, превращается в свободное общество вольных землепашцев, любовно возделывающих свою необъятную землю-почву-страну, в которой свободный труд дает простор душе, является источником общественного и личного богатства. Эти смысловые связи многообразно выразились как в понятийно-категориальных системах теорий, так и литературно-художественном творчестве, в лозунгах и манифестах.

Дискурсивно-идеологический комплекс русского народничества сыграл огромную роль в жизни России, задав целый ряд новых смысло-жизненных ориентаций, воплощенных в систему разнообразных антропологических практик, предопределивших главные тенденции развития русского общества (упрочение русского освободительного движения, рождение русской социал-демократии и русского социализма и коммунизма (большевизма)).

Влияние дискурсивно-идеологического комплекса народничества поистине огромно.

Это и подвергшиеся мощному преобразованию великая русская литература XIX-XX вв., русская журналистика и публицистика, русская художественная культура в целом (живопись, театр, музыка, декоративно-прикладное искусство). Мифологема «народности» и «борьбы за светлое будущее» поистине «перепахали» русскую духовную культуру и придали ей тот неповторимый колорит, с которым она вошла в мировую историю. Ряд рассмотренных структурных элементов-мифологем типа «народ», «новый человек», «свобода», «земля», «дело» и др. — и сегодня прорабатыва-

ются различными движениями в разных странах и наполняются дополнительными смыслами в Латинской Америке, Африке, Азии, Европе — в национально-освободительных движениях, правом и левом популизме, феминистском, кооперативном, молодежном движении, анархизме и др.

1. Грибовод Е.Г., Русакова О.Ф. Исследовательские направления и персонология Уральской школы политической дискурсологии (2001 – 2008) // Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады Третьей международной научно-практической конференции, посвященной 40-летию студенческой революции 1968 г. и корифеям Франкфуртской школы. / Под общей редакцией О.Ф.Русаковой. 2 октября 2008 г. Том 1. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2008.

2. См.напр.: Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд.3-е. испр. идоп.М., Акад.проект,2004; Концепт «Революция» в современном политическом дискурсе. Под ред. Л.Е.Бляхера, Б.В.Межуева, А.В.Павлова.Спб., 2008;

3. См.напр.: Русаков В.М. Архетипические категории в дискурсе травелога//Дискурсология: Методология. Теория. Практика. Discursologia: Metodologia, teoria y practica. Челябинск, Изд. центр ЮУрГУ, 2010.С.431.

4. Степанов Ю.С. Указ.соч. С.4-6.

5. Там же. С.43.

6. Там же.С.43.

7. Обратим внимание на характерную для мифологем черту: термины «народ» и «народность» до неразличимости слиты, в отличие от научных понятий, где сущностный признак отчетливо фиксирован и определен: мы не говорим, что «атому» свойственна «атомность», а указываем, что она заключена в том, что атом есть мельчайшая частица вещества.

8. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке//Вопр. филологии. 2001. № 1. С.35-47.

9. «В классической и средневековой латыни слово *conceptus* употребляется чаще всего как причастие «зачатый», а не как существительное «понятие». Современное значение «понятие, концепт» классической латыни чуждо. В средневековой латыни, когда исходное значение было еще живо, метафорический перенос «зародыш —> понятие» ощущался, видимо, слишком живо, а потому им не злоупотребляли. Даже в философских текстах средних веков, например, у Тертуллиана (160-220), у Св. Августина (354-430), у Боэция (480-524), *conceptus* употребляется чаще всего как причастие со значением «зачатый», а не существительное со значением «понятие» (Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии, 2001. № 1. С.35).

10. Там же. С.47.

11. Там же.

12. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 2004.С.42.

13. Там же. С.42-43.

14. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997; Неретина С. С. Тропы и концепты. М.: РАН, 1999; Грузберг Л. А. Концепт // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003; Филатова А. А. Концепт как конституирующий элемент культуры: когнитивный подход. Дисс. ... канд. филос. н., 09.00.01. Ростов-на-Дону, 2007, и др., а также работы Карасика В. И., Красных В. В., Слышкина Г. Г. и ряда других авторов.

15. Зенкин С. Н. Послесловие переводчика // Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: Алетейя, 1998. С. 282.

16. Белинский В.Г. Избранные соч. М.-Л., 1949. С. 286.

17. Володин А.И. Гегель и русская социалистическая мысль XIX века. М., 1973. С.128.

18. Катаева Н.М. Русский концепт ВОЛЯ: от словаря – к тексту. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004; Ее же. Воля//Антология концептов/ Под ред. В.И.Карасика, И.А.Стернина. М., 2007. С.33-43.

В.С. Никонов

НАПРАВЛЕНИЯ ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЙ В ГЕРМАНИИ

Никонов
Владимир Сергеевич

магистр политологии,
УрГУ

E-mail:
perekrestmok@gmail.
com

В Германии дискурс-анализ активно развивается и внедряется в исследования с начала 90-х годов XX века. Можно выделить два основных направления в немецких дискурс-исследованиях, отличающихся, главным образом, своим отношением к языковой стороне дискурса и к пониманию дискурса как такового.

К **первому направлению** относятся, прежде всего, прикладное исследование дискурса (**angewandte Diskursforschung**) и лингвистический дискурс-анализа (**linguistische Diskursanalyse**), в основе которых лежит классический анализ текста.

Среди сторонников прикладных дискурс-исследований следует назвать **Г.Брюннер, Р.Филера, В.Киндта**. Лингвистическим дискурс-анализом в Германии занимаются **Дитрих Буссе, Фритц Херманнс, Вольфганг Тойберт, Георг Штётцель**. В этом же направлении работает и **Маттиас Юнг** с коллегами, которые применяют для изучения миграционного дискурса так называемый «корпусно-ориентированный» дискурс-анализ (**korpusorientierte Diskursanalyse**), относящийся к сфере «корпусной лингвистики».

Второе направление, а именно общественно-научный дискурс-анализ (**sozialwissenschaftliche**

Diskursanalyse), образуют сторонники традиций **М.Фуко**. К этому направлению можно отнести как критический дискурс-анализ (**Critical Discourse Analysis**), так и дискурс-анализ в области социологии знания (**wissenssoziologische Diskursanalyse**). **Критический дискурс-анализ (КДА)** разработанный **Т. фон Ван Дейком, Н.Фэйрклаф и Р.Водак**, в Германии развивают **Зигфрид Эгер, Юрген Линк** и др. Зигфрид Эгер на сегодняшний день, бесспорно, является одним из самых влиятельных исследователей дискурса в Германии. Он – первый из немецкоязычных исследователей, кто опубликовал методическое пособие по качественному дискурс-анализу. В своих работах З.Эгер удачно сочетает теоретические и методологические разработки, на основе которых выводит практические шаги для проведения исследования. На первый план в КДА выходят не языковые, а социальные феномены. КДА, по мнению З.Эгера, нацелен на выявление знаний, заложенных в дискурсе, их взаимосвязей с властью и на критическое рассмотрение всего этого. Этот анализ применим как к повседневным знаниям, которые передаются посредством СМИ, повседневной коммуникации, школы, семьи и т.п., так и к тем знаниям, которые производятся различными науками. Таким образом, критический дискурс-анализ концептуализирует язык как форму социальной практики и пытается довести до сознания людей неосознаваемое ими взаимное влияние языка и социальной структуры.

Еще одним вариантом исследования дискурса является **дискурс-анализ в области социологии знания**, сторонники которого опираются в первую очередь на труды **Петера Бергера** и **Томаса Лукманна**. Наиболее ярким представителем этого направления в Германии является **Райнер Келлер**. Данный тип анализа дискурса, по мнению Р.Келлера, направлен на **исследование**

общественных практик и процессов коммуникативного конструирования, стабилизации и трансформации символических порядков, а также их последствий: законов, статистики, классификаций и т.п. Практики в этом смысле являются одновременно результатом дискурса и предпосылкой для новых дискурсов. (Keller R. Diskursforschung. Eine Einleitung fuer SozialwissenschaftlerInnen. – Wiesbaden: VS Verlag fuer Sozialwiss., 2004, 57S.). Все вышеназванные процессы и практики могут происходить, а, следовательно, и рассматриваться, на нескольких уровнях, как то институциональном, организационном или уровне социальных (коллективных) агентов.

Несмотря на ряд отличий от лингвистических исследований дискурса, общественно-научный анализ имеет довольно много общего с корпус-лингвистическим дискурс-анализом. Это касается в первую очередь отбора текстов для формирования корпуса данных. Главное различие заключается в дисциплинарно обусловленных исследовательских интересах. Анализ языковой стороны дискурса выступает только в качестве составной части общественно-научный дискурс-анализ. К этому добавляется обязательный анализ социальных агентов и процессов, которые производят рассматриваемый дискурс, анализ ситуаций и контекстов производства дискурса, а также событий и различных социальных практик, т.е. всего того, что находится «вне» корпуса текстов.

Как уже упоминалось выше, в Германии долгое время наблюдалось определенное несоответствие между глубокой разработкой теории дискурса и концепций дискурс-анализа, с одной стороны, и недостаточной разработкой методологии анализа, с другой стороны. О стремлении немецких коллег преодолеть данный дисбаланс свидетельствуют публикации, появившийся в течение последних двух лет. Речь идет, прежде всего, о «Исследование дискурса» Райнера Келлера (Keller R. Diskursforschung. Eine Einleitung fuer SozialwissenschaftlerInnen. – Wiesbaden: VS Verlag fuer Sozialwiss., 2004, 127S.) и втором томе «Дискурс-анализ в общественных науках» с подзаголовком «Исследовательская практика» (Handbuch sozialwissenschaftliche Diskursanalyse. Forschungspraxis. B.2 -Wiesbaden: VS Verlag fuer Sozialwiss., 2003, 507S.).

«Исследование дискурса» Райнера Келлера уже получило ряд положительных откликов со стороны немецких коллег. Главным достоинством работы, несомненно, является то, что Келлер детально описывает **практическую модель проведения дискурс-анализа**. Данная модель предназначена историкам, социологам и политологам, в центре внимания которых находятся **процессы производства, стабилизации и трансформации общественных структур знаний**. Подробно рассматривая все шаги дискурс-анализа, первостепенное значение Р.Келлер все же придает таким фазам исследования, как постановка вопросов, формирование корпуса текстов и презентация полученных результатов, т.е. именно тем, которые до сих пор не достаточно разработаны. В отличие от Зигфрида Эгера, лингвиста по образованию, Райнер Келлер уделяет еще меньше внимания лингвистическому анализу текста как части дискурс-анализа, что немаловажно для исследователей неязыковых специальностей.

Кроме практических рекомендаций по проведению дискурс-анализа и конкретных примеров, в своей работе Р.Келлер дает весьма полный обзор актуальных теорий дискурса и различных походов к исследованию дискурса, снабжая их собственными комментариями. По мнению Р.Келлера, дискурс – анализ представляет собой «мульти-методическое» поле. И в этом сложно с ним не согласиться, т.к. понятием «дискурс-анализ» чаще всего обозначают не какой-то специальный метод, а скорее исследовательские точки зрения на предмет исследования, рассматриваемый как некий дискурс. Несмотря на многообразие дискурс-аналитических подходов, Р.Келлер выделяет 4 общих признака, характерных для всех дискурс-исследований (ДИ):

1. ДИ занимаются фактическим употреблением письменного и устного языка и других символических форм в общественных практиках;
2. ДИ подчеркивают, что при практическом употреблении знаков содержание значения конструируется социальными феноменами, которые тем самым конструируются в своей общественной реальности;
3. ДИ допускают, что некоторые интерпретации понимаются как части всеохватывающей дискурс-структуры, которая в определенный временной отрезок формируется и стабилизируется при

помощи специфичных институционально-организационных контекстов;

4. ДИ исходят из того, что употребление символических порядков подлежит реконструируемым правилам толкования и функционирования. (Keller R. Diskursforschung. Eine Einleitung fuer SozialwissenschaftlerInnen. – Wiesbaden: VS Verlag fuer Sozialwiss., 2004, S.8).

«Исследование дискурса» Р.Келлера, хотя и имеет подзаголовок – «Введение для исследователей в области общественных наук», является не просто «введением в предмет», обычно предназначенным студентам и аспирантам. В своей работе Р.Келлеру удалось соединить обзор теоретических оснований, общих методологических подходов и конкретные примеры дискурс-анализа, что делает данную работу незаменимой как для молодых ученых, так и для специалистов, которые намереваются впервые применить данный метод в своих исследованиях.

Отдельные идеи Р.Келлера, изложенные им в вышеописанной работе, можно обнаружить в его статье, входящей в сборник «Дискурс-анализ в общественных науках. Том 2: Исследовательская практика». Данная работа является логичным продолжением одноименного сборника, вышедшего в свет в 2001 году с подзаголовком «Теории и методы» и включившего в себя основополагающие труды наиболее признанных в Германии исследователей дискурса, в том числе Зигфрида Эгера и Райнера Келлера. Второй том состоит из вводной части и 15 статей, которые представляют читателю примеры применения дискурс-анализа в различных дисциплинах – социологии, истории, политологии, дискурсивной психологии, педагогики и лингвистики. Так, в статье «Методические аспекты дискурс-анализа. Проблемы анализа дискурсивной полемики на примере немецких дискуссий по поводу войны в Косово» социолог М.Шваб-Трапп наглядно демонстрирует методические проблемы анализа в рамках политического дискурса. Основными проблемами, по его мнению, являются три – проблема выбора, интерпретации и представления. Они осложняются тем, что в работе анализируются общественные дебаты, а не «стабильные» тексты, как в большинстве дискурс-исследований. (Schwab-Trapp M. Methodische Aspekte der Diskursanalyse. Probleme der Analyse

diskursiver Auseinandersetzungen am Beispiel der deutschen Diskussion ueber den Kosovokrieg. // Handbuch sozialwissenschaftliche Diskursanalyse. Forschungspraxis. B.2 -Wiesbaden: VS Verlag fuer Sozialwiss., 2003, S.169-195).

Социолог Вилли Фиовер посвятил свою статью изучению роли нарративных структур в дискурс-анализе на примере исследования изменений в общественном восприятии климата. Методологически и методически его работа ориентируется на нарративную семиотику, которая подчеркивает, конфигуративный аспект дискурса. Автор выступает за культурологическую интерпретацию, которая, по его мнению, может быть ключом для успешного толкования отдельных дискурсов. (Viehoever W. Die Wissenschaft und die Wiederverzauberung des sublunaren Raumes. Der Klimadiskurs im Licht der narrativen Diskursanalyse. // Handbuch sozialwissenschaftliche Diskursanalyse. Forschungspraxis. B.2 -Wiesbaden: VS Verlag fuer Sozialwiss., 2003, S.233-267).

Хотелось бы выделить еще две работы в этом сборнике – Томаса Нира и Карин Бёке «Дискурс-анализ с точки зрения лингвистики – на примере миграционного дискурса» и работу Вольфганга Тойберта «Провинция федерального супер-государства – управляется неизбранной бюрократией? Ключевые понятия критического дискурса Европы в Великобритании». Эти статьи интересны, прежде всего, тем, что авторы применяют лингвистические модели дискурс-анализа: в первом случае для сравнительного анализа общественного миграционного дискурса в Германии, Австрии и Швейцарии, во втором – для анализа корпуса тестов из Интернета. Оба эти исследования являются прекрасным примером применения дискурс-анализа в междисциплинарных исследованиях. Однако стоит подчеркнуть, анализ такого уровня делает необходимым участие в исследовании квалифицированного лингвиста.

Второй том «Дискурс-анализа в общественных науках», по нашему мнению, расширяет наши представления о возможностях применения дискурс-анализа, показывает возникающие методические проблемы и предлагает пути их решения.

Для участников проекта «Открытость образования как фактор сближения России и Европы», занимающихся проблемами открытости в усло-

виях глобализации, вышеизложенные идеи и разработки имеют большое практическое значение. Принимая во внимание цели и задачи проекта «Открытость образования как фактор сближения России и Европы», мы пришли к выводу, что для эмпирического исследования в рамках данного

проекта более эффективным будет общественно-научный, а не лингвистический дискурс-анализ.

По материалам Ушанова И.А.

Проект: Открытость в образовании как фактор сближения России и Европы в процессе глобализации

А.Е. Спасский

МЕТОДОЛОГИЯ ДИСКУРСОЛОГИИ (ТЕЗИСЫ)

Спасский
Александр
Евгеньевич

кандидат политических
наук, генеральный
директор ООО ДРП
«Локомотив», вице-
президент МАДИ

ДИСКУРСОЛОГИЯ.

Дискурсология – это наука о дискурсе.

Базируется на «голографическом» многомерном мышлении, что предполагает отрицание в науке споров, ставящих своей задачей – победу и замену их дискуссией, ставящей своей задачей – выявление истины на базе слияния разных точек зрения.

Дискурсология как новая наука была предложена профессором, доктором политических наук) **Русаковой О.Ф.** (Президент Международной Академии Дискурс Исследований (МАДИ), (Россия.) Впервые термин «дискурсология» был использован в 2001 г. в ходе работы над проектом научно-практического альманаха «Дискурс-Пи».

Сегодня «дискурсология» как междисциплинарная наука развивается усилиями значительного числа ученых из многих стран мира. И их число постоянно растет.

В Интернете в GOOGLE на 25 мая 2010 г. отмечено 2 240 ссылок на статьи и книги по дискурсологии, на 29 июня 2010 г. порядка 2 500 ссылок.

Голографическое мышление.

У каждой точки зрения наряду с частью истины присутствует определенное количество «напридуманного» вокруг ее истинного центра. Задача дискуссии объединить разные подходы. Практически у каждой школы есть истинное зерно. Они и должны быть объединены. То, что не может быть объединено временно не входит в объединенную истину. Но оно и не выбрасывается из науки. Потому, что с появлением новых знаний может быть объединено в знания дискурсологии несколько позднее. А может и не быть объединенным на протяжении тысяч лет.

Вместо спора – дискуссия.

Голографическое мышление позволяет перейти от взаимной критики, целью которой является победа, многих научных школ к организации дискуссий, целью которой выступает решение проблемы благодаря слиянию множества точек зрения в единое целое.

Дискурсологический проект.

Проект, как совокупность деятельности по реализации поставленных задач и достижении определенных результатов. Основанием служит дискурсологический подход.

Субъект дискурсологии.

Это люди, которые участвуют в реализации дискурсологического проекта. Причем, субъекты могут быть: а) Исследователи проекта, б) Подготовители проекта, в) Реализаторы проекта. Реализаторы проекта делятся: а) Мы – непосредственные реализаторы, б) Потребители, в) Посредники, г) Поставщики, д) Представители инфраструктуры, необходимые для проекта.

Типы дискурсологии.

0) Методология дискурсологии – парадигма дискурсивного подхода. Интегративные методы

исследования. 1) Теория дискурсологии – общие и частные теории дискурса. 2) Прикладная дискурсология – правила деятельности. 3) Практика дискурсологии – реализация на практике дискурсивного подхода.

КОГНИТИВНЫЙ СМЫСЛ ДИСКУРСОЛОГИИ.

Дискурсология – это единственная наука, подталкивающая исследователя на формирование своих представлений, исходя из дискурса между разными авторами, которые руководствуются разными теоретико-методологическими подходами и разным практическим опытом. У прочих наук – это не оговаривается. Если взгляды у многих по ряду позиций едины – формируется школа. Дискурсология, базируясь в формировании взглядов на конструктивную дискуссию, вырабатывает особый тип и способ рассмотрения объектов. Различные взгляды воспринимаются как «фотографии» одного и того же исследуемого объекта, снятые с разных мест и разными светофильтрами. «Фотографии» будут естественно отличаться друг от друга. Один снимает в анфас, другой в профиль, а третий вообще сверху. Если мы объединяем все эти «фотографии» в единый снимок, то получаем возможность смотреть, с разных сторон, на один и тот же объект. То есть, получаем его «голографический фотографический» снимок. Получение подобной голографической ментальной карты исследуемого объекта и есть когнитивный смысл дискурсологии.

Дискурсология не исключает, а, наоборот, приветствует критику. Но каждый критик лишь демонстрирует неполноту полученного голографического снимка. Предлагаемые отдельные решения поставленных задач сразу включаются в общую ментальную карту. Другие решения, не соединяющиеся с общей картинкой, на время откладываются в сторону, чтобы вернуться к ним позднее.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ СМЫСЛ ДИСКУРСОЛОГИИ.

Опираясь на объединение разных взглядов, надо создавать единую команду из единомышленников. Причем, как показывает практика, для реального объединения людей всегда необходимо общее дело. Нет общего дела, и постепенно распадаются даже самые дружеские отношения. Члены команды единомышленников делятся

на 3 основных группы: 1) Центр – команда руководителей общих дел (приблизительно 0,09-0,32-1% всех занятых в сфере); 2) Средний круг – Команда среднего руководства общими делами (3-5-7%); 3) Дальний круг – Рой исполнителей. Из их части могут быть избраны исполнители общих дел (15-20-30%). Причем путь каждого в практическую дискурсологию – это прохождение всех трех ступеней. От дальнего круга – к центру. Команда единомышленников образуется не только благодаря вербальному обоснованию проекта, но также следующим моментам: а) Заражение нужными чувствами, в) Внушение нужных стереотипов, в) Убеждение посредством значимых идей. Идея начинает приобретать единомышленников уже на первом этапе. Потом единство усиливается. В конечном счете, достигает максимума на заключительном этапе.

ПРАКТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ДИСКУРСОЛОГИИ.

Суть – эффективно управлять участниками проекта словом, на основе единой голографической ментальной карты проекта, формирующей команду единомышленников, реализующей совместные дела. Необходимо, чтобы реализуемое дело, обязательно становилось любимым делом членов команд, чтобы участники проекта – постоянно добивались для себя успеха. Важно, что каждому необходимо обеспечивать и свои качественные цели, и свои средства достижения этих целей. Обеспечение только своих целей приводит к потере партнеров, к ослаблению своего роя. Равное обеспечение интересов всех – приводит к забвению своих целей. В связи с этим, необходимо постоянно заботиться о себе и помогать всем членам проекта, включая потребителей. В результате обеспечения единства интересов любой проект оказывается успешным. А его исполнители оказываются победителями.

ПРОГРАММИРОВАНИЕ УСПЕХА.

Жизнь – по программам. Жизнь человека всегда обуславливается определенными программами.

Обычно программы формируются под воздействием повседневной жизни, СМИ, образования. При этом формируются программы далеко не всегда выгодные для человека. Гораздо лучше для

него получить инструменты самостоятельного программирования. А далее его задача – формирование себя как самодостаточной личности. Причем, для этого необходимы постоянная поддержка со стороны учителя. И только когда человек сам становится учителем, требуется обсуждение вопросов с другими учителями.

Поэтому необходимо правильно программировать себя на достижение успеха. А для этого надо формировать круги единомышленников и помощников.

Для достижения успеха необходимо его запрограммировать.

Успех возможен даже на базе самообучения по изданной книге. Плюс практика. Причем, поскольку мы встречаемся чаще с необходимостью не программирования, а перепрограммирования, вначале требуется уничтожить старую программу в собственной голове, просмеяв ее символы и знаковые фигуры.

Для программирования необходимо знание СТРАТЕГИИ, СОДЕРЖАНИЯ И СТРУКТУРЫ ПРОЕКТА.

Обязательно участие в специальных занятиях под руководством менеджера.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЕКТНОГО ВРЕМЕНИ.

ВРЕМЯ ПРОЕКТА ВЕРОЯТНОСТНО. Чем больше дел проделываешь в 1 день, тем быстрее он у тебя проходит. То есть, количество дел и скорость движения времени воспринимается обратно - пропорционально. Поэтому, если ты говоришь, что не хватает времени, необходимо делать дел по проекту как можно больше. И тогда время будет протекать, с одной стороны, быстрее, с другой, дел будет больше.

ВРЕМЯ ПРОЕКТ МНОГОМЕРНО. Чтобы достичь успеха, надо видеть у проекта: «вчера», «сегодня» и «завтра».

Все люди и научные школы воспринимают не все эти времена. Одни живут прошлым (Вчера). Вторые – сегодняшним (Сегодня). Третьи – завтрашним (Завтра). Крайне желательно преодолеть границы времен, тогда ты будешь жить полной жизнью.

ВРЕМЯ СУЩЕСТВУЕТ В РАЗНЫХ МАСШТАБАХ.

Рассматривая будущее проекта, необходимо запланировать, что будет с ним через 1, 3, 7 лет,

через 25, 50, 100 лет. а также через 150, 300, 1 200 лет. Если вы забыли какой-либо масштаб, тем самым, вы не увидели все необходимое для успеха. Если рассмотрели то, быстрее пойдете по «Пути Успеха».

НЕОБХОДИМО УЧИТЫВАТЬ ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ВРЕМЕНИ.

Если вы хотите сделать свою жизнь долгой, интересной и успешной, делайте как можно больше дел. Результаты Пути успеха в связи с этим носят вероятностный характер. Они могут быть и лучше и хуже.

Пять разрушающих свойств.

Что мешает тебе?

1) Зависть. Отбирает силы и время на то, что не приносит тебе пользы. Чем больше зависти, тем больше потеря сил.

2) Пассивность. Делает невозможным реализацию проектов.

3) Скука. Делает в проекте дополнительный серьезный барьер.

4) Самомнение. Переоценка своих сил заставляет тебя браться за то, к чему ты способен.

5) Жадность. Формирует твоих противников и врагов. Растет конкуренция. Меньше шансов реализации проектов.

СЕМЬ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ СУБЪЕКТОВ.

Что сделает тебя сильнее?

1) Энергичность. Это самое главное. Есть энергия и ты свершишь невозможное. Нет – тогда ты ничего сделать не в состоянии.

2) Дружелюбие. Позволяет привлечь партнеров в твой рой.

3) Сострадание. Привлечет к тебе сторонников.

4) Беспристрастность. Позволит тебе не переживать и логично строить твой проект.

5) Простота. Существенно облегчает понимание и реализацию твоих проектов.

6) Добросовестность. Надежность – 100%. Если ты взялся за проект – значит ты его реализуешь.

7) Мудрость. Позволяет все делать правильно и эффективно.

Greg Simons (Упсала, Швеция)

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА КАК СВЯЗЬ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ И РАЗВЛЕЧЕНИЕ

Доктор Грег Саймонс

Упсала-Центр
российских и
евразийских
Исследований, Упсала-
университет Крисмарт,
шведский Колледж
Национальной
обороны, член-
корреспондент МАДИ

Введение

Формат новостей и производства подверглись быстрому преобразованию, наряду с технологиями, распространяющими информацию. Традиционно новости рассматривались как серьезный предмет, который должен быть передан целевой общественности в такой манере, которая позволяла бы потребителям новостей получать обоснованное представление, которое основано на более или менее объективной информации.

В то же самое время использование информационных технологий в политической сфере находится в процессе непрерывного развития и процесса точной настройки. Уже во время Первой мировой войны (1914-19) и в начале 1920-ых связи с общественностью подверглись быстрому преобразованию, сторонники Эдварда Бернейса, Вальтер Липпман и Джордж Крил изобрели новый способ управления государственной политикой. Они полагали, что общественность (в демократических обществах) должна была «управляться», чтобы облегчить задачу управления. Увеличение численности населения приводит к более разнообразному набору мнений, которые, в свою очередь, означали, что это увеличенное разнообразие замедлило процесс принятия решений правительством и бюрократией.

Эта «проблема» заключалась в том, чтобы управлять общественным сознанием через руководящую информацию, таким образом за-

трагивая восприятие и мнения. В современной окружающей среде этому процессу манипуляции способствуют производство новостей и представление их в средствах массовой информации. Поэтому целью этой статьи является выдвижение на первый план врожденных ошибок и дефицитов в жизненной и объективной информации, помогающей общественности достигнуть, предположительно, «демократического» урегулирования. Ситуация подрывает объявленные принципы, которые являются главенствующими в поддержании здорового и демократического общества.

Для того, чтобы данные цели были достигнуты, необходимо затронуть множество тем. Статью необходимо начать с описания текущего состояния производства новостей и стандартов. Следующим вопросом, который будет проанализирован, является проблема того, как политика, война и средства массовой информации взаимодействуют между собой, и почему это происходит именно таким образом. Считаю нужным привести пример, чтобы выдвинуть на первый план и продемонстрировать последствия двух предыдущих секций, используя недавнее наступление, начатое НАТО в южном Афганистане.

Производство новостей и стандартов.

Средства массовой информации являются ключевым компонентом в демократической структуре. Специальный уполномоченный Марселино Орея возглавил Группу Высшего Уровня по Аудиовизуальной политике, которая способствовала отчету Европейской комиссии. Предпосылкой результатов было то, что «современное демократическое общество не может существовать без коммуникационных СМИ», которые (1) широко доступны; (2) отражают плюралистическую природу такого общества, не подчиняются никакой точки зрения или управляются одной заинтересованной группой; (3) делают необходимую информацию доступной для граждан, чтобы составить мнение об их жизнях

и их сообществах; (4) обеспечивают средства, посредством которых общественные дебаты, которые подкрепляют свободные и демократические общества, могут иметь место, средства, что означает, что рынок не обязательно поставит свое собственное. (Oreja и др., 1998: 9)

Британский социолог Энтони Джидденс описал сложные отношения между средствами массовой информации и демократией: «Мы не можем выпустить СМИ из этого уравнения. У СМИ, особенно телевидения, двойственное отношение к демократии. С одной стороны, как я подчеркнул, появление глобального информационного общества – сильная сила демократизации. Но, все же, телевидение и другие СМИ склонны разрушать общественное место диалога, который они открывают, посредством неустанного упрощения, и олицетворения политических проблем».

Способ, которым представлены новости подвластен двум изменяющимся аспектам производственного процесса новостей. Новости стали 24-часовым, семидневным недельным бизнесом, и как таковой требует «кормления» информацией постоянно. Одновременно с этим службы новостей сокращали количество журналистов, чтобы в финансовом отношении упростить их организацию при все более и более трудных экономических обстоятельствах. Это означает, что уменьшилось количество журналистов, доступных в период увеличенного производства новостей.

Эти два аспекта относятся к физическому процессу сбора и посылки новостей. Происходят иные изменения в отношении и подходе к стилю и формату новостей. Это – процесс «падения» новостей вниз, «таблоидизация» производства новостей. С одной стороны, этот процесс повреждает демократию, упрощая действительность и таким образом способность принимать действительно обоснованные решения. С другой стороны, этот процесс обеспечивает доступ к информации о политике и обществе. Но этот аргумент все же упускает много проблем.

Таблоидизация – в целом отрицательный процесс. Жизнь и политика не просты, и пытаясь упростить эту ситуацию и угождая «более низким» интеллектуальным стратам общества, делается основное предположение – то, что

общественность слишком глупа, чтобы понять. Дополнительно, те, кто классифицированы как прибывающие из более интеллектуальной страты, лишены их права на более объективную информацию.

Все эти аргументы урезаны, однако, одним соображением, которое имеет отношение к этому пункту, но, которым пренебрегли – экономикой. Повышение корпоративных СМИ, и концентрация активов средств массовой информации во все меньшем количестве рук оказали влияние на формат и качество новостей. Корпоративные средства массовой информации могут поддерживаться через такие механизмы как Корпоративная социальная ответственность и т.д, чтобы иметь общественный интерес в глубине души. Действительность и экономика говорят иначе, главным беспокойством корпоративных средств массовой информации, чистых и простых, является прибыль. И это мотивирует стиль и выбор с точки зрения программирования и подходов к представлению информации.

«Щекочите общественность, заставьте их усмехнуться,

Чем больше Вы щекочете, тем больше Вы победите;

Уча общественность, Вы никогда не разбогатеете,

Вы будете жить как нищие и умрете в нищете».

Вышеупомянутое четверостишие было опубликовано в британской газете Daily Mail, в специальном выпуске, отмечающем его столетие (выпущена в 1896). Эта цитата столь же проста, как и цинична. Поэтому образовательные и поучительные функции и потенциал средств массовой информации принесены в жертву за большую финансовую прибыль.

Взаимодействие политики, войны и СМИ

Война и политика переплетены и война представляется как расширение политики другим средством, которое не является чем-то новым в истории человечества. Это было выражено Карлом фон Клаузевицем, а задолго до него Сан Тзу. Однако, существенное различие и изменение

в политических системах фон Клаузевица и Сунн Тзу заключается в том, что текущая политическая система находится в пределах контекста демократического фонда. Это означает, что должно быть согласие или по крайней мере появление согласия, чтобы продвинуть или продолжить политику, и особенно так, если политика влечет за собой определенный элемент риска, такого как вооруженное столкновение.

В связи с тем, что наступающие конфликты как таковые должны иметь хорошее оправдание и смысл неизбежности, враги, жестокие и безжалостные, не могут осуждать их. Когда дело доходит до продолжающейся войны или конфликта, должно быть представление о том (с правительственной точки зрения), что есть «положительный» прогресс. И если не объявлено, что война не выигрывается, общественность по умолчанию может предположить, что она проиграна. Смысл справедливости и законности также должен быть продолжен.

Где же средства массовой информации вписываются в уравнение? Во-первых, нельзя предположить, что средства массовой информации должны играть роль общественного опекуна (защита прав человека, демократии или общественного интереса), по причинам, которые были приведены в предыдущей секции. Интересы корпоративного владельца СМИ и правительства, которое ищет причины для войны, могут фактически сходиться. К тому же средства массовой информации склонны поддерживать правительство во время войны, а не бросать им вызов. Также, будучи элементом экономики, вооруженное столкновение – продаваемый товар и как ‘хорошая’ история, он потенциально может увеличить прибыль.

Хотя конфликт в 2008 между Грузией и Россией не является частью исследования, он очень иллюстративно показывает подход, с которым журналисты освещали тему вооруженных столкновений в либеральных СМИ. Питер Вилби (the Guardian) привел множество причин, по которым они потерпели неудачу. Одной из них был выбор времени войны – не только во время летних каникул, но также и в день открытия Олимпийских Игр в Пекине. Это означало, что большинство журналистов не были доступны, чтобы осветить этот случай.

Дилемма заключается в том, что новости должны продолжаться, пока идут разговоры. «Им нужно сказать, кто является положительным героем, а кто – злодеем. Помните, что новости – это часть индустрии развлечений». Ежедневная и еженедельная природа производства новостей продвигала историю, которая сделала журналистов более уязвимыми к «информации», предлагаемой компаниями по связи с общественностью (работающими от имени правительств или части правительства), вовлеченными в конфликт.

Дая Туссу отмечает, что требования 24-часового цикла новостей означают, что журналистам трудно получить достаточный материал, чтобы заполнить эфирное время. Он отмечает, что в отсутствие потока информации, журналисты склонны работать над слухами, производить отчеты и использовать недостоверные источники. Приводя в пример случай 9/11, Туссу заявляет, что телевизионные сети обратились к предположениям и слухам, а не к проверенной информации. Ведь всегда существует порыв использовать любую новую информацию, даже если это в лучшем случае отдаленно связано с событиями. Таким образом, когда правительственные агентства и агентства по связи с общественностью снабжают средства массовой информации материалом во время вооруженного столкновения, на него накладываются и срочно распространяют без должной старательности, не проверяя источники и точность информации. Те люди, которые распространяют такую информацию, просто используют врожденные слабости глобальной производственной системы новостей.

Это, конечно, предполагает, что отдельные рассматриваемые информационные агентства не союзничают с теми акторами, поставляющими информацию средствам массовой информации. Так или иначе, два союза таких акторов состоят в своего рода симбиотических отношениях друг с другом. Одним из примеров этой ситуации являются имена, назначенные на военные операции, которые разработаны, чтобы передать различные утопические идеалы, которые выполнены менее утопическими средствами. Например, в 2003 вторжение в Ирак назвали Операцией по освобождению Ирака.

К.О. Квятковский (Челябинск)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЛОГОСФЕРА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Квятковский
Кирилл Олегович

аспирант Института
философии и права
УрО РАН

Интерес к феномену политических блогов и блогосферы в российской и зарубежной науке достаточно велик. На наш взгляд, он вызван необходимостью сформулировать ответы на два предельно важных вопроса: меняют ли блоги стратегии информационной деятельности человека, и можем ли мы утверждать, что эта деятельность связана с вопросами политики? В результате изучение дискурса политической блогосферы распадается на ряд направлений исследований, поддержанных политической лингвистикой, теорией политических коммуникаций, политической дискурсологией, политической социологией и др. Такая диверсификация укладывается в логику постклассической научной парадигмы, предлагающей изучать объект не сам по себе, но в системе его связей с внешней средой, тем самым «провоцируя» исследователей на междисциплинарность в методологии и работу на пересечении проблемных полей.

Политическая блогосфера как объект изучения коррелирует с данной моделью научного поиска, однако, единая, общая теория политической блогосферы отсутствует. Очевидно, этому есть ряд причин: новизна явления (массовыми блогами стали в конце 1990-х

за рубежом и только в 2000-х в России), внутренняя противоречивость объекта, трудности с определением ключевых понятий (концепт блога и блогосферы, понимание политического) и их теоретическим осмыслением. Сегодня мы имеем множество эмпирических исследований, которые сложно поддаются классификации. Должна ли эта единая теория развиваться в рамках политической науки, или же она обретет статус междисциплинарной? Так или иначе, значительная часть зарубежных исследований не отказывает блогосфере в ее онтологической связи со сферой политики.

Западные политологи рассматривают блогосферу не только как альтернативную публичную сферу, что характерно для российских исследователей, но как часть общего публичного пространства, в котором происходит столкновение и дебаты политических групп, политических субъектов в контексте борьбы за власть.

Блогосфера на Западе давно уже является полем столкновения оппозиционных политических сил, ни одна избирательная кампания не проходит без использования коммуникативных ресурсов, предоставляемых блогосферой. В этой связи западные ученые акцентируют на методологии исследования нового феномена, фиксации взаимовлияния блогосферы и системы традиционных медиа (как формируется повестка дня), а также на изучении политического дискурса в этой медиасреде (диалог между важнейшими политическими силами).

В данной статье мы в первом приближении представим обзор исследований, которые различаются как методологией, так и акцентами в проблемном поле. Обзор не претендует на полноту, но фиксирует магистральные линии для дальнейшего изучения предмета.

Изучение роли блогосферы в распределении власти в зарубежных демократиях – пожалуй, наиболее популярное направление. Методологической основой исследований в работах данных авторов стал неoinституционализм. Основная проблема, которая не сформулирована явно, но подразумевается – выяснить, насколько крепка связь виртуального пространства с полем реальной политики, и как стратегии поведения политических акторов в блогосфере влияют на формирования институтов в традиционном социально-политическом пространстве.

Г. Форрелл (H. Farrell), Д. Дрезнер (D.W. Drezner)¹ анализируют влияние политических блогов на политический процесс в США. Они поднимают вопрос: почему блоги оказывают такое серьезное влияние на все сферы жизни современного общества и в том числе на политическую сферу? По их мнению, для ответа на этот вопрос необходимо сфокусироваться на исследовании двух факторов. Во-первых, это фактор дифференциации читательской аудитории в блогах. Во-вторых, значительную часть читателей политических блогов составляют журналисты и представители политической элиты.

Политические комментаторы рассматривают блоги не просто как источник информации, но и как источник для построения фрейма интерпретации текущих политических событий. По мнению Д. Дрезнера, взаимодействие между блогосферой и основными СМИ носит каузальный характер: если основные СМИ создают фокусные точки общественного интереса и формируют восприятие проблемы под определенным углом зрения, то блогосфера создает подобные центры информационного притяжения для СМИ.

Бауэрс (Bowers), Столер (Stoler)² анализируют стратегии поведения в виртуальном пространстве двух политических сил: консерваторов и прогрессистов. Принципиальное отличие между двумя стратегиями заключается в том, что консерваторы пытаются работать в виртуальном пространстве так, как они привыкли работать в пространстве реальном. В отличие от консерваторов, прогрессивные ак-

тивисты не опираются на те системы отношений, которые сформированы в оффлайне, они, напротив, участвуют в формировании новых социальных институтов, групп, в воспитании лидеров, и таким образом формируют новую систему социальных связей. Такая стратегия позволяет активно участвовать в процессе коммуникации всем заинтересованным политическим силам и формирует среду открытого диалога между сетевыми сообществами.

Хархитай (Harhittai), Гало (Gallo), Кейн (Kane)³ представили результаты своего исследования особенностей политической онлайн-коммуникации между либеральными и консервативными блоггерами. Они попытались эмпирически проверить гипотезу о том, что с развитием информационных технологий и их потенциала для фильтрации контента, люди откажутся воспринимать точки зрения, расходящиеся с их идеологической позицией. Авторы количественно и качественно проанализировали ссылки в записях ведущих консервативных и либеральных блоггеров и пришли к выводу, что в целом эта гипотеза верна, то есть блоггеры склонны коммуницировать с теми, кто придерживается сходных идеологических позиций, однако этот процесс не ускоряется со временем. Усиление же процесса может оказаться чреватым возникновением в виртуальном пространстве таких феноменов, как «киберапартеид» и «кибербалканизация». В таком случае блогосфера, вопреки распространенному мнению, не становится пространством для диалога и обмена мнениями, а способствует социально-политической сегрегации.

Дискурсивный подход⁴ фокусируется на проблеме организации и структурирования пространства политической блогосферы. Санштейн (Sunstein) отмечает, что рост блогосферы поднимает важнейшие вопросы, связанные с выявлением и сбором информации и с сущностью демократии. Позволяют ли блоги людям получать достоверную информацию, проверять ее и исправлять ошибки? Можем ли мы воспринимать блогосферу в терминах функционирующего свободного рынка, о котором писал Хайек? Или же это

тот идеальный тип коммуникативного поля, о котором писал Хабермас? Вывод автора заключается в решении дилеммы путем отказа, как от первого, так и второго подходов. Блогосфера не может анализироваться в рамках хайековской парадигмы ввиду отсутствия в ней любой системы, эквивалентной системе стоимости. В то же время тенденция к поляризации, наблюдаемая в блогосфере так же, как и в других сферах социальных отношений, не позволяет считать блогосферу идеальным пространством для делиберации Хабермаса и, возможно, ведет к закрытию информационных потоков.

Социологические исследования⁵, изучающие блоги как социальный феномен, ставят вопрос о соотношении частного и публичного, их роли как социальных регуляторов. В меньшей мере эти исследования затрагивают политический аспект блогосферы. Ванесса Паз Деннен (Vanessa Paz Dennen) анализирует связь между нормативными требованиями, возникающими в процессе формирования сообщества в блогосфере, и реальным наблюдаемым процессом обретения идентичности.

Наконец, нельзя не отметить, интерес зарубежных исследователей к микроблогам⁶.

Активность в микроблогах — это активность игровая, а успех этой технологии связан с реализацией потребности человека в признании. В отличие от обычного блоггинга, микроблоги фокусируются на мгновенном вскрытии текущей деятельности и переживаний. Микроблоги способны создавать иллюзию установления контакта в реальном времени между людьми посредством коротких сообщений (до 140 символов), время активного существования которых предельно мало. Сами по себе микроблоги — явление политическое, поскольку они воссоздают и укрепляют реальные связи внутри общества, тем самым частично берут на себя функции института государства, которое в идеале не должно быть заинтересовано в атомизации общества.

Итак, представленный краткий обзор позволяет нам выделить четыре основных направления в зарубежной науке:

1. Роль блогосферы в распределении власти в зарубежных демократиях;
2. Анализ политического дискурса блогосферы;
3. Социологическое направление;
4. Исследования феномена микроблогов.

Как мы видим, проблемное поле исследований зарубежной политической блогосферы неоднородно, что создает трудности объективного свойства. Тем не менее, зарубежные исследования, возникающие на стыке политической науки, социологии, философии обнаруживают новый предмет изучения, связанный с пересечением сфер политики и расширяющейся сферой информационных технологий. На наш взгляд, ключевая проблема, подлежащая обсуждению, заключается в выявлении и четкой фиксации связи между сферой политических отношений и коммуникативным пространством сети Интернет в целом и блогосферы в частности (что дает политической науке изучение политической блогосферы). В противном случае, вряд ли можно будет говорить о каких-то перспективах построения теории политической блогосферы в контексте политической теории.

1. Farrell, H., Drezner, D. The power and the politics of blogs. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.danieldrezner.com/research/blogpaperfinal.pdf>.
2. Bowers, Stoler. Emergence of the progressive blogosphere: a new force in American politics. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.newpolitics.net/node/87?full_report=1.
3. Harhittai, Gallo, Kane. Cross-ideological discussions among conservative and liberal bloggers // Public Choice. — Volume 134. — 2008. — p. 67–86.
4. Munger, M.C. Blogging and political information: truth or truthiness? // Public Choice. — Volume 134. — Numbers 1-2. — January 2008. — p. 125-138; Sunstein, C.R. Neither Hayek nor Habermas // Public Choice. — Volume 134. — Numbers 1-2. — January 2008. — p. 87-95.
5. Miller, C.R., Shepherd, D. Blogging as Social Action: A Genre Analysis of the Weblog. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://blog.lib.umn.edu/blogosphere/blogblogging_as_social_action_a_genre_analysis_of_the_weblog.html; Paz Dennen, V. Constructing academic alter-egos: identity issues in a blog-based community // Identity in the Information Society. — Volume 2. — Number 1. — December 2009. — p.23-38.
6. Oulasvirta, A., Lehtonen, E., Kurvinen, E., Raento, M. Making the ordinary visible in microblogs // Personal and Ubiquitous Computing. — Volume 14. — Number 3. — p. 237-249.

«ДРУГИЕ» СМИ

Чемякин
Юрий Владимирович

кандидат политических наук, доцент факультета журналистики УрГУ, член-корреспондент МАДИ

E-mail:
chemyakin1977@
yandex.ru

Необходимость теоретического осмысления современной российской медиасистемы, сущности, особенностей и взаимосвязей составляющих ее элементов приводит к выводу о целесообразности выделения особого рода прессы. Так как все составляющие ее элементы отличаются от СМИ в традиционном представлении (традиционной, «журналистской» прессы) и этим схожи между собой, автор счел возможным назвать их «другими (иными) СМИ». К таковым относятся, прежде всего, корпоративная, партийная пресса, печать религиозных организаций, НКО, официальная ведомственная пресса.

Конечно же, каждый из этих типов СМИ имеет свои функциональные, организационные, содержательно-тематические и иные особенности, специфику в плане подачи информации. И, разумеется, данные типы средств массовой информации необходимо выделять, изучать важнейшие характеристики, тенденции развития каждого из них. При этом упомянутые типы СМИ имеют достаточно много общего – в том числе, и в наиболее важных, сущностных характеристиках. Однако до сих пор серьезные исследования данных СМИ в России проводились «параллельно», без учета этого; корпоративные, партийные и другие упомянутые СМИ было принято изучать отдельно друг от друга, без попытки рассмотреть их как особый род средств массовой информации.

Основной задачей данной статьи является выявить то общее, что есть между ними, те схожие

признаки, которые роднят между собой данные типы СМИ (иными словами, объединяют в ОСОБЫЙ РОД прессы) и, вместе с тем, отличают от всех остальных средств массовой информации. Автор также исследует специфику этого рода прессы, предлагает его определение.

Итак, по мнению автора, **такие типы СМИ, как корпоративная пресса, партийная печать, пресса религиозных и иных общественных объединений, издания государственных, муниципальных ведомств, учреждений, а также (частично) официальные общественно-политические издания, учрежденные органами власти, составляют особый род средств массовой информации, который можно назвать «другая пресса» («иная», «инструментальная»)** – в отличие от «традиционной», «обычной» прессы (в современном понимании)¹.

«Инструментальной» такую прессу правомерно называть потому, что она, прежде всего, служит ИНСТРУМЕНТОМ менеджмента, PR (или интегрированных маркетинговых коммуникаций), пропаганды. Такие СМИ априори, «по определению» зависимы, не самостоятельны. Они могут быть более качественными или менее качественными, но в любом случае они лишь «рупор», СРЕДСТВО в руках действительных субъектов влияния: конкретных организаций или личностей, которые с их помощью отстаивают свои интересы, завоевывают новые рынки сбыта продукции или «продвигают» те идеи, ценности, которые считают верными и полезными.

Эта изначально зависимая природа – важнейшая, ключевая характеристика, объединяющая разные типы «других СМИ» и отличающая всех их от прессы в традиционном понимании. Причем, «инструментальные СМИ» обычно и не скрывают своей зависимой природы. В выходных данных таких газет и журналов все могут прочесть, что это издание определенной авиакомпании, банка или промышленного предприятия, издание определенной политической партии или религиозной организации.

«Инструментальная» природа «других СМИ» определяет и специфику (цели, задачи, методы)

работы с информацией, определяет и выбор аудитории.

Среди всех видов массово-информационной деятельности, к которым можно отнести журналистику, PR, рекламу и пропаганду, в «других СМИ» на первый план выходят PR, пропаганда, политическая и иная реклама (открытая или завуалированная). Журналистика же, являющаяся «стержнем», сущностной основой контента традиционной прессы, в «инструментальных СМИ» отходит на задний план. «Удельный вес» настоящих журналистских публикаций (с их стремлением к объективности и отражению различных мнений, служения общественному благу, а не узкогрупповым интересам), в иных СМИ, в целом, значительно меньше, чем в традиционных. В некоторых изданиях журналистские материалы отсутствуют совсем, оказываясь полностью вытесненными публикациями пропагандистскими, рекламными и т.д.

Соответственно, есть различия и в важнейших целевых установках, функциях «традиционной» и «иной» прессы. Если для первой ключевой функцией обычно является информационно-коммуникационная (связанная с удовлетворением информационных интересов и потребностей аудитории), то для второй зачастую главными становятся такие функции, как имиджевая, идеологическая (пропаганда определенных ценностей и идей), образовательно-просветительская, организационно-агитационная, воспитательная, интеграционная, маркетинговая и т.д. Оперативное распространение важной информации, являющееся приоритетной задачей «традиционных» СМИ, в «других СМИ» в качестве таковой зачастую не рассматривается, а информация распространяется обычно та (и в такой форме), которая выгодна для организации-учредителя (или, по крайней мере, не противоречит ее интересам). Вряд ли можно в таком случае говорить об объективности, взвешенности и всесторонности информации. Подчеркнем, имиджевая функция (формирования положительного имиджа организации-учредителя), так или иначе, присуща всем «инструментальным» СМИ.

Конечно, для одних типов и подтипов «инструментальных СМИ» важнейшими становятся одни функции, для других – другие. Так, на-

пример, для партийной и внутрикорпоративной прессы приоритетными являются идеологическая, имиджевая и организационно-агитационная (мобилизационная), а также интеграционная функции. Схожая ситуация и с конфессиональной прессой. Правда, для нее большое значение обычно также имеют образовательно-просветительская и воспитательная функции – функции, которые в изданиях многих некоммерческих организаций выходят на первое место. Для клиентских корпоративных изданий на первый план выходят маркетинговая и рекламная функции.

К особенностям иных СМИ можно отнести то, что обычно их учредителями (владельцами) являются не издательские дома, медиахолдинги и прочие структуры, специализирующиеся на выпуске СМИ. Их учреждают, как правило, организации, для которых издательское дело (и вообще создание СМИ) является непрофильным. Собственные же средства массовой информации являются для них обычно «вспомогательным» направлением, призванным обеспечивать успех их основной деятельности.

С этой особенностью тесно связаны и вытекают из нее следующие.

Иные СМИ обычно издаются по другим мотивам и по другим «схемам», чем традиционные. Если в случае с традиционными СМИ их создатели обычно отталкиваются от интересов и информационных потребностей аудитории, от наличия тех или иных незаполненных ниш и т.д. (отсюда – и тематика, и регион распространения и стиль подачи и проч.), то в случае с иными СМИ – отталкиваются прежде всего от особенностей и целей конкретной организации-учредителя (а потом уже пытаются «приспособить» под эти цели аудиторию, влиять на нее). Для учредителя в данном случае (в отличие от учредителей традиционных СМИ) ни получение прибыли, ни максимально полное удовлетворение информационных потребностей аудитории, ни выпуск качественного журналистского продукта, обычно не являются основными мотивами создания СМИ. Основной мотив, как правило – это влияние на определенную социальную группу, воздействие на общественное мнение и поведение в собственных интересах.

Выход на самоокупаемость и прибыльность обычно не является приоритетом для «иных

СМИ». Некоторые из них вообще полностью дотируются (субсидируются) своими учредителями, некоторые в той или иной мере стремятся к самоокупаемости, прибыльности, причем порой достигают в этом успеха. Но в любом случае экономический успех/неуспех чаще всего не является для них вопросом «жизни или смерти», как для большинства традиционных СМИ. Ведь, как правило, учредители (владельцы) по мере возможности субсидируют эти СМИ и «не дают им умереть», даже если они являются убыточными проектами. Таким образом, специфика условий функционирования иных СМИ заключается в том, что они находятся частично или полностью вне ситуации рыночной конкуренции, функционируют, в отличие от традиционных СМИ, не по законам рынка (по крайней мере, эти законы не являются для них основными и непререкаемыми).

В силу этого для «других СМИ» зачастую характерно более низкое качество текстов, дизайна, чем у «традиционных», не слишком активное внедрение новых технологий. Некоторые из «других СМИ» привлекают коммерческую рекламу, но наличие системы дотаций снижает мотивацию многих изданий к систематическому поиску рекламодателей и профессиональной работы на рекламном поле. «Иные СМИ» обычно менее профессионально и активно занимаются и изучением аудитории: их выживание напрямую от этого не зависит. С другой стороны, отсутствие «критической зависимости» от вкусов читателей и от рейтингов позволяет этим СМИ не опускаться до бульварщины, до «потакания» читательским вкусам всеми возможными методами, позволяет делать акцент на просвещении, образовании своей аудитории. К сожалению, данные возможности далеко не всеми используются.

Как видим, рассматриваемый род СМИ имеет характерные особенности, важные отличия от обычной, «традиционной» прессы, причем, особенности эти проявляются в разных аспектах и элементах функционирования СМИ.

Итак, под «иными (другими) СМИ» нами понимаются средства массовой информации, принципиально зависимые от конкретной организации-учредителя (для которой издание СМИ является непрофильным, вспомогательным видом деятельности) и открыто

признающие эту зависимость, отстаивающие интересы данной организации, способствующие решению стоящих перед ней задач путем влияния на мнение и поведение представителей целевой аудитории (определенных социальных групп).

В силу специфики «иных СМИ», к ним неправильно было бы применять те же самые требования, что и к «традиционной прессе, мерить их «теми же мерками». Являясь, с одной стороны, особой частью системы средств массовой информации, с другой стороны, эти СМИ, по своей сути, – средства PR, рекламы, маркетинга, пропаганды... Поэтому и продуктивное исследование иных СМИ возможно лишь при трансдисциплинарном подходе, с использованием методологии не только теории журналистики и массовых коммуникаций, но и теории PR, рекламы и т.д.

Отметим, что иногда бывает сложно однозначно отнести издание к «другой» либо «традиционной» прессе, так как оно может обладать признаками, характерными как для первого, так и для второго рода СМИ. Например, муниципалитет может выступать учредителем (или лишь одним из учредителей) издания, проводящего достаточно независимую информационную политику и старающегося объективно освещать события. Либо, наоборот, местная власть может формально не являться учредителем (собственником) издания, но на деле оказывать решающее влияние на информационную политику СМИ, превращающегося, по сути, в ее инструмент PR. Подобные издания правомерно рассматривать, видимо, в качестве переходной ступени между «иными» и «традиционными» СМИ.

Данная статья – лишь первая попытка рассмотрения такого сложного, многогранного феномена, как «другие (иные) СМИ». Многие проблемы, имеющие отношение к данному феномену, требуют дальнейшего серьезного исследования и обсуждения.

1. Автору данной статьи в разработке проблемы «других (иных) СМИ» помогли советы, рекомендации петербургского исследователя А.Д. Кривоносова, в результате общения с которым автор и пришел окончательно к выводу о возможности объединения корпоративной, партийной, конфессиональной прессы и некоторых других типов СМИ в особый род «иной прессы».

Е.Г. Дьякова

ПЕРЕХОД К ЭЛЕКТРОННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ В РОССИИ: ТЕХНОЛОГИИ, ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

**Дьякова
Елена Григорьевна**

доктор политических наук, член Общественной палаты РФ, ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, академик МАДИ

Согласно рейтингу готовности к «электронному правительству», подготовленному ООН по итогам 2008 года, Россия занимает 60 место – см. Таблицу 1.

Таблица 1. Рейтинг готовности к «электронному правительству» (версия ООН, 2008¹)

Место в рейтинге	Страна	Баллы
1	Швеция	0,9157
2	Дания	0,9134
3	Норвегия	0,8921
4	Соединенные Штаты Америки	0,8644
5	Нидерланды	0,8631
6	Южная Корея	0,8317
7	Канада	0,8172
8	Австралия	0,8108
9	Франция	0,8038
10	Великобритания	0,7872
13	Эстония	0,7626
28	Литва	0,6617
41	Украина	0,5728
56	Белоруссия	0,5213
60	Российская Федерация	0,5120

Рейтинг готовности к «электронному правительству» рассчитывается на основе анализа сайта/портала правительства соответствующей страны, а также сайтов/порталов министерств, непосредственно отвечающих за развитие человеческого капитала: здравоохранения, образования, социальной защиты, труда и финансов. Почему в качестве индикаторов степени готовности к e-government были выбраны сайты органов власти, вполне объяснимо. Любой официальный сайт представляет собой только «видимую часть» систему государственных информационных ресурсов, необходимых для того, чтобы оказывать государственные услуги в электронном формате. Для эффективного функционирования сайта или портала как системы открытых информационных ресурсов, предназначенных для удовлетворения потребностей населения, необходима не менее развитая система внутренних документированных информационных ресурсов, обслуживающих управленческие потребности сотрудников органов власти (т.е. бэк-офис).

Рейтинг готовности к «электронному правительству» является агрегированным и основывается на показателях, сгруппированных в следующие четыре категории:

- Уровень развития инфраструктуры;
- Уровень развития человеческого капитала, фиксирующий его способность «переварить» предлагаемые в рамках электронного правительства услуги (учитывается прежде всего уровень грамотности взрослого населения);
- Уровень развития электронных услуг (web-measure index).

При расчете индекса учитывалось наличие или отсутствие той или иной электронной услуги, начиная с самого факта наличия соответствующего официального сайта или портала и заканчивая предоставлением государственных электронных услуг «полного цикла» через единый фронт-офис на основе интегрированного бэк-офиса.

– Уровень «электронного участия» (возможность гражданам высказать свое мнение о деятельности правительства в электронной форме и наличие обратной связи, т.е. учет мнений граждан в деятельности органов власти).

«Электронное участие» рассчитывается по трем параметрам: «электронное информирование» граждан о возможностях электронного участия, «электронное консультирование», т.е. создание условий для электронного участия через организацию форумов, дискуссий, блогов и сайтов представителей власти, и «электронное принятие решений», т.е. учет итогов «электронного консультирования» в процессе принятия решений и информирование граждан о том, какие решения были приняты по итогам обсуждения. При расчете данного параметра учитывается также наличие сайта/портала главы государства, и то, насколько этот сайт поощряет «электронное участие».

Подчеркнем, что прямая корреляция между рейтингом готовности к «электронному правительству» и рейтингом готовности к информационному обществу отсутствует (США, лидирующие в рейтинге готовности к информационному обществу, в рейтинге e-government занимают только четвертое место, несмотря на то, что портал правительства США считается образцовым в плане содействия «электронному участию»).

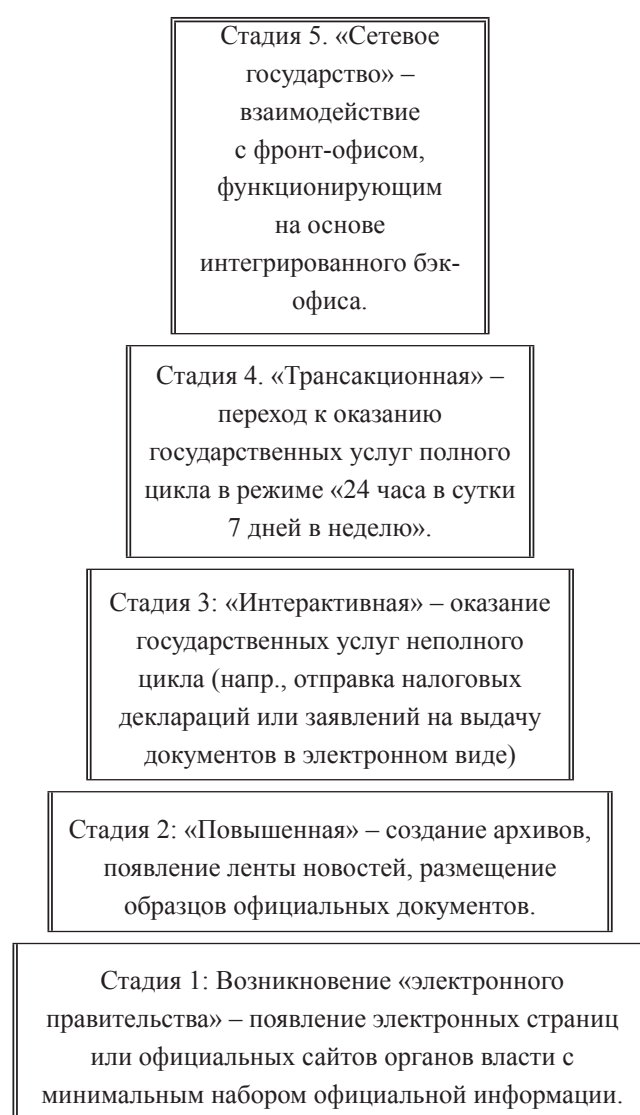
Следует учесть также, что при оценке уровня развития электронных услуг в рейтинге ООН учитываются только сайты федеральных органов власти, даже если региональные сайты уже перешли на более высокую стадию. (Этим, в частности, объясняется 10 место Великобритании: в 2008 г. сайт правительства Великобритании был изменен таким образом, что значительная часть услуг стала оказываться на уровне местных органов власти, на что на официальном сайте www.directgov.uk имеются необходимые ссылки).

Главной причиной, по которой рейтинг готовности России к «электронному правительству» постоянно снижается, несмотря на значительные усилия по развитию нормативно-правовой базы и развитие инфраструктуры является уровень развития электронных услуг (web-measure index). Россия пока в основном остается на т.н. «повышенной стадии», предполагающей оказание гражданам государственных информационных услуг, в том

числе доступа к архивам с нормативно-правовыми документами, размещения образцов документов, необходимых при взаимодействии с государственными органами и оперативного информирования о текущей деятельности ОГВ.

«Повышенная стадия» представляет собой вторую стадию в разработанной ООН пятиступенчатой «пирамиде эволюции электронного правительства» – см. Рисунок 1.

Рис. 1. Пирамида «электронного правительства»

Большинство развитых стран находятся на стадии перехода от третьей стадии к четвертой, а ряд государств перешли на четвертую стадию и вступили в пятую, предполагающую постоянное взаимодействие между различными подразделе-

ниями государственной власти в логике «много ведомств – одно государство». Например, на сингапурском правительственном портале можно получить 1 600 различных государственных услуг, охватывающих все стадии жизненного цикла и ведения бизнеса. Примером реализации принципов «сетевого государства» может служить, например, раздел «Жизнь в городе» («Housing Town») портала E-citizen. В этом разделе граждане могут обратиться за услугами в самые разные правительственные агентства: сделать заказ на проведение электричества, воды и газа, обратиться за лицензией на пользование телевизором (в Сингапуре используется британская система общественного вещания), заказать новый телефонный номер, приобрести сезонный проездной билет, и, разумеется, оплатить все эти услуги. На правительственном бизнес-портале можно зарегистрировать новую компанию, получить извещение об уплате налогов и заплатить налоги, сдать документы для получения разрешения на строительство и т.п. Все это не только повышает доверие граждан органам власти, но и значительно снижает расходы на оказание государственных услуг².

У нас, к сожалению, о таком уровне развития электронного правительства пока говорить не приходится. Проблемы с оказанием государственных услуг в электронном виде даже заставили Президента РФ в начале 2009 года назвать «электронное государство» в нашей стране «химерой»³. Благодаря политической воли Президента РФ в этой области за последнее время достигнуты значительные сдвиги.

В декабре 2009 года начал работу Портал государственных услуг www.gosuslugi.ru. Пока он работает в информационно-справочном режиме, соответствующем повышенной стадии 2. Портал содержит формы заявлений, необходимых для получения госуслуг, которые можно скопировать с сайта и заполнить самостоятельно. Для каждой из услуг указываются получатели, список необходимых документов, стоимость и порядок оплаты, сроки и результат оказания. Здесь же публикуются связанные с ними нормативно-правовые акты и адреса и телефоны ведомств. В 2010 году должен заработать раздел «Личный кабинет», где пользователю будут доступны интерактивные сервисы для работы с ведомствами, а также персональные

настройки портала. Зарегистрированные пользователи смогут в электронной форме заполнить и отправить заявление на получение услуги или запрос в орган исполнительной власти, а по номеру документа, зайдя в «Личный кабинет», можно будет отследить статус своего обращения. Тем самым будет осуществлен переход на интерактивную стадию 3.

Однако для того, чтобы перейти на стадию 4, а тем более – 5, необходимы существенные изменения в законодательстве. По некоторым подсчетам, только для того, чтобы легитимизировать 74 основные услуги, требуется внести изменения примерно в 300 федеральных законов (не считая правительственных постановлений).

Кроме того, предоставление государственных услуг в электронном виде требует перестройки, и зачастую – весьма значительной перестройки организационных структур. Например, если граждане начинают общаться с органами власти с помощью электронной почты, необходимо перестраивать отдел по работе с обращениями граждан с учетом того, что а) количество обращений резко возрастет; б) среди этих обращений будет весьма значительная доля «флуда». Если заранее не учесть эти обстоятельства, велик риск того, что чиновники будут просто не справляться с потоком обращений, провоцируя у граждан негативную реакцию.

Кроме организационных изменений, переход к электронному правительству предъявляет достаточно жесткие требования к компетентности чиновников. Эти проблемы достаточно хорошо изучены на мировом уровне, но у нас их значение осознается не в полной мере.

1. Первый барьер – низкий уровень информированности о программе перехода к электронному правительству. В связи с переходом на электронные административные регламенты к сотрудникам органов государственной власти предъявляется целый комплекс требований. Соответственно, у них могут возникнуть самые разные опасения:

- Новые регламенты приведут к увеличению объема должностных обязанностей и объема работы;

- Новые регламенты сделают их функции ненужными, и они лишатся работы;

– Они не справятся и не освоют новые навыки и т.п.

Поэтому необходимо четкое разъяснение рядовым сотрудникам органов власти целей и основных направлений перехода к электронному правительству, а также того, какие новые компетенции от них потребуются и как они смогут им обучиться. Тем самым у них будет формироваться мотивация к приобретению новых навыков.

2. Второй барьер - низкий уровень компьютерной грамотности. На первый взгляд, в этой сфере все обстоит более или менее благополучно: в органах власти стоят компьютеры, которыми чиновники более или менее эффективно пользуются. Однако на самом деле вопрос этот, по сути, пущен на самотек, и чиновники осваивают необходимые им для работы навыки таким же «методом тыка» и «методом показа и примера», как все остальные граждане. Между тем в Европейском Союзе, например, разработана система повышения компьютерной квалификации государственных служащих и их обязательной сертификации, для того, чтобы они могли успешно справляться с поставленными перед ними задачами. У нас этот вопрос периодически поднимается, однако решается на инициативной основе. Парадокс в том, что успешнее всего он решается в передовых регионах, в то время как сильнее всего нуждаются в повышении уровня компьютерной грамотности представители органов власти в регионах, где степень готовности к информационному обществу является невысокой. В таких регионах у сотрудников органов власти может случиться «технический шок» и появиться боязнь использовать новые технологии. Обучение сотрудников органов государственной и муниципальной власти должно быть неотъемлемым элементом плана перехода к электронному правительству. Пока это не так.

3. Третий барьер – психологическое сопротивление и особенности корпоративной культуры. Очень важно при реализации электронного правительства учитывать опыт рядовых сотрудников, которым, собственно, и предстоит предоставлять услуги в электронном виде. Как показывает мировой опыт, существующая в том или ином органе власти культура принятия и реализации решений может при определенных условиях полностью заблокировать переход к электронному правитель-

ству, особенно если у исполнителей создается впечатление, что новые регламенты приведут к тому, что они потеряют власть и влияние. Ситуация усложняется в условиях, когда переход к режиму «много ведомств – одно государство» потребует активного межведомственного взаимодействия и обмена информацией.

По этой причине при переходе к электронному правительству необходимо обязательно учитывать опыт рядовых исполнителей. Для примера сошлемся на успешный опыт перевода в электронный формат государственных услуг в Ирландии. Например, ирландская налоговая служба при таком переводе учла мнение не только специалистов в сфере ИКТ, но и рядовых налоговых инспекторов и представителей малого и среднего бизнеса, что и позволило создать эффективно работающую систему, считающуюся в ЕС образцовой. Обратная связь с рядовыми исполнителями нужна не меньше, чем с гражданами.

Таким образом, успешный переход к электронному правительству требует постоянного учета точки зрения рядовых чиновников, а также постоянных усилий по повышению уровня их компьютерной грамотности и снятию психологических барьеров.

1. UN E-Government Survey 2008: from E-Government to Connected Governance. [Электронный документ]. Проверено 15.11.09.

2. Chong Y.S. Government via the Internet: The Singapore Experience // Inter: The ICT Journal for Sri Lanka Inc. 2004. V. 1. Issue 2. [Электронный документ]. Режим доступа: http://www.ncs.com.sg/c/document_library/get_file?uuid=61ae1f2c-1608-464c-8f12-13b981b480d8&groupId=10113. Проверено 15.11.09.

3. Медведев Д.А. Вступительное слово на заседании Совета по развитию информационного общества в России. Г. Петрозаводск, 12 февраля 2009 г. [Электронный документ]. Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appears/2009/02/12/1535_type63374type63378type82634_212834.shtml. Проверено 15.11.2009.

4. См.: Войков Д. Минкомсвязи – о технопарках и электронном правительстве // PC Week, 03 декабря 2009 г. [Электронный документ]. Режим доступа: <http://www.pcweek.ru/themes/detail.php?ID=121419>. Проверено 15.11.09.

5. Обобщенные результаты представлены, напр., : Roadmap for E-Government in the Developing World. 10 Questions E-government Leaders Should Ask Themselves. 2002. [Электронный документ]. Режим доступа: <http://www.pacificcouncil.org/pdfs/e-gov.paper.f.pdf>. Проверено 15.11.09. Пособие подготовлено экспертами Рабочей группы по электронному правительству развивающегося мира на основе опыта как развитых, так развивающихся стран.

Е.И. Поддубнова (Челябинск)

ПОЧЕМУ РОССИЯ ДО СИХ ПОР НЕ ЭЛЕКТРОННАЯ?

Поддубнова
Елена Игоревна

аспирант Института
философии и права
УрО РАН

Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002-2010 годы)» неэффективна, — об этом сказал в мае прошлого года премьер-министр РФ В.В. Путин¹, об этом много говорилось на VII социально-экономическом форуме «Информационное общество» в г.Тверь в июле 2010 года. Почему восьми лет и 20-ти млрд. рублей, предусмотренных программой, не хватило на то, чтобы правительство стало электронным, государственные услуги «он-лайнowymi», а граждане — полноправными участниками политического процесса?

Участники упомянутого форума (на котором присутствовал Президент РФ Д.А. Медведев) сошлись на том, что основными причинами провала ФЦП «Электронная Россия» явились: отсутствие единой архитектуры электронного правительства, стратегии, налаженной связи центр-регионы, ясной методологии, единой команды внедрения электронного правительства, разрозненность и недостаточная проработанность нормативно-правовой базы². Очевидно, что приоритетными задачами авторы и исполнители глобального электронного проекта видят решение организационно-технических проблем. С наличием этих проблем трудно не согласиться, но и сводить всю сложность и комплексность ситуации к вопросам о политической воле и технологиям не следует.

Важно понять, что за информационными технологиями стоят реальные социальные и политические процессы.

Ограниченное видение причин неуспеха ФЦП во многом обусловлено узостью подхода к понятию «электронное правительство». Минкомсвязь определяет его как «новую форму организации деятельности органов государственной власти, обеспечивающую за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) качественно новый уровень оперативности и удобство получения организациями и гражданами государственных услуг и информации о результатах деятельности государственных органов»³. Западный же подход делает акцент на том, что электронное правительство — это постоянные инновации в предоставлении услуг, государственном управлении и гражданском участии через трансформацию внутренних и внешних отношений с использованием информационных технологий, в т.ч. Интернет⁴. Возможно, дословный перевод e-government как «э-правительство» обусловил роковую фокусировку на деятельности органов государственной власти, но, так или иначе, российское политическое руководство нацелено на сугубо внутреннюю реформу госуправления и мыслит «частный сектор» — граждан и бизнес — как реципиентов, а не участников электронного правительства.

Для нас интерес представляют социально-политические факторы, приведшие ФЦП «Электронная Россия» к краху.

«Тихий саботаж» со стороны государственных и муниципальных структур — это одновременно причина и следствие организационно-технологических проблем, обсуждаемых на форуме в Твери. «Из 24 поручений президента, касающихся электронных госуслуг, выполнено 7, менее трети. Хотя некоторые из них были даны правительству и Минкомсвязи еще в июле и августе 2008

года», – сетует советник главы государства Леонид Рейман⁵. Такой саботаж носит характер закономерности и встречается не только в нашей стране. Джейн Фоунтейн отмечает, что повышение эффективности и сокращение расходов означает для рядовых сотрудников бюрократических структур урезание бюджетного финансирования, сокращение штатов, потерю влияния и т.д.⁶. «Электронизация» госструктур превращается в сложный социальный процесс, полный конфликтов и борьбы.

Исход этой борьбы в некоторой степени может предопределить политическая воля ключевых фигур в государственных структурах различного уровня, зависимых от настроений электората. Информационная открытость, постоянная «обратная связь» с гражданами-избирателями рассматриваются как важный электоральный ресурс, способный принести значительное количество голосов на выборах. Этот фактор заставляет политиков преодолевать сопротивление бюрократических структур. Джеффри Рой утверждает, что мотивы, побуждающие к информационной открытости и использованию Интернет, у власти и бизнеса одинаковы – это стремление к эффективности и улучшению оказания услуг потребителям⁷.

На наш взгляд, это утверждение имеет смысл в случае, когда велика конкуренция. На политическом рынке это означает значительное количество выборных должностей. Очевидно, что в Российской Федерации этот фактор не играет большой роли: граждане в общем случае избирают депутатов уровня муниципалитета, субъекта федерации, федерации и президента. Набирает силу тенденция к отмене прямой выборности глав муниципалитетов (система «глава города (председатель представительного органа) + назначаемый сити-менеджер»). Таким образом, политическая конкуренция (и между политическими партиями, и между государственными и муниципальными служащими) в российском обществе минимизирована, следовательно, этот «двигатель» развития электронного правительства в нашем государстве отсутствует.

Еще один аспект, обусловивший неуспех реализации ФЦП «Электронная Россия» связан с состоянием гражданского общества. Председатель подкомитета по технологическому развитию комитета Госдумы по информационной политике, информатизации и связи Илья Пономарев отмечает, что «государство не автомат для продажи услуг – это механизм взаимодействия граждан. То есть не чиновники должны составлять список госуслуг, которые они могут предоставить, а граждане должны сказать, что им нужно»⁸. Такой подход продуктивен при наличии двух условий: во-первых, в обществе должны существовать развитые гражданские институты, способные артикулировать требования граждан и доносить их до власти, во-вторых, власть должна быть готова воспринимать и реагировать на запросы населения. Тем временем, соответствующие исследования дают неутешительные результаты. Ежегодный доклад Общественной палаты «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации» за 2009 год фиксирует, что 47% сайтов «электронного правительства» имеют не более двух инструментов обратной связи, 40% имеют 3–4 инструмента, 13% – 5–6 инструментов (проведение опросов, обсуждение, ответы экспертами ведомства, предоставление информации и др.). В докладе также отмечается, что «электронные правительства» стран ЕС и США применяют около 20 инструментов обратной связи, в России фактически – пока только 6⁹.

Под вопросом остается востребованность электронного правительства (как канала коммуникации общества и власти) со стороны населения. Оптимисты указывают на то, что месячная Интернет-аудитория среди взрослого населения страны составляет уже 43 млн. человек. Пессимисты задаются вопросом: все ли из этих людей захотят воспользоваться веб-сайтами официальных структур для осуществления взаимодействий с государством (если мы не ограничиваем взаимодействие только получением гос. услуг). П. Норрис и Дж. Кертайс на основе изучения британской общественности пришли к выводу, что Интернет имеет гораздо меньшее значение,

нежели традиционные каналы политического участия. Политическая активность «онлайн-аудитории» напрямую зависит от социально-политических характеристик этой аудитории, сама по себе электронная форма коммуникации не способна увеличить степень политической активности¹⁰. Следовательно, если востребованность конвенциональных форм политического участия в России невысока, то ожидать ажиотажа вокруг электронных форм взаимодействия населения с государством не стоит.

Более того, фонд «Общественное мнение» выявил, что доля месячной Интернет-аудитории ниже среднероссийской в городах с численностью населения ниже 100 тыс. человек и в селах. Но именно здесь проживает около половины всего населения страны. При этом более 44% жителей небольших городов и 50% жителей сел заявляют, что не хотят пользоваться Интернетом. Цифры вскрывают важную проблему, о которой мало говорят на «высшем уровне»: телефонизация и «интернетизация» сел и малых городов не делает жителей автоматически носителями сознания людей информационного общества. «Цифровое неравенство» невозможно преодолеть только техническими средствами, оно обусловлено и социокультурными различиями социальных групп.

Таким образом, мы выходим на сложный комплекс социальных и политических процессов, без учета которого никакая организационно-техническая модернизация органов власти не приведет к созданию «электронного государства» в России. С одной стороны, это процессы внутри политического сообщества (сопротивление бюрократических структур и отсутствие политической воли руководителей разных уровней), с другой стороны – процессы внутри гражданского общества (несоответствие общественного сознания принципам и идеалам информационного общества, слаборазвитые гражданские институты). Эти процессы, проходящие на двух различных уровнях, связаны общими проблемами отсутствия политической конкуренции, свертыванием поля публичной политики, исключением

широких слоев общества из политического участия. Без постепенной трансформации общего институционального контекста, без осознания указанных процессов как проблемных электронное правительство (в комплексном его понимании) так и останется прозорливой мечтой¹¹.

1. В.В.Путин. Приветственное слово на совещании по вопросу «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010)»». Официальный сайт Председателя Правительства РФ Владимира Путина. 27 мая 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://premier.gov.ru/events/news/4240/>. Проверено 07.09.2010

2. Миллер С. Итоги VII Тверского социально-экономического форума «Информационное общество». Межрегиональная общественная организация содействия развитию рынка геоинформационных технологий и услуг «ГИС-Ассоциация». 12.07 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gisa.ru/65306.html>. Проверено 07.09.2010

3. Электронное правительство. Министерство связи и массовых коммуникаций РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minkomsvjaz.ru/3495/3500/>. Проверено 07.09.2010

4. Roy J. E-Government in Canada: Transition or Transformation? / Current Issues and Trends in E-Government Research. Editor Donald Norris. USA – UK, CyberTech Publishing., 2007. – p.45.

5. Фалыхов Р. «Электронное правительство» тормозит // Газета.ру от 7.07.10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/financial/2010/07/06/3395116.shtml>. Проверено 07.09.2010

6. Fountain J.E. Building the Virtual State: Information Technology and Institutional Change. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2001. – p.13.

7. Roy J. E-Government in Canada: Transition or Transformation? / Current Issues and Trends in E-Government Research. Editor Donald Norris. USA – UK, CyberTech Publishing, 2007. – p.46.

8. Миллер С. Итоги VII Тверского социально-экономического форума «Информационное общество». Межрегиональная общественная организация содействия развитию рынка геоинформационных технологий и услуг «ГИС-Ассоциация». – 12.07 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gisa.ru/65306.html>. Проверено 07.09.2010

9. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. Официальный сайт Общественной палаты Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oprf.ru/documents/1151/1256/>. Проверено 07.09.2010

10. Norris P., Curtice J. If You Build a Political Web Site, Will They Come? /Electronic government: concepts, methodologies, tools and applications / Ari-Veikko Anttiroiko, editor. Hershey – New York, Information Science Reference (an imprint of IGI Global), 2008. – p.697.

11. Предполагаемый бюджет программы «Информационное общество», призванной сменить «Электронную Россию» составляет около 375–400 млрд. руб.

И.А. Шкурихин (Томск)

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ОППОЗИЦИОННЫХ ПАРТИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Шкурихин
И.А.

аспирант ТГУ, г. Томск

В настоящей работе мы сосредоточимся на выявлении коммуникативных стратегий оппозиционных партий в Государственной Думе Томской области (далее – ГД ТО), анализе их содержания и соотношения друг с другом в системе внутрипарламентских коммуникаций.

Внутрипарламентские коммуникации согласно логике парламентаризма должны подчиняться демократическим принципам организации. Неоспоримо, что парламент является институтом формирования демократической воли. Однако в этом процессе можно по-разному расставить акценты. Дж.Милль полагает, что функцией парламента является формирование политической воли, которая складывается из соотношения сил, получивших свое представительство в законодательном собрании¹ (большинство). Для М.Вебера парламент является «кузницей» публичных политических лидеров, умеющих находить компромиссы между противоборствующими интересами². У К.Шмитта и Ю.Хабермаса демократический смысл парламентаризма связан, прежде всего, с рационализацией общей воли. Согласно К.Шмитту «парламент – место, где обсуждают, т.е. в дискурсивном процессе, разбирая аргумент и контраргумент, добывают относительную истину»³, по Ю.Хабермасу «смысл демок-

ратических процедур правового государства состоит в том, чтобы институционализировать коммуникативные формы, необходимые для разумного формирования воли»⁴. Таким образом, мы рассмотрим коммуникативные стратегии оппозиционных партий в фокусе их отношения и вклада в формирование общей воли.

Под коммуникативной стратегией мы будем понимать единство целей и средств дискурсивного воздействия на социальную практику. О.Иссерс считает, что «коммуникативные стратегии ... имеют глубинную связь с мотивами (смыслами – прим. И.Ш.), управляющими речевым поведением личности, и явную, наблюдаемую связь, с потребностями и желаниями»⁵. Здесь действует тонкая социокогнитивная логика, о которой писал А.Шюц, – «пока действующий живет в своем проектировании действия, он чувствует себя мотивированным только спроектированным поступком в модусе «для-того-чтобы»⁶, при объяснении же своих действий акторы используют ретроспективную конструкцию «потому-что»⁷. Таким образом, смысл коммуникативного действия, особенно в политической сфере, лучше эксплицировать не только из того, как его обосновывают сами акторы, но исходя из специфических особенностей сложившейся коммуникативной ситуации. В плане интерпретации мотивов важную роль играют дискурсивные средства их выражения. Мы исходим из того, что наиболее сильные мотивы имеют наиболее яркое дискурсивное воплощение.

Если рассмотреть собрания ГД ТО за 2009 г. с точки зрения яркости и политизированности дискуссии, то наиболее показательным будет 33 собрание, которое состоялось 14 ноября в Белом Доме. Несмотря на то, что каждое собрание уникально и коммуникативные стратегии сильно варьируются в зависимости от текущей общественно-экономической и политической

ситуаций, в этом коммуникативном событии был аккумулирован самый широкий спектр стратегий оппозиции. Такой анализ позволит нам лучше судить о том репертуаре дискурсивных возможностей, которым обладают оппозиционные силы в ГД ТО.

Предварительно раскроем в общих чертах расклад сил в ГД ТО. Из 42 депутатов ГД ТО, прошедших в ходе выборов 2007 г., 10 являлись членами оппозиционных партий (3 – ЛДПР, 3 – КПРФ, 2 – СР, 2 – СПС). В настоящее время СПС уже не существует, из ЛДПР исключен один депутат (С.Руденко). Тем не менее, несмотря на малочисленность, оппозиционные партии дают о себе знать в публичном пространстве, как Думы, так и вне нее. Малочисленность не только не размыла, но, наоборот, укрепила партийные идентичности этих партий, представители оппозиционных партий рассматривают себя как барьер против сползания к авторитарной однопартийной системе. Это создает линии напряженности, которые время от времени проявляются в таких дискурсивных событиях, как критика ведения дискуссии на Думе, замечания по поводу партийной ангажированности некоторых решений, в публичных выступлениях относительно общего политического курса правящей партии и др. Под давлением оппозиции правящая партия предоставила возможность создавать фракционные объединения, численностью не менее 2 членов. Это обстоятельство придало новый импульс для развития оппозиционных настроений и более твердой критике правящих сил (учитывая, что «Единая Россия» имеет большинство, достаточное для принятия любых решений на Думе (32 депутата при 22 голосах, необходимых для принятия большинства решений), ее можно называть не просто доминирующей, но правящей силой). Несмотря на упразднение СПС, депутаты, прошедшие от нее, продолжают придерживаться ранее обозначенных партийных ориентиров, но резких политических выступлений не делают. Представители от Справедливой России ориентированы скорее на достижение более высоких результатов на следующих выборах (Г.Немцева участвовала на мэрских выборах, партия проводит регулярные соцопросы и др.), чем на текущую парламентскую деятельность

(в стенограммах заседаний вряд ли увидишь хоть одну реплику с их стороны). Таким образом, область анализа сужается до двух партий, которые демонстрируют свою оппозиционность на заседаниях Думы – это КПРФ и ЛДПР. Позиции данных объединений в Думе выражают Н.Кириллов (наиболее активный парламентарий от КПРФ) и А.Диденко (лидер регионального отделения ЛДПР).

Рассмотрим их заявления, которые по обыкновению, делаются перед обсуждением повестки. Н.Кириллов начал с того, что призвал депутатов принять негласное соглашение по следованию предложениям Президента (из текста Послания ФС РФ), помочь с реализацией его идей на уровне регионального законотворчества. Целями такого шага, на наш взгляд, являются, во-первых, желание ослабить локальные зависимости во властных структурах ТО, во-вторых, стремление обеспечить свободу маневра в законотворческом процессе – ссылки на позицию Президента будут не обязательным, но сильным аргументом в дискуссии. Особенностью дискурсивного воздействия была мягкость тона и подчеркивание неформальности данного соглашения (так как на формальном уровне, т.е. через голосование, оно вряд ли пройдет). Далее он предложил размещать на сайте Думы стенограммы заседаний, что с одной стороны соотносится с линией спикера Б.Мальцева по увеличению информационной открытости работы Думы, с другой – подрывает систему поверхностного обсуждения законопроектов во второй части собрания (ибо отсутствие вопросов и реплик по некоторым, достаточно интересным законопроектам может насторожить посетителей сайта). Главным событием для ЛДПР, о котором решил публично заявить ее региональный лидер, является создание фракции. А.Диденко начал свое выступление с того, что предложил всем желающим вступить в только что созданную фракцию. В фактическом отношении это предложение звучит весьма наивно – во-первых, мало кто (естественно, из одномандатников) захочет перейти от большинства к меньшинству, чтобы потерять влияние, во-вторых, большинство парламентариев ГД ТО имеют гораздо более высокий социальный статус, чем Диденко,

поэтому войти в его фракцию, тем самым, подчинившись его воле, для них невыносимо. Но в символическом смысле данное предложение можно ассоциировать с призывом к оппозиционности, который вполне может встретить определенные отклики. Далее политик весьма умело связал общие и пока абстрактные призывы президента к реорганизации региональных парламентов с внутренним состоянием ГД ТО: «сколько мнение оппозиции будет игнорироваться?», даже президент идет с нами на уступки, а ГД ТО и администрация ТО не хотят... В цитированной фразе используется такой прием как литота – на самом деле «Единая Россия» не только декларирует, но и реально делает шаги в сторону увеличения возможностей оппозиции влиять на процесс принятия решений (разрешила фракции, включает членов оппозиции в рабочие группы, предоставляет им право выступить в соответствии с Регламентом и т.п.), но лидер оппозиционной силы сознательно умалчивает об этом для усиления эффекта гипертрофированной модели власти. Последнее предложение, которое прозвучало в заявлении Диденко, состоит в создании ассоциации оппозиционных фракций с целью контролировать законотворческий процесс в ГД ТО. Как я уже отмечал ранее, численность объединенной оппозиции в лучшем случае может составить 10 депутатов. Влиять на принятие законодательных решений в таком составе очень трудно, но выступать в СМИ может даже очень эффективно: объединение нескольких, пусть и небольших сил в информационном пространстве может смотреться не менее весомо, чем одна большая сила. Относительно функциональной роли в парламентском процессе Кириллов выступает за рационализацию, Диденко – за изменение баланса сил между меньшинством и большинством.

Настоящая дискуссия разгорелась по вопросу о внесении изменения в ст. 66 Закона ТО «О муниципальных выборах в Томской области» (в 2-х чтениях). Суть предложения, которое было разработано рабочей группой и озвучено председателем правового комитета, состояло в том, чтобы для малых поселений (менее 100 тыс. жителей) установить квоту для определения победителя выборов в первом туре

в 35%. Аргумент о повышении легитимности и ответственности на местном уровне власти не смог совладать с сомнениями в политическом смысле этого закона. Состоялся такой диалог:

- Кириллов: кому это надо, кому это выгодно?

- Шамин: если Дума проголосовала, то всему народу.

- Кириллов: это демагогия.

Первым вопросом Кириллов вывел дискуссию на политический уровень и следующим замечанием раскрыл попытку дезавуировать эту проблему. Далее Кириллов делал только организационные замечания: на попытку остановить прения ответил: «уже люди записались ведь»; на постановку процедурных вопросов предложил иной порядок, чем Шамин; и несколько раз предложил продолжить обсуждения вместо голосования. Высокая активность привела к тому, что депутат от КПРФ добивался своего. Особенностью этого диалога было то, что он оспаривал неформально приоритетное право Шамина (как председателя правового комитета и зам. Председателя Думы) трактовать Регламент и использовал гул недовольства депутатов попытками закончить обсуждение раньше, чем вопрос прояснится.

Участие Диденко в дискуссии было обусловлено несогласием с трактовкой Шаминым его позиции на рабочей группе. Диденко заметил, что сохранил право на особое мнение, отличное от позиции группы, в то время как Шамин декларировал, что группа после долгих споров сошлась на одной позиции, которая и была озвучена им. Из его выступления не совсем было понятно, что именно отличного от мнения группы он имеет, но мы не будем делать однозначных выводов, оставляя область для более точной интерпретации. Сам факт такого несогласия уже примечателен и весьма неприятен для процесса принятия решений на Думе, поскольку депутаты в основном полагаются на мнение рабочей группы, а оно оказалось недостаточно согласованным. Шамин предоставил слово А.Куприянцу, руководителю фракции ЕР, который призвал доверять решению рабочей группы и прекратить прения по данному вопросу. Но такой подход не устроил депутатов, и обсуждение продолжилось. Примечательно

также, что в своей речи Диденко усомнился в авторитете прокурорского решения, которое большинство депутатов обычно принимают как данность.

Таким образом, критический настрой оппозиции проявил себя в самых разных моментах парламентской дискуссии. Коммуникативные стратегии оппозиции носят как политизированный (стремление изменить соотношение сил), так и рационализаторский (поиск лучшего аргумента) характер, что делает парламентский процесс в ГД ТО разносторонним и качественным.

1. Милль Дж.Ст. Размышления о представительном правлении / Перепечатка с издания Яковлева, СПб., 1863.- С.16,72.

2. Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии (1918) // Политические работы 1895-1919.-М.: Практис, 2003. -С.236-243.

3. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Политическая теология.-М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.- С.207.

4. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. - М.: Наука, 1992.-С.71.

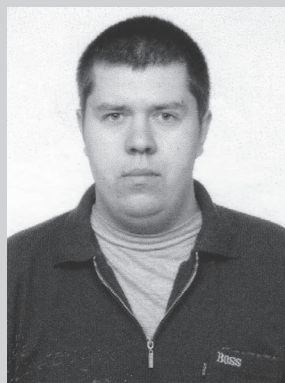
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи.-М.: URSS, 2005.-С. 57.

6. Шюц А. Выбор между проектами действия // Избранное. Мир, светящийся смыслом. - М.: РОССПЭН, 2004.- С.120.

7. Там же. С.120-122.

Р.С. Мухаметов

МЕСТО И РОЛЬ «ПАРТИИ ВЛАСТИ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

**Мухаметов
Руслан Салихович**

кандидат политических наук, ассистент кафедры теории и истории политической науки
УрГУ, доцент МАДИ

Термин «партия власти» прочно закрепился в российском политическом лексиконе. Данный титул поочередно принадлежал таким партийным и общественно-политическим организациям, как «Демократический выбор России» Е. Гайдара (1993), «Наш дом – Россия» В. Черномырдина (1995), «Межрегиональное движение «Единство» С. Шойгу (1999) и, наконец, «Единая Россия» (2003).

Что объединяет все эти политические организации? Основным отличительным признаком такой партии является их генезис. «Партия власти» есть порождение исполнительной власти, кремлевских кабинетов (создается «сверху»), производная бюрократической

деятельности. Специфика «партии власти» состоит в том, что, если в ЕС или США партия, победившая на парламентских или президентских выборах, в зависимости от формы правления, определяет состав и политику правительства, то в России, наоборот, т.е. исполнительная власть формирует партию. Именно это отличает исследуемую нами партию от правящей.

Другой отличительной чертой является то, что «партии власти» – это не реакция на спрос идейно-политического рынка. Это порождение рынка административно-бюрократического, вынужденного адаптироваться под идейно-политическую среду, пользоваться языком парламентской демократии. Таким образом, «партия власти» – это организационно оформленная политическая структура, создаваемая правящей элитой не просто для участия в парламентских выборах, а для обеспечения господства в Государственной думе. Функция партии власти в Государственной думе сведена до легализации (вотирования) решений президента и исполнительной власти. Эта партия *post factum* одобряет все спущенные «сверху» законопроекты. Таким образом, можно говорить о второстепенной роли партии власти в подготовке и принятии политических решений.

В то же время есть и стратегические, долгосрочные цели создания партии власти, связанные с тем, что необходим инструмент для монополизации административного контроля над политической повесткой дня, необходим инструмент, который пресек бы возможность альтернативной координации элит¹.

Стремление привлечь как можно большее число избирателей на свою сторону, расширить электоральную поддержку партии влечет за собой такую особенность партии власти, как идейно-теоретический эклектизм в программе, размытость и неконкретность идеологии, которая обычно позиционируется как центристская и сочетает в себя элементы либерализма и социализма. Так, в партии «Единая Россия» существует три клуба, а именно: Центр социально-консервативной политики, либерально-консервативный клуб «4 ноября» и Государственно-патриотический клуб.

Партия власти, в отличие от классической партии, в четком политическом позиционировании не нуждается, т.к. это лишь ограничивает ее ресурсы и возможности, нацеленные на электоральный захват власти. Как заметил В.Я. Гельман, «...отсутствие у «партии власти» выраженной идеологии отнюдь не ослабляло ее положение, а, скорее, стало одной из составляющих ее успеха»².

Таким образом, «партия власти» представляет собой электоральную партию. Партии типа «хватай всех» (catch-all party) отличаются поверхностной и размытой идеологией, ориентацией исключительно на электорат вне зависимости от его социальной принадлежности и идейных предпочтений и др. Целью таких партий является максимальное привлечение голосов избирателей, победа на выборах.

Характерной чертой идеологии партии власти остается прагматизм и нацеленность на решение актуальных социальных проблем. Так, в программных документах партии «Единая Россия» говорится: «Наш центризм состоит в готовности решать реальные, а не вымышленные проблемы, проблемы, волнующие всех и каждого, независимо от идеологи-

ческих пристрастий. Это и будет политикой, объединяющей российских «правых и левых» в служении общей Родине»³.

«Партия власти» играет роль главного выразителя интересов правящей элиты в сфере публичной политики.

Для мобилизации электората партия власти активно использует административный ресурс. Данный термин введен в оборот 9 августа 1995 года Дмитрием Ольшанским. «Административным ресурсом называется возможность использования политическими силами, партиями и кандидатами на выборах их политического положения или связей с правительственными учреждениями с целью влияния на результаты выборов»⁴, т.е. повысить результаты одних и понизить результаты других.

По мнению Р.Ф. Туровского, самой простой избирательной технологией, связанной с применением административного ресурса, является мобилизация государственно и экономически зависимых категорий населения (государственных служащих, работников государственных компаний, военнослужащих, пенсионеров и работников бюджетных организаций)⁵.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что партия власти – это организация партийного типа, созданная по инициативе и при поддержке исполнительной власти, Кремля, представленная в парламенте и по большинству принципиальных вопросов внешней и внутренней политики поддерживающая президента и правительство.

1. См.: Гельман В.Я. Трансформация российской партийной системы. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2008/03/14/gelman.html>.

2. Гельман В.Я. От «бесформенного плюрализма» – к «доминирующей партии»? // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 53.

3. Манифест партии «Единство и Отечество – Единая Россия» «Путь национального успеха». URL: <http://www.edinros.ru/news.html?id=3452> (дата обращения: 12.12.2006).

4. Административный ресурс. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 4.03.2009).

5. См.: Туровский Р.Ф. Электоральный конформизм в России и его география // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2007. № 2. С. 109.

О.Ф. Русакова

V МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА», 2010 Г.

Пятая международная научно-практическая конференция по дискурсологии открыла свою работу в январе – феврале 2010 г. на Гоа (штат Индии), куда вылетела группа членов МАДИ и преподавателей вузов г. Екатеринбурга.

По традиции такого рода научные десанты выливаются в субконференции, посвященные теме травелога. Конференция в Индии получила название «Индийская нота в международной коммуникации». Доклады. Прочитанные на нескольких заседаниях данной конференции опубликованы ниже.

Старт, данный на Гоа, был подхвачен целой серией других конференций, посвященных ме-

тодологии, теории и практике дискурсологии, которые прошли в Мехико (Мексика), Южно-Уральском государственном университете (г. Челябинск), Уральском университете путей сообщения (10 декабря 2010 г.) и на факультете политологии и социологии Уральского государственного университета им. А.М.Горького (16 декабря 2010 г.).

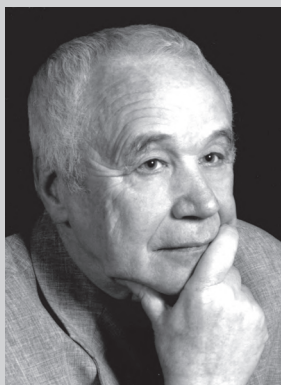
Заключительное заседание Пятой международной конференции посвящено 10-летию альманаха «Дискурс-Пи» (22 декабря 2010 г.)

Значительная часть докладов этого конференц-марафона предполагается опубликовать в январе 2011 г. в отдельном томе.

КОНФЕРЕНЦИЯ «ДИСКУРС ТРАВЕЛОГА: ИНДИЙСКАЯ НОТА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ» (ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ 2010. ИНДИЯ, ГОА)

Б.В. Емельянов

ИНДИЯ ДЛЯ ЕЛЕНЫ БЛАВАТСКОЙ: ЗОВ СУДЬБЫ

**Емельянов
Борис Владимирович**

историк русской философии, профессор,
академик МАДИ

Уникальность Елены Петровны Блаватской (Е. П. Б.) очевидна: женщина, не имевшая образования, вела научные споры (и выигрывала их!) с выдающимися учеными, а в своих книгах ставила и обосновывала проблемы, которые до сих пор не имеют решений. Ее труды оказали огромное влияние на жизнь и творчество таких известных деятелей, как К. Циолковский, Т. Эдисон, А. Скрябин, М. Чюрленис, семья Рерихов, М. Волошин, М. Ганди, Дж. Неру, А. Белый, Л. Толстой, Вл. Соловьев и др.

Научная биография Е. П. Б. еще не написана, но из многочисленных книг о ней и воспоминаний ясно одно: из десятка стран, где она побывала, только Тибет (где жил ее Учитель) и Индия были для нее самыми притягательными пространствами планеты.

Вначале Индия была для Е. П. Б. плацдармом для проникновения на Тибет. После встречи в лондонском Гайд-парке 12 августа 1851 г. двадцатилетняя Е. П. Б. со своим Учителем, который позвал ее в свой ашрам для обучения, добраться до Тибета стало ее главной задачей. В конце 1852 г. она прибыла в Бомбей, чтобы попасть в Тибет, но британский резидент в Непале не дал ей визу. Во второй раз она посетила Индию в 1856 г., но и на этот раз Тибет остался для Е. П. Б. недоступным. Пробыв в Индии почти два года, она по приказу Учителя, вероятно знавшего о предстоящих волнениях населения, через Мадрас покинула Индию. И только восемь лет спустя с 1864 по 1867 г., а затем и в 1869 г. она жила в Тибете, получая от Учителя эзотерические знания, которых так добивалась Блаватская. Там она освоила язык священнослужителей Древней Индии сензар, что позволило ей прочитать древние книги.

7 сентября 1875 г. вместе с полковником Генри Олькотом Е. П. Б. организовала Теософское общество. Спустя три года основатели Теософского общества решили, что лучшей почвой для возрождения древневосточной духовности будет Индия, и переселились в Бомбей. Активная работа Е. П. Б. и ее сотрудников началась сразу после переезда. Они старались везде возбудить интерес к красоте индусских верований и вызвать воспоминание о былой славе великого народа. Через год был основан журнал «Theosophist». В 1882 г. штаб-квартира теософов переезжает в Адьяр близ Мадраса. Е. П. Б. издательствовала в Индии вплоть до 1884 г. Такова фотография ее пребывания в Индии, где она получила тот объем религиозных, философских и эзотерических знаний Востока, которыми наполнены ее книги. И это главный результат нескольких ее путешествий по Индии.

А иллюстрацией к ним стали две книги Е. П. Б. – «Из пещер и дебрей Индостана» и «Загадочные имена на «Голубых горах», включающая в себя еще один текст «Дурбар в Лахоре: из дневников русской». В России они были изданы под псевдонимом Радда-Бай.

Первая книга Е. П. Б. – это увлекательно написанные записки путешественника, рассказывающие европейскому читателю о жизни загадочной, неизвестной ему древнейшей страны мира. Она пишет о природе и животном мире, укладе жизни ее народа, о его правителях. Путешественницу интересуют также уходящие в века обычаи, обряды, верования народа, крепостные и храмовые сооружения Индии, затерянные в ее лесах, уже подвергнувшиеся разрушению. Ее собеседниками в этом путешествии были ученые, философы, брамины; они-то и снабжали Е. П. Б. эзотерическими знаниями этой древнейшей цивилизации. И сегодня, почти полтора века спустя, ее книга «Из пещер и дебрей Индостана» – не просто увлекательное чтение, но и по сути первая информационно насыщенная картина Индии, ее истории, быта, религии.

Этот первый опыт вдохновил Е. П. Б., и следующее свое путешествие она посвятила еще более загадочной, труднодоступной местности – горным районам Южной Индии. Именно там, по ее мнению, сохраняются оккультные знания, еще не известные науке. В своей книге «Загадочные имена на «Голубых горах» она подробно рассказывает о загадочных племенах тоддов, о своеобразии их жизненного уклада и отношении к окружающему миру, а главное – об их оккультной практике, не имеющей научного объяснения, но от этого еще более привлекательной, поскольку по всей вероятности раскрывающей более глубокие, чем европейские, знания таинственных сторон человеческой психики. Е. П. Б. не просто познакомилась с ними, описала их и донесла до читателя, но и впоследствии включила в состав своего уникального мировоззрения. Индия как зов ее судьбы дала свои плоды.

М.А. Фадеечева.

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ИНДИИ

Фадеечева
Марианна
Альфредовна

доктор политических
наук, главный научный
сотрудник Института
философии и права
УрО РАН,
академик МАДИ

Неодновременность и неравномерность исторического развития народов и государств делает их взаимоотношения имманентно противоречивыми. Осмысление характера этих отношений представляется вечным вопросом политической философии. В начале XX века он был назван национально-колониальным, затем неоколониальным вопросом. В эпоху постмодерна, в глобальном мире его можно обозначить как постнеоколониальный. Этот вопрос включает в себя различные взаимовлияющие аспекты: экономический, политический, социальный, религиозно-конфессиональный, этнокультурный и т.д. Многоаспектность усложняется множеством «кейсов», когда на фоне общих мировых трендов разворачиваются уникальные национальные сценарии как постнеклассические, не укладывающиеся ни в одну исследовательскую парадигму, так и классические, отличающиеся «триединством места, времени и действия», позволяющие выявить закономерности развития национально-колониального вопроса «в чистом виде».

Классическим примером колониального развития, в частности, явилась Индия. Классическим примером анализа классического примера представляются работы американских и европейских авторов: монографии, сборники трудов, брошюры, диссертации, статьи в периодических изданиях начала XX века, изученные и обобщенные В.И. Лениным в Тетрадах по империализму. Впервые под этим названием, объединившим 20 тетрадей

с конспектами, отдельная книга появилась в 1939 г., и под этим же названием вошла в 39-й том четвертого издания Сочинений, затем в 28-й том канонического пятого издания Полного собрания сочинений В.И. Ленина. Эта совокупность конспектов известна гораздо меньше, чем Философские тетради, но имеет не меньшее значение для понимания большевистской политической философии, чем Философские тетради для понимания философии вообще. Тетради по империализму предшествуют написанию книги «Империализм как высшая стадия капитализма», и было принято признавать их особую заслугу именно потому, что в них политическая сторона империализма освещалась гораздо свободнее и шире, чем в книге, подготовительными материалами к которой они являлись. В отличие от тетрадей, написанных для себя, книга написана с учетом ее публикации в условиях российской цензуры. Тетради по империализму представляют собой гигантский труд. О его масштабах свидетельствует хотя бы то, что все ленинские выписки, составившие Тетради по империализму при их опубликовании даны в русском переводе, тогда как сам Ленин делал их на языке оригинала! Это «выписки из 148 книг (в том числе 106 немецких, 23 французских, 17 английских и 2 в русском переводе) и из 232 статей (из них 206 немецких, 13 французских и 13 английских), помещенных в 49 различных периодических изданиях (34 немецких, 7 французских и 8 английских)»¹.

Острые виртуальные ножницы позволяют вырезать из всего этого материала индийский колониальный вопрос в его исторически политическом аспекте. Ему принадлежит экстраординарная роль в мировой политической истории, так как Индия была крупнейшей и важнейшей колонией самой могущественной и влиятельной колониальной державы — Великобритании. Влияние Великобритании распространялось не только на колонии, в которые были превращены полукультурные страны субтропиков и тропиков, но и на го-

сударства европейской культуры, которые на протяжении веков находились под британским протекторатом, хотя не были формально лишены суверенитета. «Наиболее известным и важнейшим примером этого является Португалия. Со времени войны за испанское наследство (1700 – 1714) Великобритания почти непрестанно выставляла свои морские силы, а иногда и свою сухопутную армию для защиты европейских или заокеанских владений Португалии от испанских, французских нападений и притязаний... Португалия лишь благодаря поддержке Великобритании может удерживать свои, правда, небольшие, но все же имеющие значение для такого малого государства, как Португалия, владения на западном берегу Индии»² и другие свои колонии в южном Китае (Макао) и в Восточной Африке.

Весь исторический бэкграунд оставим историкам. Из Тетрадей по колониализму можно восстановить алгоритм британской колонизации Индии. Из работы Дж.Р.Сили «Экспансия Англии» Ленин, в частности, делает выписку: «Каким образом мы завоевали Индию? Разве это завоевание не было прямым результатом нашей торговли с Индией? Но это только один из ряда наглядных примеров, иллюстрирующих закон, господствующий в английской истории семнадцатого и восемнадцатого веков, закон тесной взаимосвязи между войной и торговлей, в результате чего на протяжении всего этого периода торговля естественно приводит к войне, а война питает торговлю»³. Однако начинается все с того, что «к берегу пристаёт лодка, бусами и побрякушками приманивают вожда, который за эти подарки ставит знак на «договоре», смысла которого не понимает. Договор подписывает переводчик и авантюрист, приехавший в страну, и страна считается отныне союзницей (колонией) той страны, откуда приехавший родом, Франции или Англии»⁴. Туземцев силой, где есть рабство, или через налоги заставляют работать на колонизаторов. Как пишет Гобсон, как его цитирует Ленин: «Туземцы на отведенных им территориях прикреплены к земле и живут в полном рабстве, не имея ни права голоса, ни других политических способов для выражения

своих претензий и без экономических средств к прогрессу»⁵. При чем другая часть туземцев становится «милицией», заставляющей работать.

Обнаруживается, что эксплуатация туземцев носит выраженный расовый характер, что в Британской империи, кроме сферы сеттльмента как поселения британцев в колониях (Австралия, Америка, etc.), имеется сфера господства над «низшими» расами (Индия, Египет, etc.). В этой второй сфере фиксируется «наличие разбросанной горсти белых чиновников, миссионеров, торговцев, надсмотрщиков на рудниках и плантациях, которые составляют некую господствующую касту мужчин, мало знающих и сочувствующих общественному строю данного народа»⁶. Конспектируя книгу Сэра Ч.П.Люкаса «Великий Рим и Великая Британия», изданную в Оксфорде в 1912 г., Ленин не может не отметить, «неполноправие «цветных» в современной Британской империи: в Индии они не имеют избирательного права, их не берут в чиновники etc. etc.»⁷. Читая Гобсона, Ленин записывает его слова: «Печать «паразитизма» лежит на каждом белом поселке, находящемся среди этих низших рас; другими словами, нигде отношения между белыми и цветными людьми не носят характера здоровой взаимопомощи»⁸.

Размер и количество имеют значение и определяют величие. Поэтому Ленин скрупулезно подсчитывал размер территории и количество населения метрополии и колоний, сводя их для сравнения в таблицы и делая собственные подсчеты, как в отношении Индии и Великобритании, так и в отношении великих держав вместе взятых и всех их колоний. Так, в ленинском конспекте двухтомника Генри К.Морриса «История колонизации. Исторический обзор с самых древних времен до 1899 года», вышедшего в Нью-Йорке в 1900 г., можно обнаружить, что к 1900 г. Соединенное Королевство имело 50 колоний, площадь которых составляла 11 605 238 кв. миль, население – 345 222 339 чел., тогда как территория метрополии исчислялась в 120 979 кв. миль и население ее было 40 559 954 чел.⁹. Из британских колоний Индия по территории

уступала только Канаде. Размер территории английских колоний в Индии, к которой относилась собственно Британская Индия и вассальные княжества, присоединенные с 1601 по 1856 год, составляла 1 800 258 кв. миль с населением 287 223 431 чел.¹⁰. Размеры индийских колоний впечатляют не только в сравнении со всеми британскими колониями, но также и в мировом масштабе. К 1916 г. колонизованное население Индии составляло 320 млн. чел. из 557 млн. чел. всего колонизованного населения в мире. Добавим, что имел место экономико-политический феномен и понятие полукolonии, население которых составляло 366 млн. чел., в том числе 330 млн. чел. составляло населения Китая¹¹. Колонии отличались не только по численности, но и по составу населения. Проф. д-р Александр Ступан в монографии 1906 г. «Территориальное развитие европейских колоний» по составу населения выделяет три вида колоний: туземные, в которых нет или почти нет белых; смешанные, где белые – в меньшинстве и происходит смешение населения; переселенческие колонии, где преобладает белое население. Британская Индия определенно относилась к первому разряду¹². Самое значимое в плане колонизации было сделано во второй половине XIX века: произошел существенный прирост колонизованных территорий и населения.

Приведенные из разных источников данные не всегда совпадают, но арифметические неточности не влияют на политические выводы: определенная часть меньшего населения меньших территорий использует/эксплуатирует наибольшую часть населения на наибольшей территории, что явно служит первым признаком империализма как паразитического капитализма.

Специально индийский «кейс» рассмотрен Лениным с помощью работы проф. д-ра Георга Вегенера «Современная Индия. Основы и проблемы английского владычества в Индии», вышедшей в Берлине в 1912 г. в серии «Труды по колониальным вопросам», выпуск 61/63¹³. Ленин указывает не только количество страниц – 52, но и цену брошюры – 1 марка 20 пф. Оценивая работу как очень недурной, ясный, краткий очерк,

Ленин превращает его в краткое резюме. Перестраивая логику ленинского конспекта, получаем исчерпывающую характеристику Индии начала XX века. 4 575 000 кв. км., 315 миллионов человек в 1911 г., бенгальцев 70 миллионов. Нет единой нации, нет одного языка. В другом своем конспекте Ленин не мог не обратить внимания на тот факт, что «в Индии 147 языков; 276 миллионов говорят на 23 языках («Индийская перепись», с.248)»¹⁴. Крайнее разнообразие географических условий. Полная зависимость земледелия от дождей летом, иначе наступает голод. Тема голода в Индии не остается незамеченной в ленинском конспекте исследования Дж. А. Гобсона «Империализм», опубликованного в Лондоне в 1902 году: «Однако миллионы крестьян в Индии борются за существование, имея всего *п о л - а к р а*. Их существование – это *постоянная борьба с голодом*, слишком часто кончающаяся неудачей... Мы можем поистине сказать, что в Индии, за исключением орошаемых областей, голод – явление хроническое – эндемическое»¹⁵. Сохраненные издателем особенности рукописной версии тетрадей позволяют судить о важности тех или иных мыслей. Приведенный пассаж сопровождается трехкратным и четырехкратным подчеркиванием сбоку и знаменитым «NB», содержит курсив и курсив вразрядку, который передает подчеркивание внутри текста одной и двумя чертами: не только засухи, но и ничтожно малые размеры участков земли (заметим, что пол-акра – это 2023,43 кв.м) не дают индийскому крестьянину возможности жить и не умереть.

Голод и болезни – атрибуты существования туземного населения британских колоний в Индии. От чумы в 1905 г. умерло 1 069 140 чел., в 1907 – 1 315 892 чел. и т.д. «И т.д.» означает, вероятно, регулярность эпидемий. Отделенность от остального мира. Система каст. Средневековые (религия – внешний мир ничто) – земледелие – вассальные отношения. 2/3 страны находится непосредственно под господством англичан, 1/3 – вассальные государства. Англичане господствуют посредством политики «разделяй и властвуй». Например, чтобы ослабить национальное

движение в Бенгалии, в 1905 г. англичанами был произведен раздел Бенгалии. Управление англичан чисто «диктаторское», «автократия». Армия состоит из 75 000 англичан и 150 000 туземцев из разных племен. В отношении политики «разделяй и властвуй» англичане особо используют вражду около 60 млн. мусульман к индийцам. «Гражданское ведомство в Индии» составляет около 1 000 человек, превосходно оплачиваемых превосходных чиновников. То, что автор очерка оценивает как положительное влияние Англии на Индию, заставляет Ленина усомниться, что красноречиво выражается всего лишь частицей «де», написанной через дефис: «Англия-де дала очень многое (британский мир, железные дороги, почту, юстицию etc. etc.)»¹⁶. Конспектируя Гобсона, Ленин не может не заметить его высказывание по поводу цивилизаторской миссии Англии: «Это заблуждение» (будто «мы цивилизуем Индию») «поддерживается только софизмами империализма, который плетет эту ложь, чтобы прикрыть свою наготу и барыши, высасываемые некоторыми заинтересованными группами из империи»¹⁷. Понятно, что такого рода аргумент о цивилизаторской миссии есть наилучший способ для паразитического капитализма оправдать свой паразитизм.

Вегенер перечисляет причины недовольства и протестов населения Индии английским правлением, что Ленин называет причинами брожения. К ним относится насилие над народом чужестранцев; быстрый рост населения и связанные с ним «голодовки»; «растущая аграризация Индии» из-за удушения Англией промышленности страны; тяжелое налоговое бремя – поземельные сборы с крестьян. Экономическая политика в колониях вообще сводилась к тому, чтобы поощрять производство сырья, но не приветствовать развитие иной промышленности.

Однако указаны не только экономические причины. В качестве не экономической причины недовольства автор очерка указывает создание интеллигенции. Он пишет, что школа создала «пролетариат умственного труда худшего и наиболее тяжелого в политическом отношении сорта». На это Ленин с марксистской прямотой реагирует в тексте своего конспекта:

«автор – реакционная сволочь», что вполне ясно определяет ленинское отношение к пролетариату, пусть даже умственного труда, и к ликвидации безграмотности. Эта тема не остается незамеченной в конспекте книги графа Кромера «Древний и современный империализм», вышедшей в Лондоне в 1910 г., оцененной Лениным крайне отрицательно: «Почти ноль. Претенциозная болтовня, с ученым видом, с тьмой цитат из римских писателей, английского империалиста и чинодрала, который кончает воплем за удержание Индии, против тех, кто допускает мысль об отделении ее. «Преступлением против цивилизации» (123) было бы освободить Индию... и т.п. и т.д.»¹⁸. Отнюдь не обилие цитат вызывает столь негативную реакцию, а то, что автор выступал за колониальный порядок, тогда как Ленин, определенно, был за освобождение Индии. Однако Ленин не мог не почерпнуть полезные сведения у «почти ноля»: согласно индийской переписи, в Индии пишут и читают по-английски из каждых 10 000 мужчин – 90, из каждых 10 000 женщин – 10. Можно сделать вполне однозначный вывод о том, что непреодолимый языковой барьер в коммуникации между властью и британскими подданными индийского происхождения, колонизаторами и туземцами может только усилить брожение и разжечь протесты.

К прочим причинам брожения и протестов в Индии относится образование индийской нации, «национальные конгрессы»; религиозное движение против англичан, за азиатов, за свое, за азиатское. Движение «свадешии» за продукты, произведенные в своей стране, и бойкот английских продуктов, которое и Вегенер, и вслед за ним Ленин относят к протесту против «аграризации» можно также отнести к религиозному движению «за свое, за азиатское».

Колониальная политика паразитического, загнивающего капитализма не может осуществляться таким же образом в исторической перспективе. Чем же закончится установленный колониальный порядок? В тетради «Империализм» Ленин конспектирует письмо, написанное в 1882 г. Ф.Энгельсом К. Каутскому, который с этого же времени

стал изучать движение за колонии в Германии. На вопрос о том, как английские рабочие относятся к своим колониям, Энгельс отвечает, что они преспокойненько пользуются колониальной монополией Англии. Что же касается перспектив, то, по мнению Энгельса, воспроизведенному в записи Ленина, собственно колонии, то есть земли, занятые европейским населением, станут самостоятельными. Что же касается подчиненных земель, занятых туземцами, в частности, Индии, то «пролетариату придется на время перенять и как можно быстрее привести к самостоятельности. Как именно развернется этот процесс, сказать трудно. Индия, может быть, сделает революцию, даже вероятно, и так как освобождающийся пролетариат не может вести колониальных войн, то с этим придется помириться, причем, разумеется, дело не обойдется без всяческого разрушения. Но подобные вещи неотделимы от всех революций»¹⁹.

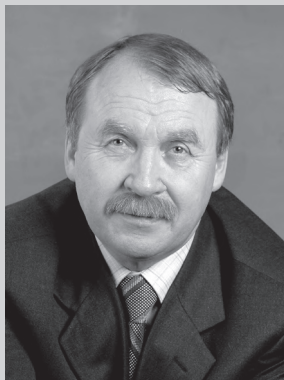
Таким образом, была предсказана неизбежность крушения колониальной системы империализма. Так и произошло: колониализм перестал существовать в его классическом виде, но не в результате пролетарской революции в Индии, а по доброй воле английских империалистов. Подводя итоги классического периода колонизации Индии как отдельного случая, отражающего объективно-всеобщее, можно сделать вывод, что капитализм, вопреки ожиданиям европейских коммунистов и российских коммунистов-большевиков, идя к своему краху, до него не дошел. Однако то, что относилось к его высшей стадии – империализму как паразитическому и загнивающему капитализму, и его главному признаку – колониализму, применительно к началу XX века, проявляется через сто лет в виде «колониальной политики наших дней». Она определяет специфические варианты инвариантных особенностей отношений центра и периферии, как в миросистеме, так и внутри целого ряда государств-наций; в виде отношений метрополии и колонии, как в мировом, так и в национальном масштабе в ряду особенностей развития внутреннего колониализма. Рынок сбыта, источник сырья, сфера приложения

капитала, источник дешевой рабочей силы, в совокупности – это признаки «грабежа туземцев» колоний метрополиями, недоразвитых стран европейскими странами, присущего незаконченной эпохе колониальных захватов территорий и народов. В современном мире на новой основе проявляются черты колониальной политики, в новых формах воспроизводится неравномерное развитие, отсталость и отношения зависимости, а также появляются новые формы сопротивления сложившимся отношениям. Эти процессы осмысливаются уже в рамках иной парадигмы. Дискурс колонизации сменился дискурсом глобализации, что и отражает постнеоколониальный мировой порядок.

1. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Предисловие // Ленин В.И. Тетради по империализму. ПСС. Т.28. М.: Изд-во политической литературы, 1977. С. VIII.
2. Ленин В.И. Тетрадь («бета») // Ленин В.И. Тетради по империализму. ПСС. Т.28. С.75.
3. Ленин В.И. Тетрадь «О марксизме и империализме» // Ленин В.И. Тетради по империализму. ПСС. Т.28. С. 643.
4. Ленин В.И. Тетрадь («каппа») // Ленин В.И. Тетради по империализму. ПСС. Т.28. С.403.
5. Ленин В.И. Тетрадь («каппа») // Ленин В.И. Тетради по империализму. ПСС. Т.28. С.404.
6. Там же.
7. Ленин В.И. Тетрадь («кси») // Ленин В.И. Тетради по империализму. ПСС. Т.28. С. 541.
8. Ленин В.И. Тетрадь («каппа») // Ленин В.И. Тетради по империализму. ПСС. Т.28. С.403-404.
9. Ленин В.И. Тетрадь («гамма») // Ленин В.И. Тетради по империализму. ПСС. Т.28. С.229.
10. Там же. С.232.
11. См.: Ленин В.И. Из тетради «Австрийская с.-х. статистика» и другое. Распределение колоний между империалистическими государствами // Ленин В.И. Тетради по империализму. ПСС. Т.28. С.699.
12. См.: Ленин В.И. Тетрадь («дзета») // Ленин В.И. Тетради по империализму. ПСС. Т.28. С.273.
13. См.: Ленин В.И. Тетрадь («ни») // Ленин В.И. Тетради по империализму. ПСС. Т.28. С.475-477.
14. Ленин В.И. Тетрадь («кси») // Ленин В.И. Тетради по империализму. ПСС. Т.28. С.552.
15. Ленин В.И. Тетрадь («каппа») // Ленин В.И. Тетради по империализму. ПСС. Т.28. С.404.
16. Ленин В.И. Тетрадь («ни») // Ленин В.И. Тетради по империализму. ПСС. Т.28. С.476.
17. Ленин В.И. Тетрадь («каппа») // Ленин В.И. Тетради по империализму. ПСС. Т.28. С.405.
18. Ленин В.И. Тетрадь («кси») // Ленин В.И. Тетради по империализму. ПСС. Т.28. С.551.
19. Ленин В.И. Тетрадь «Империализм» // Ленин В.И. Тетради по империализму. ПСС. Т.28. С.654.

С.Г. Зырянов (Челябинск)

СТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ В ИНДИИ – УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

**Зырянов
Сергей Григорьевич**

доктор политичес-
ких наук, профессор
Академик МАДИ,
директор Челябинского
Института УрАГС

В полночь 15 августа 1947 года зародилось новое государство – независимая Индия. Республика Индия имеет территорию – 3,20 млн кв.км. население ок. 1,2 млрд. чел. (на начало 2009 г.). В Индии насчитывается несколько сот наций, народностей и племенных групп, крупнейшие из которых хиндустанцы, телугу, маратхи, бенгальцы, тамилы, гуджаратцы, канара, пенджабцы и др. Спустя шестьдесят лет по общепризнанному мнению Индия, появившаяся в результате крушения британского колониального господства, является самой большой в мире демократией, окрепшей за несколько десятилетий быстрого экономического роста и готовой занять достойное место в качестве одной из стран лидеров двадцать первого столетия. Индия сегодня это достойный подражания урок в построении работоспособной демократии. Есть много общего в политическом развитии России и Индии. Того, что могло бы стать политическими уроками для российской властвующей элиты и российского общества.

Урок политического плюрализма

То, что на первый взгляд должно было мешать политическому и экономическому развитию Индии – чрезвычайно большое множество этнических групп, взаимно непонятных языков, религий, культур, а также разнообразий топографии, климата и уровней экономического развития

стало одним из оснований для эффективного демократического устройства.

Прежде всего, очень сложная религиозная структура населения: 82,6% населения исповедуют индуизм, 12,2% – ислам, 2,34% – христианство; среди верующих есть также сикхи (1,94%), буддисты (0,76%), джайны (0,4%) и др. Гораздо более сложная, чем в России¹.

Индии удалось превратить свою слабость в силу. Вместо того, чтобы подавлять разнообразие во имя национального единства Индия обеспечила плюрализм в своих институциональных учредительных порядках: все группы, веры, вкусы и идеологии были сохранены и заняли свое место под солнцем.

Но не всегда и не все было так просто. Индия возникнув, как государство на территории, где существовало более 800 княжеств, претерпевала конфликты каст, столкновения различных лингвистических групп за права, религиозные бунты (главным образом между индусами и мусульманами) и сепаратистские угрозы.

Хочется отметить так же и, то, что Индия – это светское государство, которое дает право на существование всем религиям, гарантируя, что государство не предоставит ни одной из них привилегии. Это включает в себя предоставление групповых прав, в соответствии с которыми мусульмане живут по собственному Персональному закону, отличному от общего гражданского кодекса. В этом у Индии и России есть как общее, так и отличия. Об отличиях. Равноудаленность религий в Индии и неявная ставка на православие и РПЦ в России – это два разных политических подхода с двумя разными результатами.

Кроме того, демократия в Индии является не занятием элиты, а имеет большее значение для неимущих масс. В Индии и в России наблюдается примерно одинаковый уровень электоральной активности наименее обеспеченной части населения, тех, кого называют «новыми бедными». Так в выборах в Народную палату Парламента Индии в 1996 году участвовало 15 более или менее

крупных партий, получивших места депутатов. Явка избирателей составила 56,51%. В России в 1995 году в выборах в Думу участвовало 39 партий и объединений плюс другие, а явка по пропорциональным округам составила 63,15%, а по мажоритарным округам 56,67%². Что это случайное совпадение или тенденция? Но если проследить тренды электоральной активности и партийных систем двух стран с 1995-1996 г.г. по настоящее время, то они развивались весьма в разных направлениях.

В более широком смысле, логика избирательного рынка означает, что ни одно общественное образование не может доминировать над другими. Три года назад Индия страна, 81% населения которой составляют индусы, наблюдала за тем, как римско-католический политический лидер (Соня Ганди) идет навстречу сикху (Манмохан Сингх), который был приведен к присяге мусульманином (президентом Абдулом Каламом). В отличие от этого, самая старая демократия в мире, США, за более чем 200 лет так ни разу и не избрала президентом человека, который бы не являлся мужчиной или не был бы христианином, и не был бы, до выборов президента в 2008 году, белым. В России наоборот создаются административные подпорки для закрепления доминирующего положения в политической системе партии власти.

Демократия укрепила Индию, которая хранит место для каждой идентичности. Эта идея сплотила страну, которая, как многие считали прежде, не сможет существовать при столь губительном многообразии.

Таким образом, в политический процесс вовлекаются целые группы населения, конкретные интересы и потребности которого прежде никогда не находили непосредственного выражения в этом процессе. Возникают новые партии, а старые партии, которые были в силе раньше, утрачивают свое влияние.

Урок разделения сфер компетенции государственной власти и общества

Важнейшая цель демократического развития для постколониальной Индии состояла в том, чтобы обеспечить построение фундамента гражданского общества, а значит осуществить разделение сфер компетенции государства и общества. Сейчас в стране действуют тысячи неправитель-

ственных, общественных и частных организаций, связанных с жизненными интересами разных слоев и групп населения. Все они – и каждая в отдельности – способствуют формированию общественно-политического климата в стране. Этот процесс еще не охватил все слои населения, особенно низшие, но уже достиг той стадии, когда само общество в состоянии генерировать идеи и оказывать заметное влияние на политику и экономику.

Заметную роль в становлении гражданского общества сыграли СМИ. Основу для достижения консенсуса составляет как деятельность институтов власти, так и деятельность 32-х общегосударственных газет, двух информационных агентств, всеиндийского радио и телевидения, т.е. того, что принято называть свободными СМИ. По мнению Севанти Нинан, аналитика СМИ, дав своеобразный урок развития средств массовой информации, этому процессу способствовали и региональные газеты. «Этот феномен возник после либерализации» - отметила она. В начале 1990-х годов рост рекламы привел к тому, что местным газетам стало выгодно расширять региональные выпуски.

Только в штатах Бихар и Уттар-Прадеш в политически важном и густонаселенном поясе хинди таких газет свыше 70³.

«Формируется сельский средний класс, он обладает покупательной способностью заинтересован в том, чтобы покупать газеты, становится все более мобильным» и создает новое «очень широкое поле для деятельности рекламодателя» отметила Нинан⁴.

Эти газеты активно освещают местные события. Если рухнет мост, наспех построенная больница или дорога, вас начинает интересовать вопрос о том, кто их построил.

Когда пресса ориентируется в основном на освещение событий и новостей местного уровня, под более пристальный контроль общественности попадают местные учреждения и органы власти, к мнению населения больше прислушиваются, люди знают, что происходит, человек, который хочет победить на выборах, становится подотчетным обществу.

Хотя крупные городские газеты тоже стали ориентироваться на интересы потребителей, по словам Нинан, «в отличие от телевидения, которое

не в состоянии уделить должное внимание сложным вопросам, индийская пресса по-прежнему хорошо справляется со своими задачами»⁵.

С этим мнением согласен аналитик Майкл Крепон, соучредитель Центра Стимсона. «Раздробленной индийской демократии во многом приходится полагаться на консенсус. Страна так разнообразна, что консенсус играет неопценимую роль»⁶.

Урок демократии строя, где господствуют институты, а не персоны.

Индии помогло так же и то, что ее отцы-основатели, начиная с Махатмы Ганди, были убежденными демократами. Джавахарлал Неру – первый и дольше всех продержавшийся на своем посту премьер-министр Индии, всю свою политическую карьеру прививал индийскому народу демократические привычки: презрение к диктаторам, уважение парламентских процедур и прочную веру в конституционную систему.

На современном этапе развития государственное устройство Индии – это Союз штатов, суверенная федеративная светская демократическая республика с парламентской системой правления. В её состав входят 28 штатов и 7 союзных территорий. Республика управляется в соответствии с Конституцией, которая была принята Учредительным собранием 26 ноября 1949 года, и вступила в силу 26 января 1950 года. Законодательная власть принадлежит Президенту и Парламенту. Губернатор штата – должность, на которую политик назначается Президентом. Почти как в России.

Парламент Индии состоит из двух палат: Совет штатов (Раджья сабха) и Народной палаты (Локк сабха). Совет штатов (постоянно действующий орган) состоит не более чем из 250 членов, из которых 12 назначаются президентом из числа выдающихся деятелей индийской культуры и науки, остальные избираются по системе пропорционального представительства выборными членами законодательных органов штатов сроком на 6 лет. Одна треть членов переизбирается каждые 2 года. Народная палата состоит не более чем из 545 депутатов, избираемых прямым, всеобщим и тайным голосованием сроком на 5 лет. Палата из числа своих депутатов избирает председателя – спикера. В настоящее время работает палата 13 созыва. Исполнительная власть в

Индии принадлежит Президенту и Правительству. Правительство формируется парламентским большинством и несет ответственность перед Народной палатой.⁷

В системе демократических институтов центральное место занимает деятельность парламента. За годы независимости Индии было проведено 15 выборов в нижнюю палату парламента, состоялись многочисленные выборы в законодательные собрания штатов. И в том и в другом случае в выборах принимало участие более 60% избирателей.

Партийный состав парламента Индии⁸ (на май 2009 г.)

- Объединенный прогрессивный альянс(ОПА) – 261;
 - Предвыборный блок партий, возглавляемый Индийским национальным конгрессом получил – 206 депутатских мест, остальные – партнеры конгресса по ОПА;
 - Национальный демократический альянс (НДА) – 159;
 - Предвыборный блок партий, возглавляемый Бархатия джаната партии – 116;
 - Прочие – 121.
- Итого: – 541 из 543.

Одним из инструментов расширения демократии в Индии стали выборные органы местного самоуправления – городские корпорации (в крупных городах) и муниципалитеты, а в сельской местности – панчаяты. Последним принадлежит особая роль в приобщении жителей более 500 тысяч индийских деревень, в которых проживает более 70% населения страны, к демократическому управлению на местах. Однако на низовом уровне выборная демократия приживалась с большим трудом. Поэтому парламент в 1992 году принял поправки к конституции, которые обязали власти в штатах регулярно, через каждые пять лет, проводить выборы в деревенские панчаяты и муниципалитеты.

По мнению аналитиков, введение «панчаята», или местного совета из пяти членов, в качестве официальной системы управления населенными пунктами, усилило гражданскую активность. Избрание пяти старейшин в поселковый совет для разрешения местных споров является давней традицией в Индии. Но в 1994 году в консти-

туцию была внесена поправка, расширившая административные полномочия этих советов и закрепившая треть мест в них за женщинами и частично за представителями низших каст. Теперь панчаяты отвечают за сельскую инфраструктуру, школы, здравоохранение и водоснабжение, ведут местную документацию. Их расцвет совпал со становлением региональных газет. Они подробно освещают деятельность панчаятов. Демократия на уровне отдельных деревень получает мощный импульс от газет. Пресса помогает выявлять проблемы местного характера, создавая своего рода платформу для членов панчаятов: «Это новый уровень демократии. Демократия существует благодаря местному самоуправлению и благодаря тому, что местная пресса вовлечена в процесс местного самоуправления»⁹.

Особенность демократической системы в Индии нашла проявление в законодательном обеспечении представительства наиболее обездоленных низших слоев общества (зарегистрированных каст и племен) в парламенте и законодательных собраниях штатов путем введения для них соответствующих квот в этих органах. С 1992 года конституцией предусмотрено резервирование мест для этих слоев в деревенских панчаятах и муниципалитетах. Это способствовало приобщению низов к общественно политической деятельности.

Существенную роль в обеспечении представительства интересов сложного и сильно дифференцированного индийского общества играют крупные политические партии. Перечислим их.

Индийский Национальный Конгресс крупнейшая и влиятельнейшая партия в стране. Индийский национальный конгресс – ИНК. Основана 28 декабря 1885 г. с 1885 г. по январь 1978 г. – единая партия под названием Индийский национальный конгресс (ИНК). С 1947 по 1977 – правящая партия. В начале 1978 г. в ИНК произошел раскол: группа сторонников Индиры Ганди образовала самостоятельную партию – ИНК (И). с 2004 г. партии вернули прежнее название – ИНК.

Насчитывает 35 млн. членов. Председатель – Соня ГАНДИ. Партия возглавляет правящую коалицию – Объединенный прогрессивный альянс (ОПА). Создана в 1885 г., её представи-

тели возглавляли национально-освободительное движение. С 1978 г. стала называться ИНК (И) по имени Индиры Ганди.

Джаната дал (Народная партия). Основана 11 октября 1988 г. в результате слияния Джаната парти («Партия народа»), фракции Деви Лала из партии Лок дал (Народная партия) и политического движения «Джан морча». Председатель – Шарад ЯДАВ. В 1999 году в партии образовалось 2 фракции: Джаната дал (объединенная), возглавляет Шарад ЯДАВ и Джаната дал («секьюлар»), возглавляет Деве ГОВДА.

С 1998 г. по 2004 г. главной политической силой в стране являлась именно эта партия – Индийская народная партия, должность премьер-министра в этот период занимал её представитель Атал Бихари Ваджпай.

Коммунистическая партия Индии – КПИ. Основана 26 декабря 1925 г. насчитывает свыше 555 тыс. членов (2000 г.). Руководящие органы в период между съездами – Национальный Совет КПИ, избираемый съездом, Центральный исполнительный комитет, Центральный секретариат и Центральная контрольная комиссия Национального совета. Генеральный секретарь ЦИК Национального совета КПИ – Андрео Бхушан БАРДХАН.

Коммунистическая партия Индии (марксистская). Основана в ноябре 1964 г. группой руководящих деятелей, вышедших из КПИ. Насчитывает свыше 814,4 тыс. членов (2000 г.). Руководящие органы в период между съездами – ЦК, Политбюро ЦК и Центральный секретариат. Генеральный секретарь ЦК – Пракаш КАРАТ. Печатный орган – ежедневная газета «Дешабхимани».

Индийская народная партия (БДП) образована в 1980 г. Возглавляет правящую коалицию – **Национальный демократический альянс (НДА).** На сегодняшний день именно эти две партии являются самыми влиятельными и мощными политическими силами в стране. **Бархатия джаната партия – БДП.** Основана в апреле 1980 года в результате раскола в Джаната партии. Насчитывает 10,5 млн. членов. Председатель – Раджнат СИНГХ.

Националистический конгресс - НК. Основана в 1999 г. в результате раскола ИНК (И). председатель – Шарад ПАВАР¹⁰.

Сейчас на первые роли вновь выдвинулся Индийский Национальный Конгресс, Ваджпай на посту первого человека государства сменил один из лидеров ИНК доктор Манмохан Сингх. Об определённом политическом курсе каждой из партий, как мы видим, говорить не приходится: по сути, и те и другие, впрочем, как и остальные, выступают за продолжение либеральных реформ. Таким образом, политическая система Индии как бы оторвана от нужд страны, так как развивается исключительно по такому принципу, что для существования демократии необходимо наличие развитой многопартийной системы. По большому счёту взгляды на развитие собственного государства у большинства индийских партий схожи, серьёзное различие проявляется лишь в отношении внешней политики страны.

В доказательство утверждения о «слабости» и в определённом смысле «юношеском» возрасте партийно-политической системы Индии, приведём следующий пример. Победив на выборах 2004 года, кабинет министров должна была возглавить одна из лидеров ИНК Соня Ганди, вдова бывшего премьера Раджива Ганди. Многим казалось, что именно так оно и будет, но Соня поступила иначе. Выслушав доводы оппозиции относительно недопустимости участия иностранцев в верхних эшелонах власти, она (итальянка по рождению) фактически согласилась с ними. В нежелании вызвать раскол нации, собственно, и заключается смысл поступка Сони. И ее не смогли переубедить ни угрозы депутатов фракции выйти из состава конгресса, ни попытки самоубийства некоторых ее сторонников. «В семье Неру-Ганди не принято менять свои решения», – пояснила Соня. А вот другое ее заявление: «Моим делом было дать Индии в это критическое время сильное и стабильное светское правительство, минимизировать масштабы ущерба, нанесенного республике предыдущим кабинетом».

Жест Сони Ганди, безусловно, благородный и ничего некомпетентного в её действиях, конечно, нет, однако, заметим, что в политических кругах развитых демократических государств редко находится место подобным поступкам¹¹.

В последние годы, несмотря на преобладание ИНК, намечается тенденция активизации различных политических сил. Похоже, что ситуация будет развиваться по пути закрепления реальной

многопартийной системы, являющейся главной гарантией демократического развития страны. Однако преждевременных выводов в этом отношении делать тоже не стоит, ведь в нестабильной и переменчивой индийской политике появление новых сил может привести к непредсказуемым последствиям. Конечно, есть скептики, отмечающие, что политическая система Индии по частоте смены правительств вскоре догонит итальянскую. Однако пока при любом правительстве экономический курс страны сохраняется просто потому, что нет другого, тем более что в 1991 г. реформы начала именно партия ИНК.

Однако динамичная индийская демократия с весьма своеобразной партийной системой довольно сильна, но и очень неудобна, когда дело доходит до принятия трудных политических решений, раскалывающих властвующую элиту.

Политическая практика 60-ти лет свидетельствует, что в Индии слышат голос народа, но порой он звучит либо не ясно, либо слишком громко. Представительство множественных интересов – здоровое явление, но коалиционное правительство из 15 партий или больше затрудняет прохождение определенных законов или инициатив, особенно тех, которые не пользуются популярностью. В качестве примера можно привести судьбу соглашения между США и Индией по строительству атомных электростанций.

Ещё одна особенность партийной системы заключается в том, что партия, которая поддерживает ту или иную инициативу, находясь у власти, выступает против нее, проиграв на выборах. Отчасти именно так функционирует демократия.

Можно отметить еще одну особенность индийской и российской политики: на выборах кандидата часто поддерживают для того, чтобы как говорится ему достался пирог, которым он поделится, а не ради программы идей и политики, которые он предлагает¹².

Урок поиска курса развития

Одна из существенных характеристик демократического режима – это возможность оппозиции придти к власти, т.е. сменяемость правящих политических сил. Шестидесятилетняя история Индии позволяет проследить смену правящих курсов и партий.

Первоначальный этап в развитии Индии связан с правлением партии Индийский национальный конгресс. Первый премьер-министр страны Д.Неру, как политик, формировался под влиянием идей социализма. Ещё до освобождения Индии он, говоря о политическом курсе партии, заявлял, что цель её построение бесклассового общества с равными для всех экономической справедливостью и возможностями, а все, что мешает этому, должно быть устранено, мягко, если это возможно, или силой, если это необходимо. Но под влиянием Махатмы Ганди и «издержек» советского социализма он практически отошел от идеи использования силы и идей коммунизма. Отмечал, что ему не нравится регламентация и охота на еретиков, которые, похоже, являются особенностью современного коммунизма, а также многое из того, что происходило тогда в Советской России, особенно чрезмерное использование насилия¹³.

В начале 1960-х годов Индийский национальный конгресс провозгласил своей стратегией построение «демократического социализма, была разработана и применялась концепция смешанной экономики. Она по сути была капиталистической экономикой, но её развитие управлялось с помощью пятилетних планов. Всего, начиная с 1951 года и вплоть до 1996 года, их было реализовано восемь, и они обеспечивали индустриализацию страны.

Стремление дистанцироваться и от капитализма и от социализма в 1955 году, когда на Бандунгской конференции освободившиеся страны объединились, заявив: «Мы не за капитализм и не за коммунизм. Мы – «третий мир», и была создана новая политическая сила и идеология – движение неприсоединения. Индия стояла у истоков этого нового политического курса.

В 1977 году в результате парламентских выборов победу одержал блок оппозиционных партий – Джаната партия. В начале 1990х годов сложились условия, при которых различные партийные объединения стали сменять друг друга у власти. С 1998 года по 2004 год политическое управление Индией осуществляла Индийская народная партия. Должность премьер-министра в это время занимал Атал Бихари Ваджпаи. Приведем некую выжимку из его идейных представлений о

социальном устройстве современного индийского общества.

Капиталистическая система экономики, которая признает «экономического человека» в качестве её центрального субъекта, не может быть адекватной, считал Ваджпаи. «Это не соответствует индийской философии. Социализм, по его мнению, возник как реакция на проблемы, созданные капитализмом. Цели социализма похвальны, но его результаты не принесли блага человечеству. Концепция конфликта классов не способствует сотрудничеству между гражданами. Капитализм и социализм расходятся в своей оценке значения частной собственности. Но оба ведут к централизации и монополизации. В результате человек, личность, оказывается вне их внимания.

Индия нуждается в такой системе, продолжал Ваджпаи, при которой ничто не должно препятствовать инициативе личности, но в ее взаимоотношениях с обществом не должен причиняться ущерб человеческим ценностям. Такая цель может быть достигнута в децентрализованной экономике»¹⁴.

Урок разделения власти и собственности

В середине 1950-х Индийский национальный конгресс провозгласил своей целью построение «общества социалистического образца», а в начале 1960-х – «демократического социализма». Для реализации этих лозунгов была разработана концепция смешанной экономики, которая, с одной стороны содержала элементы социального равноправия, а с другой – по своей сути была экономикой капиталистической.

Важной частью всего процесса экономического развития Индии стало планирование. При этом был использован опыт Советского Союза. Конгресс заявил, что будет осуществлять планирование главных направлений жизни страны, что базовые предприятия должны находиться в руках государства и под его контролем. Одновременно широкое поле деятельности оставалось для частного предпринимательства, которое вместе с тем должно было учитывать цели, выдвигаемые государством. И, тем не менее, к 1960 году доля государственного сектора в валовой промышленной продукции составляла всего 18%. Ограничивая деятельность частного капитала

в отдельных отраслях экономики, государство одновременно обеспечивало заметное расширение частного предпринимательства, особенно крупного капитала. Так с 1956-го по 1966 год 70 крупнейших корпораций получили более половины всей государственной помощи, выделенной частному сектору»¹⁵.

Индия за годы независимого развития стала одной из крупнейших экономик мира не только по количественным, но и по качественным параметрам. С 1950/51 г. по 2006/07 г. ее ВВП в постоянных ценах вырос в 13 раз и в расчете по паритету покупательной способности достиг 4,2 трлн. долл. По этому показателю Индия занимает четвертое место в мире. Впечатляют и темпы роста её ВВП за последнее десятилетие. В предкризисный 2006/07 г. они достигли 9,7%, а норма денежного и реального накопления соответственно 34,8 и 35,9%. Рост ВВП на душу населения в 2007/08 г. превысило 7%. Физический объем экспорта и импорта в период независимости вырос соответственно в 100 и 145 раз. Золотовалютные резервы страны, по данным на ноябрь 2007 г. с учетом золота и специальных прав заимствования составили 273,5 млрд. долл. Успешная реализация экономических реформ, проводимых в годы независимости и в особенности в завершающем десятилетии прошлого века обеспечили трансформацию отсталой аграрной страны в индустриально-аграрное государство с растущим внутренним рынком, ростом продуктивности сельского хозяйства и промышленностью, где ведущее место занимают отрасли, связанные с информационно-коммуникационными технологиями¹⁶.

Для постколониальной Индии важнейшая цель демократического развития состояла в том, чтобы создать необходимые условия для нормальной жизни огромных масс населения, значительная часть которого находилась за гранью нищеты.

Высокие темпы роста экономики и качественные сдвиги в её реальном секторе позволили понизить долю населения, живущего ниже уровня бедности до 22% и существенно повысить качество жизни в стране.

Эффективная макроэкономическая база изменила позиции Индии в мировой экономике и повысила её сопротивляемость глобальным потрясениям. Ещё в 2007 г. мировая экономика

испытала первые признаки неблагополучия, что нашло свое выражение в отраслевых кризисах, вызванных спекулятивно высокими ценами на нефть и продовольствие, а также сужением банковской ликвидности в связи с невозвратом долгов по ипотеке в США.

Реакция Индии была быстрой и своевременной. По мере роста цен на нефть, бензин и дизельное топливо, которое удовлетворяется собственным производством лишь на 1/3, правительство страны постепенно снижает импортные пошлины и акцизы. В июне 2008 г. пошлины на нефть были полностью ликвидированы, налог на бензин снизился до 27,2%, или почти на 23%, а на дизельное топливо – почти на 33%. Это весьма позитивно сказалось на издержках производства всех отраслей национального хозяйства и позволило существенно сдержать развитие инфляционных процессов.

Рост мировых цен на продовольствие не имел и не имеет для внутреннего рынка Индии существенного значения. За годы независимости производство продовольственного зерна выросло почти в 5 раз. В импорте страны доля продовольствия не превышает 2-3%. Внутренней производством полностью покрывает спрос населения на продовольственное зерно и тем самым ограждает страну от влияния резких изменений ценовых уровней, складывающихся на внешнем рынке сельскохозяйственной продукции, в первую очередь продовольствия. Доходы от реализации сельскохозяйственных товаров за рубежом также не имеют решающего значения для Индии, в экспорте которой на долю этой группы товаров приходится менее 10%¹⁷.

Созданная за годы независимости диверсифицированная многоотраслевая структура национального хозяйства изменила положение страны в мирохозяйственных связях, превратила Индию из поставщика на внешний рынок традиционных «колониальных» товаров, экспортные доходы которой зависели от нескольких товарных групп сырья и продовольствия – в продавца главным образом готовой продукции. По последним официальным данным, опубликованным в 2005/06 ф.г., около 70% вывоза страны приходится на готовые промышленные товары, в числе которых машины и оборудование занимают 21%.

За годы независимости были созданы целые массивы нового производства или превратились высокотехнологичные структуры отрасли, базировавшиеся на примитивной технологической базе и архаичных формах организации труда. Но, пожалуй, самым весомым и убедительным достижением стало вступление Индии в клуб стран, успешно высокими темпами развивающих высокие технологии, прежде всего в сфере коммуникационных технологий. Последнее обстоятельство весьма знаменательно, поскольку свидетельствует о формировании в Индии структуры постиндустриального общества, что должно иметь существенное значение в повышении степени сопротивляемости национального хозяйства страны к кризисным явлениям, а также к путям выхода из кризиса, его преодоления. С начала текущего века по 2005/06 г. выпуск только программного обеспечения вырос в 3,6 раза, превысив 31 млрд. долл. В его производстве занято 1,3 млн. человек. Отрасль обладает высоким мультикативным эффектом в сфере занятости, обеспечивая 3 млн. рабочих мест в сложных областях производства. Сегодня Индия занимает второе место (после США) в мире по производству и экспорту программного обеспечения. К этому следует добавить также широкое развитие на основе высоких технологий интеллектуального аутсорсинга¹⁸. Количественные и качественные сдвиги в экономике страны – объективный базовый фактор, определяющий её возможности и способности противостоять или преодолевать с наименьшими потерями пагубные последствия современных мировых экономических потрясений. Созданная в стране экономическая матрица обеспечивает в принципе два важнейших фактора экономической устойчивости национального хозяйства в условиях кризиса: стабильность внутреннего спроса и преобладание национальных ресурсов в реальном накоплении¹⁹.

Говоря об экономическом развитии Индийской демократии и сравнивая этот процесс с российским, следует отметить главное, что тормозит создание конкурентной, а не монополизированной экономики – это большой, до 60% удельный вес государственной собственности в России.

К началу 1990х в Индии была создана весьма стабильная политическая и экономическая сис-

тема. Её существование на протяжении почти двадцати лет свидетельствует, что не без труда, но достаточно успешно она амортизировала толчки и удары, порой очень жесткие и болезненные, в разных сферах общественной, политической и экономической жизни. С этого времени и по сей день, эта система опирается на такие базовые ценности как демократия, политический плюрализм, смешанная экономика, социальная справедливость. Идеологические ориентиры этой системы ценностей выглядят весьма размытыми, а, иногда, внешне даже противоречивыми.

Несмотря на частое напряжение и затрачиваемые усилия, Индия продолжает оставаться свободной многопартийной демократией; возможно, с определенными изъянами, недостатками и не такой эффективной, как хотелось бы обществу и власти, но, тем не менее, развивающейся и процветающей.

И все это благодаря тому, что в Индии поддерживался политический плюрализм, было установлено господство политических институтов, а не лидеров и персон, произошло разделение сфер компетенции государственной власти и общества, а также власти и собственности.

1. Страны мира сегодня. Индия. Т.4. Азия, декабрь 2009г. С.4-13-1.
2. Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс. Энциклопедический справочник/сост. А.А. Танин –Львов. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001, с.316, 804.
3. <http://www.america.gov/st/washfile-russian>.
4. Там же.
5. См. <http://www.america.gov/st/washfile-russian>.
6. Там же.
7. Страны мира сегодня. Индия. Т.4. Азия, декабрь 2009г. С.4-13-3.
8. Страны мира сегодня. Индия. Т.4. Азия, декабрь 2009г. С.4-13-5.
9. См. <http://www.america.gov/st/washfile-russian>.
10. Страны мира сегодня. Индия. Т.4. Азия, ноябрь, 2009г. С.4-13-9/4-13-10.
11. См. <http://catalog.fmb.ru/india3.shtml>.
12. См. <http://www.america.gov/st/washfile-russian>.
13. Феликс Орлов. Опыт эволюционной демократической модернизации Индии. Эксперт № 1, 2010, с.56.
14. Феликс Орлов. Опыт эволюционной демократической модернизации Индии. Эксперт № 1, 2010, с.57.
15. См. <http://www.mirec.ru>.
16. Феликс Орлов. Опыт эволюционной демократической модернизации Индии. Эксперт № 1, 2010, с.57.
17. См. <http://www.mirec.ru>.
18. См. <http://www.mirec.ru>.
19. См. <http://www.mirec.ru>.

К.С. Романова

ДИСКУРС ПАРАДОКСОВ ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Романова
Кира Степановна

кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, член-корреспондент МАДИ

«Мы познаем истину не только разумом, но и сердцем».

Б. Паскаль

«Сердце – уже нечто большее, чем чувство. Сердце есть то, что есть Я, и не только в это мгновение, но и вообще мой характер».

Г. Гегель

Любое бытие для индивида, которое находится за горизонтом, психологически для него представляется как иное бытие и пробуждает у него особый интерес, тем более, как гласит народная мудрость: «хорошо там, где нас нет!» Желание постичь это «хорошо», которое существует без нас, является одним из стимулов к травелогу. В настоящее время потребность в травелоге относится к высшим потребностям личности, охватывает не только физические чувства, но и ее духовные потребности. Мир дается человеку только в формах его субъективности. Свободные путешествия свободных людей – это результат собственных желаний и усилий, развертывание и проявление своего собственного мира

В.Г. Лысенко утверждает, что познание чужого есть способ самопознания. Ксенология – наука о чужом вступает как антипод дискурса идентичности¹.

Травелог в Индию совершенный группой научных сотрудников Уральского региона, для проведения международной конференции:

«Дискурс травелога: Индийская тема в полифонии межкультурной коммуникации» был определен интересом к истории развития практических отношений Индии и России, (изменение их на фоне глобализации, а также, в связи с изменением демографического фактора, выдвигающего Индию на первое место в мире), и их теоретическим осмыслением.

Само название этой страны будоражило наше воображение представлениями о сказочной таинственности, могущественным обликом махараджей, величавостью гордых слонов и тигров, несгибаемой волей Махатма Ганди, отстоявшим в долгой борьбе независимость страны. Как в последствии отмечал Дж. Неру «Народ был главным действующим лицом, а за его спиной стояли, подталкивая его, великие исторические силы... Если бы не эта историческая обстановка и политические и социальные силы, никакие вожди или агитаторы не могли бы заставить народ действовать»². Индия – страна непередаваемых оттенков красок, благоухающего аромата, утонченных форм, древних традиций, многообразия языков, богатой архитектуры и обширной географии.

Чужой мир, чужая культура в первую очередь познается через отличия от своей, порождая неожиданные, странные, противоречивые чувства удивления, а затем, приятие или неприятие этих отличий. Многие институты и явления социальной жизни и культуры казались не только противоречивым, но и взаимоисключаемыми. Однако во всем многообразии этих дискурсов культурной жизни Индии, создавался целостный гармоничный причудливый, почти сказочный ее образ, не в полной мере отражающий реальное положение этой страны в мире, учитывая ее демографический фактор (2-ое место в мире после Китая). Организация общественной жизни во всех ее проявлениях казалось парадоксальным.

Парадокс (от греческого *para* – против и *doxa* – мнение) – неожиданное, странное, противоречивое высказывание. Как научное понятие оно зародилось и получило свое развитие в об-

ласти науки логики, а также математики, семантики и др. Поскольку мышление есть отражение объективного мира, то понятно, что истоки парадоксов находят свое место в его противоречиях. В житейском обиходе и научной практике приходится сталкиваться с самыми разнообразными парадоксами, которые с течением времени, по мере развития наших знаний успешно преодолеваются. Не случайно высказывается мнение, что парадоксы играют как отрицательную, так и положительную роль. Так, отрицательная роль парадокса в том, что его наличие как бы ставит под сомнение совершенство самой системы, в которой он обнаруживается. Положительной ролью парадокса называют, то, что стремление освободиться от парадокса помогает совершенствованию системы. Хотя такое разграничение весьма условно.

Сущность национальной культуры можно рассматривать в качестве определенной формы жизнеустроительной деятельности конкретного общества. Она включает в себя всю совокупность общественной жизнедеятельности, которая, имея одновременно циклический и поступательный характер, (что составляет историю общества), в конечном счете, образуя ряд устойчивых и общезначимых состояний, которые и регулируют человеческое бытие.

Знакомство гостя (туриста) с любой незнакомой для него страны, ее культуры обычаев, всегда носит субъективный характер и определяется тем, какой и каким способом сформирован ожидаемый образ. Образ Индии у русских формируется под действием крупнейшего представителя индийской литературы, лауреата Нобелевской премии Рабиндраната Тагора (1861-1941), автора не только многочисленных романов, повестей, пьес, стихов, но и книг по вопросам языка, философии, религии, скандально известного Салмана Рушди, получившего Букеровскую премию в 1981 году за роман «Дети полуночи». философии Джавахарлал Неру, в известной его книге «Открытие Индии», написанной еще в 1945 году, когда он сидел в тюрьме у английских колонизаторов, в которой он предначертал развитие Индии на последующие 50 лет, знаменитого особенного музыкального индийского кино, а также многочисленные, свыше пяти тысяч, произведения живописи, графики, театрально-декорационного

искусства Н.К. Рериха, – выдающегося русского художника, ученого, писателя и общественного деятеля, любившего Индию, прожившего в ней, и посвятившего ей свою жизнь.

Индия относительно бедная и малограмотная страна (на мелких металлических деньгах (рупиях) их номинал обозначается не только цифрой, но и количеством нарисованных пальцев). Парадокс: при этом Индия крупнейший в мире экспортер программного обеспечения. 16 млрд. долларов стоит экспорт услуг программистов. Раньше индийцы активно уезжали в Силиконовую долину в Америку, где лишали работы русских программистов, потому что дешевле стоили. А потом был найден еще более дешевый способ предоставления этих услуг. Был обновлен один из старинных городов Бангалор, в котором была создана индийская силиконовая долина, где расположена знаменитая фирма Инфозис, являющаяся одной из самых успешных в мире фирм, которая занимается высокоинтеллектуальным трудом. Если в лондонском Сити нужно оформить какие-то бухгалтерские документы, вы их вечером отсылаете по Интернету индийской фирме. Все оформляется за ночь, готовится, выписывается, все делается по международным стандартам и утром лежит в Лондоне, готовое к подписанию. Если вам нужно провести аудит, многие другие финансовые услуги, на этот счет имеются недорогие индийские услуги. В Индии примерно 70% валового внутреннего продукта составляют услуги, включая программирование. Кроме того, в Индии довольно серьезно развита фармацевтическая промышленность, довольно значительная часть лекарств, причем недорогих, в широком ассортименте закупается Россией. Парадокс: при этом в качестве антисептика даже в «звездных» гостиницах используется нафталин, который легко испаряется, и отравляет воздух, являясь вредным химическим веществом.

Индия принадлежит к числу древнейших очагов культуры на планете. В результате население современной Индии относится к различным расовым типам и языковым группам. Это много национальная страна, (около 80 языков и наречий) много конфессиональная страна (ислам, буддизм, христианство, индуизм), фактически кастовая, хотя официально касты запрещены за-

коном. Парадокс заключается в том, что объединяющим началом служит «чужой» английский язык, который остался после колонизаторов.

В Индии, например, основную часть местной буржуазии составляют выходцы из торгово-ростовщических каст, основную часть чиновничества и интеллигенции, а также верхних слоев крестьянства — из военно-земледельческих и брахманских каст. Напротив, одним из главных источников формирования сельскохозяйственного пролетариата явилась самая низшая каста «неприкасаемые». Уже само название этой касты говорит о том, что контакт с ее членами считался оскверняющим для представителей более высоких каст. На нее распространялись самые многочисленные социально-бытовые ограничения. И все потому, что «неприкасаемые» выполняли, по представлению индуистской религии, «нечистые» работы — были метельщиками, рачками, кожевниками. Сейчас по закону, все касты в Индии равноправны и настоящая дискриминация запрещена, но на практике она все еще дает о себе знать.

800 млн. человек живут в деревнях и в их сознании воспроизводятся обычаи и традиции, которые формируют менталитет и составляют базис национальной культуры. Несмотря на сказочность древней архитектуры и современного строительства в традициях богатого восточного стиля, рядом ютятся землянки или какие-то причудливые сооружения из подручных технических средств (детали машин, коробки, листы железа и др.) переплетенных ветками сухих пальм или прикрытых мешковиной. Парадокс заключается в том, что там и там живут люди. Зрелище непривычное и удручающее, но при этом люди открыты и доброжелательны. Ощущение нищеты доминирующее, но при этом следующий парадокс — Индия страна демократическая, опровергающая известные представления о том, что демократия путь к процветанию. В действительности, освободившись от колониальной зависимости, мудрые Джавархарлал Неру и Махатмы Ганди сумели сохранить все демократические институты, которые были созданы для управления колонией англичанами. Они создали систему местного самоуправления, Систему выборов, судебную систему. Современные университеты и так да-

лее. Парадокс: они оставили Индии английский язык, который в многонациональной Индии является государственным языком, языком государственного общения и основой национального единства и культуры. С 1950 года в республике Индии (Бхарат) действует парламентская система управления по британскому образцу (с Верхней и Нижней палатами) Во главе правительства стоит премьер министр, во главе государства — президент. С 1991 года в экономической политике Азиатского экономического региона страны произошли существенные сдвиги. Индия встала на новый путь развития, взяв за образец рыночную экономику западного типа. Как область для инвестиций международного капитала Индия выигрывает не в последнюю очередь за счет низкой оплаты труда и огромных ресурсов квалифицированной рабочей силы, так как средний класс насчитывает более 250 млн. человек. С 50-х годов прошлого столетия и до развала СССР Индия получала экономическую и братскую помощь советского народа в строительстве металлургических заводов, заводов тяжелого машиностроения, горношахтного оборудования, в открытии газовых и нефтяных месторождений, строительстве нефтеперегонных заводов. Сегодня Индия входит в число 20 крупнейших индустриальных держав мира, составляет часть стремительно развивающегося Азиатского экономического региона, но при этом более 67% ее населения занято в сельском хозяйстве. Парадокс также состоит в том, что по целому ряду номинаций металлургического и машиностроительного производства Индия сегодня превосходит разрушенную перестройкой Россию, которая активно способствовала и помогала в становлении индийской индустрии.

Удивительно похоже состояние дорог в Индии на российское, только ко всему, по ним неприкаянно бродят священные коровы, да и с туалетами во дворах дело обстоит не лучше. Парадоксом является и то обстоятельство, что в Индию постоянно совершается паломничество и не только религиозного толка. Например, с ноября по март тысячи людей всех возрастов приезжают на Северное побережье Гоа, чтобы окунуться в атмосферу гипнотического танцевального экстаза, ощутить себя путешествующим сквозь пространство и время. Ласковое

нежное необыкновенного оливкового цвета Аравийское море при среднегодовой температуре +30 С. Густой, пьянящий ароматами экзотических растений и пряностей воздух, которым кажется не дышишь, а который, кажется, пьешь. Жаркое солнце, которое во влажной атмосфере берега не сжигает тебя, а прогревает насквозь и расслабляет. Именно в Гоа родилось музыкальное течение, представляющее собой смесь электронной и этнической музыки. Это направление продолжает традицию психоделической музыки 1960-х годов. Транс-вечеринки проходят под открытым небом в безлюдных красивых местах, не оповещая о себе заранее. Легко соглашаешься с К. Крыловым, который утверждает, что «Восток» выступает как запрещенный соблазн. «Известно, что дикие обычаи Востока, позволяют реализовать самые потаенные и сладостные желания зажатого в тиски публичной морали европейца»³.

Как сетует сопредседатель Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», доктор философии, профессор Джагдиш Ч.Капур (Индия): «У нас многотысячелетняя культура, сложившиеся представления о душе, Боге, человеке. Западное влияние разрушает все это. Получается острое противоречие между ростом бытовой культуры и ее духовным содержанием. ... Фундаментальное различие между западным и восточным мышлением – «не встретиться им никогда» – заключается в том, что Запад считает богохульством человеческое стремление стать богом. В рамках восточного мышления люди способны достичь образа Божьего»⁴. И далее он рассуждает, что в плане более широкой реальности и человеческого несовершенства при достижении определенной гармонии должны существовать потенциальные пути для реализации «интегрального гуманизма», направляемые экологическими сдерживающими факторами, а также пути для реализации высшего человеческого потенциала – материального, ментального, супраментального и духовного. Данный процесс должен проходить при естественных ограничениях, поддерживающих различные его параметры в состоянии равновесия по отношению к упорядоченной человеческой цивилизации. Говоря словами поэта Рабиндраната Тагора: «Человек открыл для себя величайший парадокс – то, что

имеет пределы, не замкнуто в этих пределах, а постоянно движется и, таким образом, каждый миг отрицает собственную завершенность. По сути дела, несовершенство не есть отрицание совершенства, а конечное не противоречит бесконечному; что это как не завершенность, проявляющаяся частично, и бесконечность, являющая себя в определенных границах?... Постепенное приближение к истине – вот что важно в истории науки, не ее бесчисленные ошибки».

Видный американский философ Джеймс Фейблмэн в книге «Понимание восточной философии. Популярное мнение западного мира» говорит о следующих парадоксах между «человеком Востока» и «человеком Запада» Первое различие состоит в том, на Западе человек, исповедующий иудаизм или христианство, боится, что душа не бессмертна, но хочет, чтобы она была бессмертной. «Хинду – буддист» же, напротив, опасается, что душа бессмертна, и хочет, чтобы она не была бессмертной. Во-вторых, восточный человек стремится потерять себя, раствориться во Вселенной, уйти в небытие, забыть о своих знаниях. Человек же Запада хочет все больше и больше утвердить себя, умножить свои знания. В-третьих, в отличие от восточного человека, который больше предпочитает контролировать самого себя, западный человек пытается контролировать свое окружение, окружающую среду, т.е. внешнее по отношению к нему. Поэтому духовные потенции человека Востока нашли свое выражение в религии, человека Запада – в науке⁵.

Дискурс парадоксов индийской культуры в своей противоположности и диалогичности создает органически единый, гармоничный образ Индии как страны реальной и сказочной одновременно, которая не только постигается умом, но и сердцем.

1. Лысенко В.Г. Познание чужого как способ самопознания: Запад, Индия, Россия (попытка ксенологии) // Вопросы философии № 11. 2009 г. с. 61-78.

2. Неру Дж. Автобиография. М., ИЛ. 1955. с.304.

3. Крылов К. Итоги Саида: жизнь и книга. / Саид Э. Ориентализм С. 629-631.

4. Диалог культур и партнерство цивилизаций; IX Международные Лихачевские чтения, 14-15 мая 2009г, Капур Джагдиш Ч. К человеческой цивилизации // Диалог СПб с. 75.

5. Feibleman, J.K Understanding Oriental Philosophy. A Popular Account of the Western World. Now York. 1976, p. 224, 225.

В.М. Зырянова (Челябинск)

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ИНДИЙСКОГО КИНО (ЗАМЕТКИ ДИЛЕТАНТА)

Зырянова
Валерия Михайловна

кандидат философских
наук, доцент кафедры
философии ЧГПУ,
г. Челябинск

Индийское кино, как и мировое, началось с показа фильма братьев Люмьер. С 1896 г. по настоящее время индийское кино прошло несколько этапов в своей эволюции, которые и иллюстрируют динамику его изменения.

Первые индийские фильмы снимались как фильмы-сказания «Жизнь Кришны», «Жизнь царя Харишчандра». Их задачей являлось противопоставление национальной художественной культуры колониальным культурным образцам. Впоследствии фильмы про Богов вызывали самый высокие рейтинги индийской кинопублики. Во второй половине 20 века популярными были фильмы, прославлявшие подвиги великих индийских военачальников. Эти фильмы воспринимались как призыв к борьбе с колониальным игом. Однако в 1928 г. был принят закон о кинематографе, запрещавший пропагандировать борьбу индийского народа за социально-экономические и политические права. Этот запрет коснулся также и зарубежных фильмов (например, советского фильма «Броненосец Потемкин»).

Освобождение Индии от колониальной зависимости стало началом нового этапа в развитии индийского кинематографа. Пробуждение национального самосознания различных слоев индийского народа привели к созданию фильмов, ставших «золотым» фондом индийского кино: «Мать-Индия» (1957 г.), своеобразном вариан-

те» Унесенных ветром» по индийскому образцу, режиссера Мехбуба, «Сезон дождей» (1949 г.), «Бродяга» (1951 г.), «Господин 420» (1955 г.) режиссера Р. Капура и другие.

В 60-е годы преобладающим жанром и индийском кино стала своеобразная смесь семейно-бытовой, любовной мелодрамы и приключенческих фильмов. Фильмы делались по рецепту «масала муви»: 3 танца, 6 песен, 2 героя – положительный и отрицательный, обязательно кинозвезда. В памяти населения нашей страны они и стали символом индийского кинематографа.

Даже фильмы, снятые совместно кинематографистами Индии и СССР, не отличались большим разнообразием сюжетов: «Хождение за три моря» (1957 г.), «Рики-Тики-Тави» (1976 г.), «Приключение Али-бабы и сорока разбойников» (1979 г.).

Начавшиеся процессы глобализации затронули не только экономическую, политическую, но и духовную жизнь народов всего мира. Появление новых технических средств создания фильмов, новых видов связи, процессы мультикультурации объединили и кинематографистов всего мира. Сложились некие стереотипы «изготовления» кинофильмов, особенно по рецептам американского кино. Кинофабрика индийского кино, фильм-сити «Болливуд», не остался в стороне. Ежегодно там выпускается более 800 фильмов. Около 28 тысяч киноактеров снимались в индийских фильмах хотя бы один раз. Просмотр кино является традицией жителей Индии: ежедневно фиксируется около 100 000 тысяч посещений кинотеатров. Тематика и жанры снимающихся фильмов стали более разнообразными, появилось «параллельное кино», основные положения которого были сформулированы в «Манифесте нового кино» (1968 г.), малобюджетные фильмы, авторское кино (С. Рей, Ш.Бенегал и др.), расширились географические границы съемок (кино снимается в Голливуде, Великобритании, Швейцарии и других странах), издаются журналы и газеты

о кино (например, «Film Fare», «Film Word», «Screen» и др.). Учреждены национальные премии в области кино. В 1980 г. создана корпорация развития кино.

Все особенности кино как вида искусства можно наблюдать и в индийском кино: синтетичность зрелищности, подвижность образов, отсутствие обратной связи зрителя и актера, широкий охват жизни, использование возможностей техники.

Однако индийский кинематограф имеет «свое лицо». Прежде всего, это длительность кинофильма: не меньше 3-х часов. Вероятно, именно такое время позволяет зрителю более глубоко погрузиться в жизнь кинематографических героев, «вчувствоваться» в их переживания, «вжиться» в предлагаемые обстоятельства.

Элементами народного театрализованного представления в Индии были музыка и танцы. Они органично вошли и в кинематограф. Самый драматический момент сюжета прерывается танцем или песней – это традиция национального театра. Мелодии из фильмов приобретают статус национального достояния: они исполняются повсюду, даже в храмах. А закадровых исполнителей современных песен в кино зрители знают также хорошо, как и знаменитых актеров, для которых сегодня песенное исполнительское мастерство не является обязательным атрибутом их актерской профессии, как это было в момент формирования и развития индийского кино. Имена композиторов Х.Решамия, А.Шривастава, Салим-Сулеймана, Ш.Эхсаана, А.Малика и других широко известны не только в Индии, но и за ее пределами.

Индийское кино было удивительно целомудренно. В 1932 году Центральный комитет по кинематографии собирался для обсуждения фильма, в котором актеры поцеловались на экране 86 раз, в 1964 году там же обсуждалась проблема появления героинь экрана в купальных костюмах.

В наши дни объятия, поцелуи и даже более откровенные сцены вошли в кинокадры современных индийских фильмов. Однако явных порнографических сцен вы не увидите и сегодня на широком экране. Хотя тематика индийского кино подталкивает к использованию их в кинофильмах: например, в фильмах о проститутках и

проституции, о любви и изменах, о распаде традиционной индийской семьи, о распространении таких болезней, как Вич-инфекция.

Стремление поддержать традиционные ценности остается отличительной чертой индийской кинематографии. Из фильма в фильм переходит идея ценности семейной жизни и поддержки членами семьи друг друга («И в печали, и в радости» режиссер К.Джохар, «Папа» режиссера Р.Чопра и др.), уважения к родителям («Любовь и предательство» режиссер Р.Чопра), доверия к их выбору спутника жизни («Молодожены» режиссер М.Гульзар), верности («Противостояние» режиссер Аббас-Мустан), трепетного отношения к религии (не важно какой конфессиональной принадлежности) и традиционным богам. Но кино Индии создает и новые божества, к которым население относится с не меньшим трепетом и уважением, чем к традиционным божествам (например, богиню Сантошиву).

В начале своего формирования индийское кино придерживалось театральной традиции – поручать исполнение главных женских ролей загримированным мужчинам. Появление женщин на киноэкране воспринималось как пропаганда проституции. Сегодня женщины не только выступают в роли мегазвезд индийского кино, но и снимают фильмы, ставят танцевальные номера, становятся известными дизайнерами одежды, в том числе и для кинофильмов. Расширился и круг их социальных ролей в кино: теперь это не только роли матерей, жен, сестер, но и бизнес-леди, юристов, деятелей политики и искусства, журналисток, учителей, которые стремятся изменить мир в соответствии с новыми тенденциями. Даже семейную жизнь современная индийская киногероиня строит согласно общемировым западным стандартам жизни: равенства, участия в общественной жизни, стремлением получить приличное образование и выбрать самостоятельно свою профессию, сделать карьеру, не ограничивать сферу своих интересов только домом и семьей («Вдохновение танца» режиссер Р.Г.Варма).

Но самое главное отличие индийского кино – это поиск национальной идеологии, которая

объединила бы все слои общества независимо от кастовой, религиозной, гендерной, языковой и иной принадлежности.

Эта национальная идеология базируется на традициях, культуре страны, на попытках сформировать новый имидж Индии на общемировом пространстве, сформировать «новую» нацию. Поэтому большой популярностью у зрителей пользуются такие фильмы, как «Цель жизни» режиссера Ф.Ахтара, «Вперед, Индия» режиссера Шимита Амина, «Возвращение домой» Риши Капура и др.

Яркая образность остается еще одной традиционной чертой индийского кино. Действия фильмов всегда разворачиваются на фоне красивейших пейзажей. Природа – важная героиня индийских фильмов. Даже фильмы о военных конфликтах не обходятся без изображения величественных картин пленера, как бы убеждая зрителей в вечности мироздания. Носителями этой образности являются и современные индийские актеры. Уже вошло в традицию индийского кино приглашать на главные роли не только профессиональных актеров, но и бывших «Мисс мира» или «Мисс Вселенной», топ-моделей, спортсменов или кас-

кадеров. Современные герои индийского кино обладают яркой внешностью, хорошо тренированным телом, умением двигаться с грацией профессиональных танцоров. В далеком прошлом остались полные герои и героини с искусственными жестами и позами. Не случайно, некоторых из современных актеров приглашают на съемки в Голливуд или Великобританию.

Еще 100 лет назад в Париже был открыт салон, в котором показывали индийские фильмы. Сегодня некоторые рукотворные афиши индийских фильмов охотно покупают на Западе (например, Швейцария приобрела написанную художником афишу фильма «Мать Индия»), хотя большинство из них не выдерживают конкуренции с типографскими изданиями. Они постепенно исчезают с фронтонов кинотеатров или превращаются в предметы продажи, наряду с картинами, постерами и т.п. вещами. Индийские фильмы становятся лауреатами престижных киноконкурсов (например, «Свадьба в сезон дождей» или «Миллионер из трущоб»).

Таким образом, современное индийское кино, не утратив своей самобытности, превращается в элемент общекультурной мировой коммуникации.

И.В. Гладкова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЭСТЕТИКИ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Гладкова
Ирина Витальевна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии УрГУ, член-корреспондент МАДИ

E-mail:
qwelqwell@yandex.ru

Интерес к Востоку, пожалуй, можно считать «национальной» чертой, особенностью русской культуры, это есть форма самопознания через постижение другого мира. И если западный человек

познает мир рационально, через материю, через науку, то для Востока характерно чувственное постижение мира. На Востоке человек был часто духовного мира, а значит, познание мира осуществлялось через познание самого себя.

С этой позиции интересно обратиться к музыкальному искусству Древней Индии, вобравшему в себя философские, религиозные искания и в полной мере отразившему социальные, этические, эстетические, психологические и др. основания миропонимания древних индусов.

Музыка занимала одно из важнейших мест в системе искусств Древней Индии. Музыку связывали с началом творения мира, его продолжением и концом, ей приписывали жизнезащитные и разрушительные свойства, она считалась первым языком мира, на котором говорят и человек, и

звери, и птицы. В Древней Индии существовало учение о высшем звуке «Нада-Брахман», являющемся зародышем всего мироздания. В своем первичном, «неударенном» (анахата) состоянии он непроявлен, затем разворачивается в видимый мир, представляющий собой вибрации той или иной высоты. Звуковой диапазон – это только часть этих вибраций, но и он отражает в себе все основные мировые закономерности.

В древнеиндийской религиозной книге «Веды» мы находим указание на то, что музыка составляет пятый аспект творения. Ей посвящен отдельный раздел – «Самаведы» (что в переводе означает «веда мелодий»), на тексты которого слагались песнопения. В основе ведических песнопений лежал звукоряд в объеме терции, т.е. трех ступеней. Этот интервал воспринимался сакрально, так как «3» обозначала триаду главных божеств: Брахма – создатель, Вишну – хранитель, Шива – разрушитель.

На протяжении всей индийской истории музыка и религия были неразрывно связаны. Как всякое художественное творчество, искусство музыки считалось средством богопознания. Музыка понималась как *надопасана* – устремление к божественному началу через звук. При такой духовной ориентации культуры музыка обогащала и слушателей и исполнителей необходимым эстетическим опытом. В этом смысле она воспринималась как взгляд вовнутрь, как проникновение в глубины человеческой души. Религиозная, культовая музыка древней Индии называлась «марга сангита», что означает «музыка Пути». Это была музыка, «настраивающая» человека в унисон с Космосом, гармонизирующая его внутреннее «звучание». Такая музыка была частью религиозного ритуала и использовалась для медитаций, в которых постигались основные законы мироздания.

Музыке в Древней Индии отводилась роль познания внутреннего бытия человека и его связи с Космосом. Основы мироосознания древних индусов базировались на положении о том, что душа человека после его смерти начинает новую жизнь в том облике, который соответствует благодати прожитой жизни. Главным законом жизни индусов была идея о постоянном совершенствовании духа, ведущем к особому состоянию – нирване. Нирвана – такое прижизненное парение души,

когда она освобождается от страданий и испытывает блаженство.

Исходя из этого мотивы медитирования, взаимодействия жизни человека с высшими сферами занимали ведущее положение и в музыкальном искусстве. Идея музыки исходила из примата индийской интуиции, которой приписывалось свойство проникновения в тайны основ мироздания. Не случайно, саму интуицию, подвигавшую на создание красоты, воплощаемую в различные формы линий, цвета, ритма, нередко называли искусством. Музыкантам отводилась роль пророков, так как считалось, что только посредством музыки можно вознести душу над земной жизнью.

В I тыс. до н. э. вышел трактат «Натьяшастра», принадлежавший перу Бхараты, в котором были суммированы высокоразвитые представления древних индусов о музыке.

В разделе по философии и эстетике музыкальные закономерности осмысливались в соответствии с общей системой мироздания. Музыка отводилась важная роль в древних науках и учениях: астрономии, магии, мистицизме.

В разделе по теории музыки были систематизированы все элементы музыкального языка. Звукоряд индийского лада состоял из семи главных тонов, число которых имело сакральный смысл: они ассоциировались с семью планетами Солнечной системы (космологические представления Древней Индии коснулись сфер вокальной и инструментальной музыки). Бхарата обозначает семь ступеней звукоряда начальными слогами санскритского наименования: са-, ри-, га-, ма-, па-, дха-, ни- (шадджа, ришабха, гандхара, мадхьяма, панчама, дхайвата, нишада). Индийская музыкальная система обладает одной важной чертой, отличающей ее от всех музыкальных систем мира. В 7-ступенном звукоряде, т.н. «индийской гамме», существует расширение за счёт производных звуков, т.о. октава делится на 22 неравных интервала – шрути (букв. «то, что услышано») – это четвертьтоновые и микротоновые зоны, определяющие различия в высоте звука.

Шрути наделялись психоэмоциональными характеристиками. Известно, что воздействие на человека звука как энергетического явления, характеризуемого частотой, силой и тембровой напряженностью, вызывает не только соответству-

ющие смены напряжений в психофизической области, но и изменения «психической» энергии.

В разделе по методике музыки давались рекомендации по вопросам техники вокального и инструментального исполнительства. Например, по распространенной в Индии манере пения глаза должны быть закрыты, нос наморщен, мышцы рта сильно напряжены, шея вытянута. Этими приемами добивались особого гнусавого призвука при вибрации звука.

Центральным понятием и основой древнеиндийской музыки являются так называемые «раги», которым также приписывалась способность воздействовать на жизнь Земли и Космоса. Рага – это неизменный ладомелодический звукоряд, связанный с выражением определенного психоэмоционального модуса. Древнеиндийская музыка насчитывала 6 основных раг и более ста производных. Вся система раг выражена в строгом иерархическом порядке и делится на классы и семьи. В этом смысле – музыкальная система есть отражение социальной структуры общества. Так, каждому рага (мужская ипостась лада, выражающая состояния мужества и героизма) соответствует женская ипостась – «рагини» (ассоциирующаяся с нежностью, любовью и печалью), которая, в свою очередь, имеет восемь путра (сыновья) и столько же путры (дочерние варианты звукорядов). Кроме того, социальная иерархичность присутствует и в строении раги: в ней минимум пять нот – ведущая нота вади (царь), вторичная нота самавади (премьер – министр). Вспомогательные ноты анувади (слуги) и диссонирующая нота вивади (враг). У индусов выработалось специфическое чувство восприятия раг: например, их слух не выносил утреннюю рагу, исполняемую вечером.

Индусы связывали звукоряды лада с определенными психоэмоциональными настроениями. Эти взгляды составили отдельную науку – мантра-йога. Расшифруем это понятие. «Йога», что значит «единство» или «связь», – это учение об индивидуальном пути спасения человека посредством контроля над мыслями и чувствами при помощи медитации. «Мантры» – это звуковые комплексы, обладающие магическими свойствами. В мантра-йоге звуки рассматривались как энергия Космоса, а ритм – как движение Вселенной. Специальные мантры сочинялись для достижения гармонии

души, для просвещения и успокоения, для творчества и благородного богатства, для преодоления трудностей стремления к успехам.

В Древней Индии сложились многообразные представления о взаимосвязи музыки и цвета. Индусы верили, что человек и мир соединяются при помощи цветовой гаммы, что настроения и чувства, заложенные в музыке, передаются цветосочетаниями.

Считалось, что каждый человек имеет свою определенную музыку и соответствующий ему цвет. Яркие цвета соответствовали интенсивным вибрациям, бледные – спокойным, гармоническим вибрациям. Семизвучная гамма ассоциировалась с семью цветами: белым, черным, желтым, синим, зеленым, красным, оранжевым. При постоянном соотношении со звуком цвет становился слышимым. Отсюда родился афоризм древних индусов: «видеть звук и слышать краски».

Индия всегда признавала человеческий голос самым совершенным инструментом, образующим звук. Отсюда особая миссия, которой наделялся певческий голос, способный выражать, по мнению древних музыкантов, дух, красоту и мудрость. В нем видели 5 качеств: земное (дающее надежду), водное (опьяняющее, успокаивающее), огненное (раздражающее, возбуждающее), воздушное (возвышающее), эфирное (взывающее, убедительное). Вообще индийская музыка имеет мелодическую, «горизонтальную» основу, а не гармоническую вертикаль. Символом человеческого голоса был первый инструмент – флейта.

Индийская музыка всегда была субъективным, персонифицированным искусством, стремящимся не к симфоническому внешнему блеску, а к личной гармонии. Поэтому она поражает не столько своей технической изощренностью, сколько предельной строгостью выражения, ведь в простоте есть своя возвышенность: одна единственная нота, исполненная в надлежащей высоте и с чувством меры, может произвести не менее яркое впечатление, чем искусная и сложная музыкальная фраза. Это идея *расанобхути*, к ее достижению стремится музыка в целом. Существует более высокая эстетическая ценность, превосходящая техническое совершенство, она открывается «на уровне абсолютного восприятия прекрасного через сочетания звуковых образов».

Ю.К. Саранчин

ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ГЕНДЕРНЫЙ ДИСКУРС В ИНДИЙСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Саранчин
Юрий
Константинович

доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии УрГЭУ, академик МАДИ

Эффективность межкультурной коммуникации зависит от того, в какой степени учитываются факторы, ей сопутствующие. Одним из факторов межкультурной коммуникации является гендерный фактор. Присутствие гендерного компонента в межкультурном дискурсе получило отражение в самых различных явлениях: во включении гендерной символики в национальные репрезентации, использовании сексуальных метафор при описании международных отношений. Необходимость объяснения этого факта порождает целый комплекс вопросов. Вначале нужно уточнить основные понятия. Понимание социальной коммуникации как «движения смыслов в социальном пространстве и времени» позволяет рассматривать коммуникацию межкультурную в качестве процесса, субъектами которого являются не только индивиды, но и сами культуры. Сама же коллективная идентичность трактуется в качестве процесса конкуренции различных типов дискурса, соревнующихся между собой за определение нормы и девиации. Процесс создания, поддержания и корректировки социального порядка, следовательно, предполагает продуцирование иерархий и асимметрий внутри социума: одни модели поведения признаются эталонными, другие же подвергаются маргинализации или вовсе выносятся за пределы Своего. Подобный эталон будет определяться

различными нормами и качествами; важное место в нем занимают гендерные нормы.

Традиционно гендер понимается как система отношений, которая делит множество «люди» на два подмножества – «мужчины» и «женщины». Вместе с тем гендер принимает участие в создании картины мира в целом и упорядочивании организации социальных отношений не только между полами, но и между другими социальными группами (нациями, классами, культурами), а также между человечеством и природой. Гендерный дискурс как система репрезентаций, переплетаясь с другими видами дискурса (национальным, военным, политическим, межкультурным и др.), испытывает их влияние и, в свою очередь, определяет их. Тем самым гендер представляет собой механизм включения/исключения, конструирующий символические границы между сообществами.

В работах зарубежных и отечественных авторов было показано, что гендерная метафоризация, фокусируя различные содержательные и оценочные суждения, является, во-первых, своеобразной «вершиной айсберга», выявляющей определенную тенденцию отношения. Во-вторых, она представляет собой также средство формирования новых значений и оценок: гендерная метафоризация работает и «в обратную сторону» (in reverse); манифестация такого качества, например, как способность абстрактно мыслить, является одновременно демонстрацией маскулинности, что, в свою очередь, означает «быть в привилегированной позиции в дискурсе»). Поэтому атрибутирование какой-либо культуре, скажем, «загадочности», «непредсказуемости», «хаотичности», «иррациональности» вместе с тем представляет собой ее гендерную характеристику, причем достаточно определенную. Феминизация же, к примеру, Востока в равной мере является «ориентализацией» женственного и женщины – со всеми вытекающими для ее статуса последствиями.

Одним из принципиальных положений гендерных исследований стал тезис о том, что в социальной и культурно-символической составляющих пола содержатся ценностные ориентации и установки. Природа и культура, эмоциональное и рациональное, духовное и телесное – эти феномены отождествляются с мужским или женским таким образом, что внутри этих пар создается своеобразная иерархия – «гендерная асимметрия». Определяемое как мужское помещается в центр и рассматривается в качестве позитивного и доминирующего; определяемое как женское – в качестве негативного и периферийного. Иерархия мужественности и женственности как ценностей оказывает влияние на иерархию социальных субъектов (и отдельных индивидов, и, например, культур), маркировка которых как женственных или мужественных влечет за собой атрибутирование им соответствующих качеств. Таким образом, при помощи гендера утверждаются и подтверждаются отношения неравенства и контроля. Это дает нам основания интерпретировать гендерную метафоризацию в качестве формы «символического насилия». В социальной теории П. Бурдьё символическое насилие рассматривается как вид «символической борьбы», целью которой является символическая власть и символический капитал. Поэтому, на наш взгляд, допустимо, выделять такую функцию гендерной метафоризации, как установление и поддержание властных отношений – наряду, скажем, с когнитивной или художественной функциями. Властная функция гендерной метафоры манифестирует себя в различных типах дискурса, например, в дискурсе социальном, поддерживающим и корректирующим иерархию социальных слоев и классов.

Следовательно, можно утверждать, что гендер принимает участие в конструировании различных образов в межкультурном дискурсе, выступая в роли способа построения символических границ, и инструмента продуцирования иерархий как между культурами, так и внутри их. Межкультурный дискурс, в свою очередь, является ресурсом создания гендера: мужественность и женственность, будучи детерминированы биологически, обусловлены и социокультурно.

Наконец, гендерный анализ позволяет увидеть те моменты в интерпретации национальной идентичности и межкультурного дискурса, которые

представляются весьма важными для методологии их исследования. Во-первых, необходимо отказаться от эссенциализации культурных различий и учитывать, что в национально-культурной идеологии и символике, помимо культурной преэминентности, важную роль играет элемент их дискурсивного конструирования. Во-вторых, должно рассматривать национально-культурную идентичность в качестве не некоего мистического осознания «народом» своей неизменной сущности, но как множества различных интерпретаций, предлагаемых различными авторами. В-третьих, следует принимать во внимание роль межкультурного дискурса, в частности, репрезентаций Других мужчин и женщин, в конструировании образов мужественности и женственности собственной культуры.

Как известно, за последнее время в круг наук, связанных с гендерологией, были активно вовлечены лингвистика и литературоведение. Гендерная система общества оказала влияние не только на создание, анализ и интерпретацию литературного произведения, она также отразилась в его содержании и в форме. В частности, это проявилось в индийской литературе, особенностью которой также является гендерная асимметрия или неравенство полов.

В истории древней Индии случались времена, когда женщины пользовались заметной самостоятельностью, свободой и даже властью. В индуистской мифологии можно наблюдать за равноправием богов и богинь. К примеру, нельзя представить себе индуистского бога Шиву без супруги Парвати, и наоборот. Однако с появлением и развитием кастового строя положение женщин стало меняться. А.М. Горячева так описывает социальные проблемы древнеиндийских женщин: «...Женщинам отводилось самое низкое место в социальной иерархии. Причем, чем выше по своему статусу каста, тем большим ограничениям были подвержены женщины, и тем отчетливее проявлялось в ней неравенство полов – гендерная асимметрия. Древняя традиция не разрешает женщинам читать священные книги – отсюда их неграмотность; исключает их право быть экономически самостоятельными – отсюда их ограниченное участие в общественном производительном труде. В Индии идеальная женщина – это мать, хозяйка в семье. Ее авторитет зависит от способ-

ности рожать сыновей. Взрослая дочь фактически исключена из института отцовской семьи. Отец или опекун должен решать судьбу дочери в раннем детстве. Она впервые получает свои права, хотя и ограниченные, в роли жены уже в составе другой семейной группы...» [1].

В литературе Индии, как и в обыденной жизни, четко разграничиваются права мужчин и права женщин, а точнее их бесправие и покорность судьбе. Социальные стереотипы маскулинности воплощаются в особой картине мира, особой точке зрения автора и героя, особой системе персонажей. В рассказе известного индийского писателя Нарендра Шармы «Учебник» [2] речь идет об одинокой бедной вдове брахмана Сукхие, которая работала на ручной мельнице, единственном источнике, приносившей кусок хлеба и одной воспитывающей своего единственного сына Харишчандру. Поневоле ей пришлось согласиться стать любовницей соседа ради денег, которые пошли на оплату образования своего сына. Ради своего ребенка женщина-брахманка готова на многое, бросая тень не только на себя, но и на касту, еще раз доказывая, что женщина должна занимать исключительно низкое положение в социальной иерархии. Проследим характер женщины в рассказе «Учебник». Женщина здесь 1) слабая и беззащитная, поскольку в индийском обществе, если у женщины не осталось мужа, отца или брата (близкого родственника мужского пола), она считается беззащитной; 2) бесправная, поскольку быть женщиной в Индии не самая приятная миссия. По мнению индийцев, если вы родились женщиной, значит, ваша карма сильно испорчена. Женская оболочка есть не что иное, как расплата за грехи в прошлой жизни. Положение замужней женщины еще более шатко: ее счастье непосредственно зависит от здоровья мужа. Остаться вдовой для индианки, все равно, что быть похороненной живо. Считается, что смертью мужа боги наказывают женщину за грехи. Соответственно, именно она виновата в его смерти, за что должна расплачиваться всю оставшуюся жизнь. После похорон мужа жена обязана отказаться от всех удовольствий. Она спит на голом полу, питается мучной похлебкой, все свои дни проводит в молитвах. К ней относятся как к прокаженной. Она становится изгоем до конца своих дней; 3) покорная судьбе: в начале рассказа героиня пытается бороться с нищетой, работая

днями и ночами. «...Сукхия до сих пор достойно жила. Никогда не стояла с протянутой рукой и не просила милостыню. Иногда, оставаясь голодной, работала всю ночь. Накормив и уложив спать своего сына Хари, сама не смыкала ночью глаз, работая на мельнице...». Однако, покоровшись судьбе, больше не старается казаться сильной и отдается мужчине за деньги.

В другом рассказе «Охота» индийской писательницы Махашвети Деви, Мэри – девушка из низшей касты, дочь служанки и англичанина. У женщин, представительниц низших каст, нередко рождались незаконнорожденные дети от господ. Для деревни это было обычным делом, община всегда была готова принять и помочь такому ребенку. Таким образом, для девушки быть просто незаконнорожденной дочерью было не так страшно. Гораздо хуже быть дочерью «неместного». Даже, если отец девушки – уважаемый белый господин, скорее всего это негативно отразится на ее дальнейшей судьбе. Однако женщины из деревенской общины любят и даже уважают Мэри, однако она вынуждена подчиняться обычаям, и не может выйти замуж за мужчину из деревни. Единственное, что ей остается – это стать женой мусульманина. Это становится поводом для многочисленных насмешек и оскорблений. Молодые парни кричат ей вслед: «...Вот идет жена мусульманина...». «...А что, неужели она порядочная девушка. Хорошая девушка разве выйдет замуж за мусульманина?» – спрашивают приезжие у жителей деревни. «...У меня нет настоящего отца. Поэтому мне приходится выйти за мусульманина», – говорит сама Мэри. Таким образом, для деревенской общины чрезвычайно важно, чтобы ребенок, даже если незаконнорожденный, не был рожден от «чужого» человека. А если девушка не член общины, то она не может выйти замуж за кого-либо принадлежащего этой общине. Деревня выталкивает такую девушку, как злокачественную опухоль, и не препятствует браку, которому непременно бы воспротивилась, если бы речь шла о «чистой» девушке. Впрочем, для Мэри, как и других, таких же, как она, есть и другой выход – стать любовницей состоятельного господина. Такого, кто смог бы обеспечить ее саму и ее мать одеждой и мылом. Интересно, что именно мыло считается одним из базовых признаков благополучия семьи и очень часто упоминается в рассказе, в особенности,

когда Мэри говорит, какую бы жизнь она хотела. Приезжий подрядчик Тахсильдар за возможность обладать ею предлагает Мэри: «...Буду покупать тебе одежду, заботиться... У тебя будет все, что захочешь». Мэри, однако, не хочет, чтобы кто-то узнал о таком его предложении и отвечает ему: «Для мужчины это не грех, но не для женщины». Мэри могла бы выбрать себе в любовники одного из многочисленных «неместных», добивавшихся ее любви, но кто гарантирует, что они не сбегут, оставив ее с ребенком на руках? Рассказ «Охота» дает нам достаточно полное представление о положении незаконнорожденной дочери европейца в традиционной индийской деревне. Из-за своей светлой кожи она не принадлежит общине и как следствие не может выйти замуж за индуса из этой деревни. Что предлагает такой девушке судьба? Она может выйти замуж за человека другой веры или же отдаться состоятельному человеку за деньги. Впрочем, есть и другой путь – умереть.

Еще один рассказ писательницы Махашвети Деви называется «Дхаули» и входит в цикл произведений о жизни отсталых племен в Индии – адиваси. Главное достоинство таких циклов – достоверность, поскольку все персонажи литературных произведений реальны. Название рассказа – это имя главной героини Дхаули, дочери дусадха [3] из касты неприкасаемых [4]. Дхаули – вдова. После смерти мужа ей не разрешается носить украшений, наносить бинди [5] и даже смотреть в зеркало. Волею судьбы в нее влюблен молодой человек по имени Мишрирал, господин-брахман [6], в доме которого Дхаули занималась хозяйством. Мишрирал был сильно влюблен в нее и долго время преследовал ее. Вся деревня знала о его любви к ней. Однако Дхаули побаивалась этой любви, зная, что Мишрирал из высокой касты, и им никогда не быть вместе. Но героиня слишком молода, ей 19 лет, и она уже вдова. У нее нет детей и она бесправна. Дхаули любит Мишрирала. В конце концов, чувства берут над ней вверх, и она допускает близость с ним. Мишрирал был рад, что у них появится ребенок, однако его семья заставила его уехать и жениться на девушке из своей касты, ведь «...не пристало брахману общаться с дусадх...». Многие дети в деревне, в которой живет Дхаули, – незаконнорожденные дети брахманов, их матерей никто не притеснял, поскольку господа заботились о них: давали работу, пищу. Однако Дхаули хочет

создать семью с господином, поэтому она лишается работы и жители деревни из-за отношений с Мишриралом теперь считают ее проституткой. Чтобы прокормить ребенка Мишрирала, ей приходится продавать свое тело. Позже, по решению брахманов, ее выгоняют из деревни.

По индийским канонам идеальная женщина – это мать, хозяйка в семье. Индианка впервые получает свои права, хотя и ограниченные, в роли жены уже в составе другой семейной группы. Тем не менее, лидерство и главенство остается за мужчиной. Женщина в Индии не может поступать вопреки воле мужчины. К примеру, на нее часто накладываются ограничения, связанные с тем, что она вдова. Женщину могут преследовать за поведение, не соответствующее ее положению. Без мужчины в семье она лишается также и социальных прав (к примеру, она не может получить у господина землю для обработки и т.д.).

При культурологическом изучении гендерного дискурса нужно отметить, что в индийском обществе гендер не отражает реальности, а лишь раскрывает кастовые отношения и подчинения в обществе. В данном случае гендер как один из параметров, при помощи которого социальная идентичность говорящего конструируется в общении, взаимодействуя также с другими параметрами, такими как статус, возраст, социальная группа. Индийские общественные устои создают гендерную асимметрию не только повседневно, но и в одежде, символике. Гендер, как продукт культуры, при поддержке общественных институтов отражает представления народа о стереотипах «феминности» и «маскулинности», зафиксированные в литературных и лингвистических традициях и придавшие им статус нормы, интерпретируя как природно обусловленные.

Литература:

1. А.М. Горячева. Женщины Индии: социально-культурные и политические проблемы. Индия сегодня. М. 2005. С. 373.
2. Цит. по - И.А.Газилова, и др. Язык и межкультурная коммуникация: сборник статей I Международной конференции. 23 января 2007 г., г.Астрахань/сост. О.Б.Смирнова. – Астрахань: Издательский дом «астраханский университет», 2007. – 309 с. С. 94-97.
3. Представители одной из низших каст, которые обычно занимаются уходом за свиньями.
4. Лица, принадлежащие к кастам, занимающим низшее положение в индуистской сословно-кастовой системе.
5. Точка, которая рисуется между глаз.
6. Представитель высшей касты в Индии.

Ю.А. Толкачёв

ПИЛИГРИМ – ПУТНИК – СТРАННИК – ПАЛОМНИК: ПЛЕЯДА АРХЕТИПИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ, ФОРМИРУЮЩИХ ЖИЗНЕННЫЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОКОВ

Толкачёв
Юрий Аркадьевич

кандидат философских
наук, доцент УРГЭУ

В систему ценностных ориентиров первобытной культуры как способа жизнедеятельности человека входят мифологизм, анимизм, тотемизм, фетишизм, магизм. Вышеозначенные элементы влияют на изменения памяти и языка на качественном уровне. Память можно назвать фотографической, то есть подразумевающей жёстко определенную композицию. Язык предполагал логику образования понятий не по принципу общего происхождения, а по схожести свойств явлений и по сочетанию слова и жеста в описании предмета. Лексикон определялся прагматичностью, то есть состоял из слов, отражавших вещи, полезные определённому сообществу людей.

Предыстория вопроса позволяет вспомнить принципы магии, то есть способности человека взаимодействовать, «растворяться» и выделяться в окружающей его среде. К ним следует отнести симпатическую, имитативную и магию слова. Симпатическая магия подразумевает единство части и целого по свойствам. Имитативная же «гласит», что подобное порождает подобное.

Магия слова определяет то обстоятельство, что поименование означает порождение,

появление того или иного новообразования. Слово – знак, который попадая в определяющий его контекст индивидуального бытия, обретает смысл. Смысл придает архетипическому символу значение установки индивидуальной жизнедеятельности. Мне представляется полезным исследовать в данных координатах каскад символов: пилигрим – путник – странник – паломник. Индивидуальный отбор личностью из ряда казалось бы абсолютно тождественных друг другу понятий строго определенного, влияет на формирование качественной стороны поведения человека. «Пилигрим» характеризуясь свойством сакральности, то есть благоговейного, трепетного, священного, культового отношения к чему-либо, не привязан однозначно именно к религиозному. Свойство сакральности пилигрима может означать и нечто иное, хотя также ритуальное, обрядовое, санкционированное личностным и общественным смыслом. Сакральным может быть и культовое отношение к общечеловеческим, родовым ценностям жизни на уровне общего, а не только особенного. Общее, особенное, единичное представляет нечто единое, в то же время они структурированы в жизнедеятельности индивида.

Отношение человека к миру отталкивается от познавательной деятельности. Через самообразование, усвоение опыта предшествующих поколений формируется ценностно-нормативный сегмент личности. Нормы и ценности общества проходят испытание индивидуальным отбором и трансформируются в эмоционально-волевой вектор. Цель (то есть желаемое состояние) становится «вторым я» человека, его «идеей фикс». Желаемое осуществляется в практическом измерении, то есть ежеминутной программе корректирующих действий, управляющих и контролирующих жизнедеятельность.

Дилемма образов жизни и смерти порождает образ дороги, соединяющий их. Связь, соположенность и взаимодействие выступают содержанием образа. Биоритмы жизни трансформируются в линии смерти. Краткосрочность жизни подчёркивается вечностью смерти. Жизнь и смерть, взаимодействуя во сне и бодрствовании человека, в хаосе и порядке бытия, «пользуются» друг другом, выстраиваясь в единую систему активности. Формы этой активности определяются плеядой видов общественного сознания: этического, эстетического, экономического, религиозного, философского, научного, политического, правового, экологического.

Выстраивая цепь архетипических символов человека дороги, в качестве системообразующего начала, я беру активность субъекта в поведении и деятельности. Считаю, что следует отвлечься от таких образов, производных от исследуемого явления, как например, следопыт, первопроходец, путешественник, гонец. Безусловно, все они взаимосвязаны. Представляя собой обширный ряд «уровня следствия» – они могут быть предметом изучения уже в дальнейшем. Архетипические символы, упомянутые в заголовке статьи, присутствуя в культурах всех народов – выступают на уровне сущности взаимосвязи общественного и индивидуального сознания.

Пилигрим на древнегерманском означал чужеземца. На латинском же именовал человека иноземного, чужого, дорожного. Пилигримом, например, может быть назван предпринявший с торговыми целями путешествие в Индию, Афанасий Никитин. Автор «Хождений за три моря» не был лишь торговцем, преследовавшим частные интересы. Есть основания считать, что выполнял он миссию государственного значения. Речь идет о торгово-экономической разведке перспектив установления отношений обмена стратегической продукцией между Индией и Москвией. Будучи первым, или, точнее, одним из первых россиян в Индии, А. Никитин должен был оценить важность для России специфических индийских товаров. Осознание важности им своей миссии подтверждается не только проявленным упорством в возвращении. А. Никитин умер по пути домой в Тверь, «Смоленска не дошед». Хотя формально, его родное княжество

было включено Иваном III только через пятнадцатилетие после его предполагаемой смерти, но фактически земли тверские уже полностью контролировались великим князем Московским. Нет сомнений, что сознание А. Никитина было вполне «великоросским». Записи делались им на «смеси» арабских букв с собственными криптографическими обозначениями. Допустимо считать, прежде всего, в связи с изменениями его телесного облика как следствия посещения мусульманской части Индии, что А. Никитин был вынужден принять не только арабское имя, но и ислам. Суть не в оценке глубины изменений, а в том, что для выполнения своей миссии, реализуя жизненно важные, государственного масштаба цели, А. Никитин проявлял крайнюю изворотливость в использовании средств. Пилигрим – понятие, отражающее гармонию сочетания внутреннего и внешнего в личности. Осознающий социальную ценность выбранного им направления жизни, идущий представляет себе контуры влекущей его цели. Принимающий вызов общества, социально ответственный индивид самореализуется в миссии добровольной готовности быть звеном в плеяде себе подобных. Добровольное, возвышенное, героическое являются украшениями нимба образа пилигрима. Он свободен, ибо преодолевает препятствия одержимо и неистово. Пилигрим собою указывает дорогу Всем.

«Путник» – образ, указывающий на бессознательно-интуитивные доминанты активности перемещающегося в пространстве и времени индивида. «Запрограммированный» социальным принципом «Жизнь – это движение» путающий самопознание с «самоедством», а саморефлексию с «самокопанием», путник движется по пути, освященному и освещенному пилигримом. Его установка (готовность к действию) выступает стремлением движения по дороге жизни. Дорога здесь – не целина, а нечто иное – а именно тропа, колея. Коллективное бессознательное – копилка памяти поколений, заставляет его вглядываться в следы ранее прошедших, проявляется в архетипе дороги. Архетип превращается в архетипический символ, так как дорога «без края и конца» может парализовать волю человека, предполагающего свою конечность, но надеющегося на бессмер-

тие. «Путник» означает состояние человека готового мерить собою пройденное, превращая его в индивидуально понятное, личное достоинство.

Размышления путника можно выразить следующими авторскими строками:

Дорожное

Нагота тротуара, сгустившийся мрак...

Это может быть утра или вечера знак.

Зимний холод весною так привычен и скупен,

Словно ругань врагов, или звуки шагов...

В тусклом свете витрин и в мерцании машин,

Только спины людей, только тени идей,

Преходящих в обман бегло прожитых дней...

Что же гложет тебя,

Кто смущает твой ум?

Может песни обряд?

Или страсти наряд?

Может прошлого взгляд?

... Смутных образов ряд...

Совмещение формоизменения, целеполагания и социальности как родовых характеристик культуры с интимным переживанием дороги, воспринимаемой серпантинном шагов его жизни, и порождает символический образ путника. Воспринимается этот образ синкретично, нераздельно от собственного «Я».

Символ здесь предстает защитной формой архетипа дороги. В первую очередь «блистает» свойство определенности, затмевая все остальные значения. В контексте, где человек – функция социума, «дорога» заявляет о себе внешней стороной цивилизации, так называемой инфраструктурой. Дороги – это артерии цивилизованного, управляемого, консолидированного общества. Путник – социальный образ, одобренный обществом в логической цепи: туризм – гостиница – ресторан (таверна). Не случайно турами в иных культурах называют вешки, знаки, отмечающие путь. В этом смысле человек, идущий по дороге – далеко не бунтарь. Его поведение санкционировано обществом, так как он выполняет правила социума. Бунтарем он может быть лишь тогда, когда идея дороги, то есть скрытой,

внутренней стороны символа начинает превращаться в средство антисоциальности, противопоставления себя обществу. Возникает протест против декларируемых в качестве социальных аксиом – целей. Неподчинение оправдывается принципом: «Движение всё – результат ничто». Благосостояние, семья, культивирование пространства оседлости, колонизация дикости как цель и результаты движения подвергаются сомнению и отрицанию.

Вариантом логического развития освоения смыслов движения может быть символический образ «странника».

«Свое иное» предшествующего ряда символов проявляется в «страннике». Хотелось бы обратить внимание на известную схожесть русского слова странник со словами в разных, не столь далёких по происхождению языках. Странник – производное от древнерусских слов сторона, сторонний, сторонник. Слово выражало значение особенки, отдаленности, непохожести. На английском языке странный человек звучит как «stranger». Дословно означает – незнакомец. А в значении «outsider» – как посторонний, человек с другой стороны. Странствующий странный человек зачастую представляется иным людям – мотивированным собственными целями, не всегда одобренными обществом. Сам по себе бредущий и самостоятельно осваивающий дорогу жизни странник («беспечный ездок») снедаем противоречиями. Уточним: противоречиями осмысления, отрицания абсолютного тождества индивидуального и социального. Ищущий свой путь, свою колею, странник готов «пробить головой стену». Значение образа стены или возвышения над обычным уровнем – двояко в мировой культуре. Ограждающая индивида, защищающая территорию и духовную в том числе, «стена» является метафорическим понятием невозможности выхода вовне. Следовательно пробивая стену бытия странник реализует своё активное духовное начало. Представляется, что в единстве социальных тенденций: функционирования (то есть поддержания и сохранения устоявшегося) и развития (то есть изменения существующего), странник символизирует,

прежде всего, установку отрицания. Странник, безусловно, социален. Ведь преодолевая пространство и время, он использует механизмы социума. Одновременно он отрицает «толпу», подвергая сущее критическому, альтернативному шаблонам, рассмотрению. Если пилигрим в известной степени чувствуют себя мессией, то странник больше нон-конформистом. Своей жизнью, точнее определенным этапом жизни, потому, что «странник» – это все-таки состояние, он отрицает клише, что «все дороги ведут в Рим».

Носитель привлекательного образа, искренне верующего в себя, странник может превратиться в матрицу своих подражателей. Иными словами – породить модную субкультуру. Не случайно побережье Гоа является одним из немногих мест, некогда облюбованных хиппи. Автору этих строк, будучи на горе Кайлас (тибетской Шамбале) трудно было чётко осознать мотивацию, приведшую его туда. Актуальным отражением тогдашнего состояния явилось написанное во время раздумий:

Тибет
Звёзды плачут,
Представляясь водой,
Мысли льются тёмной рекой.
Горы, чашей блистают, маня,
Чудно и пряно – дразнят тебя...
Я смотрю на небо слепо и зло,
Чуда не будет – время прошло...
Воздух – гладок, тяжёл и упруг
будто кованный китайский лук.
Краски огней, пламя очей
Крики и стоны непонятных людей...
Яки – мычат
духи – хрипят, заплетая их гривы
в сторяд...
Игры богов – рождают дурман,
Не сможешь забыть лица жёлто-сумрачных
лам...

Тысячи лет
Поют про Тибет,
Но знает ли КТО
Верный ответ?

Решение вопроса «Куда идешь?» приобретает конкретную форму: «Тварь ты типичная

либо творец своей жизни уникальный?» Это требует психологического комфорта, что и предстает в виде выбранного близкого человеку архетипического символа. В ряду преодоления жизненных коллизий может наступить и черед «паломника». Для образа паломника характерен не только признак традиционного поклонения (по обычаю), но и желание пребывать в этом состоянии коллективно. Иными словами «калика – перехожий», паломник древней Руси перемещался по жизни, посвященной «хождениям» в составе дружины, «со товарищи». Ритуализированность паломничества связана с верою в то обстоятельство, что молитва (разговор с иными сверхъестественными сущностями) более действенен в определенных местностях, связанных с мистическим. Паломничество выступало в форме социального долга. Иногда оно превращалось в эпитимию или наказание. С XIII века не только церковь, но и светские суды государств Западной Европы приговаривали к паломничеству убийц. Одно время (в XII веке) паломничество на Руси вошло в столь широкий обычай, что церковные власти и авторитеты стали ограничивать подобное рвение. Так, например русский писатель и паломник Даниил провозглашал, что спасение души богоугодными делами возможно и у себя дома. Паломники, странники – богомольцы, приносившие в родине места ветку пальмы породили особый жанр массовой литературы – так называемые «паломники» или паломнические книжки. Первоначально они содержали лишь описание святых мест и легенд с ними связанных. Позже они становились всё более авторскими, с рассказами о личных впечатлениях и философскими рассуждениями. «Пилигрим» проявившийся в «путнике», просматривающийся в «страннике», с очевидностью предстаёт в «паломнике». Не случайно пилигрим в переносном архаическом значении звучал как странник. Взаимосвязь этих понятий, как ипостасей существования единого архетипа «дорога» или точнее «человека дороги, пути», отражалось и в китайском «дао» и инкском «Мачу-Пикчу», звучавшем как путь жизни. «Хождение за три моря» А. Никитина являлось произведением

пилигрима на государственной службе. По жанру, напоминая традиционные паломнические книжки, оно объектом описания выбирает иноверческую Индию. Необходимо отметить, что паломник, ощущающий гармонию внутреннего и внешнего может воспринимать себя пилигримом. Таким образом человек может пройти весь путь архетипических символов, но при этом направленность его установок будет достаточно ясной.

Архетип – есть способ связи образов, объединяющих поколения. Современный человек, прошедший через жернова непрерывного образования и самообразования представляет собой отражение совокупности предшествовавших его времени ценностных ориентиров общечеловеческой культуры. Символы первобытной культуры и соседской общины античного времени дополняются в его сознании иными постулатами общечеловеческого бытия. Теоцентризм – символизм – иерархичность социального общества средневековья уживаются в триаде гуманизма, науки и религии Нового Времени. Консолидирующей, синтезирующей их формой выступает постмодернизм как форма культурного бытия человека. Мифологическая поддержка менталитета россиян как духовно самобытной, потенциально и актуально своеобразной общности способствует появлению определенного массового типа человека. Постмодернизм определяет переход от «поиска истины» к желанию «просто жить», к наслаждению «мозаичностью бытия» как череды чувственных и рациональных образов разных эпох в виртуальном исполнении. Удовлетворенность от сопричастности к «следам мирового движения» принимает форму смысла жизни. Различие между индивидуальными дорогами жизни декларируется современным обществом, различием в оценках средств, форма, временем достижения. События жизни автора на острове Сахалин, Камчатке, Хабаровском крае, Приморье, Восточной и Западной Сибири, Урале, Пермском крае, Поволжье,

Центральном регионе, западных российских областях, Кавказском регионе обернулись потребностью преодолеть рамки национального государства. Балканы, Люксембург, Франция, Италия, Исландия, Гренландия, США, страны Латинской Америки и Карибского моря, Северная Африка, Индия, Непал, Китайский Тибет и Япония стали внутренними элементами моего индивидуального пространственного поля.

Временное измерение обернулось участием в археологических путешествиях в глубь времён. Речь идет о раскопках культуры Бронзового Века в Грузии, исследовании античности Причерноморья. Осмысление и переживание этих событий происходит в течение нескольких десятилетий моей жизни в процессе поиска гармоничного взаимопонимания с представителями регулярно сменяющихся поколений студенческой молодежи. Участие в совместной исследовательской, педагогической деятельности позволяет поддерживать разнообразные контакты с современниками различной социальной принадлежности.

Все вышесказанное и позволяет мне ощущать ныне себя в большей степени пилигримом, нежели странником. Я могу чувствовать себя человеком, с радостью выполняющего социальную функцию-миссию. Трансляция пропущенного через индивидуальный опыт бытия единства общего и особенного, позволяет придавать сочность, убедительность представлению об абсолютной ценности жизни. Ничто так не обогащает жизнь общества как поиски путей к гармоничному слиянию с индивидом, осознающего себя единовременно пилигримом, путником, странником, паломником к святыням человеческого рода. Факторами предельного уровня абстракции, позволяющими переживать указанные в статье архетипические символы жизненного бытия как субъективную реальность выступают пропорциональность, симметрия, соразмерность, ритмичность, созвучие и согласованность всех частей жизни.

ИНФОРМАЦИЯ О РАБОТЕ МАДИ

В феврале 2010 г. в Бага Бич (Гоа, Индия) состоялось заключительное пленарное заседание научно-практической конференции «Дискурс травелога: индийская тема в полифонии межкультурной коммуникации», в котором приняли участие доктора философских наук, профессора Б.В.Емельянов, С.Г.Зырянов, В.М.Русаков, Ю.К.Саранчин, доктора политических наук, профессора О.Ф.Русакова, М.А.Фадеечева, кандидаты философских наук, доценты И.В.Гладкова, В.М.Зырянова, К.С.Романова, Ю.А.Толкачев и др. Принято решение доклады участников конференции опубликовать в альманахе «Дискурс-Пи» и сборнике «Дискурс травелога». Первый выпуск «Дискурс травелога» (Екатеринбург, 2009) посвящен китайскому травелогу и содержит доклады конференций «Дискурсология: Методология, теория, практика» (Екатеринбург, 2008), «Дискурс травелога» (Санья, 2009).

Продолжается работа над международным проектом – энциклопедией «Дискурсология». Проект словника переведен на английский, испанский и французский языки и в ближайшее время будет выложен на сайте академии. Сегодня в России рядовой исследователь перестает пугаться малоизвестного термина «дискурс» и активно вносит вклад в разработку наиболее эвристически ценных аспектов этой новой методологии гуманитарного познания. Редколлегия получила большое количество писем от российских и зарубежных коллег, работающих в данной области. В них содержится множество предложений, как по расширению словника, так и по содержанию статей. Редколлегия планирует обобщить эти предложения и также сделать их предметом обсуждения.

Вышел из печати том материалов, посвященных IV международной научно-практической конференции «Дискурсология: методология, теория, практика» (Discursologia: metodologia, teoria, practica), прошедшей с большим успехом в России и Мексике благодаря усилиям академиков

МАДИ – проф. М.А. Малышева, работающего в Мехико и Толуке (Мексика), Президента МАДИ О.Ф. Русаковой (Екатеринбург, Институт философии и права УрО РАН) и члена-корреспондента МАДИ доцента В.Е. Хвощева (Южно-Уральский государственный университет, г.Челябинск).

Стоит отметить, что проблематика дискурс-исследований вызывает растущий интерес как в России, так и в Мексике: в различных заседаниях, как и в рамках прошлой – III-й конференции, приняли самое активное участие ученые целого ряда научных и образовательных центров России и Мексики: Институт философии и права УрО РАН, Южно-Уральского госуниверситета, Института международных связей, Юго-Восточного института геополитики, Челябинского отделения Российской ассоциации политической науки (РАПН), Национального Автономного университета Мексики (UNAM, Мехико), академического сообщества Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика), Национальной школы антропологии и истории (Мехико), Высшего института наук об образовании штата Мехико (Толука). В докладах были рассмотрены проблемы религиозного, культурологического и других типов дискурса. Снабжение аутентичных испаноязычных текстов резюме на русском языке любезно осуществил академик МАДИ профессор М.А.Малышев.

Проведенная работа показала, что сегодня нет преград интеллектуальному обмену, несмотря на то, что мы находимся, практически, на прямо противоположных точках земного шара! Интересно и то, что ряд российских авторов публикуются в мексиканских изданиях, а мексиканские коллеги представлены на страницах альманаха «Дискурс-Пи», который в этом году отмечает свое десятилетие. Ведется сайт академии www.madipi.ru.

2010-й год отмечен 75-летними юбилеями видных представителей Уральской философской школы – двух академиков МАДИ: д.ф.н., проф. К.Н. Любутина (25.02), д.ф.н., проф. Б.В. Емельянова (08.06), профессора В.Т. Звиревича (15.08). Президиум МАДИ поздравляет юбиляров и желает им крепкого здоровья и новых творческих успехов.

О.Ф. Русакова, В.М. Русаков

СТАТЬИ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ ЭНЦИКЛОПЕДИИ «ДИСКУРСОЛОГИЯ» В 2010 ГОДУ

СТАТЬИ

М.В. Гаврилова (Санкт-Петербург)

ИНАУГУРАЦИЯ

Инаугурация. Инаугурация (от лат. *inauguro* «посвящать») – это торжественная церемония при вступлении в должность главы государства.

Инаугурация – это одна из форм символического политического действия, выражающая определенные социальные взаимоотношения и общезначимые ценности. Все составляющие церемонии (время, место, участники, окружающая обстановка) имеют смысловую нагрузку. Инаугурация призвана актуализировать в общественном сознании национальные символы.

Коммуникативную ситуацию политического события формирует строго регламентируемая последовательность действий, в том числе и вербальных (объявление председателя центральной избирательной комиссии, присяга, выступление предшественника, инаугурационная речь).

Церемония инаугурации имеет устойчивую структуру, однако новый президент вправе внести дополнения в инвеституру, как правило, для того чтобы продемонстрировать отличительные признаки своего политического курса с помощью различных знаковых систем.

Обязательным элементом контекстной модели инаугурации является принесение присяги, которая произносится на президентском экземпляре Конституции Российской Федерации, тексте важного государственного значения. После приведения к присяге президент официально утверждает в своей должности. Символически этот факт подтверждается поднятием штандарта президента над кремлевской резиденцией.

Контекстная модель инаугурации конструируется при помощи различных знаковых объектов: предметов, имеющих символический смысл (знаки президентской власти), изображений

(цвета государственного флага России), текстов (Конституция) и осуществляемых в условиях соответствующей мобилизации настроений и чувств действующих участников события.

Находящиеся на сцене руководители обеих палат Государственной Думы и председатель Конституционного Суда символизируют основные ветви власти – законодательную и судебную. Бывший президент символизирует мирную передачу власти, преемственность государственной власти. Видные представители общественности, приглашенные на церемонию, призваны засвидетельствовать легитимность прихода к власти главы государства. Военный парад можно рассматривать как символ военной мощи государства, как дань историко-военной традиции прохождения отдельных воинских подразделений перед руководителем страны.

Место проведения инаугурации имеет особое значение, поскольку Кремль – это и религиозный центр, где раньше короновались цари, и административный центр советской власти, и политическая столица новой России. Само пространство создает психологическое состояние сопричастности истории страны. Светлый просторный украшенный позолотой Андреевский зал, в котором проходит инаугурация, придает церемонии пышность и торжественность.

В организации коммуникативной ситуации вступления в должность президента России используются элементы инаугурационного церемониала других стран (точная дата события, присутствие глав законодательной и судебной власти, уходящего с поста президента и др.). Вместе с тем, в церемонии соблюдаются отдельные национальные традиции. Существует ряд совпадений между

процедурой вступления в должность президента России и обрядом венчания на царство русских царей. В свою очередь ритуал «поставления государя» ориентировался на византийскую традицию.

Торжественная атмосфера инаугурации способствует возникновению новых символических политических действий. Различные элементы контекстного окружения церемонии вызывают в массовом сознании мифологизированные эмоции и ассоциации, а, с другой стороны, создают новые социальные мифы. Как всякое ритуальное действие инаугурация вводит эмоционально – напряженные психологические состояния личности (в ходе предвыборной борьбы) в определенные

социокультурные рамки. Выработка политических ритуалов в условиях новой российской государственности играет важную роль, поскольку позволяет создавать и укоренять в общественном сознании новые способы социального воспитания.

Литература:

Гаврилова, М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина). СПб., 2004; Инаугурационные речи американских президентов. М., 2001; Тамзина А.Т. Проблемы современной американской президентской риторики. Абакан, 2001.

М.В. Гаврилова

Б.В. Емельянов

ГОРОСКОП. ИНЬ И ЯН. ОБЕРЕГ.

Гороскоп (греч. – horoskopos – наблюдающий время) – таблица взаимного расположения планет и звезд на определенный момент для предсказания развития событий, судьбы государства, нации, человека. Г. – древнейший феномен человеческой культуры, объяснения мира. Зафиксированы зороастрийские, халдейские, египетские, древнеславянские ведические Г. Г. – инструмент астрологии, которая имеет множество разделов: рождение и судьбы человека, события, метеорологии, бизнеса, здоровья и т.п.

Г. человека – информация о модели звездного неба, образующая определенную конфигурацию расположения планет и звезд относительно Земли как центра Вселенной. Она представляет зодиакальный круг, разбитый на 12 знаков зодиака. Для человека важными являются три Г. Это Г. тела, отвечающий за реальную жизнь человека с момента его рождения и зафиксированного на этот момент расположения планет. Информацию этого Г. фиксирует внешность человека, его рука. «Господь Бог наложил печать на руку человека, да на облик его, чтобы все знали о делах его» (Кн. Иова). Второй гороскоп человека фиксирует расположение и влияние планет в момент зачатия человека. Он связан с коллективным бессознательным, вскрывает потенциальные возможности человека. Третий Г. человека – Г. духа, фиксирует расположение и влияние планет до рождения человека, когда дух привязывается к Земле, вы-

бирает тело материи для будущего человека. Этот Г. считается высшей сокровенной программой жизнедеятельности человека.

Наука отрицает предсказательную функцию Г. Однако накопленные за десятилетия эмпирические данные доказывают дистанционное влияние планет и звезд на процессы, происходящие на Земле, исторические события и здоровье человека (См.: Киладзе Р. и др. Поиск возможных связей между сильными землетрясениями и астрономическими явлениями на примере сейсмоактивного региона Кавказа // Вулканология и сейсмология. 2005. №3. Чижевский А.Л. Земля в объятиях Солнца. М. 1995).

Литература:

Гервик - Бродер М. Астрология. М., 2003; Глоба П.П. Космический паспорт. М., 1993; Назарова Л. Тайны гороскопа. М., 2001.

Инь и Ян – символы древнекитайской натурфилософии даосизма, где Инь означает женское начало, Ян – мужское. Их единство имеет символ в виде круга , разделенного на равные части S-образной кривой на темную женскую половину (Инь) и светлую мужскую (Ян). В центре каждой – кружок, окрашенный в противоположный цвет, что обозначает образ сбалансированного динамизма противоположностей. В натурфилосо-

фии Инь – Земля (пассивное начало), а Ян – Небо (активное начало). Оно вносит в мир импульс изменения, направленного действия. Инь его воспринимает, наполняет силой, содержанием, воплощает в форму бытия, обеспечивает и поддерживает целостность и устойчивость мира. В масштабе Вселенной их единство – это спираль вселенского вихря, в которой сливаются две противоположные энергии, порождающие вечное и непрерывное движение, созидание и разрушение, эволюцию и инволюцию. Сильное влияние на человека оказывают циклы солнечных и лунных Инь и Ян. В календарном году два больших лунных цикла: за первый (21 декабря – 21 июня) отвечает Инь, за второй (21 июня – 21 декабря) – Ян. Солнечные циклы бывают большие и малые: годовые, месячные, недельные, суточные. Солнце всегда в Инь энергиях, Луна – в Ян. Этим поддерживается баланс энергии во вселенной. В человеке Инь и Ян – это два начала его жизнедеятельности. Их равновесие означает жизненное здоровье, гармонию с собой, с другими людьми и природой. Нарушение равновесия ведет к болезни, а на восстановлении равновесия основана вся китайская медицина.

Литература:

Дао и даосизм в Китае. М., 1989; Законы души или Кармические коды. М., 2008; Трихильо Л. Китайская астрология. Ростов Н/Д., 2006.

Оберег – предмет, способный охранять человека, его жилище, скот от злых сил, болезней и укреплять здоровье, приносить удачу. История О. насчитывает тысячи лет. О. являет-

ся элементом традиционной культуры славян. Археологи находят О. в захоронениях X – XV вв., причем отдельные скелеты человека имеют до тридцати О. Заклинательная символика О. была разнообразной. Шейные украшения, бусы, гривны защищали голову и шею, разнообразные подвески – сердце. Материалом для их изготовления горный был хрусталь, халцедон, аметист. Их защитная сила определялась святостью мест их добычи. Большое распространение имели О. – фигуры в виде птиц, ключей, ложек, пилообразных предметов – упрощенного изображения челюстей. Каждый имел свои функции: птица (иногда рыба) оберегала семью, ключ охранял жилье и открывал скрытое, ложка отвечала за благополучие, фигурка челюстей (когтей, зубов) отгоняла злых духов. О. могла быть вышивка на одежде женщины вдоль бедер, на подолах. Уязвимые места на теле человека защищали О. в виде височных колец, дисков, закрывающих уши. После принятия христианства функции О. стали выполнять кресты и иконы. Особую силу О. имела мерная икона, которую заказывали родители на 8 день после рождения ребенка. Она оберегала человека всю жизнь. В настоящее время мистический характер О. утрачен, его роль часто выполняют амулеты и талисманы, хотя их оберегательные свойства носят специфический характер.

Литература:

Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М., 2002; Садонкин Л. Мерная икона - защита на всю жизнь // Наука и религия. 2007. № 7; Талисманы, амулеты, обереги на все случаи жизни. М., 2008.

Б.В. Емельянов

Е.А. Кожемякин (Белгород)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Политический дискурс. Регламентируемая определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующая и смысловоспроизводящая деятельность, направленная на формирование, поддержание и изменение отношений доминирования и подчинения в обществе. П.д. характеризуется наличием таких целей, как завоевание, удержание и распреде-

ление власти. Даже реализация дескриптивных функций политическим дискурсом предполагает легитимацию властных отношений. Предметная область П.д. характеризуется неопределенностью, «эфемерностью» как самих политических объектов, так и их границ. Границы номинируемых объектов в П.д. устанавливаются в соответствии с тем, какие политические интересы актуализо-

ваны, как распространяются властные амбиции и за счет каких именно объектов предполагается реализовать власть.

Язык П.д. специфичен семантической неопределенностью, эзотеричностью, идеологической полисемией, сложностью значений лексики, использованием эмоционально-возвышенной лексики, что в своей совокупности позволяет адресантам манипулировать со смыслом высказываний и объективировать субъективно-коннотативные значения. С когнитивной точки зрения П.д. характерен использованием не строго определенных понятий, оценкой истинности высказываний на основе их авторства и соответствия идеологической точке зрения, а также скорее конструирующим, чем воспроизводящим типом познания.

В политической дискурсивной практике используется широкий спектр текстов: с одной стороны, нарративные, декларативные, референциальные, а с другой – художественные, публицистические, научные тексты используются политическими агентами в качестве инструмента воздействия на сознание и опыт реципиента.

Контексты П.д. в значительной степени образованы прецедентными текстами, что обусловливается необходимостью воспроизводства власти: идентификация адресатом ключевых категорий возможна за счет наличия их в опыте чтения аналогичных текстов. Конструирование знания в

политической дискурсивной практике происходит в контексте конкретных действий в определенном хронотопе и связано с жизненным миром и смысло-жизненными ориентирами коммуникантов. Отличительной особенностью коммуникативного контекста П.д. является его массовость и неопределенность границ коммуникантов.

В целом П.д. направлен не столько на объективную репрезентацию действительности, сколько на конструирование особого типа реальности в соответствии с властными интенциями и амбициями. Политическая дискурсивная практика организуется таким образом, что неопределенность и неточность ее ключевых категорий, объектов и потенциальной аудитории способствует включению в ее поле все большего числа индивидов. П.д. оперирует богатыми языковыми, когнитивными, коммуникативными инструментами, что дает возможность политическим субъектам возможность вуалировать базовую цель достижения и удержания власти.

Литература:

Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004; Русакова О.Ф. Дискурс, политический дискурс, политическая дискурсология // Многообразие политического дискурса. – Екатеринбург, 2004; Макаренко В.П. Политическая концептология. – М.: Праксис, 2005; Wodak R. Disorders of discourse. – L., N.Y., 1996.

Е.А. Кожемякин

Е.А. Кожемякин, Е.А. Кротков (Белгород)

ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС

Философский дискурс. «Странности» Ф.д. начинаются с семантики терминов его тезауруса, таких, к примеру, как «бытие», «дух», «субстанция», «знание», «истина», etc. Универсумом Ф.д. не является множество индивидов (предметов), наличие которого постулируется системой логического анализа языка. Его концепты не принадлежат к разряду конкретно-научных понятий: для языка философии не типичны общие высказывания. К примеру, логическая форма высказывания «Человек – разумное существо» не эквивалентна результату его формально-логической реконструкции в языке традиционной силлогистики «Все *S* суть *P*». Иногда полагают: слово «человек» в философском контексте представляет «человека как

такового», «человека вообще», «сущностного человека», а не действительных (конкретных) людей. В этом плане философские концепты аналогичны по своей природе идеально-типическим образованиями. Идеальный тип «не дает...изображения действительности, но представляет необходимые для этого средства выражения» (М.Вебер).

Ф.д. конструирует категориальное пространство мышления-говoreния о мире, о положении и роли человеке в нем, и «координатами» этого пространства являются предельно общие понятия – категории, или концепты. Имея статус «несущих конструкций», сетка этих категорий является априорным (предпосылочным) условием возможности нефилософского (предметно-содер-

жательного) дискурса. Каждая значительная философия задает свою категориальную «геометрию» мышления, перестраивает предшествующую, вводя в неё новые концепты. Так, Платон ввел координатную систему, в которой эмпирические объекты обрели сверхприродное онтологическое основание. Р.Декарт своим *cogito* «перелицевал» эпистемологические координаты объективного, субъективного и достоверного: достоверность субъективно данного (т.е. мышления) оказалась в них условием признания существования внешнего мира. И.Кант реконструировал новоевропейское мышление введением координат «ноуменальное – феноменальное», «аналитическое – синтетическое», «априорное – апостериорное». В этом и состоит одна из задач философии: формировать концепты (Ж.Делез, Ф.Гваттари); создавать принципиально новые категориальные смыслы (В.С.Степин); выделять разнообразные «планы» (аспекты) бытия и познания (природный – культурогенный, материальный – духовный, чувственный – рациональный, сущий – должный, и т.п.).

Авторский философский текст во многом представляет собой реакцию («ответ») на тематически близкие тексты, созданные ранее другими философами. Этот ответ может состоять в частичной идентификации с содержанием «внешнего» текста, в ассимиляции его проблемного поля, либо в полном дистанцировании от него. Фрагменты предпосылочных текстов приобретают в авторском тексте нередко иной (иногда – противоположный) смысл, в их содержании может измениться акцентуация (что было несущественным, становится главным, или наоборот). Одна из целей имплантирования части чужого текста в авторский состоит в использовании ее в качестве аргумента к авторитету.

Изложенное дает основание для выделения двух типов философской аргументации: монологовой и диалоговой. Доводы в монологовой стилизации имеют своей интенцией содержание создаваемых философских концептов («Истина аподиктических суждений имеет внеопытное происхождение, ибо опыт, в силу его конечности...»). Доводы в диалоговой стилизации обычно формулируются в виде пропозициональных установок («Уже Лейбниц полагал, что истина аподиктических суждений имеет внеопытное происхождение...»), причем автор интерпретирует содержащиеся в них высказывания таким образом, чтобы их смысл можно было

либо частично идентифицировать со своей точкой зрения, либо превратить в объект для критики.

Далее, авторский текст строится с учетом виртуальной встречной позиции, т.е. возможной реакции на него других философов. Автор «просчитывает» возможные *pro* и *contra*, иногда специально инсценируя диалоги «филонусов» с «гиласами», или же вступает в диалог с безликими возможными оппонентами («Мне могут возразить, что...») и единомышленниками («Меня поймут те, кто...»), попутно разясняя и уточняя свою позицию. Это способствует обретению создаваемым текстом «иммунитета» от возможной критики и «позволяет контролировать то, что не поддается контролю, а именно будущую рецепцию» авторского текста (Дж. Уэйт).

Наконец, автор текста не отдает себя на «полную и окончательную волю наличным и близким адресатам», апеллируя к некоему «нададресату» (М.М.Бахтин). Консонанс *ratio* философа с его *existentia* – в этом мы усматриваем данную «диалогему» авторского мировоззренческого дискурса. Не без оснований В. Дильтей считал «великие жизненные настроения» (««жизнеощущение», «чувство жизни»), такие, к примеру, как оптимизм и пессимизм, фундаментом, «подпочвой развивающихся на их основе мировоззрений». Психологическое объяснение такого рода «фундированности» метафизических построений содержится в известном положении Л.С.Выготского о том, что «мысль рождается... из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции».

Различия в «жизнеощущениях» авторов мировоззренческих дискурсов находятся в коррелятивной связи с фактом разнообразия достаточно развитых мировоззрений, вступающих, по выражению В.Дильтея, «в борьбу между собой за власть над душой». По этой причине не существует аргументативного преимущества ни у одной из мировоззренческих позиций, поскольку картина «мира в целом» – сугубо метафизический конструкт, и лишь какие-то его фрагменты заимствованы из дискурса повседневности и научных знаний, однако и они достаточно вольным образом вынесены за границы верификационного потенциала человечества. В подобных вещах «не так много значит мудрствование, как искреннее признание

бессилия нашего разума» (И.Кант). В этой связи мысль о том, что в споре рождается истина, менее всего может быть отнесена к Ф.д. Спор уместен разве что между приверженцами одной и той же философской доктрины, т. е. внутри «школы», что позволяет уточнить и сделать более прозрачными ее фундаментальные идеи и принципы, но крайне редко приводит к отказу от них или же их существенному изменению.

«Несоизмеримость» конкурирующих Ф.д. объясняет тот факт, что историко-философский процесс не привел к возникновению некоего «универсального», т.е. общепризнанного теоретического мировоззрения, сравнимого, скажем, с естественнонаучным воззрением на мир. Последнее, разумеется, время от времени существенно изменяется, однако приходящая на смену новая картина мира аккумулирует (усваивает, перерабатывает) своих предшественников таким образом, что обращение к ним становится уместным лишь в историческом плане. В отношении философских мировоззренческих систем ситуация существенно иная: каждая из них, созданных в прошлом, может оказаться востребованной в неменьшей степени, чем те, которые по времени номинируются как современные.

Плюрализм как атрибут Ф.д. не означает, что в нем «допустимо все». Важнейшим (хотя и не единственным) ориентиром для Ф.д. как рацио-

нального предприятия является его дефинитивная корректность («прозрачность» смыслового значения) и логическая когерентность. «Общий язык разума следует использовать, так сказать, без шифров, использовать, прежде всего, как средство рациональной коммуникации» (К.Поппер). Однако дефинитивная корректность и логическая когерентность не устраняют контrovers в отношениях между философскими учениями. Как правило, философ создает свои тексты не для того, чтобы переубедить (опровергнуть) оппонентов: аргументы в его дискурсе призваны восполнять, разъяснять содержание его философских убеждений либо демонстрировать их несовместимость с иными убеждениями.

Литература:

Вебер М. Объективность познания в области социальных наук и социальной политики / Культурология. XX век. М., 1995. С. 580-5581. Уэйт Дж. Политическая онтология // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991. С. 192. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 289. С.323. Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология. XX век. Антология. С.220, 225. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1991. С. 33. Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С.73. Кротков Е.А., Носова Т.В. О природе философского (метафизического) дискурса // Эпистемология и философия науки. № 3, 2009. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.2. М., 1992. С. 37.

Е.А. Кожемякин, Е.А. Кротков

Е.А. Кротков (Белгород)

ИДЕНТИФИЦИРОВАНИЕ

Идентифицирование. Этот вид научного рассуждения характерен для многих когнитивных практик. И. применяется в поисковой деятельности литературоведа, решающего задачу установления личности автора произведения художественной литературы, под которым стоит подпись вымышленного лица; историка, устанавливающего личность известного участника исторического события, отметившегося в нем под вымышленным именем; следователя, разыскивающего скрывшееся с места преступления лицо, совершившее это преступление, и т.д.

Вопрос, которым направляется И., формулируется так: «Какой из ранее выделенных объектов $b_1, \dots, b_n$ является идентичным искомому объекту

a ?». Номологической посылкой умозаключения такого рассуждения является высказывание, имеющее следующее логическое содержание: $\forall x (Yx \supset (x \equiv a))$, т.е. «Любой объект x , имеющий признак индивидуальной идентичности Yx , является тем же, что и объект a ». В эпистемологическом плане оно означает, что объект a , сохраняя свою идентичность, т.е. идентификационное свойство Y , может, тем не менее, предстать в разных контекстах своего существования (временных, пространственных, биологических, социальных и т.п.) как другой объект, утрачивая при этом какие-то одни свойства и приобретая другие. Идентифицирование индивидуальности, составляющее цель и конечный результат

«вычисления» эмпирических объектов, основывается на некоторых постулатах теоретического характера. Считается, в частности, что, несмотря на непрерывные изменения, которые претерпевает эмпирический объект, в некотором временном интервале он сохраняет свою качественную определенность – как объект данного вида, и индивидуальную специфику (идентичность) – как этот, а не другой объект (данного вида). Допустим, рассуждающему удалось установить, что свойство Y имеется у объекта b_i . После этого выстраивается дедуктивное умозаключение по схеме $\forall x (Yx \supset (\delta \equiv a)), Yb_i \vdash (b_i \equiv a)$. В итоге формулируется результат рассуждения: «Искомым является объект b_i ».

В качестве признака индивидуальной идентичности Y может выступать какой-либо отдельный фактор объекта a , отражающий некое уникальное свойство этого объекта: почерк, особенность речи – в текстологическом исследовании; «рисунок» кожных покровов пальцев, ладоней, протектора колеса, запах одежды – в криминалистическом исследовании, место данного числа в некоторой последовательности чисел т.п. Такого рода фактор можно назвать абсолютно-уникальным признаком. Однако не всегда рассуждающий располагает такой информацией об объекте в начале поиска. И только определенная констелляция неспецифических признаков, формирующаяся в процессе поиска, может стать – в строго определенном контексте – уникальной его характеристикой.

И. типично и для формальных наук. Обычно идентификационные процедуры математического и логического характера принято называть вычислениями. Они трактуются как последовательности операций с символами (цифрами, буквами, «словами»), осуществляемые по формальным алгоритмам. Тем не менее, их основу составляет И. со всеми его атрибутами, включая построение вывода. В условиях вычислительных задач этих наук содержатся параметры, функциональная (номологическая) зависимость между которыми такова, что предметное значение одного из них детерминировано значениями других. «Какое число, которое, будучи помножено на 12, даст 36?». В этом вопросе выражение «число, которое, будучи помножено на 12, даст 36» является предметным функтором. Роль такого рода идентифицирующих выражений состоит в выделении одного-единственного объекта (это может быть один предмет, либо их упорядоченная пара, тройка и т.д.) из некоторой предметной области (в примере – из множества целых чисел) посредством задания абсолютно уникального признака (в примере – уравнения « $x \cdot 12 = 36$ »). В реальной мыслительной практике для получения ответа на вопрос вычислительной задачи нередко требуется привлечение не одной, а нескольких функций.

Кротков Е.А.

Е.А. Кожемякин, Е.В. Переверзев (Белгород)

СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ (ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ)

Современный дискурс-анализ (электронный научный журнал). Web-адрес журнала: <http://discourseanalysis.org> Основан в 2008 году под инициативой Центра коммуникативных и медийных исследований Белгородского государственного университета. Редакционная коллегия журнала: Е.А. Кожемякин (г. Белгород), Е.В. Переверзев (г. Белгород), С.Н. Борисов (г. Белгород), О.А. Оберемко (г. Москва),

А.М. Корбут (г. Минск), Т.В. Тягунова (г. Минск). Каждый номер издания включает в себя два тома: первый том содержит тексты, обсуждающие методологические позиции и теоретические основания дискурс-анализа, второй – результаты описания социальных и культурных практик с помощью дискурсной методологии. Выходит с периодичностью три номера в год. Каждый номер выдержан тематически:

так, первый номер был посвящен обсуждению методологических моделей дискурс-анализа, второй – подходам к изучению различных типов дискурса. Планируются тематические выпуски, посвященные субъекту дискурса и дискурсному производству субъективности, дискурс-анализу микросоциальных практик, методологическим схемам анализа новых медийных процессов, визуальным методам дискурс-анализа и т.д.

Тематическая область журнала – теория дискурса, методология и методика дискурс-анализа, анализ конкретных типов дискурса, конверсационный анализ, критическая теория, социология знания, философия языка, коммуникативные и медийные исследования, а также смежные и специализированные области коммуникативистики, дискурсологии и социолингвистики. Журнал представляет собой попытку междисциплинарного концептуального осмысления современных зарубежных и отечественных теорий дискурс-анализа, обсуждения современного состояния, форм и перспектив отдельных дискурсных методологий, осуществления эмпирических импликаций теоретических моделей дискурса. «Идеология» издания заключается

не столько в создании знания о различных дискурсах, сколько в разработке общей (междисциплинарной) дискурсной методологии, целью которой является описание и объяснение институциональных и повседневных фактов в контексте производства знания, власти, социальных порядков, точек зрения, «здорового смысла», профессиональных стандартов. В таком аспекте предметная область журнала включает в себя широкий набор дискурсных и социальных практик – от политических кампаний до научно-исследовательских программ, от аудиторной коммуникации до религиозных ритуалов.

Журнал ставит своей целью создание площадки для креативного диалога между исследователями, использующими дискурсные теории и методологии как в рамках изолированных научных направлений, так и в рамках локальных междисциплинарных теорий. Издание разделяет принципы открытости дискуссии, конструктивной критики и саморефлексии, междисциплинарности, гибкости редакторской политики.

Е.А. Кожемякин, Е.В. Переверзев

Л.В. Селезнева (Москва)

ДИСКУРС-АНАЛИЗ

Дискурс-анализ (discourse analysis) – одно из ведущих междисциплинарных направлений, изучающих языковое общение. Термин «А.Д.» был впервые использован З.Харрисом в 1952 г., однако оформление этого научного направления приходится на 70-е годы XX века, когда опубликованы работы представителей европейской школы лингвистики текста (Т. ван Дейк, В. Дресслер, Я. Петефи и др.), американских ученых (У. Лабов, Т. Гивон, У. Чейф). Важным этапом стал выход 13 номера журнала *Langages* в 1969 г. под заголовком «Анализ дискурса», книги М. Пешё «Автоматический анализ дискурса» и М. Фуко «Археология знания».

АД, будучи молодой дисциплиной, весьма неоднороден, однако можно выделить наиболее популярные на сегодняшний день подходы: исследование информационного потока (information flow) У.Чейфа, исследования связей между

грамматикой и межличностным взаимодействием в диалоге (С.Томпсон, Б.Фокс, С.Форд), когнитивная теория связи дискурса и грамматики Т.Гивона, экспериментальные дискурсивные исследования Р.Томлина, «грамматика дискурса» Р.Лонгейкра, «системно-функциональную грамматику» М.Хэллидея, исследование стратегий понимания Т. ван Дейка и У.Кинча, общая модель структуры дискурса Л.Поланьи, социолингвистические подходы У.Лабова и Дж.Гамперса, психолингвистическая «модель построения структур» М.Гернсбакер.

Предмет исследования АД составляют в основном высказывания, произведенные в институциональных рамках и наделенные исторической, социальной, интеллектуальной направленностью, т.е. изучаются тексты с учетом условий их формирования и экстралингвистических факторов. Целью АД является приведение к

позиционному единству рассеянное множество высказываний и выработка метода понимания продуктов речевой деятельности.

При этом А.Д. отличается от других дисциплин характером принципа, который кладется в основу этой перегруппировки. Для А.Д. действенным является не формальный критерий, а отношение к месту акта высказывания, позволяющее выявить то, что вслед за «археологией знания» М.Фуко получило название «дискурсивной формации». Чаще всего дискурсивная формация объединяет несколько жанров (листовки, манифесты, газетные статьи и т.п.) Под дискурсивной формацией, вслед за Пешё, понимается то, что может быть сказано в определенной идеологической формации. В основе французского А.Д., в том виде, в каком он был задуман М. Пешё, лежит связь между речевой деятельностью и идеологией.

В зависимости от поставленных целей исследователь может извлечь различные корпусы из дискурсивной поверхности (корпус слов, корпус фраз того или иного типа и т.д.) и подвергнуть их определенным манипуляциям и обработке. Расчленение этих корпусов на части зависит от выбранного метода анализа.

АД предполагает три уровня анализа: лингвистический, текстовый, психоаналитический (чтобы вскрыть глубинный уровень, вплоть до бессознательного). Общим методологическим принципом АД является междисциплинарный подход, определяющий методологические приемы исследования. В частности, в анализе бытового диалога опираются на естественный дискурсивный материал и выявляют повторяющиеся, доминирующие модели, а Чейф отдает приоритет методу интроспекции. В работах Томлина эмпирический материал состоит из экспериментальных данных, а обработка материала включает использование статистических тестов. Особый круг методологических вопросов связан с транскрибированием устного дискурса (работы группы Е.А.Земской, Дж.Дюбуа и его соавторов, Дж.Гамперса и др.).

Литература:

Фуко М. Археология знания. – Киев, 1996. – 208 с.; Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и португ. / Общ. ред и вступ. Ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1999. – 416 с. Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. М., 1983.

Л.В. Селезнева

С. Засыпкин

ИНВЕКТИВА

Инвектива. Коммуникативный феномен, проявляющийся в агрессии по отношению к участникам и нормам общения через употребление табуированных лексических единиц и узуально-неприемлемых грамматических форм. Инвектива является родовым понятием по отношению к таким терминам как мат, жаргон, сленг, феня, арг, обценная лексика, бранная лексика и т.п.

Основные характеристики: универсальность (может использоваться во всех ситуациях и сферах общения); полезность (достигает неограниченное количество коммуникативных целей из-за возможности выражения большого спектра чувств и смыслов при ограниченном выборе лексических средств); стабильность

(80% случаев инвективного словоупотребления составляют 10 корневых основ, которые остаются неизменными на протяжении нескольких десятилетий).

Функции инвективы: создание новой коммуникативной реальности, где сметаются всякие конвенции норм (все, что было запрещено, становится разрешенным) и смыслов (каждая инвективная корневая основа имеет не менее 10 значений, что позволяет инвектуму творить свой мир смысла); катарсис как психологическое облегчение при осознании возможности нарушения табу; коммуникативная функция: инвектива стягивает на себя негативные смыслы и коннотации, оставляя «чистыми» остальные слова; цивилизационная функция: инвектива

позволяет выразить агрессию, не прибегая к физическому насилию.

Теории происхождения: 1. инвектива – всегда нарушение определенного табу, которое является продуктом региональной культуры. Таким образом, культура санкционирует каждое действие человека, что противоречит естественному стремлению индивида к тотальному удовольствию (З. Фрейд). Это стремление заставляет человека во избежание неврозов нарушить эти табу. Инвектива и есть коммуникативный способ преодоления таких табу. Вопрос бытийствования инвективы стоит в прямой зависимости от возможности функционирования культуры, в основе которой не лежали бы запреты-табу. 2. инвектива – нейро-психо-лингво-социо-культурный феномен (Т. Jay). Продуцирование и функционирование инвективы связывается с деятельностью группы зон коры головного мозга. Частота использования индивидом инвективы

зависит от ряда психосоматических факторов (например: тип агрессии, акцентуации характера и др.) и той социокультурной среды, в которой воспитывался инвектум. Отбор лексических единиц зависит от регионального культурного типа коммуникации.

Основу современной русскоязычной инвективы в плане отбора языковых средств еще в XIX веке составили идиш и язык офеней и цыган.

Литература:

1. Jay T. The utility and ubiquity of taboo words // Perspective on psychological science. Vol. 4, Number 2
2. Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В.И. Жельвис. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Ладомир, 2001. — 349 с.
3. Фрейд З. Тотем и табу / З. Фрейд; [пер. с нем. М.В. Вульфа]. — СПб.: Азбука-классика, 2006. — 256 с.

С. Засыпкин

С.А. Кузнецов

ДИСКУРС ПАРАДИПЛОМАТИИ

Дискурс парадипломатии. Термин «парадипломатия» определяется как разновидность политической коммуникации, суть которой заключается в самостоятельной международной деятельности, осуществляемой региональными (субнациональными) властями для достижения своих политических, экономических, культурных или других иных целей в рамках своего взаимодействия с иностранными государствами или регионами.

Дискурс парадипломатии в политической науке зародился в начале 1980-х годов, и главным образом связан с появлением институционально сплоченных групп ученых, которые досконально стали изучать феномен участия региональных правительств в международных отношениях. Так, например, первым осмысленным шагом по изучению проблемы парадипломатии стал научный дискурс, открытый на страницах осеннего выпуска американского журнала PUBLIUS (Journal of Federalism) в 1984 году. Данный журнал стал значимой академической площадкой для формирования научной школы по изучению

феномена субнациональной активности в международных отношениях, которая включила в себя таких североамериканских исследователей как Иво Духачек, Ганс Мичелманн, Ирл Фрай, Джон Кинкайд и другие. Необходимо отметить, что именно представители этой школы создали значительную часть теоретико-методологических разработок по вопросам парадипломатии, сделав ее одним из востребованных направлений в современной политической науке, разработали новый категориальный аппарат, используемый для описания данного феномена, указали перспективные ориентиры для научных поисков.

Несмотря на то, что лидерами и пионерами в парадипломатических исследованиях, безусловно, являются американские и канадские политологи, в Старом Свете, европейские ученые также обратили серьезное внимание к вопросу изучения парадипломатии в середине 1990-х годов. Европейские исследователи Майкл Китинг, Браин Хогинг, Ное Корнаго, Франсиско Альдекоа обращались в своих трудах и до середины 1990-х годов к проблеме участия субнациональных

акторов в международных отношениях в рамках своих исследовательских изысканий. Так у Китинга обращение к этой проблеме можно найти в трудах по проблеме развития национализма в европейских государствах, у Корнаго и Альдекоа в их исследованиях новой и новейшей истории Страны Басков и Каталонии. Важной вехой для европейских парадипломатических исследований стал 1997 год, когда в испанском Бильбао, главном городе Страны Басков, был запущен исследовательский проект-семинар, который собрал в одном месте политологов, занимающихся проблемой изучения участия субнациональных акторов в международных отношениях. Именно Страна Басков – место, где парадипломатия реализуется на практике в самой интенсивной форме, собрала вместе, главным образом, европейских исследователей, которые через общение и обмен опытом между собой структурировали свои разработки в этой области в фундаментальном труде под названием «Парадипломатия в действии: Внешние отношения субнациональных правительств» («Paradiplomacy in action: The foreign relations of subnational governments»). Работа была отпечатана в Лондоне в 1999 году, а затем неоднократно переиздавалась.

Говоря о различиях между «европейским» и «североамериканским» дискурсом парадипломатии, необходимо отметить следующие моменты. Во-первых, конечно, между «европейцами» и «североамериканцами» лежит вполне естественное различие в географии объектов исследования. Так, если посмотреть работы политологов Нового Света, то большая часть их исследований в той или иной мере обращена к канадской провинции Квебек. Именно взаимоотношение этой провинции с федеральным центром и реальная практика выхода этого региона на международную арену стали важными катализаторами развития политической науки на этом континенте и в частности значительно повлияли на развитие политической регионалистики и на парадипломатические исследования. В случае с Европой такого рода главными исследовательскими кейсами для политологов Старого Света, занимающихся парадипломатией, стали испанские регионы: в первую

очередь, Страна Басков, Каталония, Галисия. Конечно, политологи обоих континентов не ограничивались изучением парадипломатии только провинции Квебек или испанских регионов, обращаясь в своих исследованиях и к другим канадским провинциям, американским штатам, к швейцарским кантонам и немецким землям. Однако, безусловно, наиболее яркая политическая ситуация сложившаяся во взаимоотношениях Квебека и испанских регионов с их центральными властями, в том числе в вопросе выхода этих субнациональных единиц на международную арену, вызвала особый исследовательский интерес у ученых.

При всей важности вышесказанного, необходимо подчеркнуть, что основное различие дискурса кроется не в географии объектов изучения, а на базе парадигмы, которая лежит в основании исследований североамериканских и европейских учёных. В отличие от европейцев, которые скорее изучают субнациональную международную активность через призму эволюции международных отношений, проблем национализма, регионализации и глобализации, американские и канадские исследователи в большей степени рассматривают парадипломатические процессы в координатах изучения федерализма (federalism studies). В их работах основное ударение делается на анализ влияния парадипломатии, в первую очередь на само федеративное государство и федеративное устройство. В тоже время очевидно, что данное различие не несёт в себе некой априорной научной антагонистичности, а лишь закладывает дополнительные цвета в спектр академических работ, посвящённых тематике парадипломатии.

Литература:

Duchacek Ivo. The territorial dimension of politics: within, among across nations. L., 1986; Kinkaid John. Foreign relations of Constituent Units. Research paper, Forum of Federations, Winnipeg, Mai 11-12, 2001: Paradiplomacy in action. The foreign relation of subnational actors. L., 1999; Кузнецов А.С. Парадипломатия: трактовки и теоретические модели // Дискурс-Пи. Вып. 6. 2006. Екатеринбург, 2006.

А.С. Кузнецов

И.Л. Гапонцев

МИРОСОСТЕМНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ВЕРСИЯ ИММАНУИЛА ВАЛЛЕРСТАЙНА

Валлерстайн, Иммануил (Wallerstein, Immanuel), р. 1930 – американский социолог, профессор Йельского ун-та, основатель и руководитель Центра Фернана Броделя по изучению экономик, исторических систем и цивилизаций (при Бингемптонском ун-те). В 1994-1998 гг. – Президент Международной социологической ассоциации. Крупный политический мыслитель современности, один из создателей (наряду с Самиром Амином, Андре Гундер Франком, Джованни Арриги, Теренсом К. Хопкинсом) и наиболее активный пропагандист *миросистемного анализа (МСА)*. Представитель левого направления современной политической мысли.

Начав свою деятельность как социолог-африканист, **В.** получил признание в качестве «универсального» теоретика-обществоведа, осуществившего в рамках своей концепции теоретический синтез истории, экономики, социологии и политической науки. Близок к марксистской традиции, переинтерпретированной в духе взглядов мыслителей Франкфуртской школы, Ф. Фанона и представителей «антиимпериалистического» экономического анализа, таких, как Р. Пребиш, С. Фуртадо, А. Эмманюэль. От них **В.** почерпнул свои ценностные основоположения, определяющие отбор методологических принципов, на которых должна строиться «синтетическая» социальная теория – идеалы эгалитаризма и демократии, концепцию происхождения неравенства из неэквивалентного обмена, сочетающегося с давлением военно-политической мощи наиболее развитых капиталистических государств миросистемы, ориентацию на ускоренное революционное преобразование несправедливого общественного устройства во всемирном масштабе.

В качестве одного из основных теоретико-методологических источников концепции **В.** следует назвать работы Ф. Броделя, через которые в *МСА* пришла традиция трактовки капитализма в качестве «противорынка», соединяющего в себе накопление в сфере обмена с силой

поддерживающего этот процесс государства, стоящего на службе у капиталистов как представителей своего рода «рыночной олигархии». В таком понимании прослеживается влияние идей М. Вебера о роли государства и идеологии в поддержании того или иного экономического порядка. Через Ф. Броделя в теорию **В.** пришли идеи Н. Кондратьева и Й Шумпетера о циклическом характере развития социально-экономических систем и идеи К. Поланьи о трех видах таких систем в истории – реципрокных, редистрибутивных и рыночных (у **В.** соответственно: *минисистемы, мироимпении и мироэкономики*). В миросистемном анализе **В.** нашли свое выражение и взгляды классиков геополитики, в частности А.Т. Мэхэна, об определяющей роли контроля над морскими пространствами для установления геополитической гегемонии.

В итоге возникла достаточно связанная *система понятий*, относительно адекватно описывающая историческую реальность примерно с 1500 года. Для этого **В.** разработал и ввел в научный оборот такие понятия, как *современная миросистема* (или, чуть уже – *капиталистическая мироэкономика*), разделенная в пространстве на *ядро, полупериферию и периферию*. Ядро состоит из совокупности наиболее развитых капиталистических стран. Благодаря своим передовым позициям в сфере технологии, оно экономически и политически господствует в миросистеме, высасывая необходимые ему ресурсы из стран *периферии и полупериферии*, которые в силу этого становятся в значительной степени пассивными субъектами мировой истории, вынужденными более-менее покорно следовать в фарватере политики ядра.

Динамика миросистемы во времени определяется действием закона *бесконечного накопления капитала*, регулирующего экономическую жизнь через 40-60-летний *кондратьевские циклы с восходящей фазой А и нисходящей фазой Б*, «вложенные» в более длительные (примерно 150-летние) *циклы гегемонии* последовательно

Голландии, Великобритании и США. Смена каждой исторической гегемонии сопровождается *тридцатилетней войной* между государствами *ядра*, претендующими на роль нового *гегемона миросистемы*. В этой войне победа всегда достается «более морской» державе. Великобритания к 1815 году победила «более сухопутную» Францию, США в двух мировых войнах к 1945 году победили «более континентальную» Германию. По итогам войны заключается *системное соглашение*, определяющее политический облик мира, легитимирующее новую гегемонию и «правила игры» на эпоху вперед.

СССР трактуется В. как «младший партнер» США, осуществлявший контроль над теми территориями, до которых у Америки не доходили руки. Необходимо заметить, что такое толкование противоречит самой логике *МСА*: если Советский Союз в рамках «биполярного мира» в какой-то мере можно считать геополитическим «партнером» США, то сама «социалистическая система», как и «маоистский» Китай, конечно же, не являлись частью «капиталистической мирозкономики», поскольку на их территориях не действовал «закон бесконечного накопления капитала».

Сейчас, в соответствии с диагнозом *В.*, мы присутствуем при закате очередной гегемонии – американской – со всеми вытекающими из этого последствиями. Специфика нынешнего исторического момента, однако, определяется тем, что нынешний кризис гегемонии совпадает с общим «разбалансированием» и кризисом капитализма, который приближается к своему тотальному краху.

В качестве методологического обоснования своей теории *В.* привлекает авторитет синергетики и теории неравновесных систем И. Пригожина. Однако, его переосмысление синергетического понятия «точка бифуркации», разработанного на базе изучения поведения физических и химических объектов, применительно к социальным системам имеет весьма специфический характер. Будучи понимаема как момент тотального хаоса в обществе, в период которого любые малые случайные воздействия на социальную систему как извне ее, так и

изнутри, способны приводить к результатам, определяющим формирование уникальных сценариев развития, *точка бифуркации* превращается в абсолютно индетерминированную «точку полифуркации».

Согласно логике *В.*, любая социальная система возникает из предыдущей не как закономерное следствие ее исторической эволюции, а как плод случайной комбинаций разного рода внешних и внутренних воздействий, т.е. может быть «любой» по своей природе и внутренней структуре. Тем самым, из картины всемирно-исторического процесса полностью исчезает детерминизм, возможность рационального сравнения различных «миросистем» по единому основанию и возможность сколь-нибудь определенного прогнозирования эволюции человечества в длительной перспективе.

При этом из истории выпадает не только «прогресс», но и «эволюция». Так, капитализм, с точки зрения *В.*, однажды возникнув, на протяжении всего своего полутысячелетнего существования неизменно подчиняется действию одного и того же «закона бесконечного накопления», который, объединяя в единое целое различные страны, обеспечивает существующим порядкам достаточно длительное стабильное существование и делает невозможными и бесперспективными разного рода локальные «восстания против системы».

В то же время, капитализм может и должен, поскольку любая историческая система конечна во времени, погибнуть от роста внутренней нестабильности и наступления мирового хаоса. Признаки нарастания последнего в современную эпоху *В.* видит в глобальном снижении нормы прибыли на капитал в условиях быстрой урбанизации и скорого исчерпания ресурсов дешевой рабочей силы, углублении экологических проблем, росте поляризации в доходах между богатым Севером и бедным Югом, кризисе института современного государства, неспособного справляться с этими проблемами и в крушении либерализма как основной формы идеологической легитимации существующего миропорядка.

Поэтому, согласно *В.*, целью всех демократических, *антисистемных сил* должно являться

всемерное «раскачивание лодки», «конструирование» некоей новой, *сущностно рациональной утопистики* как проекта создания более справедливого «преимущественно эгалитарного» и «в основном демократичного» общества и совершение последней и окончательной *всемирной революции*. На смену капиталистической эксплуатации, социальной и географической поляризации и гнетущему давлению государства должно прийти свободное «общество групп», прообразом которых **В.** полагает современные объединения «зеленых», национальных и сексуальных меньшинств, феминистские организации и т.п.

Между тем, концепция **В.** игнорирует то обстоятельство, что сам «закон бесконечного накопления» за последние, например, сто лет существенно трансформировался под действием роста доли редистрибуции. Что в течение XX века доля ВВП, перераспределяемая через госбюджеты, возросла в большинстве крупных стран с 5-10% до 40-60%, что за этот период было сформировано «государство благосостояния», взявшее на себя огромное бремя социальных расходов. Что тенденция к увеличению доли малого и среднего бизнеса (т.е. бизнеса, в котором уменьшаются наиболее жесткие формы эксплуатации рабочей силы) нарастает, несмотря на временные откаты в отдельных странах. «За кадром» остается важнейшая тенденция конца XX-начала XXI века, когда многие страны мирового Юга, такие, как Китай, Индия, Бразилия, развиваются ускоренными темпами, довольно успешно преодолевая разрыв с развитыми странами Севера. Что, наконец, несмотря на все временные трудности и проблемы, устойчивость социальных систем и способность их реагировать мирными средствами на глобальные и внутренние вызовы нарастает, что на смену революциям все чаще приходят реформы, а институты глобального регулирования экономических, социальных и политических процессов, такие, как G8 и G20, становятся постоянно действующими и все более представительными и, следовательно, все более «демократическими». И это притом, что альтернативные капитализму «антисистемные» движения, типа «зеленых», антиглобалистов или Всемирного социального

форума, делают много шума, но оказываются неспособными предложить миру сколь-нибудь внятной комплексной программы мирового развития.

Тем не менее, основная теоретическая работа **В.** («Мировая система», в 3-х тт.), ставит его в ряд наиболее выдающихся мыслителей современности. Оригинальные наблюдения, смелые выводы и остроумная аргументация, рассмотрение генезиса и истории капитализма как сложной взаимосвязи экономических, социальных, политических, институциональных, правовых, религиозных и прочих процессов, с учетом географических и демографических аспектов не только в европейском, но и в мировом масштабе, делают ее классическим источником, способным, кроме того, пробуждать мысль нового поколения исследователей и вызывать интерес у широкой читающей публики.

«Ближняя» (до всемирной «точки бифуркации») прогностика **В.** также оказывается достаточно адекватной и интересной. В 1980-х он предсказал грядущее включение «мировой социалистической системы» в капиталистическую мироэкономику. В начале 1990-х, в эпоху, казалось бы, полного торжества США в качестве единственного гегемона миросистемы и полного господства «неоконсервативного» либерализма, он говорил о скором закате «американского века» и кризисе радикально-консервативной версии либеральной идеологии. Сделано было еще немало частных прогнозов, многие из которых подтвердились.

Все это позволяет заключить, что миросистемный дискурс в обществоведении, особенно при условии его методологической коррекции с устранением элементов индетерминизма и привнесением большей доли эволюционизма имеет хорошие перспективы в качестве объяснительно-прогностической концепции в истории, экономической науке, социологии и политологии.

Литература:

Wallerstein, I. The Modern World-System. Vol. 1, 2. New York, Academic Press, 1974, 1980; Vol.3. San Diego, Academic Press, 1989; Валлерстайн И. Геополитические миросистемные изменения: 1945-2025 годы – М., Вопросы экономики, 2006,

№4, с. 67-83; Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., Логос, 2003 (сборник статей, лекций и докладов 1997-1998 гг.); Валлерстайн И. Мир, в который мы вступаем: 2000-2050. (Сокращённый вариант доклада в Люксембургском институте европейских и международных исследований). Россия и современный мир. М., 2001, №1, с. 64-75; Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М., Территория будущего, 2006; Валлерстайн И. После либерализма. М.,

Едиториал УРСС, 2003; Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М., Территория будущего, 2006; Арриги Дж. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век. М., Институт общественного проектирования, 2009.

И.Л. Гапонцев

Г.В. Лебедева

ПАМЯТЬ

Память – практика удержания прошлого в настоящем, направленная на конструирование социокультурного пространства и времени, смысл которой задается различием воспоминания и забвения.

П. связана с дифференциацией прошлого и будущего; она определяется этим различием, не соотносясь исключительно с прошлым (М. Хальбвакс, Н. Луман).

Образы прошлого, репрезентируемого П., конструируются и заново воссоздаются во взаимодействии людей.

П., в качестве инкорпорированной истории, связана с понятием габитус, который придает практикам воспоминания и забывания согласованность друг с другом (П. Бурдьё).

Особенностями мнемонических (от греч. «mnēmē» – память) практик являются:

1. *Процессуальный характер* памятования и забвения (Т. Адорно, П. Бергер, Т. Лукман). П., понимаемая как «ретроактивная проработка», перестает мыслиться как статический объект.

Прошлое существует, будучи символизировано в текстуре самой памяти, поэтому мы постоянно переписываем историю и меняем версии пережитого прошлого.

2. *Направленность на конструирование прошлого.* Прошлое является конструкцией, формируемой духовными потребностями и контекстом данного настоящего.

Нет памяти, способной удержать прошлое как таковое; от прошлого остается только то, что общество в ту или иную эпоху способно воссоздать в своих нынешних референциальных рамках (М. Хальбвакс).

Не существует прошлого так такового, оно возникает благодаря обращенности к нему,

посредством воспоминания и забвения (Я. и А. Ассман).

3. *Децентрализация и множественность форм памяти.*

Память выступает в качестве основания тождества личности, что напрямую связывает ее с проблемами персональной идентичности.

Выделение форм П. находится в тесной связи со способами обретения идентичностей в социокультурном пространстве: «культурная память» (Я. и А. Ассман), «автобиографическая память» (В.А. Подорога, Е.Г. Трубина), «коллективная память» (М. Хальбвакс), «соперничающая»/«контр-память» (М. Фуко), «дрейфующая память» (Ж. Деррида), «коммуникативная память» (Н. Луман), «мужская/женская память» (Н.Л. Пушкарева) и др.;

4. *Реабилитация забвения.*

В осмыслении оппозиции «воспоминание-забвение» происходит смещение акцентов в сторону забвения (Ф. Ницше, З. Фрейд), а затем разрушение подобного противопоставления и утверждение забвения в структуре самого «следа памяти» (Ж. Лакан, Ж. Деррида, С. Жижек).

5. *Участие в регулировании и распределении властных отношений.*

Обращение к истории дискурса, которую М. Фуко противопоставлял истории идей, позволило выйти на новый уровень осмысления П.: помимо памяти-архива вводится понятие «контр-памяти», переживаемой как разрыв, дисконтинуальность.

В контексте рассмотрения П. как дискурсивной практики особое внимание уделяется соотношению персональных и коллективных форм П., П. и истории (П. Рикер), П. и власти (М. Фуко).

П. о прошлом может быть формой не только обоснования, но и сопротивления настоящему; ее перспективы, исключенные из горизонта повседневности, не просто забываются или вытесняются.

Они образуют задний план, который сохраняется в качестве «непроявленного прошлого», «техник умолчания» (Н. Луман), «симптома» (Ж. Лакан, С. Жижек).

Такая система диспозиций в определении П. как дискурсивной практики: прошлое, смысл которого конструируется в настоящем; интериоризация внешних форм памяти посредством мнемонических практик, — позволяет избежать четкого противопоставления между коммуникативным и выходящими за пределы человеческой коммуникации смыслами, внешним и внутренним, персональным и коллективным.

Литература:

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. — М., 2004. — 328с.
2. Адорно Т. Что означает «проработка прошлого». // Неприкосновенный запас, 2005, № 2-3.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. — М., 1995. — 323 с.
4. Бурдьё П. Практический смысл. — СПб., 2001. — 562с.
5. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы. // Неприкосновенный запас, 2005, № 2-3.
6. Луман Н. Реальность массмедиа. — М., 2005. — 256с.
7. Рикер П. Память, история, забвение. — М., 2004. — 728с.
8. Трубина Е.Г. Рассказанное Я: отпечатки голоса. — Екатеринбург, 2002. — 272с.
9. Фуко М. Археология знания. — Киев, 1996. — 208с.
10. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. — М., 2007. — 348с.

Г.В. Лебедева

Е.В. Белоглазова (Санкт-Петербург)

ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ

Интердискурс(ив)ность. Впервые понятие *интердискурса* ввел М. Пешё, понимая под ним «сложное целое» дискурсивной формации и «комплекса идеологических формаций», скрывающихся за прозрачностью дискурса. *Интердискурс* в концепции Пешё оказывается тесно связанным, фактически взаимозаменяемым с понятием *преконструкта* — совокупности предшествующих дискурсов, выступающих как «сырье» для нового дискурса. Обусловленный преконструктом, любой дискурс неизбежно является интердискурсом (Пешё 1999: 266–270).

С другой стороны, *интердискурс(ив)ность* тесно переплетается с *интрадискурс(ив)ностью*. Хотя интрадискурс(ив)ность фокусирует отношения между высказываниями внутри дискурса, а интердискурс(ив)ность — его обусловленность внешними факторами, граница между ними остается достаточно размытой, т.к. «невозможно ... отделить интрадискурсивность от интердискурсивности, поскольку отношение к «другому» является разновидностью отношения к самому себе, которое никогда не может быть абсолютно замкнутым» (Серио 1999: 30).

Итак, преконструкт, интрадискурс и интердискурс являются аспектами сущности дискурса, который мыслится в неразрывной связи с уже сказанным, еще невысказанным, т.е. в различного рода диалогических отношениях, растворяясь в них. Это раннее широкое понимание можно назвать радикальным, т.к. оно стирает грань между дискурсом и интердискурсом, опустошая разом оба понятия.

Радикальному подходу противостоит узкая концепция маркированной интердискурс(ив)ности, материализующейся в текстах в виде конкретных сигналов — элементов, отсылающих к разным специальным дискурсам (Чернявская 2007; Link, Link-Heer 1990).

В последнее десятилетие понятие *интердискурс(ив)ность* достаточно основательно вошло в терминологический аппарат лингвистики, хотя о сформированности устоявшегося понимания речи пока нет. Среди наметившихся тенденций отметим, прежде всего, попытку свести интердискурс(ив)ность к другим лингвистическим категориям — дискурс(ив)ности

(Андреева 2006; Данилевская 2006; Сургай 2008), межсемиотичности (Горбунова 2007; Мельникова 2004; Олизько 2009), интертекстуальности (Гордиевский 2006; Шевченко 2007).

Избегая ложных отождествлений, можно определить интердискурс(ив)ность как введение в текст, относящийся к одному дискурсу и манифестирующий свойственные тому черты, чуждых ему инодискурсных элементов. При этом «шов» между дискурсами может приходиться как на поверхностный (языковой), так и глубинный (когнитивный) уровень дискурса.

Литература:

1. Андреева В.А. Литературный нарратив: дискурс и текст: Монография. – СПб: Норма, 2006. – 182 с.
2. Горбунова Н.Г. Гетерогенность текста Дж. Джойса: о механизмах связности в «бессвязном» тексте // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: Традиции и перспективы: Сб. науч. ст. – СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2007. – С. 85-91.
3. Гордиевский А.А. Категория интердискурсивности в научно-дидактическом тексте. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Тюмень, 2006. – 19 с.
4. Данилевская Н.В. Познавательный интердискурс как отражение динамики научной картины мира // Вестник МАПРЯЛ № 50 2006. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.mapryal.org/vestnik/vestnik50/index.shtml>.

5. Мельникова О.А. Интердискурсивность как коммуникативный феномен. Автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2004. – 15 с.

6. Олизько Н.С. Синергетические принципы организации художественного дискурса постмодернизма // Вестник Челябинского государственного университета, 2009. – № 10 (148). – Филология. Искусствоведение. Вып. 30. – С. 84-87.

7. Пешё М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – С. 266-270.

8. Серю П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999 (а). – С. 11-52.

9. Сургай Ю.В. Интердискурсивность кинотекста в кросс-культурном аспекте. Автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.04. – Тверь, 2008. – 17 с.

10. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Стил-6. Београд, 2007. – С 11-26.

11. Шевченко В.Д. Интерференция ораторского и публицистического дискурсов // Система языка и дискурс: междунар. сб. науч. ст. / отв. ред. С.И. Дубинин. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. – С. 91-103.

12. Link J., Link-Heer U. Diskurs / Interdiskurs und Literaturanalyse // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. – 20, 1990. – S. 88-99.

Е.В. Белоглазова

К.Н. Любутин

Из архива бывшего Любутина

Автоэпитафия.

Обогащенный мудростью веков,
Умер дураком из дураков
* * *

Весна... Философ, торжествуя,
Домой с бутылкою спешит.
Его жена, вино почуя,
– Ин вино веритас! – кричит.
Поцеловав супруге пальчик,
За стол он сядет не спеша
И скажет ей: «Моя душа,
Налей-ка мне еще бокальчик,
Быть может, выпивши до дна,
Пойму я истинность вина!»

ШУТИТЬ – ДЕЛО НЕШУТОЧНОЕ!

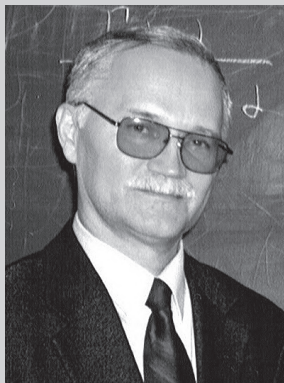

**Любутин
Константин
Николаевич**

доктор философских наук, профессор УрГУ, академик МАДИ, Почетный президент МАДИ

В.М. Русаков

ТОТАЛИТАРНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ СКАЗКИ

Русаков
Василий Матвеевич

доктор философских наук, профессор, Институт международных связей, вице-президент МАДИ

Русаков В.М. Тоталитарные философские сказки. Екатеринбург, 2010.— 20с.

Тоталитарные философские сказки повествуют как о многих всем хорошо известных исторических личностях (братьях Кирдыке и Звездеце, Едритской Силе, Екарном Бабае, Партии и Комсомоле), так и о знаменитых мифологических персонажах (Владимир Ильич, Иосиф Виссарионович, Лев Давыдович, Великий Русский Народ и Могучий Советский Народ, Расея, История, Царь Борис). В них в жанре магического реализма убедительно раскрываются как новые хорошо известные черты этих персонажей, так и открываются еще более удивительные старые. Как водится, в сказках отражается вековой опыт народной жизни, а также современной жизни народа, их создавшего, в котором причудливо соединяется поучительное и смешное, заумное и нетривиальное.

Сказки, собранные под лозунгом «Кроме пользы – никакого вреда!», адресованы всем, достигшим хотя бы начального высшего образования и при этом счастливо избежавшим настоящей чумы XXI века – утраты способности суждения, на чем так основательно настаивают нынешние властители дум, как в штатском, так и светские носители специфической духовности.

ЧТО ТАКОЕ ДРУЗЬЯ НАРОДА И КАК ОНИ...

Жил-был Владимир Ильич. И был у него лучший и умный Племянник. Очень любил его Владимир Ильич.

Как-то раз увидел Племянник, что Владимир Ильич молится (сказка ведь!).

– Дядя Ленин, ты, наверное, просил помощи, чтобы победить всех врагов? – спросил умный Племянник.

– Нет, Племянник, с врагами мы и сами управимся! – Звонко рассмеялся Ильич.

СКАЗКА О КИРДЫКЕ

Жил-был Кирдык. Кирдык и Кирдык – кто его там разберет, Кирдык он или Кердык: ведь когда он подкрадется, то уж вряд ли кто успеет паспорт у него спросить, а тем более выяснить, какая у него там буква! Так вот он и был.

Очень любил Кирдык подкрадываться на мягких лапках. Подкрадется, бывало, и – рраз! И все. Готово. И всем сразу ясно: Кирдык!

Но один как-то раз подкрался по своему обыкновению Кирдык к Могучему Советскому Народу.

– Ха! – Крякнул для пущего эффекта Кирдык.

– Че? – Говорит Могучий Советский Народ. А сам мастерит себе там чего-то в песочнице: то ли коммунизм, то ли капитализм. Да все норовит с человеческим лицом. А все, прости Господи, хари какие-то получают. Вот, видно, занят и был; не обратил сильно внимание на Кирдыка. А того, вишь, самолюбие загрызло и шепчет ему на ухо, его самолюбие: мол, чего это лох этот кочан головы не поворачивает! Другие так сразу струйку пускают, а этот, ишь, какой «занятой»! Некогда ему, видишь ли! Тут Кирдык подкрался, а он...

Одним словом, обиделся сильно Кирдык на Могучий Советский Народ.

Ну, да ладно, Советский Народ тоже не какая-нибудь там чудь заволочская, сто лет обиды помнить: как кто старое помянет, так он ему сразу глаз вон! Отложил Советский Народ игрушки свои корявые в сторонку. Посмотрел так ласково на Кирдыка, да и говорит:

– Ну, дак че? Шуткуешь все? Ох, дошутиссе, ты у мене. – Кирдык аж на свою задницу сел. А

Могучий Советский Народ вместе с Отеческой Укоризной наставительно так и говорит ему:

— Эх, милай, с нами только братец твой старшенький совладать может быть. Может быть. Быть может. — И кивают куда-то за Кирдыка. Оглянулся невольно тот, глядь — а там Звездец стоит, задумчивый.

Звездец, известное дело, не подкрадывается на всяких там мягких лапках и не гугукает, а просто: Р-РАЗ!

СКАЗКА О МОГУЧЕМ СОВЕТСКОМ НАРОДЕ И ЕГО ВЕРНОМ СОЮЗНИКЕ

Жил-был Могучий Советский Народ. Не так чтобы очень жил — то гражданская война, то разруха, то понос, то золотуха, но — был!

Один раз напали на него враги. Лютые, не враги — просто зверье. Кинулся Советский народ туды-сюды: кто пособить может!? Да, почитай, что никто и не может: кого эти же враги самого побили, а кто и сам вражина тот еще.

— Господи, что же делать-то! — воскликнул Могучий Советский Народ. Однако сверху ему никто ничего не сказал: так, погромыхало

что-то да мглой окуталось все. Видно, так надо было понимать, что Господь сильно обиделся на Могучий Советский народ за его атеизм; дескать, раз ты такой умный, вот и разгребай сам!

Что тут поделаешь? А враги-то лютуют, что ты!

И сказал в сердцах Могучий Советский Народ:

— Екарный бабай! Дак че делать-то, когда делать-то почто что нечего?

— Э-э-э., — откликнулся Екарный Бабай, — я вам че плохого сделал?! Ишь, моду какую взяли: Чуть-что — сразу Екарный Бабай! Не-е, сами, сами разбирайтесь.

Так вот прямо и сказал, зараза, так что Могучий Советский Народ прямо присел от изумления и невольно только гаркнул:

— Едритская сила!

И ведь надо же! Ничего Едритская сила не ответила, но ведь помогла.

Так и погнал, погнал врага Советский народ. До самого логова, до самой беспощадной победы. Так вот и проверяются настоящие друзья и союзники.

М.Ф. Казанцев

ПРИЗНАНИЕ. РОМАН В СТИХАХ

**Казанцев
Михаил Федорович**

доктор юридических наук, заведомом права
Института философии
и права УрО РАН

Не знаю людей

хуже меня.

Екатеринбург, 14 марта 2010 года, вечер

Примечание автора. Роман является второй частью трилогии. Первая часть — поэма «Откровение» была опубликована семь лет назад тоже в альманахе «Дискурс Пи» (Екатеринбург, 2003, выпуск 3, стр. 175). Если на упомянутую поэму было потрачено более 20 лет, то замысел этого романа, его текст и название возникли одновременно вечером 14 марта 2010 года, сразу же были записаны набело и впоследствии не переделывались. О времени появления третьей части трилогии, ее идеи и жанре говорить пока рано. Но если она появится, если увидит свет, то только в Ди-Пи.

АФОРИЗМ – «ПРИКЛЮЧЕНИЕ» ДИСКУРСА МЫСЛИ

Малышев
Михаил Алексеевич

кандидат философских наук, профессор Автономного университета штата Мехико, академик МАДИ (Толука, Мексика)

E-mail:
manolasepulveda@
yahoo.com.mx

В отличие от логического дискурса цель афористики состоит не в том, чтобы выразить истину в возможной её полноте, а в том, чтобы высветить какую-то отдельную её грань или придать ей неожиданный оттенок. Как пируэт мысли меткая фраза, возможно, не нуждается в логических пояснениях, зато она не может не побуждать в читателе потребности в раздумье. Имея внешнее сходство со словесной арабеской, афоризм, требует отточенной мысли; он сопротивляется смысловой разжиженности обыденного языка и стремится сделать семантику фразы предельно лаконичной. Афоризм – это не столько каламбур, сколько парадокс, не столько игра слов, сколько игра мысли, не столько шутка, сколько ирония. В любом случае нелегко определить, что преобладает в нем: меткие наблюдения над мозаикой жизни, тонкие оттенки мыслей или упражнения в иронической насмешке? Почти все мастера этого жанра единодушны в том, что тон в афористике задает парадокс и ирония, которые облачают мысль в гранит отточенных фраз, соединяют элегантность с остроумием, а самое главное, стремятся освободить ум от инерции стереотипа. Афоризм, из которого изгнан парадокс, рискует превратиться в расхожую фразу. Как «пируэт мысли», некоторые парадоксы вызывают удивление, а самые меткие из них приглашают к улыбке и размышлению.

Афоризм – это, в сущности, камерный жанр, предполагающий в читателе сосредоточенность, интеллектуальное усилие и, вероятно, потому

больше тяготеющий к философии, чем к литературе. Можно сказать, что афоризм – жанр, располагающийся между прозой дискурса и поэзией пароксизма мысли, именуемого парадоксом. Согласно Жану Бодрияру, парадокс – это «пароксизм» логического дискурса; «это ещё не сам финал, а то, что ему непосредственно предшествует. Пароксистское мышление – это предпоследняя фаза, после чего оно впадает в крайность»¹. Иными словами, пароксизм мысли доходит до границы семантического пространства фразы и останавливается на ее рубежах во избежание угрозы разрушения логической и эстетической архитектуры её бытия именно в качестве афоризма. Разумеется, вокруг последнего можно строить различные предположения, прояснять и обогащать его смысловые оттенки, но само здание афоризма уже возведено, а следовательно, – «из песни слов не выкинуть». Будучи автономной и самодостаточной смысловой единицей, афоризм – это «монада мысли», и в этом отношении она не испытывает никакой потребности соединиться с другими мыслями-монадами, а как бы свободно плавает в семантическом пространстве текста.

Существует необозримое множество факторов, как внешних, так и внутренних, которые накладывают свою печать на логику развертывания дискурса. К последним относится стремление осуществить поставленную цель, институциональные нормы и запреты, регулирующие действия людей, ситуации, развертывающиеся в пространстве и во времени, в которых эти люди находятся. В своей лекции *Порядок дискурса*, произнесенной в Коллеж де Франс в 1970 году, Мишель Фуко предположил, что в любом сообществе «производство дискурса подвергается контролю, селекции и распределению согласно установленным процедурам. Функция последних – в заклинании угроз, в предотвращении опасностей и в контроле над случайными событиями, чтобы как-то застраховаться от внушающей страх материальной реальности»². Другая важная функция дискурса – отделение правды от лжи и утверждение *воли к истине*. Последняя,

с точки зрения Фуко, доминирует во всех типах современного общества и, оказывая решающее влияние на другие переменные дискурса, подчиняет их своей власти.

С моей точки зрения, афоризм – это «парадоксальный дискурс», который, не отвергая воли к истине, тем не менее сопротивляется его императиву. Если дискурсивное мышление стремится подвести читателя к истине, «принудить» его к согласию с разворачиваемой цепью логических аргументов, то цель афористики – бросить вызов диктату дискурса, осуществить «катарсис мысли», показать, что различные её возможности, пусть даже самые экзотические и экстравагантные, могут причудливо в нашем сознании.

Трудно сказать, что преобладает в афористике: меткие наблюдения над реальностью, тонкие оттенки парадоксальной мысли или изощренные упражнения в иронической насмешке. Как бы там ни было, а приоритет в ней отдается парадоксу и иронии, которые облачают дискурс в гранит отточенных фраз, соединяют элегантность с остроумием, а самое главное, освобождают мысль от инерции стереотипа. Следовательно, задача афористики состоит не столько в объяснении мира или в выработке рекомендаций, направленных на его практическое преобразование, сколько в умножении эстетических и логических возможности наслаждения игрой мысли.

Как известно, дискурс здравого смысла – это «инстинкт истины», который не всегда срабатывает в мире парадоксов. Поэтому афоризм, погруженный в стихию здравого смысла, подвержен риску вырождаться в расхожую фразу. Можно сказать, что там, где начинается парадокс, заканчивается здравый смысл; но, с другой стороны, если парадокс утратит всякую связь со здравым смыслом, он невольно рискует вырождаться в претенциозную бессмысленность. Самое трудное, пожалуй, для афористики – это приподняться над здравым смыслом и, одновременно, показать, насколько это возможно, «гнет» расхожих стереотипов мышления. Следовательно, её задача заключается в том, чтобы подметить и выразить необычное и странное в повседневном и привычном. Парадокс и ирония – это свидетельство того, что можно мыслить вопреки инерции повседневного языка, не нарушая при этом его логической формы, но эта мысль не обязательно должна соответствовать

тому, что находится за её пределами; афористика – это дискурс в модальности *как если бы*.

Ортега-и-Гассет как-то заметил, что современные художники не отвергают воспроизведения внешнего мира в пользу чистых форм, но, в отличие от реалистов, они просто не считают ее изображение своей насущной задачей. Они воспроизводят реальность для того, чтобы выразить силу сопротивления её гравитации и, одновременно, обозначить жест, направленный на её условное преодоление. Аналогичным образом афористическая мысль, следуя логики дискурса, воспроизводит его, чтобы обозначить стремление, направленное на его возможное или воображаемое преодоление.

Главная задача афористики, на мой взгляд, заключается в том, чтобы показать, что дискурс мысли не только не снижает, а напротив, увеличивает нашу способность к наслаждению своеобразием и оригинальностью того, что не укладывается в проторенное русло привычных мыслительных стандартов. Как проникательно заметил Михаил Эпштейн, «странность»... конституирует суждения, наименее вероятные как для большинства людей, так и для самого разума, противоречащие и общепринятому, и очевидному»³. Поэтому самое трудное для афориста – это выразить силу косности «ходячих» клише (которых, как и атмосферное давление, мы обычно не замечаем) и, одновременно, доказать, что наше воображение способно рождать разнообразные возможности мысли. Последнее утверждение вовсе не означает, будто афорист отказывается от логического дискурса в пользу чистого воображения, но он также и не ставит своей целью доказательство истины. В афористике логика дискурса приносится в жертву парадоксу или иронии, а следовательно, каждый афоризм, достойный этого имени, предстает как *странное утверждение*.

Будучи осколком мысли, закованным в «гранит» отточенных фраз, афоризм – это стремление сделать пространство мысли замкнутым, и, одновременно, осознание невозможности преодолеть смысловое многообразие и словесную разжиженность повседневного речения. Афоризм – это маленький текст, в котором причудливо скрещиваются смыслы, весьма удаленные друг от друга по своему происхождению и редко сопрягающиеся в языке повседневной речи. Если сущность дискурса – в непрерывности повествования, в органической

связи слов и в плавном развертывании стоящих за ними смыслов, то парадокс разрушает привычную связь слов, разрывает плавность перехода одной фразы в другую, вызывает сшибку смыслов, и это расхождение с ожидаемым порождает удивление. Ведь сам термин *афоризм* в переводе с греческого означает: «выводить за пределы горизонта», в данном случае – за пределы горизонта привычного потока мысли, чему и служит ирония, парадокс, воображаемый эксперимент или «симулякр», в терминологии Бодриара. Смысл последнего заключается в вопросе: *что случится, если?*... Если, скажем, некоторые постулаты, составляющие фундамент мышления, переживания и бытия человека неожиданно бы исчезли или преобразились. Этот мысленный эксцесс, это выворачивание очевидностей можно охарактеризовать как очищение истин повседневного смысла от ржавчины, разъедающей удивление, которое, как известно со времен Аристотеля, образует исток философской мысли.

Польский писатель Веслав Брудзиньский как-то заметил, что «афорист – это добытчик аттической соли для чужих кушаний». И действительно, настоящий афоризм возбуждает невольное желание высечь его в виде эпитафии на могильной плите,

поставить эпитафией к книге или превратить в пикантный тост веселого застолья. Как синоним остроумия, афоризм может сообщить блеск дружеской беседе или придать дополнительную убедительность доводам в ученом разговоре. Разумеется, далеко не каждая хлесткая фраза – залог оригинальности мысли, но каждый новый афоризм – это попытка высказать эту мысль так, как никто, возможно, до этого её не высказывал. С другой стороны, каждый афоризм, достойный этого имени, – это высказывание, в принципе доступное каждому человеку, способному, исходя из здравого смысла, временно выйти за пределы его правил, чтобы пережить *приключение мысли*: дополнить, переиначить или опровергнуть заключенные в нем парадоксы, почувствовать себя, пусть на короткое время, участником игры, подчиняющей дискурс воображению, короче, поразмышлять самому и, возможно, придти к чему-то более оригинальному, тонкому и глубокому.

1. Jean Baudrillard. El paroxista indiferente. Conversaciyn con Philippe Petit. Barcelona, 1998, p. 60.

2. Michel Foucault.. El orden del discurso. Barcelona, 1970, p. 11.

3. Михаил Эпштейн. К философии возможного. Введение в посткритическую эпоху // Вопросы философии, 1999, № 6. С. 69.

К.В. Киселев

ПЕРВОЕ ПЛАВАНИЕ «АФЕРЫ-14», ИЛИ ИСТОРИЯ НЕБОЛЬШОГО ПОХОДА ПО КАМЕ

Киселев
Константин
Викторович

кандидат философских
наук, доцент, вице-пре-
зидент МАДИ

Часть 1. Команда

Нас четыре человека. Нас могло бы быть и больше, но этих больше просто не нашлось. И

этих, которых не нашлось, можно понять. Ну, кто в здравом уме и твердой памяти пойдет на яхте под названием «Афера14», собранной во дворе абсолютно сухопутного города с абсолютно некорректным названием БерезОвский? А если учесть то, что первоначально яхта задумывалась как бетонная (!!!), то все встанет на свои места. Больных, кроме этих четверых, не было. И так.

Кирилл (или просто *Киря*) – капитан. Единственный человек, который что-то знает о парусах и яхтах и реально может отличить грот от стакселя, а гик от кокпита.

Костя – автор этих строк, на яхте старший помощник по должности. Ничего не понимает, во всяком случае, не понимал до плавания, ни в парусах, ни в моторах. Впрочем и после плавания

ситуация сильно не изменилась. Вот, например, диалог последних часов плавания:

Капитан: «Костя, тяни гикашкот!»

Старший помощник: «Что?»

Капитан: «Тяни, говорю, гикашкот, так-рас-так!»

Старший помощник с готовностью что-нибудь немедленно, прямо тут же, тянуть изо всех своих сил: «Что тянуть то?»

Вступает младший матрос Ринат: «Вот ту зелененькую»

Старший помощник выбирает гикашкот. Урок для капитана – и на яхте нужен индивидуальный подход. Тем более нас всего четверо.

Сагит – старший матрос, а впоследствии и главный моторист. Много понимает во многом. Особенно в том, в чем ничего не понимает старший помощник.

Ринат – младший матрос. Во всем что-то понимает. В том числе в том, в чем много понимает Сагит и ничего не понимает Костя. В миру Ринат дизайнер. В хорошем смысле этого слова. Возможно, именно поэтому именно он сразу зафиксировал, что гикашкот имеет зеленый цвет, в отличие от гроташкота, который окрашен в красный, гротафала, который тоже во что-то окрашен и т.д. В этом смысле Ринату повезло, он на цвет реагирует примерно так же, как матрос Фукс на яхте «Беда» реагировал на игральные карты, привязанные Врунгелем к снастям.

Впрочем, если бы Кирилл хорошо подумал, то проблему с обучением старшего помощника мог бы решить. Например, привязав к снастям то, в чем Костя разбирается. Тогда команды звучали бы так:

- Гегеля тяни вверх!
- Маркса трави!
- Лейбница отвязывай!
- Канта, так-растак, оставь в покое!
- Ленина на гальюн!¹
- Кому сказал, брось «Тезисы о Фейербахе», возьми за «Науку логики»!

Часть 2. Яхта

Яхту построил Кирилл. Практически один. Остальные помощники немного помогали, но больше и чаще ходили вокруг яхты, попивая пиво и задавая глупые вопросы, ибо советы давать,

в силу полной корабельной необразованности, были неспособны.

Яхта нужна Кириллу для кругосветного плавания. Я нисколько не шучу. Именно для кругосветного плавания. Чтобы этому не удивляться, нужно знать Кирилла, жизнь которого измеряется не днями, месяцами и годами, а аферами. Была афера № 1, потом афера № 2... Сейчас мы имеем дело с аферой № 14. Именно так и называется яхта. Аферы Кирилла иногда занимают месяц, иногда год, иногда несколько лет. Он подходит к их выбору тщательно, ведь каждая его афера то, о чем мечтает. Или, в крайнем случае, что ему очень и очень интересно. Часто вы встречали человека, который реализовал или хотя бы попробовал реализовать целых четырнадцать мечт? Я знаю только одного. Вот, например, одна из последних афер Кирилла. Он решил стать писателем. Не тем, который имеет членский билет творческого союза, а тем, кого читают, ибо ему есть, что сказать. Смешно? Нисколько. Первую книгу бывший летчик-штурмовик уже издал. И почти весь тираж «Залетной книжки» уже разошелся. Совсем недавно я читал рукопись второй повести. И уже живу ожиданием третьей. Но, к яхте...

Как я уже писал, в потенции яхта должна быть бетонной. И искренне жаль, что таковой не случилось. Если бы, то тогда до конца жизни каждый из побывавших на ней мог бы говорить: «А я вот ходил на бетонной яхте...» И через обязательную паузу многозначительно: «Было дело...». И потом с гордостью можно было бы смотреть в округлившиеся глаза слушателя.

Из чего ее строил Кирилл я, конечно, подозреваю. Основой яхты является пенопласт. Благодаря ему яхта не должна тонуть. Подчеркиваю, не «не тонет», а «не должна тонуть». То есть речь идет о гипотезе. Вообще все в этой яхте является гипотетическим. Она сама по себе одна сплошная гипотеза. Начиная с гипотезы о ее плавучести. Сам был свидетелем, когда в свежеспущенной на воду яхте Кирилл поднял какие-то дощечки, куда-то заглянул и произнес, задумчиво почесывая в затылке: «Смотри-ка, не текут...». На вопрос: «А должны?» – он рассудительно заметил, что кингстоны это такие дырки, которые открывают, если хотят, чтобы корабль затонул. Так вот, на «Афере14» гипотеза о том, что кингстоны не

текут, была подтверждена опытным путем. Как мне показалось, этим фактом несколько удивлен был и сам капитан.

Кстати замечу, что любой корабль должен уметь тонуть, если этого не будет, то тогда океаны и моря переполнятся (более того, уже переполнились бы) слегка скрытыми водой летучими голландцами, в которые неизбежно будут врезаться нормально функционирующие суда. Представьте себе, что будет, если не сжигать в атмосфере космические аппараты. Космический мусор, крутящийся круг Земли, не даст возможности для запуска новых спутников. Это в космосе, а океаны и моря много меньше, а судов много больше. Поэтому превращать яхты в подобие пластиковых бутылок просто запрещено. Кирилл это все знает, а человек он законопослушный, так что будем считать, что благодаря пенопласту яхта не тонет только гипотетически. И гипотеза эта придумана для успокоения незрелых умов команды.

Но, возвращаясь к тому, из чего состоит «Афэра14», пенопласт – ее внутренняя основа. Внешняя оболочка, скорее всего, металлическая. Мачта из алюминия. Кровати, то бишь шконки, они же рундуки, из дерева. Предполагаемая в будущем обшивка потолка из пластика. И т.д. И поначалу кажется, что яхта и состоит из металла разных видов, сортов и сечений, дерева, фанеры, пластика, пенопласта и т.д. Но все это не так. Уже к концу первого дня похода стало понятно, что яхта состоит из веревочек. Именно веревочки дают яхте жизнь. Без веревочек ни одна яхта и с места бы не стронулась. Понятно, что к веревочкам я отношу также то, что по-морскому называется снастями. Всякие гикашкоты и прочие гротафалы. Паруса без этих «веревочек» – просто тряпки. Но сами по себе снасти составляют лишь малую часть веревочек.

Вот, например, чем прикручивают спущенный грот к гикю? Никакой гротафал здесь не поможет. Нужны четыре веревочки. А кранцы чем крепят? Тоже веревочками? Наконец, а мотор, чем привязывают к яхте? Только веревочками.

Без веревочек мы бы пропали. Поэтому я, как старший помощник, все веревочки складывал к себе в карман, чтоб не потерялись. И раздавал по мере надобности. Был старшим по веревочкам, так сказать. А то с этими технарями, специа-

листами по металлу и бензину, мы бы пропали сразу и навсегда. В конце похода даже во многом понимающий и разбирающийся Сагит сказал: «Нужно, чтобы по всем леерам (это перила из троса, идущие вдоль бортов яхты, т.е. по большому счету металлические веревочки) были привязаны веревочки!»

Вот только одна история про веревочки.

История с мотором.

Яхта спущена на воду. Кингстоны, как ни странно, не текут. Кирилл командует нам с Сагитом ставить мотор. Дело ответственное. Мотор совсем новый. Мы абсолютные девственники. Но, капитан сказал, надо делать. Приказы не обсуждаются. Достаем мотор. Придумываем прокладку под него, чтобы не повредить окраску и добиться более надежного крепления. Кирилл дает новую вводную: «Привяжите его чем-нибудь». Сагит удивился, восприняв это как причуду, но привязал. На веревочку. Достаточно тонкую, видимо, чтоб не жалко было. Ну, привязал и привязал.

В первый же день при штормовом (или только так казалось) ветре замечаем в Каме катер. Катер хороший, с мотором. Слегка сорван и полощется брезентовый верх, и потому видно, что людей в катере нет. Летучий голландец! Перегруженный социальной ответственностью капитан, вдохновленный слаженной работой команды, которая уже чему-то научилась, решает катер ловить, привязывать и транспортировать в ближайший порт с целью сдачи милиции или ГИМСу. Спускаем грот, идем на моторе. Первый заход на катер – промах. Идем на второй. Все в готовности ловить, не отпускать, перепрыгивать, бросать и ловить концы. Капитан рулит мотором, ибо, как он потом объяснил, в этом случае яхта становится много маневренней. И вдруг, с этой, ставшей суперманевренной, яхты мотор срывается в камскую воду. Гробовая тишина... Все в шоке... Но, зараза-мотор не тонет! Спасает та самая веревочка! Толку от этого мотора в первый день, конечно, уже не было, но ведь не утонул! А потом и починили.

В результате к концу похода мотор был привязан к яхте тремя или четырьмя веревочками одновременно. Есть предположение, что главный моторист по ночам, когда все спали, возносил молитвы Богу Мотора и пытался его умили-

тивить, привязывая мотор каждый раз новой веревочкой.

Часть 3. Начало пути

Вместе с Ринатом мне выбраться в Пермь не удалось. Кирилл, сменив по совету «мудрых людей» свой номер телефона на непонятно что, но якобы бесплатное, в эфире был практически недоступен. Все переговоры о местонахождении яхты пришлось вести с Сагитом. Тот был максимально точен и лаконичен: автобус, номер, пересадка, опять автобус, опять номер, остановка, поворот, количество метров и т.д. Но самое главное, что я себе уяснил, – спуск на воду планируется на 9.00. Пропустить было никак нельзя.

Успел. Около назначенного времени появляюсь в районе яхт-клуба. Ворота закрыты. Тишина. На звонок материализуется Сагит. Судя по виду, он только встал и ему явно не до спуска яхты. Других персонажей не видно. Проникаю на территорию. Откуда-то из дождя также непонятно как материализуется Кирилл. Но вновь нет никакого движения, ни сторонних людей, ни каких либо звуков, свидетельствующих о радостной суете в ожидании долгожданного события. Об оркестре и бутылке шампанского о борт даже вспоминать неудобно. Просто не к месту. Ощущение начинающего сталкера в незнакомой Зоне. Дождь, хмарь и два небритых мужика с одинаково не выспавшимися лицами. Единственное, что отличает Кирилла от Сагита – руки. У Кирилла они покрыты краской. Через два дня где-то посреди Камского водохранилища, когда краска от рук отойдет, Кирилл, традиционно почесывая одной рукой в затылке и разглядывая вторую, с некоторым удивлением изречет: «Опять нае...ли. Краска-то смываемая».

Яхта стоит на кильблоке, то бишь на специальной конструкции метра два высотой, и подниматься к ней нужно по весьма шаткой приставной лесенке. Начинаю взбираться и нарываюсь на рассуждение Сагита: «Если капитан увидит, что ты в грязных кедах на яхте, то ругаться будет. Яхта чистой должна быть». Вроде все разумно. Решаю снять кеды несмотря на дождь и грязь. Добираюсь до верха и вижу, что кокпит² на треть заполнен дождевой водой, а на его дне примерно на полпальца запрещенной капитаном и Сагитом

грязи. Пробираюсь в каюту и впечатление об абстрактности рассуждения старшего матроса только подтверждаются. На койке спит младший матрос, не реагирующий ни на что. Даже на появление старшего помощника. На столе микс из тушенки, грязных приборов, мешков, сахара, хлеба и еще-чего, что когда-то кому-то было нужно, ибо в те времена было чем-то. На койках-рундуках свалка из чего-то, что когда-то было подушками, одеялами или одеждой. Нормальный такой бардак. Рабочий.

Сдвигаем все по углам. Перекусываем. К этому времени очнулся младший матрос. За разговором выясняется, что спуск на воду зависит от крановщика, который должен, а точнее, может появиться в яхт-клубе, но не понятно когда. Понимаю, что крановщик – профессия с точки зрения пунктуальности абсолютно противоположная разведчикам типа Штирлица, который даже спал «по секундомеру»: «Ровно через двадцать минут он проснется и поедет в Берлин». Сказать такое о крановщике – кровно обидеть. Ведь крановщик сродни погоде, которой управляют высшие силы. И предсказать его появление не может ни синоптик, ни дежурный сторож яхт-клуба, ни Кирилл, ни сам Господь Бог. Понимаем, что сидеть и ждать крановщика – дело пустое, а потому начинаем собирать не собранное, доделывать не доделанное. Главное – отсутствие бензина. Пока Кирилл с Сагитом решают технические вопросы, мы с Ринатом берем канистры и отправляемся в неизвестность на заправку.

На «добычу» топлива ушло часа полтора. Прошедший ночью ураган обесточил ближайшую АЗС, в яхт-клубе о бензине забыли уже давно, вот и пришлось ехать, сменив три автобуса, километров за 5-7 на трассу и добывать бензин там. Возвращаемся, а тут сюрприз... Яхта на воде. Мачта на яхте. Капитан командует. Вот, елы-палы, пропустил главное, то, ради чего спешил к заветным 9.00. Кирилл успокоил тем, что процесс был вполне рабочим без фанфар. Жаль, конечно, что не удалось попереживать: утонет – не утонет. Но что делать...

И начался аврал... Сделать нужно много. Кранцы в специальные мешки. Первичная установка грота. Выстругивание и вырубание латов³ из подручного материала. Черновая уборка каюты. Мытье палубы. Установка мотора. И

еще куча дел. Капитан отдает команды. В ответ: «Есть, сэр!» или «Слушаюсь, капитан!». Власть капитана признана всеми без всякого обсуждения и договора. То ли поначитались книжек, то ли осознаем, что без Кирилла мы полные лохи, то ли разум заговорил, то ли банальный инстинкт самосохранения заработал...

Команды нашего капитана – уникальная штука. Я всегда считал, что команда настоящего морского волка, а Кирилл, по моему разумению, таким и является, должна звучать исчерпывающе. Там возьми, туда-то отнеси, тем-то прищипандорь, доложи об исполнении. Кирилл командует по-другому: «Мотор чем-нибудь привяжи», «Рейки какие-нибудь придумай», «Прокладку какую-нибудь найди», «Чем-нибудь этот болт обмотай», «Как-нибудь спили» и т.п. Но все слушаются. Все находится, придумывается, приматывается и присопливается. Афера, одним словом.

И при всем при этом капитана слушаемся беспрекословно. Его последнее распоряжение в походе, которой он отдал команде, было абсолютно, мягко говоря, дурацким, но было выполнено всеми точно без обсуждений.

Представьте себе ситуацию. Мы покидаем яхту. Вещи собраны. Мотор убран. Все более или менее прибрано. На плите стоит сковородка с недоеденными макаронами с тушенкой. И вот диалог при покидании яхты, на которую Кирилл должен вернуться только через неделю:

Сагит: Киря, что с макаронами делать?

Кирилл: Оставь их, пусть стоят!

Сагит покидает яхту.

Ринат: Капитан, что с макаронами будем делать? В реку выкидывать нельзя.

Кирилл: Оставь, уже два раза сказал.

Ринат покидает яхту.

Костя: Киря, что с макаронами? Они ведь испортятся!

Кирилл: Накрой крышкой, ничего с ними не будет.

Костя: Уверен?

Кирилл: Уверен.

Накрываю крышкой и покидаю яхту.

Часа через полтора-два пути в Екатеринбург, когда все проголодались, начали вспоминать о макаронах. Начал я: «А на яхте сейчас макароны...». Кирилл с недоумением: «Какие макароны?». Мы переглядываемся и наперебой ему

объясняем про макароны с тушенкой, которые мы накрыли крышкой по его приказу и с которыми за неделю ничего не случится. Оказывается он все время нашего беспокойства о макаронах думал о чем-то своем и вопросы отражал плохо. Но командовал, какой-то частью мозга считая, что речь идет о каких-то других, еще не вареных макаронах из яхтенных запасников. А мы слушались. Посмеялись, представив себе макароны через неделю. Плесень, черви... Брр... «Ощутили» запах, который проникает на соседние яхты... Ничего хорошего. Кирилл с грустью предположил, что выбрасывать придется и сковородку, и крышку. И что вы думаете? Через неделю Кирилл вернулся на яхту и ...с макаронами НИЧЕГО не случилось!!! Они были свежими как утренняя роса и пахли, как и положено пахнуть макаронам с тушенкой, то есть макаронами с тушенкой. Съесть их Кирилл почему-то не решился, отдал местному псу. Тот жив до сих пор. Я начинаю подозревать, что не только команда, но и многие предметы, находящиеся на яхте, слушаются капитана. Макароны – абсолютно точно. Очевидно, они по-своему, по-макароньему сказали: «Есть, сэр!». И сохранили себя свежими.

Итак, все необходимое сделано, проверено и примерно в 15.20 выходим. На моторе. Правда, еще минут двадцать нам пришлось болтаться в акватории яхт-клуба, ибо о цепи, что перегородивала выход собственно в Каму, никто и не вспомнил. Пока докричались, пока искались ключи, пока отпускалась цепь, Кирилл маневрировал в узком пространстве. Маневрировал впервые и удачно, ибо вышли и пошли.

Часть 4. Первый день пути, или Ветер и Холод

Открытая вода. Эмоциональный подъем. Все в готовности исполнить все возможное и невозможное. «Бодрость духа, грация и пластика!»

Первое дело – подъем грота. Мотор стоп. Грот поднять! ... Мы под парусом! Идем! Восторг первого обладания. Эмоции через край. Вот он! Белый! Большой! Полный ветра! И это сделали мы, сухопутные крысы, полные неумехи! А-а-а...! Получилось!

И яхта уже кажется не каким-то непонятным металлическим сооружением, собранным где-то

на задворках Уральских гор, а чем-то настоящим. С душой и характером. Она ожила! Она живет! По-моему, яхта вообще может жить только под парусом. Без паруса она, в лучшем случае, засыпает.

Команда радуется. Радует молча, но видно, что всем хорошо. Все получилось. Все на подъеме. Доволен и капитан. Ветер встречный. Идем галсами. Правым. Левым. Правым. Левым. По ощущениям идем быстро, но относительно ориентиров, домов, труб, какого-то мыса по правому борту, иногда почти стоим. Ветер сильный. Минут через десять, а может через час, ибо ощущение времени теряется, Кирилл заявляет: «Ставим стаксель».

У всех немой вопрос: «Это что за фигня?»

И вслух. И хором: «Может не надо?»

Тут капитан, как сейчас понимаю, не уловил настроения команды. Команда не против второго паруса, но все еще страшно, ибо только-только первый парус подняли, а как с другим будет? Кирилл, ведь идем! Зачем еще? И так хорошо! Волна уже через борт!

Капитан неумолим. Сейчас понимаю, что стаксель был нужен. Скорость возрастала раза в полтора-два. А тогда были две версии: Или характер показывает? Или команду воспитывает? В любом случае: приказы не обсуждаются. Мы готовы. Мы, более того, почти рады. Можно сказать, чего изволите... И тут, так случилось, что стаксель-фал оказался перехлестнут через краспицу, что делает невозможным подъем этого самого стакселя. Кто-нибудь что-нибудь понял? А именно так выражался наш капитан. То же самое непонимание тогда произошло и со мной. Было понятно, что нужная для стакселя веревочка (снасть) не так была натянута, и мешала ей балка, которая где-то в вышине была прикреплена к мачте.

Сейчас, сидя в сети, подумалось, а может есть и иные более понятные объяснения ситуации? И вот, что я получаю от дядьки-Интернета. Краспица – «поперечный брус, положенный на лонга-салинг». И далее, лонга-салинг – «два деревянных продольных бруса, прикрепленные к нижней части топа мачты или стеньги и связанные между собой краспицами и чиксами. Служат основой марса или салинга». Всем понятно? Вот-вот...

В реальности все проще, нужно захватить веревку, которая отвечает за подъем стакселя (стаксель-фал), и вывести ее из зацепа со штуковинной, которая крепится перпендикулярно гот-мачте где-то ближе к ее вершине (краспица). Как сделать? Единственная идея – взять некий груз, привязать его на веревочку (!!!), которой зацепить нужную снасть с целью вывести ее из зацепления с краспицей. Берем веревочку (!!!), привязываем гайку и бросаем. Результат предсказуем – веревка с гайкой запутываются вокруг снастей. Команда облегченно вздыхает... Пронесло. Прошло... День пройдет без новых приключений и неожиданностей. Как бы они ни назывались: стаксель, брамсель или вообще какой-нибудь спинакер. Но ни фига...

Проблемы, или, как их называет Кирилл, приключения только начинались. Кому-то они могут показаться мелкими, но сухопутным крысам, к коим без сомнения относился и старший помощник, они и до сих пор кажутся более, чем настоящими. Сначала встреча с «Летучим голландцем» и утопление мотора. Потом ... ветер и холод. Следом авантюрная швартовка. И, наконец, штормовая ночевка. Но все по порядку.

О «голландце» я уже писал. Добавлю лишь, что на самом деле благородство капитана было, как потом выяснилось из «последрачных» обсуждений, вполне компенсировано меркантильностью команды. Естественно, что после утопления мотора, спасенного благодаря веревочке, привязанной Сагитом, все прокачивали ситуацию – а что было бы, если бы наш мотор утонул окончательно, насовсем и навсегда? Так вот, решение формулировалось всеми однозначно – плыть к «катеру» и до прибытия в порт использовать на яхте его мотор. Ведь никто из команды, включая капитана, никогда не швартовался под парусом, без мотора, на фактически незнакомой яхте... Мотор катера ситуацию реально спасал.

Капитан распорядился иначе. Может берег команду от переохлаждения, а может, был уверен в своих способностях швартоваться... Предполагать можно все, что угодно... Афера...

Итак. Градус настроения снижается. Ведь случился первый серьезный прокол. Не смогли. Мотор утонул. И не ясно, заработает или нет. Капитанское, хлесткое и непрекаемое: «Забыли про катер!», – ставит всех на место. Мы реально

маленькие, Кама широка, ветер силен, волна перехлестывает... Замурлыкались... Не расслабляться...

И, пожалуй, именно тут я почувствовал реальный холод. Вообще, по жизни, холода не боюсь. К яхт-клубу я пришел в одной майке, хотя уже был дождь. Во время авральных сборов, отплытия и прочих рабочих ожиданностей холода особо не замечал, хотя и влез в камуфляж. Стоя на откренке, надел толстовку. На этом, во-первых, моя одежда закончилась, и, во-вторых, все промокло насквозь. Причем, не просто насквозь, а полностью. Абсолютно. До последней нитки. До кишок. В рюкзаке из сухого – только шорты. Ведь как представляют себе поход на яхте многие, если не большинство... Включая меня неопытного... При слове «яхта» вспоминают Романа Аркадьевича Абрамовича и его многочисленные суда многочисленной стоимостью и не менее многочисленной тоннажностью. Во вторую очередь всплывают: Александр Грин, «Алые паруса», Зурбаган, Гель-Гью и корабли в Лиссе. При этом и первое, и второе однозначно предполагают шорты. Капитан Грей или губернатор Абрамович под алыми парусами в ушанке и валенках? Нонсенс. Только белые одежды и шорты. Но какие, к дьяволу, в Каме при ледяном ветре шорты...

Когда волна захлестывает с головой.. Когда яхта идет по борту в воде... Когда полностью обдаёт даже тех, кто сидит в кокпите... Когда ветер приходится перекрикивать на предельный связок... Ощущаешь, во-первых, что не только тебе досталось. И потому, надеяться не на кого. Если не ты перетерпишь, то придется другому. Нужно стоять. Нужно откренивать. Нужно работать. И час, и два, и сколько надо ... А во-вторых, в определенный момент ощущаешь тепло. От воды. От волны. Вода теплее ветра. В воде греешься. Иногда даже хочется прыгнуть в реку, чтобы согреться. Но когда-то становится просто невыносимо...

Хуже всех одет Ринат. У него нет ничего теплого. Он в одной синтетике. Штаны, ветровка. При этом он хвастается своей предусмотрительностью. Синтетика, мол, лучше сохнет. Особенно на ветру. В результате именно он по приказу капитана первым оказывается в каюте. Изучает лодию.

На нас с Сагитом хоть что-то, но есть. Что-то надето. Немного помогают спасжилеты. Открениваем на палубе то по одиночке, то вместе. Работаем с гротом. Правый галс. Левый. Правый. Левый. Кому, что делать, решает капитан. Он в кокпите на румпеле. Одет теплее всех. Но и ему не позавидуешь. При сильном ветре он пока не доверяет управление никому. Всегда снаружи. И регулярная волна, накрывающая и кокпит... В какой-то момент в очередной раз выхожу из каюты. Меняю Сагита. Вцепляюсь ванты и вижу, что руки от холода трясутся так, что грозят порвать снасти. Терплю, но капитан отправляет в каюту. Вновь вышедшего Сагита постигает та же участь. Его трясет не меньше. Замерзли напрочь.

В каюте Сагит переодевается в третий раз. Предлагает мне оставшуюся пока сухой футболку. Кирилл пытается поделиться своей весьма скромной одежкой. Отказываюсь. Но использую стратегический запас. Дело в том, что недели за две до похода я подарил Кириллу комбинезон нефтяника. Фирменный. Новый. С надписью «Нишневартовскнефтегаз». В нем, как говорят, нефтяники на 50-градусном морозе могли работать и работают чуть не по горло в сырой нефти. И Кирилл комбинезон взял с собой. Знал. В этот комбез я и пытаюсь влезть. Голым. То есть почти голым. В трусах. До последнего момента оставлял этот резерв верховного командования (не трусы, а комбинезон) в неприкосновенности. Сухим. Ведь если комбез промокнет, то завтра я останусь без одежды. Сушиться негде. Солнца нет и не предвидится. Но сил терпеть холод нет. Чувствую, что реально замерзаю. Ничего не спасает. Все. Последний момент наступил. Иначе работать не смогу. А надо. Одеваюсь. Легчает. Руки уже не дрожат. Комбинезон влагу держит. Отлегло. Завтра буду сухим. Вновь палуба. Работаем.

Примерно через час видим бухту. Лодия говорит нам, что на берегах этой бухты поселок Полазна. Капитан вооружается биноклем. Ищет место швартовки. С биноклем он напоминает захватчика-оккупанта, высматривающего цели для стрельбы. Хорошие пристани с дорогими яхтами Кириллу, да и всем нам, не по нутру. Как представляю себе, как придется разговаривать с владельцем дорогого пирса, делая умное лицо... Бр-р-р... Не хочу. Да и опасно. Швартовка первая. Без мотора. На парусах. Можно повредить

какую-нибудь хозяйскую яхту... Геморрой.. В конце концов находим вполне демократичный пирс рядом со строящимся домом. Решаемся.

Кирилл инструктирует: «Подходим на парусе. Я делаю разворот. Вы по команде дергаете грот на палубу. Не привязывать. Просто бросать, так как времени нет. Затем Ринат первым выскакивает на пирс, одерживается и гасит скорость. Вы за ним. Всем понятно?» Мы ждем берег и тепло, а потому вновь бодрь: «Так точно, сэр!».

Яхта просто идеально заходит на пирс. Мы дергаем грот. И становится ясно, что скоро всем наступит звездеч, ибо несемся мы вдоль пирса со скоростью немереной прямо на берег. Кирилл начинает орать. Орет в очень хорошем темпе: «Все на пирс! Бросайте парус! Все на пирс». А у нас в голове еще старая инструкция – убирать на палубу грот. И мы ведь только начали это делать. Киря продолжает более доходчиво: «Ринат, так-р-астак! На пирс! Сагит, за ногу! На пирс! Костя, в коромысло! На пирс!» Упс, дошло.. Вылетаем в миллисекунды на пирс. Одерживаем яхту. Ух... Пронесло. Ни царапины. Пришвартовались. Очуметь... Отпустило.

Пирс принадлежит местному бизнесмену. Хозяин на стройке. Знакомимся. Договариваемся. Разрешает стоять. Осматривает яхту. Все прекрасно. Едим. Обсуждаем. Хорошо. На ночь развешиваем все мокрое, вплоть до кед, на вантах. Надежда на ветер, так как солнца ночью точно не предвидится.

Легли за полночь. Но в 03.32 вопль капитана: «Команда, подъем! Штормуем!» К этому времени ветер разошелся, и есть реальная опасность потерять яхту. Она стоит левым бортом к пирсу, и ее парусность в этом положении максимальна. На волне яхту подбрасывает на метр с лишним, и она «чешется» кранцами о пирс, иногда чуть заваливаясь на бок. Бедный пирс ходит ходуном. И это вторая опасность. Вывернуть тяжелой яхтой стойки пирса никому не улыбается. Ставим яхту по штормовому. Два конца крепим треугольником к стойкам пирса, снижая нагрузку на стойки. Сама яхта на этих концах свободно болтается в заливе носом к ветру. Капитан распределяет вахты. Каждый по часу.

В мою вахту время шло странно. Первые 40 минут я не заметил вовсе. Последние двадцать тянулись и тянулись, тянулись и тянулись. Но

удивили не эти двадцать. Это было ожидаемо. Удивили первые сорок. Только вышел, потянулся, а их уже нет. Куда они делись? Не представляю до сих пор.

Часть 5. Второй день, или О пельменях и якорях

С утра ветер, ветер и ветер... Сильнее и сильнее. Перспектив не видно. Никаких шансов бросить пирс, выйти под парусом и без мотора в штормовую Каму нет. Хотя мы готовы. Мы выспались. Под ветром наши вещички, растянутые между лееров просохли. Магазин в пяти минутах ходьбы. И это влияет. Мы бодрь и веселы. Мы во всеоружии. Холод чувствуется, но уже не пугает. Только вперед. Даешь кругосветку! Мудрый капитан нас останавливает. Продолжаем штормовать. Пока стоим вновь начинаем доделывать недоделанное, досыпать недоспанное. Главное – починка просохшего мотора и наладка электричества, от которого зависит и горячее питание, и зарядка сотовых.

С мотором возится Сагит. Я ничего не понимаю в двигателях. В лодочных двигателях тем более. Потому могу оценить работу моториста беспристрастно. Как простой наблюдатель. Не заинтересованно. Фактически как речное воплощение духа Исидора Мари Огюста Франсуа Ксавье Конта (не путать с Остапом Сулейманом Берта Мария Бендер-беем, отец которого был турецко-подданным), ибо именно Огюст Конт, как известно, и по сию пору числится родоначальником позитивизма. Главное, что бросается в глаза – вдохновение. Сагит не просто ремонтирует мотор. Он творит! В его глазах одержимость. Он сам – воплощение какой-то «моторной» страсти. Он останавливается только для того, чтобы, выпив рюмку, поймать за хвост очередную идею. Иногда создается впечатление, что Сагит вообще уже не с нами. Он где-то там, где своей жизнью живут заслонки, стартеры, приводные ремни и что-то еще для меня совсем не знакомое. Он даже говорит не с нами, а с этими железяками, пахнущими бензином. Естественно, что через какое-то время мотор сдастся и начнет работать. Не сразу, не на всю катушку, но просыпается, сопит, тихо попукивает и, наконец, выдает долгожданный сколько-то там тактный

звук, под который готов танцевать и Сагит, и капитан, и все остальные. Команда поет осанну мотористу. Сагит доволен, улыбается, но он все еще не с нами, а в мире железяк со странными названиями.

В это время Кирилл занимался другой, но тоже технической проблемой – плиткой. На яхте, которая предназначена для плавания вдали от берегов, плитка должна быть с неизбежностью, но Кирилл, в силу своего пофигизма, ее то ли к чему-то не присоединил, то ли это что-то требовало еще каких-то деталей. Короче, плитка не работала, и ее нужно было завести. Много времени на это не ушло. Загоревшаяся лампочка нам сказала, что все отлично. Электричество в плитке есть.

Узрев электроэнергию, коллективный разум, что, как известно, находится то ли в районе в районе желудка, то ли в районе последнего позвонка, мгновенно сформулировал общее желание – пельмени! Сухомятка надоела, но еще не настолько, чтобы организм потребовал супа, однако до горячего, хотя бы в виде пельменей, мы уже созрели. В магазин делегируюсь самостоятельно, ожидая по возвращении кастрюлю с кипящей водой. Увы и ах! Пельмени есть, кастрюля есть, плитка работает, но кипятка нет!!!

Три члена команды сидят вокруг плитки с умными, но тревожными, лицами и в ожидании кипения медитируют. Присоединяюсь. Медитируем вчетвером. Проходит пять минут. Медитируем. Десять. Продолжаем. Пятнадцать. Тревога накаляет лица, но не воду в кастрюле. Кипятка нет, хотя вода уже более или менее теплая. Плитка при этом ведет себя странно. Лампочка на ней то загорится, то погаснет. Кирилл, как лицо более всех заинтересованное в бесперебойной работе нагревательного прибора, пытается что-то делать. Звучат слова: трансформатор, генератор, стабилизатор, напряжение, киловатт. И, конечно, прочие, имеющие уже прямое отношение к русскому языку, значение которых, в отличие от выше написанных, я знаю. Напряжение, не в сети, но в команде, достигает предела, и тут звучат слова матроса....

Лучше бы он молчал. Даже сейчас, спустя много часов и дней, я с ужасом представляю себе дизайнера, который варит пельмени. Пельмени и дизайнер – полные противоположности. Как

белое и черное, мясо и вегетарианство, балерина и сортир. Итак, Ринат начал рассуждать: «Вот мы были в горах... Там давление... Вода не кипит... Пельмени варили и ели... Было все нормально... А?». И мы с дуру бросаем пельмени в тепленькую водичку, рассаживаемся вокруг кастрюли и продолжаем ждать! Идиоты! Через пять минут пельмени начинают оттаивать. Соответственно вода, которая только что подавала надежды, от взаимодействия с морожеными пельменями приобретает комнатную (прошу прощения, уличную) температуру. Градусов 10 по Цельсию. Еще минут через пять пельмени начинают расплзаться по всему объему кастрюли. А мы медитируем! Еще минут через двадцать, когда до всех наконец-то стало доходить, что матрос-дизайнер и обед друг с другом не совместимы, а плитка, несмотря на все усилия Кирилла, надрываться особо не будет, мы стали думать. И уже не желудками. И не местами, находящимися у окончания позвоночника. Мыслей было три. Первая и вполне здравая – разобраться, в чем собственно дело. Почему плитка не выдает той мощности, что необходима? Вторая и малодушная – выбросить пельмени рыбам. Третья и, как оказалось, наиболее перспективная – подключить к плитке наземное электричество.

Реализовывать первую мысль начал Сагит. Начал с вопроса: «Киря, а инструкции к плитке и генератору у тебя есть?». Наивный Сагит! Ответ Кирилла известен любому, кто знает этого человека хотя бы полчаса: «А зачем они нужны?». Инструкции Кирилл выкинул сразу же после покупки этих устройств. Полагаю, что даже до дома инструкции не доехали и были выброшены в урну прямо у магазина. «Сами разберемся», – добавил Кирилл. Тогда это звучало, не как издевательство, а как шутка идущего на казнь, ибо часовое разбирательство уже состоялось! Сагит, как я полагаю, представил себе себя разбирающимся еще часа полтора с механизмами, навсегда лишенными инструкций, около кастрюли с пельменями, постепенно превращающимися в пельменную кашу. И намерение разобраться дальше оставил.

Мысль о кормлении рыб нашими пельменями я забраковал как противоречащую здравому смыслу, унижающую человеческое достоинство и оскорбляющую труд людей, причастных к изготовлению столь замечательного продукта.

В итоге Ринат, как автор идеи варитьпельмени в холодной воде, был отправлен на берег договариваться. На это дизайнер оказался вполне способен. А далее – дело техники. Провод. Штепсель. Розетка. Кипящая вода. Горячийпельменный суп. И апофеоз желудочного счастья после, казалось бы, вполне банальной, но столь драматичной готовки.

Едим. Работаем. Спим после бессонной ночи. И вдруг, уже ближе к вечеру: «Команда! Снимаемся! Сагит на мотор! Ринат, Костя на пирс! Одерживаемся! Отходим через пять минут». Ветер начал стихать. Мы пошли дальше.

Ушли не сильно далеко, ибо время поджигало. В одной из следующих бухт начали искать стоянку. Кругом предупреждающие надписи. Запрещено то, запрещено се. И вот уже мост. Бухта кончилась. Причала нет. Рядом на волнах болтается катер со зловещей для всех плавающих на маломерных и малотоннажных судах и суденышках надписью «ГИМС». Но смелый капитан принимает решение – стоим на якоре. Этот способ стоянки и для яхты, и для капитана – первый. Якорь новый, воды не нюхавший. Изготовленный, как все у Кирилла, из каких-то подручных материалов. Худо-бедно, но привязываемся к растущему на берегу дереву, растягиваемся на якоре. И далее уже традиционный краткий монолог капитана. «Удивительно... Держит...», – глядя на воду, куда только что погрузился якорь, и почесав в затылке, задумчиво сказал Кирилл.

Стоянка хоть куда. С одной стороны ГИМС, с другой плотина и мост, в сторону которых нас может снести легким течением, с третьей городская набережная, украшенная угрожающими знаками с перечеркнутыми якорями. Радует лишь берег, к которому мы привязались. Прямо у нас на виду стоит киоск. И дело не в том, чем он торгует. Дело в том, что к нему проведено электричество. В этом киоске мы вскипятили кастрюлю воды и купили шоколадку, чтобы наконец-то попить чаю.

Картина со стороны: из киоска выскакивает Кирилл, держа на вытянутых руках кастрюлю, спотыкаясь, бежит к резиновой лодке, прыгает в нее, с трудом сохраняя равновесие и рискуя обварить себя и Рината, Ринат гребет изо всех сил, чтобы доставить воду на яхту еще горячей, мы с Сагитом принимаем кастрюлю и рысью в

кубрик заваривать чай. Эстафета состоялась, чай удался.

Кстати, оказалось, что киоск, это не только благо электричества, но и возможность общения с местным населением. Уже в темноте слышим. «Эй, мужики!». Высовываемся. На берегу, то есть от яхты метрах в двадцати – тридцати, стоит молодой, но уже пьяный, особь и достаточно требовательно кричит: «Дайте пять рублей!». На вполне резонный вопрос, как он себе представляет передачу монеты, у особи есть готовый ответ: «Бросайте сюда. Я поймаю». Видимо он что-то попутал. Или это был супергерой, способный при отсутствии видимости по звуку определить местопролетание монеты и, метнувшись, перехватить ее хоть над землей, хоть над водой? Экспериментировать не стали. Покряхтев недовольно минуты три, особь сгинул навсегда.

Часть 6. Третий день, или как Кирилл Аваев Александра Солженицына обошел

Спим мертво. По приказу капитана имеющий будильник Ринат будет его каждые час-два. Бдительность и контроль прежде всего. Мы с Сагитом от этой «вахты» освобождены за ненадобностью. И вдруг: «Подъем. Якорь поднять». Помня об опасностях предыдущей штормовой ночевки, все мгновенно вскакивают в одежду и выскакивают на палубу. Что случилось? Оказалось, что просто хорошая погода и терять ее капитан не захотел. На вопрос: «А который час?» Кирилл, потупив взор, скромно ответил: «Четыре тридцать две». Я от всей души пообещал при первом же случае начистить ему физиономию. Спали часа три.

В результате этот день я почти полностью провел в сонном или в хорошем смысле сумеречном состоянии. И не я один. Дрыхли все. В каюте и на палубе в резиновой лодке. В спальниках и без спальников. Сытые и голодные. Трезвые и под хмельком. Отоспались.

Идти начали хорошо. Поставили грот. Затем стаксель. Вышли из бухты. Ветер хороший. Выцеливаем на Чермоз. Яхта просто летит. Паруса полные ветра. Супер. Но четверым на палубе делать уже нечего. Двое справляются. И капитан отправляет нас с Сагитом спать. Отрубамся моментально. Вообще такого креп-

кого сна, как на яхте, у меня уже давно не было. Где угодно, на сколько угодно, когда угодно... Глаза закрыл – заснул. Моментально. Через час, а может два, а может три наша смена. Выходим, а Чермоз... Вот он. Рядом. Дошли.

Капитан созывает совет. Что дальше? Возвращаемся или идем на Березники? Единогласно все за возвращение. Кириллу надо идти не вверх по течению, а вниз. Остальных ждет работа. Разворачиваемся и вновь спать. Когда иногда просыпаюсь на пару минут или на полглаза на палубе или в каюте, то вижу, как яхта с хорошим креном по иллюминаторы летит в воде ... Ощущение супер...

Но день близится к концу... Ринат, за это время изучивший лоцию наизусть, начинает задавать вопросы о бухте, где можно было бы встать. И что оказывается? Нас ждет Полазна! Вперед уже не успеваем, а все удобные места ближе к Чермозу мы уже пропустили. А нам по фиг! Нам по барабану! Полазна, так Полазна. Мы уже опытные, у нас уже все получается, грот на раз, стаксель на раз-два...

Капитан командует: «Идем ближе к левому берегу». Мы идем.

Капитан командует: «Убрать паруса!» Мы убираем.

Капитан командует: «Завести мотор!». Сагит заводит.

Красота! Все по часам. На берегу елки, сосны и прочие лиственные. Травка зеленеет. В небе солнышко блестит.

И тут... мотор глохнет.

И тут мы обнаруживаем, что идем очень близко к берегу.

И тут мы буквально кожей ощущаем, как нас на этот берег начинает нести.

И тут мы видим, что прямо по курсу буровая платформа.

Короче, все! Кранты...

Сориентировавшийся капитан орет: «Ставим грот!» Грот взлетает. Начинаем маневрировать. Тут вдруг заводится мотор. Кирилл кричит: «Убрать грот!» Грот падает. И вот тут наступает полный абзац, ибо только что начавший работать мотор вновь глохнет и времени для установки паруса нет, и, что еще хуже, нет пространства для маневра. Платформа впереди, берег слева. Нас отжимает ... Катастрофа неминуема...

Хватаю лодочное весло и катапультируюсь по левому борту на нос. Ору Ринату, чтобы хватал второе и двигал на нос одерживаться, ибо платформа буквально в двух метрах. Краем глаза вижу, что Ринат рядом. Кирилл и Сагита не отражаю, но организмом чувствую, что они в кокпите. Один на руле, второй с мотором...

Все дальнейшее происходило в какие-то секунды, но мыслей за это время было много. Причем руководствоваться я в то время решил, как позже выяснилось, самыми дурацкими.

Итак, рассуждал я следующим образом: вдвоем с Ринатом одерживать яхту мы сможем, и платформы она, если и коснется, то лишь чуть-чуть. И далее: гораздо опаснее, если она ляжет на берег, тогда вообще неизвестно, как ее с берега поднимать. Короче, перед глазами все мной ранее виденные и читанные крушения и последующие робинзонады. Решаю сместиться на левый борт и в случае необходимости прыгать в воду, чтобы, отталкивая яхту, не дать ей столкнуться с берегом. А яхту несет! Я уже почти в прыжке... и тут заработал мотор. И в миллиметрах от платформы и секундах от крушения мы выходим на чистую воду...

Чума, как хорошо!

Разбор полетов состоялся позже, как мы уже стояли на знакомом пирсе и пили водку за спасение. Только на стоянке отлегло и отпустило. И только на стоянке все ощутили тот напряг и то, чего он стоил. Похоже, что до первой рюмки все пружины у всех членов команды были сжаты до предела. И когда полегчало, все стали разговорчивыми, и разговоры были из серии: «А вот тогда...», «А я тут...». Кстати, Сагит первую рюмку вылил за борт Богу Реки, что помог и не допустил.

Итак, что выяснилось в процессе разбора.

Первое. Мысль одерживаться от платформы была верная. Здесь мы сделали все правильно. Впрочем, ума на это много не надо. Второе. Мысль прыгать в воду – дебильная, ибо удержать яхту я бы все одно не смог, и ее просто положило бы на меня. Со всеми вытекающими из этого факта печальными последствиями. Третье. Самое безопасное место на яхте Кирилл – кубрик. Именно в нем надо скрываться, если яхте что-либо грозит и предотвратить это что-либо невозможно. Четвертое. Героизм в таких случаях

вреден. Кстати, как оказалось, что Ринат тоже собрался прыгать и спасать яхту! Так бы и не досчиталась страна одного либерального политолога и одного дизайнера-графика, на могилках которых могли бы написать: «Они погибли как настоящие моряки» или, что более соответствует истине: «...как полные идиоты».

Пили мы в этот день только за Сагита. Он, не обращая внимания, ни на буровую платформу, ни на берег, ни на команду, работал с мотором... И не лихорадочно дергал пусковую веревку, а методично и в хорошем темпе (секунды!) перебирал все возможные способы его реанимации. Последний или предпоследний способ сработал. А потому, когда в очередной раз на реке придется налить и поднять, то все мы обязательно скажем: «За Сагита!».

Отметив спасение, решаем выполнить задуманное, но отложенное до лучших времен. А именно порыбачить. Желание у нас есть, время в наличии, удочки ждут, но нет червей, ручейника или какой-нибудь иной наживки. Традиционные макароны в качестве наживки забракованы, а потому идем с Кириллом на поиски. Лопатки нет, и Кирилл берет топор.

Картине поиска червей с топором нужно уделить особое внимание. Представьте себе провинциальный, но достаточно крупный, поселок, который живет своей жизнью, в которой редко случаются странности. Или, еще проще, представьте себе свой двор, где все знакомы и все известно. Это с одной стороны. С другой стороны, в этом поселке или дворе вдруг появляются люди, которые тоже живут своей, но абсолютно иной, жизнью, для которой этот поселок или двор не более, чем очередное место с каким-то своим не сильно отличающимся оригинальностью интерьером. Для этих людей место и его атрибуты не существенны, не значимы. Они часто вообще не замечаемы. Для них важнее они сами, их взаимоотношения, их работа. Более того, кроме них самих, их взаимоотношений и работы для них ничего нет вообще. Это даже не ситуация пришельцев, но ситуация мимопрошельцев, то есть тех, что проходят мимо. Откуда-то возникают, проходят и исчезают. Ситуация «проходимцев». Место и «проходимцы» существуют как бы в разных плоскостях, разных измерениях, но при этом взаимодействуют, видят и слышат друг друга.

Помню в Ярославле после одного из велопробегов, в пять утра я бродил один в безлюдном городе. К шести мы с городом подружились и стали на ты. Он мне разрешал делать все, сказав, чтобы я не обращал внимания на его движущиеся части в форме людей, трамваев и машин. Я спал на скамейках города, летал на его вертолете, купался в его реке. Город обо мне заботился, я предложил ему дружбу. Мы были вдвоем: город и я. А люди? Они были его частью, его принадлежностью. Такими же, как деревья, церкви и дома. Только и всего.

Вот такая ситуация случилась и в Полазне. Мы с Полазной стали своими еще в первый наш заход, и теперь мы снова проходили мимо. Шли по улице, о чем-то спорили, размахивали топором, периодически останавливаясь, чтобы покопаться им землю. Представляю, как это выглядело со стороны. Два бородатых мужика. Один в оранжевом комбинезоне «Нижевартовскнефтегаз». Другой в чем-то обезличенном, но с явными следами качественной рабочей грязи. Идут. Топор переходит из рук в руки. О чем-то громко говорят. Видно, что не всегда соглашаются друг с другом. Потом вдруг, внезапно останавливаются и давай всаживать топор в землю. Порубив землю в одном месте, идут дальше. Вновь рубят землю. И так вдоль всей улицы. Не знаю, как отнеслись к нам полазненцы, но если бы я увидел людей, которые рубят землю топором, то, как минимум, сильно бы удивился... В конце концов, червей нам дали местные жители. Удочку мы закинули. Ничего не поймали. Но об этом мы узнали уже на следующий день.

А на пирсе мы познакомились с одним замечательным молодым человеком. Во-первых, он был трезв. Во-вторых, оказался студентом и только по совместительству сторожем. Когда еще мы только подходили, он уже вышел нас встречать. Помог пришвартоваться. Его первый вопрос, сразу показал, что это наш, это свой в доску. Улыбаясь и краснея, он произнес: «А спинакер⁴ вы ставите?». И видно было, что он знает, что он помнит, что он скучает, что он ходил. Увы, со спинакером мы его разочаровали, зато чуть погодя, когда все познакомились и Кирилл подарил ему свою книжку о летчике-алкоголике (о столь неоднозначном содержании опуса парень, естественно, не знал), мы не только

реабилитировались, но, похоже, превзошли все его ожидания. И он вновь раскрылся: «Ой, а я сейчас «Матренин двор» Солженицына читаю. Но я, конечно же, отложу Александра Исаевича. Я сейчас Вас начну читать! А Александра Исаевича я потом прочитаю. Сейчас только Вас...» Вот так Кирилл с пол-оборота обошел лауреата Нобелевской премии, ибо был здесь и сейчас. Был реален. Видим, слышим и осязаем. Был человеком, чье имя помещают на обложке. Был материализацией буквенной виртуальности. Ведь и вправду, встретить в Полазне живого писателя было равнозначно материализации Андрея Болконского или Микки Мауса. Человек впервые увидел живого писателя! И какая разница, что фамилия у него была Аваев, а не Пушкин, Толстой или Солженицын. В Полазне все они были равны. Но писатель Кирилл Аваев равнее всех.

Часть 7. День четвертый, или Покатай нас Киря.

Утром стартуем. Все вновь хорошо. Все вновь прекрасно. Валяясь на палубе, без всякой задней мысли рассуждаю в слух: «Кирилл хочет идти на яхте в одиночку... Может попробует сейчас...». И идея тут же начинает материализовываться. Действительно, а почему бы Кириллу нас не покатавать? И сам капитан особо не против. Бросаем снасти, и капитан начинает метаться от руля к гроту, от грота к рулю. Красота. Лежишь себе в лодке на палубе, а капитан пашет...

Честно говоря, особо хорошо покатавать у капитана не получилось. Все впряглись в работу быстро и вновь. Все-таки ветер силен, парус велик, да и дело важное вскоре нарисовалось. Кирилл вспомнил, что у него есть яхтенный GPS, что по совместительству спидометр. И, конечно же, нам нужно померить свою скорость. И печаль наша стала безмерна. Дело в том, что по показаниям нашего навигатора, мы еле плетемся. Нам кажется, что мы летим, а мы еле ползем. В реале мы всегда прибываем в пункт назначения на час-два раньше расчетного, но приборы говорят, что мы должны еле-еле успевать.

Особенно огорчился Кирилл. Его расчеты на путешествие грозят накрыться медным тазом, ибо с такой скоростью он будет только по Каме

плыть до самой своей старости. Грустно было всем до тех пор пока кто-то вдруг не заметил, что навигатор показывает не километры в час, а морские мили... Опа! Это же совсем другой коленкор. Это же почти в два раза быстрее! У всех отлегло, и полетели дальше. Сначала на правый берег в один яхт-клуб отдать взятую взаймы лодку, потом на левый берег в другой уже на стоянку.

Плавание завершилось. Все живы. Все с опытом. Все голодны. Все веселы. Все довольны. Чего еще желать?

Хотя прошел почти месяц после возвращения, когда я вспоминаю эти три ночи и четыре дня, земля начинает качаться. И я не понимаю, что я делаю на этой качающейся земле, когда всего в четырехстах километрах на реке строго ровно, не шелохнувшись, стоит яхта. «Афера-14».

Послесловие.

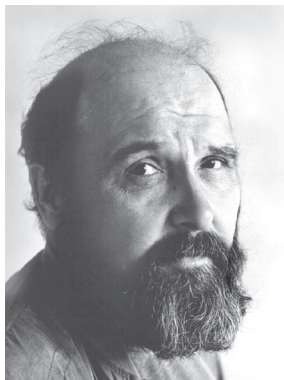
В кругосветку Кирилл пошел. Пошел один, как и планировал. Он прошел Каму, Волгу, Дон, Азов... И встал. Нет, он не испугался ни моря, ни работы. Просто ему надоело. Он представил себе недели и месяцы одиночества, морскую рутину, однообразие и, самое главное, невозможность столько времени заниматься какой-нибудь новой аферой. Аферой № 15.

И все же я предполагаю, что кругосветка на самом деле состоялась. Ведь не обязательно нужно идти километр за километром, милю за милей. Тем более, если все они равны. Достаточно эти мили пережить, прочувствовать, ибо все в мире приключения есть приключения души, если хотите, приключения сознания.

Мечта осуществилась.

1. Команда добавлена по настоянию капитана, известного в узких кругах своим ярким антикоммунизмом.
2. Кокпит – углубление на корме яхты. В него выведены средства управления: румпель, некоторые шкоты и фалы, т.е. веревки. Во время большинства маневров команда находится именно здесь, чтобы не получить по голове какой-нибудь снастью. В кокпите во время движения «живет» рулевой.
3. Разной длины деревянные или металлические рейки, который вставляются в специальные карманы, нашитые на парусе. Служат для придания форме паруса устойчивости.
4. Спинакер – дополнительный парус большой площади. Ставится на ходу, когда яхта идет полным курсом. Выглядит, как очень большой пузырь на носу яхты. По площади иногда больше стакселя.

Юрий Конецкий

Ю. Конецкий

X. 1. БАЛЛАДА-ПОДРАЖАНИЕ МЭТРУ
ФРАНСУА ВЬЙОНУ О ТОМ, КОГО
СЛЕДУЕТ ИСКАТЬ В ПАРИЖЕ

Мне снова хочется в Париж,
Где много музыки и света,
Где возле Эйфеля стоишь...
Ах, эта башня, что ракета!
Войдя в ее косую тень,
Устав галопом по Европам,
Приятно наблюдать весь день
Все, что кружит калейдоскопом,
Что ударяет по глазам,
А иногда на метр пониже,
Толчком напоминая вам:
Ищите женщину в Париже!

Какие краски и цвета,
Причесок, поз разнообразье...
Быстролетяща красота
С порочной синевой в подглазье.
Ах, эти жаркие глаза,
Ах, эти талии и бюсты, -
Как виноградная лоза
Среди моркови и капусты.
И день не зноен, но горишь
Дремучим пламенем... Пойди же
И опровергни мысль, малыш:
Ищите женщину в Париже!

В Стокгольме, Лондоне, Чите,
Иль, скажем, в Екатеринбурге
Задором женщины не те...
А этих - похищали турки,
Арабы, персы, зная толк
В любовных ласках горожанок,
Шуршащий сбрасывали шелк
С полубезгрешных парижанок.
А через несколько недель
От них шарахались они же -
Что гильотина, что постель...
Ищите женщину в Париже!

Пусть «Мона Лиза» в Лувре есть, -
Прекрасны женщины живые.
Нужны духи, стихи в их честь,
Любовь, измены ножевые,
А потому спокон веков,
Не без особенной причины, -
Скажу без всяких дураков, -
В Париже ценятся мужчины.
О «голубых» не говорим -
Нам женский пол прелестный ближе.
Чистосердечно повторим:
Ищите женщину в Париже!

Во всех газетах адреса,
И телефоны, и тарифы,
Арабских сказок чудеса
Вам предлагаются - не мифы.
А коли франки есть - на рифы
Ваш бриг не сядет никогда, -
Оближут ласковые фифы
Все, что возможно, господа.
Их темперамент доведет
Любого до любовной грыжи.
Жить не хотите без забот? -
Ищите женщину в Париже!

Работа древняя в чести,
И СПИД - болячек всех моложе.
Грехи им, господи, прости...
Я о других, что любят тоже,
Но их любовь и есть любовь,
А не продажная работа...
Вот Жан опаздывает вновь, -
Ей в Сену броситься охота.
Он припаркует свой «Рено»
И поцелует: «Не реви же!».
Я видел это не в кино.
Ищите женщину в Париже.

Ах, у нее глаза, как лед,
И опшениченные брови, -
Она в России не живет,
Хотя прописана в Серове,
Где обезличены дома
Архитектурой бездарной.
Твои тома, отец-Дюма,
Скупая по цене базарной,
Она, скупая на слова,
Тебе внимает... Ври ей, ври же,
Что лишь в Париже жизнь нова -
«Ищите женщину в Париже!»

ПОСЫЛКА

Пусть я всегда искал не там -
Свою ошибку ясно вижу.
И не твержу уже, мадам:
«Друзья мои, шерше ля фам! -
Ищите женщину в Париже!»

Любовь Ладейщикова

Л. Ладейщикова

...Покуда трясла я своей ветеранской сумою,
Пока сердобольную булочку молча пекла,
Покуда решила: «Возьму, будет внучкой седьмою»...
Как вихрь, - неизвестность пылинку с дороги смела...

С тех пор по ночам меня ангел ручонкою манит,
А я виновато шепчу: «Сохрани и спаси!»
...И скольких сирот ещё хищное время обманет?
И скоро ль инстинкт материнский вернётся к Руси?

СИРОТЫ РОССИИ

Бродяжка, беглянка, не просит у вас подаянья,
Живёт, словно ангел, на землю сошедший с небес.
Сироты России!.. Потерян инстинкт сострадания –
И к нищей судьбе у господ нулевой интерес.

Но девочка верит, покуда ей отроду восемь,
Что мама найдётся... Вокзалы... Подвалы... Детдом...
Живите спокойно, она ваших денег не просит -
Стервозные дамочки под бриллиантовым льдом.

ПРОВОДЫ

И этот год, летящий в никуда
И тысячи других скользнувших в лету,
Уже не возвратятся никогда,
Став лишь скрижальной памятью поэта,

Но я продлю их азбучную жизнь,
Хотя сотрутся корешки у книжек...
Так много будет планетарных тризн,
Что к истине – скупая вечность ближе,

Но горные вершины пирамид,
Улавливая молнии событий,
Слов вспомнят смысл, а это говорит,
Что Космос жить не сможет без открытий,

И, как Вселенной плоть с кипящей мглой,
И гулким подземельем мезозоя, -
История повязана со мной
Рифейским швом и каменной слезою.

И, провожая время в никуда,
В оранжевый зрачок огня и света, -
Гляжу и вижу: новая звезда
Рождается и новая комета.

СЕЗОН

Представить человек свою не смеет смерть,
Хотя она повсюду ходит рядом...
Но стоит, осмелев, в глаза ей посмотреть –
Увидишь мир теней потусторонним взглядом.

Назад дороги нет – сольёшься с листопадом
И ветром, чтоб мечту о будущем стереть,
Но память о любви - пробившись хоть на треть –
Пусть на костях цветёт! Пускай зовётся садом!

Всегда взглянуть на вечность есть резон,
Вчерашний лист летит за горизонт,
Куда ушли миры и поколения...

Что наша жизнь? – Всего один сезон!
Но каждый неизбежностью пронзён –
Цвести, презрев трагедию забвенья.

ЗАТАИВ ДЫХАНИЕ

С восхищеньем принимаю роды –
Взрывы почек, выстрелы травы...
Лишь три дня младенческих – природы
Так прозрачно – зелены, увя...

Оттого-то, слез не замечая,
В берестяных снах и наяву,
Затаив дыхание, встречаю
Я новорожденную листву.

Константин Савельев

К. Савельев

Мои года - моё богатство

Р. Рождественский

В круговороте бытия
Считая двери и пороги,
Мы напеваем - ты и я -
«Мои года - мои налоги».
В круговороте бытия
Мы напеваем - ты и я -
«Мои года - мои налоги».

Мечтая ухватить звезду,
Меняем цели и дороги,
И тихо шепчем на ходу:
«Мои года - мои налоги».
Мечтая ухватить звезду,
Негромко шепчем на ходу:
«Мои года - мои налоги»

И быются лучшие умы,
Как «сделав деньги», «сделать ноги»,
Чтоб не тюрьмы, и не сумы...
Мои года - мои налоги.
И быются лучшие умы,
Чтоб не тюрьмы, и не сумы...
Мои года - мои налоги.

Трын-трава на пепелище -
Вот моя война.
Как-то странно всё, дружище,
В эти времена.

Утро, вечер - на пределе
Злобной кутерьмы.
Кто не прав на самом деле:
Время, или мы?..

Подготовила Е.М. Сурина

НОВЫЕ КНИГИ ПО ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТОЛОГИИ, СОЦИОЛОГИИ И ПРАВУ

Сурина
Елена Михайловна

Заведующая научной
библиотекой Инсти-
тута философии и
права УрО РАН, доцент
МАДИ

Алексеев С.С. Крушение права: Полемические заметки / С.С. Алексеев. – Екатеринбург : Ин-т частного права, 2009. – 29, [3] с.

Обеспокоенность тяжелым глобальным кризисом подтолкнула автора к тому, чтобы под новым углом зрения вновь обратиться к раздумьям о роли права в жизни общества.

Аллаярова В.С. Научные знания в системе культуры: социально-философский аспект / В.С. Аллаярова ; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права ; отв. ред. К.Н. Любутин. – Екатеринбург : УрО РАН, 2008. – 279, [3] с.

Монография посвящена проблемам взаимосвязи научного знания и культуры, их роли в жизни общества и отдельной личности, в формировании научного мировоззрения.

Исследованы историко-социальные функции науки и культуры, место научного знания в системе культурной деятельности, политической культуры, в определении статуса личности и гражданского общества. Изучены особенности взаимосвязи научного знания и философско-религиозного мировоззрения, их роль в воспитании национального самосознания личности. С позиций культурологического подхода проведен анализ функций научного знания и научной информации в формировании интеллектуального багажа личности, в становлении культуры развития материального производства.

Книга адресована ученым-обществоведам, культурологам, аспирантам и студентам гуманитарных вузов.

Ашихмина Я.Г. Выборы губернаторов в России: конкурентность и предсказуемость (1991 – 2005 г.г.) Екатеринбург: УрО РАН, 2010 – 168 с.

Научное исследование представляет собой оценку опыта прямого избрания глав субъектов РФ.

Данное исследование на примере 250 избирательных кампаний по выборам глав субъектов РФ вводит и развивает концепты конкурентности и предсказуемости выборов, а также на основе их сочетаний применительно к отдельным случаям систематизирует огромное разнообразие типов и видов выборов губернаторов в России.

Богомяков В.Г. Дискурс политики третьего тысячелетия – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2010. – 140 с.

В книге автор анализирует некоторые образы будущего, различающиеся по степени радикальности перспектив развития человека, общества и политики. В работе показывается сущность социальной необходимости дискурса социального будущего. Деланье будущего – оптимальная футурологическая метафора, поскольку в будущем нет никакого фатализма; оно зависит от нашего сегодняшнего выбора. Полноценное предвидение будущего, по мнению автора, должно избегать упрощенных оптимистическо-пессимистических схем. Изживание страха перед будущим приводит к его видению во всей сложности, противоречивости и поразительной новизне. Образ возможного будущего является важнейшим моментом в конструировании нашей идентичности, которая всегда имеет множество уровней. Разные уровни идентичности могут обладать различными векторами и, соответственно, ориентироваться на разные футурологические матрицы.

Гуманитарные исследования на Урале и социальная практика : всерос. науч. конф., Екатеринбург, 25–26 окт. 2010 г. / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т ист. и археологии, Мин. образ. и науки РФ. ГОУ ВПО «Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького». – Екатеринбург, 2010. – 323 с.

В сборник вошли доклады и сообщения участников конференции, посвященные актуальным проблемам гуманитарных исследований в области истории, философии и права, филологии, культурологии и искусствоведения, их использованию в современной социальной практике.

Материалы конференции адресованы ученым, преподавателям, представителям органов власти и управления, работникам сферы образования, науки и культуры.

Дискурсология: методология, теория, практика : Докл. Третьей Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию студенческой революции 1968 г. и корифеям Франкфуртской школы, 2 окт. – 19 дек. 2008 г., Россия – Мексика : Т. II / Ин-т философии и права УрО РАН, Междунар. акад. дискурс-исследований, Свердл. и Челяб. отд-ния РАПН и др. ; под общ. ред. О.Ф. Русаковой, В.Е. Хвощева, М.А. Малышева. – Екатеринбург, Челябинск : ИД «Дискурс-Пи», Южно-Урал. гос. ун-т, 2009. – 381, [1] с.

Настоящее издание включает доклады участников Третьей Международной научно-практической конференции «Дискурсология: методология, теория практика», посвященной 40-летию студенческой революции 1968 г. и корифеям Франкфуртской школы, заседания которой прошли со 2 октября по 19 декабря 2008 г. в Институте философии и права УрО РАН, в Уральском государственном университете им. А.М. Горького, в Тюменском государственном университете, в Южно-Уральском государственном университете, в Гуманитарном университете, в Уральском государственном университете путей сообщения, в Омском государственном университете им. Ф.И. Достоевского, в Институте международных связей, в Уральской академии государственной службы, Автономном Университете Штата Мехико, Национальном Автономном Университете Мексики, Национальной Школе Антропологии и Истории, Высшем Институте Наук об Образовании Штата Мехико, при учас-

тии Академического корпуса «Современная Философия» Автономного Университета Штата Мехико.

Дискурсология: методология, теория, практика (Discursologia, teoria, practica) : доклады четвертой Международной научно-практической конференции; ноябрь–декабрь 2009 года. Россия-Мексика / под общей редакцией М.А. Малышева, О.Ф. Русаковой, В.Е. Хвощева. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. – 552 с.

Настоящее издание включает доклады участников четвертой Международной научно-практической конференции «Дискурсология: методология, теория практика», заседания которой прошли в ноябре – декабре 2009 г. в Институте философии и права УрО РАН, в Южно-Уральском государственном университете, Национальном Автономном Университете Мексики, Автономном университете Штата Мехико, Национальной Школе Антропологии и Истории. Высшем Институте наук об Образовании Штата Мехико, при участии Академического корпуса «Современная Философия» Автономного Университета Штата Мехико.

Издается при участии Юго-Восточного института геополитики и Челябинского отделения Российской ассоциации политической науки.

Дискурс-Пи : науч.-практ. альм. Вып. 8: Дискурс глобальных социокультурных коммуникаций / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права, Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, Екатеринбург. обществ. благотворит. фонд «Дом ученых» и др. ; гл. ред. О.Ф. Русакова. – Екатеринбург, 2009. – 190, [2] с.

Дискурс травелога : [Сб. ст.] / Ин-т междунар. связей, ИД «Дискурс-Пи», Урал. фин.-юрид. ин-т ; авт.-сост.: О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. – Екатеринбург, 2009. – 191, [1] с.

Книга посвящена актуальному разделу современных дискурс-исследований – дискурсу травелога. Авторы обращаются к его различным аспектам: методологическим, историческим, культурно-антропологическим. В сборнике представлены доклады участников конференций «Дискурс травелога» (г. Санья, о. Хайнань, КНР, 31.01–12.02 2008 г.) и III Международной науч-

но-практической конференции «Дискурсология: Методология. Теория. Практика» (Екатеринбург–Челябинск, 2008).

Дьякова Е.Г. «Машина как машина»: отношение жителей мегаполиса к новым информационным технологиям / Е.Г. Дьякова, А.Д. Трахтенберг ; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права ; отв. ред. Русакова О.Ф.; науч. ред. сер.: В.Н. Руденко, К.В. Киселев. – Екатеринбург : УрО РАН, 2009. – 155, [5] с. – (Феноменология полит. пространства).

Монография подготовлена по итогам качественного социологического исследования отношения жителей г. Екатеринбурга к новым информационным технологиям. Особое внимание в работе уделено изучению восприятия рядовыми пользователями компьютеров и Интернета по преодолению «информационного неравенства».

Книга адресована специалистам по информатизации органов государственной и муниципальной власти и бизнеса, а также политологам информационной революции.

Емельянов Б.В. Русская мысль по-русски и по-испански / Б.В.Емельянов, М.А.Малышев. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2010. – 224 с. (Двуязычный диалог).

В сборник включены статьи о русских философах (Н.А.Бердяев, Л.Н.Толстой, М.М.Бахтин и др.), написанные на русском и испанском языках.

Звиревич В.Т. Типы античных концепций человека: курс лекций: учеб. Пособие / В.Т. Звиревич. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2010. – 144 с.

Учебное пособие дает обобщенную, в виде типологии, картину античных представлений о человеке. Высказывания философов дополняется выдержками из произведений древнегреческой и римской литературы. Теоретическая перспектива античной антропологии показана посредством привлечения положений антропологов и психологов XX в.

Для студентов философского факультета, а также студентов тех факультетов, где изучается история философии.

Казанцев М.Ф. и др. Алексеев Сергей Сергеевич : Правовед, Мыслитель, Публицист: Биобиблиография : К 85-летию со дня рождения ученого / М.Ф. Казанцев, В.Н. Руденко, Е.М. Сурина ; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права ; отв. ред. В.Н. Руденко. – Екатеринбург : Ур РАН, 2009. – 466 с., 1 л. портр. : фотогр.

О жизни и деятельности выдающегося российского правоведа, доктора юридических наук, профессора, члена-корреспондента РАН Сергея Сергеевича Алексеева. Рассказывается об основных жизненных вехах ученого, приводятся документы, связанные с его деятельностью, показана роль в становлении частного права в России, создании Конституции и Гражданского кодекса. Составлена самая полная библиография произведений С.С. Алексеева, насчитывающая более пятисот записей, а также библиография публикаций о нем. Представлено более ста фотографий, в том числе редких и ранее не публиковавшихся.

Научным работникам, преподавателям, студентам, всем, интересующимся правом, философией, историей науки.

Казанцев М.Ф. Региональное законодательство России: проблема качества / М.Ф. Казанцев ; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права. – Екатеринбург : УрО РАН, 2009. – 328, [2] с.

Монография посвящена исследованию проблемы качества регионального законодательства – основной современной проблемы в сфере правотворчества субъектов Российской Федерации как для федеральных и региональных органов власти, так и для юридической науки. Рассмотрены правовая природа, тенденции развития, критерии качества регионального законодательства и факторы, его обуславливающие. Проанализирован уровень качества регионального законодательства по отдельным его параметрам, в частности по таким как системность, полнота и внутренняя согласованность. Сформулированы научно-методические рекомендации по совершенствованию регионального законодательства.

Адресована органам государственной власти, должностным лицам и специалистам, занятым

в сфере правотворчества субъектов Российской Федерации, а также научным работникам, исследующим проблемы законодательства и правотворчества, преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов и факультетов.

Коряковцев А.А. Философия социальной работы (Идейные и исторические предпосылки социальной работы) / А.А. Коряковцев; Урал. гос. мед. акад. Росздрава ; отв. ред. К.В. Кузьмин. – Екатеринбург, 2008. – 189, [1] с.

В монографии представлен альтернативный нетрадиционный подход к анализу философских проблем социальной работы, соотношения ненаучного и научного сознания, трактовки гуманизма и философско-антропологических основ теории социальной работы. Особое внимание автор уделяет вопросам применения философской антропологии Л.Фейербаха и К.Маркса к пониманию социальной работы как особого вида общественной практики и профессиональной деятельности. В монографии также представлены специфические характеристики доинституционального и институционального этапов развития социальной работы.

Для ученых, преподавателей кафедр социальной работы вузов, студентов, обучающихся специальности «Социальная работа», практических социальных работников, а также студентов медицинских специальностей и преподавателей медицинских вузов, занятых подготовкой кадров для системы здравоохранения.

Лобовиков В.О. «Ниццета философии» и возможность ее преодоления «цифровой метафизикой»: Дискретная математическая модель ницшеанской философии сознания, религии, морали и преступления / В.О. Лобовиков; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права ; отв. ред. А.В. Перцев. – Екатеринбург : УрО РАН, 2009. – 460, [2] с.

Монография посвящена критическому анализу философии Ф. Ницше, точнее, его философии сознания, религии, морали, права и преступления. В отличие от обширной историко-философской и филологической литературы о Ф. Ницше, его философия впервые исследуется не так, как она дана непосредственно в его текстах, а на уровне

ее дискретной математической модели, представленной не на естественном, а на искусственном языке. Некоторые идеи Ф. Ницше существенно уточняются, а некоторые систематически критикуются в самом общем и абстрактном виде с помощью «цифровой метафизики» – дискретной математики философии, то есть посредством приложения строгого языка, точных понятий и методов дискретной математики к философии.

В данной монографии критикуется естественный язык философии Ф. Ницше как источник многочисленных логических ошибок, лингвистических недоразумений и иллюзий, закономерно приведших к печальным последствиям как в теории, так и на практике. Для обозначения того плачевного состояния философии, к которому привели эти логико-лингвистические ошибки, недоразумения и иллюзии, порожденные естественным языком Ф. Ницше, в книге словосочетание «ниццета философии» использовано как гибрид «ниццеты философии» и «философии Ницше». В работе всесторонне изучена и отчасти реализована возможность преодоления «ниццеты философии» с помощью «цифровой метафизики» (дискретной математики философии).

Книга адресована научным работникам, преподавателям и студентам философских и юридических факультетов. Она будет полезна для преподавания и изучения учебных курсов «Философия», «История философии», «Этика», «Философия религии», «Философия права», «Криминология».

Любути́н К.Н., Кондрашов П.Н. Историческая феноменология бесчеловечности / К.Н. Любу́тин, П.Н. Кондрашов; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права; отв. ред. Русаков В.М. – Екатеринбург: УрО РАН, 2010. – 248 с.

В монографии на основе философской теории Карла Маркса исследованы различные формы бесчеловечности, конституирующиеся в ходе исторического развертывания общественной практики в условиях отчуждения. Понимая под человечностью всестороннюю диалогическую взаимосвязь человека с миром, авторы показывают, как в условиях современного западного и российского общества эта всесторонность постепенно редуцируется к одному единственному

отношению – отношению обладания и потребления, которое радикально обезчеловечивает бытие индивидов, начиная с внешних форм их существования вплоть до глубинного духовно-экзистенциального отчуждения.

Книга адресована философам, социологам, политологам, всем, кто интересуется развитием теоретического наследия К. Маркса сегодня.

Любути́н К.Н., Коряковцев А.А. Дialeктика Людвиг Фейербаха / А.А. Коряковцев, К.Н. Любути́н ; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права ; отв. ред. Черепанова Е. С. – Екатеринбург : УрО РАН, 2010. – 220 с.

Монография представляет собой оригинальное исследование становления и природы диалектики как метода рационального мышления. Вопреки устоявшемуся мнению, рождение диалектики авторы связывают не с античной философией, а с немецкой философской классикой. Философию Л. Фейербаха они рассматривают в качестве ее зрелой формы, устанавливая методологическое единство феербахианства со взглядами К. Маркса. Раскрывая содержание классического марксизма, они подчеркивают его связь с диалектической антропологией Л. Фейербаха.

Мартьянов В.С. Политический проект Модерна. От мироэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире / В.С. Мартьянов. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. 359 с.

Книга посвящена анализу динамики институтов, смыслов и целей российского общества в постбиполярном мире. Рассматривая социально-политические трансформации Современности, автор доказывает, что прощание с Модерном преждевременно. Утопических альтернатив равновеликих Модерну-Современности, Демократии и Капитализму в глобальном масштабе так и не появилось. С другой стороны, стратегия консервации актуального статус-кво все более дискредитирует российский Модерн. Поэтому российское общество нуждается в консолидации посредством легитимирующих утопий и проектов, апеллирующих к будущему. Иначе более справедливое будущее просто не возникнет взамен слишком многих не

устраивающего настоящего. Работу отличает полемическая направленность многих оценок и выводов.

Издание адресовано политикам и обществоведам, а также широкой публике, интересующейся актуальными социально-политическими проблемами и процессами в России и современном мире.

Михалева А.В. История ислама в Пермской губернии, области, крае / А.В. Михалева ; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права, Перм. филиал по исследованию полит. ин-тов и процессов. – Пермь : ООО «Изд-во ИП», 2009. – 106, [2] с. : ил.

Данная книга является первой попыткой воссоздания региональной истории ислама в Прикамье и рассказывает о его роли в жизни местных народов, условиях существования и взаимоотношениях с властью. Многие факты из жизни мусульманского регионального сообщества вводятся в научный оборот впервые

Издание может быть полезно историкам, религиоведам, политологам, культурологам и самим верующим – всем тем, кто интересуется историей ислама.

Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 9 / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права ; гл. ред. В.Н. Руденко ; ред. кол.: С.Е. Вершинин, А.В. Гайда, В.О. Лобовиков и др. ; отв. за вып.: М.Ф. Казанцев, К.В. Киселев, В.С. Мартьянов. – Екатеринбург : УрО РАН, 2009. – 565, [1] с.

В девятом выпуске Научного ежегодника Института философии и права УрО РАН представлены статьи сотрудников, докторантов и аспирантов Института, выполненные в 2008 г. и в начале 2009 г. в области философии, политической науки, права в рамках трех основных направлений фундаментальных научных исследований, разрабатываемых коллективом Института: политическая философия в глобализирующемся мире, современные политические теории и методология политической науки; правовые институты и процессы в России и мире, включая конституционно-правовые проблемы гражданского участия и договорного регулиро-

вания; современное федеративное государство: междисциплинарный подход.

Нежданов Д.В. Политический рынок и партийный дизайн в современной России: опыт метафорического моделирования становления партийной системы / Д.В. Нежданов. – Екатеринбург, 2009. – 168 с.

Книга в интересной манере научно-популярным языком повествует об опыте формирования российского политического рынка, секретах и принципах политической конкуренции, применяемой ведущими политическими партиями, на основе проекции достижений теории рынка в плоскость современной политики. Автора отличает творческий подход в моделировании новых политологических понятий, последовательность, иллюстративность и доступность изложения результатов исследования в области политического анализа тенденций формирования партийного рынка и практики применения политических технологий и электоральной конкуренции в современной России.

Книга обобщает опыт становления российского пространства власти и ведущих политических партий на последние 16 лет. Она рассчитана на самый широкий круг читателей: политиков, бизнесменов, журналистов, консультантов, специалистов по связям с общественностью, студентов и преподавателей гуманитарных специальностей, всех, кто интересуется механизмами ведения политической борьбы.

Новые идеи в научной классификации: Кол. моногр. / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права. Каф. философии ; под ред. Ю.И. Мирошникова и М.П. Покровского. – Екатеринбург : УрО РАН, 2010. – 632 с. – (Философские проблемы науки и культуры; Вып. 5).

Настоящий выпуск посвящен философским, методологическим и конкретно-научным вопросам классификации, истории становления и развития способов классифицирования, его особенностей в естественных и гуманитарных, фундаментальных и прикладных науках. Значительное внимание уделяется различным аспектам классификационного движения в нашей стране, возникшего в 70-е гг. прошлого века.

Сборник завершается материалами «круглого стола», посвященного 90-летию известного российского философа члена-корреспондента РАН М.Н. Руткевича.

Книга адресована философам, научным работникам, аспирантам, студентам вузов и тому кругу читателей, которые интересуются проблемами истории и философии науки.

Права человека: Энциклопедический словарь / отв. ред. С.С. Алексеев. – М. : Норма, 2009. – 654, [2] с.

Представляемое вниманию читателей издание – первый в отечественно-правовой науке энциклопедический словарь, посвященный правам человека. Он содержит более 500 терминов и понятий, используемых в истории, философии и политологии прав человека, теории и практике прав человека, международном праве прав человека. В словарь включены основные международные стандарты по правам человека, а также основные организации и институты по защите прав человека на международном и национальном уровнях. Структура словаря составлена на основе учета новейших исследований в науке прав человека: история, теория, философия и политология прав человека, государственные и негосударственные механизмы защиты прав человека, судебная и международная защита прав человека, образование и просвещение в области прав человека и др.

Для преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений, юристов-практиков, представителей государственных и неправительственных институтов, организаций, учреждений по защите прав человека, а также для всех, кто интересуется проблемами теории, истории и практики прав человека, правовой культуры и правового государства.

Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ / О.Ф. Русакова, В.М. Русаков; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права; Ин-т междунар. связей; отв. ред. Любутин К.Н. – Екатеринбург: УрО РАН, Ин-т междунар. связей, 2008. – 339, [1] с.

В книге впервые в отечественной литературе введено в оборот понятие PR-дискурса, проведен

анализ разнообразных видов и форм PR-деятельности с позиции дискурсного подхода. Подробно рассматриваются лингвистические, кратологические, семиотические, социально-коммуникативные и постмодернистские трактовки дискурса, которые выступают теоретической базой для исследования свойств и черт PR-дискурса. Согласно авторам, PR-дискурс представляет собой знаково-символическую деятельность, осуществляемую в публичном коммуникативном пространстве, в ходе которой реализуются функции формирования символического, социального и утилитарного капиталов.

Вниманию читателей предлагается шестиплановая структурная модель PR-дискурса, которая раскрывается на основе анализа публичной коммуникации. Представлены теоретические модели дискурсов шоу-политики, презентации, имиджа и бренда. Отдельно рассмотрены жанры институционального PR-дискурса – корпоративного, научного, религиозного.

Издание адресовано обществоведам, специалистам в области PR и массовых коммуникаций, а также преподавателям и студентам гуманитарных наук.

Русская философия: историко-философские дескрипты: к 75 летию проф. Б.В. Емельянова / [науч. ред. А.В. Перцев]. – Екатеринбург: Изд. Дом «Ажур», 2010. – 464 с.

Сборник, посвященный юбилею профессора Б.В. Емельянова, включает исследования маститых и молодых ученых – его коллег и учеников, историков русской философии, известных в нашей стране и за рубежом.

Рязанова С.В. Архаические мифологемы в политическом пространстве современности : монография / С.В. Рязанова ; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2009. – 326 с.

В монографии рассматриваются проблемы присутствия архаического компонента в современном политическом пространстве. В качестве объектов исследования выбраны новые системы верований как активно формирующие мировоззренческую систему и провоцирующие тем самым изменения в политическом сознании, а также наиболее яркие варианты политических

мифологий XX в. как носителей архаического начала в политике.

Книга предназначена для религиоведов, политологов, культурологов, аспирантов и студентов гуманитарных специальностей, а также интересующихся теорией мифа и политики.

Степанова Е.А. Проблема толерантности в межконфессиональных отношениях : Курс лекций. В 2 т. / Е.А. Степанова ; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. – (Приоритетный нац. проект «Образование». Толерантность).

Т. 1 : История идей толерантности. – 217, [3] с.

В первом томе учебного пособия анализируются теоретические основания толерантности в религиозной сфере. Исследуется проблема толерантности раннего христианства, возникновение ислама и история противостояния христианства и ислама с VII по XX в. Значительное место уделено становлению идей толерантности в христианстве в Средние века, эпоху Возрождения, период Реформации и эпоху Просвещения. Также рассматривается теория толерантности в философии Нового времени.

Т. 2 : Межрелигиозный диалог в современном мире. – 272, [2] с.

Во втором томе учебного пособия рассматривается состояние мировых религий (христианства, иудаизма, ислама) и взаимоотношения между ними в XX – начале XXI в. Описывается ситуация религиозного плюрализма в современном мире, которая неизбежно выводит на первый план задачу толерантного сосуществования людей разных вер и культур. Излагается теория и практика мультикультурализма, освещаются проблемы и состояние межрелигиозного диалога.

Для студентов, изучающих международные отношения, религиоведение, политическую философию, и для всех интересующихся историей и современным состоянием межрелигиозных отношений.

Филиппова Н.А. Представительство публичных интересов в федеративном государстве: особенности российской национальной модели / Н.А. Филиппова ; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т

философии и права ; отв. ред. В.Н. Руденко. – Екатеринбург : УрО РАН, 2009. – 394, [2] с.

Представительство и согласование публичных интересов рассматривается как социальная основа федеративного государства, существенная характеристика его конституционно-правовой природы, содержание структурных и функциональных федеративных отношений. Исследованы конституционно-правовые институты, обеспечивающие конституционное представительство и посредничество в структуре публичных территориальных интересов. Выделены делегативная и функциональная модели представительства интересов субъектов федераций в парламенте федеративного государства.

Автором дана комплексная характеристика российской конституционной модели бюджетного и исполнительного федерализма. Систематизированы формы российского федеративного процесса. Предложена характеристика всех аспектов федеративной реформы 2003–2008 гг.: «реформы полномочий», реформы межбюджетных отношений и реформы договорной модели исполнительного федерализма.

Монография адресована экспертному сообществу: юристам, политологам, социологам, специалистам в сфере правотворчества, широкому кругу общественности, интересующейся проблемами федерализма и представительной формы правления в России.

Законодательство Российской Федерации приведено по состоянию на 15 декабря 2008 г.

Фурман Ф.П. Философские основания дискурсивно-идеологического комплекса народничества: историко-философский анализ: Монография. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. Гуманит ун-та, 2010. – 207 с.

Монография посвящена актуальной теме исследований идеологии русского народничества современными методологическими средствами дискурс-анализа. Накопленный опыт изучения истории, теории и практики русского народничества выдвигает проблему комплексного исследования этого мощного социально-политического движения и культурного явления в истории России XIX в., оказавшего огромное влияние на развитие страны. Дается определение понятия

дискурсивно-идеологического комплекса, анализируются его структурные элементы («народ», «новые люди», «воля», «земля» и т.п.), раскрывается противостояние конкурирующим дискурсам (консервативно-охранительскому, либеральному, социал-демократическому).

Чесноков А.С. Политика регулирования миграционных процессов во второй половине XX – начале XXI века / А.С. Чесноков; [науч. Ред. Н.А. Комлева]. – Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2009. – 166 с.

В монографии обобщен значительный стратегический материал. Касающийся современных глобальных миграционных трендов; проанализированы международные документы, касающиеся политического регулирования в миграционной сфере.

Особое внимание уделено изучению политики возвращения соотечественников и поощрения реэмиграции и проблемам регулирования вынужденных миграций. Проведен сравнительный анализ процессов и механизмов регулирования миграций в Российской Федерации и США.

Шишкин М.И. Философия научного планового управления обществом / М.И. Шишкин. – Ижевск : Ассоциация «Науч. кн.», 2008. – 277, [1] с. : ил.

Появление книги связано с ответственностью ученого перед обществом. Представляет собой продолжение начатой серии публикаций «Отчет перед внуком» в связи с 50-летием трудовой и 35-летием научной деятельности автора.

Автор книги, общественный и государственный деятель Удмуртии, ученый, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, заслуженный деятель Удмуртской Республики, излагает свои размышления по узловым проблемам развития русского общества на перспективу, фундаментом которого является экономика. Излагается в форме научной публицистики. Исследуется этап от начала перестройки погорбачевски, российские «реформы» в период Б.Н. Ельцина, стабилизации и укрепления российской экономики в последние годы. Работа посвящена поиску стабильных механизмов развития России в будущем.

This image shows a vertical rectangular sheet of white paper. It features numerous horizontal dotted lines spaced evenly apart, running from left to right across the entire width of the page. The lines are thin and light gray or black, typical of standard notebook paper. There are no margins, text, or other markings on the page.

Дискурс Пи. Выпуски 9–10: Дискурс виртуального мира – Дискурс травелога / Под редакцией О.Ф. Русаковой. Екатеринбург, 2010 – 390 с.

ISSN 1817-9568

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом
Института философии и права
Уральского отделения
Российской Академии наук*

Екатеринбург, 2010

Главный редактор
О.Ф. Русакова

Дизайн-макет
А.А. Панов
Дизайн обложки
В.В. Русаков
Компьютерная верстка
GEO

Подписано в печать
15.12.2010
Формат 60 x 84 1/8.
Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 48
Тираж 500.
Отпечатано в типографии ООО ИРА УТК.
620219,
г. Екатеринбург,
ул. Шаумяна, 93.
Заказ № 000

Тема следующих выпусков (2011 г.):

«Дискурс Soft Power»

«Дискурс прошлого и будущего»

«Гуманитарный дискурс»

«Гипертекст»